

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

4

Феникс ♦ Atheneum
Москва-С.-Петербург

1994

ББК 83.3Р 1
8 Р 1
Л-659

Редактор-составитель Н.И.Осьмакова

Л-659 Лица: Биографический альманах. 4. — М.; СПб.:
Феникс: Atheneum. 1994. 480 с.; ил.

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-050-9

В настоящем томе альманаха собраны неопубликованные материалы к биографиям деятелей культуры XIX в.: дневники и воспоминания сына Л.Н.Толстого — Льва Львовича о сложной обстановке яснополянского дома; московский фольклор о Пушкине, Гоголе и Толстом; генеалогические исследования о писателях прошлого века. Среди других тем выпуска: неизвестные источники гоголевской прозы; жандармский офицер в роли издателя; исследования о судьбах С.А.Рачинского и В.С.Печерина; рассказ няни Д.И.Писарева; свидетельство о похоронах Чехова; очерки о литераторах-поденщиках и о творцах книг массового спроса, и другие материалы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей русской культуры.

Л $\frac{4702010200 — 002}{Д 20 (03) — 94}$ 94 без объявл.

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

ISBN 5-85042-046-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-050-9

© «Феникс», 1994

A stylized, bold black letter 'P' logo. The vertical stem is thick and rounded at the bottom. The top horizontal bar is thin and slightly angled downwards to the left. The right side of the stem is also slightly angled.

Портреты

АЛЬМАНАШНИК ИЗ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

В 1836 ротмистр Владиславлев, кавалерист, боевой офицер, участник польской и турецкой кампаний, был переведен из Бугского уланского полка в Отдельный корпус жандармов и назначен адъютантом к Леонтию Васильевичу Дубельту, начальнику штаба корпуса жандармов, а тремя годами позднее управляющему III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

С точки зрения III Отделения, Владимир Андреевич Владиславлев имел много достоинств. Дворянство его было совсем свежим. Дед его был священником, и лишь отец, дослужившийся по министерству юстиции до надворного советника, в 1807 был «высочайше пожалован с потомством его на дворянское достоинство, приобретенное службою и чинами»¹. Несмотря на стремление графа А.Х.Бенкендорфа придать деятельности III Отделения благородный оттенок, создать ему репутацию благотельного филантропического ведомства, утирающего слезы вдовам и сиротам, служба в тайной полиции не могла украсить потомственного дворянина. Владиславлев мог себе позволить не быть таким разборчивым.

И разборчивым он не был. Сохранился формулярный список Владиславлева, в котором есть запись о начале его служебной карьеры. «В службу вступил дворянином 10 октября 1822 г. в департамент полиции исполнительной Министерств внутренних дел. 31 декабря 1825 г. коллежским регистратором, имея от роду 19 лет, в том же департаменте. 23 июня 1828 г. по прошению уволен от службы»².

С 16 лет Владиславлев пошел служить в полицейский департамент и прослужил в нем 6 лет. Если вспомнить восстание декабристов и все, с ним связанное, то время для полицейского ведомства было хлопотливое, работы было много, и Владиславлев за время службы успел усвоить нужные понятия. Дубельт, конечно, знал послужной список своего адъютанта и мог быть уверен в его благонамеренности и благонадежности.

¹ Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч.2. СПб., 1890. С.605.

² ГА РФ. Ф.110. 1 эксп. 1846 г. Д.97. Л.1.

У Владиславлева были и другие достоинства. В 1827, видимо, не очень перегружая себя служебными обязанностями или удачно совмещая их с учебной, он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, после чего уволился из полиции и пошел служить в уланы. Владиславлев был не только университетски образованным человеком, но еще и литератором.

Этот пестрый букет достоинств ротмистра-литератора вряд ли сам по себе привлек бы внимание Дубельта, искавшего себе адъютанта, если бы не счастливая звезда Владиславлева, нашедшего себе покровителя в лице А.Ф.Воейкова, поэта, критика, издателя и весьма своеобразного человека.

Свои рассказы и повести Владиславлев печатал в журнале «Славянин» и газете «Литературные прибавления к "Русскому инвалиду"», принадлежавших Воейкову. Литературные труды Владиславлева вызывали восторг у Воейкова, который охотно предоставлял страницы своих изданий для его сочинений, всячески опекал и рекламировал его как восходящую литературную звезду. Видимо, ободренный поддержкой такого опытного литератора, Владиславлев однажды напечатал в «Славянине» свою пробу пера в поэтическом роде:

А.Г.Ч...кой

(которая свой спензер называла кирасом)

Как мил, как к вам идет кирас;
И не пробьет Амур его стрелой;
Но многих, многих и стальной
Не сбережет от ваших глаз!..

Поэтические достоинства этого послания очевидны, и к чести Владиславлева нужно сказать, что свои стихотворные опыты, если таковые и были, он больше не делал предметом общественного внимания. Что же касается его беллетристики, то и она давала мало оснований для неумеренных восторгов Воейкова.

Это псевдоромантические истории о любви — с роковыми случайностями, подменами, изменами, в результате которых герои и героини умирают от любви, сходят с ума или, распутав сюжетный клубок, благополучно женятся. Герой повести «Пустынный Муромских лесов» князь Надеин (князя, бароны, графини как отечественного, так и иностранного происхождения — обычные персонажи Владиславлева), убитый изменой своей возлюбленной, которая вышла замуж за другого, удаляется в муромские леса и поселяется «в шалаше, построенном между трех сосен». В шалаше «сатиры Буало и разные сочинения против женщин разбросаны были на полке, а портрет прекрасной женщины делал шалаш очаровательным». Герой — «иссохшее лицо,

глубоко впалые глаза» — бродит по лесу вокруг шалаша и «нередко произносит в восторге имя изменницы». Но благоразумие не совсем оставило князя — из его деревень пустынножителю регулярно подвозят провиант, а зимой «трескучие морозы заставляли его возвращаться в свои поместья». На протяжении всей повести автор восторженно сострадает своему измученному герою.

Кроме подобных историй, есть у Владиславлева бытовые сцены из армейской жизни, рассказы об анекдотических происшествиях, бытовых курьезах — в легком роде, с игривым, хотя и несколько вялым сюжетом, местами оживленные бытовой наблюдательностью, житейскими сентенциями и добродушным юмором. Автор не претендует ни на что другое, как только доставить публике легкое приятное чтение. Личностей он не задевает, в отвлеченности не пускается, с поучениями не навязывается, но всегда рад угодить публике, развлечь и утешить ее.

Например, историей о том, как чуть не женился его герой, — познакомившись с девушкой на балу, приехал свататься к ней в деревню и никак не мог понять, что он в ней нашел, — с чем и отъехал («На бале и в деревне»). Или другая история — о некоем бароне, который вместо отрезанной руки — руку он повредил, упав с лошади, — заказал себе механическую руку, которая всем, кто ее пожимал, давала пощечину, отчего у барона сделалась куча неприятностей («Барон фон Флемминг»). Владиславлев забавляет публику рассказом о старом итальянце-капельмейстере, молодая жена которого, забрав его деньги и костыли, сбежала с гусаром («Синьор Мавритацио»). Или случаем с храбрым полковником, который побился об заклад со своей невестой, что не побоится ночью пойти на кладбище, и, услышав на кладбище вздохи и стук костей, упал замертво, а наутро выяснилось, что ночью было землетрясение, но жениха-полковника уже не вернуть («Заклад накануне свадьбы»). Может развлечь читателя и история об офицере, командированном из Малороссии для покупки седел в Петербург, — как он влюбился на улице в прекрасную незнакомку, получил от нее записку с предложением свидания, пришел, но его ожидала другая, старая и толстая, которая распекла и оконфузила его, потому что записка была не от незнакомки и не к нему, после чего герой на женщин даже смотреть не желает и в Петербург ни ногой («Незнакомка»).

Повести и рассказы Владиславлева непритязательны, занимательность сюжета, легкость пера, непринужденность рассказа — тот идеал, к которому он стремится, но которого достигает лишь в удачных местах. В целом же ему нередко изменя-

ют художественный вкус и чувство меры; недостаточная обработка, тяжесть словесной ткани лишают его истории артистичности, воздушности, делают идеал недостижимым.

При этом в повестях и рассказах Владиславлева в характерных авторских обмолвках слышится довольство автора сделанным и довольство собой, порой доходящие до самолюбования, впрочем, ненавязчивого и простодушного. Есть в его рассказах один отчетливый мотив, на который нельзя не обратить внимания, поскольку он кочует из одной истории в другую. Герои Владиславлева, даже умирая от любви, плохо переносят покушения людей и обстоятельств на их бытовой комфорт. От этого комфорта не меньше, чем от любовной удачи, зависит их счастье, — что заставляет предполагать в авторе некоторую склонность к сибаритству.

Почему Воейков так активно двигал эту литературную шашку в дамки — на этот вопрос ответить трудно. Воейков, с его любовью к литературным интригам и мистификациям, не всегда и самому себе мог объяснить мотивы своих поступков. Так или иначе, но Воейков широко открыл для Владиславлева не только двери в литературу, но и двери собственного дома, где бывали знаменитые литераторы и где Владиславлев стал своим человеком. Владиславлев, пишет В.П.Бурнашев, «прослыл литератором, находясь постоянно в обществе Воейкова, славившего его во всю ивановскую, а потом пользуясь приязнью Кукольника и всей братии этого общества»³.

В то время Воейков находился в давних дружеских отношениях с Дубельтом и тоже «славил его во всю ивановскую». В 1830 Воейков писал поэту Ф.Н.Глинке, жившему в Твери: «Ваше добродушие, Ваше великодушие, Ваше снисхождение, бесценный Федор Николаевич, виновато в моей вине в столь долговременном молчании. Одно только могу сказать в свое оправдание: я ждал отъезда в Тверь моего истинного друга жандармского полковника Леонтия Васильевича Дубельта, радовался за Вас и за него, с ним хотел и писать, и словесные сделать ему поручения; но, увы, его услали в Архангельск по страшно-страшному делу между военным и гражданским губернаторами, но у меня все была полная уверенность в том, что по возврате его в Петербург из временной экспедиции он все-таки с прелестным семейством своим определен будет на берега Волги, в город св. благоверного князя Александра Невского. Увы! увы! увы! вместо

³ Петербургский Старожил В.Б. Мое знакомство с Воейковым и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. №10. С.627.

того он временно сделан исправляющим должность дежурного штаб-офицера в штабе корпуса жандармов /.../. Кажется, что мой добрейший Дубельт здесь останется, поелику Александр Христофорович весьма доволен его службою и в особенности Архангельскою поездкою, где он много споспешествовал обнаружению истины»⁴.

Дружескую привязанность к Дубельту Воейков сохранил до последних своих дней и перед смертью назначил его душеприказчиком, поручив Дубельту свои дела и семейство. Можно предположить, что назначение Владиславлева адъютантом к Дубельту не обошлось без посредничества Воейкова, без его рекомендации и желания свести своих друзей. Это только предположение, но взаимное расположение сторон этого «треугольника» дает основания для такого предположения. В письмах своему старому знакомцу А.Я.Стороженко Владиславлев, передавая ему приветы от петербургских знакомых, неизменно сближает эти два имени: «от Леонтия Васильевича, в которого я день ото дня все больше влюбляюсь» и «от нашего доброго знакомого Александра Федоровича»⁵.

Несмотря на неуравновешенный, неуживчивый характер Воейкова, Владиславлев оставался верен их дружбе. Когда овдовевший шестидесятилетний Воейков, самокритично называвший себя «брюзгливым, дряхлым старичишкой»⁶, задумал жениться на женщине, жившей у него в прислугах, переехал на другую квартиру и очень нуждался, Владиславлев, в отличие от многих прежних друзей Воейкова, продолжал навещать его: «Из литераторов один только Владиславлев находился с Воейковым в дружеских отношениях, но и тот отзывался о нем невыгодно и не давал ему денег займы. /.../ Владиславлев, тщетно уговаривавший Воейкова не жениться, принужден, однако, был присутствовать, по его просьбе, на свадьбе как свидетель и рассказывал о ней много комического»⁷. Он был и среди немногих литераторов, пришедших на похороны Воейкова.

Поступив в адъютанты, Владиславлев «очень гордился своею должностью»⁸. Его голубой мундир украшал литературные сборища у Воейкова, литературные вечера П.А.Плетнева и князя В.Ф.Одоевского, утренники А.А.Краевского, литературный салон В.И.Карлгофа. Владиславлев оказался в самых коротких отно-

⁴ Материалы для биографии А.Ф.Воейкова // Русская старина. 1908. №2. С.454.

⁵ Стороженки: Фамильный архив. Т.3. Киев, 1907. С.59, 64, 69.

⁶ Русская старина. 1905. №4. С.684.

⁷ Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950. С.78.

⁸ Там же. С.67.

шениях с Н.В.Кукольниковым, И.И.Панаевым, Краевским, Н.И.Надеждиным⁹ и многими другими литераторами. Не последнюю роль в этой короткости играла опасная близость Владиславле-ка к Дубельту и Бенкендорфу, а также возможность использо-вать его в качестве источника информации и посредника в отно-шениях с III Отделением.

В начале 1837 года студента Петербургского университета И.С.Тургенева пригласил к себе на литературный вечер его про-фессор Плетнев, незадолго перед тем напечатавший первые стихи Тургенева в «Современнике», который Плетнев унаследовал от Пушкина. На этом вечере, где были Воейков, кн. В.Ф.Одоевский, А.В.Кольцов и другие, Тургеневу запомнился «адъютант в жан-дармском мундире, белокурый, плотный мужчина с разноцвет-ными (так называемыми арлекинскими) зрачками, с подобо-страстным и пронзительным выражением физиономии, некто *Владиславлев*»¹⁰. Заговорили о Гоголе и пьесе «Ревизор»: «Пом-нится, все ограничилось тем, что Владиславлев с похвалой цити-ровал из «Ревизора» фразу: «Не по чину берешь!» и при этом сделал движение рукою, как будто поймал муху; как теперь вижу взмах этой руки в голубом обшлаге — и знаменательный взгляд, которым все обменялись»¹¹.

А.И.Герцен, бывая в 1840 на литературных вечерах князя В.Ф.Одоевского, записал свои впечатления: «Там толпились люди, ничего не имевшие общего, кроме некоторого страха и отвращения друг от друга; там бывали посольские чиновники и археолог Сахаров, живописцы и А.Мейендорф /.../, полужан-дармы и полулитераторы, совсем жандармы и вовсе не литера-торы»¹². Известная шутка генерала А.П.Ермолова: «Теперь у каждого или голубой мундир, или голубая подкладка, или хоть голубая заплатка» небезосновательна. Но, говоря о «полужан-дармах и полулитераторах», Герцен скорее всего имел в виду Владиславлева.

Владиславлев, однако, тоже весьма критически оценивал состояние литературы и литераторов: «Литература наша сде-лалась средством добывания денег пронырливым искателям.

⁹ «Владиславлев боялся ума и учености Надеждина; Надеждин, в свою оче-редь, не то чтобы боялся Владиславлева, но оказывал ему особое внимание и ласку по месту служения. Вследствие этого они были в очень коротких отноше-ниях» (Панаев И.И. Указ. соч. С.119).

¹⁰ Тургенев И.С. Литературный вечер у П.А.Плетнева // Собр.соч.: В 12 тт. Т.10. М., 1956. С.268.

¹¹ Там же. С.269.

¹² Герцен А.И. Былое и думы // Собр.соч.: В 30 тт. Т.9. М., 1956. С.30.

Достоинство литератора и журналиста означает у нас числом получаемого им дохода. Истинная оценка и образование талантов в сторону — все зависит от связей и от выгод. Боюсь раскрывать перед Вами нечистую картину литературной деятельности», — писал Владиславлев в 1838 Стороженко¹³. «Смирдинский период» отечественной словесности, как называл его Белинский, действительно породил стаю литературных барышников, «пронырливых искателей» денег, эксплуатировавших даровой писательский труд, и Владиславлев относится к ним со справедливым негодованием.

Разнообразные услуги литераторам Владиславлев оказывал неоднократно и с добродушной готовностью. Он содействовал Краевскому через III Отделение в покупке журнала «Отечественные записки» и в том, что программа журнала, с представления Бенкендорфа, получила высочайшее одобрение, а Краевский был утвержден редактором. Когда в начале 1838 среди литераторов возникла идея устроить торжества по случаю 50-летия литературной деятельности И.А.Крылова, на что также требовалось высочайшее одобрение, они обратились к Владиславлеву. Бенкендорф представил программу торжеств Николаю I, одобрение было получено, и более того, император почтил торжества своим присутствием.

Иметь такого «своего» жандарма литераторам было чрезвычайно удобно.

А.В.Никитенко описал в своем «Дневнике» встречи с Владиславлевым и те услуги, которые тот ему оказывал и которые Никитенко принимал с благодарностью. Цензура «Отечественные записки», Никитенко при всей своей благонамеренности не раз оказывался в шекотливом положении и вызывался для объяснений в III Отделение. Однажды Владиславлев предупредил его о запрещении уже вышедшей в Москве книги Е.Хамар-Дабанова (псевдоним писательницы Е.П.Лачиновой) «Проделки на Кавказе» с критикой административных порядков и злоупотреблений. Московский цензор Н.И.Крылов, разрешивший книгу к печати, был арестован. А в готовом номере «Отечественных записок», который уже рассылался подписчикам, была напечатана одобрительная рецензия на эту крамольную книгу с обширными выписками из нее. Никитенко, предупрежденный Владиславлевым, оперативно принял меры, чтобы рецензия была вырезана из еще не разосланных подписчикам экземпляров, и дело обошлось без последствий.

¹³ Стороженки. Указ.изд. Т.3. С.61.

Услуги литераторам Владиславлев оказывал, но дружбу со службой не путал. В другой раз, когда Никитенко не так повезло и он был вызван в III Отделение, его отчитывал Дубельт в присутствии Владиславлева, который тоже подавал свои осуждающие реплики. Объяснения Никитенко были выслушаны, но во внимание приняты не были, и Владиславлев выписал ордер на арест, с которым Никитенко был препровожден на гауптвахту.

В 1835 и 1838 Владиславлев один за другим выпустил два томика своих «Повестей и рассказов», собранных в основном из того, что он печатал у Воейкова. Критика встретила их с умеренной доброжелательностью. Но он уже вынашивал замысел масштабного литературного предприятия. В историю литературы Владиславлев вошел не своей беллетристикой, о которой все давно забыли, а как издатель замечательного в своем роде альманаха «Утренняя заря».

Удачная мысль издавать собственный альманах посетила Владиславлева в 1838 и, видимо, под влиянием примера Воейкова, который давно занимался издательскими делами и имел в этих делах большой и разнообразный опыт. В ноябре 1837 петербургские литераторы — Крылов, кн. П.А.Вяземский, кн. В.Ф.Одоевский, Плетнев, Краевский, Панаев, Н.А.Полевой, Никитенко, Кукольник и другие получили приглашение «на новоселье» типографии, приобретенной в собственность тремя компаньонами — Воейковым, Владиславлевым и табачным фабрикантом Жуковым. Новоселье было бурным, гости пировали на славу и решили составить в честь такого события сборник из своих сочинений как подарок на новоселье. Компаньоны горячо поддержали идею столь выгодного для них предприятия и изъявили готовность издать сборник. Правда, гостям потом пришлось напоминать об их обещании и предъявлять подписной лист, который они имели неосторожность во время новоселья скрепить своими подписями. Но «Сборник на 1838 год», издание Воейкова и компании, был составлен и вышел в свет, после чего между компаньонами началась ссора, которая закончилась продажей типографии.

Владиславлев и Воейков скоро помирились. Но приобретя в этом, так печально закончившемся предприятии нужный опыт, Владиславлев взялся за собственную альманашную деятельность, и взялся с размахом. Первая книжка вышла под названием «Альманах на 1838 год» и затем, под уже определившимся названием «Утренняя заря», альманах Владиславлева выходил в течение последующих пяти лет по книжке в год: «Утренняя заря. Альманах на 1839 год», «Утренняя заря. Альманах на 1840 год» и так вплоть до последней книжки «Утренняя заря. Альманах на 1843 год».

Время для издания такого периодического альманаха было самое неподходящее. К середине 1830-х «альманачный период», как назвал его Белинский, исчерпал себя. Начавшись с трех книжек «Полярной звезды» К.Ф.Рылеева и А.А.Бестужева, выходявших в 1823-1825 и введших альманахи в моду, этот период породил множество самых разнообразных альманахов — литературных, театральных, музыкальных, дамских, детских. Альманахи выходили и в столицах, и в провинции и под самыми экзотическими названиями: «Календарь Муз», «Русская Талия», «Сириус», «Букет», «Памятник отечественных муз», «Денница», «Гирланда», «Уrania», «Подснежник», «Зимцерла», «Северная лира», «Одесский альманах», «Енисейский альманах», «Украинский альманах». Среди них были и серьезные, и легкомысленные, были периодические и выходявшие от случая к случаю. Альманахи, писал Пушкин, «сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах»¹⁴. Среди лучших литературных альманахов, кроме «Полярной звезды», были «Мнемозина» В.К.Кюхельбекера и кн. В.Ф.Одоевского, выходявшая в 1824-1825, альманах бар. А.А.Дельвига и О.М.Сомова «Северные цветы», восемь книжек которого вышли в 1825-1832, «Альциона» бар. Е.Ф.Розена, выпустившего три книжки в 1831-1833.

К середине 1830-х увлечение альманахами сменилось пренебрежительным к ним отношением. Альманахи, эксплуатируя моду, выродились в коммерческие предприятия и сделались местом сбора литературного мусора, поставляемого третьеразрядными стихотворцами, литературными поденщиками и любителями из офицеров и чиновников. Литераторы «с именем» отказывались в них участвовать, публика потеряла к ним интерес и доверие. В 1834 не вышел наиболее долговечный и стойкий альманах «Невский зритель» — его неутомимый издатель Е.В.Аладьин, выпустивший с 1825 по 1833 годы девять книжек, вынужден был отказаться от продолжения своей альманашной деятельности под угрозой банкротства. Изданный в 1833-1834 кнignoпродавцем А.Ф.Смирдиным альманах «Новоселье» остановился на второй книжке и больше не возобновлялся. Альманахи стали явно невыгодным коммерческим предприятием. Смирдин предпочел вложить свои средства в первый в России «толстый» журнал, основав «Библиотеку для чтения».

Затевать в таких условиях продолжающийся альманах с расчетом на его коммерческий успех — а Владиславлева коммерче-

¹⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. [1837-1937] Т.11. М.; Л., 1949. С.48.

ская сторона дела весьма интересовала — значило надеяться на чудо. Альманах должен был стать необычным, особенным, отличным от своих предшественников, надоевших публике. А чтобы он был в состоянии поддерживать стабильный, не ослабевающий с годами интерес читателей, нужно было прежде всего заручиться участием литературных знаменитостей, преодолев их уже ставшую устойчивой неприязнь к альманахам и альманашникам. И сделать так, чтобы они не просто участвовали, но считали для себя за честь печататься в «Утренней заре» — при том, что Владиславлев платит им не собирався.

Владиславлев на чудо не надеялся, он сам был в своем роде чудотворцем. «Утренняя заря», ежегодно выходившая в канун Нового года, не залеживалась в книжных лавках и быстро расходилась неслыханными прежде тиражами не только в Петербурге и Москве, но и в городах российской провинции. Газетные и журнальные отзывы на альманах Владиславлева из года в год были самые восторженные.

В 1840 Краевский, после очередного выхода «Утренней зари», писал М.Н.Каткову: «Душа моя не терпит этих нищих альманачников, которые ходят по дорогам, поют Лазаря и собирают статьи, а после печатают их — черт знает для чего: книга не книга, журнал не журнал, а так что-то — пуф! Одну "Утреннюю Зарю" должно хвалить, потому что, если не похвалишь, то после придется разделяться чуть-чуть не спиной»¹⁵. В словах Краевского есть своя правда. За спиной Владиславлева стояло III Отделение, и последствия критики его альманаха могли оказаться самыми плачевными. Но успех «Утренней зари» у критики все же имел другие причины.

Единодушные похвальные отзывы рецензентов, среди которых были Ф.В.Булгарин и Белинский, Гоголь и О.И.Сенковский, С.П.Шевырев и М.П.Погодин, Плетнев и Кукольник, Ф.А.Кони и С.А.Бурачек, оправданы как богатством и разнообразием содержания альманаха, так и высокой художественной культурой его издания.

Покупая «Утреннюю зарю», читатель мог быть твердо уверен, что получит самые свежие литературные новинки, вышедшие из-под пера лучших русских поэтов и писателей. В альманахе Владиславлева участвовали В.А.Жуковский, Е.А.Баратынский, кн. П.А.Вяземский, Д.В.Давыдов, Н.М.Языков, А.В.Кольцов, Ф.Н.Глинка, И.И.Козлов, гр. Е.П.Ростопчина, В.И.Даль, В.Г.Бенедиктов, кн. З.А.Волконская, гр. В.А.Соллогуб, М.Н.За-

¹⁵ Литературное наследство. Т.56: В.Г.Белинский: Т.2. М., 1950. С.139.

госкин, кн. В.Ф.Одоевский, Надеждин, Кукольник, Панаев, Кони, Никитенко и многие другие.

Легче назвать тех, кто не участвовал в альманахе Владиславлева. Среди авторов «Утренней зари» нет Крылова. Он сумел уклониться от сотрудничества с Владиславлевым, как прежде уклонился от участия в «Сборнике на 1838 год», изданном Воейковым и компаньонами, хотя вместе с другими гостями пировал на новоселье их типографии. «И.А.Крылов, — писал Владиславлев А.Я.Стороженко, видимо, отказавшись от мысли что-нибудь получить от Крылова, — отдыхает на лаврах /.../ он исполнил свое назначение и имеет полное право до двух часов, ничего не делая, сидеть в своем кабинете и болтать ногами, а вечера проводить в Английском клубе»¹⁶.

Не участвовал в «Утренней заре» Гоголь — он жил в Италии, работал над «Мертвыми душами», в России бывал наездами. Но Гоголь отозвался на альманах одобрительной рецензией.

Не участвовал в «Утренней заре» Белинский, хотя однажды «обещал Владиславлеву в альманах статью о "Каменном госте" в форме письма к другу»¹⁷. Статья не была написана, но Белинский посвятил альманаху Владиславлева пять рецензий, неизменно одобрительных, — Владиславлев посылал «Утреннюю зарю» Белинскому на рецензию.

Не участвовал в «Утренней заре» и Лермонтов — его стихотворения «Валерик» и «Любовь мертвеца», хотя и были впервые опубликованы у Владиславлева, но посмертно. Как и стихи Пушкина «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...», «В последний раз твой образ милый...» и «Для берегов отчизны дальней...». Эти стихи Владиславлев, пользуясь местом своей службы, сумел добыть у пушкинской опеки и, конечно, ничего не заплатил вдове Пушкина, как и бабушке Лермонтова за стихи внука.

При этом Владиславлев высоко ценил Пушкина. В феврале 1837, через две недели после смерти поэта, адъютант Дубельта писал А.Я.Стороженко: «Смерть Пушкина поразила Петербург. Россия верила ему единственное свое вдохновение, редкое и случайное; сплетни большого света погубили его. До 100 т. человек приходили в дом Пушкина проститься с его прахом. Тело его перевезено для погребения в Псковскую губернию»¹⁸. Владиславлев, правда, не пишет о том, сколько суеты устроило III Отделение вокруг похорон человека, которому Россия верила

¹⁶ Стороженки. Указ.изд. Т.3. С.61.

¹⁷ Панаев И.И. Указ.соч. С.291.

¹⁸ Стороженки. Указ.изд. Т.3. С.59.

«единственное свое вдохновение». Но авторитет Пушкина для него незыблем. Разделяя со многими другими восхищение стихами Бенедиктова, шумная слава которого затмевала пушкинскую, Владиславлев в письме к А.Я.Стороженко, написанном в мае 1838, ссылкой на одобрение Пушкина сохраняет иерархическую дистанцию между Пушкиным и Бенедиктовым: «Несмотря на великих поэтов, Вы с наслаждением прочтете Бенедиктова. У него есть страсть, энергия, сила, много ярких красок и отчетливость в отделке стихов. Он изыскан несколько, и эта слабость пропадает, когда в него вчитаешься. Бенедиктов талант самородный: у него есть мысль и чувство. Пушкин высоко ценил Бенедиктова»¹⁹.

Возвращаясь к авторам альманаха, нужно сказать, что среди них достаточно третьеразрядных поэтов и литераторов средней руки, а то и просто любителей. Но тон задают не они, служа необходимым обрамлением, оттеняя собой мастерство истинных талантов.

Художественная сторона «Утренней зари» заслуживает особого внимания. Владиславлев был человек состоятельный, благодаря женитьбе на богатой невесте, урожденной Карагеорги. Очевидно, что он не жалел средств на то, чтобы превратить каждую книжку альманаха в произведение типографского искусства, в роскошную заманчивую игрушку: веленевая бумага, четкий ясный шрифт, общий вид компактной, изящной «карманной книжки», хотя в каждой из них до тысячи страниц. Каждая книжка открывается тонко гравированной заглавной виньеткой, в которой название альманаха соединяется с дорогими для русского человека символами величия России — «Памятник Петру I, воздвигнутый Екатериной II, при мерцании утренней зари», «Утренняя заря над Бородинским памятником», «Утренняя заря над памятником Минину и Пожарскому», «Александровская колонна при мерцании утренней зари», «Утренняя заря над памятником Ивану Сусанину».

Мелкие стихотворения, рассказы, прозаические отрывки перемежаются первоклассными гравюрами, сделанными на стали в Лондоне английскими граверами. На гравюрах картины лучших русских художников — К.П.Брюллова, О.А.Кипренского, А.Г.Венецианова, С.Ф.Щедрина, Ф.А.Бруни, Г.Г.Чернецова и других. Рядом с картинами гравированные портреты великих княгинь и великих княжон, а также иных петербургских великосветских красавиц. Это привело в особенный восторг Гоголя:

¹⁹ Стороженки. Указ.изд. Т.3. С.61.

Альманах Утренняя Заря с каждым годом издается роскошной. Он украшен теперь портретами красавиц Петербурга. Портрет Ее Императорского Высочества Марьи Александровны предводит ими. Выражением и мыслью сквозят черты его, и верно всякой русской накануне Нового года всмотрится в них внимательней, как во что-то светлое, пророческое. Все прочие портреты прекрасны. Не без тайной внутренней гордости рассматриваешь их, видя, что едва ли красавицы севера не возьмут верх над красавицами, украшающими европейские кипсеки. Портрет графини Елены Михайловны Завадовской блещет всею роскошью ее неувядаемой красоты. Светлая ясность отражается в лице графини Софьи Александровны Бенкендорф. Южной полнотой взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгден. Наконец, тип чисто славянской красоты виден в профиле княжны Марьи Ивановны Барятинской. Помещение портретов сияющих наших современниц есть у нас еще дело новое. Их будет рассматривать с жадностью житель отдаленного угла России, куда едва доходят слухи о столице, и не один одаренный высоким художественным вкусом полюбуется ими²⁰.

Гоголь недаром упоминает о «европейских кипсеках» — роскошно изданных подарочных альбомах с гравюрами, мода на которые пришла в Европу из Англии. Необычность и привлекательность альманаха Владиславлева для русской публики была в соединении русской альманашной традиции с традицией кипсека, причем Владиславлев сохранил и его сувенирное назначение.

«Утренняя заря» поступала в книжные лавки в канун Нового года с редкой для русских изданий обязательностью, тем самым формируя устойчивые ожидания у публики и вводя альманах в круг предпраздничных забот. Приобретали «Утреннюю зарю» не только ценители литературы и любители литературных новинок, но и любители живописи — ежегодно покупая альманах, можно было составить порядочную коллекцию великолепных гравюр. Еще более круг покупателей расширялся за счет тех, для кого приобретение «Утренней зари» в качестве новогоднего подарка постепенно становилось правилом хорошего тона и светской любезности. Анонимный рецензент из «Литературной газеты» писал: «Всякий запасается "Утреннею Зарюю" как заманчивой литературно-художественной игрушкой и употребляет ее в подарок тем, в ком молодость и красота имеют наиболее прав на забаву и изящество»²¹. Этими категориями круг покупателей альманаха, однако, не исчерпывался, но об этом позже.

²⁰ Гоголь Н.В. Полн.собр.соч. [: В 14 тт.] Т.8. М., 1952. С.210-211.

²¹ Литературная газета. 1843. №1. С.13.

Значение альманаха Владиславлева Белинский видел в том, что «Утренняя заря» «отличается всеми достоинствами альманахов европейских — и своевременностью выхода, и роскошью издания, и богатством картинок». Владиславлев, писал Белинский, «не испугался того, что альманахи вышли из моды; он дал альманаху значение европейское, сделал его роскошнейшим изданием»²².

Если говорить о литературных достоинствах «Утренней зари», то участие в альманахе лучших литературных сил гарантировало его высокое качество и художественное разнообразие. С.А.Бурачек, издатель журнала «Маяк», писал: «Да, чудо садовник Владиславлев, мастер подбирать букеты. Все живые, неподдельные, ароматные, прелестные цветы поэзии и в стихах, и в прозе. Разнообразие продуманное, мастерски исполненное»²³.

Однако при очевидном богатстве и разнообразии содержания в альманахе нет ансамбля, сообщающего единство всему сооружению, нет живой атмосферы сотворчества и того тока высокого напряжения, который пронизывает «Полярную звезду» и «Северные цветы», альманахи, рождавшиеся в кругу литераторов-единомышленников. Если также вспомнить идеал, к которому стремился Владиславлев в собственном творчестве, то он неизбежно должен был наложить свой отпечаток на книжки «Утренней зари».

Это так или иначе ощущалось критикой. Гоголь, высоко оценив художественную сторону альманаха, к его литературным достоинствам отнесся гораздо сдержаннее:

Жаль подвергнуть это блестящее изделие черствому перу суровой критики. Она пред ним становится, как пред нежным мотыльком или цветком, боясь дуновеньем своим лишить его свежести. Содержанье его вполне соответствует своему значенью. Это легкое будуарное чтение красавицы. Светский слог, гладкость языка, строгое приличие во многих повестях и грациозность некоторых стихов, словом это сияющая игрушка /.../ Что до стихов, то читатель, верно, остановится над Любовью мертвеца Лермонтова, Дорожною думою князя Вяземского. Кроме того, мелькают в Утренней Заре имена Кольцова, Бенедиктова, графа Соллогуба, Кукольника. Но зачем рассказывать, что в ней читатель найдет? Пусть лучше разнесится этот блестящий мотылек по всем концам России и светло поздравляет с Новым годом всех от Камчатки до берегов Тавриды²⁴.

²² Литературная газета. 1840. №1. С.33.

²³ Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Т.4. Ч.2. С.22.

²⁴ Гоголь Н.В. Указ.изд. Т.8. С.211.

Альманах выходил ежегодно и в срок, публика его знала и раскупала, лучшие литераторы давали в альманах свои произведения. При взгляде на блестящий состав участников «Утренней зари» возникает вопрос — чем Владиславлев так увлек этих людей, что они проявляли готовность помогать ему в издании альманаха, не получая за это ни копейки? Среди авторов альманаха есть такие, которые не состояли с ним ни в дружбе, ни в приятельстве и даже не испытывали к Владиславлеву ни малейшего душевного расположения, и тем не менее их имена постоянно встречаются на страницах «Утренней зари».

У альманаха Владиславлева, как водится в таких предприятиях, была своя закулисная сторона. Глядя с этой стороны, трудно переоценить роль графа Александра Христофоровича Бенкендорфа в альманашном предприятии Владиславлева. Без участия Бенкендорфа затея Владиславлева после первой же книжки, несмотря на все его усилия, потерпела бы коммерческий крах, и это хорошо понимал Владиславлев.

В 1838, когда адъютант Дубельта еще только вынашивал замысел альманаха и взвешивал свои возможности, он опубликовал тоненькую книжку собственного сочинения под названием «Замок Фалль (Отрывок из путевых заметок)». Сейчас нужно объяснять, что это за замок, но в те времена никому объяснять было не нужно. Так называлось родовое имение Бенкендорфа под Ревелем, на берегу Балтийского моря, излюбленное место его отдыха от государственных забот, предмет его сердечной привязанности и хозяйственной попечительности. Кстати, в «Утренней заре... на 1843 год» есть гравюра с картины художника А.Фрикке «Вид Фалля». Умерший в 1844 Бенкендорф был похоронен в этом имении, на своем родовом кладбище. В «Отрывке из путевых заметок» Владиславлев цветистым слогом и в самых восторженных выражениях описал это прекрасно ухоженное имение — дом в готическом стиле, огромный парк, виды на море. Сомнительно, чтобы это был заказ Бенкендорфа. В любом случае книжка не могла остаться ему не известной и не произвести на него самого выгодного для Владиславлева впечатления. Как, впрочем, и гравюра «Вид Фалля», и портрет дочери Александра Христофоровича графини С.А.Бенкендорф, помещенный среди портретов первых красавиц Петербурга.

Владиславлев по службе часто встречался с Бенкендорфом и был ему хорошо известен. Но такого рода отношений, возможно, было недостаточно для той хитроумной комбинации, которую задумал Владиславлев. Ему хотелось если не сократить дистанцию, то найти, так сказать, путь к сердцу Бенкендорфа, ка-

ковое было очень чувствительным. Совпадение во времени выхода книжки Владиславлева и начала его альманашной деятельности, возможно, не было случайным. Однако это только предположение.

А теперь факты. В начале 1839 гн. П.А.Вяземский получил от Бенкендорфа письмо следующего содержания (цитируется с сохранением орфографии подлинника):

Издатель альманаха «*Утренняя заря*» В.А.Владиславлев, которого издание, ежегодно улучшаясь, приобрело общее расположение отечественной публики и выгодные отзывы Иностранных журналов, как по литературному достоинству помещенных в оном статей, так и по изяществу гравюр и типографской роскоши, — возобновляет Альманах свой на будущий 1840-й год в роскошнейшем виде, *в пользу С.-Петербургской Детской Больницы*.

По званию председателя означенной больницы, принимая с признательностью столь благотворительное приношение г.Владиславлева и желая со своей стороны по возможности содействовать его предприятию, я приемлю честь покорнейше просить Ваше Сиятельство, не угодно ли будет Вам, Милостивый Государь, удостоить участием Вашим издание его на будущий 1840-й год, присовокупляя притом, что всякое приношение Ваше в сей Альманах принято будет мною [разрядка моя. — Н.О.] с искреннею благодарностью.

С совершенным почтением и преданностью имею быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Граф Бенкендорф²⁵.

Точно такие же письма, датированные тем же 24 января и исполненные тем же великолепным каллиграфическим почерком писца из III Отделения, получили М.Н.Загоскин и гр. Е.П.Растопчина. Сведений о таких же письмах, направленных в другие адреса, не сохранилось, но очевидно, что это была единовременная акция, которой был охвачен более широкий круг литераторов. Такие письма могли получить Жуковский, Баратынский, стихи которых помещены в «*Утренней заре... на 1840 год*», кто-то еще. Ясно также, что идея этих писем принадлежала Владиславлеву, составление их происходило при его прямом участии и список адресатов представил он же. Владиславлев выбрал из литераторов тех, кто на его личную просьбу об участии в альманахе мог ответить отказом — конечно, под благовидным предлогом, которых у каждого литератора большой запас. Шутить же с Бенкендорфом ни у кого желания не было.

²⁵ РГАЛИ. Ф.195. Оп.1. Ед.хр.5083. Л.14-14об.

Загоскин поспешил послать очерк «Нескучное», кн. Вяземский — только что законченное стихотворение «Самовар». Труднее пришлось гр. Ростопчиной — находясь в Пятигорске, она получила письмо Бенкендорфа с опозданием в несколько месяцев, что привело ее в большую тревогу. 25 мая 1839 она писала в Петербург кн. В.Ф.Одоевскому:

Знаете ли Вы, что Вы должны *меня спасти, меня избавить и защитит* в одном щекотливом случае? Уже здесь, дня с четыре тому, получила я чрез нашего управляющего в Москве письмо от Бенкендорфа, написанное *24-го генваря, в котором он просит* очень вежливо и обязательно моего соучастия для альманаха Владиславлева. Где это письмо завалилось, почему так поздно дошло до меня, не знаю, но предвижу, что меня обвинят в неучливости за то, что я не отвечала, и прошу Вас, душенька-благодетель и доброжелатель, возьмите на себя труд меня оправдать и чрез Владиславлева доведите до Бенкендорфа причину моей невольной невежливости. Я теперь ничего запасного не имею, чтоб *замаслить* подаaniem безвинную вину, но попросите Плетнева, чтоб он уступил что-нибудь из присланных ему недавно мелочей, и отдайте Владиславлеву. Не правда ли, что отвечать прямо Бенкендорфу было бы неловко и некстати? Но, ради Бога, будьте моим заступником и ходатаем, и устройте так, чтобы меня бранили как можно менее²⁶.

В «Утренней заре... на 1840 год» помещены три стихотворения гр. Ростопчиной. К двум стихотворениям «Опыты простонародных мелодий» и «Искушенье», отосланным ею Плетневу для «Современника» и затем переадресованным Владиславлеву, она добавила еще стихотворение «Цветок на могилу Елисаветы Михайловны Хитровой», под которым проставлена дата: «Пятигорск, на Кавказе, 1 июня 1839 года». Стихотворение написано через 5 дней после отсылки письма кн. Одоевскому и послано вдогонку, что, видимо, было необходимо гр. Ростопчиной для обретения ею душевного равновесия, нарушенного письмом Бенкендорфа.

В дальнейшем, уже не прибегая к посредничеству Бенкендорфа, Владиславлев исправно получал литературную дань и от гр. Ростопчиной, и от кн. Вяземского, и от кн. Одоевского, и от других литераторов.

Но благодеяния Бенкендорфа этим не ограничились. Первые две книжки «Утренней зари» печатались в типографиях Фишера и Плюшара, но, начиная с книжки «...на 1841 год», альманах уже печатается в типографии III Отделения. Это значительно сокра-

²⁶ Русская старина. 1904. №7. С.161-162.

шало типографские расходы Владиславлева, а также расходы по рассылке и позволяло меньшей кровью обеспечивать своевременность выхода альманаха, поскольку было известно, что в нем заинтересован сам Бенкендорф как попечитель детской больницы.

Пользуясь участием Бенкендорфа в делах его альманаха, Владиславлев проделал еще один трюк. Из канцелярии III Отделения губернаторам и городским головам были разосланы письма за подписью Бенкендорфа, в которых рекомендовалось способствовать распространению альманаха «Утренняя заря» среди вверенного населения — со ссылкой на достоинства альманаха и с указанием на то, что часть прибыли от продажи предназначена для детской больницы, опекаемой Бенкендорфом. Такие же письма получили начальники жандармских округов.

Это было лучше всякой рекламы. Владиславлев мог больше не беспокоиться о сбыте альманаха — к его услугам была читающая публика всей Российской империи. «Масса требований на "Утреннюю Зарю", продававшуюся по 10 руб. экземпляра, была громадна»²⁷. Цена по тем временам немалая, но альманах расходился тысячами экземпляров.

«Большинство, — пишет Панаев, — приобретало этот альманах по предписанию жандармского начальства, которое, в противоречие своим принципам, возбуждало таким образом интерес к литературе в русской публике. Все литераторы очень хорошо знали, какими средствами расходится "Утренняя заря", но такая спекуляция никого не смущала и казалась всем очень обыкновенною и понятною»²⁸.

Коммерческий успех «Утренней зари» был полным, Владиславлев не только возвратил вложенные в альманах деньги, но и умножил свое состояние, из года в год получая значительные барыши. Детская больница и ее попечитель Бенкендорф стали удачной ширмой для предприимчивого Владиславлева. Н.А. Полевой в письме к брату от 5 декабря 1839 сделал попытку хотя бы грубо прикинуть доходы Владиславлева: «Чудную спекуляцию сделал Владиславлев "Утреннюю Зарю": пожертвовавши в детскую больницу 25 тыс., он заставил доброго графа Ал[ександра] Хр[истофоровича] рассылать и сбывать экземпляры, и продал их — 10 000! Вычти расходы, хоть 25 тыс., пожертвование 25 тыс. — и чистого барыша до 100 000 руб.; но если положить и половину, — то мастерская штука!»²⁹ Полевой говорит

²⁷ Петербургский старожил В.Б. Указ.соч. С.627.

²⁸ Панаев И.И. Указ.соч. С.66.

²⁹ Записки К.А.Полевого. СПб., 1888. С.486.

о первой книжке альманаха, когда Владиславлев только начинал и еще не развернулся, а сколько он заработал на всех книжках — это уже коммерческая тайна.

Владиславлев «стал жить открыто и завел даже разные прихоти для удовлетворения своего тщеславия. Он собрал между прочим акварельный альбом из рисунков Брюллова и других знаменитых художников, который стоил ему больших денег»³⁰. В назначенные дни он завел у себя дома литературно-музыкально-художественные вечера. М.И.Глинка, бывший, по его собственному признанию, «на дружеской ноге» с Владиславлевым, пишет о них: «Реже, но также приятны были вечера у Владиславлева, где иногда встречались наши и иностранные художники /.../ у него на вечерах пели, танцевали и веселились не мало»³¹.

Он упрочил не только свое состояние, но и свое место среди литераторов. Панаев вспоминает, что Владиславлев «имел характер грубый, и беззастенчивость его в обращении доходила иногда до наглости. Вместе с расширением своего тела и своих средств он принимал все более важную осанку и обнаруживал крайнее самодовольство. Он даже начал посматривать на литераторов, способствовавших так бескорыстно к увеличению его средств, покровительственно»³².

Последняя книжка «Утренней зари» вышла в канун 1843. А незадолго перед тем, летом 1842, Владиславлев писал одному из своих корреспондентов: «По обязанности службы, я перестаю быть издателем, и Альманах мой: Утреннюю Зарю, передаю меньшему моему брату. Я уверен, что издание, оставаясь под влиянием моей опытности, ничего не потеряет от этой перемены, а между тем и по пристрастию и по привычке не могу не принимать участия в его успехе»³³. Однако после книжки «Утренней зари... на 1843 год» альманах больше не возобновлялся.

Тем временем служба Владиславлева шла своим чередом. Его адъютантство продолжалось до 1840, когда он был произведен в майоры и назначен офицером по особым поручениям при штабе корпуса жандармов. В 1845, произведенный в подполковники, состоял дежурным штаб-офицером в штабе корпуса жандармов, в 1846, находясь в том же чине, вышел в отставку. В конце того же года сын А.Я.Стороженко, проездом бывший в Петербурге, писал отцу: «Недавно отыскал Владиславлева. Он в от-

³⁰ Панаев И.И. Указ.соч. С.67.

³¹ Глинка М.И. Записки. М.; Л., 1930. С.269.

³² Панаев И.И. Указ.соч. С.67.

³³ Е.А.Боратынский. Материалы к его биографии. Пг., 1916. С.105.

ставке, живет артистом; литература, живопись, музыка — вот его сфера»³⁴.

Выйдя в отставку и став частным лицом, Владиславлев как-то выпал из поля зрения мемуаристики и из иных письменных свидетельств. Сняв мундир, он, конечно, утратил и прежний вес, и прежнюю значительность. Ни повести, ни рассказы Владиславлева в печати больше не появлялись. Видимо, жил человек в свое удовольствие, удовлетворяя свои артистические наклонности.

В 1851 имя издателя Владиславлева вновь появилось на обложке книги. Изданная им «Памятная книга военных узаконений для штаб- и обер-офицеров» никакого отношения ни к литературе, ни к художествам не имела, будучи сборником статей армейского устава, регламентирующих офицерский быт. Появление этой книги, возможно, вызвано тем, что Владиславлев поиздержался и обратился к издательской деятельности как к испытанному средству поправить свои дела.

Еще раз имя Владиславлева промелькнуло в печати в 1856, в кратком некрологе — единственном публичном отклике на его смерть, который поместила газета «Северная пчела»: «25-го сего ноября скончался в Санкт-Петербурге, после продолжительной болезни, состоявший по Кавалерии Подполковник Вл.А.Владиславлев»³⁵.

³⁴ Стороженки. Указ.изд. Т.2. С.193.

³⁵ Северная пчела. 1856. №256.

Г.В.Зыкова
О ПОЗЕ «ПЕДАНТА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.:
В.Г.АНАСТАСЕВИЧ

С чего вы вздумали, что он учен;
никто этого об нем не говорит, кроме его
самого, и хотя он и клянется, что он
человек ученый, однако в этом никто ему
не верит.

А.П.Сумароков. «Тресотиниус»

Не дельно, строгой Карп! поэтов ты
бранишь:

Врали нескладиц, говоришь;
Лишь истина одна прекрасна! —
Бывает и она опасна.

Гур о тебе вчера нам правду говорил,
И нас со смеху уморил.

Аноним. «Опасность правды»¹

Вопрос о границах словесности в первой трети XIX в. разрешался различно. «Если литература карамзинистов замыкалась в рамки "изящной словесности", то в представлении Мерзлякова труд писателя /.../ сливался с разысканиями ученого-комментатора, переводчика, мыслью теоретика...»² Вяземский, напротив, «любил афишировать "неученость"»³. В литературной жизни противостояли друг другу фигуры «педанта» и «невежды». Один из наиболее чистых и последовательных типов «педанта» являл собою В.Г.Анастасевич.

В автобиографии, составленной в 1819 для преосв. Евгения, Анастасевич определял свою деятельность так: «Упражнения в Словесности и вообще в физико-математических, духовных, умственных и нравственных науках составили от юности приятнейшее мое занятие /.../ Они состоят из переводов /.../ также из некоторых опытов в российском и польском стихотворстве, из разных замечаний и записок...»⁴ Любопытен не только универса-

¹ Вестник Европы. 1811. Ч.60. №21. С.37.

² Лотман Ю. А.Ф. Мерзляков как поэт // Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Л., 1958. С.10.

³ Гинзбург Л. Вяземский-литератор // Русская проза / Под ред. Б.М.Эйхенбаума и Ю.Н.Тынянова. Л., 1926. С.120.

⁴ ОР РНБ. Ф.588. Ед.хр.205. Л.2об.

лизм интересов Анастасевича, но и очевидная неясность соотношения «словесности» и «наук».

Анастасевич чувствовал, что границы словесности — важный и нерешенный вопрос современной ему культуры: «Как вообще самопроизвольно название литературы или словесности, так равно представляется оно невыразительным и непостоянным, отчасти потому, что не довольно верно измерены пределы так называемого *красноречия*; а отчасти потому, что не всегда известно, что именно должна заключать в себе словесность в таком значении?»⁵

В 1811-1812 в своем журнале «Улей» Анастасевич все еще разводит по разным разделам «Словесность в прозе и стихах», «Био- и библиографические замечания» и «Исторические отрывки и замечания». В 1815 он уже пишет: «В самом тесном смысле Словесность, иногда называемая изящною, заключает произведения *Поэзии, Риторики, Истории и Философии*». В подобном определении нет еще необычного; но несколько ниже Анастасевич решительно заявляет: словесник «должен быть многосведущим или *измерять бездну всех наук*». «На звание словесника может иметь право единственно тот, кто /.../ весь подвиг на поприще наук /.../ с самого начала обозрел философским оком *внутренней и внешней истории Словесности*»⁶.

Когда поэзия и история включены в единую область словесности, то оказывается возможным сравнивать их, строить ценностную иерархию, выбирать, предпочитать одно другому. Поэзию и историю могут различать как «пустое» и «дельное», «истинное» и «ложное». Самое последовательное и откровенное выражение подобных воззрений мы находим не в печатных трудах, а в письмах.

Анастасевич писал профессору Дерптского университета В.М.Перевощикову: «Нельзя ли чрез кого из ваших знакомых дерптских выменять на какие книги русские издание трудов Курлянд[ского] Общества? В них есть прекрасные статьи и для русской истории и жаль, что у нас никто из них не извлекает дельных пьес — а задушают нас пустыми зарейскими Балладами и т.п. Пора нам перестать быть детьми»⁷. «Чувствительнейше благодарю вас за одолжение меня присылкою трудов Митавского Общества. На такие книги я не жалею денег. Дай Бог, чтоб и наша отечественная словесность более обогащалась подоб-

⁵ Анастасевич В. О Словесности (Литтературе) // Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. Казань, 1815. Кн.1. С.305.

⁶ Там же. С.301, 307, 302.

⁷ Письмо от 8 июня 1822. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.22.

ными им, вместо перевозносимых *сектами* своих уродцов»⁸. Рассказав о своих намерениях напечатать переведенное им извлечение из работы С.Б.Линде об истории Варшавского Лицея, Анастасевич добавляет: «Не уверен, чтоб мое извлечение было принято для помещения, дабы не отнять места у какой-либо Елгийки, Балладки и т.п. Однакож не все еще порабощены *сему вкусу...*»⁹.

Жалуясь Перевозищикову, что никто не подписывается на издание классиков в переводе И.И.Мартынова¹⁰ (с Мартыновым Анастасевич сотрудничал в «Северном вестнике»), он пишет: «Вот /.../ новое доказательство, как мало у нас имеют истинный вкус в словесности классической слышущие словесниками! После сего надобно ли удивляться тому иступлению, с каким они пленяются бейронщиною и пушкинщиною!!»¹¹. «А у нас? — Классики Еруслан¹² с Людмилою, Шильонский Узник, Кавказский пленник и — — — увы! и в Вест[нике] Евр[опы] нашелся Ентузиаст¹³ последнего или я невежа, или сия Пиитическая Игрушка не стоит того шума, какой она делает»¹⁴.

Литературный спор, борьбу стилей Анастасевич воспринимал как спор ученых: «Говорят, что там [в Казани. — Г.З.] созданы Идиллии Панаева, который неунывая пишет новые, и одну читал в Обществе из русской песни (обманутая девица, обратившаяся с покаянием к пустыннонику¹⁵). Едва ли будет пропущена. Он хотел ею доказать, что мнение Гнедича, по случаю Идил[лии] Рыбаки, неправильно, будто де есть народная Идиллия. Ибо ха-

⁸ Письмо от 13 октября 1822. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.12.

⁹ Письмо от 22 сентября 1822. — Там же. Л.33.

¹⁰ О переводах Мартынова Жуковский писал: «Переводчик, желая облегчить для нас чтение греческих поэтов, переводит с буквальной точностью, не заботясь нисколько о слоге. Книга его избавляет от скучного труда рыться в лексиконе — вот главное ее достоинство. Она не обогащает нашей словесности» (Обзор русской литературы за 1823 год // Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985. С.316). Это замечание Жуковского звучит как реплика в споре.

¹¹ Письмо от 22 сентября 1822. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.31об.

¹² Ср. в известной статье Жителя Бутырской стороны (А.Г.Глаголева): «Людмила и Руслан (не Еруслан ли?)» (Вестник Европы. 1820. Ч.III. №11. С.218). Преосв. Евгений 3 сентября 1820 писал Анастасевичу об одном из критических разборов пушкинской поэмы: «А Еруслановщину Воейкова читал я. Кажется, сия глупая поэма не стоила бы и анализа» (Русский архив. 1889. №6. С.369; ниже — о «ребяческой» балладе Жуковского), а через месяц употребил следующее выражение: «среди блеску словесности тьма Ерусланщины...» (Там же. С.370).

¹³ Имеется в виду статья М.П.Погодина о «Кавказском пленнике» (Вестник Европы. 1823. Ч.127. №1. С.135-157).

¹⁴ Письмо от 10 февраля 1823. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.40.

¹⁵ Обманутая // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч.XX. №11. С.204-210. (Без подписи).

рактеры в Идиллии всеобщие. В Варшаве Идиллии причитают к *Елегии*, под которую подводят и Поэмы, по форме стихов»¹⁶.

Самым известным выражением взглядов на словесность как на единство науки и подчиненного ей искусства стала речь близкого друга Анастасевича В.Н.Каразина «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России», произнесенная в собрании Вольного общества любителей российской словесности (далее: ВОЛРС) 1 марта 1820. К сожалению, скандальная политическая слава этой речи отчасти заслонила ее *литературный* смысл. Позднейшие исследователи обычно пишут, что Каразин «призывал к "полезному", гражданскому содержанию искусства»¹⁷.

Между тем Каразин, как нам кажется, об искусстве почти и не заботился: «В XV и XVI веках пределы Словесности, в собственном смысле, весьма резко отделялись от учености. /.../ Но с тех пор, как научились о самых важных, отвлеченнейших вещах говорить приятно /.../ собственно так называемая словесность, Словесность без цели, мало привлекает. Это орудие, а не предмет искусства; краски, а не картина! Так и быть должно в настоящее время, в век возмужалости»¹⁸.

Анастасевич, как известно, поддержал Каразина, что неудивительно — их литературные позиции совпадали (независимо от того, насколько близкими были их политические убеждения¹⁹). Попытка библиографа занять место на Парнасе, потеснив и даже «пересев» поэтов, вызвала активное сопротивление: в начале 1820-х специальные библиографические труды Анастасевича неизменно встречались отрицательными рецензиями; рецензенты стремились доказать, что Анастасевич, претендующий на звание истинного, т.е. ученого, словесника, вовсе не так уж и учен. Его описание книги «*Monumenta Regum Cracoviensia*» (Warszawa, 1822)²⁰ под-

¹⁶ Письмо В.М.Перевощикову от 2 ноября 1822. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.35.

¹⁷ Григорьев Р.Г. В.Н.Каразин // Русские писатели: 1800-1917. Т.2. М., 1992. С.467; см. также: Брискман М.А. В.Г.Анастасевич (1775-1845). М., 1958. С.111; Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964. С.130.

¹⁸ Каразин В.Н. Сочинения, письма и бумаги / Под ред. Д.И.Багалея. Харьков, 1910. С.571. Преев Евгений писал Анастасевичу: «И я с соревнователями вашими против В.Н-ча согласен, что слишком ученые статьи сделают журнал скучным для большей части читателей обыкновенных» (Письмо от 9 марта 1820. — Русский архив. 1889. №6. С.336).

¹⁹ Об общественном смысле поведения Анастасевича в конфликте Каразина с ВОЛРС см. спор М.А.Брискмана и В.Г.Базанова: Брискман М.А. Указ. соч. С.111; Базанов В. Указ. соч. С.233-234.

²⁰ Сын Отечества. 1822. Ч.80. №36. С.97-108; Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч.XX. №10. С.91-101.

верглось нападкам Булгарина²¹, а попытки защищаться²² навлекли на его голову резкие обвинения в невежестве: «Чтобы знать язык, литературу и историю какого-либо народа, не довольно того, чтоб иметь несколько книжек о сих предметах и выписывать из них, при случае, цитаты отдельно и отрывисто, переводя при том не с точностию текст оригинала»²³.

«Сын Отечества» предоставил свои страницы для статьи против составленной Анастасевичем «Росписи российским книгам из библиотеки В.Плавильщикова» (СПб., 1820)²⁴. Как предполагают, статья исходила из круга А.Н.Оленина и принадлежала В.И.Красовскому²⁵. Библиографическая система Анастасевича противостояла, в частности, системе Оленина, главной идеей которой было отделение наук от искусств²⁶.

Бурную полемику вызвал отзыв Анастасевича о книге его доброго знакомого В.М.Перевощикова «Опыты» (Дерпт, 1822). Анастасевич высоко оценил книгу, отметил правильность построения «Речи о пользе наук», а в заключение, оправдывая инверсии в переводах Перевощикова с латинского, вызываяще напомнил о своих «славянофильских» симпатиях: «Величественному славенороссу гораздо более приличнее *римская тога*, освященная веками, нежели щепетной *фрак*, не имеющий постоянного покроя!»²⁷. Н.И.Греч сопроводил статью Анастасевича издевательскими знаками вопроса, а вскоре поместил реплику А.Бестужева, который выискивал у Перевощикова и Анастасевича логические и грамматические ошибки, уличал их в незнании латыни, а «тогу важного славеноросса» назвал «тогой, вывернутой наизнанку»²⁸.

Статья Бестужева была понята не как частный выпад против Перевощикова и Анастасевича, но как выступление против определенной корпорации, как «крамола». В спор вступил «Вестник Европы»²⁹, Бестужеву отвечал профессор И.И.Давыдов: «Мм. гг.! я знаю, что имею честь беседовать с людьми /.../ кои уверены,

²¹ Сын Отечества. 1822. Ч.80. №39. С.267-272.

²² Там же. Ч.81. №41. С.20-28.

²³ Там же. Ч.81. №45. С.226. См. также отзыв И.Р. о кн.: [Монферран А.] Соборная церковь Исаакия Далматского в Санкт-Петербурге... / Пер. В.Анастасевича. СПб., 1820 — в том же журнале за 1820 (№31); ответ Анастасевича (№32) и новое возражение рецензента (№34).

²⁴ Сын Отечества. 1820. Ч.65. №45. С.219-226.

²⁵ Брискман М.А. Указ. соч. С.192.

²⁶ Там же. С.153.

²⁷ Сын Отечества. 1822. Ч.79. №30. С.182.

²⁸ Там же. Ч.80. №36. С.119.

²⁹ Там в 1814 была напечатана «Речь ... о пользе наук» (№18), а в 1816 — «Опыт о возбуждении и утолении страстей» (№12-13) и «Опыт об убеждении разума» (№17-18), вошедшие в «Опыты» Перевощикова.

что еженедельные листки не имеют права решать участь ученого, с честью подвизающегося на поприще наук»³⁰. Тон Давыдова был эпатажирующим: корпорацию обвиняли в школярстве, и Давыдов разбирал «Речь о пользе наук» нарочито «школярски», демонстрируя ее верность правилам, знакомя критиков с азами словесности³¹. На стороне Бестужева выступил Булгарин; о полемике поминали еще довольно долго³².

22 сентября 1822 Анастасевич писал Перевошикову: «Нельзя лучше отвечать, как изъявленными в письме вашем ко мне чувствованиями на зделанное против моего мнения о ваших Опытах возражение. Напечатавший оное, увидясь со мною в Обществе, имел дух сказать мне что он никак не намерен был зделать мне неприятность. /.../ Чистосердечно скажу вам, что когда я писал мою статью, то мне в голову не могло прийти, чтоб я тронул ею ваших сопостатов, коих вовсе здесь и не предполагал. Я даже и теперь полагаю причину гораздо простее, для которой захотелось Б-ву похлопотать с латынщиками, ибо сам едва умеет читать по латыни. Et nos in Romo nascimus! похвастать своею ерудициею!!»³³ Через полтора месяца тема продолжала оставаться для Анастасевича актуальной: «Еще вспомните, не найдется ли у вас охотника на оставшийся у меня 1 экз. *Краковских Памятников*, за которые напали было на меня, по видимому из одной шайки, напавшей на меня и за вас. Ляшкевичем назван порусачившийся Ляшок Булгарин³⁴, известный своими забиячествами...»³⁵.

Самым авторитетным для Анастасевича изданием в начале 1820-х был «Вестник Европы». Его письма Перевошикову переполнены одобрительными ссылками на материалы «Вестника»: «С величайшим удовольствием читаю ваши статьи в Вестнике Ев-

³⁰ Перечень одной беседы о словесности // Вестник Европы. 1822. Ч.125. №20. С.261, подп.: 8.4.

³¹ 15 ноября 1822 Анастасевич писал Перевошикову: «С величайшим удовольствием прочел я статью в Вест[нике] Евр[опы] в защищение ваших опытов, с умными замечаниями вообще на дух крамолы, бесчестящий нашу литературу, которая тем лишь счастлива, что едва известно ее состояние за границею. — Похвальное слово Невежеству в той же книжке Вестника Ев[ропы] достойно внимания и в историческом отношении к нашему времени» (РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.36об.). Статья В.Ф.Одоевского воспринимается Анастасевичем в одном ряду со статьей Давыдова.

³² Северный архив. 1823. Ч.5. №5. С.401-402; см. также: Благонамеренный. 1823. Ч.21. №5. С.371-372; Сын Отечества. 1823. Ч.83. №1. С.13; Русский инвалид. 1823. 31 марта. №76. С.303-304; Сын Отечества. 1823. Ч.85. №20. С.271-278.

³³ РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.31об.

³⁴ Статья Булгарина в «Сыне Отечества» (1822. Ч.80. №39) была подписана: «отставной аудитор 10 класса Семен Ляшкевич».

³⁵ РГАЛИ. Ф.16. Оп.4. Ед.хр.1. Л.35об. (Письмо от 2 ноября 1822).

ропы³⁶ — который в №19 порядочно подшучивает над нашими здешними [петербургскими — Г.З.] преобразователями языка»³⁷. «Тамошние [московские — Г.З.] наблюдения над нашею Полярною Звездой³⁸ славно озлобили толпу, на святках бродившую с нею по домам как с *вертепом бумажным* (из Малороссии и сюда уже для забавы привезенным, в коем представляется Кукольная Комедия) /.../ Но сия комедия невесело кончилась для почтенного Остолопова... »³⁹. В разгар шумной войны между «Вестником Европы» и «Сыном Отечества» Анастасевич писал: «Здешние Лагарпы называют Москвичей дьячками, но сии дьячки лучше их знают и читать и писать»⁴⁰. В этом противопоставлении «Лагарпов» и «дьячков» отразились, как нам кажется, «славянофильские» симпатии Анастасевича.

Между тем отношения Анастасевича и редактора «Вестника Европы» М.Т. Каченовского вовсе не были идиллическими.

В 1806, защищая книгу В.Измайлова «Путешествие в полуденную Россию», Каченовский отвечал, между прочим, и Анастасевичу, не принимая его утилитарного подхода к литературе: «Некоторые люди, — беседующие с читателями своими, наблюдая разумную благопристойность, то есть не сказываясь, кто они таковы — все путешествия не ботанические, не статистические, не гидро-топо-географические осуждают на вечное изгнание из областей российской литературы; в приятных сочинениях, писанных для публики, видят на каждой странице какую-то сантиментальность, вредную и опасную...»⁴¹

³⁶ Перевозищов В. Материалы для истории российской словесности // Вестник Европы. 1822. Ч.123. №5. С.3-24; Ч.124. №9-10. С.3-21; Ч.125. №14. С.129-140; Ч.126. №17. С.3-20; №18. С.81-122.

³⁷ Письмо от 2 ноября 1822. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.34об. Имеется в виду «Союз поэтов» Б.М.Федорова, где высмеивались Дельвиг, Кюхельбекер и Баратынский, а также «Прозачиная галиматзя: Подражание новейшим элегическим поэтам», направленная, как пишет Анастасевич, против Плетнева (обе пародии перепечатаны из «Благонамеренного» — 1822. Ч.19. №37. С.439; №39. С.512-514).

³⁸ Имеется в виду разбор статьи А.Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», напечатанный за подписью «и.е.» (Вестник Европы. 1823. Ч.127. №2. С.139-147).

³⁹ Письмо от 3 марта 1823. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.42об. Притчив Остолопова в «Полярной звезде на 1823 год» вызвали недовольство Министерства народного просвещения, что вынудило автора в 1824 сменить место службы.

⁴⁰ Письмо от 17 августа 1822. — РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.1. Л.29об.

⁴¹ Вестник Европы. 1806. Ч.25. №1. С.15; имеется в виду, в частности, принадлежащее Анастасевичу и опубликованное без подписи «Письмо к другу из провинции» (Журнал российской словесности. 1805. Ч.2. №8), где говорилось: «Не нужны нам стали ни Бишинги, ни де ла Порты, ни Палласы. Все заговорили одним языком, что географий довольно (хотя их весьма мало), и что географические известия ненадобны, должно описывать природу...» (С.195).

Анастасевич в 1812, в свою очередь, напал на раздел политических новостей в «Вестнике Европы», считая, что материалы такого рода не нужны в литературном журнале⁴²; в «Улье» печатались выдержки из «Критики способности суждения» Канта⁴³, философию которого Каченовский называл «бреднями», произведения антикарамзиниста Е. Станевича⁴⁴, которого Каченовский резко критиковал, и проч.

Со временем во взглядах Каченовского и Анастасевича на литературу появилось больше общего. Уже в 1811 Каченовский, например, поместил в «Вестнике Европы» положительный отклик на постановку «Нового Стерна»⁴⁵. В письме В.М. Перевощикову от 18 марта 1817 Каченовский отзывается о беллетристике совершенно в духе Анастасевича: «С должною благодарностию принимаю совет ваш касательно помещения в вестнике известий о новых иностранных книгах, новых изобретениях и проч. Я знаю, что это было бы очень нужно; но мне препятствовали разные причины, и между прочим опасение, чтобы на беду мою вестник не принял бы на себя ученого характера и тем не перепугал бы нашу читающую публику. Сказочки, побасенки, небылицы — то ли дело!»⁴⁶

Несмотря на сближение позиций, Каченовский сохранил к Анастасевичу очевидную неприязнь. Они познакомились только в 1818⁴⁷. Вскоре в «Вестнике Европы» был напечатан материал, подготовленный Анастасевичем⁴⁸; Каченовский, однако, не поместил всех сообщенных Анастасевичем материалов, на что последний жаловался преосв. Евгению⁴⁹. Когда в 1822-1823 Каченовский и Анастасевич не сошлись во мнениях о золотой медали, найденной в Чернигове⁵⁰, и Анастасевич попытался завязать научный

⁴² Улей. 1812. №15. С.213.

⁴³ Начертание эстетики, извлеченное из Кантовой критики эстетического суждения // Улей. 1812. №14-16.

⁴⁴ Станевич Ев. На именины его прев. А.С.Шишкова // Улей. 1812. №16. С.327-331.

⁴⁵ Вестник Европы. 1811. Ч.55. №1. С.64-65.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф.46. Оп.4. Ед.хр.6. Л.5.

⁴⁷ Письмо Каченовского Анастасевичу от 21 ноября 1818. — ОР РНБ. Ф.18.

⁴⁸ О некоторых славянских рукописях, находящихся в книгохранилище королевской Вестер-Оской гимназии, в Швеции // Вестник Европы. 1819. Ч.105. №10. С.121-129. (Подп.: А-ч).

⁴⁹ Русский архив. 1889. №6. С.222.

⁵⁰ См. труд Каченовского «Разыскания по поводу старинной золотой медали, недавно отысканной» в «Вестнике Европы» (1822. №4-5, 6, 15) и статьи Анастасевича в «Отечественных записках» (1821. Ч.8. Кн.20. С.425-442; отд. изд. — СПб., 1821), «Соревнователе» (1822. Ч.XVII. №3, подп.: В.А.) и «Gazeta Litęaska» за 1822 (с последним изданием нам, к сожалению, не удалось познакомиться de visu).

спор⁵¹, то Каченовский не снизошел до ответа и только сообщил публике о «неудовольствии» «г-на -ча»⁵². Булгарину Каченовский писал об Анастасевиче с пренебрежением: «Г. Анастасевич имеет причину сердиться на меня не за одну только гривну, но еще и за ненапечатание толстых его тетрадей, которые присылал он для моего журнала. Но скажите ради Бога, каким образом все печатать? У меня и без того проскакивает множество нелепостей...»⁵³

Ссылаясь на письмо Анастасевича к Гречу от 20 ноября 1821, М.А.Брискман утверждал, что в начале 1820-х писатель начал понимать «скромность и ограниченность своей роли в русской литературе и журналистике»⁵⁴; но это письмо, обращенное к литературному противнику, очевидно, насквозь иронично. В письме Анастасевича к И.Н.Лобойко от 8 февраля 1824 больше горечи, чем смирения; он продолжает считать себя писателем, литератором, хотя его и не признают таковым:

Я надеюсь вскоре получить отставку и вовсе оставить Квартиру, в которой вы меня посещали, вместе с столицей. Слабое мое здоровье давно мне напоминает о покое, и преосв. Евгений предлагает мне у себя Келлию. /.../ Я уже больше году за немощами не был и в обществе соревнователей, и только читаю труды оного печатные. С прочими литераторами также недосуг видаться, отставши от *литературных* упражнений, разумеется журнальных, требующих личных связей и с ними сопряженных приятней, или споров. Все это меня утомило. — В депо карт я давно не был, чтоб мог уведомить вас скорее о самой лучшей новой карте России и о хронологическом атласе. — Дополнение к Каталогу Плавильщикова за 1823 год печатается. Я рассмотрел оное на прошлой неделе. Скучное новыми произведениями, о коих уже А.Бестужев возгласил свой приговор в Пол[ярной] Звезде⁵⁵. О белорусских грамотах в Москве печатаемых не знаю. Не разумеете ли вы Литовских Глебовичем сообщенных Булгарину⁵⁶? Самого канцлера⁵⁷ ждут сюда скоро из Гомеля, тогда и я

⁵¹ Каченовский писал Булгарину 6 августа 1823: «В.Г.Анастасевич требовал от меня объяснения по случаю сделанной с моей стороны выходки за *гривну*...» (Русская старина. 1903. №12. С.607).

⁵² Вестник Европы. 1823. Ч.127. №4. С.325.

⁵³ Письмо от 7 января 1823. — Русская старина. 1903. №12. С.603.

⁵⁴ Брискман. Указ. соч. С.236.

⁵⁵ Имеется в виду известная статья А.А.Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года».

⁵⁶ Исторические акты, вошедшие впоследствии в книгу «Белорусский архив древних грамот» (М., 1824), были сообщены Булгарину А.М.Глебовичем и печатались в 1823 в «Северном архиве» (№23, 24).

⁵⁷ Т.е. Н.П.Румянцева.

узнаю. С Москвою вовсе не сношусь: недавно лишь отвечал Ходаковскому на письмо его дошедшее ко мне чрез полгода, чрез какую-то *верную окказию*. И он собирается оттуда во-свояси, и кажется ни с чем...⁵⁸

⁵⁸ ОР РНБ. Ф.440. Оп.1. Ед.хр.3. Л.5-5об. Был уязвлен отсутствием признания в литературных кругах и В.М.Первошиков; он жаловался Анастасевичу на нелюбезность Смирдина, интересующегося только «модными писателями», и утверждал: «Я занимаюсь Историею Российской Словесности для себя, не думая о публике» (ОР РНБ. Ф.18. Письмо от июля 1829. Л.6-6об.).

М.Кармазинская

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДЕНЩИК, ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЯ МЕЖЕВИЧА

...Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..

М.Ю.Лермонтов. «Княжна Мери»

В слове «поденщик», вынесенном в заголовок статьи, легко расслышать пренебрежение к вовсе или почти забытому персонажу давней литературной жизни. «В поденщики берут чернорабочих», — сказано в «Словаре» В.И.Даля. В самом деле, литературный поденщик — наемный работник, зависящий от работодателя, заполняющий в журнале или газете отделы «Смесь», «Хроника», «Библиография», «Всякая всячина», «Нравы» и проч. Это фигура третьестепенная и часто «плачевная». Правда, поденщиками начинали и Белинский, и Некрасов, и Чехов, но, как правило, чернорабочий литературы обречен на неприметное существование. Его лицо слито со множеством других лиц, его голос растворен во множестве голосов. И даже став объектом внимания «большой» литературы, поденщик чаще всего попадает в перечислительный ряд, в контекст какой-нибудь презрительной фразы популярного критика, мимоходом объединившего десяток примелькавшихся на страницах периодики имен. Поденщик — это задворки литературы.

Но это и плоть литературного процесса. Поденщик предан každодневной литературной работе, поневоле разнообразной, часто изнурительной, работе ради куска хлеба, превратившейся вместе с тем в единственно возможную форму существования, в привычку и пристрастие. Для поденщика неизбежны вторые, а чаще — третьи (проходные) роли, но неизбежен и профессионализм, и знание литературной «кухни», и причастность к литературному быту. Его заметки, аннотации, переводы, критические реплики, рассказы создают фон, на котором звучат голоса литературных корифеев; незамысловатые сочинения поденщика позволяют оттачивать приемы полемики «властителям дум», формирующим читательское восприятие и мнение. Поденщики под-

час входят в литературу (и остаются в ее истории) не как творцы, но как прототипы ее героев. В их судьбах есть законченность художественного текста: они образуют замысловатые сюжеты, отзывающиеся комизмом юмористического рассказа, фельетона, водевиля — водевиля, в котором забавна даже трагическая развязка.

Современники отзывались о Василии Степановиче Межевиче (1814-1849) как о «бесцветной личности» с характером неопределенным, темпераментом невыраженным. Однако это не помешало Межевичу, «бесталаннейшему смертному», по слову Белинского¹, стать героем критических полемик, литературных переписок, сплетен и скандалов. Его «бесцветная личность» оказалась настолько литературно соблазнительной, что П.А.Каратыгин сделал его героем водевиля², И.И.Панаев посвятил ему «зоологический очерк»³, Н.А.Некрасов — фельетон⁴. Межевич постоянно был в прицеле живого (и неприязненного) интереса Панаева и Белинского и во многом их стараниями приобрел самую скверную репутацию — репутацию литературного перебежчика, продажного журналиста, изменившего «благородным» «Отечественным запискам» для «реакционной и пошлой» «Северной пчелы».

В «Петербургском фельетонисте» Панаев жестоко высмеял и унизил Межевича, но вместе с тем точно прорисовал эволюцию героя, с поражающей прозорливостью заглянув вперед.

Автор очерка, может быть невольно, представил своего героя одержимым страстью к сочинительству «измлада», стихийно. Герой начинает путь в литературе, одушевленный «идеальными и пастушескими мечтами»⁵, он готов для известного редактора «трудиться не только безденежно — он был бы рад отдать ему свои собственные деньги, если бы они были у него, за лестное позволение участвовать в журнале»⁶. Но время идет, и «бескорыстные мечты оставляют его по мере знакомства с жизнью»⁷. Не-

¹ Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. С.221.

² Каратыгин П.А. Авань, или Сцены в книжной лавке // Репертуар русского театра. 1841. №1.

³ Панаев И.И. Петербургский фельетонист // Отечественные записки. 1841. №3.

⁴ Некрасов Н.А. Необыкновенный завтрак // Отечественные записки. 1843. №12. Кроме того, под именем Хапкевича Межевич фигурирует в автобиографическом романе Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

⁵ Панаев И.И. Петербургский фельетонист. Указ. изд. С.34.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.41.

давно грезивший о высшем литературном служении герой превращается в заурядного фельетониста, «уличного гаера, в крикуна толкучего рынка»⁸. Но и эта роль оказывается ему не по силам: его за неспособностью к делу гонит приютивший было редактор продажной газеты. «Куда же теперь пойдет прогнанный фельетонист? Что ему делать? Водевили его, поставленные на сцену, ошканы; мебель отдана за долги, платье изношено. Определяться в чиновники поздно и неловко: ему 38 лет /.../. Книгопродавец подряжает выгнанного фельетониста перевести (разумеется, за бесценок) детскую книжку, /.../ две брошюры «О наивернейшем средстве выводить клопов и проч.» и «О удивительном эликсире, отращающем на плешинах густые и отличные волосы...»⁹ «Бесцельно шатается фельетонист в старой, забрызганной грязью шинели» и наконец «пропадает без вести /.../. Он разыграл свою роль и сошел со сцены»¹⁰.

Панаевский сценарий во многом до мелочей совпал с реальными событиями жизни Межевича, в частности, автор почти точно назвал возраст (38 лет), когда несчастный фельетонист «сошел со сцены», — Василий Степанович погиб 35 лет от роду. Панаев распознал (или накликал) грустное будущее своего героя — будущее опустившегося человека.

В грубой карикатуре проступили черты оригинала.

В отличие от Белинского, как известно, исключенного в 1832 «по слабому здоровью /.../ и ограниченности способностей»¹¹ из Московского университета, Межевич благополучно закончил словесное отделение со званием кандидата. В «годы учения» Межевич, сын титулярного советника, не бедствовал и не нуждался: о нем заботился дядя А.В.Болдырев — ректор университета, цензор и член Общества любителей российской словесности. Благодаря дяде Межевич, в частности, получил стипендию Общества, а после окончания курса весьма выгодное для недавнего студента место корректора в университетской типографии, нашел несколько уроков. У него водились деньги: «жалованье [корректора. — М.К.] 700, квартира, дрова, сверх того /.../ в конце года получает рублей по 300, по 400, по 500 и более /.../ получает со своих уроков рублей по 40 в день», — сообщает матери о недоступном для него материальном благополучии приятеля бедствовавший и нуж-

⁸ Панаев И.И. Петербургский фельетонист. Указ. изд. С.41.

⁹ Там же. С.42.

¹⁰ Там же. С.43.

¹¹ Литературное наследство. Т.56. М., 1950. С.401.

давшийся Белинский¹². С Белинским Межевич сблизился весной 1834 и взялся покровительствовать и деятельно помогать младшему на два года товарищу: подыскал кое-какую работу, обещал выхлопотать место корректора. Вместе они обосновались в «Молве» и «Телескопе» у Н.И.Надеждина, с которым были знакомы по университету. Межевич к этому времени напечатал уже несколько стихотворений¹³ (поэтических банальностей) и переводов в газетах и журналах и, по-видимому, мысля себя в будущем серьезным литератором, задумал собственное издание. В 1833 году он обратился в Цензурный комитет с просьбой разрешить издание газеты «Утренний листок», предполагая развернуть в ней литературную критику в трех разделах с прибавлением «полемических листков» «Журнальная пчелка» (нельзя не услышать в названии проектируемых «листков» отзвук имени популярной «Северной пчелы» — газеты, по-видимому, привлекавшей внимание молодого Межевича). На свое прошение Межевич получил отказ: «Главное управление цензуры не нашло нужным и полезным умножать число существующих уже периодических сочинений новым, которое в корне своем ничем не отличается от других журналов»¹⁴.

Попытка стать издателем не удалась, но журналистской работы у Межевича было достаточно: для «Телескопа» и «Молвы» он много переводит, пишет библиографические заметки и театральные рецензии, произнося критические реплики с весьма уверенной интонацией. Вскоре Межевич попробовал себя и в редакторском деле. Надеждин в августе 1834 отправился ревизовать учебные заведения и счел возможным доверить журналы Белинскому и Межевичу.

Критические опыты Межевича второй половины 1830-х отмечены значительной смелостью. Подобно исполненному отваги

¹² Письмо М.И.Белинской от 25 мая 1834 // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 тт. Т.9. М., 1982. С.31. Письма Белинского 1833-1834 переполнены сетованиями на отсутствие денег, голод, недостаток необходимейших в быту вещей: «...крайне нуждаюсь в подштанниках — а их-то, как нарочно, никто не догадается прислать!» — жалуется он в письме брату К.Г.Белинскому (Указ. изд. С.30). В цитированном письме к матери Виссарион Григорьевич между прочим обронил: «сiju без денег, несмотря на крайнюю расчетливость, умеренность и экономию» (Указ. изд. С.31). На фоне собственной постоянной стесненности в средствах обеспеченность Межевича казалась Белинскому верхом удачного устройства в жизни. В его рассуждениях о старшем товарище сквозят невольная зависть и восхищение.

¹³ Разительное сходство литературного «старта» Межевича и Белинского усугубляется тем, что они оба (хотя и порознь) дебютировали стихотворениями в газете «Листок» в 1833.

¹⁴ Нечаева В.С. В.Г.Белинский: Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». М., 1954. С.445.

и задора младшему другу, он берется за разрешение теоретических вопросов, судит об общих тенденциях литературы, оспаривает существующие представления о теории словесности как науке. Будучи (в 1834-1837) преподавателем логики и словесности в Московском дворянском институте, (В.Р.Зотов, кстати, отзываясь о нем как об опытным педагоге¹⁵), Межевич написал статью «Теория и практика словесности»¹⁶, в которой сформулировал задачи теории словесности как учебного предмета (статья имела прикладной характер). Значительное место в статье автор отвел классификационному описанию разных направлений в современной литературной или «ученой» критике. Наиболее распространенные направления, по мнению Межевича, таковы: критика-«экстракт» (реферат, развернутая аннотация), цель которой — познакомить читателя с содержанием рецензируемой книги (годится при разборе «ученых, исторических сочинений, путешествий»); критика «теоретическая», предполагающая изложение мнений рецензента о предмете сочинения; критика «полемиическая», направленная на то, чтобы «разбить» автора, оспорить его позицию. В целом критика русская, пишет Межевич, еще не вышла из школярского возраста, чаще всего рецензия сводится к «набору фраз, общих мест, исчислению грамматических ошибок»¹⁷, тогда как лучший род критики — суждения, основанные на знании «времени, страны и жизни художника», поскольку всякое произведение «есть выражение своего века, своего народа и самого художника»¹⁸.

Именно на такую — «историческую» критику ориентируется Межевич.

Статья понравилась. И.И.Лажечников просил Белинского благодарить автора «за прекрасную статью /.../ от всех будущих поколений...»¹⁹.

Годом раньше — в 1835 — Межевич произнес речь на торжественном собрании Московского дворянского института «О народности в жизни и в поэзии» (опубликована брошюрой в Москве), в которой назвал «идею народности» главной идеей «нынешнего века»²⁰. Народность, по мысли автора, есть «необходимое условие изящного»²¹, таким образом, художественность, уровень ху-

¹⁵ Зотов В.Р. Петербург в 40-х годах // Исторический вестник. 1890. №2. С.335.

¹⁶ Телескоп. 1836. №7.

¹⁷ Там же. С.321.

¹⁸ Там же. С.319.

¹⁹ Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С.182.

²⁰ Межевич В.С. О народности в жизни и в поэзии. М., 1835. С.6.

²¹ Там же.

дожественности находится в прямой зависимости от национального характера творчества. Сходные мысли развивает в «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский. Вряд ли можно говорить о несамостоятельности Межевича. Скорее, «варясь в одном котле», естественно восприняв умонастроения, близкие редактору-покровителю Н.И.Надеждину, тесно общающиеся Белинский и Межевич сходятся во мнениях. Не случайно Межевич предвосхищает формулу Белинского 1844 года (народность проявляется в «манере понимать вещи»²², главное для истинно народного художника — постичь «тайну народной Психеи»²³), определяя народность как «то неизменное свойство, которое составляет физиономию народа»²⁴, как «сознание /.../ души» народа, и решительно разделяет народность и простонародность²⁵.

В эту пору Межевич часто и охотно рассуждает о том, что нужно и что не нужно литературе, сопровождает критические разборы теоретическими обобщениями, осознавая себя при этом представителем критического ряда («мы ищем...», «нам нужны...»). Нельзя не признать, что рецензии Межевича добротны: его возражения аргументированы, найденные им формулы-оценки не лишены остроумия, у него есть своя тема, свой круг симпатий. От слога сочинителя он требует прежде всего «натуральности», считая, что прошли времена «ложного красноречия и надушной поэзии»²⁶, «наше время» требует «от всякого сочинителя мысли, чувства, здравого смысла», требует, «чтобы писатель говорил бы естественным образом», языком «ясным, правильным»²⁷.

В одной из наиболее ярких статей Межевича, посвященной роману Лажечникова «Басурман», непосредственной оценке романа предшествует изложение концепции исторического жанра: «...мы ищем идей, требуем, чтобы история была для нас развитием жизни человечества», «художник /.../ должен переселиться в избранную им для своего романа эпоху, сдружиться, сродниться с нею, жить посреди людей того века, смотреть на вещи их глазами, думать их умом...»²⁸

Декларируя принципы историзма и реализма (осуществленные в исторической прозе Пушкиным, — проникновение в сущ-

²² Белинский В.Г. Указ. изд. Т.6. С.373.

²³ Там же. С.370.

²⁴ Межевич В.С. Указ. соч. С.37.

²⁵ Там же.

²⁶ Телескоп. 1836. №7. С.309.

²⁷ Там же.

²⁸ Галатея. 1839. №1. С.49.

ность изображаемой эпохи, реставрация ее духа, своеобразия мышления и чувствования), Межевич, тем не менее, положительно оценивает роман Лажечникова, написанный в романтическом ключе. Правда, искусственный язык, «сравнения, взятые из нашего мира современного», «несносная орфография» (подделка под стародавние нормы) — то, что откровенно «ненатурально»²⁹, — критик признает досадными промахами автора.

Статья написана в 1839 году, переломном для Межевича. Год начинается удачно: «как благонамеренный литератор»³⁰ Межевич назначен главным редактором новой официальной газеты «Ведомости Санкт-петербургской городской полиции» (это «хлебное» место выхлопотал для племянника Болдырев), он принимает активное участие в издании московского журнала «Галатей» и в 1840 становится его редактором. Но главное для Межевича событие начала года — А.А.Краевский приглашает его работать критиком в «Отечественные записки», приглашает, отказав Белинскому, за которого просил Панаев.

Межевич переезжает в Петербург, и в январском номере «Отечественных записок» появляется его первая обзорная статья «Русская литература в 1838 году». И эту статью для журнала, где ему прочат роль ведущего критика, Межевич пишет из рук вон плохо. Начав с широких обобщений в духе Белинского («в поэзии весь народ является вам разом»³¹, народность — «главное направление Пушкина», без которого не стало в России поэзии³²), критик как-то неожиданно оставляет «эпический» тон повествования и сбивается на скороговорку аннотаций и беглых библиографических заметок, лишенных не только анализа, но подчас и оценок.

Панаев нашел статью крайне слабой. Краевский был глубоко разочарован. Он некоторое время терпит Межевича, жалуясь, однако, на него в письмах: «Литературные критики плохи /.../ я горюю и ссорюсь беспрестанно с Межевичем»³³. Подталкиваемый Панаевым, Краевский торопится исправить совершенную ошибку, и осенью место ведущего критика в журнале занимает Белинский.

Скоре Межевич стал сотрудником болгаринской «Северной пчелы». По словам А.Я.Панаевой, Межевича «обидело» оказанное Белинскому предпочтение, и он «перебежал» к Булгарину³⁴,

²⁹ Галатей. 1839. №2. С.158, 159.

³⁰ Зотов В.Р. Петербург в 40-х годах. Указ изд. С.336.

³¹ Отечественные записки. 1839. №1. С.1.

³² Там же. С.7-8.

³³ Белинский и его корреспонденты. Указ. изд. С.199-200.

³⁴ Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1972. С.108.

что, впрочем, долго скрывал от недавних сотрудников и единомышленников, подписываясь псевдонимом «Маска». К этому времени у Белинского, судя по его переписке, прежнее дружественное и даже отчасти почтительное отношение к Межевичу сменилось полупрезрительным, откровенно ироничным (рецензия Межевича на «Новые повести» Павлова — «пошлости»³⁵; своей корректурой гофмановского романа «Житейские воззрения кота Мурра» Межевич «доехал» неплохой перевод³⁶ и проч.). Межевичу Белинский по-прежнему симпатичен; во всяком случае его печатные отзывы о Белинском в 1839 еще комплиментарны. Пьесу Белинского «Пятидесятилетний дядюшка» он называет «явлением замечательным»: автор ее затеял трудное предприятие — написать драму из «домашней русской жизни» — и сумел избежать «рассчитанных эффектов, характеров странных, действий кровавых»³⁷. Критические замечания корректны, произнесены тоном дружеского участия и касаются сценического облика пьесы: критик сетует на длинноты и «непрописанность» некоторых характеров (кстати, знание законов театра — одно из очевидных достоинств Межевича — театрального критика). В той же статье Межевич упоминает о «Литературных мечтаниях» Белинского (1834) как о значительном успехе молодого критика (история русской литературы представлена в «живой и одушевленной форме»; чересчур резкие мнения автора окупаются редкой «в наш век честностью и добросовестностью», «беспристрастием» и «юношеским простодушием»³⁸). В печати и Белинский поощрительно отзывается о Межевиче, находя, например, его перевод драмы Дюма «Карл XII, король французский» весьма искусным: «Стихи, право, очень недурны...»³⁹

Но инерция приятельских отношений действует недолго. В апреле 1840 Белинский извещает М.А.Языкова: «Межевич /.../ душою и телом предался Полевому, Гречу и Булгарину. С Богом! Давно бы так!»⁴⁰ В кружке литераторов, близких «Отечественным запискам», «измена» Межевича живо обсуждается и реше-

³⁵ Белинский В.Г. — Аксакову К.С. от 10 янв. 1840 // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.9. С.300.

³⁶ Белинский В.Г. — Кетчеру Н.Х. от 16 авг. 1840 // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.9. С.392.

³⁷ Межевич В.С. Пятидесятилетний дядюшка. Драма В.Белинского // Галатея. 1839. №5. С.41.

³⁸ Там же. С.39.

³⁹ Белинский В.Г. Пантеон русского и всех европейских театров // Отечественные записки. 1840. №6. Отд. VI.

⁴⁰ Письмо от 16 апреля 1840. СПб. // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.9. С.373.

тельно осуждается. Белинский просит В.П.Боткина: «...скажи Кетчеру, что способности сего кроткого юноши быстро развились. Греч говорит, что никто так хорошо не понимал его и не действовал в его духе, как Межевич, а Булгарин говорит: не умру, но жив буду в Межевиче. В самом деле, он подозревается в таких поступках, которым позавидовали бы и Греч с Булгариным»⁴¹. Критик А.Д.Галахов, один из авторов «Отечественных записок», знавший Межевича еще по «Телескопу», старается быть объективным и понять причины, заставившие товарища перебежать во враждебный лагерь: «Межевич, несмотря на многие его достоинства /.../ принадлежит к числу тех людей, которых обыкновенно называют себе на уме /.../ при первой невзгоде, угрожающей его карману, [он. — М.К.] оставит вас /.../ чтобы не повредить своим выгодам вещественным...»⁴² Мнение, что именно материальный интерес руководил поведением «перебежчика», возобладало в кружке «Отечественных записок», и Межевич был единодушно заклеямен прозвищем «продажного» журналиста.

К 1841 позиции сторон окончательно определились. «Межевич начинает открыто ругать "Отечественные записки" и "Литературную газету"», — пишет Краевский М.Н.Каткову в январе 1841⁴³. В самом деле, Межевич, например, встал на защиту Полевого — вечного врага «Отечественных записок», когда Белинский высмеял исполненный Полевым перевод «Гамлета». Белинский, как ему кажется, «ловит» Полевого на ошибке в переводе и дает волю иронии: «...что вам до Шекспира! Он писал по-английски, а вам не учиться же нарочно для него — слишком много для него чести /.../. Старайтесь переводить Шекспира как можно водевильнее, т.е. навыворот...»⁴⁴ Межевич, возражая, подходит к оценке перевода с формальной точки зрения — сравнивает с оригиналом, приводит возможные варианты, опираясь на знание языка, — и аргументированно отстаивает правоту Полевого. Но промашка Белинского для Межевича — только повод для широких обобщений: он констатирует «падение» «Отечественных записок» в сравнении с «Московским наблюдателем», сотрудником которого Белинский был совсем недавно. Рассуждая об отваге «Наблюдателя», которая обернулась дерзостью «Отечественных записок», о «простодушном ребяческом незнании», превра-

⁴¹ Письмо от 31 окт. 1840. СПб. // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.9. С.413-414.

⁴² Письмо от 22 сент. 1840. Москва // Литературное наследство. Т.56. Ч.II. С.42.

⁴³ Там же. С.150.

⁴⁴ Белинский В.Г. Репертуар русского театра // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.3. М., 1978. С. 380.

тившемся в «убежденное невежество»⁴⁵, Межевич имеет в виду эволюцию Белинского-критика, это он — «пал», утратив беспристрастие и самостоятельность. По существу, Межевич, нападая, защищается: его упрекают в том, что он «изменил», он отвечает: изменил, потому что вы изменились.

С этого времени взаимные упреки сторон — обвинения в измене убеждениям, в зависимости от «хозяев» или от приятельских симпатий — становятся постоянными. В «Петербургском фельетонисте», по словам Краевского, «Панаев /.../ выставил Межевича /.../ так ловко, что тому долго не оправиться»⁴⁶. В самом деле, для Межевича это был жестокий удар. Но он не остался в долгу: в рецензии на сборник «Русская беседа»⁴⁷ объявил Панаева завсегдатаем публичных домов. Критические выступления Межевича в начале 1840-х подчас принимают характер сведения счетов. Он затевает интригу против симпатичного «Отечественным запискам» водевиллиста Ф.А.Кони⁴⁸. Зная, что Н.А.Некрасов, в ту пору начинающий автор и литературный поденщик, во многом обязан Кони и во многом зависим от него, Межевич публикует рецензию на некрасовский водевиль «Шила в мешке не утаишь», в которой расточает неумеренные похвалы автору и призывает его освободиться от «покровительства людей, которые едва ли сами не нуждаются в /.../ покровительстве!»⁴⁹ (имелся в виду, конечно же, Кони). Некрасов, заинтересованный в расположении Кони, поспешил заявить о своей непричастности к выступлению Межевича, осудил «отчаянные, неловкие и неумелые»⁵⁰ похвалы в свой адрес и заодно подробно исчислил все противоречия Межевича самому себе⁵¹ (ну, можно ли верить такому цело-

⁴⁵ Межевич В.С. Шекспир, русские переводчики и русская критика // Репертуар русского театра. 1841. №1. С.10.

⁴⁶ А.А.Краевский — М.Н.Каткову, 11 марта 1841 // Литературное наследство. Т.56. Ч.II. С.154.

⁴⁷ Северная пчела. 1841. №254. 12 ноября.

⁴⁸ Подоплеку внезапной вражды Межевича к Кони, которому он совсем недавно «пел дифирамбы», объяснил в открытом письме в «Литературную газету» Некрасов. Кони, в ту пору редактировавший «Пантеон», выставил Межевича из журнала. В ответ Межевич, как это уже с ним случалось, попытался отомстить обидчику «через газету».

⁴⁹ Северная пчела. 1841. №108. 20 мая.

⁵⁰ Литературная газета. 1841. №66. 17 июня.

⁵¹ Некрасов, в частности, упоминает отрицательный отзыв Межевича о сборнике «Мечты и звуки». Любопытно, что из семи рецензий на первый сборник Некрасова, вышедший в 1840, две самые резкие были написаны Белинским и Межевичем. И тот, и другой осудили начинающего поэта за пристрастие к романтическим шаблонам. Так, уже расставшись с Белинским, Межевич, по-видимому, продолжает ориентироваться на него, на его мнения и позиции, с которыми хорошо знаком.

веку!) уже привычно заклеив его беспринципность и непоследовательность (Кони, кстати, принял объяснения Некрасова, но отношения между ними стали прохладнее). Межевич, сообразив, что завоевать Некрасова ему не удалось, принимается «делать пакости»⁵²; в частности обвиняет его в плагиате (присвоении фавбулы водевиля А.Молье «Импровизированная семья») и утверждает, что молодой автор искал у редактора «Полицейских ведомостей» заступничества, покровительства и проч.⁵³

Но добрые отношения не сложились у Межевича и с Булгариным. Сотрудничая в «Северной пчеле», он не всегда согласовывал свое мнение с точкой зрения издателя⁵⁴. Выходка Межевича, направленная против Панаева (рецензия на сборник «Русская беседа»), также была неприятна и невыгодна Булгарину. За поведение своего сотрудника Фаддей Венедиктович, как рассказывает в мемуарах Панаев, подобострастно извинялся перед дядей Ивана Ивановича — крупным чиновником В.И.Панаевым: «Я вашего племянника люблю /.../ Я поручил написать об нем одному сотруднику, думая, что он находится с ним в хороших отношениях, а он с ним в контре — он и ввел меня в эту неприятность»⁵⁵. Став в 1843 соиздателем журнала «Репертуар и Пантеон», Межевич порвал с Булгариным — некоторое время главным редактором журнала — и вскоре отстранил его от участия в издании (вероятно, Межевича поддержал издатель И.П.Песоцкий, который «платил»).

Между тем Межевич вовсе не питал природной склонности к скандалам, склокам и интригам. Напротив, мемуаристы отзываются о нем как о «человеке добром»⁵⁶, голоса врагов и приятелей в этом случае звучат в унисон. «Сердце у него было мягкое, доброе, — вспоминает Зотов. — Он охотно признавал в других превосходство таланта и отдавал справедливость всякому дарованию, даже легко подчинялся влиянию других»⁵⁷. Зотову неожиданно вторит Панаев: «Межевич имел сердце мягкое, расплывающееся»⁵⁸. Однако отмеченная Зотовым способность Межевича

⁵² Н.А.Некрасов — Ф.А.Кони. Между 8 и 13 июля 1841. Петербург // Переписка Н.А.Некрасова. Т.1. М., 1987. С.33.

⁵³ Северная пчела. 1841. №246. 3 ноября.

⁵⁴ Межевич, например, отрицательно отозвался о драме Полевого «Елена Глинская». Булгарин счел необходимым сопроводить рецензию примечанием, в котором отмежевался от мнения своего сотрудника. См.: Северная пчела. 1842. №45. 25 февраля.

⁵⁵ Панаев И.И. Литературные воспоминания. Указ. изд. С.76.

⁵⁶ Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.108.

⁵⁷ Зотов В.Р. Петербург в 40-х годах. Указ. изд. С.337.

⁵⁸ Панаев И.И. Литературные воспоминания. Указ. изд. С.170.

признавать «превосходство таланта» в интерпретации Панаева превращается в «боязнь к уму, убеждениям, ко всякой моральной силе»⁵⁹.

Межевич не был чужд дружеских чувств. Он нежно привязался к Ап.А.Григорьеву⁶⁰, который даже некоторое время жил в его доме, и Василий Степанович трогательно заступался за беспутного товарища перед М.П.Погодиным: «Святым долгом моим считаю взяться за перо, чтобы оправдать в глазах Ваших искренне любимого мною и уважаемого Апол. Алекс. Григорьева... Да, он заблуждается, но это заблуждение не бесчестит его, но ставит выше многих людей, которые идут так называемым прямым путем бесчувственности и безмыслия. Я был так счастлив, что успел сколько-нибудь успокоить его, примирить его раздраженную душу с действительностью /.../ Петербургским чиновником он быть не способен...»⁶¹ Григорьев тогда же отзывался о Межевиче как об одном из «немногих благородных людей»⁶²: «Благодаря дружбе ко мне благородного Межевича, я теперь спокоен, даже весел, сколько можно быть веселым, видя на каждом шагу рабство и гнусности»⁶³. Впрочем, позже он изменил свое мнение о Межевиче на прямо противоположное. В мемуарах «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862) Григорьев представляет Межевича «темной личностью», частью «странно-пошлого мира» «с его запахом довольно тухлым и цветом довольно грязным»⁶⁴.

Межевич был близок с А.Е.Варламовым, с которым они частенько устраивали дружеские пирушки⁶⁵. Да и разрыв с кружком Белинского дался Межевичу тяжело; интересы партийной борьбы не поглощают его настолько, чтобы заслонить чувство потери. Панаев рассказывает о том, как оскорбивший его Межевич искал примирения, как он повинился, просил прощения:

Я жил на даче в Парголово, где жил тогда и Межевич /.../
Я встретился с Межевичем по дороге в сад, мы пошли вместе...

Он вдруг, растроганный, остановился и произнес:

— Знаете ли, что я перед вами очень виноват?

— Каким образом? — спросил я.

⁵⁹ Панаев И.И. Литературные воспоминания. Указ. изд. С.170.

⁶⁰ В 1846 Ап.А.Григорьев активно участвует в журнале Межевича «Репертуар и Пантеон», публикуется в «Ведомостях СПб. полиции».

⁶¹ Межевич В.С. — Погодину М.П. Ок. 1845 // Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн.8. СПб., 1894. С.42.

⁶² Григорьев Ап.А. — Погодину М.П. // Барсуков Н. Там же. С.40-41.

⁶³ Там же. С.41.

⁶⁴ Григорьев Ап.А. Воспоминания. Л., 1980. С.6.

⁶⁵ Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.110.

— Ведь это я написал в «Пчеле» известный вам гадкий намек на вас. Я был тогда глубоко оскорблен вашим «Петербургским фельетонистом», простите меня.

— И, полноте, Василий Степанович, — я уж давно и забыл об этом, — отвечал я.

Межевич с чувством и даже со слезящимися глазами пожал мою руку...⁶⁶

Очевидно, что Межевич, «выясняя отношения» в газетно-журнальных полемиках, не преследовал иных целей, кроме восстановления человеческих связей. Болезненно острая реакция Межевича на насмешки Белинского также свидетельствует скорее о неспособности вполне примириться с утратой приятельских отношений⁶⁷, чем о враждебности, а тем более ненависти к бывшему товарищу. Но ни Белинский, ни его окружение более не принимают Межевича всерьез, он для них навсегда «пропал».

Сотрудничая в 1840-1843 в «Северной пчеле», Межевич по-прежнему пишет рецензии на литературные новинки (прежде всего на словари, учебники, исторические сочинения), на спектакли Александринского и Михайловского театров. Но вместе с тем он приобретает новое амплуа — становится постоянным автором отдела «Смесь»: рассуждает о преимуществах вечерних балов перед утренними, сообщает о меню и ценах в ресторанах, набрасывает забавные сценки — развлекает — и отдается этому с увлечением. Отныне кумир Межевича — «царь современных фельетонистов Жюль Жанен»⁶⁸. Восхищенный талантом француза, Межевич в одной из заметок представляет его судьей русской литературы, русской журналистики: «журналы Русские забыли свое значение и сделались уже не *книгами*, а просто *книжищами* /.../ Говорят, что Жанен, увидев одну книжку "Библиотеки для чте-

⁶⁶ Панаев И.И. Литературные воспоминания. Указ. изд. С.76-77.

⁶⁷ Затяжную литературную перебранку вызвал, например, выход в свет «Нового Робинзона» И.-Г. Кампе в переводе Межевича в 1842. Белинский откликнулся на перевод несколькими рецензиями, первая из которых была вполне благожелательной, прочие — отрицательными. Межевич воспринял перемену в отношении к переводу как личный выпад и обвинил «Отечественные записки» (Белинского) в предвзятости («Беспристрастие "Отечественных записок"» // Северная пчела. 1842. №254). Весь тон реплики («Отечественные записки» судят автора «с высоты своего критического величия», «соображают свои приговоры с теми отношениями, в каких они находятся с издателем, автором или переводчиком») свидетельствует о глубокой обиде Межевича, о терзающем его сожалении, что он утратил расположение Белинского.

⁶⁸ Репертуар и Пантеон. 1843. №10. С.115.

ния“, опустил руки и воскликнул:”Черт возьми! Да где же Россия набрала столько писателей?“ Недоумение очень естественное, потому что умный француз никак не мог вообразить, чтобы в наших журналах помещались четырехтомные романы и бесконечно-длинные критики по началам немецкой философии, писанные людьми, которые столько же знакомы — не говорим с немецкою философией, а просто с немецким языком, сколько Жанен знаком с Русской грамотой»⁶⁹.

Анекдот передан в тоне почтительного восхищения кумиром и пренебрежения к авторитету русского «толстого» журнала. Межевич бросает вызов «серьезной» журналистике, он почти готов отказать ей в праве на существование. Есть в этом вызове и личный интерес — осужденный прежними единомышленниками, Межевич оправдывает себя тем (косвенно, разумеется), что изменил не партии, не убеждениям, но жанру — скучному, напрасно претендующему на глубокомыслие. Образ серьезного литератора в сознании Межевича явно потеснен образом журналиста, не стремящегося быть законодателем литературных вкусов и тем более вождем общественного движения, но любимого публикой, интересного, живого, остроумного.

С Жюлем Жаненом «петербургского фельетониста» сравнивали и Панаев, и Белинский, вкладывая, однако, разный смысл в это сравнение. Панаев называет Межевича «оскорбительной пародией на французских фельетонистов», на «гиганта фельетонного мира — Жюль-Жанена»⁷⁰: Межевич — слабый, несостоятельный подражатель, напрасно надеющийся встать рядом с гениальным коллегой. Для Белинского и французский прототип, и его русский эпигон — равно среди «плевел» литературы. В его устах адресованное Межевичу «русский Жюль Жанен» — обидное прозвище⁷¹. В рецензиях Белинского 1840-1842 Межевич охарактеризован как фигура типическая для целого ряда литературных поденщиков-фельетонистов: «...фельетонисты газеты, где великие писатели судятся со стороны грамматики и печаток», упражняются «в объявлениях о табачных и кондитерских лавочках, о ножовщиках и водочистительных машинах. Это литературная тля...»⁷².

Слово «фельетонист» приросло к имени Межевича (писавшего стихотворения, статьи, водевили, рассказы, много перево-

⁶⁹ Северная Пчела. Журнальные заметки. 1841. №3. 4 янв.

⁷⁰ Панаев И.И. Петербургский фельетонист. Указ. изд. С.31.

⁷¹ Белинский В.Г. Сто русских литераторов // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.4. С.67.

⁷² Белинский В.Г. Речь о критике... А.Никитенко // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.5. С.75.

дившего, в частности — Шекспира), публика и критика поняла и приняла его как фельетониста — он нашел свой жанр.

В 1842 Межевич, утверждаясь в амплуа фельетониста, выпустил сборник «Колосья», заимствовав идею (да и некоторые материалы) у Булгарина⁷³, в чем тотчас же, конечно, был уличен⁷⁴. Собранные в «Колосьях» глубокомысленные сентенции⁷⁵, изречения знаменитостей, анекдоты и шутки (истасканные, как справедливо заметил Булгарин), рассказы о чужеземных обычаях, воспоминания о Пушкине⁷⁶, по замыслу автора, должны были занять публику, развлечь читателя. Межевич пытался освоить интонацию свободной и веселой болтовни, но неизменно соскальзывал к привычному стилю биографической справки или к пошлому заигрыванию с публикой.

Те же невыдержанность стиля и эклектизм характерны и для театральных фельетонов Межевича, в которых он все-таки наиболее раскован и разнообразен. Актерский мир исполнен для него неизъяснимого обаяния, он не только искренно восхищается талантом и личностью Рашель или Садовского, он с удовольствием пересказывает курьезные случаи из актерской жизни, в которых традиционно соседствуют примеры рыцарской преданности искусству с трагикомической историей голодной смерти актера провинциальной труппы. В театральных фельетонах Межевич, как может, расцветивает повествование: рисует картины воображаемого полета над Парижем, заглядывает за кулисы, сообщая новости в лицах, оживляет рассказ диалогами, разоблачает тайны, передает слухи. Рассказывая истории (чаще всего легендарные) из жизни прославленных актеров, композиторов, музыкантов, он заговаривает вдруг языком романтическим (правда, насквозь шаблонным, например: «...утомленные, впалые глаза его сверкали необыкновенным огнем», «тоска, отчаянье, горе — все фурии неизвестности и бесконечного страдания — терзали его душу...»⁷⁷

⁷³ Булгарин в 1842 выпустил сборник «Комары. Всякая всячина» (СПб.), подражая в свою очередь «Осам» А.Карра.

⁷⁴ Булгарин разоблачил плагиат Межевича в рецензии на «Колосья», опубликованной в «Северной пчеле» (1842. №221).

⁷⁵ «Жизнь человеческая резкою чертою делится на две части: в первой мы утешаем себя мечтами о будущем, во второй — воспоминаниями о прошедшем. Где же сущность? Где ж настоящее?» (Колосья. СПб., 1842. С.27).

⁷⁶ Булгарин в упомянутой рецензии на «Колосья» выразил сомнение в достоверности мемуаров Межевича, заметив, что волосы поэта, как всем известно, были каштанового, а не черного, как сообщил мемуарист, цвета.

⁷⁷ Межевич В.С. Хроника иностранных театров // Репертуар и Пантеон. 1843. №3. С.261.

Только в волшебном мире театра с его иллюзиями, фантазиями, страстями и преображениями Межевич мог отрешиться от отведенной ему в жизни роли «апатической, чуждой всякого интереса натуры»⁷⁸, роли человека «лишенного жизненного оригинального колорита», «неказистого», «не умевшего задать тона, пустить пыль в глаза»⁷⁹. Некрасов ошибался, думая, что Межевич пишет по привычке, по инерции, не будучи в силах (не имея характера) избрать другое поле деятельности⁸⁰. «Петербургский фельетонист» жил литературой и театром, вполне отдаваясь страсти к драматическому искусству и закулисной жизни. Даже в «Ведомостях СПб. городской полиции» он помещает театральные фельетоны и литературные заметки (с точки зрения Булгарина, например, неуместные, нелепые в официальной чисто информативной газете⁸¹). С нежным пристрастием относился Межевич к «Репертуару русского театра» и «Пантеону» (с 1843 журналы объединены), в которых вначале был сотрудником, затем редактором, а затем и соиздателем. Межевич дерзнул мечтать о всеобщем признании любимого журнала: не случайно картинка на обложке «Репертуара» изображала публику, толпящуюся возле редакции в нетерпении получить свежий номер. Но большого успеха журнал не имел — хотя некоторое время держался, а с ним держался и постепенно опускавшийся редактор.

Каратыгин в водевиле «Авось, или Сцены в книжной лавке» вывел Межевича под именем «опытного литератора», «литературного подрядчика» Пустевича. Пустевич мечтает жениться на купчихе: «я уж не буду тогда рабочей лошадью, заведу свою пару, перестану возиться с шутовским фельетоном, с глупыми разборами пустяков, брошу перо поденщика и стану писать разве только от скуки»⁸². По-видимому, подобные сегования Каратыгин не раз слышал от Межевича, для которого поденщина стала формой существования. Но он томился, тосковал, чувствовал себя «несчастнейшим человеком»⁸³: его надежды на подлинный литературный успех не оправдывались.

⁷⁸ Письмо В.Г.Белинского — Н.Х.Кетчеру от 16 авг. 1840 // Белинский В.Г. Указ. изд. Т.9. С.392.

⁷⁹ Некрасов Н.А. Необыкновенный завтрак. Указ. изд. С.321-322.

⁸⁰ Там же. С.321.

⁸¹ Булгарин Ф.В. Весьма нужная литературная заметка // Северная пчела. 1849. №228. 14 окт.

⁸² Каратыгин П.А. Авось, или Сцены в книжной лавке. Указ. изд. С.8.

⁸³ Некрасов Н.А. Необыкновенный завтрак. Указ. изд. С.321.

В 1841 в письме к Каткову Краевский между прочим замечает: Межевич «пьет и играет напропалую»⁸⁴. Исчисляя приметы падения «петербургского фельетониста» Панаев называет и пьянство: «он лежит дома в грязи... на столе бутылки с вином и опрокинутые стаканы... руки фельетониста дрожат... глаза опухшие и вечно заспанные...»⁸⁵ Житейское поведение Межевича все менее отвечает представлениям об облике серьезного литератора: он выпал из колеи и более в нее не вернулся. Он не только «пьет и играет», он неразборчив в знакомствах. Панаева в своих воспоминаниях описывает характерную ситуацию: «Около Межевича всегда юлила какая-нибудь подозрительная личность, прикидываясь его закадычным другом, брала на честное слово на три дня у него деньги из подписки на "Полицейскую газету" тысячи две и исчезала»⁸⁶. «Недоразумения» с казной официальной газеты повторяются регулярно, Межевич получает выговоры; часто от неминуемой, казалось бы, катастрофы его спасает жена — заложница его несчастной судьбы.

Он женился в конце 1830-х на «девушке очень хорошенькой, образованной и умной»⁸⁷. Межевич, который даже в самом доброжелательном по отношению к нему мемуаре Зотова изображен «несообщительным» человеком «маленького роста, белокурым, близоруким /.../ неразговорчивым, объяснявшимся нескладно и далеко не красноречиво»⁸⁸, добился согласия на брак, пригрозив застрелиться. Выйдя за Межевича из сострадания, жена вполне поделила его жизнь; она деятельно помогала ему справляться с неурядицами, несмотря на то, что была тяжело больна. Вскоре после свадьбы она стала жертвой несчастного случая и несколько лет (до самой смерти) провела прикованной к постели и почти неподвижной. Но это не мешало ей переводами романов зарабатывать деньги, чтобы покрывать редакционные долги мужа, проводить ночи над готовящимися к печати номерами «Репертуара», когда ударявшийся в загул Межевич не поспевал отредактировать журнал.

Она была единственной опорой не умевшего совладать с собой «фельетониста», и с ее смертью Межевич совсем потерялся. Похороны принудили его выйти «из скромного бюджета обыденных домашних расходов, и без того с трудом покрываемых его

⁸⁴ Письмо от 11 марта // Литературное наследство. Т.56. Ч.II. С.154.

⁸⁵ Панаев И.И. Петербургский фельетонист. Указ. изд. С.41-42.

⁸⁶ Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.111.

⁸⁷ Там же. С.108.

⁸⁸ Зотов В.Р. Указ. соч. С.337.

редакторским жалованьем и литературными доходами»⁸⁹. Он не смог покрыть очередную растрату редакционных денег в «Полицейской газете» и со скандалом был лишен должности, много лет его кормившей. Межевич настолько опустился, что тянуть ляжку литературного поденщика ему оказалось не по силам. Он окончательно спился и вскоре погиб: умер от холеры, покинутый случайной любовницей, которая его обокрала и бежала, оставив безо всякой помощи.

Что за странная фигура? Что за странная судьба у этого «маленького человека в большой литературе»? Ведь не вовсе бездарен он был, нет. У него был талант — «разносторонний, хотя и не блестящий»⁹⁰. Отчего же не стал он не выдающимся, но все-таки заметным литератором эпохи с благопристойной физиономией «серьезного» критика, подобно С.С.Дудышкину, чья ограниченность и заурядность не помешали ни его многолетнему сотрудничеству с Краевским, ни положению ведущего критика «Отечественных записок», ни сносной репутации в истории литературы? Отчего Межевич, влюбленный в театр, споривший, искавший дружества, бедный, раздававший деньги всем, кто ни попросит, потерявшийся и спившийся, воспринимался и был запечатлен в мемуарах и художественных текстах в маске «бесцветной личности», равнодушной ко всему, в маске продажного журналиста, интересы кармана поставившего выше интересов литературной партии? Что за персонаж, как будто возникший на перекрестке миров Некрасова и Достоевского? Титулярный советник литературы, Мармеладов литературного процесса... Неужели прав Некрасов, и «разительное противоречие собственным желаниям», которое Межевич чувствовал «в каждом моменте своей жизни»⁹¹, — лишь результат его нерешительности, бесхарактерности?

Но финал, финал истории — посмертный сюжет — разве не свидетельствует он о вмешательстве в судьбу Межевича «русского рока», о черном юморе которого любил порассуждать Некрасов?

Межевич не обрел покоя и после смерти. Журналист П.Смирновский — один из его знакомцев последних лет — поместил в «Полицейской газете» некролог («Библиотека для чтения» назвала его «плачем»). В этом нелепом выступлении Межевич был ат-

⁸⁹ Зотов В.Р. Указ. соч. С.337.

⁹⁰ Там же. С.335.

⁹¹ Некрасов Н.А. Необыкновенный завтрак. Указ. изд. С.321.

тестован как один из первых русских литераторов, популярнейший журналист, с кончиной которого осиротела публика. Комическое несоответствие начертанной в некрологе исполинской фигуры и реального облика умершего бросалось в глаза. Булгарин, всегда недолюбливавший Межевича и раздраженный фальшивым панегириком, выступил с подробным опровержением, всерьез оспорил похвалы Смирновского и поставил покойного Межевича на место, очередной раз заявив о его несостоятельности.

Этот диалог стал поминовением литератора, думавшего прожить жизнь лордом Байроном, а кончившего ее титулярным советником.

О.Е.Майорова
МОСКОВСКИЙ ПЕТИМЕТР
(Из истории русского утопизма)

Он был философ по жизненному труду
своему; особенно — практический философ,
выразившийся в делах, а не в учении...

В.В.Розанов

Об этом человеке написано мало. Несколько воспоминаний, восторженных и умиленных, несколько статей, довольно вялых и нравоучительных, бледные некрологи, сугубо парадные юбилейные заметки — вот, пожалуй, и все, что оставили о нем современники, исключая многочисленные, но крайне беглые упоминания в мемуарах, письмах, эссеистике. Есть, правда, еще источник, уникальный по богатству мысли: у В.В.Розанова рассыпано множество метких о нем суждений, страдающих, однако, одним «изъяном» — слишком многое связывало, а потом и разделяло этих людей, слишком глубоки подтексты, чтобы сразу разобраться в розановских афоризмах.

«Деятель народного образования», педагог, публицист, ботаник — вот традиционный набор сведений; кочующих из издания в издание и ничего по сути не говорящих о человеке, известном на рубеже XIX и XX веков почти всей России.

Сергей Александрович Рачинский (1833-1902) прославился действительно как педагог. Однако созданная им школа для крестьянских детей, его статьи и книги о народном образовании вошли не только в историю педагогики, но стали частью русской культуры, «обеспечив» Рачинскому вовсе не свойственную ему, но столь традиционную для российского философа или художника миссию проповедника, учителя, чье слово обращено ко множеству неизвестных ему людей.

Как это произошло? Почему его скромная школа, точнее — село Татеево Бельского уезда Смоленской губернии, родовое имение Рачинских, превратилось в место паломничества? Не было ли здесь просто-напросто массовой истерии, часто вспыхивающей в переходные эпохи?

Чтобы ответить на эти вопросы, придется начать издали, и даже совсем не с Сергея Александровича, а с его двоюродного брата Григория Алексеевича Рачинского, замечательный порт-

рет которого оставил Андрей Белый. «Г.А. плавал в стихии искусств: старик Поленов, собиратель картин Остроухов, Серов — друзья дома Рачинских: Г.А был культурною "Мира искусства" — до "Мира искусства", вынашивая платонически лозунги Абрамцева /.../ но и великолепно разбираясь в классиках-итальянцах; поклонник Баха, Генделя, Глюка, понимал Скрябина, восторгался музыкой Метнера и д'Альгеймами.

Ходил по Москве парадоксом; староколенный москвич с "традициями" сороковых годов, рукоплескал всему смелому, унывая из быта, с которым видимость створяла его; чтимый профессорами, он зашибал носы озорным духом /.../ котировали его остроумцем; он импонировал фонтанами текстов: на всех языках»¹.

За вычетом «озорного духа» и с поправками на эпоху (Сергей Александрович был значительно старше брата) — все остальное как бы общий фамильный фонд: и «стихия искусств», и «традиции сороковых годов», и «фонтаны текстов»... В роли умного говоруна, утонченного ценителя искусств и, как его называли злые языки, «ботаника-дилетанта, исследователя цвета и запаха цветов»², «московского *petit maître*'а и ученого»³ С.А.Рачинский столь же прочно вошел в литературный быт 1870-х годов, как его брат — в жизнь начала века.

«Я прямо забывалась от восторга, слушая тихий голос и прелестную речь Рачинского»⁴, — вспоминала дочь В.А.Соллогуба. Он покорял и более искушенных собеседников. Среди близких приятелей молодости, ценивших его мнения, — Л.Н.Толстой, П.И.Чайковский, Ф.Лист, Куно Фишер. Об отношениях с каждым из них можно написать по крайней мере по отдельной статье — столь богатый материал сохранился в обширном семейном архиве Рачинских⁵. Но, пожалуй, еще важнее имена литераторов старшего поколения, допустивших Рачинского в свой круг.

Студентом он познакомился с Каролиной Павловой, и встреча эта имела столь важное для него значение, что спустя сорок лет в автобиографических заметках среди главных событий юно-

¹ Белый А. Начало века. М., 1990. С.102-103.

² Голицын В.М. Московский университет в 60-х годах // Голос минувшего. 1917. №11/12. С.187.

³ Ерее. О кольцах и других мелочах // Столица и усадьба. 1916. №57. С.20.

⁴ Сабурова (урожд. Соллогуб) Е.В. Воспоминания // ОР РГБ. Ф.667. Карт.3. Ед.хр.1. Л.63.

⁵ Одна из таких статей (о дружбе с Л.Н.Толстым) написана: см. обстоятельную работу И.Антюфеевой «Мне радостно читать Вас и издали любить...» (Прометей. Т.12. М., 1980. С.62-83).

сти он упомянул «первый вечер у нее. Чтение Григоровича», а затем — «ужины у Павловых», где он был свидетелем споров Хомякова, Киреевского, Грановского, Шевырева⁶. «Живя интересами своей юности, Каролина Карловна любила по вечерам отводить со мною душу в бесконечных рассказах о Пушкине, Мицкевиче, Боратынском, в разборе их стихов...»⁷ Рачинский чуть ли не ежедневно встречался с людьми, хранившими живое предание о пушкинской эпохе, — он стал младшим другом В.Ф.Одоевского, С.А.Соболевского, Н.В.Путяты, завсегдатаем салонов Сушковых, Соллогубов.

Рачинский не был поэтом, но в нем жила потребность в сочинительстве. Его стихи, повести, сказки — забавные салонные безделки, написанные изысканно просто, — лишь изредка попадали в печать, и то он предпочитал сверхэлитарные тиражи, когда в один, когда в шесть экземпляров⁸. Аристократизм был у него в крови, диктуя и светское, и литературное поведение. Род Рачинских действительно был древним (внесенным в шестую часть родословной книги Смоленской губернии) и, между прочим, трижды скрестившимся с Баратынскими. Сергей Александрович в итоге оказался дважды племянником Евгения Баратынского: по материнской линии — родным, по отцовской — троюродным. И это вовсе не мелочь в его биографии. Дело не только в том, что почти все названные литераторы старшего поколения входили в окружение его дяди. Дело в духовном наследстве. Как и Григорий Рачинский, Сергей и сам себя ощущал, и другим казался чуть ли не последним отпрыском гложущей дворянской культуры, носителем стремительно выдыхавшейся традиции высокого дилетантизма. Не удивительно, что сам дух 1860-х годов, на которые пришлась молодость Рачинского, вызывал у него глубокую ненависть: «Поколение, зачатое в эпоху реформ, — писал он Л.Н.Толстому позднее, — носит на себе ясный отпечаток всего того, что бесплодно и смутно пронеслось в умах его отцов»⁹. Пером Рачинского здесь водило не личное раздражение, но отчаяние нескольких поколений, трагически переживавших закат созданной ими культуры.

Тем более кажется странной происшедшая с ним внезапная перемена — то полное перерождение стиля поведения, внешних

⁶ РГАЛИ. Ф.427. Оп.1. Ед.хр.719. Л.21.

⁷ Татевский сборник С.А.Рачинского. СПб., 1899. С.107.

⁸ Обезьяна в 1812 году. Б/м. Б/г. Тираж 1 экз. (см.: Отчет С.-Петербургской публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1868. С.200); Три вторника. М., 1867 (тираж, по одним сведениям, 6, по другим — 9 экз.).

⁹ Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928. С.217.

привычек, манер, которое заставляло современников вспоминать как бы о двух С.А.Рачинских, во всяком случае никак не связывать одного с другим. И мудро было связать: немногие, наверное, могли объяснить себе, каким образом этот изощренный интеллеktуал стал не просто другом К.П.Победоносцева, известного своим недоверием к утонченной культуре, но чуть ли не знаменем обскурантистской политики обер-прокурора Синода.

В письмах к Александру III и, вероятно, при личных с ним встречах, на заседаниях Государственного совета, в кулуарах Победоносцев восхвалял и превозносил Рачинского — и не потому, что они были полными единомышленниками. Победоносцев вообще редко соглашался с кем-либо до конца, слишком скептический у него был настрой ума, всегда и во всем умевшего найти изъян. Причиной была в другом, делом жизни Рачинского, сутью его педагогической системы была всесторонне продуманная, охранительная по духу задача, не во всем Победоносцевым принятая, но в самом существенном близкая его государственно-православной политике, — задача соединения народного образования и церкви. «Среди всех колебаний общественной мысли, — писал Рачинский в 1896, — среди всех экспериментов, столь часто легкомысленных, подчас и преступных, не померкло ни в сознании лучших людей, ни в предначертаниях Правительства (это глубокий поклон в сторону Победоносцева. — *О.М.*) — требование главное, требование тесной живой связи школы с Церковью — связи, которую не создавать нам приходится, а только охранять и укреплять»¹⁰. Эти слова — не «создавать», а «охранять» — были девизом Победоносцева, но в устах Рачинского они носили не программный, а скорее итоговый характер. Стоит приглядеться к его аргументации, чтобы убедиться в неумозрительной природе этих идей.

Образование, органично слитое с церковной жизнью, попросту обречено, по его мнению, на успех в среде русского крестьянства, глубоко набожного и благочестиво чтущего обряд: «Даже бабы самых глухих деревень, с непобедимым недоверием относящиеся к школьному учению, мирятся с ним при мысли, что их дети, после их смерти, будут читать по ним Псалтирь» (С.301). Через церковь лежит дорога в школу. Это не уловка, не приман-

¹⁰ Рачинский С.А. Сельская школа. Изд. 3-е, доп. СПб., 1898. С.310. В цитатах по возможности сохраняется авторская орфография; далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках страниц. Недавно книга переиздана, но, к сожалению, со значительными сокращениями: Рачинский С.А. Сельская школа / Сост., вступ.статья и коммент. Л.Ю.Стрелковой. М. Педагогика. 1991.

ка для простодушных; это, по Рачинскому, единственно верный и прямой путь к подлинной культуре, — не к просвещению, по-европейски понятому и по преимуществу поверхностному, «мертвому», как любил выражаться Рачинский (здесь в нем, конечно, говорил приверженец славянофилов), но к многовековой христианской культуре, сосредоточившей в себе духовный опыт человечества. «Мыслимо ли посвящать свою жизнь на внушение крестьянским ребятам правил правописания глаголов и решения задач на кубическую меру! В школе же церковной каждый год приносит что-нибудь новое и живое, и вот на седьмом десятке, — писал Рачинский, действительно перешагнув уже шестидесятилетний рубеж, — приходится переживать вещи неиспытанные!»¹¹. Неверным было бы заключить из этих слов, что ученики Рачинского не умели спрягать глаголы или что у них не ладилось с арифметикой. Напротив, элементарное образование они получали крепкое; но в основе его лежала совершенно забытая система, и сегодня способная скорее удивить, чем убедить. Скажем, грамоту в школе Рачинского начинали изучать с церковнославянского языка — языка православного богослужения, «живого элемента русской речи, письменной и устной» (С.304). Освоив его, на современном русском ученики Рачинского писали обычно правильно, чувствуя природу слова, его историческое прошлое. Затем занятия языком сводились к чтению классики. Ни зубрежки, ни повторений, все держится на вживании в слово, потому и учителю «каждый год приносит что-нибудь новое».

Во взаимообогащении учителя и учеников для Рачинского нерв церковной сельской школы, в перспективе мыслившейся им как средоточие духовной жизни всей нации. Ведь «учащиеся ищут в ней Христа», а «учащие только Христа ради могут поднять те труды, при коих возможен какой-либо успех» (С.200), и если в народную школу придет интеллигенция (к чему Рачинский призывал и устно, и печатно), возникнет почва для национального единения — будет обретен общий для всех и всем близкий язык. Не зря Рачинский настойчиво повторял, что богослужебные тексты, в первую очередь Псалтирь, даже в несовершенных переводах «продолжают составлять хлеб насущный и темных масс, едва приступающих к порогу знания, и тех избранных, которые стоят на вершине этого знания, на вершине мысли и художественного творчества» (С.303).

¹¹ Письмо С.А.Рачинского к К.П.Победоносцеву от 19 марта 1894 // ОР РГБ. Ф.230. Карт.4415. Ед.хр.2. Л.45-46об. (Далее ссылки на цитируемые письма к Победоносцеву даются прямо к тексту с указанием в скобках номеров картона, единицы хранения и листов.)

Вообще говоря, вывод довольно неожиданный: здравые наблюдения сельского учителя, изнутри знающего народную жизнь, вполне практические, казалось бы, соображения, как лучше учить крестьянских детей, переросли в утопическую по духу картину национального единения. Здесь можно бы досыта иронизировать, вволю играть фразой Мити Карамазова о широте русского человека, если бы не то поразительное обстоятельство, что эту утопию Рачинский осуществил — пусть лишь в масштабах собственной жизни, на узком пространстве собственной биографии, и тем не менее...

Началось все внезапно — иначе, наверное, и не началось бы у человека столь восприимчивого и артистичного: «Со мною случилась вещь, от которой я не могу опомниться. Запрошлою осенью, сестра, занимавшаяся школою, оставила Татево, и мне вздумалось помочь учителю в преподавании арифметики. Теперь у меня в Татево шестьдесят учеников при четырех учителях. В окрестностях возникли еще две школы, и я буквально с утра до вечера учу и учусь — русскому языку, арифметике и Закону Божию»¹². Эти строки написаны в 1877, Рачинский тогда еще только нащупывал дорогу. Но уже в 1880 году, через пять лет после того, как он впервые перешагнул порог сельской школы, Победоносцев получил от него письмо, очередное в их многолетней оживленной переписке, но впервые испугавшее адресата: «То, что я делаю, превышает мои денежные средства. Для того, чтобы продолжать (а остановиться невозможно — столько на мне нависло человеческих существований), — нужно отказаться на всю жизнь от личных издержек — одеться крестьянином, перейти на крестьянскую пищу. Через несколько лет будет поздно — приближается старость. В нравственном отношении это также необходимо. Нужно завоевать себе право читать Евангелие детям не краснея за себя, право требовать от моих помощников то, что я заставляю их делать (они ведут жизнь монашескую). Вполне сознаю трудность дела. То, что я замышляю, — почти монастырь. Но попытаться должно» (Карт.4411. Ед.хр.1. Л.4об.-5). Победоносцев был не на шутку встревожен: «Боюсь я за этого доброго и почтенного человека; боюсь, не готов ли он удариться в область фантазий, от своего одностороннего увлечения. Зачем он хочет теперь покинуть свой дом, жить с мальчиками, ходить в крестьянском платье и проч. Мне чудится в этом нечто болезненное». И далее, как бы оправдывая Рачинского и возлагая вину на государственную систему, точнее разруху (Победо-

¹² Письма Толстого и к Толстому. Указ.изд. С.216.

носцев апокалипсически переживал социальную нестабильность 1880-х), обер-прокурор горестно восклицал: «Сколько людей гибнет от одиночества! Ни для кого нет готовой рамки — всякий деятель сам созидает и идею, и размеры, и арену для своей деятельности»¹³.

Победоносцев страдал неизбежным недоверием к жизни, творческое начало будило в нем страх, в «готовой рамке» мнилось спасение. В этом смысле Рачинский оказался полным его антиподом. Жесткая «рамка», неколебимые словесные границы, суровая социальная регламентация — все это было чуждо его гибкой подвижной натуре, готовой «влиться» в те органичные, исконно сложившиеся — не от ума человеческого — формы жизни, которые допускают полноту самореализации, внутреннюю свободу, не доставляемую никакой свободой внешней. Учреждая нечто среднее между крестьянской общиной и монастырем, Рачинский не придумывал, не ударялся в «область фантазий», он стремился «охранять», а не «создавать», — творить в пределах, заданных жизнью, но не застывших форм.

Вскоре он действительно переехал в бедное здание сельской школы, где жили его ученики; отказался от усвоенных с детства утонченных привычек; как и намеревался, сменил дворянское платье на мужицкое, европейскую кухню на простой крестьянский стол, разделив все тяготы быта со своими привычными к труду учениками. «Эта жизнь научила меня многому, — писал он Победоносцеву спустя два года. — Все нужды барской жизни — призрак. Отказаться от французской кухни, мести пол, вытирать пыль, выносить, что нужно, — ничего не стоит. Можно жить без поездок в города, без иного общества, как крестьянские ребята» (Карт. 4411. Ед.хр.3. Л.10об.).

Трудно отделаться от впечатления, что эти фразы будто списаны у Льва Толстого — да и не только эти. Рачинский, как и Толстой, часто повторял, что всецело обязан крестьянским детям, что они духовно здоровее и много талантливее своих городских сверстников. Однако татовское опрощение — в отличие от яснополянского — свободно от свирепого культурного нигилизма. Рачинский тоже отрицал искусство — но лишь искусство, ставшее «рабом полуобразованной толпы» (С.105), — то, что сегодня принято называть массовой культурой. Он не бежал, подобно Толстому, от искусства как от барской прихоти и сытого баловства, но надеялся жить лишь на самых его вершинах, причем «восхожде-

¹³ Письмо к Е.Ф.Тютчевой от 4 февраля 1881 // Вопросы литературы. 1989. №4. С.281.

ние» отождествлял с самоограничением — добровольным заключением в круг элементарных духовных потребностей или, что для Рачинского то же самое, в круг церковной культуры, казавшейся ему чем-то вроде призмы, пропускающей лишь свет подлинного искусства. В этом смысле знаменательно его рассуждение о церковном пении: «Тому, кто окунулся в этот мир строгого величия, глубокого озарения всех движений человеческого духа, тому доступны все выси музыкального искусства, тому понятны и Бах и Палестрина, и самые светлые вдохновения Моцарта, и самые мистические дерзновения Бетховена и Глинки» (С.109-110). Многие из того, что Толстой отсекал как непонятное народу, а значит, лживое и никому не нужное, Рачинский возвращал контрабандой, вставив в церковную оправу, оправдав внутренней связью с церковным искусством. Соприкасаясь с Толстым, Рачинский как бы стесывал его острые углы, приглушал его отчаяние — в общем, как ни дико это прозвучит, в жизни он был больше художником, более артистичной и гармоничной натурой, чем Лев Толстой.

Татовское опрощение подвижимо было не пафосом морализма, для Толстого первостепенным («завоевать себе право читать евангелие детям» — этот аргумент у Рачинского приведен как-то между прочим), но предельно ясной практической целью, дающей ощутимые результаты: «Жизнь в школе в 60 лет и при моих болезнях становится невозможной, а перекраивать ее на барский лад — грешно. Она сослужила мне свою службу. Она позволила мне в течение пятнадцати лет не тратить на себя почти ничего и приготовить около пятидесяти учителей и служителей Церкви, не считая моих милых живописцев» (Карт. 4414. Ед.хр.4. Л.45об.-46). Учителя, священники, иконописцы из крестьян — вот ближайшая цель Рачинского. Его ученики, получившие затем образование в семинариях и училищах, возвращались в ту среду, из которой вышли, «обслуживали» ее, не выбиваясь из сложившейся структуры общества и тем самым осуществляя идеал Победоносцева — яростного противника социальной диффузии, порождающей лишь запросы, не обеспеченные возможностями, побуждающей к самостоятельному, а значит, сомнительному выбору пути.

Не странно ли, что стройная или, во всяком случае, отнюдь не эклектичная система образования по Рачинскому связывала столь полярные в культурной памяти имена, как Победоносцев и Лев Толстой, причем связывала не умозрительно, не насильственно и не противоречиво?

Строго говоря, в исходных мотивах у них действительно было нечто общее. Да, конечно, идеальное мироустройство они представляли себе по-разному: внутренняя свобода по Толстому,

его гуманистическое христианство исключали возвращенную на недоверии к человеку жесткую социальную регламентацию по Победоносцеву. Однако каждый из них говорил от лица простонародной и безликой массы, защищая не осознанные ею самую ценности; каждый прозревал в исконном быту гармонию и видел универсальное спасение в возвращении к ней; каждый с сомнением смотрел на культуру, избыточную, а то и порочную, уводящую в пропасть. Все эти схождения, конечно, обнаруживаются и сами по себе — из сопоставления позиций¹⁴. Но школа Рачинского «вытянула» их на свет, как бы растворив в себе разногласия.

Высшие запросы эпохи, общие надмыслительные процессы, сводимые в своем разнообразии к жажде спасительного поворота, воплотились в татевской идиллии и заставили встретиться ортодоксального Победоносцева с ненавистным ему «нигилистом» Толстым, революционеров и пропагандистов «хождения в народ» — с самым старозаветным славянофильством, романтически преданным идее органичного национального бытия.

Даже не зная биографии Рачинского, по его статьям можно угадать, сколь глубокое увлечение славянофильскими идеями он пережил в свое время. Школьная система, исходящая из национального идеала, а не из универсальных педагогических рецептов, — эта мысль произрастала, конечно, из славянофильского зерна. Но самое важное, исторически самое, может быть, ценное в фигуре Рачинского, — не само по себе наследство, которое он получил, разносоставное и богатое, а то, как он им распорядился.

«Прежний кружок славянофилов — семьи Киреевских и Аксаковых, Хомяков, Самарин — отличался такою красотой и цельностью жизни, что самое *бытие* его было пропагандою более красноречивою, чем все талантливые писания его членов»¹⁵. Убеждение, опрокинутое в быт; идея, пропитывающая собой биографию; «красота и цельность жизни» как неопровержимое свидетельство истины, — этот вкус к воплощению ментального и сделал Рачинского уникальной фигурой, создавшей в России «островок», где грамотность стала естественным состоянием народа. В 1892 году, на исходе второго десятилетия своих занятий в сельской школе, Рачинский — сам поражаясь успеху — сообщал Победоносцеву: «Никогда не было столько новичков, как этою осенью. Половина из них пришла с маленькою подготовкою, т.е. знанием

¹⁴ См. подробнее: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1988. Гл.VII.

¹⁵ Недатированное письмо Рачинского к А.А.Кирееву // ОР РНБ. Ф.349. Оп.1. Ед.хр.59. Л.21. Здесь и далее курсив в цитатах авторский.

букв, умением правильно считать, знанием некоторых молитв (Отче наш знают все). Это явление новое. То ли будет, когда удастся распространить учение девочек! И теперь есть хорошие, неделимые семьи, не отдающие детей в школу, потому что старшие братья и молодые дядя учат детей решительно всему, что в крестьянском обиходе нужно, — и эта успешная конкуренция со мною моих прежних учеников несказанно меня радует» (Карт. 4414. Ед.хр.4. Л.49об.-50). Даже если результаты своей деятельности Рачинский склонен был преувеличивать — царившая в Татеве атмосфера сама по себе способна надолго занять воображение: «Татевская школа принимает все более и более фантастический характер какого-то светского монастыря с постоянно живущею в нем братиею, с широким гостеприимством. Число моих бывших учеников возрастает, близость их ко мне и к школе не уменьшается. Они беспрестанно гостят у меня, пользуясь святками, масленицею, частыми перерывами в зимних работах. Я не в силах отказаться от этой роскоши. Ведь эти юноши убегают ко мне от праздничного пьянства, чтобы проводить со мною праздники по-христиански: в чтении (почти исключительно) книг духовных, в церковном пении, в тихой беседе» (Карт.4411. Ед.хр.3. Л.5-5об.). Не удивительно, что этот островок — как только появились в печати первые статьи Рачинского и отзывы посетителей о его школе — стал местом паломничества. Шла и писала в Татеве прежде всего неискушенная масса, искавшая и совета, и настоящего дела: «Все чудачки Российской империи чувствуют ко мне влечение — род недуга, и вступают со мною в переписку и заочную дружбу» (Карт.4414. Ед.хр.3. Л.15). Но «чудаков» оказалось слишком много, поток не иссякал больше десятилетия. С каждой почтой Рачинский получал «массу писем, из разных городов России, от лиц самых разнородных по умственному складу и общественному положению»¹⁶. Его поражало, как, оказывается, легко стать пророком в своем отечестве, — и пугала эта легкость: «Странное явление — эти беспрестанные обращения, эти письменные исповеди юношей духовного звания перед мирянином, им совершенно неизвестным. Симптом опасный. Положим, от меня они ничего вредного не услышат. Но множество из них, без сомнения, обращается точно так же к Толстым и Соловьевым...» (Карт.4415. Ед.хр.1. Л.16; имелись в виду, конечно, Лев Толстой и Владимир Соловьев, которых Рачинский — при всей симпатии к обоим — безусловно осуждал за критику церкви).

¹⁶ Розанов В.В. Из переписки С.А.Рачинского // Русский вестник. 1903. №1. С.228.

Не только безвестные люди, но и самый цвет консервативной России — от Николая Страхова до Константина Леонтьева, от Тертия Филиппова до Александра Киреева, не всегда вступавшие друг с другом в публичную полемику, но почти всегда раздираемые нешуточными разногласиями, — все они искали спасения в татевской идиллии. «*”Я восхищен деятельностью Рачинского“*, — сказал мне с ударением Н.Н.Страхов, когда по переезде в Петербург я говорил с ним о Татеве, — вспоминал много позднее Розанов. — И я принял это молча, как программу мышления о Рачинском, как прекрасно сказавшуюся формулу»¹⁷. Страхов, мастер четкой и ясной фразы, видимо, так верно выразил господствовавшее настроение, что эта вполне тривиальная «формула» оказалась прекрасной, да еще человеку с поразительно тонким слухом...

Общее сочувствие удивило самого Рачинского, когда в 1882 году впервые после продолжительного уединения он приехал в Петербург и оказался свидетелем закулисных раздоров тех, кого издали считал бойцами «одного стана»: «Утром у меня был *И.С.Аксаков*. Оказывается, что он с Победоносцевым более не видается. /.../ Он наговорил мне кучу любезностей»¹⁸. А через пару дней, возобновив множество старых знакомств, Рачинский записал в дневнике: «Все, как бы сговорившись, пристают ко мне, чтобы я перепечатал мои статьи из *”Руси“*»¹⁹, то есть из газеты *И.С.Аксакова*, — те статьи, в которых Рачинский впервые подробно рассказал о татевской жизни и которые составили потом основу его книги «Сельская школа», выдержавшей подряд несколько изданий.

Много было причин столь единодушного признания. Они коренились и в гармоничной, примиряющей противоречия природе Рачинского, и в требованиях эпохи — в усталости от упадочных настроений 80-х годов, в тоске по делу, в надежде на консолидацию консервативных сил, богатых историософскими концепциями, но нищенски бедных опытом реализации своих построений. Если у кого и возникала потребность в полемике с татевским затворником — предпочитали либо не замечать разногласий, либо — еще удобнее — упрощать Рачинского, как это делал Победоносцев, любивший рекомендовать его как бесхитростного подвижника, «Божьего человека», простака²⁰.

¹⁷ Русский вестник. 1902. №11. С.145.

¹⁸ Татевский дневник // РГАЛИ. Ф.427. Оп.1. Ед.хр.718. Л.10об.

¹⁹ Там же. Л.11об.

²⁰ К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; П., 1923. Т.1. Полумтом 1. С.67.

Тем, однако, важнее за похвалами расслышать и голоса сомнения.

«Ваши статьи в "Руси" мне не понравились, — без обвиняков писал Рачинскому Лев Толстой, недовольный церковным характером татевской школы и усомнившийся в полной искренности ее основателя. — Есть неопределенно-православное направление — которое есть не только признание факта требований народа, но к которому, к православию, выражается ваше сочувствие. Сочувствие же ваше не непосредственное и вместе с тем не разъясненное»²¹. Действительно, «непосредственное», личное в статьях Рачинского спрятано: пастырь как бы затерялся в своей пастве, его собственный опыт, интеллектуальный и душевный, его собственная вера стали частью коллективного сознания и потому не нуждались ни в разъяснении, ни в защите. К этому ключевому мотиву Толстой оставался глух. Можно было бы отмахнуться от его слишком рассудочного недовольства, объяснимого скорее ненавистью к государственному православию, чем неприятием логики Рачинского, — если бы не то странное на первый взгляд, но знаменательное обстоятельство, что и В.В.Розанов, мало имевший общего с Толстым, тоже с явным скепсисом относился к религиозности Рачинского, хотя изъясн видел в другом, прямо противоположном свойстве — в избытке личного, субъективного начала, в преобладании слишком индивидуального чувства. «Он до того *привык*, что христианство есть духовная атмосфера одиноких людей, отчасти и вытканная душою одиноких же людей (историческое христианство, начальный аскетизм), что где наступали границы этому тонкому реянию одиноких грез, границы иногда жесткие, иногда властительные и страстные, там он пугался какого-то разрушения христианства, чувствовал врага, который пришел смутить его сердце и поколебать главное его сокровище»²². Итак, Толстой упрекал в деланности, безличности «православного направления», Розанов — в интимности, тепличной хрупкости; Толстой писал под впечатлением статей Рачинского, Розанов — перечитывая письма и вспоминая о непосредственных встречах. Но говорили они, по сути, об одном и том же: оба видели в религиозности Рачинского нечто вроде защитной маски, подозрительно благостной для утонченного интеллектуала, для человека редкого, как выразился Розанов, «калибра ума»²³. Была в этом хоть доля истины?

²¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1934. Т.63. С.84.

²² Русский вестник. 1902. №10. С.604.

²³ Русский вестник. 1903. №1. С.228.

В одном из писем к Победоносцеву у Рачинского вырвалось признание, тем более ценное и вызывающее доверие, что оно резко контрастирует со свойственной обычно адресату скорбной, унылой интонацией и потому вряд ли могло быть рассчитано на его сочувствие: «...я плохой христианин. Недостает мне именно — не сознания, а постоянного ощущения суеты всего земного. Я несокрушимо, непобедимо счастлив. И теперь, больной и старый, лишенный возможности той непрерывной деятельности, которая могла служить некоторым извинением моему легкомыслию, продолжаю радоваться каждому цветку, распустившемуся на моем окне, каждому хорошему письму от человека, мне неизвестного, каждому лучу солнца, каждому доброму движению в душе ближнего...» (Карт.4415. Ед.хр.1. Л.23-а-23-а об.). Вера Рачинского — это прежде всего чувство, причем сугубо земное и упительное, несущее радость и ощущение полноты бытия. Духовное оказывалось по-земному прекрасным, а красивое, пленяющее внешними формами, — одухотворялось, и потому Рачинский нередко приравнивал одно к другому: «Обращение моих учеников-учителей в диаконы всегда производит на меня впечатление вылупления бабочки из бесформенной кризалиды — столько при этом в них обнаруживается нового — и хорошего» (Карт.4415. Ед.хр.2. Л.22об.). В статьях Рачинский обстоятельно писал о культурном, образовательном значении Псалтири, несущей общий для всех язык, а в письмах признавался, что для него это в первую очередь книга «настраивающая в полную гармонию все струны верующей души» (Карт.4415. Ед.хр.1. Л.24об.). Может быть, этим запасом гармонии и красоты и привлекала Рачинского церковь? «Церковная жизнь, — писал он А.А.Кирееву, — естественна, исполнена красоты и утешений». На первом месте — «естественность» и «красота», и лишь далее, будто спохватившись, Рачинский произнес неизбежное, но для него самого, может быть, и не такое уж существенное: «Возрождение ее (церковной жизни. — О.М.) одно может положить предел тем блужданиям мысли, коим дает беспрестанную пищу ложь, пустота и грязь нашего современного жизненного строя...»²⁴.

Толстой, видимо, был прав, ощущая недостаток «непосредственного» в православии Рачинского. Его религиозное чувство в самом деле опосредовано — красотой, даруемой церковью и ею же охраняемой. Да, в печати, в публичных выступлениях он вопрошал современников: «Будем откровенны, будем искренни. Для многих ли из нас вопросы веры — вопросы жизни?» (С.39).

²⁴ ОР РНБ. Ф.349. Оп.1. Ед.хр.59. Л.21об.

Но если вчитаться в интимные документы, дневники, письма Рачинского, убеждаешься, что дух осуждения, испытующий взгляд, воительный темперамент — все это ему чуждо, все это скорее дань эпохе, понятный ей язык. Перед Рачинским преклонялись как перед тружеником и подвижником — и справедливо. Но ощущал он себя скорее поэтом, причем поэтом эпическим, прозревающим скрытую от суетного взора гармонию бытия: «Как не умеют наши живописцы выбирать сюжетов для картин. Изображал ли кто-либо момент перед причастием в сельской церкви, когда священник произносит "Верую Господи и исповедую"... Этим моментом я постоянно люблю, а на прошлой неделе красота его была поразительна. Масса детских взоров, устремленных на чашу с выражением ангелов "Сикстинской Мадонны"; за ними ряд стариков — они у нас говеют преимущественно на первой неделе, пока нет распутицы, — и озаренное солнцем, умиленное лице священника...» (Карт.4412. Ед.хр.1. Л.24об.-25). Красота в мире Рачинского получила как бы особый статус — статус свидетельства истины, простирающейся сквозь грубую земную оболочку. Это чувство не было минутным настроением. Спустя десять лет после письма, из которого взята предыдущая цитата, он послал Победоносцеву развернутый рассказ о вечере Великой Субботы в Татеве — рассказ, позволяющий утверждать, что Рачинский действительно был художником в жизни: «Пишу Вам из школы. Все готово к встрече Праздника. После раннего ужина и краткой молитвы удалось уложить лишь часть ребят. Старшие в Церкви — читают "Деяния". Многие тихо сидят в полутемном убранном классе, ожидая первого удара колокола. Декорация ныне лучше, чем когда-либо: все школьные герани расцвели, между полотенцами на стенах размещены тексты Пасхальных песнопений. Центр всего — прекрасный лик Христа, нарисованный в одну ночь Николеем — углем и мелом». Здесь необходим краткий комментарий. «Николеем» Рачинский называл одного из «своих милых живописцев», довольно известного уже в то время художника-передвижника Николая Петровича Богданова-Бельского, сына батрачки, которому Рачинский придумал вторую, громкую часть фамилии по названию уезда, где расположено Татеево, обеспечил ему образование, подарил одну из своих деревень, продолжая опекать даже тогда, когда тот стал получать выгодные и престижные заказы. Сюжеты своих картин, и общий замысел, и детали — все это художник обычно обсуждал с Рачинским и был как бы его руками, воплощавшими видение Рачинского²⁵. Продолжим ци-

²⁵ См. подробнее: Фаермарк Д.С. Задача пришла с картины. М., 1973.

тату: «Служба сегодня прошла прекрасно. Пели с одушевлением, паремии были прочтены безукоризненно. Лет двадцать тому назад Церковь в этот день бывала пуста. Сегодня она была полна /.../ На колокольне зажегся первый фонарь. Все ребята повскакали с постелей. Скоро нужно будет одевать их в белые рубашечки. Допишу письмо завтра». И на следующий день Рачинский продолжил свой отчет: «Пасхальная ночь была дивная — теплая и ясная. Ребята в одних рубашках перебежали из школы в Церковь. Служба прошла оживленно и торжественно. Молодая полька (гувернантка детей нашей докторши) пришла в восторг от того, что она видела в Церкви и школе — между утренею и обеднею. Из школы она было пошла домой, но с дороги вернулась и отстояла также обедню. Видно, велика и внешняя красота этого праздника, там, где он встречается с истинною любовью к внутреннему его смыслу» (Карт.4415. Ед.хр.2. Л.52-53об.)

Может быть потому многочисленным подражателям и последователям Рачинского не удалось создать чего-либо подобного его школе или, как мечталось даже скептику Победоносцеву, размножить татовскую идиллию в государственных масштабах (именно опыт Рачинского Победоносцев положил в основу церковно-приходской школы), — что за их усилиями стояли идея и чувство долга. А за трудами, причем колоссальными трудами Рачинского — потребность в обретении душевной гармонии, равновесия, даруемых патриархальным миром. То, что называлось педагогической системой Рачинского — при всей ее продуманности, — держалось поэтическим складом его натуры, способностью понять и впитать в себя внутренний строй крестьянского мира, а значит, принять и церковь — как главную тему этого мира. И именно как к теме Рачинский обращался к ней, делая основой любых вариаций. Потому и изучали в его школе прежде всего церковнославянский язык, а уже затем русский. Потому он и посвящал все свободное время переводам на русский язык евангельских текстов и Псалтири, изучению и осмыслению духовной музыки.

Однако, сменив тему, Рачинский не изменил себе. Живя одной жизнью с крестьянскими детьми, он не утратил своего аристократизма. Это очень точно, хотя и раздраженно, подметил Розанов, имея в виду, как кажется, не только и не столько сословную гордость, но аристократизм духа: «Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьева и Рачинского. Не люблю их мысли, не люблю их жизни, не люблю *самой души*. Пытаясь, кажется, нахожу главный источник /.../ в "сословном разделении"».

Соловьев если не был аристократ, то все равно был "в славе" (в "излишней славе"). Мне твердо известно, что тут — не зависть ("мне все равно"). Но говоря с Рачинским об *одних мыслях* и будучи *одних взглядов* (на церковную школу), — я помню, что все, им говоримое, было мне чужое...»²⁶

Любопытный образчик неподдельного аристократизма Рачинского — его письмо к О.А.Новиковой в связи с возможной политической победой, «воцарением» Гладстона: «...говорю "воцарение", ибо нет в мире монарха более неограниченного, чем английский премьер, опирающийся на компактное большинство. Я же, пользуясь дивною погодою, целые две недели таскал навоз и чистил грядки. Это подействовало благоприятно на мое здоровье...»²⁷ Сколько здесь презрения к этой мелкой политической суете, к «подробностям европейской парламентской жизни», которой он «заинтересоваться /.../ решительно не в силах»: все политические речи, «вся эта адвокатская литература, многословная и однообразная, претит мне до крайности»²⁸.

Не изменил Рачинский и своим литературным пристрастиям. В его школе читали главным образом Пушкина и писателей пушкинского круга. Единственный прозаик позднейшей эпохи, допущенный Рачинским в школу, — Лев Толстой, и отнюдь не из пиетета перед его педагогическими новациями, но вследствие выношенной языковой позиции Рачинского, глубоко анахроничной для конца XIX века и наложившей отпечаток на его собственный стиль, изысканно простой, прозрачно ясный, скупой даже на самую традиционную образность. Рачинский исходил из того, что вся послепушкинская литература — свидетельство катастрофического падения языковой культуры, и делал из этого необычный для школьной практики вывод: «...весь гоголевский период русской литературы остается и навсегда останется недоступным русскому народу» (С.57).

Вообще говоря, неприятие гоголевского направления объединяло всех представителей консервативной общественной мысли прошлого века — от изощренного эстета Константина Леонтьева до боевитого фельетониста Василия Авсеенко. Кстати, все они делали исключение для Толстого, «доходившего», по словам Рачинского, в лучших своих произведениях «до чисто пушкинской трезвости и силы» (С.66). Но одни трактовали гоголевскую школу как уступку низкому вкусу, легко прививаемому или даже ор-

²⁶ Розанов В.В. Соч. М., 1990. Т.2. С.284.

²⁷ ОР РГБ. Ф.120. Карт.8334. Ед.хр.4. Л.36об.

²⁸ Там же. Л.46-46об.

ганичному неграмотной среде; другие, подобно Рачинскому, — как отпадение он национальной культуры, от национальной языковой стихии, воплощенной в Пушкине, внятной каждому, а в народе по-прежнему живой: «Когда я еще не приступал к занятиям в школе, я думал, что знаю Пушкина и умею его ценить. Я ошибался. Узнал я его только теперь. Этот светлый, реальный мир, который меня окружает, мир бодрой веры и трезвого смирения, мир духовной жажды и здравого смысла, — этот мир, столь новый и как будто давно знакомый, это *его* мир, с раннего детства пленявший и манивший нас. Он *его* певец, он *его* пророк...» (С.59). Отсюда вывод, определивший тактику Рачинского-педагога: язык Пушкина — это «единственный мост, соединяющий народную речь с речью нашей литературы» (С.60).

В этих словах ощущим и личный опыт. Затворившись в Татеве, Рачинский лишь укрепился в своих взглядах. В его книге «Сельская школа» — страстном панегирике крестьянской жизни — видна все та же артистичная натура. Попав в новый мир и в нем увидев силу, способную захватить и подчинить себе не одного человека, но национальную будущность, Рачинский прозревал и картину цельного, религиозного в своей основе будущего искусства, синтезирующего эстетику XIX века с гармоничным патриархальным мировосприятием: «Цвет русского искусства — впереди. Вся громадная художественная работа России в девятнадцатом веке — работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, все эти смелости и тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоение народных форм творчества, вся эта горячая и искренняя правдивость в изображении действительности /.../ все это лишь драгоценный материал, из коего будет воздвигнуто величавое здание русского искусства двадцатого века» (С.201). И именно народная церковная школа будет местом встречи этого искусства с цельным мировосприятием: «В мире сем все связано: успехи сельской школы с поэзией Пушкина и музыкою Глинки, — будущие судьбы русского искусства с жизнью русской сельской школы» (С.201-202).

Утопия Рачинского по духу своему была панэстетической утопией, всеми сторонами «замыкавшейся» на красоту: цельный патриархальный мир, покоряюще-гармоничный сам по себе, служил безошибочным критерием прекрасного, — избавляя от надуманного и ложного, и главное — мог, очнувшись от векового сна, стать почвой будущего совершенного искусства. И этот вполне «двадцативечный» панэстетизм (правда, не откровенный, тщательно облаченный в идеологические доспехи, столь обязательные в XIX веке), а также свойственное Рачинскому ощущение «руб-

жа», близкой перспективы обновления делают его фигуру в прямом смысле переходной, буквально переступающей через грань эпох, с той лишь существенной оговоркой, что для человека начала нынешнего века у Рачинского было слишком светлое, мажорное мировосприятие. Тревожные предчувствия, пессимистические прозрения, ощущение надвигающегося конца — все это либо чуждо было Рачинскому, либо не выходило на поверхность. «Пишите о вещах, относительно коих Ваш кругозор не омрачен», — настоятельно советовал он Розанову, видимо, остро чувствовавшему это их различие как различие людей разных эпох и потому заметившему: «...Рачинский всегда был художником, слишком "ботаником", а не человеком в обширном смысле физиологии и медицины»²⁹. Этим тонким суждением Розанова и пора, очевидно, завершить первое и, хочется думать, предварительное знакомство с Сергеем Рачинским.

²⁹ ОР РГБ. Ф.249. Карт.4205. Ед.хр.2. Л.1об.

В. А. Викторович
ЛИТЕРАТОР-НЕВИДИМКА
Из цикла «Спутники Достоевского»

А числом угодники нечислены,
Честным именем подвижники неявлены,
неявлены — неизглаголаны...

Вяч. Иванов

1

«Литератор-невидимка, много писавший, но никогда не подписывавший своего имени», — так характеризовал Александра Устиновича Порецкого (1819-1879) П. В. Быков¹. Мемуарист и библиограф не вполне точен. Имя Порецкого все же являлось в печати, но по моим подсчетам лишь в четырех случаях за всю его жизнь. Оно стоит под стихотворением, многократно перепечатывавшимся в детских хрестоматиях: «Ах, попалась, птичка, стой! Не уйдешь из сети...»² Подпись Порецкого, вместе с подписью А. Н. Майкова, значится под статьей-некрологом о П. М. Цейдлере, чуть ли не единственным в ту пору публичном признании заслуг замечательного русского педагога³. Наконец, Порецкий некоторое время ставил подпись как редактор (точнее, как бы теперь сказали, и.о. редактора) журналов: «Воскресный досуг» (№65-71 за 1864) и «Эпоха» (№6-12 за 1864 и №1-2 за 1865).

Тем не менее Быков прав в том отношении, что Порецкий, автор множества статей, печатавшихся в разделе внутреннего обозрения, популярного в русской журналистике второй половины прошлого века, ни разу не поставил под ними свою подпись. Тому есть несколько объяснений. Внутренние и иностранные обзоры в журналах вообще печатались анонимно, как бы от имени редакции. Однако Порецкий, даже выходя за границы указанной журнальной рубрики, не подписывал и отдельно стоящие свои статьи. Возможно, сыграло свою роль то, что он всю жизнь был на государственной службе, дотянув до действительного

¹ Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. Л., 1930. С. 58-59.

² См.: Родное слово. Год первый. СПб., 1864. С. 68; Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. Авторство А. У. Порецкого отвергнуто (на наш взгляд, без достаточных оснований) в изд.: Русская поэзия детям. Л., 1989.

³ Гражданин. 1873. №9.

статского, служил в разных канцеляриях, а начальство во все времена не любит высовывающихся, тех, кто как бы умнее его.

Занятия публицистикой, формирующей общественное мнение, ставили его именно в такое положение. Не исключено и другое объяснение «невидимости» Порецкого: его природная скромность, какой-то даже странный для публициста тихий, ровный голос.

Характернейший пример. Александр Устинович оказал немалую поддержку начинающему И.С.Никитину. Другой на месте Порецкого трубил бы об этом на каждом углу. Порецкий же в ответ на благодарность поэта не находит ничего лучшего, как самоумалиться: «Прочитав Ваше письмо, я совершенно смутился, сознавая бесконечную малость сделанного мною для Вас /.../ всякий другой, и не с таким благородством сердца, какое Вы приписываете мне, не мог не сделать того же, что сделал я /.../ буду просить Вас об одном — доставить мне возможность — доказать чем-нибудь большим мое доброхотство /.../ обращайтесь ко мне обо всем, в чем встретится надобность»⁴.

Скромники редко остаются в исторической памяти: они не терпят суеты и не протискиваются к славе, вот в чем беда. Не их, конечно, а наша, когда мы позволяем себе походя припечатать: «Недалекий Порецкий»⁵. Возможно, скромность и тихость Порецкого были в чем-то чрезмерными, переходящими в робкую застенчивость. Он знал за собой сей «грех». Не без самоиронии, ему свойственной, он с 1876 подписывает свои обзоры в «Гражданине» псевдонимом Е.Былинкин.

Дружеский упрек в его адрес находим в письме А.Н.Майкова примерно 1856-1858 к И.С.Никитину: «Да пишите, т.е. письма, нараспашку, как я пишу, а то все Вы жметесь, как наш милый общий знакомый Порецкий»⁶. Тем не менее, сам же Майков, знавший «слабое сердце» (см. одноименный рассказ Ф.М.Достоевского) своего приятеля, утверждал, что Порецкий — «один из нравственнейших людей, подражавший во всем библейским праведникам»⁷. Это мнение, полагал сослуживец Порецкого В.Н.Никитин, «подтвердят все знавшие покойного, а их на Руси много тысяч»⁸. Очевидно, он имел в виду всех, кому Порецкий, будучи

⁴ ИРЛИ. Ф.569. Ед.хр.716. Л.1. Письмо И.С.Никитину от 29 апреля 1856.

⁵ Характеристика принадлежит А.С.Долинину, весьма уважаемому искусствоведа. См.: Литературное наследство. Т.77. М., 1965. С.480. Любопытно, что дана она по поводу слов в очерке Порецкого (Издаека // Гражданин. 1874. №33. С.840), принадлежащих не автору, а одному из героев!

⁶ ИРЛИ. Ф.569. Ед.хр.712. Л.9.

⁷ См.: Никитин В. Памяти честного труженика // Новости. 1879. №132.

⁸ Там же.

«замечательно добрым» столоначальником, а потом начальником канцелярии (какая радость на Руси душевный начальник!), так или иначе помог. Голос «многих тысяч» до нас не дошел, но вот отзывы двух его «сослуживцев» по журнальному делу:

«Человек неизвестный в литературе, но очень умный и образованный, отличавшийся, сверх того, редкими душевными качествами, безукоризненной добротой и чистотой сердца» (из воспоминаний Н.Н.Страхова)⁹.

«Человек тихий, кроткий, довольно образованный и без литературного имени» (из письма Ф.М.Достоевского И.С.Тургеневу 20 сентября 1864)¹⁰.

У Достоевского есть свидетельство и более открытое, эмоциональное, совпадающее с высоким мнением Аполлона Майкова. По воспоминанию В.В.Тимофеевой (Починковской), Достоевский зимой 1873-1874 «много рассказывал про его [Порецкого] "несравненную душевную чистоту и истинно христианскую веру"».

— К этому человеку я питаю особенное доверие, — признавался Федор Михайлович, — во всех тяжелых, сомнительных случаях моей жизни я всегда обращаюсь к нему и всегда нахожу у него поддержку и утешение¹¹.

Мало о ком Достоевский говорил столь проникновенно, еще меньше было людей, у которых он «всегда находил поддержку и утешение». Это «всегда» простерлось практически на всю жизнь писателя: от 1840-х годов до 1870-х. Из окружения Достоевского один только Аполлон Майков был столь же долгим спутником и конфидентом. От дружбы Достоевского с Майковым осталась богатая переписка, отношения же с Порецким не выразились столь ярко в эпистолярии (сохранилось по архивам 9 писем Достоевского и 6 — Порецкого, большей частью делового характера). Может, преувеличила Тимофеева-Починковская или, может, слова Достоевского были сказаны «под настроение»? Ведь не оставил же Федор Михайлович мемуаров о своем спутнике, как того ожидал от него В.Н.Никитин, публично выразивший свое ожидание в некрологе о Порецком.

Один из фактов, «рассекречивающих» эти отношения. В бумагах великого писателя сохранился набросок неосуществленной программы ежемесячного журнала на 1878 год. Достоевский, как видно из этого наброска, намеревался расширить издание «Дневника писателя», сплотить вокруг него людей единомыслящих.

⁹ Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 тт. Т.1. М., 1964. С.310.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т.28. Кн.2. Л., 1985. С.102. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием только тома и страниц.

¹¹ Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. Т.2. М., 1964. С.162.

План, вообще говоря, раскрывает внутреннюю драму писателя: по природе своей человек соборный, он с «Дневником писателя» оказался могучим, но одиноким ратником, генералом без армии. В наброске-прожете 1878 запланирован сбор войск: вокруг «Дневника» группируются что-то «роман», «повесть», «стихи», «хроника событий», «критическая статья». Все — безымянно, можно лишь догадываться, на кого, кроме себя, Достоевский рассчитывает (Аполлон Майков? Страхов? а еще кто?). И только одно имя, видно, самое надежное: «4) Дневник Порецкого, или отметки его какие-либо» (Т.26. С.175).

Впрочем, у Достоевского так уже было. В 1861, когда родилось его и брата Михаила детище — журнал «Время», Порецкий призван в числе первых. Надо было спасти «Эпоху» — и явился неизменный Александр Устинович. В конце 1872 бросился Достоевский в рискованное предприятие — редактирование «Гражданина». И тот, в ком он не сомневался, прибыл по первому зову. Я уже не говорю о делах семейных, когда «добрый начальник» Порецкий пристроил себе под крыло непутевого Пашу Исаева, пасынка Федора Михайловича.

Именем Порецкого была подписана одна из статей великого писателя (Т.20. С.216-221, 399)¹² и — как бы в виде компенсации — статьи Порецкого принимались не раз за статьи самого Достоевского авторитетнейшими исследователями (Л.П.Гроссман, Б.В.Томашевский, О.Шульц, В.В.Виноградов), а одна оказалась напечатанной даже в последнем академическом издании, хотя и в разделе «Dubia» (Т.27. С.167-174). Кто же этот странно близкий Достоевскому человек? Попытаемся извлечь из небытия хотя бы некоторые черты Порецкого, этого кроткого человека, никогда не претендовавшего на бессмертие.

Его право на таковое, его пропуск в вечность — удивительное по бескорыстию, детски-восторженное и одновременно деятельное преклонение перед личностью и даром Достоевского. Для него существовали пророки в своем отечестве, и за всю жизнь — о, «слабое сердце»! — ни одного из них он не сверг с пьедестала, как бы ни менялась конъюнктура вокруг них. Он остался верен своей любви к Гоголю и в пору осмеяния «Выбранных мест...» (к коим и сам отнесся критически). Как бы ни менялось общественное мнение в отношении Некрасова, он всегда помнил, как плакал над его стихами. Как бы далеко ни развел его с Л.Толстым «восточный вопрос», он сохранил безусловный пиетет перед ве-

¹² На наш взгляд, подпись Порецкого не надо было снимать в этом издании: она наверняка была сделана рукой Достоевского!

ликим художником, чем вызывал ревнивое чувство у Достоевского¹³. И все же Достоевский был вне всякого ряда. «Преданный Вам» — заключал Александр Устинович свои письма к Федору Михайловичу, и то не было расхожей формулой вежливости, то была точная констатация: действительно, предан.

По черточкам складывая его портрет, я не раз ловил себя на мысли: у него как будто нет *своей* биографии, так получалось из фактов, которые я находил, что его жизнь, если брать по последнему и наибольшему счету, была отдана служению Достоевскому. Нет, была у него и *своя* жизнь, судьба разночинца, всем обязанного лишь упорству и «привычке к труду благородной». Была единственная, на всю жизнь, любовь-судьба — к невесте и потом жене. Памятником этой любви остались его ежедневные (!) письма к Софье Карловне Каллаш-Порецкой во время летних ее отъездов к родителям. Но и читая эти письма, счастливо сохраненные в семейном архиве потомков, ощущаешь незримую тень Достоевского. Дело даже не в упоминаниях священного почти имени. Прочтите внимательно вот это письмо от 21 мая 1854. Не напомним ли оно что-то знакомое? (Написано сразу по расставании с невестой, уехавшей из Петербурга к родителям в г. Кашин Тверской губернии):

Когда я сегодня взглянул вперед, скорей зажмурился. Ой, как далеко! Голубушка! где Вы? Теперь — ровно 12 часов. Мамочка! Вы подъехали к Тверской станции. Или нет? Нет, ведь говорили, кажется, что приедете в Тверь в 2 часа. Что же Вы делаете? Не уснула ли, дитя мое? Спите, Господь с Вами, спите, друг мой милый! В понедельник я опять буду писать к Вам, моя Тото, ми Тото, ду Тото [принятые меж нашими влюбленными сокращения, читай: милая, душенька. — В.В.]. Тогда может быть буду рассуждать о чем-нибудь, а теперь не могу — все стоит передо мной Ваше бледное заплаканное личико. До свидания, голубчик! Ваш Па. [Т.е., вероятно, Папочка]¹⁴.

Узнаете ли интонации, слог, словечки «бедного» Макара Девушкина? А одна ситуация чуть не зеркально повторяет «Бедных людей» — это когда Макар Алексеевич, простите, Александр Устинович посылает возлюбленной «Хижину дяди Тома» во французском переводе. Книга запрещена русской цензурой, «но в ней нет ничего дурного, возмущающего, — уверяет чувствительный жених, — она написана женщиной. Читайте, пожалуйста, эти романы и напишите мне, как они Вам нравятся». Почему «рома-

¹³ «А Порецкий уже окончательно с ума сошел на Толстом» (Т.29. Кн.2. С.49).

¹⁴ Пользуясь случаем, благодарю правнука писателя — Павла Сергеевича Дьяконова, любезно предоставившего мне семейный архив.

ны», множественное число? Чуть раньше читаем «Пришло Вам еще книгу». Значит, были и другие посылки — эдакие объяснения души через подходящий роман. Так и видится среди них: Ф. Достоевский. Бедные люди. Тоже, между прочим: нецензурные в 1854 году.

2

С «Бедных людей» начинался и другой «роман» — о верном Патрокле. Тогда — раз и навсегда — явилось Порецкому значение Достоевского. Как мы помним, открыл «Бедных людей» для русской публики В.Г.Белинский. Но он же и «закрыл», признав собственное увлечение за ошибку. Через пару десятилетий о всей этой истории просто забыли, и в 1874 фельетонист газеты «Голос» развязно уверял, что читающая публика признала первую книгу Достоевского «невыносимой»¹⁵. Мы благодарны беспамятному фельетонисту, ибо он вызвал страстный отклик верного оруженосца — фельетон Порецкого «Из текущей жизни». Ввиду скудости сведений о реакции рядовых читателей «Бедных людей», воспоминание Порецкого (до сих пор не учтенное в литературе) особенно ценно:

Читали взапуски и наперерыв все, все от генералов до их восемнадцатилетних дочерей включительно. И как читали! Начав чтение вслух в семейном кругу вечером, не могли уже оторваться и, читая попеременно, просиживали чуть не до рассвета. Я был свидетелем этому. О «Бедных людях» говорили в гостиных и кабинетах, за обеденными и чайными столами; разные фразы Макара Алексеевича, его сердечное «голубчик мой», «маточка Варенька» слышались всюду¹⁶.

В январе 1846, когда вышел в свет первый роман Достоевского, его младший современник А.У.Порецкий, едва выбравшись из буквальной бедности (кандидат восточного факультета Казанского университета, он поначалу был писарем на семи рублях) и дослужившись до столоначальника, вступил в литературу, видя в ней дополнительный заработок. Его первый известный нам опыт — перевод второй половины романа П.Феяля «Сын тайны» (приложение к №10-12 «Отечественных записок» за 1846 и №1 за 1847). Введенный в редакцию «Отечественных записок», он берется составлять отдел «Смесь» на условиях, которые передает издателю А.А.Краевскому через своего хорошего знакомого, веду-

¹⁵ Литература и жизнь // Голос. 1874. №259.

¹⁶ Гражданин. 1874. №40.

щего критика журнала Валериана Майкова: 25 рублей в месяц за печатный лист плюс «за управление смесью» 50 рублей серебром¹⁷. И «управляет» он ею вплоть до конца 1850-х годов, судя по письмам к жене. Надо представить себе, что это такое: ежемесячное (а когда Порецкий в 1870-х будет работать в «Гражданине», так и еженедельное) процеживание кипы газет, столичных и провинциальных, вылавливание фактов, раскрывающих смысл текущих событий, не столько политический (к чему наш герой был довольно индифферентен), сколько нравственный. Работенка не для хилых: иссушающая мозги, уносящая здоровье.

Собственно, вся жизнь Порецкого-публициста прошла в этом перелопачивании газетных залежей. И вместе с тем — не менее изнуряющая (в силу изумлявшей даже начальство «добросовестности до крайности» — см. некролог В.Н.Никитина) чиновничья канитель, от которой, писал Порецкий, остается лишь «мертвая груда бумаг, оказавшихся ненужными» по изменившимся обстоятельствам¹⁸.

Увы, по тем же изменившимся обстоятельствам в «мертвую груду бумаг» превратилось и все написанное Порецким как внутренним обозревателем «Отечественных записок», «Времени», «Эпохи», «Воскресного досуга», «Гражданина». Грустный итог? Как сказать. Известно, что гениальные романы Достоевского как бы вырастали из газетных хроник, причем не обязательно из шумных, общеизвестных событий; грозный смысл происходящего открывался ему и в малозначительном факте, затерявшемся в разделе происшествий каких-нибудь губернских ведомостей. В этой черной работе у Достоевского был помощник, чьему наметанному глазу, замечающему перлы среди газетного сора, он особенно доверял. Скромный труженик служил гению одновременно дворником и пресс-секретарем.

Вернемся, однако, в 1840-е годы, когда только становился голос Порецкого, публициста и литературного критика. Он страстный пропагандист «натуральной школы», поклонник Ж.Санд и Гоголя. «Весело видеть по этим рисункам, как идет понимание Гоголя; весело видеть, как совершенствуется человек от чтения мудрого произведения поэта...»¹⁹, — так пишет он об иллюстра-

¹⁷ ОР РНБ. Ф.73. Ед.хр.1325. Л.1.

¹⁸ Внутренние новости // Время. 1861. №12. С.111. Статьи Порецкого во «Времени» и «Эпохе» атрибутированы В.С.Нечаевой (см. сноску 29).

¹⁹ Внутренние известия // Отечественные записки. 1847. №6. С.167, 169. Атрибутируется (как и другие выступления Порецкого в этом разделе журнала) на основании упоминавшегося письма к В.Н.Майкову, последующих писем к жене (личный архив П.С.Дьяконова), внутренних переключек в обозрениях и, наконец,

циях А.А.Агина к «Мертвым душам», сходясь в оценке с высказыванием Достоевского (Т.18. С.28), чей фельетон напечатан 1 июня 1847 в «Санкт-Петербургских ведомостях», а обозрение Порецкого в «Отечественных записках», вышедших в свет *на следующий день* — 2 июня. Получалось так, что журнальный обозреватель растолковывал брошенное на лету газетным собратом, хотя, очевидно, статья Порецкого была написана раньше.

Фельетон вошел в моду во второй половине 1840-х. Порецкий писал в свойственном ему стиле: «Русский фельетонист, как ласточка, скользнет по поверхности несущегося потока, всколыхнет его резвым камушком — и жемчужные брызги рассыпятся живой и сладкой речью. Вы не успеете моргнуть от попавшей вам на лицо капли, а уж ласточка, чуть видная вдали, будет щебетать вам совсем о другом». Избыточно красивый, но довольно точный образ тогдашней фельетонной скорописи. Но читаем дальше: «Неужели в этой гряде напечатанных жалоб, укоров и остроу никто не отметил двух-трех листков, где говорилось о наших общественных интересах, о человеке с добрым сердцем, наконец, о природе мечтателя? Неужели и этот задушевный анализ хрупкой и нежной натуры прошел в общей массе незамеченным, и никому из доблестных фельетонистов не стало неловко от этих листов, никто не догадался, что тяжело нам порхать мотыльками по фактам и явлениям»²⁰.

О каких двух-трех листках идет речь?

«О наших общественных интересах» — см. «Петербургскую летопись» Ф.М.Достоевского в «С.-Петербургских ведомостях» от 27 апреля 1847 (за подписью Ф.Д.): «Публичные интересы у нас есть, не спорим. Мы все пламенно любим отечество, любим наш родной Петербург, любим поиграть, коль случится: одним словом, много публичных интересов» (Т.18. С.12).

«О человеке с добрым сердцем» — читай рассуждение в той же летописи о пожилом сластолюбце Юлиане Мастаковиче, «у которого очень доброе сердце» (Т.18. С.15).

«О природе мечтателя», «анализ хрупкой и нежной натуры» — см. все того же Ф.Д., но уже в летописи от 15 июня 1847: «А знаете ли, что такое мечтатель, господа?» (Т.18. С.32-34) — и т.д.

Обиженный незамеченностью этих маленьких шедевров, верный апологет гения (тогда еще непризнанного) усиливался спасти их от забвения. Откуда ему было знать, что не пройдет и сотни

по стиливым приметам. Ср.: Боград В.Э. Журнал «Отечественные записки»: 1839-1848: Указатель содержания. М., 1985. С.340 и др.

²⁰ Внутренние известия // Отечественные записки. 1847. №8. С.155.

лет, как исследователи с ног собьются в поисках этих кладов. Перед нами, очевидно, самый первый, доселе неизвестный отклик на публицистику Достоевского.

В том же обозрении Порецкого речь идет о безвременной смерти Валериана Майкова: «Один из понимавших эту избранную натуру в минуту скорби определил ее таким образом: этот человек видел в другом все — и хорошее и дурное, но действовал так, что другой сейчас же чувствовал в себе свое хорошее и был доволен, и становилось ему удобно и ловко; а его дурное становилось в таком свете, что как будто никому не мешало, так что было и тому хорошо, и другому хорошо».

Кто этот «понимавший» и, несомненно, равный по таланту самому Майкову? В кружке «Отчужденных записок» им мог быть лишь автор «Бедных людей», особенно если учитывать общую ориентированность обозрения Порецкого на укрепление авторитета оставшейся опоры кружка — Ф.М. Достоевского. К тому же обращает на себя внимание глубокий нравственно-психологический смысл суждения. Оно весьма органично вписывается в этико-философский ряд идей, выработывавшихся именно Достоевским. Если это так, если верный оруженосец точно передал мысль своего гениального друга (наше предположение подкрепляется проскользнувшим словом Достоевского: «и становилось ему удобно и *ловко*»), тогда Валериан Майков может рассматриваться как один из первых прототипов «положительно прекрасного человека» Достоевского (князя Мышкина, Алеши Карамазова, Зосимы), актуализующего в окружающих добрые начала души, затемненный образ Божий.

Все сие расслышавший, понявший и донесший до нас Александр Порецкий — очевидно, из той же породы. Так, позднее, в связи с нашумевшими нападками Н.А. Добролюбова на Н.И. Пирогова, во многом справедливыми, Порецкий предложил снисходительнее отнестись к промахам знаменитого хирурга и педагога, ибо «нет людей без неопятнанной душевной подкладки». — «Однако колят глаза пятна; что же делать с ними?» — «Оставляйте их при себе, не основывайте на них ваших отношений с ближним»²¹. Кстати, в защиту Пирогова собирався тогда выступить и Достоевский, да так и не собрался (См.: Т.20. С.158-168), вместо него во «Времени» выступил Порецкий.

Согласно своему убеждению и будучи по природе человеком толерантным, Порецкий в публицистике, начиная с 1840-х годов, берет на себя миротворческую миссию, желая сделать уживчи-

²¹ Наши домашние дела // Время. 1862. №4. С.32.

вость, терпимость нормой не только частной, но общественной и литературной жизни. «Мы не привыкли сознаваться в своих ошибках, спорить не ссорясь, уживаться с людьми, не разделяющими наших мнений». Определив болезнь, он тут же показывает пример должного отношения к идейному противнику: отвергая направленность статьи С.П.Шевырева «Очерки русской словесности» (Москвитянин. 1848. №1) против «натуральной школы», он с готовностью поддерживает в ней «давно желанное прекрасное, плодотворное сочетание сочувствия с возражением»²². Верный правилу видеть у других (даже противников) их лучшее, он и в дальнейшем не упускает малейшей возможности консолидации, утишения вражды. В 1860-х годах он почти повторяет то, что уже говорил в 1840-х: журнальная литература слишком занята своей междоусобицей, читателю остается «созерцать невзрачные подкладки, мелькающие в разгаре рукопашных битв раздраженных деятелей общественного слова»²³. До каких геркулесовых столбов могут дойти подобные «битвы», Порецкий показал на примере цинической насмешки бойкого журналиста над могилой Добролюбова²⁴. Идеям последнего Порецкий не сочувствовал, но такова была его судьба: еще недавно он защищал Пирогова от Добролюбова, от бойких ниспровергателей. Мотив примирения враждующих общественных и литературных партий в эти же годы звучит у Достоевского. В «Петербургской летописи» 27 апреля 1847 он радуется обнадеживающему характеру прошедшей журнальной зимы: «Крику не было, особенной бойкости и споров зуб за зуб тоже /.../ во всем более стройности, зрелости, обдуманности и согласия» (Т.18. С.18). В начале 1860-х Достоевский выразится столь же определенно в связи со спорами о назначении искусства: «Этот вопрос разделяет многих из современных писателей наших на два враждебных лагеря. Таким образом разъединяются силы. Нечего распространяться о вреде, который заключается во всяком враждебном разногласии» (Т.18. С.72).

3

В 1865 Достоевский, предприняв титанические усилия, все же не смог, после смерти брата, спасти журнал «Эпоха» и выплатить множество долгов, в которых издание увязло. Любопытные подробности сообщает об этой истории Порецкий в письме к жене от 23 августа 1865: «Дела вот в каком положении: Фед[ор] Мих[ай-

²² Внутренние известия // Отечественные записки. 1848. №3. С.60-63.

²³ Время. 1862. №4. С.33.

²⁴ Наши домашние дела // Время. 1862. №2. С.77.

лович] за границей; он продал все свои сочинения, вместе с будущим романом, Стелловскому за 3 т[ысячи] р[ублей], заткнул ими кой-какие дыры и уехал, имея в кармане самую малую сумму: рублей 150 или 200. /.../ Страхов чуть не плачет, говоря: "горько вспомнить, что так невозвратно рухнуло такое прекрасное дело" (т.е. "Эпоха"). Он обвиняет и Мих[аила] Мих[айловича Достоевского], сумевшего накачать столько долгов, и Фед[ора] Мих[айловича], который был в постоянном раздражении и со всеми ссорился. Что касается до наших с тобою денег, мамочка, то, конечно, вернее всего — не рассчитывать уже на получение их; потому что если Фед[ор] Мих[айлович] будет когда-нибудь в состоянии уплачивать оставшиеся на нем долги, то он и мне заплатит»²⁵.

Речь в последних строках идет о гонораре за внутренние обозрения в «Эпохе». В последующие годы, входя в положение Достоевского, Порецкий деликатно не напоминал ему о долге (будучи, добавим в скобках, человеком совершенно не обеспеченным: после прекращения «Эпохи», наряду с основной службой, он подрабатывал уроками). Достоевский, чувствуя свою вину, намекнул на нее в письме к Порецкому от 8 января 1871: «Вероятно, все добрые люди и все те, которые имели ко мне расположение, — меня позабыли, так давно я за границей, да и так мало заслужил, чтобы меня помнили! Перед Вами же особенно мало — еще со времени журнала» (Т.29. Кн.1. С.171).

Предположение о забвении вызвало прямо-таки исповедальный отклик адресата: «Если Вы сказали это не в минуту особенно дурного расположения духа, то едва ли не разошлись немножко с своим внутренним убеждением. Не такое же Вы, Федор Михайлович, обыденное явление, чтобы даже простая, недолгая встреча с Вами легко забывалась; в моей же, напр[имер], жизни Вы — не предмет мимолетной встречи. Вы на моих глазах выходили на литературную сцену (1846); мои горькие сожаления провозжали Ваше временное исчезновение с нее (1849); по возвращении Вы встретились со мной как с старым знакомым, и затем с 1861 по 1865 год я почти непрерывно вращался в кружке, Вами воодушевляемом. Все это известно Вам, а сколько еще Вам неизвестных душевных движений при каждом появлении Вашего нового произведения!.. Если бы такие долгие и глубокие эпизоды выбрасывались из памяти, то что же осталось бы в моем бедном прошлом?..» (См.: Т.29. Кн.1. С.454).

Порецкий почти обиделся. Иного и быть не могло. Полагаю, что Достоевский, зная приятеля, мог предвидеть его реакцию.

²⁵ Архив П.С.Дьяконова.

Но отбрасывая в сторону тонкую дипломатию, зададимся вопросом: зачем нужно было Достоевскому вызывать Порецкого на исповедь, что ему в этом, почти любовном, письме? Ответ прост и содержится в признании самого писателя, обращенном к А.К.Каллаш, свояченице Порецкого: «Ведь я знаю сам, что мне нужно мало, и даже знаю, что именно нужно — хороших людей» (Т.28. Кн.2. С.22). Во время долгого пребывания за границей писатель оказался как бы в вакууме, и для него многое значило письмо Порецкого, им спровоцированное. Ему важно было убедиться, что этот «хороший человек» для него не потерян.

Окружение Достоевского, значение «спутников» в духовном мире писателя — проблема еще далеко не выясненная. Трижды за свою жизнь — в конце 1840-х («Отечественные записки»), в начале 1860-х («Время» и «Эпоха») и в 1873-1874 («Гражданин») он пытался создать вокруг себя напряженное поле притяжения «хороших людей». «Федор Михайлович очень любил общество, или, лучше сказать, собрание молодежи /.../, где чувствовал себя как бы на кафедре, с которой мог проповедовать», — свидетельствовал С.Д.Яновский²⁶, входивший в круг Достоевского 1840-х годов (кстати, долгое время живший с Порецким на одной квартире).

Достоевский, по натуре проповедник, пророк, действительно нуждался в кафедре, с которой мог видеть глаза своих слушателей. «Одно слово, сказанное с убеждением, с полной искренностью и без колебаний, глаз на глаз, лицом к лицу, — писал он А.Н.Майкову из Семипалатинска в 1856, когда истосковался по подобному общению (''чтоб душа читалась на лице''), — гораздо более значит, нежели десятки листов исписанной бумаги» (Т.28. Кн.1. С.206). Но дело не только в потребности заряжать других своей духовной энергией. Процесс был обоюдным: заряжая, «источник» сам заряжался от интеллектуальной работы других людей, которую он в них пробуждал. Духовная лаборатория гения становилась коллективной, и подчас трудно разделить вклад «подключенных» и самого генератора идей. Один из участников «лаборатории» позднее уверял: «Многие из мнений и взглядов, которые с таким блеском и проповедническим жаром развивал Достоевский /.../, были общим убеждением кружка, и в первичном своем, конечно, еще далеко не совершенном виде, вырабатывались дружными усилиями всех его членов»²⁷.

В 1840-е годы, как свидетельствует в своих воспоминаниях тот же Яновский, Достоевский давал какие-то темы, сюжеты

²⁶ Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. Т.1. С.166.

²⁷ Аверкиев Д.В. Дневник писателя. [СПб.], 1885. Январь.

своим кружковцам, те их разрабатывали, а метр затем редактировал или критиковал. Очевидно, такая практика, в частности в отношениях Достоевского с Порецким, сохранилась и позднее, о чем свидетельствует письмо последнего от 11 октября 1873 к Достоевскому, тогда редактору «Гражданина»: «Посылаю статейку, сочиненную вследствие Вашего замечания /.../ Это выводы из моих личных наблюдений»²⁸. Заметим: идея подана Достоевским, но фактура «статейки» принадлежит Порецкому.

4

В 1860-1865 подключенный к идейной энергетике Достоевского Порецкий участвует в коллективной разработке философии «почвы». В исследовательской литературе почвенничество нередко механически присоединяют к славянофильству. Это не совсем так. «Почва», от Ап.Григорьева до Достоевского, была попыткой примирения славянофильства и западничества на основании более тонкого, диалектичного понимания русской истории. В западничестве почвенники видели исконно русское явление, как бы к нему ни относиться.

Очевидны достижения почвенничества в сфере литературной критики (Ап.Григорьев, Достоевский, Страхов): русская литература оказалась наиболее адекватным материалом для подтверждения основных почвенных посылов. Художественное творчество Достоевского гениально довершило это дело. Куда сложнее оказалось доведение программных принципов «до ума» в сфере текущей политики. В журналах «Время» и «Эпоха», если посмотреть не программные статьи, а внутренние и иностранные обзоры, сложились два направления: умеренное, представленное Порецким, и «левое», проводимое П.А.Кусковым и А.Е.Разиным. Первое, стремящееся учесть многообразие реальной жизни, более точно соответствовало основной программе, зато второе в силу своей одномерности было более жестким, напористым и потому выигрышным в глазах читателей. На какое-то время Порецкий был вынужден уступить Разину и даже уйти из журнала (конец 1862 и весь 1863 годы). Это обстоятельство исследователь журналов братьев Достоевских объясняет «слабостью» Порецкого, «рыхлостью» его обзоров²⁹. На наш взгляд, его временный

²⁸ Литературное наследство. Т.83: Неизданный Достоевский. М., 1971. С.331.

²⁹ Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М.Достоевских «Время»: 1861-1863. М., 1972. С.79. См. ее же: Журнал М.М. и Ф.М.Достоевских «Эпоха»: 1864-1865. М., 1975 (по алфавитному указателю).

уход скорее можно объяснить «рыхлостью» не определившейся до конца социальной программы самих редакторов, братьев Достоевских. Порецкому не откажешь в последовательном проведении своих убеждений (если учитывать, что они формировались, уточнялись все время), другое дело, что он не навязывает их читателям, вслушиваясь в голос самой жизни. «Мы не врачи, — уверяет он, — а исследователи состояния общественного организма»³⁰. Это, разумеется, менее эффектный подход, но Достоевский, например, считал Добролюбова эффективней Ап. Григорьева, что не значило: истинней.

Вклад Порецкого в почвенную философию — идея, не снижавшая ему шумной популярности, — идея саморазвития жизни. Он выступает как защитник зарождающегося и еще слабого земства, дающего перспективу для «соединения сословий». С точки зрения насмешливых и самоуверенных радикалов — боже, какая иллюзия: мирное сотрудничество сословий, бедных и богатых! Последующая эпоха доказала близорукость самого радикализма, т.е. *насильственного* разрешения сословных проблем путем отнятия собственности. Это обстоятельство исторического характера заставляет нас сегодня внимательнее прислушаться к спокойному голосу почвенника Порецкого.

Его хлопоты о мировых посредниках и о духовенстве, о постепенном упразднении сословных перегородок, о воскресных школах, об общественном самоуправлении постоянно натывались на препятствия. Мировые посредники далеко не все хотели быть «честными», священнослужителей одолевали меркантильные хлопоты, «хорошо одетые господа» никак не хотели отказываться от милого права держать за бороду извозчика, воскресные школы наталкивались на предубежденность крестьян, боявшихся отдавать в них своих детей. Корень противоречий, приходил к выводу публицист, — в нас самих. «Говоря откровенно, большинство не успело еще сложить с себя *ветхого человека*, не успело утвердить в уме нового ряда истин, сжить с ними...»³¹

Тема *привычек* отныне становится, пожалуй, центральной в публицистике Порецкого. Именно так (Привычки // Гражданин. 1873. №39) назвал он одну из лучших своих позднейших статей, некоторое время ошибочно приписывавшуюся Достоевскому (См.: Т.27. С.184). Ходу земской реформы, писал Порецкий, «мешают привычки или вернее непривычки» к самоуправлению³².

³⁰ Внутренние новости // Время. 1861. №2. С.33.

³¹ Внутренние новости // Время. 1861. №1. С.2-3.

³² Наши домашние дела: Современные заметки // Время. 1861. №11. С.15.

Нарастающие «беспорядки», крестьянские волнения миролюбивый публицист склонен объяснить «только непривычкою нашего бывшего крепостного населения к скорому, самостоятельному уяснению себе правительственных распоряжений»³³. Именно поэтому он категорически против всякого рода насилия, подавления личности. «Просветление народных понятий» — такую цель ставит обозреватель перед обществом и правительством³⁴, отсюда его надежды на земство, мудрость мирских сходов («миром умен русский мужик и крепко держится за мирской разум»³⁵), наконец, на школу. Но не на всякую школу. Авторитарную, как бы теперь сказали, педагогику Порецкий (сам неплохой учитель-практик, ценимый П.М.Цейдлером) также относит к сфере рабских «привычек». Именно поэтому он восторженно принимает педагогические идеи Л.Н.Толстого (вообще-то прохладно встреченные большею частью русских педагогов), видя в них «полнейшую свободу и отсутствие всякого нравственного посягательства на чужую, хотя бы и маленькую личность»³⁶.

Приоритет нравственности, духовное возрождение общества на христианских началах — лишь они приведут к экономическому процветанию и социальному миру, полагал публицист. «Правильных гражданских отношений не может быть там, где нет правильных *человеческих* отношений...»³⁷ Внутренние обозрения, написанные Порецким, развивали и обогащали почвенничество, основные начала которого были разработаны Ап.Григорьевым и Достоевским. Эти начала Порецкий конкретизировал, прилаживал к текущим нуждам общества. Значение «скромного» Порецкого в коллективной внутривыпускной лаборатории «Времени» и «Эпохи» не следует, конечно, преувеличивать, но грешно и преуменьшать, как это сложилось в исследовательской литературе.

³³ Наши домашние дела // Эпоха. 1864. №11. С.6.

³⁴ Наши домашние дела: Современные заметки // Время. 1861. №10. С.167.

³⁵ Наши домашние дела // Эпоха. 1864. №11. С.9.

³⁶ «Ясная Поляна» — журнал педагогический. Изд. гр. Л.Н.Толстым. Январь 1862 / Критическое обозрение // Время. 1862. №3. С.78. Рецензия приписана Ф.М.Достоевскому О.Шульцем (Schoultz O. von. Ein Dostojevskij — Fund. Helsingfors, 1924. S.8. Ср.: Т.27. С.178). В.С.Нечаева предположительно приписала ее Н.Н.Страхову (Журнал М.М. и Ф.М.Достоевских «Эпоха»... С.245). Авторство А.У.Порецкого, предположенное еще Б.В.Томашевским (в изд.: Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений. Т.13. М.; Л., 1930. С.611-612), теперь может быть точно атрибутировано по указанию самого Порецкого в его статье «Органическое явление: заметки из жизни литературной» (Гражданин. 1876. №17), которая, в свою очередь, атрибутируется по содержащимся в ней автобиографическим признаниям.

³⁷ Наши домашние дела: Современные заметки // Время. 1862. №2. С.75.

В 1873-1874 Достоевский взвалил на себя бремя редактирования еженедельника «Гражданин». Свое плечо сразу же подставил Порецкий.

Автор только что напечатанных «Бесов» в очередной раз рванулся к общественной трибуне: через «Гражданина» он думал содействовать выздоровлению «великого больного» (так названа Россия в «Бесах» — Т.10. С.499). Не только с нигилизмом сражался «Гражданин» под водительством Достоевского, но и с болезнями власти, церкви, общественных институтов. Достоевский, как и раньше, во «Времени» и «Эпохе», задавал тон (в выпусках «Дневника писателя»), а подхватывать его идеи должны были единомышленники, сотрудники. Однако со «спутниками» не очень-то получалось на сей раз. Свою линию гнул издатель и публицист «Гражданина» князь В.П.Мещерский, и чем дальше, тем больше расходился с Достоевским. Трое других ведущих авторов журнала — Н.Н.Страхов, Т.И.Филиппов, К.П.Победоносцев — в «подхватыватели» также не годились, все были медведями в одной берлоге. Редакционная молодежь — В.Ф.Пуцыкович, Е.А.Белов, Вс.С.Соловьев — по разным причинам не оправдывала надежд редактора. Кружка, где бы Достоевский снова был генератором идей, теперь не получалось. Оставался лишь неизменный Александр Устинович.

Порецкий целиком принял на себя «Областное обозрение», весьма принципиальное для «Гражданина», чьим козырем был интерес к местным (как бы теперь сказали, региональным) проблемам Российской империи. Он же был основным автором рубрики «Из текущей жизни» и сотрудничал в сатирической «Последней страничке». Борьбой с нигилизмом, в отличие, скажем, от Страхова, Порецкий особенно не увлекался. Его беспокоили иные проблемы. Реформы все более переходили на холостой ход, мешала громоздкая бюрократическая машина, которой удобнее было действовать насильем, принуждением. Не теряя надежды, Порецкий скрупулезно извлекал из газетных хроник факты обнадеживающие. Генерал-губернатор пошел навстречу требованиям взбунтовавшихся рабочих серпуховской фабрики Коншина, и публицист с облегчением вздыхает: *«рассудили по-божески, сумев обойтись без возмутительно-принудительных мер»*³⁸. Особенно возмущала Порецкого бюрократизация православной церкви, которая, по его убеждению, должна бы обеспокоиться падающим нравственным

³⁸ Из текущей жизни // Гражданин. 1875. №29. С.673.

авторитетом своим. Духовенство, сокрушался публицист «Гражданина», «всем еще строем своей внутренней организации стоит непричастным к естественному ходу развития остального общества»³⁹. В этом он видел причину появления и укрепления в России сектантства (шелопуты, штундисты). Запретительные меры не спасали положения. Вслед за Порецким и в сходном ключе обратиться к теме церковных нестроений Достоевский.

Большая боль «Гражданина» Достоевского — народное пьянство. Сторонники решительных мер (в том числе среди духовных пастырей) требовали закрытия кабаков. Порецкий выступил противником жесткой меры, которая ничего бы не решила: «Не в одних кабаках зло, и не в том, меньше ли будет их или больше, — дело все в том, чтобы каждого крестьянина лично вооружить для борьбы с его страстью и возвысить до одушевления запас его нравственной энергии»⁴⁰. Порецкий дает весьма тонкий психологический анализ: крестьянина притягивает «душевная» атмосфера кабака, ни семья, ни церковь, ни школа, ни развлечения культурного ряда (книга, театр) не выдерживают конкуренции и проигрывают в борьбе за души простых людей.

В разрушении семейных связей Порецкий видел корень многих общественных бед. Вновь и вновь возвращался он к самоубийствам среди молодежи. Среди причин, полагал Порецкий, — «отсутствие истинных, живых и глубоких привязанностей»⁴¹. Для него была очевидной необходимость вернуть в семью патриархальный мир с его безусловным уважением к родителям, четко обозначенными функциями мужа и жены («До полуночи, — сообщил он жене 15 августа 1865, — вели с друзьями горячий спор: "необходимо ли, чтобы жена сама добывала хлеб"») ⁴². Со многими из рецептов Порецкого современный читатель вряд ли согласится, но не думаю, что наша «эмансипированность» дает основания для большого превосходства над образом мыслей публициста прошлого века.

Самому Порецкому удалось построить на удивление прочную семью, а дети его и внуки сберегли в безукоризненной чистоте фамильную честь. Судьба рода Порецких могла бы стать темой особого исследования, фамилия эта нередка в анналах русской культуры. Судьба разводила Порецких по разные стороны идейных баррикад, хотя сами они оставались внутренне не вовлечен-

³⁹ Областное обозрение // Гражданин. 1873. №5. С.131.

⁴⁰ Областное обозрение // Гражданин. 1873. №15/16. С.490.

⁴¹ Из текущей жизни // Гражданин. 1873. №28. С.792.

⁴² Архив П.С.Дьяконова.

ными в политические схватки, сохраняя родовое наследство — интеллигентность. Дочь А.У.Порецкого Надежда на этой лишь почве душевно сошлась с Анной Ильиничной Ульяновой⁴³, а сын Сергей участвовал в работе толстовского издательства «Посредник». Дети Сергея Вадим и Артемий — известные советские биологи: первый умер от истощения в блокадном Ленинграде, второй погиб в колымских лагерях, нося на теле тайно собранный гербарий.

Но вернемся к нашему герою. Еще одна тема, разрабатывавшаяся Порецким в «Гражданине», — «о скудости и богатстве» (так называлась его статья в № 50 за 1873). Причину обнищания крестьянства он видел в усилении безграничной власти мироедов. Любопытно, что в поисках пути спасения для России, в которой все более «вещественный успех» покупался ценой «нравственного упадка», Порецкий обращается к книге Гоголя, в юности им отвергнутой, — к «Выбранным местам из переписки с друзьями»⁴⁴.

Однажды в своем обозрении Порецкий привел эпизод, обнаруженный им в газетной корреспонденции из Владимирской губернии:

Наступило время чистой «разделки» (расчета) служащих и рабочих на фабрике. — «Подмастерье Данило Прохоров Занозин — здесь?» — восклицает хозяин фабрики. — «Здесь-с, ваше высокостепенство», — отвечает подмастерье. — «Тебе, брат, нынче больно много причитается к выдаче; смотрилось, ведь 39 рублей, шутка сказать!.. Ведь это, братцы, вы меня в раззор разорите; ну-ко-ся, 39 рублей!» — «Да, слава-те Господи!.. Копил все, ваше высокостепенство, — к празднику нужны... оброк, подати...» — «Нет, брат, этак нельзя... вот тебе 30, а 9 с костей долой; чай, помнишь, за тобой грешки были...» — «Никаких грехов против вашего высокостепенства не сознаю-с; а что касательно скостки, прошу помиловать-с... за что-с?..» — «А! еще стал разговаривать... Получи 29 рублей, а рубль еще с тебя штраф... не гордыбачь!.. Яков Филиппов Климов — здесь?» — «Здесь-с, ваше...» и так далее, в том же роде со всеми⁴⁵.

Эта сцена почти целиком вошла в роман Достоевского «Подорож» (Т.13. С.314), что еще не отмечено исследователями. Владелец ситцевой фабрики купец Скотобойников, о котором рассказывает в романе Макар Иванович, пройдет через нравственное покаяние, но прежде много грехов ляжет на его душу. Возвращаясь к цитированной заметке Порецкого, мы находим в ней как

⁴³ См.: Баньковская М., Баньковский Н. Из жизни семьи Ульяновых // Наука и жизнь. 1987. №1.

⁴⁴ Областное обозрение // Гражданин. 1873. №29. С.796-797.

⁴⁵ Областное обозрение // Гражданин. 1873. №31. С.843.

бы поправку публициста к будущей романной обработке этого эпизода: «Приходится вопиать о надобности законодательных мер, строгой регламентации взаимных отношений, прав и обязанностей хозяев и рабочих, чтобы сдержать животные инстинкты первых. Они нужны теперь, эти меры, потому что еще долго ждать той светлой поры, когда осенит наших "высококачественных" благодать сознания человеческого долга и христианской любви к ближнему». Поправка Порецкого не отменяет «благодатного» исхода и потому не противоречит логике романного образа купца Скотобойникова. Заметим уточнение Порецкого: «теперь», когда еще «долго ждать», должна действовать не только мораль, но и право.

Эпизоды, в которых Достоевский использовал сырой материал, отысканный Порецким — публицистом «Гражданина», можно умножить за счет ученых комментаторами академического издания писателя (см.: Т.16. С.66; Т.23. С.163; Т.24. С.70). Связь между ними не прервалась, когда в апреле 1874 Достоевский ушел из «Гражданина», а Порецкий остался в журнале. Сопоставим два свидетельства:

А.У.Порецкий — жене. 30 июля 1874

Говорят, что Федор Михайлович Достоевский приехал (из-за границы). На днях постараюсь увидаться с ним⁴⁶.

А-р [Порецкий А.У.] Издалека. 19 августа 1874.

Избранники души моей — люди особенно близкие мне по духу. /.../ Не променяю /.../ часа, проведенного в обитаемых ими стенах, где на всем отражен склад их жизни, где все до последней мелочи дышит духом этой жизни⁴⁷.

6

Два года, 1876 и 1877, Достоевский ежемесячно и единолично издавал «Дневник писателя», идя навстречу изменившимся запросам времени: «Теперь вдруг настало время уже не теорий, не журнальных сшибок, а дела и практического решения. Вдруг потребовалось высказать слово положительное — по воспитанию, по педагогике, по железным дорогам, по земству, по медицинской части и т.д.» (Т.22. С.40). Порецкого не было в непосредственной близости (он остался в «Гражданине»), но никогда еще так согласно и четко не действовали они *вместе*. На закате жизни отточ-

⁴⁶ Архив П.С.Дьяконова.

⁴⁷ Гражданин. 1874. №33. С.840.

лась практика параллельного публицистического наступления, опробованная еще в юности, когда Достоевский писал в «Санкт-Петербургских ведомостях», а Порецкий — в «Отечественных записках».

Еще в 1873-1874 Порецкий несколько раз выступал в поддержку Достоевского, подвергавшегося особенно жестоким нападкам могущественной либеральной прессы. Шквал насмешек обрушился на писателя, когда тот заявил о живущей в русском народе потребности страдания, «очищающего и укрепляющего» (Т.21. С.18). Порецкий дважды в своих обзорах (Гражданин. 1873. №27. С.748; 1874. №42. С.1050-1051) приводил факты из текущей уголовной хроники, подтверждающие правоту Достоевского. Он также встал на защиту своего редактора, осмеянного за статью «По поводу новой драмы»: бывали и раньше случаи, писал в этой связи Порецкий (и приводил пример Белинского), когда журнал хвалил произведение, в нем же напечатанное (Гражданин. 1873. №28. С.791).

В 1876-1877 Порецкий в «Гражданине» как бы открыл «второй фронт» в поддержку «Дневника писателя». При почти полном одиночестве Достоевского-публициста этот факт многого стоил. Даже в том же «Гражданине» князь В.П.Мещерский вел скрытую полемику с «Дневником писателя»⁴⁸.

Порецкий горячо встретил первый же выпуск «Дневника писателя» 1876 года. В новом и необычном предприятии, утверждал публицист «Гражданина», реализуется способность Достоевского «опускаться в глубину житейского моря и доставать со дна его жемчужины-мысли»⁴⁹. Подтверждая мысль писателя о людях, делающих душевное дело тихо, безвестно, Порецкий приводит в пример покойного директора московского исправительного приюта Н.В.Рукавишникова.

Идея Достоевского о «золотом веке в кармане» (Т.22. С.12) встретила насмешливую отповедь А.М.Скабичевского: как это «пошлые тацоры художественного клуба» вдруг захотели бы стать искренними и простодушными⁵⁰. Порецкий берется терпеливо объяснить непонятливому критику: «Послушайте, дитя мое! Тот, Кто говорил: "Если хочешь быть совершен, продай имение, раздай все нищим, возьми крест и за Мной иди", — знал, что это не будет, что быть этому невозможнее, чем пройти вер-

⁴⁸ См.: Викторovich В.А. Достоевский и В.П.Мещерский: К вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем // Русская литература. 1988. №1. С.213-215.

⁴⁹ Для коллекции: Заметки из текущей жизни // Гражданин. 1876. №6. С.173.

⁵⁰ Биржевые ведомости. 1876. 6 февраля. №36.

блюду в игольные уши...»⁵¹. Порецкий, может быть, несколько спрямляет мысль Достоевского, позднее, возвратившись к этой теме, он скажет точнее: «капля точит камень»⁵². Любопытно, что кроме Евангелия, Порецкий обращается за поддержкой к роману Л.Н.Толстого «Анна Каренина», как бы предваря будущее его прочтение Достоевским в февральском выпуске «Дневника писателя» 1877.

В той же статье Порецкий берется разъяснить и слова К.С.Аксакова о русском крестьянине, находящемся «еще на своей дороге». Достоевский обратится к этим словам уже вслед за Порецким и также в полемике с либеральным «Голосом» (Т.20. С.42-43; факт этот, как впрочем, и большинство других, нами разбираемых, не отмечен в комментариях), но кое в чем уточняя сказанное Порецким, некоторую упрощенность его толкования. Все это будет во втором выпуске «Дневника писателя» 1876 года, а когда он выйдет, Порецкому придется вступить в бой с новыми критиками Достоевского. И, в который уже раз, он поведет свою защиту, подбирая факты из текущей хроники в подтверждение мысли Достоевского (Все про нас же // Гражданин. 1876. №11).

И так далее — на протяжении двух лет существования «Дневника писателя» Порецкий не устает собирать камни, брошенные в Достоевского, не устает разъяснять и приводить новые и новые факты, усиливающие позицию писателя⁵³. Для Порецкого «Дневник писателя» — «мягкое, горячее, зовущее к нравственному идеалу» слово, и его успех у молодого читателя (опять же засвидетельствованный Порецким) — «утренняя заря»⁵⁴.

Особые случаи — когда, набравшись смелости, Порецкий решается поправить своего кумира. Я насчитал их, явных, два. Первый, когда Достоевский в статье «Нечто виноват?» спутал название романа Чернышевского («Кто виноват?») вместо «Что делать?»⁵⁵ и ошибочно утверждал, что в «Эпохе» была напечатана рецензия на этот роман. «Я пересмотрел все книги "Эпохи", от первой до последней, но статьи о романе Чернышевского не нашел, — писал Порецкий Достоевскому. — Привыкши дорожить каждым Вашим печатным словом, спешу сообщить о вышеска-

⁵¹ Гражданин. 1876. №8. С.225.

⁵² Капля на камень: Заметки из текущей жизни // Гражданин. 1877. №11. С.303.

⁵³ См., напр.: Гражданин. 1876. №15-19, 28/29, 30/31, 38-40; 1877. №8-11.

⁵⁴ Былинкин Е. Цикл понятий: Заметки из текущей жизни // Гражданин. 1877. №15. С.384.

⁵⁵ Гражданин. 1873. №3. Этот факт, кстати, не оговорен в академическом издании Достоевского, между тем он вызвал множество насмешек над писателем.

занном, предоставляя Вашему усмотрению — сделать или не сделать из этого сообщения какое-либо употребление»⁵⁶.

Второй случай серьезнее. В записных книжках Достоевского среди набросков к июльско-августовскому «Дневнику писателя» 1876 года есть до сих пор не раскрытая запись: «Письмо Порецкого — (рассердился)» (Т.24. С.227). Среди сохранившихся писем Порецкого нет ни одного, которое разъясняло бы смысл этой записи. Между тем ситуация, вызвавшая эту запись, может быть реконструирована. В статье «Органическое явление. Заметки из жизни литературной» Порецкий писал: «Я /.../ недавно был несколько огорчен /.../. Случилось это оттого, что в апрельском "Дневнике писателя" я усмотрел, что Ф.М.Достоевский рассердился /.../ Стоило ли!»⁵⁷. Порецкий имел в виду желчную полемику Достоевского с В.Г.Авсеенко (Т.22. С.103-110), в которой можно было заподозрить оскорбленное авторское самолюбие. Публицист «Гражданина» спешит сразу же отвести подобное подозрение от Достоевского: «Он рассердился за оскорбление, нанесенное русскому народу». И хотя Порецкий находит сильные стороны в «сердитой» полемике Достоевского («как хорошо, как язвительно-хорошо вышло»), но мягкий упрек остается «Ф.М.Достоевский рассердился до некоторой раздражительности».

Порецкий отлично знал слабые и сильные стороны Достоевского. И строил с ним отношения, основываясь на «сильных». Что, как видим, не означало слепого поклонения. Мы привели два примера деликатнейших поправок Порецкого, но можно предположить, что были и другие. Не стоит ли нечто подобное за следующими письмами?

А.У.Порецкий — Ф.М.Достоевскому. 8 ноября 1876.

Мне хочется увидеться с Вами с глазу на глаз и поговорить /.../. Но я боюсь помешать Вам, оторвать Вас, попасть к Вам в минуту неподходящую. Поэтому решаюсь просить: когда будет у Вас предвидеться подходящая минута, не потрудитесь ли указать мне ее (Т.29. Кн.2. С.271).

Ф.М.Достоевский — А.У.Порецкому. 9 ноября 1876.

Именно завтра /.../ буду ожидать Вас у себя от 8 до 9-ти часов пополудни, и даже позже, с большим удовольствием, нетерпением и любопытством (Т.29. Кн.2. С.132).

⁵⁶ ИРЛИ. №29821. Л.1.

⁵⁷ Гражданин. 1876. №17. 23 мая. С.499. См. также сноску 36.

Достоевский не оставил воспоминаний о своем спутнике. Но вот что однажды он написал через год после смерти Порецкого:

Представьте, что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все признают и чтут их. Но некогда Шекспиру отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, своей волей придет и будет выносить у Шекспира ненужное. Что же он будет унижен, раб? Отнюдь нет. Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: «Честь тебе и слава, — скажет он ему, — сохраню тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты, Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, как человек, тебе равен». /.../ Да, конечно, господа насмешники, настоящих христиан еще ужасно мало (хотя они и есть) (Т.26. С.164).

Вера Бокова БАРОНЕССА ИКСКУЛЬ

Имя баронессы Варвары Ивановны Иксуль (1852-1928) вряд ли о многом говорит большинству читателей. Разве уж наиболее дотошные смутно припомнят один из проходных залов Третьяковской галереи (той, прежней, настоящей Третьяковки) и необыкновенно эффектную картину Репина — узкий и высокий портрет в рост элегантной дамы в черном и алом. Под ним стояло это имя — баронесса В.И.Иксуль. По портрету она и известна, в связи с репинским портретом о ней чаще всего вспоминают, и в именных указателях к книгам о художнике обычно пишут так: «Иксуль В.И. — светская модель И.Е.Репина».

Но встретить это имя можно и в других книгах: в сочинениях и письмах Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, В.М.Гаршина, Г.И.Успенского, Д.С.Мережковского и многих, многих других. И везде — отрывочные сведения, неверные даты жизни... Настала, как кажется, пора рассказать хоть немного об этой удивительной женщине.

Варвара Ивановна родилась в 1852 году в семье генерала Ивана Сергеевича Лутковского (1805-1888), занимавшего одно время пост петербургского генерал-губернатора. Мать ее была особой замечательной и весьма известной в истории русской литературы. Мария Алексеевна (ок. 1820-1879), урожденная Штерич, в первом браке княгиня Щербатова, оставшись молодой вдовой, блистала в свое время в Петербурге, пленила Лермонтова, с ее именем связано несколько шедевров поэта: «На светские цепи», «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Отчего». Предпочтение, оказываемое княгиней Лермонтову, как считают, привело к стычке с ним Э.Баранта, также влюбленного в красавицу, и это соперничество стало одной из возможных причин знаменитой дуэли. За Лутковского, в то время гвардейского полковника, Мария Алексеевна вышла два года спустя после гибели поэта.

Происхождение окружало Варвару Ивановну Иксуль романтическим ореолом, хотя внешне она на свою мать — голубоглазую блондинку — нисколько не походила. В наружности Варвары Ивановны скорее находили что-то цыганское: она была необычайно стройна, худощава, с большими темными глазами. По

странному капризу природы в ее темных волосах уже с юности была над самым лбом яркая седая прядь — точно такая же, какая была у Лермонтова.

Ее «цыганский» облик легко объясним: в Варваре Ивановне текла южная — украинская и сербская — кровь. Род ее матери — Штеричи — были в числе тех знатных родов — Милорадовичей, Шевичей, Черноевичей, Депрерадовичей и др., — которые в XVIII веке переселились из Сербии в Россию, получили обширные земельные наделы в Екатеринославской губернии и вскоре породнились со многими известными великорусскими, малороссийскими и прибалтийскими фамилиями.

О детстве и первой молодости будущей баронессы Иксуль известно немного. Очевидно, было обычное для ее круга и притом очень хорошее воспитание. Гувернантка ее была человеком незаурядным — позднее она сделалась известна во Франции как писательница Анри Гревиль. Варвара Ивановна ее очень любила и оставалась дружна с ней многие годы спустя.

В 16 лет Варвару Лутковскую выдали замуж за молодого и «перспективного» дипломата Николая Дмитриевича Глинку (1838-1884). Несколько следующих лет прошло в основном за границей: в Германии, Италии, Франции. Красота и исключительное обаяние Варвары Ивановны обеспечили ей громадный светский успех. Были завязаны обширные знакомства. Ее знала «вся Европа» — коронованные особы, дипломаты, политики, аристократы, художники, писатели. А знать ее и не увлекаться ею было совершенно невозможно, недаром много позднее Александр Бенуа назовет ее «пленительной чаровницей»¹, — и потому «вся Европа» лежала у ее ног. Рассказывали, что сам король Италии Умберто однажды совершил ради нее немислимое «безумство» и шокировал весь Рим, проехав по Корсо в коляске Варвары Ивановны, сидя на скамеечке у ее ног.

У подобного успеха есть своя обратная сторона — зависть и злоязычие, и потому сплетни и пересуды были столь же постоянными спутниками Варвары Ивановны, как и восхищенное поклонение.

В браке с Глинкой у них родилось трое детей: сыновья Григорий (1869-?) и Иван (1870-1919) и дочь Софья (?-?). Но сам брак продолжался недолго. Варваре Ивановне не было и тридцати, когда в один прекрасный день она решила, что «с нее хватит», и уехала от мужа. Видимо, основания для разрыва были серьезные, ибо ей удалось добиться развода (известно, хотя бы по «Ан-

¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Кн.1-3. М., 1990. С.166.

не Карениной», сколь непросто было это сделать) и при этом умудриться вполне «сохранить лицо» — это в то время, когда женщина-«разводка» неизбежно вызывала к себе двусмысленный интерес. При российском дворе, конечно, посердились — и перестали, и через небольшое время Варвара Ивановна снова вышла замуж, за барона Карла Петровича Иксуля фон Гильдебрандта (1818-1894)². Очень уже немолодой человек, он был давним знакомым ее семьи, помнил еще светские успехи ее матери, а служил тоже по дипломатической части и был непосредственным начальником ее первого мужа Н.Д.Глинки.

Обретение новой фамилии и баронского титула совпало для Варвары Ивановны со временем внутреннего перелома. Молодость прошла. Семейная жизнь вошла в новое спокойное русло. Дети учились, и их будущее было обеспечено. Светская суэта неминуемо должна была прискучить. Между тем необыкновенно деятельная и богато одаренная натура требовала выхода. В начале 1880-х годов на страницах французских журналов стали появляться ее повести и романы. Писала она по-французски, под псевдонимом Rouslane (Руслана). Известно, что писала много и публиковалась довольно часто, но произведения ее, разбросанные по разным изданиям, остаются невыявленными и библиографии их не существует. Очарованный ею Мопассан снабдил некоторые из ее сочинений своими предисловиями. Кое-что даже имело успех, в частности повесть «Софиевский еврей».

В 1886 году она сделала попытку печататься дома, поместив в журнале «Северный вестник» (№1-4) собственный перевод с французского своего романа «На туманном севере» — из германской великосветской жизни. Роман не блистал особыми достоинствами, а перевод был откровенно слаб, и лавров это предприятие баронессе Иксуль не принесло. Но сама попытка как бы знаменовала собой начало нового этапа в ее жизни. Отныне ареной ее деятельности сделалась уже не Европа, а Россия.

В 1884 году умер ее первый муж, и дела по устройству имений, унаследованных ее детьми, заставили ее все чаще бывать на родине, а с 1891 года, когда барон Иксуль вышел в отставку, она осела в России уже окончательно. В Петербурге сперва был куплен дом на Екатерининском канале, у Аларчина моста; потом, в конце 1890-х годов, Варвара Ивановна переехала на Кирочную улицу, в дом, который прежде принадлежал одному из дядьев

² Есть и другие транскрипции этой фамилии — Гильденбандт, Гилленбанд.

А.Н.Бенуа³, и здесь прожила уже вплоть до катастрофы. По этим двум адресам на протяжении почти тридцати лет (с середины 1880-х до 1917) существовал знаменитый на весь Петербург литературно-общественный салон баронессы Иксуль, в создании которого в полной мере проявилась ее редкостная «контактность» и умение найти и свести вместе интересных людей различных положений, взглядов и занятий. Тут в разные годы бывали литераторы (Н.К.Михайловский, А.П.Чехов, В.Г.Короленко, М.Горький, Вл.С.Соловьев, П.Д.Боборыкин, В.В.Стасов), художники (И.Е.Репин — в 1889 году был написан уже упоминавшийся портрет, М.В.Нестеров, П.П.Чистяков, Н.Н.Ге, А.Н.Бенуа), врачи, ученые, адвокаты, а также аристократы, генералы, министры — в их числе И.Л.Горемыкин и П.Н.Дурново. Среди постоянных посетителей салона все эти годы был Д.С.Мережковский — сперва один, а с 1889 — с З.Н.Гиппиус. Сохранился изданный в 1888 сборник «Стихотворений» Мережковского, с его дарственной надписью на титульном листе: «Милому человеку Варваре Ивановне Иксуль на память о всем добром и хорошем, что автор вместе с нею пережил и за что он остался ей навсегда обязанным. Январь 1888».

И ниже приписано:

Как мертвых роз благоуханье,
Как бледный луч осенних дней,
Былой любви очарованье
Таится в памяти моей.

Апрель 1889⁴

В тексте сборника Мережковский отметил посвященные Варваре Ивановне стихи: «С потухшим факелом мой гений отлетает...», «Когда безмолвные светила над землей...» и др. — 11 стихотворений датированных 1886 и одно стихотворение 1887 года («Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть...»).

Непосвященных немало удивлял пестрый состав посетителей салона баронессы Иксуль. Для нее же он был органичен. Зинаида Гиппиус, оставившая самый, вероятно, удачный литературный портрет Иксуль, писала о ней: «В этой прелестной светской женщине кипела особая сила жизни, деятельная и пытливая. Все, что так или иначе выделялось, всплывало на поверхность общего, мгновенно заинтересовывало ее, будь то явление или человек. Не успокоится, пока не увидит собственными глазами, не прикоснется, как-то по-своему не разберется. /.../ Она облада-

³ См.: Бенуа А.Н. Указ. соч. С.129. В несколько перестроенном виде этот дом сохранился в Петербурге.

⁴ ОР РГБ. Ф.439. Карт.30. Ед.хр.5.

ла исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех "пытала" и ко всем, в сущности, оставалась равна. Но чутье к значительности — даже не человека, а его успеха — было у нее изумительное»⁵.

Ей были интересны люди. Все люди, всякие люди, но особенно — талантливые, сложные, чем-либо выдающиеся. Она к ним приглядывалась, она пробовала их на излом, она их коллекционировала. Человек известный, оказавшись в Петербурге, неизбежно попадал в «коллекцию» баронессы Иксуль. Именно так попал в свое время к ней в дом Распутин — как редкостный экспонат — не более. Поклонницей его, «распутинкой», она, конечно, не сделалась (хотя кое-кто в Петербурге считал ее таковой, и мне это попало в мемуаристику), но принимать его у себя принимала, видимо, наслаждаясь общением с этим редкостным человеческим экземпляром и «угощая» им знакомых.

Может быть, в этой ненасытной жадности к людям и состоял секрет своеобразного магнетизма баронессы Иксуль и популярности ее салона — люди тянутся к тем, кто проявляет к ним искренний интерес, непритворный и доброжелательный.

С многообразием знакомств Варвара Ивановна приобрела уникальную возможность: использовать одну часть своих знакомых для блага другой части, тех, к кому принадлежала по рождению, для тех, к кому тянулась душа. К ней стали обращаться за помощью в сложных случаях, когда помочь могло только вмешательство «сильных мира сего», и вот она хлопочет за Н.К. Михайловского, когда после участия в демонстрации на похоронах Н.В.Шелгунова ему грозит ссылка. По просьбе Льва Толстого она делает все от нее зависящее, чтобы помочь духоборам, переселяющимся в Канаду.

Об участии баронессы Иксуль в истории с возобновлением женских медицинских курсов много говорили в свое время. Вот как об этом вспоминал художник М.В.Нестеров: «Говорили, что женские медицинские курсы, закрытые в конце царствования Александра II, вновь открылись в царствование Александра III благодаря умелому ходатайству баронессы Иксуль. Казалось, к суровому царю с такими делами, как открытие женских медицинских курсов, и подступить было немислимо. Александр III — и женское образование... хм... и, однако, не кто другой, а Александр III дал милостивое соизволение на открытие таких курсов /.../ Люди, жившие в 80-е годы, знали или слышали о генерале Черевине, близком человеке к царю /.../ Генерал Черевин был за-

⁵ Гиппиус З. Живые лица. Л., 1991. С.74-75.

пойный пьяница. Пил он непробудно и в минуты редкого и короткого похмелья докладывал царю о том о сем, и тогда из этого выходило что-то ладное для "лучших людей". Тут и подвернулась умная баронесса Иксуль. Поговорили с ней "лучшие люди", и стала баронесса поджидать черевинского похмелья; дождалась и своими "чарами", а у ней их было довольно, убедила пьющего генерала доложить царю о курсах, о том, что женское медицинское образование не только не вредно, но даже польза от него может быть /.../ Царь выслушал Черевина милостиво и повелел тогда восстановить запрещенные курсы по более широкому плану. И стали курсы жить, процветать, много от них пользы было государству, а слава баронессы Иксуль как умной женщины еще более возросла»⁶.

Не всегда хлопоты баронессы Иксуль увенчивались успехом, но зато и не было случая, чтобы она отказалась о чем-нибудь похлопотать.

Ее связи «лучшие люди», зная ее безотказность, использовали еще в одном отношении. Несмотря на то, что в «высших сферах» на баронессу Иксуль слегка косились, считая «красной» за демократические привязанности, положение ее в обществе было слишком высоко. Обе императрицы — и Мария Федоровна, жена Александра III, и супруга Николая II Александра Федоровна — находились с нею в наилучших отношениях. На видном месте в ее гостиной красовались их фотографии с самыми любезными надписями. Таким образом, квартира ее была фактически недосягаема для охранной полиции. Этим часто и охотно пользовались «нелегалы». По свидетельству В.Д.Бонч-Бруевича, в доме баронессы Иксуль часто скрывались революционеры, прятались целые архивы левых партий, в том числе и большевистские⁷. И, как водится, сделанное ею добро не осталось для Варвары Ивановны впоследствии безнаказанным.

По делам ей часто приходилось бывать в деревне. Там, как она сама потом вспоминала, «между прочими серьезными и очень важными пробелами, пополнение которых превышало, конечно, мои силы, я огорчалась почти полным отсутствием книги для народа /.../ Мне казалось неотложной необходимостью дать хорошую и разнообразную умственную и духовную пищу тем, кто жаждал и алкал новых светлых впечатлений, новых знаний, открытых окон на свет Божий»⁸.

⁶ Нестеров М.В. Давние дни. М., 1959. С.179-180.

⁷ Бонч-Бруевич В. Мое первое издание // Звенья. Т.8. М., 1950. С.679.

⁸ Иксуль В.И. Иван Дмитриевич Сытин // Полвека для книги. 1866-1916. М., 1916. С.121.

Она обратилась с предложением сотрудничества к издателю знаменитого «Посредника» В.Г.Черткову, уже выпускавшему книги для народа. Однако эта попытка оказалась неудачной как из-за неумения Варвары Ивановны хорошо писать по-русски (едва ли не тогда же пришло разочарование в своих писательских способностях), так и из-за жестких редакторских установок Чертова. К тому же Варвара Ивановна скоро убедилась, что книг «Посредника» далеко не достаточно для насыщения деревни, и она решила попробовать себя в роли издательницы.

Вспоминая о начале своей издательской деятельности, она писала: «Помимо чисто утилитарных знаний мы считали желательным расширить вообще кругозор наших будущих читателей /.../ познакомить их с нашими писателями, не задаваясь никакими партийными или иными целями»⁹. Тут пригодились и дружеские отношения с Короленко, Г.Успенским, Боборыкиным, которые разрешили безвозмездно перепечатывать любые свои произведения по выбору издательницы, и знакомство с Репиным, давшим — также бесплатно — рисунок для обложки, и умение легко завязывать новые знакомства — для приобретения рассказов Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, Д.Н.Мамина-Сибиряка и других.

Книжки для народа, издаваемые баронессой Иксуль, выходили под грифом «Издания В.И. "Правда"» и печатались в типографии молодого тогда И.Д.Сытина. За 1891-1896 гг. вышло 64 названия, среди них произведения Гоголя, Л.Толстого, Достоевского, Чехова, Мамина-Сибиряка, Короленко, Г.Успенского, Гаршина, Потапенко, Боборыкина, Жорж Санд, стихи Некрасова, басни Крылова, сказки Андерсена, русские народные песни и сказки, популярные медицинские и естественнонаучные брошюры и т.д.¹⁰ Помощник Варвары Ивановны — педагог В.П.Вахтеров, занимавший тогда пост инспектора народных училищ в Смоленской губернии, писал популярные естественнонаучные брошюры, сама Варвара Ивановна усердно компилировала, составляла сборники стихов и сказок, адаптировала тексты.

Помимо просветительской деятельности, Варвара Ивановна Иксуль пыталась оказать деревне и практическую помощь, выезжала «на голод» в 1892 году, собирала деньги, организовывала столовые и едва не рассталась при этом с жизнью, заразившись оспой в каком-то глухом углу.

⁹ Иксуль В.И. Иван Дмитриевич Сытин // Указ. изд. С.121.

¹⁰ Неполный перечень книг, изданных Иксуль, см. в ежегодниках Московского комитета грамотности «Обзор книг для народного чтения» за 1891-1894 гг. М., 1893-1895.

Самоотверженное благотворение сделалось со временем основным делом ее жизни. Ее энергия, выносливость, душевная сила и незаурядные организаторские способности пригодились тут в полной мере. Поразительно, сколько она успевала сделать и как у нее на все хватало и времени и физических сил. Она состояла членом правления Общества для доставления средств Высшим женским курсам в Петербурге, оказывала постоянную и разнообразную помощь женскому медицинскому институту, учредила несколько стипендий своего имени для курсисток, собирала общественные библиотеки, устраивала благотворительные концерты, лекции и лотереи, занималась сбором средств для организации дешевых и даровых обедов нуждающимся, участвовала в подготовке Пироговских съездов. В 1900-е годы руководила известной общиной св.Евгении, имевшей многочисленные больницы, клиники, всевозможные подсобные предприятия.

Венцом благотворительной деятельности Варвары Ивановны Иксуль стало создание Кауфманской общины сестер милосердия. В 1902 в Петербурге по плану баронессы была открыта образцово поставленная школа ученых сиделок. Через некоторое время она разрослась в Общину, у которой была высокая профессиональная репутация и сестры которой отличались удивительной выдержкой, дисциплиной и трогательной взаимной привязанностью. Большинство из них оказались потом в эмиграции, но и там держались вместе, сохраняя былое единство.

Варвара Ивановна не просто возглавила общину, она сама овладела искусством милосердной сестры и впоследствии не раз работала наравне с другими сестрами, спасая больных и раненых.

Боевое крещение сестры Кауфманской общины получили во время Русско-японской войны, когда баронесса Иксуль сформировала и послала на Дальний Восток несколько санитарных отрядов, а в Петербурге в полную силу работал организованный ею солдатский лазарет. В 1912-1913 во время Балканской войны, вызвавшей сочувствие русского общества к болгарам и поездки добровольцев, Варвара Ивановна выезжала со своими сестрами в зону боевых действий.

В 1914 году в здании Кауфманской общины вновь был устроен лазарет: и вновь стараниями начальницы организовывались санитарные отряды, поезда, тыловые и фронтовые госпитали. В годы германской войны в общину вступило немало женщин, принадлежавших к высшему обществу. Кстати, одно время сестрой здесь была и М.И.Закревская-Бенкендорф-Будберг, извест-

ная теперь благодаря опубликованной у нас книге Н.Н.Берберовой «Железная женщина»¹¹.

Сама Варвара Ивановна выезжала на передовую постоянно. Всю осень 1914 года она провела на Юго-Западном фронте, где находились ее отряды, лазареты и поезда. В 1916 году под Луцком, где шли жестокие бои, она принимала участие в перевязках раненых под неприятельским огнем и была награждена Георгиевским крестом, врученным ей лично генералом А.М.Калединым. Ей было в то время 64 года.

А через год произошла революция. И началось «хождение по мукам». Не спасли ни возраст, ни былые заслуги, ни «революционные знакомства». Свыше десятка обысков, выселение из дома на Кирочной (все, что удалось взять с собой, поместилось на детских салазках), несколько арестов, проведенные в тюрьме в числе заложников (в качестве матери «белогвардейца»). Зимой 1919-1920 она похоронила сына Ивана Глинку. Офицер гвардии, он не принимал участия в гражданской войне ни на одной из сторон; умер от тяжелой пневмонии, осложненной голодом.

Той же страшной зимой погиб еще один близкий Варваре Ивановне человек — профессор Военно-медицинской академии Николай Александрович Вельяминов (1855-1920), ее последняя любовь. Долгие годы они прожили бок о бок в доме на Кирочной: он занимал первый этаж, она второй. М.В.Нестеров вспоминал, что Вельяминов был «нарядный, высокий, в генеральском мундире, с открытым лбом, по манерам, облику похожий на какого-нибудь командира гвардейских полков»¹². Известный и талантливый хирург, академик, председатель Пироговского общества, исполнявший обязанности хирурга и в Кауфманской общине, он не принял большевиков и вскоре был изгнан со службы и выселен из дома. Оказавшись на улице, он сперва скитался по знакомым, потом нашел пристанище в подсобном корпусе одного из медицинских институтов где-то на окраине Петербурга, очень нуж-

¹¹ Об этой даме у Варвары Ивановны осталось самое невыгодное мнение, о чем свидетельствует Т.А.Аксакова, близко знавшая Иксуль в годы эмиграции: «Вошла мамина знакомая Анна Игнатьевна Кочубей (урожденная Закревская) /.../ Зашел общий разговор на литературные темы и, в частности, о Горьком. Варвара Ивановна спросила: "А что, эта ужасная женщина Бенкендорф все еще при нем?" Кочубей вспыхнула и сказала: "Это моя сестра!", на что последовала спокойная реплика: "Я вас очень жалею!" /.../ Когда она ушла, я спросила Варвару Ивановну, действительно ли она думает то, что сказала. И получила ответ: "Я не думаю — я знаю!"» (Аксакова Т.А. Дочь генеалога // Минувшее. Историч. альманах. Вып.4. М., 1991. С.34).

¹² Нестеров М.В. Указ. соч. С.182.

дался. Началась зима. В своем пустом и холодном убежище он топил печку оставшейся мебелью. Когда был расколот и сожжен последний стул, Вельяминов умер. На другой день нашли мертвой его собаку — единственное бывшее с ним близкое существо...

Варвара Ивановна узнала о его смерти поздно — уже в эмиграции. В какой-то момент революционные события разлучили их, а в том состоянии душевного оцепенения, в котором она находилась после смерти сына, ей, видимо, было не под силу разыскать Вельяминова и спасти его...

24 августа 1920 года она обратилась с просьбой о помощи к В.Д.Бонч-Бруевичу, когда-то скрывавшемуся в ее доме. «Неужели я так жестоко наказана за то, что всю сознательную жизнь помогала "политическим"? — писала она. — Я в буквальном смысле слова голодаю, думаю о зиме с ужасом, потому что купить дров не на что. Сын мой скончался в ужасных мучениях — я не могу оправиться от этого горя. Жизнь не имеет больше цели — все рухнуло. Хотелось бы, чтобы она скорее кончилась. Кроме несчастий и разочарований, ничего не осталось»¹³.

Был ли ответ и какой — неизвестно.

Неизвестно и то, каким образом Варвара Ивановна оказалась в знаменитом Доме Искусств, где она поселилась осенью 1920 года и где провела свою последнюю русскую зиму, пытаясь подрабатывать переводами.

Весной 1921 года она начала хлопотать о разрешении на выезд за границу. Ей было отказано. Она обратилась за помощью к своему старому знакомому Горькому, но и его вялые хлопоты не увенчались успехом¹⁴.

Варвара Ивановна, и прежде не раз рисковавшая жизнью, разрешила все очень просто. Зимой, в конце 1921 года, завязав в узел то, что у нее еще оставалось, 69-летняя баронесса Иксуль с одним мальчиком-провожатым, пешком, по льду Финского залива ушла в Финляндию.

Потом была Франция, где она встретила наконец со вторым своим сыном Григорием Глинкой, несколько лет отрезанным от нее на Украине. Здесь она увидела многих прежних своих друзей, как бы вернулась ненадолго в мир своей молодости и немного отогрелась душой.

Т.А.Аксакова, познакомившаяся с баронессой Иксуль в 1926 году в Ницце, вспоминала: «Опираясь на трость, одетая во все черное, с белой камелией в петлице, Варвара Ивановна часто сту-

¹³ ОР РГБ. Ф.369. Карт.278. Ед.хр.41. Л.1-1об.

¹⁴ Ходасевич В. Воспоминания о Горьком. М., 1989. С.20-21.

чала мне в окно, приглашая пойти с ней к морю. Сидя на набережной, мы говорили о России, и я читала по ее просьбе есенинские стихи»¹⁵.

В феврале 1928 года баронессы Иксуль не стало.

Прилагаемые документы, содержащие как впечатления современников от личности В.И.Иксуль, так и ее собственные письма разным адресатам, помогут лучше узнать и почувствовать эту удивительную женщину.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПИСЬМА Д.Н.МАМИНА-СИБИРЯКА К А.С.МАМИНОЙ

24 января 1893 г.

/.../ За прошедшую неделю ничего особенного не случилось, кроме того, что был с визитом в «большом свете», в настоящем большом свете, именно у баронессы Иксуль, известной деятельницы по изданию народных книг.

Баронесса известная красавица, — высокая, стройная, худенькая цыганской худобой и очень умная. Свои сорок лет она носит с гордостью и еще сейчас красавица. Лицо худенькое, цыганское, большие глаза и умное выражение. Держит себя с простотой настоящей аристократки. К литературе она подвержена давно и славится тем, что постоянно «выправляет» литераторов из ссылок и вообще злоключений. У нее везде есть ход, и она пользуется своим влиянием во благо русской литературы. Я познакомился с ней у Давыдовой¹. Кстати, баронесса прошлое лето провела где-то в Казанской губернии, устраивая народные столовые, схватила оспу и чуть не умерла². Сейчас нет и следа оспы, и баронесса хороша по-прежнему. Вообще, очень энергичная особа, хотя и ввергается в литературу от своей великосветской скуки.

Я пробыл у нее около часу — от 4^{1/2} до 5^{1/2} ч[асов]. Пили чай и говорили о народных изданиях, издателях и вообще о книжном деле. После самой баронессы интересна обстановка, в которой обитает это совершенство. Представь себе три больших комнаты, сплошь набитых всякими редкостями — китайским фарфором, японскими лаками, старинными материями, редкой мебелью разных эпох и стилей, артистической бронзой, картинами и даже археологией, в виде старинных поставцов, укладок, братин, идолов и всяких цац и погремушек. Получается нечто среднее между

¹⁵ Аксакова Т.А. Указ. изд. С.31.

музеем и галантерейным магазином, так что даже ходить по комнатам нужно с большой осторожностью, чтобы не своротить какую-нибудь подлую редкость.

Баронесса по происхождению русская, дочь какого-то генерала. Муж был посланником в Риме. Сейчас это совсем древний старец, разбитый параличом. Он терпеливо ждет христианской кончины где-то на своей половине, и гости баронессы никогда его не видят. Вообще баронесса настоящая петербургская знаменитость, и быть принятым у нее считается за честь. /.../

ОР РГБ. Ф.157. Карт.1. №15. Л.5-6об.

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852-1912) — известный писатель. Письмо адресовано его матери, А.С.Маминой.

¹ Давыдова — видимо, издательница журнала «Мир Божий» А.А.Давыдова.

² Одна из столовых для голодающих крестьян на 35 человек была заведена В.И.Иксуль в с. Нижняя Серда Казыльской волости Лаишевского уезда Казанской губернии.

Владислав Ходасевич

ПАМЯТИ БАР[ОНЕССЫ] В.И.ИКСКУЛЬ ФОН ГИЛЛЕНБАНД

С неизгладимой четкостью запоминаются те мгновения детства, в которые что-нибудь нам впервые «открылось». Так, обаяние женственности, о, к каким высотам оно восходит! — открылось мне в ясное, морозное воскресенье, — в Третьяковской галерее. Что мне было тогда? лет десять — двенадцать.

То было узкое, длинное полотно: портрет очень красивой дамы, может быть — под вуалью. В одежде, кажется, красный шелк и черные кружева. Живопись — я в ней, разумеется, ничего не смыслю. Но от стройной фигуры, от поворота головы, от губ, от темных глаз вдруг повеяло прелестью мне дотоле неведомой, непонятной. В каталоге я прочитал: «И.Е.Репин. Портрет баронессы В.И.Иксуль фон Гилленбанд». И, кроме того обаяния, было во всем портрете просто обаяние нарядности, блеска, светскости. Словом, и теперь, через тридцать лет, мне ничего не стоит вызвать в памяти то мгновение, тот *восторг*.

Ту, с кого был писан портрет, довелось мне увидеть лишь через много лет, когда жизнь Варвары Ивановны Иксуль, жизнь долгая, блестящая внешне и внутренне сложная, с большими радостями и большими горестями, — вся уже была, в сущности,

позади. Мне не довелось уже увидеть В.И. молодой, красивой, блестящей, — такой, какою она была известна Петербургу, двору, Риму, Парижу, иностранным дипломатам, европейским венценосцам и великому множеству российских интеллигентов. Не видел я и петербургского ее салона, одного из слишком немногих в России *настоящих* литературно-политических салонов, в котором умела она соединять людей различнейших положений, взглядов, профессий — от Михайловского до Мережковского и от Дурново¹ до Максима Горького.

Я не видел ее красавицей; но обаятельной и прелестной, в семьдесят лет еще не утратившей ни быстрого ума, ни меткой и умной речи, ни светскости, ни даже очень большого изящества внешнего, — такой, только такой я и видел ее.

С В.И. познакомился я в начале 1921 года, когда я переехал в Петербург и сделались мы соседями по «Дому Искусств». То был огромный дом Елисеевых, у Полицейского моста, населенный писателями, художниками, учеными и просто остатками интеллигенции.

В.И. жила в бельэтаже, в огромной комнате «глаголем», с чем-то вроде алькова, с дубовой обшивкой по стенам и с тяжеловесной резной мебелью. Впрочем, от этой громоздкой мебели, от бесчисленного множества фотографий на стенах и на полках, от книг и бумаг на столах, от каких-то платков и шалей, брошенных на кресла, от мягких ковров, расшитых подушек и скамеечек для ног в комнате всегда было тесновато. Пахло в ней — не скажу духами, какие уж там духи, в Петербурге, в 1921 году, — но чем-то очень приятным, легким. В холоде и голоде тех дней, ограбленная большевиками, пережившая больше десятка «строгих» обысков, — В.И. сумела остаться светскою дамой. Это хорошее тонкое барство было у нее в каждом слове, в каждом движении, в ее черном платье, в ногах, с такой умелой небрежностью покрытых пледом; в том, как она протягивала сухую, красивую руку с четырьмя обручальными кольцами на безымянном пальце; в том, как она разливала чай, как поеживалась от холода.

В Петербурге, занесенном снегом зимою, заросшем травкою летом, в пустынном, глухом Петербурге тех лет, когда зимою на улицах грабили, а летом на Мойке пел соловей, «Дом Искусств» был похож на затерянный во льдах корабль. Жили особенной, ни на что не похожей жизнью. По вечерам из него выходить почти не отваживались, — да и куда выходить? Ходили друг к другу — огорчаться, радоваться (бывали и радости все-таки), читать стихи, философствовать, просто коротать вечера.

И редкий вечер, хоть мимоходом, не заходил я к Варваре Ивановне, всегда радушной, доброжелательной, ровной. Горничная Варя приносила чайник. Было необычайно тихо и — опять не могу подыскать я другого слова — обаятельно. В те вечера рассказывала Варвара Ивановна о разных вещах, о людях, которых ей доводилось видеть, особенно хорошо — о Тургеневе и о Мопассане. И часто, когда ночью я подымался к себе наверх, вспоминались стихи Боратынского, которые так пошли бы к ней:

И юных граций ты прелестней,
И твой закат пышней, чем день...²

Она мечтала о загранице. Жила продажею каких-то вещей и платьев, недоотобранных большевиками. Что-то переводила. Но была бережливее, чем могла бы быть: берегла что-то для заграницы. В Петербурге чувствовала себя одинокой. И в самом деле, там у нее никого почти не было. По вечерам я встречал у нее только одну ее старую приятельницу³. Прочих «соседей» она в общем сторонилась. В городе же, вне «Дома Искусств», уцелела из всех друзей, кажется, только семья Г., проявлявшая к ней много любви и заботы. Теперь, уже в Париже, в этой семье суждено было Варваре Ивановне скончаться.

Весной 1921 года она начала хлопотать о разрешении выехать. Я довольно близко стоял к этим хлопотам, но не хочу сейчас о них говорить подробно. Довольно того, что ей не только не дали разрешения, но над ней еще издевались. Так длилось долго. Однажды, уже зимой 1921-1922 года, я поехал ненадолго в Москву, а вернувшись, уже не застал Варвару Ивановну: в одно прекрасное утро, оставив записку, что она уходит «в город», захватила она узелок с вещами и ушла, — но не в город, а через финляндскую границу.

Так образовалось наше знакомство — я не смею сказать — дружба.

Только раз, мельком, довелось мне встретить ее здесь, в Париже, минувшей весной, на лекции Мережковского. В антракте мы беседовали; она была, пожалуй, все та же. Потом, через общих друзей, просила меня зайти. Но в непростительной сутолоке моей жизни не собрался я к ней тотчас, сперва откладывал, потом уезжал, потом она заболела — и наконец, в понедельник, 20 февраля, в половине восьмого утра, ее не стало. Этими немногими тороп-

ливными строками хотел бы я хоть в малейшей мере загладить свою вину перед ее памятью.

20 февраля 1928

Печатается по тексту: Возрождение. Париж, 1928. 28 февр.

¹ Дурново Петр Николаевич (1845-1915) — министр внутренних дел в 1905-1906.

² Строки из стих. Е.А.Баратынского «Всегда и в пурпуре и в злате...»

³ Возможно, имеется в виду писательница и близкая подруга Икскуль Леткова-Султанова Екатерина Павловна, письма к которой публикуются в настоящей подборке.

ПИСЬМО В.И.ИКСКУЛЬ К В.Г.ЧЕРТКОВУ¹

Мосниеды
30 августа [18]87

Ваше письмо от 20-го июля, Владимир Григорьевич, получено мною только вчера, так как последнее время я была в отъезде, а оно за мною следило, не заставая.

Не успела я в работе об Александре Македонском — должно быть, труд не под силы, — несколько раз за него принималась, и все выходило как-то плоско — пошло, не удовлетворительно с точки зрения нравоучительной. И потом — как вам сказать. Видя вокруг себя столько бедности, столько беспомощности, как-то возмущаешься проповедывать, что бедность есть счастье, а достаточность — гибель. Тут что-то не так — надо другое им говорить — этим несчастным, голодающим, а в Алек[сандре] Мак[едонском] прямо была та тема бедности против богатства. Может быть, и потому, что я не была уверена в справедливости этого направления, — может быть, и потому у меня ничего и не вышло.

Дайте мне что-нибудь другое делать — буду рада. Адресуйте письмо в Петербург, 156, Аларчин мост. Буду там 15-го сентября. Книг раздала много — тут совсем их нет в продаже, что очень жаль.

Сердечно жму вашу руку.

Варвара Иксуль.

Книгу и рукопись посылаю вам сегодня.

Публикуемое письмо относится ко времени, когда В.И.Иксуль пыталась сотрудничать как автор в издательстве «Посредник».

¹ *Чертков* Владимир Григорьевич (1854-1936) — публицист, известный толстовец.

ПИСЬМА В.И.ИКСКУЛЬ К Е.П.ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

1

Суббота [1894]

Дорогая Екатерина Павловна, не могу отказать себе в удовольствии поблагодарить вас за чудно проведенный вечер. Давно мне не было так хорошо, так тихо на душе, как в милой вашей комнатке, слушая действительно очаровательную речь Кони¹. Никогда не видела его таким простым, сердечным. Мне кажется, — м[ожет] б[ыть] чрезмерно самоуверенно с моей стороны, — что я открыла совсем нового, до сих пор не известного мне человека, и этот человек удивителен, привлекателен и обаятелен. Захотелось, неудержимо захотелось поделиться с вами моим впечатлением; *даже* если оно ошибочно, — большое вам спасибо за призрак иллюзии... Ведь в этом и есть счастье жизни...

Разорвите эту записку — она смешна в мои годы, но что же делать с собою? Всякий раз, что мне кажется, найду хорошего, настоящего человека, я радуюсь, как будто нашла настоящий клад! Еще раз спасибо.

2

Петербург. 1 июня [18]97

Друг мой дорогой.

Получила ваше письмо вчера и не согласна с вами. Вполне сознавая, что «почитывать» и переводить — не одно и то же, думаю, уверена, что вы можете переводить Согап², — вы его поймете, поймете суть его учения, а это главное. Если что будет слишком специального, то оставьте Соловьеву³ — т[о] е[сть] *термины*, а *мысль* его именно вам, будет вам понятно, потому что она вам *родная*. Мне бы ужасно хотелось, чтоб именно вы перевели б его.

Если б я могла писать по-русски, я бы сама взялась за эту работу, — но ведь я не могу, не умею. Вообще я гожусь только для того, чтоб давать хорошие мысли другим, — сама ничего не могу сделать настоящего. Хотя и больно бывает подобное сознание, но лучше отдавать себе отчет в своих силах, мириться с действительностью. Меня беспокоит, что вы чувствуете тоску, усталость, откуда они?..

Я же живу по-прежнему, с той разницей, что вокруг меньше народа. По отсутствию одного и могу читать, что доставляет мне большое наслаждение. /.../

Гриша⁴ вернулся, очень доволен своей поездкой. Да, действительно, правы те, которые говорят, что Петербург — это не Россия, а как послушаешь про всю *ужасающую* дикость провинции, то руки опускаются, берет почти что отчаяние, как далеко нам еще до культуры, до *понятия* ее. Рассказы его про главных тузов рыбных промыслов — просто удручающие. Вот куда нужен свет! В глубокую Россию, но окружена-то она такой стеной, что *веками* придется пробивать *щель* в Европу. А вместе с тем, сколько можно было бы работать!.. Но какая тяжелая, неблагоприятная работа... Да, чем больше узнаешь Россию, тем больше понимаешь: честь России — одна *борьба*, всякий русский интеллигент — борец-герой, но из таких, о которых никто не знает. Умирают эти герои с разбитой, болящей душой, не имея даже сознания, что они подвинули хоть на иоту то, чему отдали жизнь. А все-таки дело они свое сделали: шагнули вперед, дали вздохнуть воздухом, и этого достаточно; ведь люди, которые хоть раз вздохнули свежим воздухом, хоть раз познали, что есть свет, *никогда* этого не забудут и всеми силами будут стремиться к тому, чтобы пользоваться и этим воздухом, и этим светом. В *пробуждении* таких-то желаний, может быть, и состоит теперешняя главная задача русского человека. *Развитие потребностей* — в этом, мне кажется, весь вопрос настоящего времени. Задачей народников должно было быть именно это развитие посредством всего, что попадается по пути.

Очень жаль, моя дорогая, что вас нет, — о многом бы хотелось с вами побеседовать. Целая толпа мыслей кишит в голове, а поделиться ими не с кем. Пожалуй, что это почти постоянное молчание, на которое более или менее обречен всякий русский человек, и накладывает на нас ту печать грусти, которую мы все носим на себе...*

* Конец письма утрачен. — В.Б.

СПб. 21 июля [18]98

Дорогая моя.

Только что получила ваше письмо — и так и захотелось заплакать! Заплакать от досады, грусти, что все лето прошло и что я не видела ни вас, ни зеленого луга, ни настоящего неба! Прошло оно, это лето, как-то *отвратительно*, все время в «дерганьях» каких-то; в голове — сумбур, в сердце — камень, в нервах — полное расстройство! Но жаловаться не следует: вероятно, сама виновата, что не могу устраивать свою жизнь как хочу — бесхарактерность полная.

Что касается календаря⁵ — пожалуй, вы правы, что не успеть все сделать к сроку, — никаких сотрудников у меня нет, да и не хочу иметь, кроме Вас. — Все-таки попробуйте сделать, что можете; я спрошу, какой должен быть последний срок; если не успеете в нынешнем году — то применим к будущему, — но мне бы *очень* хотелось сделать это в нынешнем. Возьмите тоже Некрасова.

Взяли ли Вы мне комнату в «Лоскутной»?⁶ Если нет, то, пожалуйста, возьмите, мне бы хотелось приехать в Москву 13-го, и уехать с вами потом в Медведково, *если там никого не будет*, дня на 3. Больше отсутствовать отсюда нельзя — так все медленно идет. А если меня не будет, то совсем, пожалуй, вся постройка с архитектором во главе — заснет!

Знаете, что я жду не дождусь — зимы. Вообще я люблю лето, но у меня его не было в нынешнем году — и я страстно желаю, чтоб снова началась жизнь как следует, а главное, чтоб *все* были бы тут, — но я ужасно боюсь, что вы долго просидите в Медведкове этот год из-за Юрика. Когда предполагаете вернуться?

Если бы вы знали, как мне хочется литературы, искусства, красоты! Положительно изнываю от полного отсутствия всего этого. — *Я устала от чужих страданий*. Гадко это, неизмеримо гадко, сознаю, но ничего с собой поделаться не могу. А ведь только это, — да всякую гадость, фальшь, ложь — вижу вокруг себя!

Жду вашу повесть⁷ с нетерпением. Прочту ее сейчас — сама снесу в «Мир Божий» — и заявлю, что *никаких* ни перемен, ни сокращений не полагается. Если не подходит — пусть не берут, и тогда вы отдадите в «Рус[скую] М[ысль]». — Читали ли в последнем номере Чехова «Человек в футляре»?⁸ Плохо, — а жаль, потому что мысль хороша, но передана слабо, вяло, не ярко.

Прощайте, дорогая, — иду спать. Крепко, крепко вас целую.

Ваша В.И.

СПб. 2-го августа [1898]

Дорогая моя.

Только что получила и прочла «Чудачку» — прелесть, я ни одного слова не изменила — нечего изменять: правдиво, естественно, сердечно, страшно жизненно. Очень, очень мне нравится. И мать, и дочь одинаково хороши — и описание «сутолоки» прямо из жизни. Думаю, что будет иметь успех, — жаль, что не пошли дальше. По-моему, следовало бы продолжить это — рассказать жизнь в деревне. Хотя м[ожет] б[ыть] вы ее не достаточно знаете? Как вы думаете?

Завтра снесу в «Мир Божий» и отдам самому «Ангелу»⁹, т[ак] к[ак] Александра Аркадьевна¹⁰ на Кавказе. Мне кажется, что в цензурном отношении рассказ препятствий не встретит — хотя Бог их знает! Знаете, я думаю, что и эта вещь заставит многих призадуматься...

Не знаете ли какого-нибудь любителя-фотографа, который бы съездил бы со мной в Ясную Поляну? Мне ужасно хочется снять фотографию с Л[ьва] Н[иколаевича], а я боюсь, что с моим неумением обращаться с фотографическим аппаратом ничего не выйдет. Как было бы хорошо, если б нашелся таковой! Я предлагала Урусову¹¹, до он почему-то не хочет. Очень глупо с его стороны. Может быть, вы знаете кого-нибудь? Только я хочу, чтоб это был любитель, а то снимки пойдут в продажу, чего я совсем не хочу. Ответьте, пожалуйста.

До свидания, моя милая, дорогая, хорошая. Когда-то, когда-то вернетесь сюда! Я просто жду — не дождусь! Вы *наверное* не так жаждете меня видеть, как я вас. Сколько раз в день я думаю: «Если б Катюша была здесь, то-то и то-то сказала ей»... Вы *ужасно* мне *нужны*, потому что никто как вы, не понимает меня *во всем*.

Не забудьте достать мне билеты на торжество открытия¹². Буду непременно.

Заглавие «Чудачка» мне нравится, только я бы поставила «?!» Как вы думаете? Если да, то можно велеть прибавить в корректуре. Вернее, вы, кажется, не очень любите восклицательные, вопросительные и друг[ие] знаки, до которых я охотница?

Отлично — выдержки Некрасова, боюсь только, что не успею к 1-му января — как вы думаете? Я все вожусь с Толстым, прописываю то, что вы из него выписали. Крепко обнимаю.

Ваша В.И.

СПб. Воскресенье [1898]

Дорогая, я зачитываюсь «Войной и миром». Боже, что за красота! И до сих пор, мне кажется, что я не понимала ее вполне; как будто только *теперь* вникаю в нее; вчера весь день я вслух читала, — оторваться не могу, и хотела вам это сказать.

Но — можете ли вы себе представить, что проект наш «Изодня в день» *осуществить нельзя!* Я справлялась — по крайней мере, мне сказано было, что *на 70-летие нельзя*, и что вообще *не советуют*, что это положит нежелаемую тень на заведение, в пользу которого мы хотели это сделать!¹³ Как вам это нравится! Но все-таки *я не унываю*, надо это будет сделать, *не обозначая крест*¹⁴, а прямо так, и к Новому году. Ведь до чего мы дожили! — и просвета не видно. Я показала выписки, чтоб доказать, насколько *не* тенденциозно, но, говорят, — *имени* одного достаточно, чтоб «посмотрели косо» на предприятие! Кто же посмотрит косо, если не тот, кто это говорит?

Прощайте, дорогая.

Что давно не пишете? Скучаю — без вас, без писем.

Ваша В.И.

Петербург. 23 июня [1902]¹⁵

Дорогуля моя, увы! Не могу никак «плыть». Ужасно этого хотелось бы, но обстоятельства так складываются, что совсем не располагаю свободной неделей, — а меньше 8-10 дней и думать нечего о Волге. Теперь начинается самый разгар приема сиделок, а ведь из «дам» нашего Правления никого нет, да и д-р Цейдлер приедет только 15-го июля, а с июля, вероятно, придется приступить к устройству общины, ввиду того, что нам будут ассигнованы суммы на ее открытие. Я так давно мечтала об этом деле, что не хочу его откладывать, ведь неизвестно, сколько мне придется еще жить на свете, а хотелось бы осуществить давнишнюю мечту, до того, чтоб исчезнуть навеки. Вот почему не могу располагать временем. Я решила во что бы то ни стало все поставить на ноги по возможности скорей. Пока усталости не чувствую и вожусь с бельем, мебелью, посудой и пр. Все это, конечно, очень «маленькое» дело, но оно мне несказанно дорого. Когда я подумаю о возможности облегчить страдания многих, дав им

хороший уход, то мне легко делается жить. По нашему примеру открывается филиальное отделение в Вышнем Волочке — и надеюсь, что это не будет единственный! Вот почему, дорогая, я не могу сказать вам, когда буду у вас. Вы не рассчитывайте свои планы по моим — поезжайте на Волгу, подышите хорошенько и меня вспомните! /.../

7

Петербург. 3-го августа [1]904¹⁶

Дорогая моя.

Так давно не писала Вам. В сердце все с Вами, но дни так быстро текут в однообразном деле приготовления и отсылки отрядов на Д[альний] Восток, что лето прошло, осень настала, а мне все кажется, что и лета не было — моего столь любимого лета!

Что Вам сказать про себя? *Не чувствую своего* существования, и это, по-моему, самое большое счастье, ибо когда *чувствуешь* себя, всегда больно! Работаю много — теперь опять готовим отряд в Иркутск и по этому поводу очень прошу прислать наволочки, которые у вас, к 20-му августу.

Какое тяжелое, тяжелое время, и когда оно кончится? Если Артур¹⁷ возьмут, — а это почти уже факт, — то война затянется. Сколько горя, сколько слез... А Плеве¹⁸?.. Как много хотелось бы Вам сказать, как Вы *душевно* мне нужны, — нет, больше, — *необходимы*! Вы ведь одна понимаете мои мысли, чувства... Когда вернетесь в город? Надеюсь, в конце этого месяца, или же застрянете в Прудках, как в прошлом году? Вам должно быть тяжело там одной. Приезжайте скорей к горячо любящей Вас

Ваванне.

8

Петерб[ург]. 8 августа [1904]

Дорогая моя, сегодня получила Ваше письмо и сегодня же отвечаю. Да, важные дни переживаем — и я, несмотря на все пессимистические разговоры, — надеюсь. Ничего не дали из того, что многие ожидали¹⁹, но мне все-таки кажется, что получено много: — будет зависеть от умения дальше добиваться большего. Надо слышать негодование Горемыкиных, Игнатевых, Стишинских²⁰

и т.п. Все шипят и предсказывают полный провал «революционной партии»²¹. Я боюсь бестактности и раскола. Не сумеют люди воздерживаться от лишних и преждевременных слов... Вот чего я боюсь.

Про себя нечего сказать. Вы, думая обо мне, можете себе представить Ваванну только в двух видах: или спящую дома на Кирочной, — или в Лазарете²². Выхожу из себя благодаря медленности ремонта. Вы себе представить не можете, как все двигается, черепашим шагом. Одно отчаяние! Новое отделение, которое должно было быть готово в августе — дай Бог, откроется к октябрю! Положим, что этого самого ремонта ужасно много — всю крышу пришлось перекрыть, весь двор канализировать, все рамы и двери сделать новые, одним словом, — хуже нового, потому что где ни тронешь, там все сгнило и держалось только краской! Но несмотря на все, что мы сделали, еще на будущий год масса осталась сделать! Лазарет весь полный и даже переполнен, потому что вместо 2-х кроватей в палатах поставили по 3. Положим, что пока еще тесно — все равно, а к зиме, надо надеяться, что новое отделение будет закончено! Война продлится, — по крайней мере, здесь все в этом уверены — да, судя по известиям, вряд ли можно ожидать что-нибудь хорошего от последних переговоров, — и затянется теперь она на *очень*, очень долго! Это ужасно мучительно, отвратительно, но, конечно, нельзя идти на унижительные уступки края, контрибуции и т.п. Войска у нас там очень теперь много, и, конечно, мы можем продолжать эту бойню — м[ожет] б[ыть], если будем отступать без битвы, то возьмем измором. Но сколько это нам будет стоить! А ведь еще неминуемый поход!

Как жажду Вашего возвращения! Но ведь вы наверное не придете раньше половины сентября? И по правде сказать, тут теперь очень отвратительно — ремонт, шум, грязь, тараканы везде!.. Я ни на один день никуда не уезжала, всех старших своих отпустила в отпуск и сама сторожу — и лаюсь, как цепная собака! Хотелось бы мне иногда уехать куда-нибудь хоть на неделю, но до конца сентября не могу, а в сентябре не захочу!

Вот Вам, дорогая, «повесть моих дней». Она ни интересна, ни разнообразна, — но я довольна «душой», несмотря на то, что злюсь на рабочих, на поваров (которых приходится постоянно менять) и... на многих других.

Крепко, крепко Вас обнимаю, моя дорогая. Пишите — и сообщите, когда думаете вернуться.

Ваша

Ваванна.

Караюсуф в 3-х километрах
от Одрина (Адрианополя)²³
1 февр[аля] [1]913

Дорогая моя. Только несколько слов, чтоб сказать Вам, что наконец попала туда, куда стремилась, — на самые передовые позиции — ближе уже нельзя. Живем в палатках, землянках, глинобитных избах. Работа предстоит громадная — у нас будет помещение (в землянках) на 1500 раненых, а сколько их будет, когда начнется штурм, одному Богу известно! Живем мы в полуразрушенной деревушке, где ничего нет. Самое тяжелое — это холод: дров почти нет, все вырублено, что было. Надо посылать за ними за 25 километров, и там скоро не будет — надо тогда будет посылать за 40-50, а волю так истощены, что едва двигаются, а сегодня одни жалкие [?] длиннорогие составляют наш обоз.

Но все это ничего: если мы принесем хоть какую-нибудь пользу этим героям, а что принесем — это несомненно, — то все лишения — пустяки. Пишу так скверно, потому что очень неудобно: на ящике и сидя на ящике, столы и стулья — роскошь нам недоступная!

Не беспокойтесь обо мне — я счастлива. Пишите: София, Hotel Bulgarie, général Turtoff — мне. Он мне перешлет с «оказией», потому что иначе нельзя. Крепко Вас обнимаю и люблю.

Ваша Ваванна.

Караюсуф под Одрином
1.III.[1]913

Дорогая моя, бесценная, спасибо за письмо! Так оно мне было дорого и так тронуло! Только, дорогая, право, ничего особенного я не делаю — не надо меня «возвеличивать»... Все ждали событий... А каждый день привозят раненых с позиций... все молодые, крепкие, сильные герои... и сколько погибают!.. Но когда приходится присутствовать при таких сценах, как сегодня, то все тяжелое забываешь. Солдат получил письмо из дома, что брат убит, и он пришел к нам узнать, правда ли, что умер, и видит его — живым и выздоравливающим! Оба так расплакались от радости, что у всех были слезы на глазах, а тут же приходит другой солдат, тоже узнать, правда ли, что его «другарь» умер, — и тоже видит его — выздоравливающим, — и такой смех, радость, общее счастье во всей палате...

Но когда кончится этот ужас? Довольно, довольно жертв...

Сейчас разрываются гранаты так близко, что иду в палатки, — когда так близко, то очень действует на раненых, а эти проклятые турки всегда устраивают «концерты» по ночам! Как 12 ч[асов], так начинается пальба, а эти последние дни что-то им вздувалось все целить в наше ближайшее соседство...

До свидания, моя дорогая, — думайте обо мне в 12 часов ночи и представьте себе, что пушки гремят и что мы слышим жужжание бомб и гранат, но так привыкаешь к этому звуку, что когда заснешь — ничего не слышишь, а засыпается обыкновенно совсем спокойно — вот только эти последние дни как-то очень шумно.

Обнимаю как люблю.

Ваванна.

11

Караюсуф. 12.III.[1]913

Два слова, дорогая, — у нас все трясется от бомбардировки Одрина — но *верю*, верю глубоко в справедливость Божию, верю в победу героев. Один из них умирает в соседней палатке — [имя нрзб.] — чудный солдат-фельдфебель, любимец своей роты. Ранен сегодня днем, а теперь 9 ч[асов] вечера, и он умирает, не придя в себя, — стоны делаются все тише, а пушки гремят, шrapнели рвутся в воздухе...

Сегодня эвакуируем всех наших раненых — жалко их, но надо место для новых — а сколько их будет!..

А в бой идут с песнями, хотя сознают всю ужасную опасность. — Герои!..

Посылаю Вам фотографию отпевания, снятую на прошлой неделе.

Больше писать некогда — надо помогать им писать письма, ведь некоторые из наших излеченных идут в бой... и пишут сегодня ночью, м[ожет] б[ыть], последние «прости» своим...

Ваша Ваванна.

12

29 марта [1]920 [Петроград]²⁴

Катюша моя, моя, снова, как и прежде, моя — я Вас снова нашла, снова *чувствую* — и это такая радость! Такой свет в душе — и она пришла вместе с солнцем, с весной — все оживает, и я ожила — и Вы тот светлый луч, который снова внес тепло в тух-

нущую душу, и Вы пришли с солнцем. Мне [было] так больно, больно, когда я Вас больше не чувствовала — все вы отходили дальше и дальше, а я — застывшая, замерзшими руками *не могла* Вас удержать, а Вы не поняли этого, думали, что погрязла в противной мне «обыденщине». Значит, что совсем обледенела, что не могла даже достучаться до Вашего чуткого сердца. Пережила *очень* тяжкое время — надо было пожалеть — но трудно было — ведь не говорила, что происходит в душе — да и теперь... Когда-нибудь скажу — и Вы тогда все поймете. Но эта страница перевернута — обледеневшие пальцы отогреваются и могли ее перевернуть — и Вас снова чувствую близкой, родной, как никто никогда не был мне близок — и душою, и умом, и пониманием. Не отходите больше от меня — ведь недолго оставаться нам вместе и вечная разлука с каждым днем приближается... А пока — будем жить, идти по торному пути рука в руку, сердце в сердце. «Как хороши, как свежи были розы...» и как тускло-мрачны осенние цветы!

Ваша как всегда

Варуша.

13

Петроград. 21 августа [1921]

Дорогая моя, тоскливо без Вас, *очень* тоскливо. Как Вас мне недостает! Но я рада, что Вам хорошо, рада за Вас, что Вы дышите воздухом, цветами, полями, зеленью. Тут именно тоскливо во всех отношениях — как будто все замерло и не двигается с места; хотя нет, это не так — двигается, но вспять, — все более и более разрушаясь. Хотя магазины открываются — несчастные, бедные, — кроме съестных, где всего в изобилии, также и публики у окон, а внутри покупатель отсутствует.

У меня была маленькая радость — приезд Crause'a, моего американского друга, который с невероятными затруднениями приехал сюда на 3 дня. Кони [?] здесь — у него ничего не двигается и он не в живом [?] настроении. Горький, конечно, ничего не сделал, да, по правде сказать, — я и ничего и не ожидала от него: он делает только тогда, когда ему выгодно и нужно — я это давно заметила, т[ак] что разочарования нет. Да и вряд ли может быть у меня какое бы то ни было разочарование теперь. Ничего ни от кого и ни от чего не жду — м[ожет] б[ыть] и лучше так — только здесь «больно» одиноко... Но надо привыкать к [1 нрзб.] более и более приближающему[ся] одиночеству в могиле. — Хоть бы скорей!

О провинции ничего не знаю. Очень многие зовут к Герману, но денег нет для такого путешествия, которое теперь очень дорого. О Грише ничего не знаю — вообще нет никаких сведений из провинции за все это время. Улицы пустынные, город замер совершенно. Сейчас я шла по Морской и не встретила более 2-х человек. Миша Вам расскажет «новости», которых нет. Саша приезжает время от времени — все такая же, жалуется, что Вы ей не пишете.

Пришлите мне сколько наменяете яблоков на те тряпочки, которые посылаю. Буду очень благодарна. Читаю, пишу и... главное — тоскую. Беспросветная тоска! Когда думаете вернуться? Хотя лучше оставайтесь сколько живется. Вам там хорошо. Тут успеете натосковаться, — ничего привлекательного нет. Дом искусств тоже замер, тишина мертвая. Конечно, м[ожет] б[ыть] мне это кажется через призму личного настроения, — но что-то не видно оживленных и радостных лиц.

Зачем Вы говорите, что я «ушла» от Вас? Это и правда, — м[ожет] б[ыть], — только разница в том, что я вообще «ушла» от жизни. Но Вы мне всегда одинаково дороги, и мне очень больно думать, что Вы этого не чувствуете. Давно Вам не писала, потому что пишу только с оказиями, ведь почта все равно что не существует.

Пишете ли? Как прошли Ваши лекции? Все мне это хочется знать, и если б я была не так инертна, я бы приехала к Вам, но не в силах двигаться куда бы то ни было. Чувствую себя физически так же скверно, как и морально. Четыре года безвыездной жизни в Петрограде со всеми тяжелыми испытаниями дают себя знать.

Ну, до свидания, моя дорогая. Напишите мне поскорее. Очень хочется получить весточку от Вас.

Ваша Ваванна. /.../

14

Париж. Hotel de Berre
8 Rue Frédéric Bastial
29 декабря [1921]²⁵

Дорогая моя, что же наконец? Почему Вы молчите? Неужели не получили ни одного из моих писем? Мне *так* скучно, тоскливо и грустно без словечка от вас; не допускаю, чтоб Вы вычеркнули меня из своего сердца, — но почему же столь упорное, безжалостное молчание? Все знакомые получают письма: я ни от

кого, — да, положим что мало, о, как мало осталось кому писать!.. Я еще здесь, и, вероятно, останусь еще недели две-три, но во всяком случае адресуйте сюда. Грустно, тоскливо. Темь и дождь, солнца давно не видели, а в сердце его нет; да, оно ушло навсегда...

Ася и ее семья тут. Ася довольна, хотя, право, не знаю, чем. Мне, конечно, одно — Гриша, не будь его... Но он меня беспокоит: все прихварывает, хотя врачи говорят, что ничего серьезного нет. Русских тьма, но жизнь у всех тяжелая, трудовая, часто не под силу.

Что Вы делаете? Кого видите?

Напишите же наконец! Катюша, милая, что с Вами? Так не похоже на Вас так не вспомнить обо мне!

Жду, жду...

Счастливого (!!), спокойного Нового года. Хоть бы встретиться в нем!

Обнимаю, люблю.

Ваша всегда

Варуша.

РГАЛИ. Ф.280. Оп.1. Ед.хр.143.

С Екатериной Павловной Султановой, урожд. Летковой (1856-1937), писательницей и общественной деятельницей, Иксуль познакомилась и сошлась в период своей издательской деятельности. На протяжении более чем тридцати лет Екатерина Павловна была наиболее близкой и задушевной ее подругой, нередко и помощницей.

Публикуемые письма охватывают практически весь период их знакомства, вплоть до начала эмиграции Иксуль.

¹ *Кони* Анатолий Федорович (1844-1927) — юрист, общественный деятель, мемуарист. Султанова-Леткова была дружна с его матерью, актрисой и писательницей И.С.Кони.

² *Коген* Герман (1842-1918) — немецкий философ, глава марбургской школы неокантианства.

³ *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853-1900) — известный философ и поэт.

⁴ *Гриша* — сын Иксуль, Григорий Николаевич Глинка. В обществе Г.Н.Глинки возвращался с Сахалина А.П.Чехов: «Я с ним плыл от Владивостока, — писал он в 1902 году О.Л. Книппер, — вспоминаю о нем с удовольствием, мальчик хороший» (Чехов А.П. Полн. собр. соч. Т.19. М., 1950. С.274). По возвращении состоялось знакомство Чехова с матерью Глинки, затем последовало их сотрудничество в издании

книг для народа. Упоминания баронессы Иксуль нередки в переписке Чехова, который шуточно называл ее «баронессой Выхухоль».

⁵ Здесь и в двух следующих письмах идет речь о предполагавшемся Иксуль издании календаря на 1899 год «Изо дня в день», посвященного 70-летию Л.Н.Толстого.

⁶ «Лоскутная» — гостиница в Москве; находилась в Охотном ряду, на месте нынешней гостиницы «Москва».

⁷ Имеется в виду повесть Е.П.Летковой-Султановой «Чудачка» (1898).

⁸ Рассказ А.П.Чехова был опубликован в журнале «Русская мысль» (1898. №7).

⁹ «Ангел» — Богданович Ангел Иванович (1860-1907) — критик и публицист, фактический редактор журнала «Мир Божий», бывший народо-волец.

¹⁰ Александра Аркадьевна — Давыдова, урожд. Горожанская (1849-1900), издательница журнала «Мир Божий».

¹¹ Возможно, имеется в виду кн. Александр Иванович Урусов (1843-1900), юрист и общественный деятель.

¹² Речь идет об открытии памятника Александру II в московском Кремле.

¹³ Издание календаря предполагалось осуществить в пользу Общины св.Евгении.

¹⁴ На изданиях, выпускавшихся в пользу Общины св.Евгении, ставился в левом верхнем углу знак с соответствующей надписью по кругу и красным крестом в центре.

¹⁵ Письмо относится ко времени создания школы ученых сиделок.

¹⁶ Это и следующее письмо написаны во время реорганизации школы ученых сиделок и превращения ее в Кауфманскую общину сестер милосердия.

¹⁷ Т.е. Порт-Артур.

¹⁸ Министр внутренних дел и шеф жандармов В.К.Плеве был убит эсером Е.С.Сазоновым 15 июля 1904.

¹⁹ Речь идет о надеждах, связанных с рождением 30 июля 1904 наследника престола Алексея Николаевича.

²⁰ Горемыкин Иван Логгинович (1839-1917), сенатор, член Гос. совета, в 1906 и в 1914-1916 — председатель Совета министров; Игнатъев Николай Павлович (1832-1908), граф, министр внутренних дел (1881-1882), член Гос. совета; Стишинский Александр Семенович (1851-?), товарищ министра внутренних дел (1889-1904), с 1904 — член Гос. совета. Все трое были известны крайней консервативностью взглядов.

²¹ Имеется в виду левое крыло Государственного совета.

²² Лазарет Кауфманской общины.

²³ Это и два следующих письма относятся ко времени Балканских войн и поездки Иксуль с санитарным отрядом в Болгарию в 1912-1913.

²⁴ Письмо было написано вскоре после смерти сына Иксуль — Ивана Николаевича Глинки (1870-1919).

²⁵ Одно из первых писем Иксуль к Летковой-Султановой из эмиграции. Их переписка продолжалась еще несколько лет, по меньшей мере, до 1925.

A large, stylized black letter 'P' with a thick, brush-like vertical stem and a thin, circular top loop. It is positioned to the left of the text 'ОДОСЛОВНЫЕ'.

ОДОСЛОВНЫЕ

Д.А.Сонкин

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ

Опыт применения в литературоведении

В бытовой культуре прошлого века родственные связи имели огромное значение. Родством считались чуть ли не до X колена. На основе родства завязывались приятельства и дружбы, от него в значительной мере зависели служебные места, чиновная или придворная карьера. Всякое знакомство, например, в пушкинскую эпоху начиналось с выяснения степени родства, и, если обнаруживалось родство, хотя бы самое отдаленное, новые знакомые признавали себя родней, а это уже обязывало ко многому.

Институт родства, почтительное отношение к которому было столь характерно для первой половины XIX века, с течением времени претерпевал существенные изменения. Этикет, окружающий родство, постепенно сужаясь и ослабляясь, все же сохранялся в дворянском и крестьянском быту. Но он стал анахронизмом в разночинном слое, шедшем на прямой разрыв с культурой «отцов». Такое же отношение к родственным связям, хотя и лишенное полемической остроты, было характерно для интеллигенции, сформировавшейся к концу XIX века и уходившей своими корнями в разночинные круги.

Все эти процессы отразила литература. Литературоведов не нужно убеждать в необходимости изучать генеалогические связи, столь много дающие не только биографу, но и комментатору и текстологу — в расшифровке намеков, обнаружении скрытых цитат, генеалогических реминисценций, переключек и отсылок. Отсутствие вкуса к генеалогическим изысканиям, игнорирование генеалогических связей приводят к неверным выводам и искажениям.

Только один пример. На страницах книги «Потаенный Радищев» Г.П.Шторм рассказывает о своей встрече с неким Соболевским, который представился «дальним родственником пушкинского Соболевского». Друг А.С.Пушкина Сергей Александрович Соболевский (1803-1870) был незаконным сыном известного богача Александра Николаевича Соймонова (1780-1856) и вдовы Анны Ивановны Лобковой (ум. 1827), внучки обер-коменданта Санкт-Петербурга С.Л.Игнатьева. Родители добились для него

дворянского звания и герба вымершего польского рода Соболевских — Slepown (Слепой ворон). Этот герб изображен на эскизном рисунке, который библиофил и библиограф С.А.Соболевский сделал в нескольких вариантах, но обязательно с гербом, для своей библиотеки, известной «Соболевскианы». Поскольку сам Сергей Александрович Соболевский, сын А.Н.Соймонова и А.И.Лобковой, не был женат и не оставил потомства, рода связанных с ним Соболевских не существовало и родственников Соболевских он иметь не мог.

Это далеко не единственный пример ошибок и заблуждений, вызванных невниманием к генеалогии. Результаты генеалогических изысканий не только обогащают наши знания о биографии того или иного писателя, но нередко позволяют увидеть глубину и смысловую емкость стихотворной строки или прозаического фрагмента, в которых содержится хорошо понятный современникам, но ускользающий от нас намек на родственные отношения.

I

Выяснение родственных связей (иногда даже весьма отдаленных) между известными людьми само по себе представляет большой интерес. Когда мы узнаем, что бабушка Михаила Юрьевича Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева (1773-1845) была урожденной Столыпиной, возникает законный вопрос: не приходился ли родственником Лермонтову известный государственный деятель России начала XX века Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911)? Оказывается, приходился, и довольно близким. Более того, хотя П.А.Столыпин родился спустя 48 лет после рождения и спустя 21 год после гибели поэта, они принадлежали к одному колену (одному поколению).

Дело в том, что бабушка Лермонтова была старшим ребенком в многодетной семье Алексея Емельяновича (1744-1817) и Марии Афанасьевны (?-?) Столыпиных. У нее было 6 братьев и 4 сестры. И ее многочисленные племянники и племянницы нередко были младше своего двоюродного племянника М.Ю.Лермонтова. Так, младший брат Елизаветы Алексеевны генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785-1826), один из героев Аустерлица, владелец подмосковной усадьбы Середниково, имел от своей жены Екатерины Аркадьевны (1791-1853), урожденной Анненковой, по первому браку Воейковой, сына Аркадия (1821-1899), который приходился Лермонтову двоюродным дядей, хотя был младше поэта на 7 лет. Так вот, этот Аркадий Дмитриевич Столыпин, впоследствии тайный советник, и был отцом

Петра Аркадьевича Столыпина, который, таким образом, был троюродным братом Лермонтова, хотя, как говорилось, разница в возрасте у них составляла 48 лет.

Из других Столыпиных, родственников Лермонтова¹, следует упомянуть двух его двоюродных дедов, братьев бабушки, Александра Алексеевича Столыпина (ум. 1744), адъютанта А.В.Суворова и автора воспоминаний о нем, и Аркадия Алексеевича Столыпина (1778-1825), тайного советника, сенатора, близкого друга М.М.Сперанского (1772-1839). Аркадий Алексеевич был женат на дочери адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова (1754-1845) Вере Николаевне (1790-1834), дружившей с А.С.Грибоедовым и К.Ф.Рылеевым. Когда А.А.Столыпин в 1825 скончался, Рылеев в своем послании «Вере Николаевне Столыпиной» писал об их детях, напоминая о высокой гражданской доблести их предков:

И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов.

Один из детей Столыпиных, Алексей Аркадьевич (1816-1858), в дружеском кругу известный под прозвищем «Монго», двоюродный дядя Лермонтова (на 2 года моложе поэта) и близкий его друг, секундант на двух его дуэлях, изображен Лермонтовым в поэме «Монго».

Родной брат «Монго» Дмитрий Аркадьевич (1818-1893), тоже двоюродный дядя Лермонтова (на 4 года моложе поэта), — общественный деятель, мемуарист и композитор-любитель, автор двух романсов на стихи Лермонтова. Их сестра Мария Аркадьевна (1819-1889), двоюродная тетка Лермонтова (на 5 лет моложе поэта), была в первом браке за поэтом Иваном Александровичем Бекон (1807/1808-1842), переводчиком «Фауста» Гете. Ее портрет «М.А.Бек с дочерью» кисти К.П.Брюллова находится в собрании Третьяковской галереи. Овдовев в 1842, Мария Аркадьевна через 6 лет вышла замуж за князя Павла Петровича Вяземского (1820-1888), сына поэта и литературного критика Петра Андреевича Вяземского.

В это время ее дочери от первого брака Марии Ивановне Бек, в будущем замужестве графине Ламздорф (1839-1866), троюродной сестре Лермонтова, было 9 лет. Впоследствии ей посвящал стихи отец ее отчима князь Петр Андреевич Вяземский. В шуточном стихотворении «Слезная комплианта», написанном в 1865,

¹ Родословную Столыпиных, а также статьи, посвященные родственным, дружеским и литературным отношениям Столыпиных с Лермонтовым, см.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С.550-554.

отразилось глубокое и мучительное для Петра Андреевича чувство. Графиня Мария Ивановна Ламздорф была предметом поздней любви поэта; ее смерть на 27-м году жизни явилась для Вяземского тяжелым ударом. Прелестно и другое стихотворение Вяземского (без заглавия), в котором опять-таки в шутливой форме говорится об их родственных отношениях:

Горжусь и радуюсь я вами,
И словом — счастье для меня,
Что мы, сочувствуя сердцами,
Еще к тому же и родня.

Но вечно что-то закорючкой
Глядит в моей лихой судьбе:
В вас рад я любоваться внучкой,
Но деду я не рад в себе.

Дочь Павла Петровича и Марии Аркадьевны Вяземских Екатерина, троюродная сестра Лермонтова, вышла замуж за историка, графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844-1918), который был прямым потомком (праправнуком) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (1652-1719) и внуком знаменитой Парашы Ковалевой-Жемчуговой (1768-1803).

Наконец, младшая сестра бабушки Лермонтова, Наталья Алексеевна Столыпина (1786-1851) вышла замуж за своего четверюродного брата Григория Даниловича Столыпина (1773-1829). Старший их сын Алексей Григорьевич (ок.1805-1847), двоюродный дядя Лермонтова, по совету которого поэт поступил в Школу юнкеров, женился на княжне Марии Васильевне Трубецкой (1819-1895), родной сестре приятелей Лермонтова князей Александра Васильевича (1813-1889) и Сергея Васильевича (1815-1859) Трубецких (Сергей Васильевич был секундантом Лермонтова на его последней дуэли). Овдовев, Мария Васильевна вторично вышла замуж за князя Семена Михайловича Воронцова (1823-1882), сына Михаила Семеновича (1782-1856) и Елизаветы Ксаверьевны (1792-1880) Воронцовых («пушкинских» Воронцовых). Портрет княгини Марии Васильевны Воронцовой работы С.К.Зарянка находится в собрании Третьяковской галереи, а сама княгиня Мария Васильевна Воронцова изображена Л.Н.Толстым в его повести «Хаджи-Мурат».

II

Небольшой экскурс в родословную графов Шереметевых. Первым графом Шереметевым был сподвижник Петра I гене-

рал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, который вообще был первым графом Российской империи. (Возведенные прежде него в графское достоинство Ф.А.Головин и А.Д.Меншиков получили титул графа Священной Римской империи). Сын генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича и графини Анны Петровны (1677-1728), урожденной Салтыковой, генерал-аншеф, обер-камергер и сенатор граф Петр Борисович Шереметев (1713-1788) был женат на княжне Варваре Алексеевне Черкасской (1711-1767), принесшей ему в приданое знаменитое Останкино. После его смерти единственным наследником состояния (имений Останкино, Кусково и т.д.) явился их 37-летний сын граф Николай Петрович Шереметев (1751-1809). Дочь же, графиня Варвара Петровна (1759-1824) вышла замуж за графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748-1822), впоследствии министра народного просвещения, который был сыном генерал-фельдмаршала, гетмана Малороссии графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728-1803). Их дочь, графиня Екатерина Алексеевна (1783-1849), вышла замуж за Сергея Семеновича Уварова (1786-1855), впоследствии графа, президента Академии наук, министра народного просвещения.

Граф же Николай Петрович Шереметев женился на своей крепостной актрисе Прасковье Ивановне Ковалевой-Жемчужовой, от которой имел единственного сына Дмитрия (1803-1871). После смерти матери, а вскоре и отца шестилетний граф Дмитрий Николаевич стал владельцем крупнейшего в России состояния.

В 1835 тридцатидвухлетний не имевший прямых наследников Дмитрий Николаевич тяжело заболел. Тогда-то Уваров, женатый, как сказано выше, на двоюродной сестре графа Дмитрия Николаевича Шереметева, не дожидаясь смерти последнего, попытался предьявить права на его наследство и поспешил опечатать своей печатью имущество графа Шереметева.

Но граф Дмитрий Николаевич выздоровел. Неблаговидное поведение Уварова стало достоянием гласности, и эта история, как известно, легла в основу стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла».

Граф Д.Н.Шереметев, камергер и гофмейстер, был дважды женат. От Анны Сергеевны Шереметевой (1811-1849), первой его жены, он имел двух сыновей: Николая (1839-1843), умершего в возрасте 4 лет, и Сергея (1844-1918).

Последний и есть тот самый граф Сергей Дмитриевич Шереметев, который женился на внучке Петра Андреевича Вяземского княжне Екатерине Павловне Вяземской (см. выше). Перу

Сергея Дмитриевича Шереметева принадлежат монографии: Князь Павел Петрович Вяземский: Воспоминания: 1868-1888. СПб., 1888; Князь Петр Андреевич Вяземский. М., 1891; Воспоминания 1870-1873. СПб., 1899.

Из многочисленного потомства Сергея Дмитриевича и Екатерины Павловны Шереметевых следует отметить правнука князя Петра Андреевича Вяземского графа Павла Сергеевича Шереметева (1871-1943), историка и художника, первого директора Остафьевского музея, автора трудов по истории русских усадеб и монографии на французском языке «Карамзин в Остафьеве» (М., 1911).

Дочь генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, родная сестра графа Петра Борисовича, графиня Наталья Борисовна (1714-1771) вошла в русскую историю как «первая декабристка».

Храня верность данному ею слову, шестнадцать лет она вышла замуж за любимца императора Петра II князя Ивана Алексеевича (1708-1739, фамилия писалась двояко: и Долгоруковы, и Долгорукие) в то время, когда он, уже после смерти Петра II, был в опале; через три дня после свадьбы князь И.А.Долгоруков был сослан в Березов. Молодая княгиня последовала в Сибирь, пережила страшную казнь мужа (спустя 9 лет князь И.А.Долгоруков был в Новгороде колесован) и окончила свои дни в Киеве монахиней Фроловского монастыря.

Княгиня Н.Б.Долгорукая описала свою жизнь в «Записках», которые, к сожалению, остались незаконченными. Ее судьбе посвящены повесть С.Н.Глинки «Образец любви и верности супружеской, или Бедствия и добродетели Наталии Борисовны Долгоруковой, дочери фельдмаршала Б.П.Шереметева, супруги князя И.А.Долгорукова» (1815), дума К.Ф.Рылеева «Наталия Долгорукова» (1823) и поэма И.И.Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1828).

Сын Ивана Алексеевича и Наталии Борисовны Долгоруковых князь Михаил Иванович приходился двоюродным братом графу Николаю Петровичу Шереметеву и графине Варваре Петровне Разумовской (см. выше). А его сын, тайный советник князь Иван Михайлович Долгоруков (1764-1823), троюродный брат графа Дмитрия Николаевича Шереметева и графини Екатерины Алексеевны Уваровой (см. выше), был известным в свое время поэтом и писателем, автором записок «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» (1874). И.М.Долгорукова вспоминает в X главе «Евгения Онегина» Пушкин:

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил.

Под «стихоплетом великородным» Пушкин подразумевает князя Ивана Михайловича Долгорукова, автора стихотворения «Авось», написанного в форме оды, восхваляющей извечное русское «авось»:

О, слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхваляю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!

Сыновья И.М.Долгорукова Павел, Александр и Дмитрий были хорошо знакомы с Пушкиным. Князь Павел Иванович Долгоруков (1787-1845) оставил дневники с записями разговоров Пушкина, князь Александр Иванович Долгоруков (1793-1868) сам был довольно заметным писателем и поэтом, а князь Дмитрий Иванович Долгоруков (1797-1867) был поэтом-дилетантом, членом литературного общества «Зеленая лампа».

Ученый-генеалог и публицист князь Петр Владимирович Долгоруков (1816-1868), эмигрант, лишенный в 1861 княжеского титула, известен как автор книг «Сказание о роде князей Долгоруковых» (1840), «Российский родословный сборник» (кн.1-4, 1840-1841), «Российская родословная книга» (кн. 1-4, 1854-1857) и целого ряда генеалогических статей. Он находился с упомянутыми выше князьями Долгоруковыми в очень отдаленном родстве. Их общим предком был князь Иван Андреевич Шибан Долгоруков (ум.1590). Князь Петр Владимирович является его прямым потомком в XI колене, князь Иван Алексеевич (фаворит Петра II) — в VI колене, поэт князь Иван Михайлович Долгоруков — в VIII колене и, наконец, современники князя П.В.Долгорукова, сыновья поэта князя Павел Иванович, Александр Иванович и Дмитрий Иванович — в IX колене, будучи тем самым князю П.В.Долгорукову дедами в VIII колене.

III

Граф Алексей Кириллович Разумовский (министр народного просвещения) от графини Варвары Петровны, урожденной Шереметевой, имел пятерых законных детей: троих сыновей — камергера Павла Алексеевича (1775-1853), действительных камергеров Петра Алексеевича и Кирилла Алексеевича и двух дочерей — Варвару Алексеевну, в замужестве за генералом от

кавалерии князем Николаем Григорьевичем Репниным-Волконским (1778-1845), и Екатерину Алексеевну, в замужестве за министром народного просвещения графом С.С.Уваровым. Кроме того, от «девицы» Марии Михайловны Соболевской (к Сергею Александровичу Соболевскому, разумеется, никакого отношения не имевшей) граф Алексей Кириллович имел еще десять (или девять) незаконных детей — пятерых (или четверых) сыновей и пятерых дочерей. Своим незаконным детям граф А.К.Разумовский дал фамилию Перовские по тому самому селу Перово, подмосковному имению Разумовских, в котором императрица Елизавета Петровна тайно венчалась с его дядюшкой, графом Алексеем Григорьевичем Разумовским.

Старший сын, Николай Алексеевич Перовский (ум.1858, в некоторых источниках его называют Николаем Ивановичем Перовским, хотя и считают сыном Алексея Кирилловича Разумовского, но не от Марии Михайловны Соболевской, а от какой-то другой, не известной нам женщины), был губернатором Крыма. Его сын Лев Николаевич Перовский (ум.1890), петербургский губернатор, имел сына Василия Львовича (р.1849) и дочь Софью Львовну Перовскую (1853-1881), известную революционерку, организовавшую убийство императора Александра II. Сын Василия Львовича (тоже революционера), Василий Васильевич Перовский (р.1875) стал ученым-лесоводом. Одна из дочерей последнего, Ольга Васильевна Перовская (1902-1961) — популярная детская писательница.

Три других сына графа Алексея Кирилловича Разумовского — Лев, Василий и Борис — за свои заслуги получили титул графов Перовских. Граф Лев Алексеевич Перовский (1792-1856), гофмаршал, сенатор, впоследствии министр внутренних дел и уделов, как и граф Борис Алексеевич Перовский (1815-1881), впоследствии член Государственного совета, генерал от кавалерии, воспитатель Александра III, — знакомые (через своих братьев) А.С.Пушкина. Дочери Б.А.Перовского, графине Марии Борисовне (1845-1890), двоюродной сестре А.К.Толстого, посвятил свое стихотворение «Зимняя прогулка» П.А.Вяземский. Граф Василий Алексеевич Перовский (1795-1857), генерал-адъютант, член Государственного совета, друг В.А.Жуковского, близкий приятель Пушкина, участник Отечественной войны 1812 года, явился (под своим именем) героем романа Г.П.Данилевского «Сожженная Москва».

Среди Перовских наиболее заметный след в русской литературе оставил старший из братьев, Алексей Алексеевич Перовский (1787-1836), — писатель, получивший литературную из-

вестность под псевдонимом Антоний Погорельский (по наследственному имени Погорельцы Черниговской губернии), друг А.С.Пушкина, В.А.Жуковского, П.А.Вяземского, К.П.Брюллова, который написал портреты самого А.А.Перовского, его брата графа В.А.Перовского, их племянника графа А.К.Толстого, хранящиеся в настоящее время в Русском музее и Третьяковской галерее. Прекрасно, как и все Перовские, образованный, А.А.Перовский в 19 лет стал доктором философии и словесности, а в 42 года (в 1829) был избран в члены Российской Академии наук, президентом которой в свое время был его дед граф Кирилл Григорьевич Разумовский.

Антоний Погорельский (А.А.Перовский) писал прозу, стихи, критические статьи. Еще при жизни заслуженную славу принесли ему цикл повестей «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), роман «Монастырка» (1833) и сказка «Черная курица, или Подземные жители. Волшебная повесть для детей» (1829). Повесть «Лафертовская маковница» была одобрительно встречена Пушкиным. И в «Двойнике», и в «Монастырке» рассказ ведется от имени Антония, который в романе носит и фамилию Погорельский, но, в отличие от реального А.Погорельского (А.А.Перовского), он имеет жену и двоих сыновей. В реальной жизни А.А.Перовский женат не был, детей не имел и посвятил себя воспитанию племянника. Героем сказки «Черная курица» является мальчик Алеша, и имя героя выбрано А.А.Перовским не случайно, ибо писал он сказку для своего любимого племянника — графа Алексея Константиновича Толстого. Кстати, первое свое напечатанное произведение, повесть «Упырь» (1841), граф А.К.Толстой подписал псевдонимом «Краснорогский», образовав его (как в свое время дядюшка А.А.Перовский) от названия имения Красный Рог Черниговской губернии.

Сестра братьев Перовских Анна Алексеевна Перовская (1796-1857) вышла замуж за графа Константина Петровича Толстого (1780-1870), родного брата графа Федора Петровича Толстого (1783-1873). Таким образом, сын Константина Петровича и Анны Алексеевны Толстых, граф Алексей Константинович Толстой, поэт и драматург, был родным племянником не только писателя Антония Погорельского (А.А.Перовского), но и графа Федора Петровича Толстого, скульптора и медальера, живописца и рисовальщика.

У графа Алексея Константиновича Толстого среди родственников со стороны матери видными литераторами были не только дядя А.А.Перовский, но и двоюродные братья Жемчужниковы. Родная сестра графини Анны Алексеевны Толстой и бра-

тьев Перовских, тетка графа А.К.Толстого Ольга Алексеевна (1799-1833) вышла замуж за Михаила Николаевича Жемчужникова (1788-1865), впоследствии губернатора Костромы, Петербурга, крупного государственного чиновника, сенатора. Ольга Алексеевна Жемчужникова скончалась молодой (33 лет), оставив семерых детей, не считая двух, умерших в младенчестве. Сыновья Михаила Николаевича и Ольги Алексеевны Жемчужниковых — двоюродные братья графа Алексея Константиновича Толстого. Старший из братьев Жемчужниковых, Алексей Михайлович (1821-1908) — известный в свое время поэт. Поэтами были и Александр Михайлович (1826-1896), и Владимир Михайлович (1830-1884). И вот эти три родных брата-поэта вместе со своим двоюродным братом графом Алексеем Константиновичем Толстым создали пятого поэта, который не уронил «семейной» славы, — Козьму Петровича Пруткова, директора Пробринной Палатки. Сочинения Козьмы Пруткова писали и каждый из них порознь, и попарно — Алексей Михайлович с Александром, с Владимиром, с Алексеем Константиновичем, Алексей Константинович с Владимиром Михайловичем, писали братья Жемчужниковы и втроем.

А Лев Михайлович Жемчужников, автор замечательных мемуаров (Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971), друг художников П.А.Федотова, А.Е.Бейдемана, А.А.Агина, Т.Г.Шевченко и сам незаурядный художник, вместе с Л.Ф.Лагорио и А.Е.Бейдеманою создал знаменитый портрет Козьмы Пруткова. Николай Михайлович Жемчужников (1824-1909) не участвовал в создании Козьмы Пруткова, но был достаточно близок с Алексеем Константиновичем Толстым, а Михаил Михайлович (1823-1843) умер молодым.

IV

Линия графов Толстых, подарившая русской литературе столько славных имен, восходит к началу XVII века. Первым графом Толстым был второй сын окольного Андрея Васильевича (стал стольником в 1636, думным дворянином в 1668, а в 1682 — уже окольным) Петр Андреевич (1645-1729), действительный тайный советник, сенатор (с образованием Сената), видный дипломат и государственный деятель при Петре I. Петр Андреевич Толстой добился возвращения в Россию царевича Алексея Петровича и руководил следствием по его делу; с 1718 начальник Тайной канцелярии, президент Коммерц-коллегии; в 1724 при коронации Екатерины I был возведен в графское достоинст-

во; с учреждением в 1726 Верховного тайного совета был членом последнего. «Вечный противоборец» князю А.Д.Меншикову, граф Петр Андреевич Толстой был сослан в 1727 в Соловецкий монастырь, где и скончался.

Его старший сын граф Иван Петрович разделил судьбу отца и умер в том же монастыре годом раньше. От брака с княжной Прасковьей Михайловной Троекуровой граф Иван Петрович Толстой имел пятерых сыновей и пятерых дочерей. Второй сын графа Ивана Петровича, граф Андрей Иванович Толстой (1721-1806), действительный статский советник, был женат на княжне Александре Ивановне Щетининой и имел шестерых сыновей и четырех дочерей.

Нас особо интересует (по вполне понятным причинам, как будет ясно ниже) потомство пятого сына Андрея Ивановича и Александры Ивановны Толстых — тайного советника графа Ильи Андреевича (ум.1820), который от брака с княжной Пелагеей Николаевной Горчаковой (1762-1838) имел двух сыновей и двух дочерей. Младший сын Ильи Андреевича и Пелагеи Николаевны Толстых граф Илья Ильич не оставил потомства. Старший же сын, подполковник граф Николай Ильич (1795-1837), был женат на княжне Марии Николаевне Волконской (1790-1830), и хотя оба они умерли рано (Николай Ильич в возрасте 42, Мария Николаевна в возрасте 40 лет), у них было пять человек детей — четыре сына и одна дочь — в том числе и граф Лев Николаевич Толстой (1828-1910). Как известно, граф Лев Николаевич был женат на Софье Андреевне Берс (1844-1919).

Члены их многочисленной семьи в той или иной мере причастны к литературе, и прежде всего к мемуаристике, связанной со Львом Николаевичем. Литературное творчество семейного и ближайшего родственного окружения Л.Н.Толстого могло бы стать предметом отдельного и обширного исследования.

Семья Берсов внесла значительный вклад в литературу о Л.Н.Толстом. Сама графиня Софья Андреевна оставила «Дневники» (4 тома) и подробнейшую автобиографию «Моя жизнь». Воспоминания «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» опубликовала ее младшая сестра Татьяна Андреевна Кузминская (1846-1925). Воспоминания о Л.Н.Толстом написали брат Софьи Андреевны Степан Андреевич Берс (1855-1910) («Воспоминания о графе Л.Н.Толстом») и их двоюродный брат Александр Александрович Берс (1844-1821) («Отрывки воспоминаний о Л.Н.Толстом», «Толстой и о Толстом»). Жена Александра Александровича, старшая сестра Софьи Андреевны Елизавета Андреевна Берс (1843-1919) писала и печатала статьи по финансово-экономическим вопросам, а по

заданию Льва Николаевича написала для его учеников два прекрасных рассказа — «Лютер» и «Магомет», которые были опубликованы в толстовском журнале «Ясная Поляна».

Свои воспоминания «Друзья и гости Ясной Поляны» (1923), а также ряд мемуарных очерков, написанных в эмиграции и связанных с Л.Н.Толстым, оставила старшая дочь Льва Николаевича и Софьи Андреевны Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864-1950). Написал воспоминания и их сын Илья Львович Толстой (1866-1933). Но наиболее творчески активным оказался старший сын, Сергей Львович (1863-1947). Помимо художественных произведений (в частности, рассказа «Дело Пыркина») и мемуаров «Очерки былого», он написал ряд биографических книг («Федор Толстой Американец», «Мать и дед Л.Н.Толстого»), литературоведческих и мемуарных очерков («Тургенев в Ясной Поляне», «Л.Н.Толстой о поэзии Ф.И.Тютчева», «Юмор в разговорах Л.Н.Толстого», «Отражение жизни в "Анне Карениной"», «История писания и первой постановки "Плодов просвещения"», «Ясная Поляна в жизни и творчестве Л.Н.Толстого»), музыковедческих статей («Музыка в жизни Л.Н.Толстого», «Музыкальные произведения, любимые Л.Н.Толстым», «Лев Толстой и Чайковский, их знакомство и взаимоотношения», «Квартет "Ключ" в романе "Война и мир"» и т.д.). Оставила мемуары «Мои воспоминания. Отец и дядя» также и племянница Льва Николаевича, младшая дочь его брата графа Сергея Николаевича Толстого (1826-1904) Мария Сергеевна Бибикова (1872-1940-е).

Проследим другую линию, идущую от прадеда Л.Н.Толстого, графа Андрея Ивановича. Его сын генерал-майор граф Иван Андреевич Толстой (1747- до 1832; в некоторых работах его называют старшим сыном, однако нам удалось найти указание², что граф Петр Андреевич, называемый вторым сыном графа Андрея Ивановича, родился раньше Ивана Андреевича — в 1746) в браке с Анной Федоровной Майковой (ум.1834) имел двух дочерей и троих сыновей. Старший их сын, полковник граф Федор Иванович Толстой (1782-1846), Федор Толстой Американец, — личность, хорошо известная в отечественном литературоведении: участник войны 1812 года, человек беззаветной храбрости и при этом своеобразных понятий о долге, благородстве, чести. Недаром его двоюродный племянник Лев Николаевич Толстой считал, что граф Федор Иванович «был человек необыкновенный, преступный и привлекательный»³. Его необычайные при-

² Каменская М. Воспоминания. М., 1991. С.380.

³ Толстой С.Л. Федор Толстой Американец. М., 1926. С.7.

ключения описали его двоюродная племянница Мария Федоровна Каменская (1817-1898), дочь его двоюродного брата графа Федора Петровича Толстого, в своих «Воспоминаниях» (1894) и его троюродный внук Сергей Львович Толстой, сын Льва Николаевича, в специальной работе «Федор Толстой Американец» (1926).

Граф Федор Иванович Толстой, помимо всех прочих своих особенностей, был также поэтом — не очень крупным, не очень известным, но безусловно поэтом. Однако в русской литературе он оставил след не столько как автор стихов и не столько как адресат стихотворных посланий (кроме пушкинской эпиграммы «В жизни мрачной и презренной...» и строк в послании «К Чаадаеву», Ф.И.Толстому посвящено большое стихотворение П.А.Вяземского «Американец и цыган, / На свете нравственном загадка...»), но прежде всего как прототип целого ряда литературных героев.

Современники (в том числе и сам граф) узнавали Федора Ивановича Толстого в Антоне Антоновиче Загорецком в комедии Грибоедова «Горе от ума»:

Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.

.....

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист...

Сходную характеристику и сходную фамилию дает Пушкин в «Евгении Онегине» секундтанту Ленского Зарецкому, прообразом которого послужил опять-таки граф Ф.И.Толстой. Многими чертами характера графа Ф.И.Толстого (положительными) Пушкин наделил Сильвио, героя повести «Выстрел». Сложный и противоречивый характер графа Федора Ивановича привлекал к себе внимание и других русских писателей. В нем видят прототип Ноздрева из «Мертвых душ» Гоголя. Может быть, отсюда и неприязнь Ф.И.Толстого к Гоголю; по словам С.Т.Аксакова, Ф.И.Толстой говорил, что Гоголь «враг России и что следует его в кандалах отправить в Сибирь»⁴. Граф Ф.И.Толстой послужил также прообразом графа Турбина в повести Л.Н.Толстого «Два гусара» и, отчасти, Долохова в «Войне и мире».

Женился граф Ф.И.Толстой на цыганке Авдотье Максимовне Тугаевой (1796-1861), от которой имел 12 человек детей. Десять детей умерли в младенчестве, а дочь Сарра (1821-1838), от-

⁴ Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 тт. Т.3. М., 1956. С.189.

личавшаяся исключительной одаренностью, скончалась в возрасте 17 лет. Только после ее смерти, в 1839, вышел в свет сборник ее стихов и прозы, встретивший благоприятный отзыв В.Г.Белинского. (Раннюю смерть своих детей граф Ф.И.Толстой Американец считал воздаянием за убийство на дуэлях 11 человек).

Другой сын графа Андрея Ивановича, прадеда Л.Н.Толстого, граф Петр Андреевич Толстой (1746-1822), действительный статский советник, в браке с Елизаветой Егоровной Барбо де Морни (1750-1802) имел пятерых сыновей и двух дочерей. Из их детей отметим графа Константина Петровича и графа Федора Петровича, двоюродных братьев Ф.И.Толстого Американца и двоюродных дядьев Льва Николаевича Толстого. Граф Константин Петрович Толстой (1780-1870) от брака с Анной Алексеевной Перовской (1796-1857) имел сына Алексея — поэта графа Алексея Константиновича Толстого, который, таким образом, приходился троюродным братом Льву Николаевичу Толстому.

Родной брат графа К.П.Толстого, граф Федор Петрович (1783-1873), вице-президент Академии художеств, замечательный медальер (автор серии медальонов «Отечественная война 1812 года»), выдающийся рисовальщик (наиболее известны его иллюстрации к поэме И.Ф.Богдановича «Душенька»), скульптор, живописец. Хороший его знакомый А.С.Пушкин высоко ценил живописный дар Ф.П.Толстого, о чем свидетельствует упоминание о его «кисти чудотворной» в IV главе «Евгения Онегина» и пожелание Пушкина в письме к брату Льву и П.А.Плетневу, чтобы издаваемый сборник его стихотворений был украшен виньеткой, исполненной «волшебной кистью Ф.Толстого»⁵.

Граф Федор Петрович Толстой был дважды женат. От первой жены, Анны Федоровны Дудиной (1792-1835), он имел двух дочерей, в том числе Марию Федоровну (1817-1898), вышедшую замуж за писателя Павла Павловича Каменского (1810-1871). Мария Федоровна Каменская, троюродная сестра Льва Николаевича Толстого, как уже говорилось, сама была писательницей и оставила интересные мемуары. Среди детей Павла Павловича и Марии Федоровны Каменских — сыновья: Гавриил Павлович (1853-1912), известный художник-пейзажист, и Павел Павлович (1858-1922), скульптор; и две дочери. Старшая, Анна Павловна (1839-1893), во втором браке Барыкова, поэтесса, известная своими обличительно-гражданственными стихами и демократическими симпатиями; к концу жизни активно пропагандировала религиозно-нравственное учение Л.Н.Толстого, своего троюродно-

⁵ Пушкин А.С. Собр.соч.: В 10 тт. Т.9. М., 1981. С.170.

го дяди. Младшая ее сестра Екатерина Павловна (1850-после 1929), в замужестве баронесса Штейнгель, оставила «Воспоминания о деде моем Федоре Петровиче Толстом и о матери моей Марии Федоровне Каменской» (1929).

От второй жены, Анастасии Ивановны Ивановой (1817-1889), у графа Федора Петровича было также две дочери. Старшая, Екатерина Федоровна (1843-1913), вышедшая замуж за врача-окулиста профессора Эдуарда Андреевича Юнге (1833-1898), была художницей-пейзажисткой и автором «Воспоминаний» (1914), написанных по просьбе ее троюродного брата Льва Николаевича Толстого.

Наконец, четвертый сын графа Андрея Ивановича Толстого, сенатор граф Федор Андреевич (1758-1849), двоюродный дед Льва Николаевича Толстого, был страстным библиофилом и библиографом, собирателем старопечатных книг и рукописей. От брака со Степанидой Алексеевной Дурасовой (ум.1821) он имел единственную дочь Аграфену Федоровну (1799-1879), вышедшую замуж за графа Арсения Андреевича Закревского (1786-1865), впоследствии генерал-губернатора Финляндии, министра внутренних дел, московского генерал-губернатора.

Графиня Аграфена Федоровна, двоюродная сестра графов Федора Ивановича Толстого Американца, Константина Петровича, Федора Петровича и Николая Ильича Толстых и двоюродная тетка Алексея Константиновича и Льва Николаевича Толстых, экстравагантная красавица, известная своими любовными похождениями, предмет увлечения П.А.Вяземского, а также Е.А.Баратынского и А.С.Пушкина, которые посвящали ей свои стихи (Баратынский — «Как много ты в немного дней...», Пушкин — «Портрет», «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно...», «Когда твои молодые лета...»), послужила также прообразом Нины, героини поэмы Баратынского «Бал», Нины Вронской из VIII главы «Евгения Онегина» и Зинаиды Вольской из неоконченных повестей Пушкина «Гости съезжались на дачу...» и «Мы проводили вечер на даче...».

Любопытно, что адъютантом при генерале А.А.Закревском, муже Аграфены Федоровны, служил Яков Николаевич Толстой (1791-1867), впоследствии декабрист, а затем тайный агент русского правительства в Париже. Председатель общества «Зеленая лампа» и член «Союза благоденствия» Я.Н.Толстой находился в приятельских отношениях с Пушкиным и обменивался с ним стихотворными посланиями (Я.Н.Толстой «Послание к А.С.Пушкину»; Пушкин «Стансы Толстому» и «Из письма к Я.Н.Толстому» — «Горишь ли ты, лампада наша...»). Яков

Николаевич Толстой принадлежал к не-графской ветви рода Толстых и всем упомянутым графам Толстым приходился весьма дальним родственником. Их общий предок — Василий Андреевич Толстой, современник великого князя Ивана III. Первый граф Толстой, Петр Андреевич, — его потомок в VII колене (прапрапраправнук). Потомки Петра Андреевича, графы Федор Иванович Толстой Американец, Константин Петрович (отец поэта А.К.Толстого), Федор Петрович (художник-медальер), Николай Ильич (отец Л.Н.Толстого) и графиня Аграфена Федоровна Закревская приходятся Василию Андреевичу Толстому потомками в XI колене, а графы Алексей Константинович и Лев Николаевич Толстые — потомками в XII колене. Яков же Николаевич Толстой является потомком Василия Андреевича в XIV колене и, таким образом, приходится Аграфене Федоровне Закревской и ее двоюродным братьям правнуком в X колене (хотя он и старше А.Ф.Закревской), а графам А.К. и Л.Н.Толстым — внуком в XI колене (хотя он их опять-таки много старше).

В столь же отдаленном родстве с графами Толстыми состоял и поэт Федор Иванович Тютчев (1804-1873), мать которого Екатерина Львовна, урожденная Толстая (1776-1866), приходилась упомянутому Василию Андреевичу Толстому потомком в X колене, и, следовательно, Федор Иванович Тютчев (потомок Василия Андреевича Толстого в XI колене) приходился дядей Алексею Константиновичу и Льву Николаевичу Толстым в X колене. Возможно, однако, и несколько более близкое родство. Не совсем ясно, от какого правнука Василия Андреевича Толстого происходит Екатерина Львовна Тютчева — Афанасий Степановича или Афанасия Ивановича. В первом случае остается в силе сказанное выше. Во втором же — общим с графами Толстыми предком будет уже внук Василия Андреевича Иван Яковлевич, и тогда Федор Иванович Тютчев будет Алексею Константиновичу и Льву Николаевичу Толстым дядей только в VIII колене.

Прапрадед Якова Николаевича Толстого полковник Петр Андреевич (потомок в X колене Василия Андреевича Толстого, современника Ивана III) имел старшего брата генерал-аншефа Матвея Андреевича (ум.1763), который женился на графине Анне Андреевне Остерман (1724-1769). Один из их внуков, генерал от инфантерии Александр Иванович, троюродный дед Якова Николаевича Толстого, был возведен в графское достоинство с присоединением прозвания Остерман; граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1773-1857) в браке с княжной Елизаветой Алексеевной Голицыной (1779-1835) детей не имел. Другой внук Матвея Андреевича и Анны Андреевны Толстых, сенатор Матвей Федо-

рович (ум.1815), женился на Прасковье Михайловне Голенищевой-Кутузовой (ум.1844), старшей дочери великого полководца. Граф Федор Петрович Толстой, будущий вице-президент Академии художеств, вспоминая о своих встречах с Михаилом Илларионовичем Кутузовым в 1812 году⁶, мог видеть в нем дальнего родственника — отца жены племянника в X колене.

У Матвея Федоровича и Прасковьи Михайловны Толстых было семь сыновей и две дочери. Второй сын, Павел Матвеевич (ум.1883), крестник императора Павла I, последний в истории России мальтийский кавалер, был возведен в графское достоинство с присоединением прозвания Голенищев-Кутузов — граф Голенищев-Кутузов-Толстой. Шестой сын Матвея Федоровича и Прасковьи Михайловны Толстых был гофмейстер Феофил Матвеевич (1809-1881), литератор, композитор, певец-любитель. Две повести Ф.М.Толстого — «Ольга» и «Болезнь воли» — вызвали сочувственный отклик Д.И.Писарева. В молодости Феофил Матвеевич Толстой общался с М.И.Глинкой, написал комическую оперу «Доктор в хлопотах», балладу «Светлана», оперу «Парижский мальчишка», поставленную итальянской оперной труппой в Петербурге. Как музыкальный рецензент и критик он отстаивал консервативные взгляды и был выведен М.П.Мусоргским в музыкальной пародии «Раек» под именем Фифа. Феофил Матвеевич Толстой приходился четвероюродным дядей Якову Николаевичу Толстому, внуком в X колене Федору Ивановичу Тютчеву, графу Федору Ивановичу Толстому Американцу, графу Федору Петровичу Толстому, графине Аграфене Федоровне Закревской и племянником в XI колене графу Алексею Константиновичу Толстому и графу Льву Николаевичу Толстому (хотя был их старше).

В гораздо более близком родстве с названными графами (подчеркиваем, графами) Толстыми состояли еще два графа Толстых (отец и сын), имеющие косвенное отношение к русской литературе. Они принадлежали к младшей графской линии рода, идущей от младшего сына первого графа Толстого (Петра Андреевича), полковника графа Петра Петровича Толстого, женатого на дочери гетмана Малороссии И.И.Скоропадского, Ульяне Ивановне. Внук Петра Петровича, генерал от инфантерии граф Петр Александрович Толстой (1771-1844), троюродный дядя Ф.И.Толстого Американца и четвероюродный дед Алексея Константиновича и Льва Николаевича Толстых, принимал участие в комиссии по разбору дела о распространении отрывка из стихотворения

⁶ См.: Балязин В.Н. Михаил Кутузов. М., 1991. С.163.

«Андрей Шенье» и поэмы «Гавриилиада» Пушкина (А.Я.Булгаков в письме к своей дочери О.А.Долгорукой сообщает об ироническом отзыве А.С.Пушкина о П.А.Толстом). Его сын от брака с княжной Марией Алексеевной Голицыной (1772-1826), граф Александр Петрович (1801-1873), впоследствии обер-прокурор Синода, четвероюродный брат Ф.И.Толстого Американца и четвероюродный же дядя Алексея Константиновича и Льва Николаевича Толстых, был знакомым Пушкина; по свидетельству Н.А.Муханова, в одном политическом разговоре «Пушкин и Толстой очень сошлись мнениями»⁷. Граф Александр Петрович Толстой и его жена Анна Георгиевна, урожденная княжна Грузинская (1798-1889), были близкими знакомыми Н.В.Гоголя. В последние годы Гоголь жил в их доме в Москве (дом Талызина на Никитском бульваре), где и скончался (по мнению С.Т.Аксакова, знакомство с графом А.П.Толстым было для Гоголя «решительно гибельным»⁸).

Наконец, к роду графов Толстых принадлежал и советский писатель Алексей Николаевич Толстой (1883-1945), автор романов «Хождение по мукам», «Петр I», повести «Детство Никиты». Его отец, граф Николай Александрович Толстой⁹, приходился праправнуком тайному советнику графу Федору Ивановичу Толстому (внуку первого графа Толстого) и тем самым четвероюродным племянником Алексею Константиновичу и Льву Николаевичу Толстым, по отношению к которым Алексей Николаевич Толстой был внуком в V колене.

Примечательно, что и по материнской линии Алексей Николаевич Толстой имел «литературных» предков. А.Н.Толстой писал в своей «Краткой автобиографии»: «Мать моя, Александра Леонтьевна, урожденная Тургенева, двоюродная внучка Николая Ивановича Тургенева...»¹⁰. Здесь Алексей Николаевич несколько неточен. Александра Леонтьевна (1854-1906), известная для своего времени писательница (роман «Неуготное сердце», сборник «Захолустье», ряд детских книг, из которых наиболее популярной была «Подружка»), была правнучкой капитана Петра Петровича Тургенева, родного брата полковника Ивана Петровича Тургенева, сыновьям которого (в том числе и Николаю Ивановичу) она приходилась, следовательно, не двоюродной, а троюродной внучкой.

⁷ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. II. М., 1974. С.181-183.

⁸ Аксаков С.Т. Указ.изд. Т.3. М., 1956. С.282.

⁹ Существует иная точка зрения на происхождение А.Н.Толстого. См., напр.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.3. М., 1991. С.322. (Прим. издателя).

¹⁰ Толстой А.Н. Собр.соч.: В 10 тт. Т.1. М., 1958. С.51.

Двоюродный прапрадед Алексея Николаевича Толстого Иван Петрович Тургенев (ум.1807), директор Московского университета, друг и единомышленник просветителя и книгоиздателя Н.И.Новикова, в браке с Екатериной Семеновной Качаловой имел четырех сыновей, которые приходились Алексею Николаевичу Толстому троюродными прадедушками. Старший, Андрей Иванович Тургенев (1781-1803), талантливый поэт, друг В.А.Жуковского, создатель (совместно с поэтом А.Ф.Мерзляковым) «Дружеского литературного общества», скончался в сравнительно юном возрасте (22 лет). Александр Иванович Тургенев (1784-1845), камергер, общественный деятель, историк, писатель, видный член общества «Арзамас», близкий друг и литературный единомышленник Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского (см.послание «Тургеневу, в ответ на его письмо», в котором вспоминаются также Иван Петрович и Андрей Иванович Тургеневы), П.А.Вяземского (см. «Послание к Т[ургеневу] с пирогом» и ряд стихотворений в письмах к А.И.Тургеневу), А.С.Пушкина (см. «Тургеневу» и шутивное «Послание к А.И.Тургеневу»). А.И.Тургенев собрал в зарубежных архивах документы по древней истории России («Акты исторические...»), он автор писем о европейской жизни 1825-1845 («Хроника русского») и дневников. Он определял юного Пушкина в лицей и он же присутствовал при кончине поэта и сопровождал гроб с прахом поэта в Святогорский монастырь.

Их младший брат Николай Иванович Тургенев (1789-1871), член «Арзамаса», один из учредителей Союза благоденствия и Северного общества, во время восстания декабристов находился в Лондоне и на требование вернуться в Россию для дачи показаний ответил отказом. Он остался в эмиграции и заочно был приговорен к смертной казни. Стихотворение Пушкина «К Вяземскому» было вызвано ходившим по Петербургу слухом о том, что английский правительство, согласившись на требование Николая I о выдаче «государственного преступника» Н.И.Тургенева, погрузило его на корабль, направляющийся в Петербург. А в X главе «Евгения Онегина» Пушкин дал известный политический портрет «хромого Тургенева».

Николая Ивановича Тургенева можно считать основоположником финансовой науки в России (см. его работу «Опыт теории налогов», 1818). Основное сочинение Н.И.Тургенева «Россия и русские» было написано в эмиграции. Изю всех братьев Тургеневых только Николая Ивановича упоминает в своей «Краткой автобиографии» Алексей Николаевич Толстой как родственника матери.

Все знают, что известный в свое время московский поэт Василий Львович Пушкин (1766-1830) был родным дядей Александра Сергеевича Пушкина. Менее известно, что Василий Львович приходился дядей другому замечательному поэту — Дмитрию Владимировичу Веневитинову, правда уже дядей троюродным.

Мать Василия Львовича и Сергея Львовича Пушкиных, Ольга Васильевна (1737-1802; бабушка и крестная мать А.С.Пушкина), была дочерью полтавского коменданта Василия Ивановича Чичерина (р.1700) и Лукии Васильевны (1700-1765), урожденной Приклонской, дочери бригадира Василия Ивановича Приклонского. У Лукии Васильевны была старшая сестра Анна (1699-1759), которая вышла замуж за архангельского губернатора, действительного статского советника князя Алексея Андреевича Оболенского (1684-1760). Их единственный сын, князь Николай Алексеевич (1731-1797), двоюродный брат Ольги Васильевны Пушкиной, от своей супруги Матрены Семеновны, урожденной Мусиной-Пушкиной, имел дочь Анну (1782-1841) и сына Николая (1792-1857), приходившихся троюродными сестрой и братом Василию Львовичу и Сергею Львовичу Пушкиным. Княжна Анна Николаевна вышла замуж за Владимира Петровича Веневитинова, от которого имела троих детей — Дмитрия (1805-1827), Алексея (1806-1872) и Софью (1808-1877), в замужестве графиню Комаровскую (графиня С.В.Комаровская составила «Заметку о родстве А.С.Пушкина и Д.В.Веневитинова»¹¹). Следовательно, поэт Дмитрий Владимирович Веневитинов приходился троюродным племянником поэту Василию Львовичу Пушкину и четверюродным братом поэту Александру Сергеевичу Пушкину.

Глубокая скорбь Пушкина о рано умершем Д.В.Веневитинове (он умер в возрасте 21 года и незадолго до смерти написал послание «К Пушкину») была вызвана, вероятно, и родственными чувствами. А мать Д.В.Веневитинова Анна Васильевна, его брат Алексей Владимирович и сестра графиня Софья Владимировна Комаровская (вместе со своим мужем графом Егором Евграфовичем) на правах близких родственников написали Сергею Львовичу Пушкину сочувственные письма в связи с гибелью Александра Сергеевича.

У Пушкиных (дяди и племянника) и Д.В.Веневитинова был еще один родственник-поэт — Павел Николаевич Приклонский

¹¹ Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. XI. С. 120.

(ок.1770- после 1825). Прадед Василия Львовича Пушкина и прапрадед Александра Сергеевича Пушкина и Дмитрия Владимировича Веневитинова бригадир Василий Иванович Приклонский (ум.1726) имел брата Михаила (1652-1724), которому Павел Николаевич Приклонский приходился родным внуком. Крупный сановник, камергер П.Н.Приклонский был автором нескольких стихотворений, посвященных императору Александру I, переводов из Мольера и дивертисмента «Возвращение ополчения» (1812). Василию Львовичу Пушкину П.Н.Приклонский приходился троюродным дядей (хотя был его моложе), а Александру Сергеевичу Пушкину и Дмитрию Владимировичу Веневитинову — троюродным дедом.

Василий Львович Пушкин любил в своих стихотворных посланиях первым делом уточнять отношения — родственные и дружеские. Так и в послании «К П.Н.Приклонскому» (1812) он обозначает свои с ним дружеские, родственные и литературные отношения:

Любезный родственник, поэт и камергер,
Пожалуй, на досуге
Похлопочи о друге!..

Это послание А.С.Пушкин считал характерным для поэтической манеры Василия Львовича. В сентябре 1825 А.С.Пушкин просил П.А.Вяземского заступиться за него перед Василием Львовичем: «Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате»¹². И тут же привел шуточные строки, доказывающие только литературное родство между ними:

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетюшки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — музы наши сестры,
Итак, ты все же братец мой.

Однако в стихотворном начале письма к Вяземскому (от 14 августа 1831) А.С.Пушкин, используя первую строчку из послания В.Л.Пушкина, заменил слово «родственник», зато остроумно обыграл чин камергера. Письмо написано в связи с присвоением Вяземскому придворного чина камергера (поясним: почетный камергерский ключ носили ниже пояса на спине, около заднего кармана). Поздравление относится также и к жене Вяземского:

¹² Пушкин А.С. Собр.соч.: В 10 тт. Т.9. М., 1981. С.213.

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?)
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за верность и за веру).
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру.
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

Вяземский поддержал шуточный диалог и ответил Пушкину через три года, дождавшись подходящего случая. Этот случай был связан с поэтом И.П.Мятлевым.

Дело в том, что А.С.Пушкин имел еще двух родственников-поэтов, но уже по материнской линии. Прапрапрадед А.С.Пушкина окольничий Алексей Иванович Ржевский (ок.1638-1690) от своей жены Анны Игнатьевны (ум.1704) имел семь человек детей (в старину прапрадеда называли щуром, таким образом, прапрапрадед и будет пращур в узком значении этого слова), в том числе младшего сына Юрия (1674-1729), потомком которого по прямой линии и является Александр Сергеевич Пушкин (недаром фамилию Ржевские в повести «Арап Петра Великого» носят невеста Ибрагима и ее отец). Дочь Юрия Алексеевича Ржевского и его жены Екатерины Никифоровны, прабабушка Александра Сергеевича, Сарра Юрьевна (ок.1721- не ранее 1790) вышла замуж за Алексея Федоровича Пушкина. А их дочь Мария (1745-1818) вышла замуж за младшего сына «арапа Петра Великого», Осипа Абрамовича Ганнибала. Она и была бабушкой Александра Сергеевича Пушкина.

Старший же сын окольничего Алексея Ивановича Ржевского, брянский воевода Иван Алексеевич (ок.1660-1727), родной брат Юрия Алексеевича и двоюродный прапрадед А.С.Пушкина, имел сына Андрея (ок.1711- между 1737 и 1741), который приходился двоюродным братом Сарре Юрьевне Пушкиной и троюродным прадедом А.С.Пушкину. Сын А.И.Ржевского (от Екатерины Ионовны Вельяминовой), троюродный брат Марии Алексеевны Ганнибал и четвероюродный дед А.С.Пушкина, Алексей Андреевич Ржевский (1737-1804), камергер, действительный тайный советник, сенатор, был талантливый поэт, хорошо известный в XVIII веке.

Поэтическая деятельность А.А.Ржевского длилась очень недолго, но поражает своей интенсивностью: за четыре года (1760-1763) он опубликовал 225 произведений, в основном стихотворных, и занял особое место среди поэтов кружка М.М.Хераскова, учеников и последователей А.П.Сумарокова. О пяти-

актной трагедии А.А.Ржевского «Подложный Смердий» известный просветитель Н.И.Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) писал, что «сия трагедия сочинителю делает честь /.../ стихотворство в ней чисто, слог приятен, мысли велики, изображения сильны /.../ трагедия сия почитается в числе лучших в российском театре, а сочинитель ее хорошим стихотворцем и заслуживает великую похвалу»¹³.

После смерти своей жены Александры Федотовны Каменской (1740-1826), тоже, кстати, поэтессы, писавшей «изрядные стихи», сорокалетний А.А.Ржевский вторично женился на 18-летней выпускнице Смольного института благородных девиц Глафире Ивановне Алымовой (1759-1826), оставившей «Памятные записки о первом выпуске Смольного института» (Д.Г.Левитский написал прелестный портрет Г.И.Алымовой, играющей на арфе). Этот брак оказался на редкость удачным. Спустя много лет свое восхищение семейной жизнью Алексея Андреевича Ржевского его друг Г.Р.Державин выразил в оде «Счастливое семейство».

Старшая дочь Ржевских Мария Алексеевна (1778-1866), четвероюродная сестра Надежды Осиповны Пушкиной и четвероюродная же тетка А.С.Пушкина, вышла замуж за камергера, действительного статского советника Николая Петровича Свиштунова (1770-1815), и их сыновья приходятся Александру Сергеевичу братьями в V колене; старший из них — декабрист Петр Николаевич Свиштунов (1803-1889); младший же, Алексей Николаевич (1808-1872), действительный тайный советник, был женат на графине Надежде Львовне Соллогуб (1815-1903), к которой А.С.Пушкин испытывал сильное чувство, отразившееся в стихотворении «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» (1832). Пушкин был в дружеских отношениях с дядей Надежды Львовны, тайным советником графом Александром Ивановичем Соллогубом (1787-1843), которого упомянул в черновой рукописи I главы «Евгения Онегина» («Гуляет вечный Соллогуб»), и с его сыном, двоюродным братом Надежды Львовны, известным писателем графом Владимиром Александровичем Соллогубом (1813-1882), автором «Воспоминаний», в которых он описал знакомство и встречи с А.С.Пушкиным.

Среди Ржевских можно найти еще одного поэта, Григория Павловича (1763-1830). Прапрапрадед А.С.Пушкина, окольный Алексей Иванович Ржевский имел среднего брата, столь-

¹³ Новиков Н.И. Избр.соч. М.; Л., 1951. С.344.

ника Тимофея Ивановича (ок.1640-1705). У его сына, тоже стольника, Василия Тимофеевича (р.ок.1665) был сын Матвей Васильевич Ржевский (1702-1766), троюродный брат Сарры Юрьевны Пушкиной и четвероюродный прадед А.С.Пушкина. От своей жены, Федосьи Наумовны, урожденной Сенявиной (1717-1766), М.В.Ржевский имел четверых сыновей, в том числе генерал-поручика Павла Матвеевича (1734-1793). Последний от своей первой жены, княжны Прасковьи Григорьевны Межерской, имел сына, действительного камергера Григория Павловича (1763-1830), женатого на дочери генерал-фельдмаршала графа Михаила Федотовича Каменского (1738-1809) графине Марии Михайловне. Вот этот Григорий Павлович Ржевский, брат Надежды Осиповны Пушкиной в V колене, и был поэтом-дилетантом, владельцем крепостной балетной труппы, упомянутой Грибоедовым в «Горе от ума». Сын Григория Павловича и Марии Михайловны Ржевских Николай Григорьевич (1800-1817), брат А.С.Пушкина в VI колене, был его лицейским товарищем. Рано умершего Н.Г.Ржевского Пушкин вспоминает, не называя его имени, в стихотворениях «19 октября» (1825) и «Чем чаще празднует лицей» (1831):

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле...

Упомянувшийся выше прапрадед А.С.Пушкина, окольный Алексей Иванович Ржевский, имел младшего брата, двоюродного прапрапрадеда А.С.Пушкина, стольника Ивана Ивановича (1658-1717), женатого на Дарье Гавриловне Соковниной (ум.1720), знаменитой князь-игуменье петровских пиров. Их дочь, двоюродная сестра Юрия Алексеича Ржевского и троюродная прапрабабушка А.С.Пушкина, впоследствии статс-дама Евдокия Ивановна (1693-1747; Петр I шутливо называл ее «Авдотья бой-баба»), вышла замуж за бывшего денщика Петра I, генерал-аншефа Григория Петровича Чернышева (1672-1745), возведенного императрицей Елизаветой Петровной в графское достоинство.

У графа и графини Чернышевых было четыре сына и четыре дочери, которые прабабушке А.С.Пушкина, Сарре Юрьевне, приходились троюродными братьями и сестрами, а самому Александру Сергеевичу — четвероюродными прадедушками и прабабушками. Старший из братьев, действительный тайный советник, сенатор, граф Петр Григорьевич (1712-1773), видный дипломат, посланник при разных дворах, женатый на Екатерине Андреевне Ушаковой (1715-1779), дочери печально известного начальника Тайной канцелярии графа Андрея Ивановича Ушако-

ва, имел двоих дочерей, которые Марии Алексеевне Ганнибал были четвероюродными сестрами, а А.С.Пушкину — бабушками в V колене. Старшая, графиня Дарья Петровна (1739-1802), вышла замуж за генерал-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова (1730-1805), а их дочь, графиня Прасковья Ивановна Салтыкова (1772-1859), тетка А.С.Пушкина со стороны матери в V колене, вышла замуж за тайного советника, сенатора Петра Васильевича Мятлева (1756-1833). Их сын, действительный статский советник и камергер Иван Петрович Мятлев (1796-1844), приходился А.С.Пушкину братом в VI колене.

И.П.Мятлев был признанным поэтом. Его друзьями были Пушкин (кузены-поэты были друг с другом на «ты»), Жуковский, Вяземский, Лермонтов. Современникам Мятлев был известен в основном как автор куплетов, эпиграмм, а также шуточной поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже». К сожалению, Пушкин не мог знать этой поэмы, она создана уже после его гибели. Но были у Мятлева и другие стихи, в том числе и лирические, среди которых наиболее известно стихотворение «Розы». Мятлев включил его в свой первый сборник, вышедший в 1834, который Пушкин наверняка знал. Как раз в эти годы (1833-1834) поэты особенно сближаются. Поэтическим итогом творческих забав трех друзей — Пушкина, Вяземского и Мятлева — явилось написанное ими в 1833 шуточное стихотворение «Надо помянуть, непременно помянуть надо...». Редкий случай в литературе — это стихотворение публикуется в собраниях сочинений каждого из трех авторов. История создания этого «помянутого» рассказана в «Автобиографии» А.О.Смирновой-Россет и отражена в стихотворении Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем...», написанном в том же 1833 году и, вероятно, посвященном И.П.Мятлеву.

А в 1834 Мятлев приглашает Пушкина к себе на обед, чтобы кузен-поэт мог благословить его новые стихи. К этому приглашению присоединился и третий участник триумвирата, князь Вяземский. Вот когда пригодилась вновь строчка из послания Василия Львовича Пушкина! Петр Андреевич Вяземский возобновляет начатый Пушкиным в 1831 шуточный диалог и «возвращает» Александру Сергеевичу строчку Василия Львовича в первоначальном виде, напомнив о родстве Пушкина и Мятлева и подчеркнув несоответствие их значения на Парнасе с положением при дворе:

Любезный родственник, поэт и камер-гер,
А ты ему родня, поэт и камер-юнкер.

Е.Меламед
КОРНИ:
ИЗ РОДОСЛОВНОЙ В.Г.КОРОЛЕНКО

Памяти А.В.Храбровицкого

У В.Г.Короленко — два наследственных «капитала» души — один от отца, другой от матери...

Д.Н.Овсяннико-Куликовский

Современники называли В.Г.Короленко «совестью нации», «учителем и носителем общественной порядочности», выделяя в нем те качества, которые и сегодня в большой цене: гармоничную неразрывность слова и дела, редкостную отзывчивость и бескомпромиссную твердость в отстаивании своей позиции. Даже те, кто в послеоктябрьскую пору упрекал писателя в том, что он «не сумел пойти в ногу /.../ с реальной борьбой», не могли не признать, что «на протяжении всей своей жизни он был всюду, где слышалось горе, где чувствовалась обида» и что «у него всегда хватало мужества бросать правду в глаза и отстаивать свою правду, как он ее понимал...»¹.

Объясняя феномен Короленко, его соратники писали, что «он вобрал в себя все то, чем жила в чаянии грядущей революции русская интеллигенция за 130 лет своего существования...»². Однако, как у всякого человека, у него были и другие жизненные корни, и, постигая истоки личности «честнейшего русского писателя» (Горький), нельзя не заинтересоваться фамильной средой, которая его взрастила, и тем, из чего составилась унаследованный им родительский капитал.

Знакомясь с «историей вопроса», убеждаешься: по существу писал об этом лишь сам Короленко. Но писал далеко не обо всем. И потому, что отбирал (для своей художественной автобиографии — «Истории моего современника») лишь те факты,

¹ Цит. по: Девятый Всероссийский съезд Советов: Стенографический отчет. М., 1922. С.223 (Выступление Ф.Кона).

² Редько А., Короленко Е. // Памяти Вл.Гал.Короленко. М.: Задруга, 1922. С.17.

мысли и чувства, которые считал «связанными с общественными мотивами»³, и потому, что не обо всем знал.

I

Потомок запорожцев. Короленко и Вернадские. Дедовские традиции. Образ «честного судьи»

«По семейному преданию, род наш шел от какого-то миргородского полковника, получившего от польских королей гербовое дворянство. После смерти моего деда отец, ездивший на похороны, привез затейливую печать, на которой были изображены ладья с двумя собачьими головами на носу и корме и с зубчатой башней посредине /.../» (С.11-12). Эти строки из «Истории», по-видимому, исчерпывают представление Короленко о его далеком предке. Комментируя их, дочери писателя добавили, что в семейном архиве сохранилась копия какого-то старинного документа, из которого видно, что упомянутый полковник звался Иван Король и жил в XVII веке⁴. Что касается печати, то по ее описанию польский исследователь З.Бараньский установил, что род Короленко имел право пользоваться одним из древнейших польских гербов «Корабль и ладья»⁵.

Достоверность семейного предания подтвердили и результаты поисков в Центральном государственном историческом архиве в Петербурге. О том, что здесь, в фонде Департамента герольдии Правительствующего сената, имеется дело «О дворянстве Короленко в Волынской губернии»⁶, было известно и ранее⁷.

³ Короленко В.Г. История моего современника / Подготовка текста и примечания А.В.Храбровицкого. М., 1965. С.893. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках.

⁴ См.: Короленко В.Г. История моего современника / Комментарии С.В. и Н.В.Короленко. М., 1948. Кн.1/2. С.598. Далее: Короленко В.Г. История...

⁵ Baran'sky Zb. Włodzimirz Korolenko i literatura Polska // Slavica Orientalis. 1959. V.8. №2/3 S.6. Подробнее об этом гербе см.: Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С.273.

⁶ ЦГИА РФ. Ф.1343. Оп.23. Ед.хр.6974.

⁷ См.: Храбровицкий А.В. Летопись жизни и творчества В.Г.Короленко. Вып.1. М., 1970. С.4, 10, 12, 17 (ЦСБ РГБ. Рукопись). Помимо этого ценного и, увы, незавершенного труда, мы имели возможность познакомиться и с другими материалами, собранными покойным Александром Вениаминовичем Храбровицким (1912-1989), редкостным знатоком биографии и окружения Короленко. Он же одобрил и замысел настоящей работы и был заинтересованным читателем тех ее фрагментов, которые использованы в наших предшествующих публикациях. См.: Тихий подвиг любви // Комсомольска зірка. Житомир, 1986. 7 липня; 3 родовиду В.Г.Короленка // Червоний прапор. Ровно, 1989. 3 січня; Из комментария

Но еще свыше десятка аналогичных дел (аналогичных, поскольку все они заводились по просьбе лиц, ходатайствующих об утверждении в дворянстве), посвященных другим носителям этой не столь уж редкой фамилии, до сих пор внимание исследователей не привлекали. Знакомство с ними было, однако, небесполезным: большинство других Короленко оказались тоже выходцами из Полтавской губернии, а те из них, кто располагал свидетельствами об основателях своего рода, называли того же Ивана Короля и его отца Григория⁸.

Так, доказывая в 1784 «благородное свое происхождение», полковые хорунжие Семен и Иван Короленки упоминали о том, что «по старинной меской города Миргорода урядовой книге показаны в 1655 и 1656 годов Григорий Король сотником миргородским и в заседании на уряде Миргородском /.../ 1661 года Иван Король Полковником Войска Запорожского Миргородским наместным...»⁹.

Увы, ближайшие предки Короленко, его дед и отец, попыток восстановить свои потомственные права никогда не предпринимали. Да и мать, возбудив в мае 1869, в связи с устройством детей в учебные заведения, хлопоты об утверждении их и себя в дворянском достоинстве, ссылаясь не на древность рода, а на то, что ее покойный муж и отец последнего приобрели право на потомственное дворянство «полученными на службе чинами и орденами»¹⁰. Сетовать же на это приходится из-за отсутствия фактических данных о тех поколениях рода Короленко, которые отделяют Ивана Короля от прадеда писателя Якова Короленко.

Сведения, которыми располагал Короленко о последнем, более чем скудны. Со слов отца, он именуется то полковым писарем (С.12), то казацким старшиной¹¹, не скрывая в последнем случае, что речь идет не о достоверном факте, а о «смутном семейном предании». «Смутным» оно было уже в силу того обстоятельства, что узнать со слов отца о прадеде Короленко могли лишь в детстве и отрочестве (в год смерти отца ему исполнилось пятнадцать лет): позднее же, когда интерес писателя к семейной хронике значительно возрос, удовлетворить его было уже практически некому.

к «Истории моего современника» В.Г.Короленко: Новые материалы // Русская литература. 1989. №4. С.149-154.

⁸ ЦГИА РФ. Ф.1343. Оп.23. Ед.хр.6977. Л.4; Ед.хр.6978. Л.5об, 35, 38.

⁹ Там же. Ед.хр.6978. Л.7.

¹⁰ Там же. Ед.хр.6974. Л.6. Ср: Государственный архив Житомирской области (далее: ГАЖО). Ф.146. Оп.1. Ед.хр.3037. Л.6.

¹¹ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т.10. М., 1956. С.166.

Между тем Яков Короленко вызывает особый интерес, поскольку является прадедом не только большого писателя, но и выдающегося ученого. В набросках воспоминаний академика В.И.Вернадского читаем: «Прадед Владимира Галактионовича был и моим прадедом, т[ак] к[ак] его дед — Афанасий Яковлевич и моя бабушка Екатерина Яковлевна Короленко, по мужу Вернадская (1781-1844), были родные брат и сестра»¹².

Соответственно сам В.И.Вернадский приходился В.Г.Короленко троюродным братом. Родство не ахти какое близкое: по нынешним меркам — седьмая вода на киселе. Но, во-первых, раньше мерки были иными, достаточно сказать, что Вернадский считал детей писателя «самыми близкими» своими родственниками по отцу¹³; во-вторых, интересен уже факт пересечения двух родов, тем более, что пересекались они не единожды.

Кроме уже упомянутых Афанасия и Екатерины, у Якова Короленко был еще сын Максим (ок.1773-?), имевший, в свою очередь, многочисленное потомство¹⁴. Его внук, ученый-экономист Сергей Александрович Короленко, в 1885 женился на родной сестре В.И.Вернадского Екатерине Ивановне (1864-1910)¹⁵. Дочь С.А. и Е.И.Короленко Анна Сергеевна (1886-1917), арфистка, преподавательница Петербургского музыкального института¹⁶, с 1910, после смерти матери, жила в семье Вернадских. Следует также иметь в виду, что «особенно сильное раздражающее влияние» на будущего ученого имел, по его словам, двоюродный дядя Евграф Максимович Короленко (1810-1880); разговоры с ним Вернадский причислял позднее к «самым светлым минутам» своего отрочества¹⁷.

Сам В.Г.Короленко, живя в студенческие годы в Петербурге, поддерживал контакты с профессором Иваном Васильевичем Вернадским (1821-1884), отцом В.И.Вернадского, и одно вре-

¹² Страницы автобиографии В.И.Вернадского / Сост. Н.В.Филиппова. М., 1981. С.13. В другом месте В.И.Вернадский привел еще одну интересную для нашей темы деталь: «Отец [т.е. И.В.Вернадский. — Е.М.], — писал он, — был похож на свою мать Е.Я.Короленко, а я похож на него. Мы вышли в Короленко, а не в Вернадских» (Цит. по: Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М. В.И.Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. Киев, 1984. С.183).

¹³ См.: «Я верю в силу свободной мысли...»: Письма В.И.Вернадского И.И.Петрункевичу / Публикация и комментарии И.И.Мочалова // Новый мир. 1989. №12. С.221.

¹⁴ В его формулярном списке за 1811 год указано, что он имеет «сыновей Аркадия 5-ти лет, Флора 3-х, Евграфа 2-х и дочь Софию 1-го года» (ЦГИА РФ. Ф.1349. Оп.3. Ед.хр.1112. Л.5). Позднее у него родился еще один сын, Александр.

¹⁵ Гумилевский Л. Вернадский. М., 1961. С.44.

¹⁶ См. некролог: Речь. 1917. №62.

¹⁷ Страницы автобиографии В.И.Вернадского. Указ. изд. С.17-18.

мя служил корректором в принадлежавшей профессору типографии «Славянская печатня». Примечательно, что И.В.Вернадский издал в 1878 первый литературный труд Короленко — переведенную В.Г. совместно со старшим братом Юлианом книгу французского историка Жюль Мишле «Птица»¹⁸.

Тогда же будущий писатель познакомился и с В.И.Вернадским, еще гимназистом. О какой-либо близости между ними в этот период неизвестно, да и вряд ли она могла быть при столь существенной (10 лет!) разнице в возрасте, но в дальнейшем, в 1890-1900-е, несмотря на редкие встречи и нерегулярный обмен письмами, она, несомненно, появилась. Косвенное тому свидетельство — справедливо отмеченная публикаторами «созвучность» настроений в послеоктябрьских письмах В.И.Вернадского к И.И.Петрункевичу и знаменитых «Письмах» В.Г.Короленко к А.В.Луначарскому¹⁹. Есть, впрочем, и свидетельство прямое: признание Вернадского, сделанное им незадолго до смерти (15 апреля 1943) старшей дочери Короленко, Софье Владимировне. «Владимир Галактионович, — писал он ей, — не только был моим кровным, но и дорогим и близким по духу...»²⁰.

Своего деда с отцовской стороны Афанасия Яковлевича Короленко (ок.1787 - ок.1857) писатель застал еще в живых, но едва ли помнил. Правда, среди самых ранних воспоминаний Короленко, отразившихся в «Истории», фигурирует и поездка к деду в Кишинев (С.8). Но, во-первых, она состоялась (судя по упоминанию о Крымской войне), когда «современнику» было не более трех лет; во-вторых, по предположению А.В.Храбровицкого, он ездил тогда не к деду, а к дяде, родному брату отца, действительно жившему в Кишиневе, тогда как Афанасий Яковлевич, согласно данным, исходившим от близко знавшей его родственницы, «выслужив пенсию, переехал в Хотин [ныне город, районный центр Черновицкой области. — Е.М.]²¹, где купил усадьбу» и жил до самой смерти²².

¹⁸ Мишле Ж. Птица / Пер. со 2-го французского издания Кор-о. СПб., 1878. Ср.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов... Т.2. М., 1957. С.39.

¹⁹ Новый мир. 1989. №12. С.220-221.

²⁰ Там же. С.221.

²¹ Впрочем, нельзя исключить и того, что его возили все-таки к деду, но не в Кишинев, а в Хотин, тем более, что, расположенный на правом берегу Днестра (возможно, что именно переправа через эту реку, а не через Прут, названный в «Истории» предположительно, запечатлелась в детской памяти писателя), он в описываемое время входил в состав той же Бессарабской губернии.

²² См. письмо К.А.Ржешовского к В.Г.Короленко от 12 июля 1903 (ОР РГБ. Ф.135. Карт.38. Ед.хр.4. Л.2-2об. Отмечено А.В.Храбровицким в «Летописи...». Вып.1. С.10).

Из архивных источников видно, что дед Короленко был исправным служакой, с молодых ногтей и до седых волос тянувшим чиновничью лямку. Начав в 1800 году, после окончания казенного училища в Екатеринославе, кондуктором 2-го класса в Инженерном корпусе, он спустя полвека ушел в отставку коллежским советником с должности управляющего Радзивилловской таможней, увенчанный знаками беспорочной службы, орденами Св.Анны 3-й и Св.Владимира 4-й степени и другими наградами за рвение и бескорыстие. В их числе и благодарность, объявленная ему 13 мая 1825 главнокомандующим 2-й Армией генералом Витгенштейном «за подряд, сделанный весьма умеренною ценою, на поставку мяса для военных нижних чинов, каковое его усердие к сохранению казенного интереса поставлено в пример прочим чиновникам полевого провиантского управления»²³ (А.Я. был в то время смотрителем армейского провиантского магазина).

Еще один штрих к личности А.Я.Короленко — семейное предание, согласно которому он, русский чиновник, разговаривал дома только по-украински и, сверх того, носил украинский костюм²⁴. Если к этому прибавить, что его жена, Ева Мальская, была полька, сохранившая и в браке католичество, то станет совершенно ясно, что дети их воспитывались в обстановке религиозной и национальной терпимости и уважения к языку и обычаям предков.

Как не вспомнить здесь, что в подобной же обстановке рос и будущий писатель. По случайному совпадению его мать также была полькой и «ревностной католичкой»²⁵, но едва ли случайно совпали позиции деда и отца: последний, как не раз отмечал Короленко, неизменно отстаивал «право чужой веры»²⁶.

Детей у А.Я.Короленко было трое: Александра (1817-?), Никтополеон (1811-?) и Галактион²⁷ — отец писателя.

²³ ЦГИА РФ. Ф.1343. Оп.23. Ед.хр.6974. Л.11об.

²⁴ Короленко В.Г. История... С.597.

²⁵ Богданович Т.А. Биография Владимира Галактионовича Короленко (1853-1917). Вып. 1. Харьков, 1922. С.6.

²⁶ Ср.: Короленко В.Г. Вера отцов // Русские записки. 1916. №9. С.97.

²⁷ Обращают на себя внимание редкие даже в прошлом веке имена. «В нашей семье, — сообщал В.Г.Короленко в письме 27 апреля 1903 С.Д.Протопопову, — был обычай не обижать святых и давать имена по святым: какой святой приходился в день рождения — того и приглашали в покровители. Таким образом отец мой получил имя Галактиона, его брат попал на созвучного святого и всю жизнь шеголял редким именем Никтополеон. Мои братья получили Юлиана и Иллариона, и, родись я в день святого Псеоя, то быть бы мне Псоем Короленко. К счастью, я родился на Владимира, одного из благозвучных и приятных святых, и таким образом избег остальных» (Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Указ. изд. Т.10. С.362).

Немногочисленная отцовская родня существенной роли в жизни Короленко не играла и, похоже, была ему мало знакома. Не потому ли о ней почти не идет речь в его переписке, а единичные упоминания в «Истории» грешат оговорками: в одном случае автор называет младшего брата отца старшим²⁸, в другом говорит о его сестрах (С.80). О единственной сестре отца Александре Афанасьевне известно только, что, выйдя замуж, она жила в Чернигове и потомства не оставила²⁹. Никтополеон Афанасьевич, как подсказали адрес-календари, служил на средних должностях в провинции (в 1853, когда родился Короленко, он был советником казенной палаты Бессарабской губернии)³⁰. Позднее на «коронную» службу вступили его сыновья Александр (1839-1904) и Анатолий³¹. Был ли с ними знаком писатель — неизвестно, а вот с дочерью Н.А.Короленко, Еленой (ок.1846-?), ставшей дипломированной музыкантшей — в 1872 она закончила столичную консерваторию (С.956), его пути однажды пересеклись. Во второй части второго тома «Истории», посвященной годам студенчества, автор подробно рассказывает о «маленьком интеллигентном салоне» на квартире двоюродной сестры, где по субботам собирался кружок друзей, главным образом из числа коллег ее мужа, И.А.Бирукова, преподавателя Петербургского коммерческого училища. Для Короленко, приглашенного сюда на правах родственника, субботы эти в продолжение нескольких месяцев были «настоящим праздником»: «Учительский журфикс, — вспоминал он, — светил точно приветный огонек в конце скучной и голодной недели»³².

Участь провинциального чиновника была уготована и старшему сыну Афанасия Яковлевича, родившемуся 26 декабря 1810 в Летичеве³³: он еще шестнадцатилетним был определен писцом в канцелярию Подольского гражданского губернатора.

«Отец пробивался помаленьку от низших канцелярских чинов», — говорится в неоконченной повести Короленко «Перед

²⁸ Короленко В.Г. История... С.584 (прилож.).

²⁹ Письмо К.А.Ржешовского к В.Г.Короленко от 12 июля 1903 (ОР РГБ. Ф.135. Карт.11. Оп.38. Ед.хр.4. Л.2об.).

³⁰ Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч.II. СПб., 1853. С.7.

³¹ Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1872 год. Ч.II. [СПб., 1872]. С.113-114. Даты жизни Александра Никтополеоновича Короленко сообщены мне его внучкой Т.А.Афониной (Житомир).

³² Короленко В.Г. История... С.584 (прилож.).

³³ Биографическая канва жизни и деятельности В.Г.Короленко // Короленко В.Г. Полн. собр. соч.: Посмертное изд. Т.5. [Харьков,] 1929. С.209.

рассветом» (1887)³⁴, явившейся одним из ранних набросков «Истории». Здесь все точно: и «пробивался», и «помаленьку». Из «формуляров» Галактиона Афанасьевича видно, что свой первый чин коллежского регистратора он получил лишь через шесть лет; последний — надворного советника — спустя еще двадцать четыре года³⁵.

Больше того, назначенный в январе 1850 уездным судьей в Житомир, тогдашний центр Волынской губернии, он до конца жизни так и не продвинулся по службе и даже несколько потерял, ибо умер в той же должности, но уже в уездном городе Ровно.

Столь незавидную карьеру отца сын-писатель объяснял преимущественно его «донкихотской честностью». «Среда не терпит исключений, которых не понимает, и потому беспокоится...» — замечает он в «Истории» (С.13), подкрепляя свою мысль примерами, наглядно удостоверяющими, что судья Короленко и в самом деле был своего рода «белой вороной»: он не только не брал взяток, и заведомых, и тех, что считались «благодарностью», но, похоже, уклонялся даже от обсуждений целесообразности своего поведения, которое его коллегами квалифицировалось в лучшем случае как «бесцельное чудачество».

Характерно, однако, что автор «Истории» отца чудачком не считал. И потому, что угадывал сокровенный смысл в позиции Галактиона Афанасьевича, дорожившего своей «преждевременной честностью» как последней святыней, выделявшей его среди сутяг и взяточников, и потому, конечно, что эта позиция была сродни и ему самому, избравшему в качестве девиза французскую поговорку: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет»³⁶.

Правда, следуя ей, он не всегда следовал за отцом; чаще шел впереди, ведь Галактион Афанасьевич, как сказано в «Истории», «признавал себя ответственным лишь за личную деятельность. Чувство едкой вины за общественную неправду ему было совершенно незнакомо. Бог, царь и закон стояли для него на высоте, недоступной для критики...» (С.17).

Малообразованный, глубоко религиозный, он был «человеком "старого закала"», приверженцем преданий старины»³⁷, как

³⁴ ОР РГБ. Ф.135. Карт.1. Ед.хр.15. Л.87.

³⁵ ГАЖО. Ф.2. Оп.1. Ед.хр.71. Ср.: ОР РГБ. Ф.135. Карт.3. Ед.хр.54. Л.3.

³⁶ Храбровицкий А.В. Делай, что должно... // Огонек. 1978. №31. С.12-13.

³⁷ Батюшков Ф.Д. Первые главы этюда о жизни и творчестве [В.Г.]Короленка // ИРЛИ. Шифр 15.461/ХСIV6.4. Л.4. Справедливость этой характеристики своего отца подтвердил сам Короленко: абзац, в котором содержатся процитированные выше слова, он отметил на полях двумя вертикальными чертами, поставив рядом латинское NB.

справедливо подметил биограф сына, но при этом, как писал сын, «не совсем заурядным человеком» (С.203).

Вера в Бога сочеталась у него с верой в «книгу и науку». Несмотря на мизерность формального образования, полученного в каком-то «непривилегированном частном пансионе в Бессарабской области»³⁸, Г.А.Короленко всю жизнь были свойственны любознательность и умственные запросы, как, впрочем, и умственные фантазии. Он то принимался изучать математику, астрономию и погружался в итальянский язык, который едва ли мог применить в провинциальном Житомире, то увлекался разного рода медицинскими новшествами, опробывая их на себе, детях и даже на собственной лошади.

Не считая кощунством наблюдать с помощью телескопа звездное небо, судья почему-то с отвращением относился к фотографии и не позволял запечатлеть себя на бумаге; так до нас не дошел ни один его фотопортрет³⁹.

Подобно старому гарибальдийцу Максиму Яценко в повести «Слепой музыкант», одним из прототипов которого он являлся⁴⁰, Галактион Афанасьевич был человеком с философской складкой и задавался вопросами жизни и смерти даже в разговорах с детьми (черта, позднее свойственная и автору повести)⁴¹. Правда, роль дяди Максима в их жизни он, судя по всему, не сыграл. В «Истории» Короленко признается, что внутреннюю близость с отцом он ощущал только в детстве; в более зрелые годы он запомнил его отрешенным от всех домашних дел и поглощенным в преддверии близкой смерти одной неотвязной мыслью: дотянуть до положенного срока службы, чтобы оставить семье пенсию (С.12, 200-201).

О том, что «дотягивал» судья из последних сил, свидетельствуют и документы. Сохранились записки, которыми он извещал, что не может прибыть в присутствие из-за болезни⁴², и журнал заседаний ровенского уездного суда; с его помощью нетрудно установить, что последний раз Г.А.Короленко председатель-

³⁸ ГАЖО. Ф.2. Оп.1. Ед.хр.71. Л.4.

³⁹ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Указ. изд. Т.10. С.232. Ср.: Короленко В.Г. История... С.598. Однажды, правда, он дал себя сфотографировать среди родных и близких, но затем вымарал свое изображение с уже готового отпечатка (сохранился в Полтавском литературно-мемориальном музее В.Г.Короленко).

⁴⁰ Батюшков Ф.Д. В.Г.Короленко как человек и писатель. М., 1922. С.12.

⁴¹ В.Г.Короленко в воспоминаниях современников / Предисловие, подготовка текста и примечания Т.Г.Морозовой. М., 1962. С.229-230.

⁴² Государственный архив Ровенской области (далее: ГАРО). Ф.384. Оп.5. Ед.хр.968. Л.327, 363.

ствовал во время разбора дел 10 июля 1868, последнее же упоминание о нем появляется 31 июля. В графе «название дела и бумаги» записано: «1. Доклад. Судья сего суда Короленко после долговременного страдания болезнью сего числа скончался»⁴³.

Накануне, по совету своего духовника, приходского священника ровенской соборной церкви А.Барановича, Г.А.Короленко продиктовал письмо к известной благотворительнице графине А.Д.Блудовой. По счастью, дошедшее до нас в составе ее архива, оно также подтверждает, что последние помыслы отца сын охарактеризовал верно. Взывая к милосердию адресата, судья писал о том, что мысль о будущем семьи, остающейся без средств к существованию, «терзает его душу страшными мученьями»⁴⁴.

Неудивительно, таким образом, что почти не знавший отца в отрочестве, Короленко впоследствии («когда миновали годы юношеской беззаботности») как бы открыл его для себя заново. «Я собрал черта за чертой, что мог об его жизни, — вспоминал автор «Истории», — и образ этого глубоко несчастного человека ожил в моей душе и более дорогой и более знакомый, чем прежде» (С.13).

Ожил он и на страницах произведений писателя, и особенно зримо в повести «В дурном обществе» (1885). Недаром, когда увидели свет первые главы «Истории», внимательные читатели сразу же признали в «честном судье» старого знакомого, который появился «на этот раз без маски и без псевдонима в качестве родного отца автора»⁴⁵.

II

Польская ветвь. По следам семейного предания.

Ближайшее родственное окружение писателя.

«Тихий подвиг любви»

О том, что знал Короленко о своих предках со стороны матери, представлявших в его родословном древе польскую ветвь, можно только догадываться. В «Истории» он вспоминает лишь деда, Иосифа Казимировича Скуревича (1798-1853), который умер в год его появления на свет.

⁴³ ГАРО. Ф.384. Оп.5. Ед.хр.1347. Л.51.

⁴⁴ ЦГАДА. Ф.1274. Оп.1. Ед.хр.2063. Л.1-2. См. изложение этого письма: Храбровицкий А.В. Лист батька В.Г.Короленко // Червоний прапор (Ровно). 1974. 7 вересня. №176.

⁴⁵ Кранихфельд Вл. Журнальные отголоски // Мир Божий. 1906. №3. Отд. II. С.77.

Архивные документы, отложившиеся в делах о дворянстве Скуревичей⁴⁶, позволяют проследить историю этого рода еще на несколько поколений вглубь. Его основателем считали шляхтича Юрия Скуревича, жившего, очевидно, на рубеже XVII и XVIII веков и владевшего имениями Борщишк и Гонгеды в Виленском воеводстве. После смерти отца они перешли к четверем его сыновьям, из которых старший Иван, именуемый в официальных бумагах «скарбником» (казначеем), приходился Короленко прапрадедом. Прадедом был старший же сын Ивана Юрьевича, Казимир. Как и отец, он находился на государственной службе: в 1791 последний польский король Станислав-Август Понятовский пожаловал его званием «будовничего» (архитектора) Виленского воеводства.

Иосиф Казимирович Скуревич был младшим из сыновей «будовничего». Вместе с братом Францем он унаследовал отцовское имение Богданово в Вилкомирском уезде Ковенской губернии, где, по-видимому, прошло его детство.

Отрочество и юность деда Короленко совпали с войной против Наполеона. В армию он вступил четырнадцатилетним (вот, кстати, еще одно подтверждение, что шестнадцатилетний воин Петя Ростов — отнюдь не исключение), принимал участие в изгнании неприятеля из пределов России, в заграничных походах.

В 1817 поручиком Екатеринославского кирасирского полка он выходит «по домашним обстоятельствам» в отставку и вскоре занимает скромную должность заседателя житомирского земского суда, а еще позже, введя в дом молодую жену (бабка писателя, Агнешка Рыхлинская, намного пережила мужа и умерла в 1880-х годах чуть ли не в 94 года)⁴⁷ и запродав в 1829 вместе с братом остатки отцовского наследства, становится посессором (так в Юго-Западном крае называли арендаторов чужих имений).

В «Истории» Короленко касается именно этого периода в жизни деда. Речь идет о семейном предании, согласно которому Иосиф Казимирович «одно время был юридическим владельцем и фактическим распорядителем огромного имения, принадлежащего графам В. Старый граф /.../ смертельно заболел, когда его сын, служивший в гвардии в Царстве Польском, был за что-то предан военному суду. Опасаясь лишения прав и перехода имения в другую линию, старик призвал известного ему шляхтича и,

⁴⁶ ГАЖО. Ф.146. Оп.1. Ед.хр.5504; ЦГИА РФ. Ф.1343. Оп.29. Ед.хр.3900. В дальнейшем сведения о предках матери Короленко, почерпнутые из этих источников, специально не оговариваются.

⁴⁷ Короленко В.Г. История... С.599 (коммент.).

взяв с него соответствующее обещание, сделал завещание в его пользу. После этого старик умер, сын был сослан на Кавказ рядовым, а шляхтич стал законным владельцем огромных имений... Когда через несколько лет молодой граф, отличавшийся безумной храбростью в сражениях с горцами, был прощен и вернулся на родину, то шляхтич пригласил соседей, при них сдал, как простой управляющий, самый точный отчет по имениям и огромные суммы, накопленные за время управления. Молодой аристократ обнимал его, называл своим благодетелем и клялся в вечной дружбе. Но очень скоро забыл все клятвы и сделал какие-то нечестные и легкомысленные посягательства в семье своего благодетеля. Дед оскорбил барчука и ушел от него нищим, так как во все управление имениями не позволял себе "самовольно" определить цифру своего жалования. А магнат об этом после ссоры и не подумал...» (С.18).

Не вызывает сомнения, что писателю была известна фамилия, обозначенная им криптонимом «В.» и доселе не расшифрованная комментаторами «Истории». Какая это фамилия, выясняется из архивных документов, в которых И.К.Скуревич фигурирует в качестве уполномоченного управляющего Степанской волости (местечка Степани Ровенского уезда Волынской губернии и окрестных сел), принадлежавшей сначала «старому графу» Станиславу-Григорию Ворцелю, а затем его старшему сыну Николаю, сводному брату Станислава-Габриэля Ворцеля⁴⁸, известного революционера-демократа, соратника А.И.Герцена.

Биография Николая Ворцеля сопоставима с рассказанной Короленко историей как по времени, так и по сюжету. Он также служил в Царстве Польском и однажды предстал перед судом. Изобличенный в деятельном членстве в Польском патриотическом обществе, в связях с декабристами, тридцатисемилетний подполковник в 1826 был «по высочайшей воле» лишен чинов, графского достоинства и отправлен на Кавказ. Правда, чтобы заслужить прощение, ему потребовалось не «несколько лет», а семнадцать: в родные места он вернулся в 1843⁴⁹.

⁴⁸ ГАРО. Ф.384. Оп.5. Ед.хр.113. Л.211, 262, 356, 358. См. также: Бондаренко Е. Розповідають архівні матеріали // Радянська Житомирщина. 1978. 26 червня. №146. Здесь упоминается найденная в ГАЖО доверенность на имя И.К.Скуревича, выданная ему 6 марта 1844 Н.Ворцелем на право ведения всех своих дел, касающихся Степанского имения. Автор, однако, никак не связывает Н.Ворцеля с графом В. и, кроме того, ошибается, полагая, что Короленко мог узнать о его младшем брате от деда. Последний, как уже отмечалось, умер в год рождения писателя.

⁴⁹ Кругляк Б.А. Станіслав Ворцель // Український історичний журнал. 1969. №3. С.141. Ср.: ГАЖО. Ф.146. Оп.1. Ед.хр.1525. Л.64, 81-82.

К тому времени отца его уже не было в живых; следовательно Н.Ворцель мог вступить во владение своей долей Степанской волости (половина ее, предназначавшаяся младшему брату, активному участнику польского восстания 1831 года, была конфискована и отошла к казне⁵⁰) лишь через посредство деда Короленко, который скорее всего был не юридическим наследником старого графа, а именно уполномоченным управляющим, то есть — особо доверенным лицом. Косвенным же подтверждением того, что богатого вельможу и неимущего шляхтича связывали не только деловые отношения, служит тот факт, что восприемницей младшей дочери последнего, Елизаветы Скуревич, родившейся в той же Степани в 1840, была «Анна Ворцелова вдова»⁵¹.

Отразившийся в «Истории» эпизод из биографии И.К.Скуревича, пусть и не вполне точно (учтем, что автор излагал его с чужих слов и спустя более полувека после происшедшего), многое высвечивает в его характере и, кроме того, объясняет, чем семья Скуревичей привлекла внимание отца Короленко: в ней он «мог предполагать традиции общепризнанной честности» (С.18).

Семья была большая: у матери Короленко были три сестры и два брата. Это они и их дети составили ближайшее родственное окружение будущего писателя, в котором он рос, формировался и нередко находил импульсы для творчества.

Из двух своих дядей Короленко был сильнее всего привязан к младшему, Генриху (1830 - ок. 1873); в отличие от старшего, Брунона (1827-?), занимавшегося сельским хозяйством, тоже, должно быть, в качестве арендатора, Генрих стал судебным чиновником⁵². Впоследствии писатель вывел его под собственным именем в рассказе «Ночью», основанном на детских впечатлениях⁵³.

С тетками Короленко особенно часто общался в детстве. Младшие, Анжелика Иосифовна (1835-1910-е), вышедшая замуж за преподавателя Житомирской гимназии И.М.Ладо фон Заблоцкого (это он описан в «Истории» под именем Лотоцкого), и незамужняя Елизавета Иосифовна (1840-1927), первое время помогали матери Короленко по дому. Собственно, самая младшая с ней почти не разлучалась и в дальнейшем, а с начала 1890-х тетья

⁵⁰ ГАРО. Ф.384. Оп.5. Ед.хр.113. Л.358.

⁵¹ ОР РГБ. Ф.135. Карт.3. Ед.хр.54. Л.8 (выписка из метрики Е.И.Скуревич).

⁵² В последние годы он занимал должность судебного следователя Первого участка Сумского уезда (Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1872 год. Ч.II. [СПб., 1872]. С.499).

⁵³ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т.2. М., 1954. С.470.

Лиза, или «цитуня дрога», как именовал ее племянник, жила в его семье.

После переезда в 1866 в Ровно Короленко регулярно проводил летние каникулы в близлежащей деревне Харалуг (ныне Корецкого района Ровенской области), в усадьбе, принадлежавшей его «дяде-капитану», Казимиру Иосифовичу Туцевичу (1806-1878), женатому вторым браком на старшей из сестер — Каролине Иосифовне (1819-1894). Из рассказов дяди и собственных наблюдений Короленко многое узнал о своеобразном укладе жизни харалужской шляхты и взаимоотношениях «отжившего сословия» с недавними рабами, о чем впоследствии так ярко написал в своих воспоминаниях (где Харалуг назван Гарным Лугом, а Туцевичи — Курцевичами).

Двое сыновей К.И.Туцевича, Владимир (1849-1921) и Александр (1856-?), подолгу жили в семье судьи и считались здесь «своими». «Воспоминания о Вас и о времени с Вами проведенном — лучшие воспоминания юности», — признавался впоследствии (обращаясь к Короленко и его сестре Марии Галактионовне) старший из братьев⁵⁴. С ним, своим тезкой, писатель особенно сблизился в 1876-1877, когда находился под надзором полиции в Кронштадте, где В.К.Туцевич, офицер-артиллерист, проходил военную службу. Подтверждая верность выработанным тогда принципам, Короленко писал ему незадолго до своей смерти (5 апреля 1921): «С тех пор, как мы бывало (помнишь, в Кронштадте, например?) определили для себя свое мировоззрение, я его держался всю жизнь и, если бы пришлось начинать ее сначала, я так же держался бы все той же линии, и для меня светили бы все те же огни...»⁵⁵.

Г.А.Короленко остановил свой выбор на Эвелине Иосифовне, второй дочери И.К.Скуревича.

Мать писателя родилась в 1833 в местечке Степань Ровенского уезда Волынской губернии (ныне Сарненского района Ровенской области), и, когда она выходила замуж, ей было столько же, сколько няне Татьяны Лариной в момент замужества.

«Когда папа задумал жениться на маме, маме было только четырнадцать лет», — говорит герой автобиографического рассказа «Ночью»⁵⁶. Здесь, несмотря на «только», возраст Эвелины Иосифовны даже завышен, что, впрочем, соответствует бытую-

⁵⁴ См. недатированное письмо В.К.Туцевича (ОР РГБ. Ф.135. Карт.2. Оп.34. Ед.хр.97. Л.6об.).

⁵⁵ Цит. по: Дон. 1969. №4. С.178.

⁵⁶ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Указ. изд. Т.2. С.246.

щему до сих пор мнению о том, что брак родителей писателя был заключен в 1847⁵⁷.

Найденные недавно в ровенском архиве подлинные документы о венчании Г.А.Короленко и Э.И.Скуревич⁵⁸ указывают более точную дату этого события — 13 ноября 1846⁵⁹ — и тем самым свидетельствуют о том, что невесте во время венчания разве что минуло тринадцать.

Правда, «брачный обыск», производившийся священнослужителями степанской церкви Св. Николая, показал, что «девица Эвелина-Схолястина двух имен Скуревич» имела уже полных шестнадцать лет, но это так же верно, как и то, что Киевской губернии сквироскому исправнику Галактиону Афанасьевичу Короленко было в то время тридцать, а не тридцать семь; совершенно очевидно, что в угоду строгим церковным правилам возраст обоих новобрачных был сознательно сфальсифицирован.

Это было сделано несмотря на суровое предостережение:

«Что все здесь справедливо показано о женихе и невесте в том удостоверяют, как они сами собственно подписью, так и по каждому по два поручителя с тем, что если что-либо окажется ложным, то подписавшие повинны суду по правилам церковным и гражданским законам»⁶⁰.

Этот пункт «брачного обыска» впоследствии едва не обрел практическую силу. В том же рассказе «Ночью» читаем: «А потом, когда Вася уже был на свете, маму хотели у папы отнять, отдать в монастырь и чтоб они были не женаты...»⁶¹. Нарисованная здесь ситуация отнюдь не придумана. В «Истории» Короленко также сообщает, что уже при его памяти по чьему-то доносу возникло дело о расторжении брака родителей и что серьезно напуганный отец вынужден был, наперекор своим принципам, уболагать корыстолюбивых консисторских чиновников: устраивать для них обеды, карточные вечера; не обошлось и без подношений (С.19-20).

Как же должен был страдать «честный судья» за этот, быть может, единственный в жизни и, в общем-то, невинный подлог! Возникает, однако, вопрос: для чего он понадобился? Чем объ-

⁵⁷ Биографическая канва... С.209.

⁵⁸ См.: Сербина Г., Засс Р. Родина письменника на Ровенщині: За матеріалами облдержархіву // Червоний прапор (Ровно). 1978. 15 червня. №140; Засядько Р. У відлиску архівного рядка // Жовтень (Львів). 1985. №8. С.99-100.

⁵⁹ ГАРО. Ф.639. Оп.5. Ед.хр.1а. Л.110об.

⁶⁰ Там же. Л.115.

⁶¹ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Указ. изд. Т.2. С.246.

яснить столь необычный даже по тем временам выбор спутницы жизни, которая по годам скорее годилась Галактиону Афана­севичу в дочери?

Ответ черпаем опять-таки в воспоминаниях Короленко. По его словам, отец в молодости был очень красив и пользовался огромным успехом у женщин. А так как собственная практика внушила ему глубокое недоверие к их добродетели, то, задумав жениться, «он составил своеобразный» план ограждения своего домашнего очага: в семье, в которой он мог предполагать традиции общепризнанной честности, он выбирал себе в жены девочку-полуробенка, которую хотел воспитать, избегая периода девичьего кокетства» (С.18-19).

Писатель не скрыл, что осуществление этого плана обернулось тяжкими испытаниями для его матери: жизнь ее вдруг оказалась связана с человеком иного поколения с уже сложившимся и далеко не простым характером, который к тому же через несколько лет после свадьбы тяжело заболел: да и «воспитание» нередко сопровождалось неосновательными подозрениями и дикими вспышками ревности.

Конечно, обо всем этом Короленко мог знать лишь по рассказам. Его собственная память охватывала тот период, когда родители «уже сжились и любили друг друга тихо, но прочно», а в семье господствовал «тон взаимного уважения и дружбы» (С.20).

Тон этот, несомненно, задавала мать...

«Есть натуры, будто заранее предназначенные для тихого подвига любви, соединенного с печалью и заботой /.../. Они глухи на страстные призывы грешной жизни и идут по грустному пути долга так же спокойно, как и по пути самого яркого личного счастья». Эти рассуждения, которыми открывается четвертая глава повести «Слепой музыкант»⁶², в равной степени относятся и к Эвелине Яскульской, героине произведения, и к Эвелине Иосифовне Короленко, отчасти послужившей ее прообразом. Кстати сказать, близость двух Эвелин была замечена еще при жизни Короленко, который не только не отрицал ее, но и указал на невидимые точки соприкосновения: «Сходство усиливается тем, — приписал он на полях рукописи Ф.Д.Батюшкова, — что выйдя за человека более чем вдвое старше и вскоре разбитого параличом, — она прожила затем многие годы любящей женой — подругой калеки...»⁶³

⁶² Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Указ. изд. Т.2. С.139.

⁶³ ИРЛИ. Шифр 15.461/ХСIV6.4. Л.11.

«Тихим подвигом любви» была и вся ее дальнейшая жизнь...

Оставшись после смерти мужа с пятью малолетними детьми, молодая вдова сумела проявить стойкость в нужде, о глубине которой говорит уже факт выдачи ей (в ходе хлопот об утверждении в дворянстве) официальной справки о том, что она «по несостоятельности не имеет возможности представить гербовую бумагу»⁶⁴. Недаром Короленко и в краткой автобиографии счел нужным отметить, что смог закончить обучение в гимназии и поступить в институт главным образом благодаря «истинному героизму, с которым мать отстаивала будущее /.../ семьи»⁶⁵.

Она и потом принимала заботливое участие в молодой, беспокойной и полной лишений жизни подросших детей, разделив и выпавшие на их долю испытания, когда почти вся семья оказалась рассеяна по «местам отдаленным» и «не столь отдаленным».

В молодости Эвелина Иосифовна привлекала своей красотой, но и позднее в ней находили «что-то удивительно чарующее»⁶⁶; «ее глубокие, глубочайшие синие глаза, — как выразился в неопубликованном письме к Короленко его друг, народник М.А.Ромась, — всякого обливали добротой и лаской...»⁶⁷.

Отказавшись, по существу, от собственной личной жизни, она так и жила до конца дней своих интересами и заботами детей: последние же относились к ней «без сентиментальности», но «с глубокой нежностью»⁶⁸...

Особенно была заметна «необыкновенно сильная привязанность» к Эвелине Иосифовне среднего сына, ставшего ее опорой и, быть может, в большей мере, чем другие братья и сестры, унаследовавшего ее мягкость, отзывчивость и терпимое отношение к людям.

Это был своего рода культ матери, возникший еще в раннем детстве, когда, как свидетельствовал автор «Истории», его чувство к ней доходило «до обожания» (С.99), и сохранявшийся в той или иной степени всю жизнь, вплоть до кончины Эвелины Иосифовны 30 апреля 1903 в Полтаве⁶⁹.

⁶⁴ ЦГИА РФ. Ф.1343. Оп.23. Ед.хр.6794. Л.43. «Говорю по истине, — писала Э.И.Короленко в прошении о пенсии, — что муж мой не оставил после себя никакого имущества, и я ныне нуждаюсь в приюте, средствах взноса платы за учение сыновей, не говоря о воспитании дочерей, которое должна буду прекратить, но даже в дневном пропитании...» (ГАРО. Ф.384. Оп.5. Ед.хр.969. Л.66об).

⁶⁵ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Указ. изд. Т.10. С.167.

⁶⁶ В.Г.Короленко в воспоминаниях современников. Указ. изд. С.94.

⁶⁷ ОР РГБ. Ф.135. Карт.2. Оп.32. Ед.хр.79. Л.28.

⁶⁸ В.Г.Короленко в воспоминаниях современников. Указ. изд. С.94.

⁶⁹ Биографическая канва... С.228.

Примеров, подтверждающих это, — множество. Они и в письмах⁷⁰, и в мемуарах современников, включая и те, что принадлежат старшей дочери Короленко, Софье Владимировне: «Больше, чем печаль об умершей [бабушке. — *Е.М.*], — признавалась она, — мне вспоминается горе отца. Первый раз я видела его плакавшим...»⁷¹.

Еще в начале века было подмечено: «Любовь к голубоглазой матери повела к тому, что почти все героини у Короленко — голубоглазые, и даже у куклы [в повести «В дурном обществе». — *Е.М.*] небесные очи!»⁷². Так отразилась «необыкновенно сильная привязанность» в произведениях писателя.

«У В.Г.Короленко два наследственных ”капитала“ души...» Два... но какая сумма влияний досталась в итоге писателю! И как замечательно он распорядился полученным богатством. Последнее едва ли нуждается в доказательствах. Доказательства — вся прожитая им жизнь. Хорошо знавший Короленко критик А.Г.Горнфельд назвал ее самым лучшим и самым художественным из его произведений⁷³.

⁷⁰ Сохранилось, в частности, 198 писем Короленко к матери. См.: Описание писем В.Г.Короленко / Сост. В.М.Федорова. М., 1961. С.377-398.

⁷¹ Короленко С.В. Книга об отце. Ижевск, 1968. С.82.

⁷² Ожигов Ал. [Ашешов Н.П.]. В.Г.Короленко // Современник. 1913. №7. С.341.

⁷³ Горнфельд А.Г. В.Г.Короленко // Жизнь и литературное творчество В.Г.Короленко: Сб. статей и речей к 65-летию юбилею. Пг., [1919.] С.13.

Публикации

СЫН И ОТЕЦ

По страницам дневниковых записей
и мемуаров Л.Л.Толстого

Подготовка текстов, публикация и комментарии
В.Н.Абросимовой и С.Р.Зориной
Вступительная статья В.Н.Абросимовой

*Светлой памяти Никиты Львовича
Толстого, так и не дождавшегося,
что имя его отца станет известно
в России.*

...В литературных кругах начала нынешнего века он был известен как *граф Лев Толстой-сын* или *граф Лев Толстой-младший*. И никто не догадывался, какую болью отзывалось это уточнение в душе самолюбивого автора. Единственный из детей Л.Н.Толстого избравший судьбу профессионального литератора, он был обречен всегда оставаться в тени своего великого отца. Двух Львов Толстых в истории культуры быть не могло. Имя, данное родителями на счастье, в реальной жизни стало источником недоразумения, горестей и обид...

Воскрешая из небытия писательский облик Льва Львовича Толстого (1869-1945), обратимся к истокам его не вполне удавшейся жизни.

Четвертый ребенок в семье знаменитого романиста родился на излете весны, 20 мая 1869, в Ясной Поляне и первые двенадцать лет жизни провел в усадьбе в окружении сестер, братьев, гувернанток, гувернеров и дворовых. Воспоминания детских лет отзвучат потом во многих произведениях Л.Л.Толстого. В частности, ими буквально пронизана книга «Яша Полянов». Одно из лирических отступлений в ней звучит так:

Когда я пишу эти воспоминания, мне все кажется, что я помню не только, как Петю и других моих братьев купали в ванне, присыпали желтым порошком, пеленали, кормили, но и меня самого. Мне все кажется теперь, что это я сам лежал на коленях матери и сосал ее теплое, сладковатое молоко. Она с любовью наклоняется надо мной и внимательно разглядывает. А я так занят моим делом, так старательно втягиваю в себя вкусное молоко, что не хочу отрываться, и все-таки приятно сознаю, что мать занимается мной и с любовью меня изучает.

Неужели я не помню того обидного, горького чувства, когда хочешь шевельнуть ручонками, а не можешь, потому что ужасные пеленки туго стянули тебя? Когда хочешь пожаловаться на

что-нибудь, пищишь и ворочаешься, а тебя не слышат и не пони-
мают? Неужели я не помню, как в те редкие минуты, когда меня
распеленывали, я начинал брыкаться и радоваться и захлебыва-
ться от наслаждения при чувстве данной мне короткой свобо-
ды? А эти вечера, темные осенние вечера, когда горит, бывало,
лампочка в нашей детской, заслоненная зеленым абажуром, и
все тихо-тихо кругом в доме... Няня сидит за столом в своем
углу и вяжет чулок. Я лежу у мамы на коленях и сладко дремлю.
Мама о чем-то вполголоса переговаривается с няней. Боже,
как я любил эти дорогие мне голоса, всегда заботливые и немно-
го печальные, как чувствовал их и как мне хотелось, чтобы этим
двум людям всегда было хорошо на свете. Но если я ошибаюсь,
и это был не я на коленях у матери, и если я смешиваю воспоми-
нания позднейшие с прежними, то, вероятно, это потому, что
я часто видел, как мама по вечерам кормила других моих малень-
ких братьев, и часто представлял себя на их месте. По тому же
самому мне кажется теперь, что я помню, как я выучился ходить,
как выучился выговаривать первые слова, как выучился есть
с ложки.

Я давно уже ползаю на четвереньках по всей комнате, встаю
иногда на ноги, но еще боюсь ступить больше двух шагов, если
нет передо мной протянутых рук. К нам в детскую входит
мама. Няня хочет показать ей мои успехи и заставляет идти. Я
стараюсь изо всех сил не осрамиться перед мамой и, сам встав с
пола на ноги, бегу к няне. Она отступает от меня, все время про-
тягивая мне руки, и я незаметно пробегаю через всю комнату
и падаю в нянины объятия. Мама подбегает ко мне и поднимает к
себе на руки, и целует, и нежно меня ласкает. А я с любовью по-
вторяю ее имя. Что же это? *Воспоминание или воображение?*¹

Этот вопрос не раз возникает при чтении сочинений Л.Л.Толстого.

Сознание избранности пришло к нему довольно рано. Едва пере-
ступив порог классической мужской гимназии Л.И.Поливанова в Москве,
он стал иногда подписываться, как отец, словно пробуя, примеряя на
себя эту ношу: «*Лев Толстой*»². Еще не вполне понимая, как странно
выглядит это сочетание применительно к мальчику в гимназической фор-
ме, он в письме к матери пояснил: «*Л. Толстой* — уж так я расписыва-
юсь в журнал[е], когда я дежурный в классе»³.

Многие годы спустя, став довольно известным литератором, он вы-
нужден был добавить к своему имени уточняющие слова. В феврале 1902,
в журнале «Ежемесячные сочинения», параллельно с главами нового
произведения Л.Л.Толстого, было помещено такое разъяснение: «*Письмо*

¹ См.: Толстой Л.Л. Яша Полянов. Воспоминания для детей из детства. 2-е изд. СПб. [1906]. С.99-100.

² Отдел рукописей Государственного Музея Л.Н.Толстого в Москве (в даль-
нейшем — ОР ГМТ). Архив С.А.Толстой. (Курсив наш. — В.А., С.3.).

³ Там же. (Курсив наш. — В.А., С.3.).

Льва Толстого-сына. Автор романа "Поиски и примирение" по поводу подписи своей *Лев Толстой-сын*, просит нас напечатать следующее его примечание: "Некоторым читателям, м.б., непривычна и несимпатична почему-либо эта моя подпись. Но я должен был заменить ею прежнюю: *Л.Л.Толстой*, потому что за границей эту последнюю подпись часто смешивали с подписью моего отца, что порождало нежелательные недоразумения"⁴.

Таков был итог первого десятилетия его литературной жизни. Профессионалом Л.Л.Толстой стал не сразу. Первые опыты свои он тщательно оберегал от чужого глаза и потому, вероятно, весной 1891 первые два рассказа напечатал под псевдонимом «*Л.Львов*»⁵. Дневник, впервые публикуемый здесь, покажет читателю, как не просто складывались отношения Л.Л.Толстого с журналистикой. Он не мог не понимать, что открытие нового литературного имени не состоялось, несмотря на сочувственные отклики известных писателей, ставших к тому времени уже добрыми его знакомыми. Но для Лескова, Чехова, Стасова и других Л.Л.Толстой прежде всего был сыном любимого ими великого человека и их общего друга⁶. Может быть, именно поэтому так болезненно реагировал молодой человек на все, что касалось его литературной деятельности.

Лишь самые близкие ему люди знали о том, что Л.Л.Толстой сочиняет. К ним, помимо С.А.Толстой и сестер, принадлежал и В.Г.Чертков. Именно его просил Л.Л.Толстой 25 февраля 1890 никому ничего не говорить о сочиненном им рассказе и, главное, не проговориться Л.Н.Толстому⁷. И потом, после публикации первых рассказов, Л.Л.Толстой продолжал тщательно оберегать свои занятия литературой.

В частности, 9 августа 1892 он писал Лескову, с которым у него к тому времени сложились вполне дружеские отношения:

Многоуважаемый Николай Семенович. Возвращаю Вам письмо Л.Я.Гуревич. Простите, но Вы поступаете не по-Божьи, продолжая говорить в чужой компании мне о том, что я Вам нечаянно высказал. *Я ничего не пишу*, сам я ничего, Вы принимаете меня не за то и, *если Вы друг мне, прошу Вас, скрывайте от людей, от себя и от меня самого то ужасное несчастье, что от-то там я сочиняю*. Я говорю совершенно искренно и усиленно прошу Вас не смущайте меня больше этим⁸.

В тот же день Л.Л.Толстой обратился и к редактору журнала «Северный вестник» Л.Я.Гуревич:

⁴ См.: Ежемесячные сочинения: Лит. журнал И.Ясинского. СПб., 1902. №2. С.238.

⁵ См.: Львов Л. Любовь // Книжки «Недели»: Ежемесячный литературный журнал. СПб., 1891. №3. С.107-132; Львов Л. Монте-Кристо // Родник: Журнал для детей. СПб., 1891. №4. С.337-348.

⁶ См.: Микулич В. Письма Н.С.Лескова // Литературная мысль: Альманах. III. Л., 1925. Отд. II. С.267.

⁷ ОР ГМТ. Архив В.Г.Черткова.

⁸ РГАЛИ. Ф.275. Оп.1. Ед.хр.304. Л.4-5. (Курсив наш. — В.А., С.3.).

Милостивая государыня Любовь Яковлевна,

Н.С.Лесков напрасно ввел Вас в заблуждение. Записки, веденные мной в Самар[ской] губ[ернии], не имеют никакой цены и, может быть, вовсе не годны для печати.

Я упомянул о них Н[иколаю] С[еменовичу] случайно по поводу его «Юдоли». Поэтому, если желаете мне добра, не говорите со мной и другими о моем непристойном нахальстве исподтишка иногда изводить бумагу⁹.

А спустя несколько лет, 25 февраля 1898, в обстоятельном письме к Суворину, чьим мнением он — вслед за отцом?! — очень дорожил, Л.Л.Толстой признался: «Я очень мало вообще верю в себя и мои силы. Знаете, когда стоишь в свете, окружающем великого отца, чувствуешь себя таким жалким, никем не замечаемым, что последняя вера в себя угасает. Между тем отвечу Вам теплом за тепло, — во мне часто, с тех пор, как здоровье мое поправилось, шевелится *неудержимая потребность писать*, чувствуется к этому большое влечение»¹⁰.

В семье Толстых писали все, в той или иной степени все были художественно одаренными людьми. Но у Л.Л.Толстого к природной самобытности прибавилось еще одно ценное качество, которое заметил и Л.Н.Толстой. Речь идет о *содержательной* стороне литературного таланта Л.Л.Толстого.

Весной 1890, приехав из Москвы в Ясную Поляну, чтобы еще раз обсудить вопрос о возможном выходе из университета в ближайшее время (см. ниже «Данные моей жизни»), Л.Л.Толстой был вынужден назвать наконец истинную причину своего нежелания продолжать обучение ни на медицинском, ни на филологическом факультете. Он хотел, как и отец, стать писателем. В недатированном письме к Черткову он передал позднее свой разговор с отцом: «Рассказ свой я показывал отцу и он одобрил, хотя сделал несколько замечаний и сказал, что написано неопытно, но содержание хорошее и что он бы в мои годы не выбрал такого, а стал бы писать про разбойников, например. Он сказал, чтобы я продолжал и поправлял рассказ и что он сам даже хочет украсть у меня содержание и написать на эту тему»¹¹.

Действительно, 8 апреля 1890 Толстой записал в Дневнике: «Читая Левино сочинение, пришло в голову: Воспитанье детей, т.е. губление их, эгоизм родителей и лицемерие. Повесть вроде Ив[ана] Ил[ьича]»¹². И хотя замысел остался нереализованным, важен сам факт, тот первый импульс, который рассказ сына дал великому писателю.

Начало 1890-х — время наибольшего тяготения двух Львов друг к другу, которое с особой силой проявилось в период работы на голоде. 25 октября 1891, взяв отпуск в университете, Л.Л. Толстой уехал в Патровку,

⁹ ИРЛИ. Шифр.20. 115/СХХХV16. 5. Л.1.

¹⁰ РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.хр.4246. Л.3-4. (Курсив наш. —В.А., С.3.).

¹¹ ОР ГМТ. Архив В.Г.Черткова.

¹² Толстой Л.Н. Полное (Юбилейное) собрание сочинений: В 90 тт. Т.51. М., 1952. С.33. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках, с указанием тома и страниц.

чтобы там, в Самарской губернии, наладить столовые для голодающих крестьян и раздачу хлеба. В письмах к С.А.Толстой он подробно останавливается на всех трудностях и радостях помощи голодающим. Он не просто подражал отцу — он шел *по его пути, но своею тропой*. К сожалению, Л.Н.Толстой был, как всегда, слишком поглощен своими проблемами, попыткой найти ответ на вопрос, что делать для того, чтобы не было голодных и сытых между братьями-соотечественниками¹³, и потому, вероятно, пропустил момент наивысшей близости взрослого сына.

А дальше все пошло своим чередом: выход из университета, считанные дни на военной службе в Царском Селе и признание негодным к службе по причине болезни. В январе 1893 он был уже в Петербурге, у своей тетушки Т.А.Кузминской. Именно тогда Л.Л.Толстой встретился с Чеховым. 23 января 1893 он писал С.А.Толстой: «Познакомился с Чехов[ым], с которым думаю ехать вместе в Америку, — славный, кажется, человек и во всяком случае интересный спутник. Назад вернемся через Японию, т.е. кругосветным»¹⁴. Поездка была запланирована на весну¹⁵. В записной книжке Л.Л.Толстого есть заметки, свидетельствующие о серьезной подготовке к этому путешествию¹⁶. 4 апреля 1893 он из Ясной Поляны попросил у Чехова дать ему подробную инструкцию о том, что необходимо сделать немедленно¹⁷, но при этом добавил: «Поеду я или нет, главным образом зависит от моего здоровья, как ни грустно и глупо это писать. Мож[ет] быть, когда я буду лучше себя чувствовать, я решу, что ехать глупо, не досуг, мож[ет] быть, наоборот»¹⁸.

Вскоре изнурительная болезнь продиктовала совсем иной маршрут, и первое впечатление от заграницы было омрачено полной физической беспомощностью молодого человека. Кругосветное путешествие пришлось отложить на двадцать лет, а излечиться Л.Л.Толстому помог знаменитый шведский врач Э.Вестерлунд¹⁹ и его младшая дочь Дора²⁰. В книге воспоминаний Л.Л.Толстой позднее писал:

Мне рассказали, что в Швеции, в городе Энчёпинге, практиковал замечательный доктор Эрнст Вестерлунд, который делает с больными чудеса. К нему отовсюду ездил безнадёжные больные, и он их вылечивал. Он спас рахитичного скрюченного мальчика, выпрямив ему позвоночник, вернул к жизни многих нервных больных, поставил на ноги многих чахоточных.

¹³ В частности, этому посвящена статья Толстого «О голоде», о которой автор 8 октября 1891 писал одному из своих корреспондентов, М.А.Новоселову: «Выходит совсем не о голоде, а о нашем грехе разделения с братьями» (Т.66. С.52.).

¹⁴ ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой.

¹⁵ Чехов писал об этом Суворину еще 18 октября 1892. См.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт.: Письма: В 12 тт. Т.5. М., 1977. С.118.

¹⁶ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.4. Книжка №2. Л.45об.-46.

¹⁷ Этот фрагмент письма опубликован. См.: Чехов А.П. Указ. изд. С.472.

¹⁸ ОР РГБ. Ф.331. Карт.60. Ед.хр.46. Л.2.

¹⁹ Эрнст Теодор Вестерлунд (Westerlund, 1839-1924). Л.Л.Толстой писал о нем в кн.: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. М., 1900 [обл.-1901]. С.153-171.

²⁰ Дора Федоровна Толстая (урожд. Вестерлунд; 1878-1933).

Эти рассказы настолько убедили меня в том, что Вестерлунд действительно мог помочь мне, что я решил поехать к нему, чтобы выздороветь окончательно.

Когда же мне сказали, что у него есть незамужняя семнадцатилетняя дочка, — я почему-то вообразил, что эта девушка должна сделаться моей женой²¹.

Он впервые увидел ее в дни Рождественских праздников в декабре 1895, а 27 мая 1896 в Стокгольме состоялась их свадьба²². Родные встретили это известие с радостью. Так, 8 мая 1896 С.Н.Толстой в конце письма к брату, Л.Н.Толстому, заметил: «Шведский доктор хорошо вылечил Левочку, но не во всякой аптеке есть такое лекарство»²³.

Осенью 1896 Л.Л.Толстой с молодой женой приехали в Ясную Поляну и в течение нескольких лет с незначительными перерывами прожили там в надежде свить свое гнездо. Однако этому не суждено было сбыться. 25 декабря 1900 тяжелая болезнь в несколько дней унесла их первенца, Левушку третьего²⁴, как называли его в семье. О состоянии родителей некоторое представление дают письма Л.Л.Толстого к В.Г.Короленко, с которым он незадолго до этого познакомился в Петербурге. Еще 22 декабря 1900 Л.Л.Толстой писал ему:

Дорогой Владимир Галактионович, сегодня утром получил письмо Ваше и отвечаю Вам на него в слезах. Мой старший сын Левушка умирает от воспаления мозга, и я переживаю страшные дни. Надежды совсем мало, жена и я переходим от отчаяния потери к слабой надежде. Но ее нет. Два доктора, оба поставили безнадежную диагностику. /.../ Если буду жить после урока, благосланного мне, буду жить и мыслить иначе. Все перевертывается при мысли потерять то, во что клал жизнь²⁵.

А 31 декабря 1900 Л.Л.Толстой сообщил: «Я писал Вам о безнадежной болезни моего старшего мальчика, теперь его нет больше с нами, мы уже зарыли его, и жизнь моя перевертывается и гаснет»²⁶.

Остаться в Ясной Поляне было невозможно, и Толстые переехали в Петербург, в свой дом напротив Таврического сада (Таврическая, 19). Был надстроен еще один этаж, и часть квартир сдавалась внаем. Жизнь Л.Л.Толстого проходила между Швецией, Петербургом, Москвой и Яс-

²¹ Толстой Л.Л. Опыт моей жизни: Мемуары: В 3-х книгах // ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого. Машинопись с авторской правкой. Кн.1. Гл.14. Фрагмент опубликован: Наше наследие. 1991. №5. (Вступит. статья, публикация и комментарий В.Н.Абросимовой).

²² «Сначала мы обвенчались в церкви Преображения Российской Миссии по православному обряду (теперь церковь эта упразднена), потом в гостинице "Ridberg" по лютеранскому. Старый, всеми уважаемый пастор Гудин обручил нас по-шведски, а протоиерей Смирнов обвенчал по-русски». Толстой Л.Л. Опыт... Кн.1. Гл.16.

²³ См.: Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С.399.

²⁴ Лев Львович Толстой (1898-1900).

²⁵ ОР РГБ. Ф.135. Раздел II. Карт.34. Ед.хр.82. Л.5-6.

²⁶ Там же. Л.7.

ной Поляной. Одна за другой выходили его книги²⁷, ставились пьесы на сценах обеих столиц и провинциальных театров²⁸. Л.Л.Толстой стал постоянным автором детского журнала «Родник» и газеты «Новое время».

Отношения с отцом по-прежнему складывались по принципу «притягивания-отталкивания». Публикуемые в настоящем издании письма Л.Л.Толстого впервые со всей полнотой и откровенностью покажут читателю, как искал он точки соприкосновения и в то же время отстаивал свою самостоятельность, как мучительно завидовал отцу, минутами даже ненавидел его и до конца жизни спорил с ним. В письмах к Суворину он не раз возвращался к этому вопросу. Так, 27 июня 1898 он писал:

Многоуважаемый Алексей Сергеевич,

Напечатанный мной в «Новом времени» рассказ «Прелюдия Шопена» вызвал много разговоров в обществе и печати. Одни смеются надо мной, говоря, что я советую гимназистам жениться, другие не соглашаются с тем, что не должно быть половой любви — влюбления, третьи находят, что я лишь говорю общие места, четвертые, что недостойно сына возражать старому отцу, пятые соглашаются со мной и шлют мне радующие меня письма.

Однако из всего, что говорят, трогает меня всего больше то, что говорят четвертые: «Нехорошо сыну возражать отцу».

Мне очень грустно теперь, что «Крейцера Соната» была написана именно моим отцом, а не кем-либо другим, и очень жаль, что именно мне пришлось возражать ей и указать на ее ошибочный вывод, — но это случилось настолько само собой, без всякой предвзятой мысли или намерения, в силу моего искреннего и горячего убеждения в моей правоте и потому в силу нравственной необходимости выразить во что бы то ни стало мои взгляды по данному вопросу, — взгляды, сложившиеся не в один день и не выдуманные из головы, а путем долгих и нелегких исканий доставшиеся мне, — что я, право, не чувствую себя виноватым.

Неужели сыну надо непременно одинаково мыслить с отцом? К сожалению, это не во всем возможно. Пусть же поэтому отец мой простит меня, а люди, ставившие себе идеалом полное целомудрие, пусть они поймут, что это ошибочно, что это не

²⁷ Вот названия лишь некоторых из них: Рассказы из времен студенчества. М., 1898; Рассказы: Для детей. М., 1898; Прелюдия Шопена и другие рассказы. М., 1900; В голодные года: Записки и статьи. М., 1900; Против общины: Три статьи. М., 1900; Семья и школа. СПб., 1901; Правдивые рассказы: Для детей. СПб., 1903; Моя гигиена. СПб., 1903.

²⁸ Сохранились расчетные листы, выданные автору «Обществом русских драматических писателей и оперных композиторов в Москве» для получения денег за постановки его пьес в разных городах России за 1901-1911. ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.892. Л.1-7.

сообразно ни логике, ни разуму, ни природе, что это извращает их личность, портит их жизнь, и пусть они стремятся к другому идеалу, идеалу целомудренного христианского брака, который не недостижим, а достижим и приближение к которому действительно приблизит нас к счастью и идеалу христианской жизни людей вообще²⁹.

12 февраля 1901, в связи с романом «Поиски и примирение», Л.Л.Толстой уточнил свою мысль: «Я продолжаю стучаться в ворота, продолжаю просить, чтобы мне их открыли. Я несу ношу, которая другим может показаться не ценной, но которая для меня дорога. А тому, кто стучится, рано или поздно откроют. *Я не претендую на то, чтобы быть тем, что мой отец. Я хочу быть тем, что есть я*»³⁰.

24 января 1900 С.А.Толстая выговаривала Льву Львовичу: «А ты, вы, Подстергае, главное, все ищите что-нибудь в жизни или необычайное, или подстергае мелкому анализу и осуждению. А на все попроще и поспокойнее надо смотреть»³¹. Права ли она была? Ее старшему сыну Илье виделось иное: «У Левы наследственный талант писателя: все Берсы хорошо пишут»³². Действительно, при внешнем сходстве³³ и родстве душ с матерью, Л.Л.Толстого неудержимо влекло все, что делал его отец.

Это проявилось не только в стремлении создать себе литературное имя, но и в организации «Доброго дела» — книжного магазина и склада Л.Л.Толстого, просуществовавшего в Петербурге (Бассейная ул., 4) с 1904 по 1912.

Еще в Египте, куда Л.Л.Толстой привез для лечения больную жену, до него докатились раскаты русско-японской войны. Он не мог оставить семью в чужой стране на произвол судьбы и отправиться на поле боя. Поэтому первый порыв пришлось погасить. Но темпераментная натура Л.Л.Толстого требовала выхода. Тогда окончательно сформировалась идея «Доброго дела». Одну из главных причин «пассивности» русского народа в начавшейся войне Л.Л.Толстой видел в его неграмотности в самом широком смысле этого слова. Новое книготорговое предприятие призвано было восполнить этот пробел. В одном из недатированных писем к С.А.Толстой он подробно разъяснил свои намерения и расшифровал свое толкование «Доброго дела»: «Главная цель моя — это "Посредник" в Петербурге, народная книга и сношение с деревней, земствами и другими»³⁴. Задуманное широко, с размахом и уверенностью

²⁹ РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.хр.4246. Л.5-7.

³⁰ Там же. Л.56об. (Курсив наш. — В.А., С.3.).

³¹ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.679. Л.5.

³² Из недатированного черного наброска письма С.Л.Толстого к Т.Л.Сухотиной-Толстой. Письмо навеяно воспоминаниями об Илье Львовиче Толстом, скончавшемся в Нью-Йорке 11 декабря 1933, и может быть условно датировано 1934. — ОР ГМТ. Архив Т.Л.Сухотиной-Толстой.

³³ Посетивший Ясную Поляну в апреле 1890 переводчик П.Г.Ганзен вспоминал: «сын-студент Лев Львович, самый красивый, очень похожий на мать» // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников: В 2 тт. Т.1. М., 1978. С.456.

³⁴ ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой.

в будущем, «Доброе дело» сыграло свою роль в пропаганде книги в той среде, которая была весьма далека от книжной культуры России³⁵.

Но по письмам, публикуемым ниже, читатель сам увидит, как редки были приближения сына к Л.Н.Толстому. С годами расхождения становились все заметнее и причиняли нестерпимую боль Л.Н.Толстому. «И лицом, и способностями, и своими вкусами в жизни Лева был похож на мать», — утверждала его младшая сестра Саша³⁶. В трагические дни летом 1910 это сходство сына с С.А.Толстой в полной мере ощутил на себе и Л.Н.Толстой. 6 июля 1910 он делился с дочерью Сашей своими переживаниями по поводу очередного столкновения с сыном: «Все капельки подобрал. Та же поверхностность, самодовольство»³⁷.

Летом 1910 в Ясной Поляне бросалось в глаза уже не столько внешнее сходство Льва Львовича с матерью, но сходство темпераментов, проявившееся в неистовом поиске врагов — в Черткове, в сестре Саше, в собственном отце. Через считанные дни сын опомнится, но будет уже поздно³⁸...

Он терзался муками совести за тот кошмар, который происходил при его непосредственном участии. Вернувшись после похорон отца в Париж, Л.Л.Толстой писал 23 декабря 1910 С.А.Толстой:

Дорогая, милая мама, я не писал эти дни, пока не получил Вашего письма³⁹. Кто с Вами? Как хотите жить пока и с кем? Рад был бы пожить с Вами, но сам я плох и думаю, что я искренно думаю, что Вы *ни в чем* не виноваты и Вы не могли не нервничать, не безумствовать даже при том положении, в каком Вы были до смерти отца. Как винить человека в том, что он подле огня корчится, кричит, мучит других. Виноваты поджигатели, а не пострадавшие. Не могу без ненависти и отвращения думать о Черткове. Впрочем, Бог с ними. Гнева он во мне уже не возбуждает.

Я работаю, хочу кончить начатое, рисую, читаю, слоняюсь немного по Парижу, когда на сердце скверно. Возможно, что там буду читать лекции. Возможно, что никуда не поеду отсюда до весны. Потребность думать и глубоко, до конца. Обложился Кантом, Шопенгауэром, Декартом и читаю всюду, где могу. Надо уяснить, в чем же правда, если христианство — ложь, и что такое жизнь. Ни плюс, ни минус. Конечно, надо десятки лет, чтобы добраться. /.../ Интересно жить, но тяжело. /.../

Шопенгауэр говорит: есть три этапа морали:

³⁵ 10 августа 1907 Л.Л.Толстой писал матери: «В магазине моем много работы. Около 10 заказов на большую сравнительно сумму для народных библиотек /.../ Тяжело порой, но зато жизнь полна и чувствуешь, что делаешь, что нужно» — ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой.

³⁶ См.: Толстая А. Отец: Жизнь Льва Толстого: В 2 тт. Т.1. М., 1989. С.182.

³⁷ Дневник А.Л.Толстой цитируется по машинописной копии с авторской правкой. (РГАЛИ. Ф.2532. Оп.1. Ед.хр.50. Л.55).

³⁸ См. об этом в воспоминаниях Л.Л.Толстого «Опыт моей жизни» (Наше наследие. М., 1991. №5. С.92-94).

³⁹ Письмо неизвестно.

- 1) Эгоизм.
- 2) Жалость.
- 3) Аскетизм.

Увы, отец не сошел в своей жизни с первой ступени. Вторая была не достигнута даже в конце жизни. К чему же все это его учение?

Не лучше ли христиан магометане, буддисты и другие?

Отрицание форм и материи приводит к неделанию, к абсурду и мешаает действительной жалости.

Вообще уход и смерть отца послужили не торжеству его взглядов, а подтверждением их слабости и односторонней узости.

Великая душа была у него и благородное сердце, но этого мало для того, чтобы понять смысл жизни и дать людям истинные перспективы их жизни и поведения.

Величайший художник, отец был слабый философ. Мораль без философии, даже с глубочайшей философией, как у Канта, мало ценная вещь, не нужная никому, потому что жизнь идет не по морали, а совсем по другим законам. Это все равно, как если бы для того, чтобы двигать поезд, машинист все бы чистил только свою машину. Мало, чтобы она была чиста, нужно, чтобы в ней был уголь, чтобы в ней были все винты на месте, вода, смазка и т.д.

Дело не так просто, как кажется.

Ваш всегда
Л[ева]⁴⁰

В январе 1911 Лев Львович «сделал недурной бюст отца из бронзы»⁴¹, а 19 февраля 1911 отправился из Франции в Америку. Незадолго до отъезда, 15 февраля 1911, он писал С.А.Толстой: «Как странно, что папá не́т. Чем дальше, тем это скорбнее. Как жутко, что так теперь стало принято думать, что мы уморили его, мы, любившие и любящие его больше всех остальных. Конечно, мы вели себя не идеально. Но кто же святой? И потом, разве не виноваты те, кто заставил его страдать, окончательно восстановив против нас? Целую Вас очень крепко и так же люблю. Трудно жить на свете. Ваш Лева»⁴².

В тот раз Л.Л.Толстой недолго пробыл в Америке. 5 апреля 1911 он делился с С.А.Толстой своими первыми впечатлениями:

Здесь очень интересно и меня носят на руках. Приглашения всюду и ежедневно, в клубы, об[ще]ства, частные дома. Говорю речи по-английски, сижу на почетных местах. Говорю искренно о необходимости союза между двумя великими странами — Россией и Америкой, о том, что время пришло, чтобы все ве-

⁴⁰ ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. (Выделено Л.Л.Толстым).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

ликие нации соединились вместе для того, чтобы первые шаги к разоружению могли быть сделаны. Об отце говорю мало. Живу в дешевом французском отеле. Готовлю публичную лекцию, ишу скульптурной работы и думаю, что на днях получу два заказа на бюсты. Подарил в здешний музей бюст отца из бронзы. Приняли с благодарностью. Другую голову отца продал в бронзовый магазин, лучший в Америке. Надеюсь окупить расходы по путешествию, и, м.б., заработать для семьи. Живу скромно. Отца все искренно любят и понимают. Он здесь ближе к людям и жизни, чем где-либо. Удивительные люди — американцы, но что из них выйдет, еще трудно предсказать. Они увеличивают вооружения, они делаются в известных слоях общества воинственными, они принуждены централизовать власть и управление, которые более, чем где-либо, были до сих пор децентрализованы. Женщины здесь меня приводят в восторг своей работой и серьезностью. Зато они далеко не так привлекательны, как французские. Строгость нравов очень большая и свои зато специфические игроки. /.../

Я пробуду, вероятно, весь апрель, м.б., захвачу часть мая. Что поделаешь? Надо жить, как Бог велит, мой Бог — судьба, провидение, потому что мы лично ничего не можем. Можем одно — только спрашиваться у нашего разума и отдаваться чувству, когда оно сильнее всего /.../

Целую крепко. Не осуждайте меня за то, что так жестоко как будто покинул семью. Было бы хуже оставаться⁴³. Трудно жить на свете, когда в жилах кровь, а не чертковская сыворотка. Чтоб ему за его глупость, ни что другое, было воздаяние. Я рад, что освобожден от издания⁴⁴, но не могу ему простить за страдания отца и за Ваши.

Ваш Лева⁴⁵

Л.Л.Толстому действительно было худо. Он метался в поисках денег, работы, своего места в мире. В частности, он предлагал Николаю II свои услуги в деле реформ. Впервые он встретился с царем в январе 1905⁴⁶. В его архиве сохранились черновые наброски четырех писем к Николаю II. Три из них относятся к 1905⁴⁷. Последнее написано через семь лет:

⁴³ Л.Л.Толстой переживал в то время любовную драму и всерьез подумывал о разводе с Д.Ф.Толстой. См.: Толстой Л.Л. Опыт... Кн. 2. Гл.4-6.

⁴⁴ Речь идет о том, что по завещанию Толстого все его сочинения передавались в общенародную собственность и их редактирование и издание переходило в руки А.Л.Толстой и Черткова (Т.82. С.227-228).

⁴⁵ ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой.

⁴⁶ Толстой Л.Л. Беседа с бывшим царем Николаем II-м: Из моих воспоминаний // Последние известия. Ревель, 1922. №41. С.2.

⁴⁷ ИРЛИ. Ф.303. №102. Л.1-9об. Одно письмо опубликовано. См.: Наше наследие. 1991. №5. С.84-85.

Ваше Императорское Величество,

Сегодня считаю моим долгом перед Вашим Величеством и Россией писать Вам, дерзая высказаться по следующим вопросам: 1) В России становится все тяжелее и тяжелее жить вследствие все более и более усиливающейся потребности народа правильно работать и вследствие невозможности работать так из-за наших бесчисленных праздников. Вопрос старый, но он не подвинулся ни на шаг. Сегодня Воздвижение, недавно Рождество Богородицы, 1-го октября, в понедельник, Покров и так далее, и жизнь в праздники становится, люди в тоске пьют, играют в карты и на бегах, молодежь не учится, и целые недели пропадают даром, миллионы рублей и неисчислимое богатство сил народных разлетаются по ветру. Когда же, Ваше Величество, Вы один, имеющий возможность положить конец этому великому злу — праздности русского народа, — Вашим одним словом дадите России избавление от этой рабской зависимости народной, общественной и государственной жизни, от авторитета Церкви, гнетом сковывающего Россию?! Все останавливается в праздники и в кануны праздников, не только правильный труд, но даже разумные и полезные развлечения. Публика должна ходить взад и вперед по Невскому, не имея даже возможности накануне праздника зайти посмотреть кинематограф, дети не учатся, приучаются к праздности. Проект уменьшения праздников и сведения их к минимуму был разработан, но он провалился, не найдя поддержки. Я имел счастье писать Вам, Ваше Величество, в прошлом году о желательности и необходимости реформы русской церкви⁴⁸. Сегодняшний вопрос связан с тем. Нам необходимо решительно изменить в этой области характер русской жизни. Что было при Владимире Святом, осталось и поныне. Выносить этого дольше невозможно.

2) Второй вопрос, о котором я хотел сказать, это о Балканах и возможности для России быть втянутой в войну. Мой взгляд, Ваше Величество, такой, что нам следует сейчас же открыто заявить, смело, решительно и непоколебимо, — что Россия ни в какую войну вмешиваться не будет, что она предоставляет на этот раз балканским государствам самим выходить из затруднения и что даже если Австрия сделает движение к войне или даже расширению своих владений, мы вмешиваться все-таки не будем и не хотим потому, что у нас нет для этого никаких оснований. Нет сомнения, что даже если Австрия усилится на Юге, нам от этого никакого убытка не будет, мы еще слишком слабы, слишком малочисленны, чтобы претендовать на хозяйничание на Босфоре. Без всякой войны мы свое получим, что нам нужно

⁴⁸ Письмо неизвестно.

будет в будущем для наших торговых интересов через Босфор, а другого мы пока и не добиваемся и нам не нужно. Сохрани Боже становиться на пошлую точку зрения в наше время, — защиту братушек. Они довольно окрепли, чтобы защищаться сами и постоять за себя. «Воюйте, если не можете удержаться, но на нас не надейтесь».

Вот какова должна быть русская политика. Много, много хотелось бы сказать Вам, Ваше Величество, но боюсь утомить Вас. Одного прошу Вас всеми силами души, — *приказывайте, Ваше Величество, приказывайте строжайшим образом* тем, кому нужно, чтобы было сделано все, что должно быть сделано сейчас в России, и спешите! Время не ждет. Надо реформировать Церковь, уничтожить праздники, винную монополию, ввести всеобщее обучение при реформированной церкви, надо ввести новый стиль, уничтожить или изменить паспортную систему, надо воспитывать народ, юношество, армию и флот, надо изменить весь уклад, весь характер русской жизни. Чтобы дни текли правильно, чтобы праздники не мешали труду, чтобы народ и общество привыкли рано вставать и рано ложиться, офицерство в частности, чтобы были запрещены игры в клубах и на бегах и скачках, чтобы были наказуемы пьянство, брань, жестокое обращение с животными, надо поднять знамя этой новой культурной разумной жизни в России, высоко поднять его, и страна сразу обновится. Иначе все будет по-прежнему, распушено, дурно. До сих пор больно, Ваше Величество, о смерти Столыпина, к которому я питал большое доверие. Трудно заменить его. Одно утешение, что Вы, Ваше Величество, не оставили намерение Ваше дать России многое, и сознание, что Вы дадите. Но надо требовать, строжайше приказывать, чтобы было. Все эти люди — чиновники и сами мало способны видеть широкие горизонты. Ими надо владеть, как детьми. Они ничего не видят дальше минуты, минутных интересов. Какая рутина всюду, начиная с Церкви и кончая Императорскими театрами. Живых людей точно нет, ничего нового, свежего они не допускают. И вследствие этого, конечно, страдают народ и общество.

Нас очень огорчило, Ваше Величество, переходя к нашим семейным делам, что правительство после смерти Столыпина отказалось от приобретения Ясной Поляны. Теперь имение еще не продано, но скоро, вероятно, будет продано сестре моей Александре, которая отдаст часть его крестьянам. Наше старое родовое гнездо будет разорено, и это, не переставая, гнетет меня. Если бы имение оставалось в казне, все-таки было бы не так обидно⁴⁹. Правда, мы хотим оставить себе усадьбу, но вряд ли

⁴⁹ Этот вопрос не раз обсуждался в переписке Л.Л.Толстого с матерью. Так, 3 августа 1912 С.А.Толстая писала сыну в Швецию: «Ты как будто обиделся, что я написала о 5 сыновьях, о их негодности. Я это писала не вообще, а только касательно спасения Ясной Поляны, которую невыносимо жаль отдавать в чужие

она удержится в семье в будущем. Без земли кругом она уже не будет иметь для нас значения, как прежде.

Мне лично, привыкшему к Ясной Поляне и вообще к земле, очень тяжело не чувствовать с ней связи.

Простите, что пишу это, Ваше Величество, пишу потому, что Вы всегда были добры ко мне. Кроме отнятых у нас прав на сочинения отца, мы лишаемся и имени, и все это по злой воле Черткова, овладевшего старчески больной волей отца. Кроме того, мать моя не может добиться своих рукописей в Историческом Музее в Москве и теперь подала об этом жалобу в Сенат⁵⁰. Как все это сложно и грустно, ведает один только Бог.

Хоть бы скорее все это как-нибудь разрешилось. Но жизнь сложна, и надо ей покоряться, когда нельзя помочь. Живу для своих 6 человек детей⁵¹, и жду, чтобы судьба мне улыбнулась. Делаю, что могу, и вот поэтому пишу Вам, Ваше Величество. Иногда маленькие люди, стоящие волей судеб вне колеса, могут сделать больше, чем те, кто вертятся в этом Колесе жизни и ничего не видят. *Перестройте Церковь, Ваше Величество, властной рукой!* Позовите меня! Я помогу Вам! Об этом знать будет один Бог.

Вашего Величества верноподданный, любящий Вас сердечно
Граф Лев Львович Толстой
Таврическая, 19
С.П.⁵²

Эта инициатива осталась не востребовавшей⁵³. Лев Львович пробовал найти себя в Думе⁵⁴, пытался с головой уйти в занятия литературой и искусством⁵⁵. Но надлом, произошедший в нем поздней осенью 1910, после смерти отца, не прошел бесследно.

руки. /.../ И моя мечта, чтоб сохранить Ясную. У меня на это денег не хватит. Ведь и содержать ее еще нужен капитал» — (ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.692. Л.14. (Выделено С.А.Толстой).

⁵⁰ В этой связи С.А.Толстая приезжала к сыну в Петербург, где была 22-26 апреля 1912. См.: Толстая С.А. Дневники: В 2 тт. Т.2. М., 1978. С.373.

⁵¹ Павел (1900-1992), Никита (1902-1992), Петр (1905-1970), Нина (1906-1988), Софья (р. в 1908), Федор (1912-1956).

⁵² ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.102. Л.10-13об. (Выделено Л.Л.Толстым). На конверте: «Его Величеству Государю Императору». — Там же. Л.14. Письмо было адресовано барону В.Б.Фр-дериксу с указанием: «Его Величеству Государю Императору (в собственные руки). От графа Л.Л.Толстого». — Там же. Л.15-16.

⁵³ Еще одну неудачную попытку объяснить с царем Л.Л.Толстой предпринял осенью 1914, вернувшись в Ставку из Варшавы вместе с миссией Красного Креста. — См.: Толстой Л.Л. Опыт... Кн.2. Гл.8.

⁵⁴ 10 октября 1913 Л.Л.Толстой писал матери: «Начинается понемногу общественная жизнь. /.../ Дума. Все недовольны и подавлены. Сегодня долго говорил на эту тему с Гучковым. Хочу, чтоб он нашел мне "место", как говорится, за счет оплаты. Так жить нам не хватает» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁵⁵ Он лепил головки детей, осенью 1912 выставил бюсты С.А. и Л.Н.Толстых. Кроме того, на сценах столичных и провинциальных театров одна за другой стави-

С внешней стороны, моя жизнь шла как будто прекрасно, — вспоминал позднее Лев Львович, — но внутри она была пуста и бездушна, так как никто и ничего больше не вдохновляло меня. И к несчастью моему, вместо того, чтобы быть сильным, быть сильнее других и повести других за собой, моя разумная воля слабела все больше, и, наконец, я, чтобы заглушить прежнюю страсть, я отдался новой, которая, как я воображал себе тогда, должна была спасти меня от отчаяния.

Отец в молодости был ярым игроком и проиграл целое состояние. Мой прадед со стороны матери, Исленьев⁵⁶, был игроком еще более ярым. Несмотря на это, он дожил до глубокой старости, никогда не теряя веселого настроения духа. Он имел кучу прекрасных детей, и мне рассказывали, что иногда в одну ночь он проигрывал все свои имения, чтобы в следующую отыграть их и выиграть новые.

Порок игры, таким образом, был во мне наследственным, хотя я мало верю в такую определенную наследственность. Это, скорее, наследственная общая страстность характера.

Как-то зимой 1912-го года меня пригласил один «интеллигент» в игорный притон, называвшийся «Литературно-Художественным О[бщество]м», потому, что в нем играло и ужинало несколько плохих литераторов и артистов, и с этого момента я до такой степени увлекся этим занятием, что часто проводил за ним целые вечера, а иногда и целые ночи⁵⁷.

В ноябре 1913 картежная страсть, в которой натура Льва Львовича нашла наконец выход, привела его на грань скандала. Читатель найдет в его письмах к матери и старшей сестре Татьяне и раскаяние, и мольбу о помощи, и мысли о самоубийстве, и веру в то, что ему удастся укротить себя. Но он преувеличил свои возможности и не сдержал слова, данного и себе, и своим близким. Отныне Л.Л.Толстой словно раздвоился: читатели, зрители по-прежнему встречали его имя на страницах литературных журналов и на афишах театров разных городов страны, а в это время немолодой уже писатель и драматург метался в поисках денег чтобы заплатить очередной долг и... снова сесть за карточный стол.

На какой-то момент Первая мировая война отвлекла Л.Л.Толстого от пагубного увлечения. 6 августа 1914 он уехал «в Польшу на германскую границу уполномоченным Красного Креста»⁵⁸. В Варшаве в Институте Ветеринарии Императрицы Марии Федоровны расположился большой госпиталь. Отряд, в котором работал Л.Л.Толстой, должен был принимать на вокзале раненых и доставлять их в госпиталь.

лись его драмы. И именно в эти годы Л.Л.Толстой интенсивно начал писать стихи. Некоторые из них были напечатаны в журналах «Весь мир» и «Столица и усадьба», но большинство осталось в рукописях. (ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого).

⁵⁶ Александр Михайлович Исленьев (1794-1882).

⁵⁷ См.: Толстой Л.Л. Опыт... Кн.2. Гл.7.

⁵⁸ ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой.

Те немногие дни запечатлены в рассказах и очерках Л.Л.Толстого. В них подкупает живая интонация, достоверность ситуаций, образов и картин⁵⁹.

Но это был лишь просвет в той крошечной тьме, которая заполняла собой жизненное пространство Л.Л.Толстого. Уже в конце сентября 1914, едва вернувшись из Варшавы, он вынужден был признаться С.А.Толстой, что стремительно и неумолимо катится в Петрограде в пропасть⁶⁰. Наступил момент, когда ему стало казаться, что Ангел-хра-

⁵⁹ Наиболее интересен, на наш взгляд, неопубликованный очерк «Из дневника офицера». См.: ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого. Недатированный черновой автограф.

⁶⁰ 21 сентября 1914 в письме с пометой «*Читайте оди:т*» он обратился к матери с мольбой о помощи:

Перехожу к главному, мучающему меня делу. После Ясной летом я был так расстроен тем, что семья уезжала в Швецию, что началась война, что мне опять пришлось нарушить наладившуюся было жизнь и работу в Ясной, что, оставшись один в Петербурге, я опять играл в карты те 10 дней, что был здесь один, и опять, конечно, проиграл, прибавив к прежним долгам новые. Всего у меня семь тысяч долгу, из которых шесть надо заплатить сейчас, а тысячу 1-го января. Денег же совсем нет. Дворник заплатил своих 700 рублей в Кредитное за дом, а бумаги я летом же заложил за пять тысяч и выкупать их нечем. Я сам не понимаю, на что я надеялся, когда все это случилось. Я сделал ужасную подлость и по отношению к Доре, которой я отдал эти бумаги и которые обещал не проигрывать. Теперь надо, во что бы то ни стало, выкупить бумаги за 5 тысяч и еще тысячу рублей заплатить частных долгов. Положение это мучило меня ужасно все время на войне, каждую ночь, а теперь еще хуже потому, что Дора приедет и это, конечно, страшно ее расстроит. Вся надежда у меня и единственная на Вас.

Или я прошу дать мне семь тысяч с тем, чтобы я не получал их впредь, как это случилось с братьями, или дайте мне семь тысяч в долг, чтобы я мог выкупить бумаги и заплатить долги теперь; а по окончании войны я продам бумаги и отдам Вам. Одну из этих комбинаций умоляю мне устроить и, в крайнем случае, если не семь тысяч, то шесть. Будем жить уже скромно на гроши от дома, а эти тысячи от леса, если они аккуратно поступят, истрачу на погашение тысячи рублей частного долга, которую надо уплатить в марте, и на второй срок взноса в Кредитное в марте же. Тогда с Божьей помощью жизнь наладится, так как я клянусь всеми святыми и всем, что есть на свете, что играть я никогда в жизни больше не буду и нога моя не войдет в клубы, где игра. К счастью, азартная игра здесь к тому же запрещена. Если бы они догадались это сделать пораньше и если бы меня кто-нибудь спас от этой ужасной заразы раньше! Но что же тужить о том, чего не вернуть? Можно только каяться и казнить себя.

/.../ Да, Вы правы — мы — порочные натуры и трудно поэтому жить. Жил я хорошо до карт, нет, до Парижа, а вот и свихнулся. Надеюсь, что довольно этих вихляний и довольно я наделал страданий близким, самым любимым мной людям. Каюсь, прошу прощения. Война и время, в которое мы живем, изменяют меня и изменят или, лучше сказать, справят опять на добрый путь, к которому я стремлюсь всю жизнь.

нитель навсегда отвернулся от него. Менялись даты, увеличивалось число городов и стран, видевших его позор, но на долгие годы отчаянная мольба о помощи стала одним из ведущих мотивов его писем⁶¹.

Соперничать с этим мотивом могла только другая сквозная тема его теперешней жизни: нескончаемый спор с отцом как Учителем человечества⁶².

Тем более важно отметить тот короткий миг, когда вдруг, может быть, даже неожиданно для самого себя Лев Львович почувствовал внутреннее тяготение к учению отца, к его личности, как это было с ним в ранней юности. Осень 1918 подарила Л.Л.Толстому новую и, к сожалению, последнюю встречу с духом отца.

Произошло это в Петрограде, после возвращения Л.Л.Толстого из кругосветного путешествия и мучительного разрыва с очередной возлюбленной — бывшей гувернанткой его племянников, красавицей Мадлен⁶³.

Из газет Лев Львович знал о событиях в России, но при ближайшем рассмотрении ситуация оказалась куда хуже, чем он мог предположить. Жена с детьми была в Швеции, а его — впервые за двадцать лет! — туда не впустили⁶⁴. Речь шла не о персональном отказе Л.Л.Толстому, а о стремлении западных стран приостановить поток беженцев из России.

Я хотел на словах рассказать Вам обо всем этом, но язык не повернулся. Стыдно, гадко, омерзительно.

Очень прошу Вас выручить меня и успокоить; может быть, это будет Вам трудно сейчас; тогда можно немного подождать. Но следовало бы сейчас, потому что с заложенных бумаг я не могу получить процентов, а они необходимы на жизнь. Если можете, устройте это дело поскорее и постараемся все его забыть. Я же могу только все силы приложить на то, чтобы жить лучше, на то, чтобы искупить мои дурные года жизни, считаю с 42 лет до нынешней войны.

/.../ Безумие мое прошло и не вернется вновь. Бог мне поможет. /.../
Одна надежда на Вас, и это мне тем более невыносимо тяжело. Еще простите и примите это мудро.

Лев

(ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Ед.хр.14606. Л.1-6об.)

⁶¹ 11 июля/28 июня 1933 Т.Л.Сухотина-Толстая писала старшему брату Сергею из Рима в Москву: «От Левы из Парижа постоянные отчаянные письма. Играет, денег нет, одинок» (ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого). А 19 ноября 1933 добавила: «Видела недавно в Париже, куда ездила на несколько дней, несчастного Леву — путаного, бестолкового, одинокого. Как только есть деньги — играет» (Там же).

⁶² На это постоянно жаловалась и Т.Л.Сухотина-Толстая. Так, 9 мая 1936 она писала Сергею Львовичу из Рима: «Недавно отсюда уехал несчастный Лева. Бестолковый, бестактный, весь сосредоточенный на самом себе. Считает себя гением, нисколько не ниже отца. Отца же ненавидит: когда может — говорит о нем с осуждением» (ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого). 31 января 1937 она вынуждена была вновь повторить: «Отца он бранит направо и налево и говорит, что он его стыдится. Часто, когда его спрашивают, родственник ли он Л[ьву] Н[иколаевичу], — он отрывается. Это мое больное место, мой вечный крест. Потому что я не могу не жалеть его — он ужасно жалок и одинок» (Там же).

⁶³ Л.Л.Толстой выехал из Петрограда во Владивосток в начале декабря 1916. (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. См. также: Л.Л.Толстой. Опыт... Кн.2. Гл.10-12).

⁶⁴ ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой.

Именно в это смутное время Л.Л.Толстой начал выпускать *свою* газету. Он давно мечтал о постоянной трибуне для общения с читателем, но до конца осознал это только в августе 1918. Весной 1905, когда он предложил создать *народную* газету, начинание не удалось не из-за того, что никто не дал на нее денег, а из-за ложной концепции⁶⁵. И лучшим доказательством этого стала *авторская* газета, ласково названная им «Восточкой» и возникшая буквально на пустом месте⁶⁶.

И хотя газета просуществовала считанные дни⁶⁷, культурно-просветительская ценность ее несомненна. В жизни и мировосприятии Л.Л.Толстого наметился поворот, которому, к сожалению, не суждено было закрепиться. Впервые в «Восточке» два Льва Толстых не спорят, не противостоят друг другу, как непримиримые антагонисты, а *дополняют* один другого. Словно испукая свою вину за страшное лето 1910, Лев Львович через восемь лет после смерти отца нашел наконец в его сочинениях то, что не только «темным» было нужно и понятно, но оказалось жизненно важно и ему самому.

В первом же номере газеты Л.Л.Толстой писал: «"Восточка" хотела бы иногда напоминать читателям великие мысли великого мирового искателя правды. В каждом номере мы будем помещать мысли из "Круга чтения" в его память» (№1. С.4). Фрагменты печатались с подзаголовком: «Свод мировой мудрости и завещание духа Льва Николаевича».

Через день, 26 августа 1918 в статье «Перед рассветом», посвященной великому будущему России, Л.Л.Толстой подчеркнул: «Мы — центр мирового интереса, как бы душно о нас ни думали сейчас и ни говорили иностранцы. Мы для них центральный интерес — и духовный, и материальный. Вышнее слово, сказанное человечеству, было сказано ему Толстым из Ясной Поляны. Хлеб духовный» (№2. С.1).

В следующем номере газеты, 27 августа, Лев Львович посвятил дню рождения отца следующее обращение:

К читателям ЗАВТРАШНЯЯ ГОДОВЩИНА...

90 лет тому назад, 28 августа 1828 г., родился в с. Ясной Поляне Тул[ьской] г[уб.] Л.Н.Толстой, занимавший умы челове-

⁶⁵ 8 марта 1905 Суворин убеждал его: «Дорогой Лев Львович /.../ Вся редакция против напечатания Вашего письма в редакцию относительно сбора денег на издание газеты. На Вас поднимутся насмешки, а денег Вы все равно не соберете. Откуда они возьмутся? Собрать деньги при помощи обращения к публике вообще едва ли практично. Начинайте газету просто, как начинают другие. Если Вы убеждены в том, что она пойдет, отчего же не риснуть? Все газеты, начавшие издаваться, имеют успех. Нет никакого основания думать, что Ваша не будет его иметь» (ОР РНБ. Ф.115. Ед.хр.66. Л.23).

⁶⁶ См. письмо Л.Л.Толстого к матери от 23 августа 1918 (ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого).

⁶⁷ Первый номер газеты вышел 24 августа 1918, а последний, десятый, — 6 сентября. Однако полного комплекта «Восточки» обнаружить не удалось: отсутствует 6-й номер газеты, возможно, изъятый властями за крамолу, которую в 1918 они вылавливали повсюду.

ства в течение полувека. Мы хотели бы напомнить читателю «Весточки» в общих выводах те великие задачи жизни, какие затронул Толстой своим мировым гением, и те основы понимания и поведения, какие завещал нам:

1) *Религия* — основа жизни. Надо верить. Надо совершенствоваться и молиться. Надо понимать, что без Бога в сердце нет любви, а без любви нет жизни. Все начинается и кончается религиозным чувством. Все очищается и решается им. Если хотите жить: верьте в благо. (Царство Божье внутри вас).

2) *Труд* физический обязателен для каждого. На земле, в деревне этот труд естественнее и целесообразнее, чем в городе. Идите в деревню, на землю, пахать, косить, сажать, рубить и жать, — все будете счастливей. (Так что же нам делать).

3) *Чистота* жизни есть необходимое условие счастья. Чистота в мыслях, чувствах и половой жизни. (Крейцера Соната).

4) Не делайте ничего противного вашей христианской совести. Только в этом спасение мира от зла. (В чем моя вера).

5) Усилим над своей душой и разумом старайтесь постоянно совершенствоваться. Царство неба усилием берется.

Изучение Толстого будет делом будущего. Бесконечного будущего. Мы пока можем лишь рекомендовать всем и каждому читать и изучать Льва Николаевича по мере возможности, в свободные часы брать из него для своей жизни то, что скрашивает и улучшает ее, то вечное, что когда-нибудь должно объединить нас в одно единое братство.

Толстой имел на современный ему мир и особенно Россию такое огромное влияние, о котором многие из нас и особенно за границей не имеют представления. Пусть же это влияние и сейчас, в эти тяжелые дни, будет огромно в смысле смягчения, благородства, согласия, доброты, единения правды и мира.

«Я не живу, когда теряю веру в существование Бога; ведь я бы уже давно убил себя, если бы у меня не было смутной надежды найти Его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Так чего же я ищу еще? — воскликнул во мне голос. — Так вот Он. Он есть то же. Бог есть жизнь»⁶⁸.

В этих словах из «Исповеди» весь Толстой.

В наше время пусть они найдут отклик в наших сердцах.

(№3. С.1)

На страницах маленькой газетки на плохонькой серой бумаге два Льва Толстых впервые по-настоящему обрели друг друга. Умудренный жизнью гений жил, как всегда, проблемами вечности, думал о неразгаданных тайнах бытия... Его сын горел, страдал сиюминутным, быстро проходящим, но причиняющим истинную радость или боль. Он искал свой путь в этом разрушенном мире, свою правду и впервые за долгие годы

⁶⁸ Л.Л.Толстой не вполне точно цитирует «Исповедь». Ср.: Т.23. С.45-46.

вновь обретал ее в жизненном, интеллектуальном, художественном и философско-эстетическом пространстве яснополянского мудреца. Фрагменты из «Круга чтения» воспринимались как гениальный аккомпанемент к отрывкам из очерка Л.Л.Толстого о кругосветном путешествии⁶⁹.

Вот на этой волне только-только начинавшегося приближения к Учению отца Л.Л.Толстой покинул Россию. Все решилось неожиданно быстро: сначала Швеция дала разрешение на 2 дня проведать семью, потом Норвегия сняла все ограничения, и не ехать Лев Львович Толстой уже не мог.

Во вторник 24 сентября 1918 он в последний раз видел Петроград. Он не верил, что уезжает навсегда, иначе, конечно, заехал бы проститься с матерью. Пароход отплывал в Норвегию, а потом дорога увела Толстого во Францию, Италию, Америку и Швецию...

В Европе и Америке Лев Львович жил трудно, постоянно нуждался, держался особняком, вдали от всех групп русской эмиграции. Человек европейской культуры, он так и не сумел там до конца реализовать заложенные в нем способности. Его талант писателя, мемуариста, скульптора и художника радовал лишь отдельными всплесками. Не только из-за пристрастия к картам. Мысленно он все еще жил в России и до конца дней продолжал вести свой нескончаемый спор с отцом — спор длиной в целую жизнь.

Образ отца всегда стоял перед ним. И там, где литератор полемизировал с учением Толстого, скульптор и художник словно стремился искупить грехи последнего лета 1910. Он рисовал отца с кричащим ртом и пронзительными глазами — таким, каким, вероятно, видел в последние дни перед своим отъездом из Ясной Поляны⁷⁰...

Лев Львович так и не увидел милую Ясную Поляну, которую хотел посетить⁷¹. В последнем из дошедших до нас писем Л.Л.Толстого к старшему брату С.Л.Толстому от 19 мая 1945 был подведен своеобразный итог прожитой жизни: «Через несколько дней будет мне 76 лет, жизни кончается, но никогда голова не была светлей и никогда прежде я не сознавал, сколько верного и нужного людям я мог бы им сказать. Кое-что все же делаю в этом смысле, но больше для будущих людей, если они чудом заинтересуются моими идеями и узнают их»⁷².

⁶⁹ См.: Толстой Л.Л. Вокруг света во время войны и революции: С декабря 1916 года по август 1918 года: Краткие очерки // Весточка. Пг., 1918. №1-10. Публикация эта не была завершена, т.к. газета перестала выходить.

⁷⁰ См. один из таких рисунков: Иллюстрированная Россия (Париж). 1928. 4 февраля. №6. (144). С.2. Фотографию с другого рисунка Л.Л.Толстой 10 июня 1927 отправил М.Горькому, сопроводив замечанием: «Посылаю Вам на память по памяти сделанный мной рисунок. Глаза, кажется, его» (ОР ИМЛИ. Архив М.Горького. КГ-II. №31968. Л.1об.-2).

⁷¹ Отвечая на письмо Льва Львовича от 6 апреля 1935, его брат Сергей писал: «Ты пишешь, что мечтаешь о возвращении в Россию. Несмотря на мое большое желание тебя увидеть, я бы тебе очень не советовал приезжать, почему — трудно объяснить в письме» (ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого. Недатированный черновой набросок).

⁷² Там же.

Через несколько месяцев, 18 октября 1945, Л.Л.Толстой умер в маленьком городке Холзингборг, что в 20 километрах от имения его сына Петра, где Лев Львович провел последние восемь лет жизни⁷³.

Возвращая читателю имя Л.Л.Толстого, мы не случайно начинаем с мемуаров и дневников. Они дополняют наше представление об атмосфере яснополянского дома и семейной драме Л.Н.Толстого. В этом и заключается историко-литературная и научно-биографическая ценность публикуемых документов. Они насыщены образами Ясной Поляны и витающей над родным гнездом души гениального художника и мыслителя⁷⁴.

ДАННЫЕ МОЕЙ ЖИЗНИ с 1869 по 1901 (весной)

Родился в 1869 году 20 мая в Ясной Поляне. Отец много раз вспоминал о дне моего рождения и, должно быть, волновался тогда. Он ходил гулять с доктором Кнерцером¹, и я без них, кажется, родился. Я был четвертым ребенком. Родился после двух неудачных рождений у матери. Беременная мною мать лежала первые 4 месяца. Детство мое я отчасти описал в «Яше Полянове»². Няня, английские miss, мать, отец, братья, сестры, охота, деревня.

В 1881 году я держал экзамен в тульской гимназии во 2-ой класс и показал успехи удовлетворительные. Это было сделано, чтобы испытать меня. В 1881-й год осенью мы переехали все в Москву и меня отдали в гимназию Поливанова³ во 2-ой класс. Но я был мал для гимназической жизни, учење не шло и меня после года взяли домой⁴. Отец взял для меня из Катковского лицея учителя, ломоносовца⁵, с которым я должен был заниматься дома⁶. Но никто не следил за мной. Отец с 1881 года потерял спокойствие, стал писать уже в другом направлении и не до меня ему было. Опять меня отдали в гимназию по моей же просьбе. Вообще возились со мной в те годы много. Я два года просидел в 4-м классе. Причиной это[го] было, во-первых, то, что я потерял время дома, взятый отцом из гимназии⁷, во-вторых, то, что веснами я болел сильными лихорадками.

С 5-го класса я уже легко прошел гимназию до конца и кончил ее в 1889 году, поступив на медицинский факультет.

⁷³ Т.Л.Сухотина-Толстая известила об этом старшего брата в мае 1946 (ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого).

⁷⁴ Помимо дневниковых и мемуарных фрагментов, посвященных отцу, осенью 1914 Лев Львович «начал писать поэму, главными действующими лицами которой были его отец, брат Андрей и он сам». См.: Толстой Л.Л. Опыт... Кн.2. Гл.8. Других сведений об этой поэме не обнаружено.

Время моей гимназии вспоминается мне еще как время близкого участия и сочувствия отцу в его умственной и религиозной ломке. Бывало, вечера я проводил у него в накуренном кабинете, слушая речи отрицания и негодования против всего существующего. И я, конечно, верил и сочувствовал отцу беспрекословно. Однако, гимназию я все-таки кончил. В университете я разочаровался⁸. Медицина не давала мне того, что я ожидал. Преподавание университетское отталкивало⁹. Я описал это время отчасти в романе *Поиски и примирение*. Пробыв год на медицинском факультете, я перешел на филологический.

Летом студентом я ездил по России¹⁰. В 1891-м году осенью я поехал в Самарскую губер[нию] на голод в ту местность, где у отца были земли, где мы живали в детстве¹¹ и где я был в 1891 году летом проездом¹².

На голоде я прожил всю зиму и это было одно из самых поучительных времен моей жизни. Я описал его в книге *«[В] голодные года»*. Вернувшись с голода, я уже не мог продолжать университетских сухих занятий. Я стремился в жизнь¹³. Мне предстояла еще воинская повинность, к которой я, под влиянием мыслей на голоде и под влиянием книги отца *«Царство Божье»*, которую он тогда писал и много говорил мне¹⁴, — относился с ужасом и отрицанием, и мне хотелось скорее покончить с ней¹⁵.

В 1892-м году я вышел из университета и поступил в стрелковый гвардейский 4-ый батальон Императорской фамилии и переехал в Царское Село.

Вследствие физического истощения моего и нервности меня освободили от службы¹⁶. Смотрите роман *«Поиски и примирение»*¹⁷.

Я сбросил постыдный, каким он мне тогда казался, мундир, я даже не имел тогда моей фотографии в стрелковой форме, хотя меня многие просили об этом, и уехал в деревню, мечтая продолжить службу народу.

Я думал купить себе землю и поселиться на ней, устроив школу для народу, библиотеки, чтения и т.д. Но когда я поехал искать себе имение, уже полубольной, истрепанный нервно и нравственно, — мои мечты разбились о действительность. Я не мог себе представить, что я буду делать и как жить в тех глухих деревнях, какие я видел и смотрел. И я больной вернулся в Москву, потом в Ясную Поляну¹⁸.

С этого 1893-го года и началась моя длинная болезнь. Сначала я лечился дома, потом поехал к Захарьину¹⁹. Захарьин отправил меня на юг Франции, куда я сам, впрочем, стремился²⁰. В Cannes я поправился, но скучал и по дороге домой в Париже мне стало

гораздо хуже. Доктора парижские Potain и Brissaud испортили мне желудок железом и лекарствами²¹. Я выписал сестру в отчаянии, что погибаю²². Сестра увезла меня в Москву. Это было уже в 1894 году²³. Весной этого же года я совсем больной уехал в Ясную²⁴, потом осенью опять переехал в Москву²⁵ и только весной 1895 года я уехал в санаторий Ограновича, под Москвой²⁶. Мне хотелось куда-нибудь хоть уехать из нервной, тяжелой домашней обстановки, где я болел без конца, где отец, казалось, молча упрекал меня за мою болезнь, и думал, что от меня самого зависело поправиться²⁷, где мать своим бестолковым поведением только ухудшала мое состояние²⁸. Эгоистическая жизнь отца тут была особенно тяжела мне. У Ограновича я стал глотать хину и есть гречневую кашу и лежать на снегу. Слабость моя была еще страшная, но желудок стал лучше.

Огранович, спасибо ему, весной отправил меня в Hangö в Финляндию, находя, что вся моя болезнь на лихорадочной почве и что мне поэтому надо жить на сухой почве. В Hangö, действительно, я настолько поправился, что мог ходить гораздо больше.

Осенью, чтобы не возвращаться в замучившую меня нервную домашнюю обстановку, я уехал из Финляндии в Швецию, прослышав о докторе Вестерлунде и инстинктивно удаляя себя от дома.

У Вестерлунда я прожил всю осень 1895 года и весну 1896-го года до 15 мая, когда я женился на его дочери.

С женитьбой болезнь моя совершенно прошла. Осенью 1896-го года я привез жену в Ясную. Мы жили с ней здесь всю зиму и на лето 1897-го года [уехали] в Швецию. Год у нас не было детей. В 1898-м году весной, 8-го июня, родился Левушка. Теперь я хозяйничал в Ясной²⁹, писал и был счастлив. В 1899-м году весной мы снова уехали в Швецию, жили в ней до января 1900 года, когда уехали на юг во Францию и Италию³⁰. Здесь жена носила второго сына, Павла. После 1900 года мы вернулись в Ясную³¹, и 20-го июля родился Павел. Летом я был на вершине личного счастья. Издавал книги³², гордился сыновьями. Семья, дело — все, казалось, удавалось. Осенью я хотел переехать в Петербург, но грудной Павел этому препятствовал. Было решено остаться еще зиму в деревне и купить тем временем свой дом в Петербурге, чтобы потом не переезжать с квартиры на квартиру. Я взялся за это. В декабре я приехал домой³³, три раза ездил в Петербург³⁴ и поплатился за это жизнью старшего сына. Я говорю поплатился потому, что, кабы я жил дома, я, зероятно, был бы спокойнее. Кабы я был спокойнее, я бы увидел, что нельзя было возить кататься 2-х летнего ребенка зимой в санях и оставлять его в них спать.

24 декабря, в ночь под Рождество, Левушка умер у нас на руках от воспаления мозга. Моя мечта, Лев III, любимый внук семьи, мой дорогой ребенок ушел от нас. Удар этот был так силен, что перевернул всю мою душу, убеждения, мысли³⁵. Вся весна наступившего теперь 1901-го года для нас — сплошное горе³⁶. Я написал две драмы³⁷, занимался и другим³⁸, но все уже не то, не то.

Вопросы более важные все глубже мучают и занимают.

Господи, помоги мне дальше. Я такой слабый, недобрый, несправедливый, недостойный, несчастливый.

Господи, помоги мне на сегодня и на завтра — навсегда. Весной мы думаем ехать в Швецию опять с бедной моей Дорой³⁹.

27 марта 1901 [года].
с. Ясная Поляна.

Автограф хранится в ОР РНБ (Ф.762. Ед.хр.1. Л.1-3об.). Выделенные курсивом слова в тексте подчеркнуты Л.Л.Толстым. Это один из вариантов автобиографии, написанный Л.Л.Толстым, вероятно, для «Критико-биографического словаря» С.А.Венгерова. Другой вариант, доведенный до 1891 года, см.: ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.1. Л.1-4. В архиве Венгерова сохранилось также письмо Льва Львовича из Швеции, с ответами на вопросы, касающиеся его биографии. В дополнение к биографическим сведениям Толстой послал также список своих книг, вышедших к этому времени. Этот список позволяет датировать все названные документы 1901 годом. См.: ИРЛИ. Ф.377. I собр. Ед.хр.2743. Л.1-5.

¹ *Кнерцер* Николай Андреевич (1833-?) врач-терапевт в Туле, лечивший семью Толстых.

² Первоначально это произведение под заглавием «Яша Полянов. (Из воспоминаний детства)» печаталось в детском журнале А.Н.Альмедингена «Родник» (СПб., 1898. №1-5). Книга выдержала два издания. См.: Толстой Л.Л. Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства. М., 1899. Второе издание не датировано, но на основании писем Л.М.Вольфа к Л.Л.Толстому от 30 сентября и 26 октября 1905, в которых обговаривались и уточнялись условия второго издания, можно предположить, что оно вышло в начале 1906 (ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.232. Л.1-4). См.: Толстой Л.Л. Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства. / С рис. А.К.Бальдингера. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О.Вольф, [Б.г.].

³ *Поливанов* Лев Иванович (1838-1899) — педагог, историк литературы, директор частной мужской гимназии в Москве, учрежденной им вместе с сослуживцами в 1867. Гимназия помещалась на Пречистенке, в Дежневом переулке, неподалеку от дома княгини Волконской, который в 1881 сняли Толстые. О Поливанове Л.Л.Толстой сохранил самые добрые воспоминания. См.: Толстой Л.Л. Памяти Л.И.Поливанова: К 10-летию со дня его кончины // Новое время. 1909. 4 (17) марта. №11845. С.5.

⁴ Т.Л.Толстая записала в дневнике: «Поливанов советовал его [брата Лелю. — В.А., С.З.] оставить в третьем классе, но папá предпочел его из гимназии взять и учить дома. Мама́ сначала была очень недовольна, но теперь, кажется, помирилась с этим». — См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984. С.54.

⁵ Лицей в память цесаревича Николая возник из частного пансиона, затеянного в 1868 бывшими профессорами Московского университета М.Н.Катковым и П.М.Леонтьевым. В Катковском лицее учились младшие сыновья Толстого — Андрей и Михаил.

При Лицее была Ломоносовская учительская семинария, благодаря которой Лицей был доступен для всех сословий. В Ломоносовской семинарии казеннокоштные воспитанники жили и учились особым отделением в младших классах по усеченной программе. Сюда принимали, главным образом, детей небогатых родителей духовного и простого звания, обративших на себя внимание способностями и усердием к наукам. См.: В Катковском лицее: Записки старого пансионера (1875-1882): В 2-х выпусках. Вып.1. М., 1908. С.7, 55-57; Историческая записка Императорского Лицея в память Цесаревича Николая за XXX лет (1868-1898). М., 1899. С.398-408.

⁶ Имя этого наставника осталось неизвестным, т.к. он пробыл у Толстых очень недолго: лето и осень 1883. 16 июня 1883 С.А.Толстая писала мужу из Ясной Поляны в самарское имение: «Сейчас приехал учитель Лёлин, и он учится; кажется идет хорошо и малый симпатичный, хотя иногда ненатурально развязен, как часто молодые» (Толстая С.А. Письма к Л.Н.Толстому. М.; Л., 1936. С.224). Упоминание об этом учителе встречается еще несколько раз, а потом следы его теряются. Позднее С.А. вспоминала: «После того, как Лев Николаевич взял Леву из гимназии, он пошел к Грингмуту, директору Лицея Цесаревича Николая, и просил его рекомендовать хорошего учителя Леве и следить за его образованием. Сам Лев Николаевич хотел наблюдать за учением Левы и делать ему время от времени — экзамены.

Грингмут прислал учителя, глупого франта, бывшего лицеиста, который учил очень дурно и больше рассказывал Леве о своих похождениях. Никогда никто не слушал уроков этого бессовестного учителя, и ни Грингмут, ни Лев Николаевич ни разу никак не отнеслись к образованию Левы и его успехам». См.: Толстая С.А. Моя жизнь: [В 8 частях]. — (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Машинопись).

Владимир Андреевич Грингмут (1851-1907) с февраля 1879 по 1 января 1894 был старшим учителем в Лицее, а с 1 января 1894 по 1 сентября 1896 был его директором. — Историческая записка Императорского Лицея в память Цесаревича Николая за XXX лет (1868-1898). М., 1899. С.183-184. В 1897-1907 — редактор «Московских ведомостей», в 1905 — основатель и лидер Русской монархической партии.

⁷ В своих воспоминаниях С.А.Толстая приводит письмо Поливанова, огорченного тем, что его в свое время не послушали: «Лев во всем пошел назад, кроме русского правописания. Сверх того, *настроение* к худшему.

Прежде очень заботливый и старательный успеть в учебном деле, ему тогда даже непосильном, теперь он сделал впечатление какого-то равнодушного ко всякому успеху мальчика. Замечена и нервность, так что его едва можно лишить отдыха летом. Все это привело меня к заключению, что его путь в гимназию испорчен непоправимо...» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁸ Впоследствии Лев Львович сожалел, что не завершил учебу и не получил должного образования. В июле 1903 он делился с матерью своими планами переезда в Москву и поступления вновь на медицинский факультет. (См.: Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.95). По просьбе Л.Л.Толстого летом 1903 П.А.Буланже наводил справки о возможности восстановления бывшего студента в университете. Выяснилось, что можно вернуться без экзамена на тот же курс, с которого Толстой уволился ранее. (ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.202. Л.8). Однако болезнь жены Льва Львовича и необходимость ее длительного лечения в Египте воспрепятствовали реализации этого плана.

⁹ В марте 1890 Л.Л.Толстой писал матери: «Университет, это великое, святое дело — наука, это громадное заведение, стоящее столько денег и хлопот, к чему это? Чтобы приготовить настоящих людей: юристы, чтобы на каторгу ссылать (на днях видел на вокзале ужасные сцены, проводы ссыльно-каторжных на Сахалин), филологи, чтобы в гимназиях мучить и вытягивать лучший сок из молодежи, математики, чтобы с ума сходить или врать никому не нужный вздор, про естественников и говорить не стоит, чтобы всю жизнь играть в игрушки, как за этот нерв возьмешься, так рука подымется, а за этот — нос, а мы, медики, чтобы в больницах людей живых резать и убивать их, как недавно один профессор, и говорить потом студентам, что это необходимо, иначе нельзя, мы можем и ошибиться, но это *полезно*, потому что мы на этом *учимся*. Вообще просто одна грусть, это животное скверное — человек». — ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Курсивом выделено подчеркнутое Л.Л.Толстым. Датируется по содержанию. Ср. запись в Дневнике Л.Н.Толстого от 25 марта 1890: «Приехал Лева. Хорош. Хочет продолжать на филологическом. Я поговорил с ним» (Т.51. С.31).

¹⁰ Письма к С.А.Толстой позволяют восстановить маршрут этой поездки. В начале июля 1891 Лев Львович плыл по Волге до Самары, оттуда поездом 11 июля прибыл на хутор А.А.Бибикова, 31 июля выехал в Астрахань, Баку, Тифлис, Владикавказ и Кисловодск. В конце августа вернулся в Ясную Поляну, где 25 августа состоялась свадьба М.А.Кузминской с И.Е.Эрдели. См.: ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой; Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.199-208.

¹¹ Летом 1873 и 1875 Толстые всей семьей выезжали на кумыс в свое новое имение в Бузулукском уезде Самарской губернии. См.: Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1975. С.37, 45.

¹² Через три дня после приезда в самарское имение Л.Л.Толстой 14 июля 1891 писал матери: «Теперь про урожай и голод, чем здесь все

заняты и озабочены. Все выгорело так, что трудно собрать даже семена. Мужики бедствуют ужасно. Нанимаются работать за бесценок только для того, чтобы не умереть с голоду. В первый раз вижу я такое явление» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

¹³ Л.Л.Толстой вышел из университета 12 октября 1892. Через три недели он поехал в Царское Село отбывать воинскую повинность.

¹⁴ Над трактатом «Царство Божие внутри вас» Л.Н.Толстой работал с декабря 1890 по май 1893.

¹⁵ Еще весной 1890 настроения были иные: Лев Львович собирался тогда выйти из университета, поступить во флот и отправиться в кругосветное путешествие. После встречи с П.И.Бирюковым он писал из Москвы в Ясную Поляну 11 марта 1890: «Поша своими рассказами, желая показать мне трудности нравственные, не физические, физических я не боюсь и их совсем не так много, только убедил меня, что флот — прекрасная, поучительная, интересная и закрепляющая и школа и жизнь, с чем он и сам согласен и вспоминает все это с большим удовольствием. Одно только горе, что не принимают без протекции людей, не окончивших высшее учебное заведение, и что поэтому надо хлопотать и обращаться к высоким людям за протекцией» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Датируется по почтовому штемпелю на конверте). Желание Л.Л.Толстого служить во флоте не нашло сочувствия в семье и осталось нереализованным.

¹⁶ На военной службе Л.Л.Толстой находился менее двух месяцев. 2 ноября 1892, т.е. на следующий день после того, как приехал в Царское Село, он писал матери: «Сегодня узнал, что м[ожет] б[ыть], меня через два месяца отпустят, как Ивана Цингера в Туле. Были такие случаи, когда вольноопред[еляющиеся] не подходят духом к воен[ной] службе. Тогда находят, что они не годятся, и отпускают. Впрочем, боюсь этому радоваться заранее. Все покажут обстоятельства. Готовлюсь же на целый год испытания. Вы об этом ни с кем не разговаривайте пока. *Но это было бы великое счастье.* Главное, сам же ротный командир мой будущий — Озеров, хороший, говорят, человек и влиятельный в батальоне, через Льва Иславина, котор[ый] служил в батальоне, сделал мне это предложение. Завтра я увижу Озерова сам» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Курсив наш. — В.А., С.З.). Последнее письмо из Царского Села датировано 16 декабря 1892 (Там же), а 23 января 1893 Л.Л.Толстой с радостью сообщил матери, что он уже свободен и находится в Петербурге у Кузминских (Там же. Датируется по почтовому штемпелю). В Москву Лев Львович вернулся 31 января 1893. См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н.Толстому. Указ. изд. С.553.

¹⁷ Пребыванию Коли Глебова, главного героя романа, в гвардии в Царском Селе посвящены главы XIX-XXI третьей части. См.: Ежемесячные сочинения (СПб.). 1902. №9.

¹⁸ Пробыв в Москве несколько дней, Лев Львович уехал в Ясную Поляну и месяц провел в поисках имени. (Толстая С.А. Письма к Л.Н.Тол-

стому. Указ. изд. С.553-556). По возвращении в Ясную Поляну 24 февраля 1893 он произвел на отца удручающее впечатление. 25 февраля Лев Николаевич писал жене: «Лева не поправился, и мне жалко смотреть на него, как из такого жизнерадостного красивого мальчика сделался такой болезненный. Хотя я надеюсь, что это пройдет. Духом он бодр и весел». (Т.84. С.188). В мае-июле 1893 Л.Л.Толстой ездил на кумыс в сармское имение. См. его письма к матери (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой) и ее воспоминания (Моя жизнь... Часть VI. — Там же).

¹⁹ В конце июля 1893 Лев Львович вместе с сестрой Татьяной был у Григория Антоновича Захарьина (1829-1896), врача-терапевта, профессора Московского университета, лечившего семью Толстых. (Толстая С.А. Моя жизнь... Ч. VI).

²⁰ По воспоминаниям С.А.Толстой, это был совет не Захарьина, а доктора Федора Григорьевича Флерова (1838-1910). — Там же. Л.54-56. Он же в октябре 1893 рекомендовал молодого доктора Горбачева, с которым 14 ноября 1894 Л.Л.Толстой уехал на юг Франции. См. также: Толстая С.А. Письма к Л.Н.Толстому. Указ. изд. С.583-584.

²¹ 2/14 марта 1894 Т.Л.Толстая писала матери из Парижа, что Лев Львович болезненно несправедлив к профессорам Парижского университета К.Потэну и Э.Бриссо. Из дневниковых записей Т.Л.Толстой видно, что советы Бриссо помогали Льву Львовичу. См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.322.

²² 25 февраля (н.ст.) 1894 Лев Львович писал из Парижа домой: «Я жду тебя, милая Таня, если ты еще не уехала по телеграмме. Возьми меня, свези домой и свяжи и лечите. Мне нужны люди свои, обычная тихая и скучная жизнь и нянька или я лягу в московские клиники. /.../ Доехать домой — доедем. Но я хочу домой, непременно сейчас — одно спасенье! Климат ни при чем — тоже я повторял это сто раз. А сейчас мне так скверно, что хоть кидайся в Сену и боль эта — не острая, а постоянная, исключаяющая все нервы, всю душу, — просто беда. /.../ Если захотите меня вылечить, то вылечите, потому что говорят же, что это поправимо. Сейчас снесу телеграмму. /.../ Нужна больница, *диета, надзор*» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Выделено Л.Л.Толстым). Получив это письмо и телеграмму от Шарля Саломона о крайне болезненном состоянии Л.Л.Толстого, Татьяна Львовна 15 февраля (ст. ст.) 1894 выехала в Париж. Утром 19 февраля / 3 марта 1894 она была у брата и всячески старалась облегчить его положение. См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.303-315.

²³ 14 марта 1894 Т.Л.Толстая увезла брата из Парижа. Вечером 18 марта они были в Москве. — Там же. С.336-340. Ср. также Т.87. С.265.

²⁴ В Ясную Поляну Л.Л.Толстой приехал 11 мая 1894 (См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.354).

²⁵ В конце июля 1894 Л.Л.Толстой вместе с сестрой приехал в Москву для консультации у профессора Захарьина. (Там же. С.365).

²⁶ В феврале 1895 Л.Л.Толстой был помещен в санаторную колонию для нервных больных, основанную доктором Михаилом Петровичем Ограновичем (1848-1904) близ деревни Аляухово Звенигородского уезда Московской губернии в 1889.

²⁷ Не только Л.Н.Толстой, но и Т.Л.Толстая считали, что с болезнью можно справиться — при наличии внутренней душевной работы над собой. Еще в Париже, 22 февраля / 6 марта 1894 Т.Л.Толстая заметила: «Лева все плохо и ужасно духом низко пал. Избави Бог мне его осуждать: я, может быть, была бы гораздо хуже его; но грустно видеть человека, который так снял с себя всякие нравственные обязательства. Часто он опоминается и старается думать не только о своей болезни, но сейчас же опять в нее погружается» (Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.317-318). Что касается Л.Н.Толстого, то он, до беседы с Ограновичем, действительно, не мог привыкнуть к болезни сына и найти верный тон в обращении с ним. (См.: Т.52. С.124-126, 130, 132). 21 февраля 1895 интонация в Дневнике Л.Н.Толстого меняется: «Вчера Огранович помог мне отнестись справедливее к Лева. Он объяснил мне, что это скрытая форма малярии — гнетучка. И мне стало понятно его состояние и стало жаль его; но все не могу вызвать живого чувства любви к нему» (Т.53. С.10). «Бедный Лева, как он мучился тем недобрый отношением отца к себе все это последнее время, — записала С.А.Толстая 4 августа 1894. — Вид больного сына мешал спокойно жить и сибаритствовать — вот это и сердило отца. Не могу вспомнить без боли эти черные, болезненные глаза Левы, с каким упреком и горем он смотрел на отца, когда тот упрекал ему его болезнь и не верил страданиям» (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.223).

²⁸ Ср. сцену, описанную С.А.Толстой 11 января 1895. (Там же. С.229).

²⁹ В архиве Л.Л.Толстого сохранились 22 письма к Вячеславу Дмитриевичу Ляпунову (1873-1905), который — в отсутствие Льва Львовича — был управляющим Ясной Поляной. Высоко оценивал Ляпунова и Л.Н.Толстой. См.: Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С.411. «Вспахан ли сад, приготовлен ли он под посев весенней тимофеевки? Вспахано ли под овес плугами, по возможности? — спрашивал Лев Львович Ляпунова в письме из Стокгольма 28 октября 1899. — Срезана ли и покрыта ли спаржа? Как лошади? Жеребы ли кобылы? Режет ли садовник дичь и зайловые побеги в саду? Прошу обстоятельно ответить. До Стокгольма письма идут быстро. Я не думал забывать Вас, а ждал от Вас подробного письма /.../ Жму Вашу руку, желаю здоровья и бодрости на дело. Вам виднее, какое полезное дело и нужное можно сделать, находясь на месте управляющего Ясной Поляны. Поклон жене, о здоровье которой прошу нам написать» (ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого).

³⁰ В последних числах января Толстые приехали в Париж, затем в Канны. В конце февраля 1900 они были уже во Флоренции и торопились в Рим, где в то время находилась Т.Л.Сухотина-Толстая с мужем. См. письма Л.Л.Толстого к матери из-за границы (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

³¹ В Ясную Поляну Л.Л.Толстой с семьей вернулся в начале апреля 1900. (Т.54. С.20).

³² В голодные года: Заметки и очерки. М., 1900; Прелюдия Шопена и другие рассказы. М., 1900; Против общины: Три статьи. М., 1900; Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. М., 1900. (На обл. — 1901. Однако цензурное разрешение — 30 сентября 1900. Кроме того, в письме к С.А.Толстой от 11 ноября 1900 в Москву содержится просьба привезти в Ясную Поляну «по два экземпляра моих книг "Против общины" и "Швеция", если они в складе» — ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Датируется по почтовому штемпелю на конверте). Почти все произведения, включенные в названные книги, ранее публиковались в газетах и журналах. Новые рассказы и очерки Л.Л.Толстого в 1900 печатались в журнале «Родник».

³³ В середине декабря 1900 по пути из Петербурга в Ясную Поляну Лев Львович был в Москве, где видался с отцом. В Дневнике Л.Н.Толстого есть две записи этого времени. 15 декабря 1900: «Проезжал Л[ева]. Мне б[ыло] с ним лучше. Хотя пассивная гимнастика б[ыла] и очень сильная»; 19 декабря 1900: «Все эти четыре дня б[ыл] нездоров и очень слаб. Нынче лучше. Был Лева и начал разговор о своем писаньи. Я огорчил его, сказав правду. Нехорошо. Надо б[ыло] сделать мягче, добрее» (Т.54. С.71-73).

³⁴ «Я имел глупость, — писал Л.Л.Толстой сестре Татьяне 3 декабря 1900, — купить-таки дом в Петербурге и должен опять туда ехать. Но зато эта покупка и эта поездка мне так поучительна, что вряд ли я [уюду?] жить в петербургский сумрак и суету сует. Дом домом, а жизнь жизнью и она жизнь только в деревне» (ОР ГМТ. Архив Т.Л.Сухотиной-Толстой).

³⁵ Через несколько дней после смерти сына, отвечая Короленко на критику романа «Поиски и примирение», Л.Л.Толстой писал 31 декабря 1900: «Даже в таких состояниях, в каком я сейчас после смерти любимого в нашей семье (моей и отцовской) мальчика, я готов мириться с жизнью, мириться с ее жестокостями и несправедливостями ради того только, чтобы можно было работать в ней ради людей» (ОР РГБ. Ф.135. Раздел II. Карт.34. Ед.хр.82. Л.7об.).

³⁶ «Сейчас ходил гулять один и все думал опять о милом моем Левушке, — писал Лев Львович матери 22 января 1901. — Ветер шумел в березах и мне казалось, что вот сейчас я увижу его на снежной дороге, улыбающегося мне со своей Акулей. И так грустно и гадко стало, что беда. Никогда не загладится это безобразное горе. Жизнь для меня стала в сто раз дешевле, да и вовсе ей не дорожу. Эти два мальчика вместе составляли такое полное отражение, моего и Доры, прошлого и содержания, а один Павел составляет только худшую половину, материальную, этого отражения. Жестока жизнь и тяжела, не скажу бессмысленна потому, что смысл в ней есть, хотя бы тот, что она заставляет страдать» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой). Из письма от 23 февраля 1901: «Так мне

грустно, грустно сегодня, дорогая мамаша, и захотелось вот написать Вам, кого я люблю. Кого я больше люблю? Жену? Павлика? Нет, не больше. Я любил больше того, кто ушел. Когда его видел, бывало, — чувствовал, что в нем было больше, чем в нас, и лучшее, чем в нас, и это давало мне сил и счастье» (Там же).

³⁷ Одна из пьес — «Ночи безумные» — была послана Л.Л.Толстым в начале 1901 В.П.Буренину и Суворину и, после переработки, в октябре-декабре 1901 поставлена на сцене Нового театра Яворской в Петербурге. После нескольких представлений появились рецензии. Как и Суворина, писавшего Л.Л.Толстому 3 февраля 1901 о немотивированном совпадении сюжетных ситуаций в его драме с теми, что известны всем по роману его отца «Анна Каренина» (ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.640. Л.5-6об.), театральные критиков больше всего поразили откровенные попытки драматурга-сына помериться силами с великим отцом. Из рецензии, подписанной криптонимом С.С.: «Ничтожный пигмей смешно топорщится, чтобы превзойти колосса. /.../ Странная штука — человеческая психология. Темно учение о наследственности» (Театр и искусство: Еженедельный иллюстрир. журнал (СПб.), 1901. 14 октября. №42. С.749). В этом же номере в «Театральных заметках» А.К[уг]ель писал: «Ведь тут уже ничего нет "принципиального". Ведь это уже просто отсутствие внутренней деликатности и щепетильности, какое объясняется беззаботностью насчет литературы, ее традиций, ее нравов, ее этики...» (Там же. С.755). Несмотря на такую прессу, драма «Ночи безумные» была в том же сезоне поставлена и в Москве. (См. письмо Л.Л.Толстого матери от 12 декабря 1901. — ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой). Вторая из упоминаемых драм, вероятнее всего, — «Солдатка», о которой 25 ноября 1901 Л.Л.Толстой сообщал матери, что собирается теперь писать драму «из народного быта». (Там же).

³⁸ Толстой Л.Л. Для детей: Рассказы: 2-е изд. М., 1901 (1-е изд. — 1898); Толстой Л.Л. Семья и школа: Их настоящее и будущее. СПб., 1901; Друммонд Г. Бессмертная обезьяна: Рассказы для детей / Пер. с англ. Л.Л.Толстого. М., 1901. Кроме того, в детском журнале А.Н.Толиверовой-Пешковой «Игрушечка» печатались новые миниатюры Л.Л.Толстого из цикла «Правдивые рассказы» (1901. №10-12).

³⁹ Отъезд Л.Л.Толстого с семьей из Ясной Поляны датируется серединой июня 1901. Ср. запись от 14 июня 1901 в дневнике С.А.Толстой / Указ. изд. Т.2. С.20. В Швецию пароходом из Петербурга они прибыли 29 июня 1901. (Письмо Льва Львовича матери. — ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Дневника, как такового, Л.Л. Толстой не вел. Точнее, пытался время от времени начинать — по примеру всех членов семьи — но, как правило, это были отрывочные записи и велись они только в Ясной Поляне, т.е. в непосредственной близости от отца. Первое упоминание о неудачной по-

пытке маленького Лели Толстого записать свои впечатления в дневник мы находим у его старшей сестры Татьяны. 14 ноября 1878 она записала: «Вот мы все сидим и пишем дневники: т.е. Илья, я, и мамá послала Лёлю принести свой. Лёля начал, но у него не идет, и он бросил» (Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.10). Первая из дошедших до нас записей Льва Львовича датируется 1882, последняя — 1915.

[*Январь 1882 года. Москва*]¹

Елка. Танцую у Алсупьевых² на Девич[ьем] поле.

Большой маскарад. Моя хрипота. Лили не было, и мне скучно³. Но тут третья дочь Алсуп[ьевых], Катя, кот[орая] мне страшно нравится⁴. Она красивая, с чер[ными] волосами, глазами и косой! Большая мне надоедает⁵. Я болен. Цыпки и русское сочиненье⁶. Наша встреча и вся эта история. Скучаю по Лили.

*28-го марта 1882 г. [Москва]*⁷

В жизни много областей. Самая обширная и самая разнообразная — *область страдания*. Медицинские факультеты перечисляют, изучают и, по мере возможности и умения, врачуют разные виды физических страданий⁸. Но где факультет, который взялся бы перечислить, определить и врачевать те, другие страдания, которые испытывает наше двойственно-единичное *Я*, когда в нем больна та половина, которую мы называем *сердце*, а сознает и уясняет себе боль та, другая половина, которую мы называем *ум*? Сколько видов, сколько оттенков, сколько степеней этой боли! И как особенно ужасна она, когда мы по тому или другому побуждению о ней не высказываемся и даже стараемся ее не обнаруживать!

Кто не страдает? Счастлив тот, кого по крайней мере не томит и не угнетает одна из тех печалей, перед которыми одинаково бледнеют все надежды и все заботы, а с ними и все обиходные огорчения и утешения жизни! Когда такая печаль охватывает ум и сердце, она надолго водворяет свое господство в том и другом. Она набрасывает общий сумрак на все, что нас окружает. Она передовую статью [на]ложит на наш путь, словно солнце постоянно в тылу у нас и даже мимолетными просветами не может озарить этот путь. Она, как призрак, всегда сопровождает нас, садимая ночью у нашего изголовья, встречает с нами каждый новый день. При ней как будто немеет рука, поднятая на дело, как будто надломлена воля, стиснута мысль, и внутри нас цепью опутано всякое чувство.

[Август 1883 года. Ясная Поляна]⁹

Змей. Новая гувернантка с сыном. M-me Seigon & Alcide¹⁰. Наша дружба. Его влюблен[ность] в Машу¹¹. Как он поцеловал ей руку. Я не влюб[лен], она — Кузмин[ская], я чувств[ую], что тут что-то не то¹².

Приезд Оболенских. Их второй сын и рыба-карась, кот[орую] он затоптал¹³. Осень. Моя первая охота. Гончие. Первый заяц¹⁴.

XIV. [Ноябрь 1883 года.] Москва опять¹⁵.

Я дома. Ко мне ходит ломоносовец из Лицея¹⁶. Мне скучно и одиноко. Я учусь плохо. Опять коньки, бега. Опять танцы, вечера. Мы в новом доме, кот[орый] купил отец¹⁷. У папá гости, дым и громят все и всех. Разгов[аривают] и я сижу их слушаю¹⁸. Я держ[ал] экзамены и меня опять в третий класс¹⁹.

[11 декабря 1890 года. Ясная Поляна]²⁰

Приехал, полный энергии, жизни, радости. Застал всех за обедом. Какой-то гнет над всеми, как будто рады, да и рады некоторые, даже все, но за этой радостью что-то кроется тяжелое²¹. У папá какое-то обиженное, грустное выражение. Он «жертвует собой»²². Оно явилось сейчас же после первых разговоров. У остальных отражается это на лицах...

Начинаю жить. Все врозь. Беда страшная. Каждый забывает о других и предается эгоизму²³. Таня больна от нас²⁴. Маша себя обманывает и считает себя несчастной, как Таня, — от него. Мама воспитывает мальчиков. Андрюша занимается онанизмом. Миша близится к тому же²⁵. О, трагическое положение семьи, от тебя, великий старец, говорящий истину и переставший жить.

[27 декабря 1890 г. Ясная Поляна]²⁶

Сегодня 27 декабря 1890 года; вот уже я две недели здесь в Ясной Поляне²⁷. Сколько раз садился я писать дневник, но, должно быть, я не продолжал его потому, что был слишком молод. Мне кажется теперь это для меня прямо необходимо. Мысли так тесно толкутся в голове, порой их такой, не знаю откуда берущийся приток, что мне тяжело, у меня или выступают слезы, или шевелятся волосы, или мне хочется избавиться от них и я начинаю курить, или играть, или иду ходить, чтобы успокоиться. Надо записывать, надо сродниться с дневником, т.е. с собой спокой-

ным и рассуждающим обо всем объективно, без участия ощущений. А вот Бог поможет.

Сегодня встал в 9-ть, сел заниматься славянской грамматикой. Скучно, но приятно делать то, что необходимо надо когда-нибудь сделать, как у меня теперь с ожидающими меня экзаменами. У меня скверная память, говорят можно ее развить. Я не пробовал потому, что мне никогда еще не нужно было памяти. Я всегда помню то, что когда-нибудь поразило меня, и я думаю, этого довольно. Мне кажется, память и есть лучшая мерка нравственного состояния и здоровья человека. Человек помнит о том, что ему близко, что бьет по его сердечным и душевным струнам и что его интересует. И хотя люди почти все одинаковы, однако не буду же я, например, помнить о том, в какой год родился Сократ, а мне резко осталось в памяти его прощание с учениками²⁸. Память это тот крючок, магнит, посредством которого человек соединяется с своей деятельностью и внутренней жизнью. Если бы, например, я помнил хорошо математику, которую я всегда понимал, может я бы занялся ей. Память это много в жизни человека и она может развиться только тогда, когда притянется или приучится к тому, для чего она сделана. Итак, память у меня все-таки скверная, но мне кажется, что она помнит больше всего о жизни душевной и ее проявлениях в окружающей меня жизни. Может быть, и разовьется когда-нибудь.

Я учу слав[янскую] грам[матику] и мне кажется все, что я никогда не кончу в университете, мне трудно заниматься, а главное, трудно все это отрицать, видеть всю ложь, глупость наших университетов и вместе с тем самому участвовать в них. Я когда-нибудь уясню себе этот вопрос, он очень длинен для начала. Мне кажется, что я не кончу университет потому, что мне нужна свобода. Мне нужна возможность располагать каждой минутой своего времени, чего нет в университете. Однако, видно будет, буду готовиться к экзамену и попробую. Вперед гадать не надо, это неприятно просто, мало ли что может случиться. Занимался я до завтрака (12 ч.), съел кусок гуся и немного капусты под бешемелью, я пишу о еде потому, что мне это интересно. У меня, кроме памяти, отвратительный желудок, а здесь так едят, что мне все кажется, что у меня катар. Это мой пункт, как говорят мне, но что же делать, это правда, а может быть и пункт²⁹. Но тут надо характера, которого тоже у меня не мало. Господи, как я плох, какая жалкая моя «сагма»³⁰. Сейчас папá читал английскую брошюру о буддизме³¹, он очень восхищается всегда буддизмом и говорит, что из грубости православия и метампсихозы³² он бы выбрал последнюю, которая глубже и яснее.

Итак, желудок плох, здоровье тоже мое довольно слабо. Но надо характера, воли, духу, это заменит физические недостатки. Отчего я не крепок здоровьем и худ, как спичка? Неужели от о...?³³ Нет, это только подлило масла в огонь, я бы и без этого был бы пожалуй такой же.

Однако, что за вздор, я мнителен, вот где причина. Ну-ка, госпожа мнительность, пожалуйста сюда. Ты что же думаешь или ты мечтаешь властвовать надо мной? Нет мне все равно, хоть совсем сопрей мое тело, я думаю, Бог поможет мне радостно перенести страдание. Я позавтракал и поехал с Фомичем³⁴ на охоту. Видели и гоняли русака. Ездил на розвальнях на Грумант³⁵. Лошадь, кобылку Миронику, поставил у Анисима Моргунова³⁶, кот[орого] не было дома, а был его внук Мишка, немного выпивши. Погода сегодня утром была прекрасная. Чистое небо, чистый, недавно выпавший, снег и яркое, блестящее солнце, которое уже чуть начинает греть. (Я шел и со стороны солнца уши не щипало, а с другой стороны холодно). Мороз 15°, хорошо. Лицо загорается и так свободно и смело дышится этим густым холодным воздухом. О₃ (озон), как сказал сын Цингера, Александр³⁷. Снегу много, без лыж ходить нельзя, надо купить. Приехал домой часа в 4, выпил полрюмки водки, отчасти, чтобы согреться, отчасти из приятности, хотя этого не надо делать, эта приятность притупляет ум и ослабляет мою и так уже не крепкую волю. Потом пошел к Тане в комнату, пил чай, который она пьет довольно часто перед обедом, т.е. за час или два. Таня, бедная, тоже слабая духом, т.е. ослабевшая, что это такое? Неужели, я хочу сказать, это от того, что заглушена ее личная жизнь³⁸? Да, это так, это на всех нас отразилось, но мужайся, Лев Львович Толстой, сын Льва Толстого, живи и главное живи, а не спи³⁹.

Тане просто замуж надо. Ей нужна деятельность, а это единственная, которая может поглотить ее своей уже неоспоримой необходимостью. Семья и дети⁴⁰.

Маша, та заряжена, даже не заряжена, а смазана мыслью, взглядом папá, всем, что могло только коснуться ее души, и что она могла понять из сложной до бесконечности внутренней машины папá⁴¹. Интересно, что из нее будет? Итак, я пил чай с Таней, Машей, Эрдели⁴², Машей Кузминской и мальчиками. Читал письма Гоголя к гр[афу] Толстом[у]⁴³. Таких людей не понимают. Они далеко выше стоят от тех, кто начинает обсуждать их. Обедал, читал после обеда несколько стихотворений из Русс[кого] Обозрения⁴⁴ и статью Вогюе о Кр[ейцеровой] Сон[ате]. Отношение его самое пошлое и обыкновенное, а главное, он не понимает или просто врет, как же можно говорить, что идеал в Со-

нате тот, чтобы мир кончился смертью людей, достигших безбрачия, когда дело идет о жизни⁴⁵. Эти критики мне надоели. Я написал статью в форме письма в газету, папá не согласился, чтобы я печатал его⁴⁶. Это он прав, но досадно бывает порой, трудно молчать и не желать высказаться.

Вечером пришли дворовые ряженные. Ужасное зрелище⁴⁷. Фомич, который злится на свою нарядившуюся забитую, трудящуюся всю свою жизнь мать 6-ти маленьких детей, жену Парашу⁴⁸. Ив[ан] Ал[ександрович]⁴⁹, который пляшет, когда у него на сердце кошки скребут. Н. его приехала, ее выгнали из деревни, и она приехала к нему⁵⁰. Варька⁵¹, эта брошенная несчастная любовница нашего бывшего кучера Лукиана⁵². Потом для полного блеска всей этой картины сестра Маша в штанах, обтянутая с тонкими ногами, христианка, вегетарианка и т.д. и глупа просто, как пробка. Если не понимать, что при Ив[ане] Эрдели, молодом постороннем человеке нельзя в штанах крутиться и беситься, то это уже ничего не понимать⁵³. Ну, что я, однако, сержусь и несправедлив, — каюсь, но не очень. Во время пляски Ив[ан] Ал[ександрович] советовался с папá и потом только нарядился, чтобы не показать в себе что-нибудь особенного. Папá говорил с ним долго и расспрашивал, он нашел, что он мил и любит сердечно Н. Это правда. Как и это распутается? Интересно. После ряженных пил чай, говорил немного о своем возмущении Машиним нарядом, но не во всех встретил хоть маленького понимания моего негодования. Папá понял. Папá говорил о Будде, о крест[ьянской] реформе, о выкупе наделов и вообще о крестьянах⁵⁴. Мазарик⁵⁵ заплакал, выйдя из избы Петра Осипова⁵⁶, его поразила нищета. Это было года 3 тому назад. Бедность, говорит папá, от условий нашей жизни, от распределения земли и т.д. Это старо, хотя должно бы быть ново в смысле действия. Надо бы начать делать что-ниб[удь] нам, видящим и могущим.

Однако, я устал, спина болит, проклятое здоровье, до завтра. 12 ч[асов]. Сейчас сошел вниз Дунаев⁵⁷, он спит здесь со мной. Читали наверху рассказ Цуриковой, тоже в «Русск[ом] Обозрении»⁵⁸. Если Дунаев хвалит, то и папá понравилось. Они очень единомыслящи. Впрочем, любовь Дунаева к папá доходит до абсурда, он, кажется, с удовольствием нюхает вонь из его горшка. Однако я могу и грешить в этом дневнике. Ничего, так разнообразней и веселей. Дунаев — хороший и умный человек, хотя странный в нек[оторых] отношениях, в нем нет некоторых недостатков, которые делают человека более человеком, и есть недостатки, которые тоже отымают у него много хорошего. В общем, он очень приятен иногда, а главное, он хороший человек и на все руки [ма-

стер]. До завтра. До завтра не отложил, а перечел, нашел, что написал скверно. Очень бестолково, несвязно, а главное, «с участием ощущений» и пристрастием, пожалуй, мой спокойный «я» рассердится на высказанные сегодня некоторые мысли.

28 декабря [1890 г. Ясная Поляна].

Встал в 10 часов. Сердился на Ваську, который ленив, действительно, до безобразия и к тому же глуп⁵⁹. Гораздо удобнее и выгоднее относиться спокойнее к тому, что белье, например, рвется и не чинится, что ружье не вычищено, чем досадовать. Сам не делаю этого, так и заставлять не нужно. Относительно того, что совестно иметь слугу, что на это будут смотреть наши потомки с удивлением, я пока не думал и мне это не интересно, хотя это правда, потому, что наши потомки когда-нибудь и не увидят людей, которые могли бы выносить нечистоты за деньги. Утром читал «Буренчиху» Цуриковой в «Р[усском] Об[озрении]». Хорошо. Папá тоже понравилось в нем безыскусственность и некоторые трогательные сцены. Тип Ивана прекрасен⁶⁰. Читал перевод рассказа Мопассана «Как знать?». Талантливо, как все его вещи, но болезненно и бестолково⁶¹.

Завтракал. Съел слишком много. После завтрака занимался сл[авянской] грамм[атикой] и лекциями [по] древней философии Лопатина⁶². Смотрел в энциклопедии Cousin'a⁶³ философ[ские] термины и уяснял себе понятия: дуализм, монотеизм, пантеизм, натурализм и другие кой-какие словечки. Некоторые народы, верящие в метампсихозу, не едят мяса, боясь съесть своих родителей. Это очень остроумный вывод.

Древний дуализм — это вера в две противоположные силы: добра и зла.

Пантеизм — это вера в Бога всюду, во всем.

Натурализм — вера древнейш[их] народов в стихийные силы природы.

Лекции Лопатина интересны по самому своему содержанию. Но он не украсил их своим светом. Они только удовлетворительны. Папá сказал мне сегодня, что для профессора нужна посредственность. Это правда. Перед завтраком сидел у Ив[ана] Ал[ександровича], где сидела и N. Они едут сегодня к его родным, чтобы попросить их принять ее⁶⁴. Вот положение. Люди несчастны, (нет, все-таки счастливы), не находят себе места, потому что говорят им: «нет вы не обвенчаны, вам нельзя жить вместе у нас». Так где же? Когда это люди, все или хоть половина, хоть одна миллионная часть, поймут, как дико и грубо бояться нарушения

общепринятого. Хоть в обрядах, например. Всё ведь надо мерить внутренней меркой, а не общественным аршином.

Перед обедом гулял. Прошел на деревню к Петрухе⁶⁵. Хотел взять его рукопись. Хорошо они мыслят и чувствуют, эти мужики. Какая это нетронутая еще сила! Встретили дурочку Парашку⁶⁶. Ей подали пяточок, и она сияет радостью.

— Ты откуда?

— У Машеньки была, — говорит она с пригнуской.

— Дали тебе что?

— Дали, вот он, пяточок, хочешь, возьми.

Я молчу и с улыбкой гляжу на нее.

— А какая елка ваша хорошая, нарядная!

Я прохожу дальше. И она уходит, мотая своим длиннейшим рукавом и весело напевая через нос какие-то дикие звуки. Вот и счастье. Как они хороши, дураки, дурочки и юродивые. Поневоле позавидуешь и иной раз постараться так же относиться беззаботно и весело к жизни.

Обедал, читал за обедом письмо от Наташи⁶⁷. Бедная натура, но хорошая девушка и очень милая. Вечер провел скверно. Много курил, ходил то туда, то сюда. Говорил с папá о Маше, каялся ему, что я на нее сержусь; он спросил, за что? Я не могу сразу себе отдать отчета в этом. Однако я сказал, что за то, что она не искренно к себе относится и о себе, о том, что в ней, она не думает, а думает тем, что попало в нее от папá, а не своим собственным умственным средством⁶⁸. Но я не прав, она хорошая девушка, а главное, правду папá сказал, что она и сама о себе такого плохого мнения, что ее совестно обижать и незачем⁶⁹. Прости меня, «Помощь»⁷⁰. Бог — это помощь. Это то, что в Вас есть, но что часто молчит и не действует. Надо воззвать к нему, и оно оказывает свою силу. Папá сказал еще, что на этом свете ничем нельзя жертвовать для будущей [жизни] потому, что будущ[ая] жизнь не связана с жизнью земной. Поэтому и он не верит в буд[ущую] жизнь, как во что-нибудь реальное.

Однако пора спать. Папá говорил еще о драме Ibsen'a «Привидения» и изложил нам ее содержание. Ему очень не нравится она⁷¹. Он удивляется бедностью изящ[ной] литературы не только в России, но и во всей Европе.

Дневник не идет что-то. Бестолково и неинтересно, что дальше будет. Хорошо все-таки копать в себе и передумывать пережитое и пережитое. Умнеешь. Кроме того, это содействует развитию религиозной мысли. После обеда еще катался немало с мальчиками на скамейках. Хотелось пройтись. Митроха⁷²

был с нами. Мы шли домой, и перед нами виднелся дом с светлыми окнами.

— Ишь, как хорошо, — сказал он, — а раньше, как никого не было, как, бывало, скучно глядеть, даже жутко, я даже раз сон видел, что у Вас из дому добро воровали.

Эх, Митроха и все бесконечные другие Митрохи, кабы вы знали, как скучно, сложно, запутано всё в этом светлом большом доме; как в бесконечное число раз вы счастливее, не зная того, что мы знаем и делаем⁷⁶.

29 декабря [1890 г. Ясная Поляна].

Встал в 10 ч[асов] потому, что ложусь поздно, завтра надо встать пораньше. Теперь солнце раньше всходит, надо пользоваться утрами. Ел опять слишком много и курил. Это ужасно. Завтра не буду курить совсем, хотя мне это не очень вредно, но все-таки я чувствую, насколько это понемногу портит здоровье. По этому поводу много мыслей.

Утром ходил до завтрака гулять. Погода сегодня восхитительная. Опять садится иней на деревья и леса, как шоколад, густо разбавленный молоком, еще есть в них красновато-коричневый оттенок, особенно на верхних ветках, откуда сыплется иней на нижние. Солнце горит, блестит и радуется. Небо сегодня синее и, смотря наверх через макушки деревьев, кажется даже темно-синим. Мороз 15° по Р[еомюру].

Завтракал. Катался на коньках. Потом читал Древ[нюю] философию по лекциям, дочел все то, что у меня есть, — интересно, очень даже интересно. Ходил в баню перед обедом. Баня невозможная, трудно не простудиться, хотя, кажется, пронесло мимо. В бане холод, угар, стены мерзлые, пол, как лед. К обеду приехали Зиновьевы и Джульяна с маленьким сыном⁷³. Обедали. Было скучно и неловко. Вечером читал «Nabab» Доде⁷⁴ и пришел наверх только, когда понемногу все обошлись и развеселились. Читал «Nabab», не знаю, почему, думал о том, что надо мне написать «Детство», — наше современное детство, где мальчик до 18 лет испытывает все, что наши отцы испытывали только в зрелом возрасте. Я так вырос. Это хорошо надо будет обдумать, да и с Богом.

Вечером была музыка. Джульяна поет прекрасно. Папá тоже наслаждался. Слушал разговор папá с Зинов[ьевым]-губернатором о евреях, о их характере. Какой-то тульский лесопромышленник, Заг..., фамилию не разобрал в разговоре, судился за несоблюдение законов, торговал вином, его посадили. Но он устроил

так, что в Туле не сидел, где его хотели посадить, а в Алексине⁷⁵ и сидел меньше, чем следовало по закону. Он богат и еврей, поэтому выказал могущество своей нации. Давыдов⁷⁶ и губернатор, при всем желании и настаивании сделать по-ихнему, все-таки не могли с ним совладать.

Умер Никанор, Кирилл⁷⁷, Лукьян-кучер умер, я узнал только сегодня. Янжул написал статью о государ[ственных] расходах на народное образование⁷⁸. Очень любопытно. Россия всех хуже, от всех отстала, даже от Испании и Италии. По этому поводу тоже много мыслей, но надо кратче писать, а то поздно ложусь каждый вечер.

Да, народное образование, если двинуть это дело насколько возможно вперед, затратить на это все, что можно, сколько бы это наделало перемен. Как бы разбогатела Россия умственно и духовно. Это поважнее законов о евреях, а ведь никто и не думает как следует, кровью, всем существом об этом насущном вопросе. Мужик и господин — ведь это две крайности, а живут рядом.

30 декабря [1890 г. Ясная Поляна].

Встал в 9-ть, ходил гулять. Сегодня холодно, мороз 19 гр[адусов]. Говорил утром с папá. Занимался лекциями Виноградова по Греч[еской] истории⁷⁹. Писал в записную книжку кое-что о детстве современного юноши. Читал «Nabab». Курил, хотя немного. Вечером хорошо разговаривали всей семьей. Говорили о литературе кое-что. Папá говорил по поводу общений с животными, то, что он писал [в] «В чем моя вера?»⁸⁰. Дневник писать не стоит, фальшиво и глупо, буду лучше так записывать кое-что, сегодня спать хочется ужасно. Да и газеты надо пойти посмотреть.

4 января [1891 г. Ясная Поляна].

Метель гудит вторые сутки, не писал дневника несколько дней, решил, что не выходит. Да, правда, всегда совершь, никогда не напишешь искренно, а часто не хочется. Эти дни все то же. Читал лекции, кончил «Nabab», играл на фортепьяно. Эрдели уехал. Папá занят и много пишет⁸¹. Хочется и мне пописать. «Любовь» производит впечатление, надо напечатать, хотя многое уже не нравится мне⁸². Впрочем, надо сделать, как Виктор Гюго, — учиться на следующих произведениях, а не сидеть на одном. Многое можно бы записать. Но зачем? Разве кому это нужно, разве кто уяснит мне? Нет, лучше чувствовать, чувство не обманет, а слово, особенно писанное, как редко с чувством сливается.

Обидел Фомича, вытолкнул его из залы за то, что он швырял ребят, как щепки. Потом мучился. Говорил с Колечкой Ге, много хорошего, но я все еще не убежден, что для того, чтобы жить счастливо, а это главное, нужно отказаться от нашей жизни и начать играть в Робинзона, т.е. пахать, одеваться самому, т.е. все на себя делать⁸³. Конечно, жизнь с землей в деревне — настоящая, но рано в наше время, не этим одним можно жить, лучше броситься в самую горячую суть жизни, увидеть ее и понять, тогда после увидим, а пока мне хочется видеть, слышать, узнавать, в этом я нахожу прелесть, в купании в грязи житейской и в сознании того, что в ней я чувствую ее, знаю, что она — грязь, и потому сам вы[й]ду из нее чистый. Как же говорить, что то не так, что это скверно, как же заменять, предлагать что-то, не зная, на что ты предлагаешь перемениться. Надо прежде понять весь соблазн, все притягивающие силы, держащие человечество в зле, чтобы начать его исправление. «Отдай всё и иди за мной». Он с насмешкой отвернется и пойдет прочь от тебя. «Посмотри на эту бедность, поделись с ними». Он подумает немного, но оставит у себя свое богатство. Ни тем, ни другим не пробьешь железной брони.

«Я не ел три дня, я умираю». Он подаст тебе и задумается, но скоро опять забудет. Ничем не поможет, сильнее дьявол, и любовь не может соперничать с ним, она должна призвать к себе на помощь разум, который теряет часто зло и ненависть, любовь же беззаботно и вечно идет с ним под руку. Надо разумно устроить человеческую жизнь, надо поставить ее в такие условия, где все бы был разум и к которому любовь бы могла свободно присоединиться. Для этого нужно знание и опыт жизни. Без этого не приступишься к верному установлению человеческих законов.

Наука поможет также. Здесь и распределение земельной собственности, здесь и образование, здесь и воинская повинность, и законы права, и религия. Когда все будет разумно распределено и устроено, любовь сама явится и заставит любить друг друга. Начать с этого нельзя, потому что тогда прекратится жизнь. Христос не жил на земле, а любил, а нам надо жить потому, что для этого мы сотворены и не любить только не можем. Законы Христа — это законы нашей совести, которая растяжима, но которая врождена в человеке известной силы и объема, как мускулы на теле. Одному можно ее развить, другому нельзя дальше предназначенного предела. Таков человек, и потому, если жизнь основывать на совести, то будет вечный разлад и спор; сильнейший совестью будет обижен матерьяльно, а слабейший будет жить и наслаждаться. Законы необходимы. Надо ограничение, нужны пределы. Кто знает, может быть, и они установят равновесие.

Разум на то и дан нам, как помощь к осуществлению счастья. Он везде, над всем. Любовь — это роскошь и не всякому доступна, это там, далеко, на следующих ступенях нашего развития. А пока мы и с разумностью никак не совладаем. Поэтому живи и учись, взвешивай, понимай, предлагай в своем воображении новое, указывай на необходимое и насущное в данную минуту, будь честен, искренен, тверд, мужествен[ен], великодушен, прост, учтив, постоянен в разумно предпринятом, сдержан, воздержан, общителен, потому что это все разумно и приближает тебя к следующей ступени развития — к любви.

Москва. 21 янв[аря] 1891 г.]

Жизнь здесь все та же⁸⁴. Читаю Пирогова и восхищаюсь все больше и больше. Второй том еще глубже и прекраснее⁸⁵.

Различие зла и добра есть то несоответствие нашего нравственного требования с поступками, вытекающими из привычки, воспитания и т. д., которое в детском возрасте не существует. Последний злодей для себя не зол, если природа не снабдила его способностью к отвлечению. Поэтому борьба и цель жизни состоит в том, чтобы привести к одному знаменателю эту нашу нравственную двойственность.

Мне кажется, что это совершенно верно и что отсюда же вытекает прямо практический вывод пользы и истинности христианского догмата «не противься злему». Раз у человека существует эта нравств[венная] двойственность и раз злом называть чувство неудовлетворенности, недовольства, неприятности после того, как на деле вы сделаете то, что в глубине души вы не можете допустить по вашим душевным свойствам, всякое наказание, всякое «око за око», обида, одним словом, всякий ваш поступок, совершенный по человек[еским], а не Бож[ьим] законам, только будет прибавлять в мир зла, потому что ваш поступок и вам самим, и тому, которого он коснется, покажет только опять ту же двойственность и противоречие души человека с тем, чем его считают люди и что видно всякому. Таким образом, что лучше: наказать преступника или простить ему? Что прибавит зла в мир? Что может задержать человечество на своем пути и запутать только понимание жизни? Конечно, первое. Наказав человека, вы сами не можете оставаться спокойными, потому что опять резко обозначилась в вас ваша нравств[енная] двойственность, и преступник, которого вы наказали, будет сердиться на вас, будет недоволен осуждением, кот[орое] заставляет его покинуть семью, родину с чувством злобы, печали, ненависти, которые, в свою

очередь, обнаружат в нем его двойственность, т.е. обнаружат и произведут зло.

Надо только признать, что я — человек в полном смысле, а не животное, тоже в полном смысле этого слова, т.е. у меня душа и тело, требования нравств[енные] и влечения тела, а не одно только животное тело, чтобы ясно понять жизнь, состоящую в покорении плоти и стремлении к руководству над ней.

Пирогов говорит и предлагает, как будто для сознательного стремления к совершенству, откровение как обещание бессмертия. Гораздо проще — счастье в этом мире. Руководствуйся твоим душевным голосом, и ты увидишь, что все принимает целесообразную разумную форму. Держи свои страсти, свои привычки, наследств[енные] и воспитанные, в подчинении разума, и самые эти препятствия к достижению совершенства будут настолько препятствиями, насколько ты человек и насколько страсти имеют право на свое проявление.

1-ое февраля [1891 г. Москва]

Говорить людям правду — дурную о них, то есть такую, в которую они не хотят поверить, — всегда сердить их и потому спрашивается: должно или не должно делать это? Если молчать, люди будут продолжать заблуждаться. Если говорить им правду, люди будут сердиться, кроме того, что будут продолжать заблуждаться. Поэтому, конечно, не должно говорить им такую правду, которая может рассердить их. Лучше молчать и своим примером показывать им, что добро. Им же можно говорить добрую, хорошую правду о них, — ту, в которую они хотят верить. Это, может быть, усилит доброе чувство в них, и тем скорее они услышат и поймут вашу другую правду.

2-ое февраля [1891 г. Москва]

Стало быть, никогда не говорите людям той правды, которая может рассердить их, если они сами у вас не спрашивают о ней.

Говорите же им ту добрую правду о них, которую вы видите в них, чтобы привлечь к себе их сердца. Но вы скажете: «Я не могу молчать. Я должен высказать правду. Иначе мое молчание равносильно лжи». Нет, это не ложь. Ваше молчание есть благо и для вас, и для другого потому, что люди и без слов понимают, где они отвлекаются от истины.

3-ье февраля [1891 г. Москва]

От этого люди и сердятся на вас за вашу правду, что они и без вас ее знали, и вы, указав им ее, только раздражили их тем, что еще укорили и осудили их в их неправоте.

4-ое февраля [1891 г. Москва]

«Уважайте в себе человека». Вчера читал Пирогова, и он употребляет в своих записках это выражение. Да, это прекрасное выражение в наше время лжи. Мы изолгались в условностях нашей жизни и забыли в себе то, что всего дороже — человека, нашу духовную сущность, жертвуя ею ради материальных благ, ради нашего тела.

5-ое февраля [1891 г. Москва]

Никогда не поздно начать жизнь сначала. Я чувствую, как всякий чувствует, каждое утро, с каждым новым весенним лучом солнца, что жизнь моя начинается сегодня снова. Ничего, что сзади много греха, и лжи, и грязи. В душе всегда есть неиссякаемый источник чистой воды, из которого можно начать пить. Вглядитесь в этот источник. Если он возмущен, заручитесь терпением. Осадок мути сядет на дно, и струя даст снова воды, чистой и девственной.

6-ое февраля [1891 г. Москва]

Не судите, да не судимы будете. Как это просто, и как это бесконечно мудро и трудно исполнимо. То, что я писал о молчании, то есть о том, что не должно говорить людям правды в глаза, собственно, давно сказано Христом именно этим: «Не судите, да не судимы будете».

7-ое февраля [1891 г. Москва]

В общении с людьми можно допускать следующие четыре рода разговора.

1) Когда заботишься о них, желаешь помочь им, спрашиваешь их об этом.

2) Когда хочешь похвалить их за доброе их.

3) Когда рассказываешь им поучительное или веселое, но не касающееся их и потому не могущее их обидеть.

4) Когда отвечаешь на их вопросы, если вопросы эти их и скромные, и не злонамеренные.

Все остальное должно бы быть исключено из разговоров людей друг с другом. Недоброе о других, вопросы без цели, пустые сплетни, ненужные вопросы, глупые шутки, глупые и вредные анекдоты и т[ак] далее.

Будет скучно? Нет, напротив, людям сделается, от очищения речей их, необыкновенно радостно.

8-ое февраля [1891 г. Москва]

Не надо искать в жизни места, где лучше, условий, где лучше, легче, людей, которые добрее, интересней, умней. Надо довольствоваться своим положением, какое бы оно ни было, и в нем искать наилучшего отношения к нему.

Большая ошибка людей — их недовольство. Жизнь и искание внешней перемены ее. Жизнь изменяется к лучшему не снаружи, а изнутри.

9-ое февраля [1891 г. Москва]

Человеку часто надоедает то, что он делает. Но если это дело его освещать настоящим светом и делать его ради добра, которое оно приносит, оно никогда надоесть не может. Есть дела, которые не приносят блага и приносят зло. Такие дела, очевидно, надо бросать и не делать. Решать, что добро и зло, — дело совести каждого⁸⁶.

10-ое февраля [1891 г. Москва]

В литературе, как во всех родах искусства, нужно только то, что написано или сделано человеком с любовью к правде и ненавистью ко лжи. Но в искусстве мало только любить и ненавидеть ложь, нужно уметь представить то и другое так, чтобы то и другое было правдиво.

11 февраля [1891 г. Москва]⁸⁷

22 марта [18]91 г. [Москва]

Если я когда-нибудь буду известен, как писатель, мне интересно будет прочесть то, что я запишу сейчас. В «Неделе» напечатана «Любовь». Не знаю, хорошо ли, дурно ли, говорят разное и даже прямо «дурно». Я не слышал, один д[ядя] Сережа. Он говорит, что все отцовское, чужое, и потом сокрушается тем, что рассказ напечатали не потому, что он куда-ниб[удь] годится, а потому, что я — сын отца. Это неправда, мне кажется, во-перв[ых], а во-вторых, я пробовал без имени послать свои рассказы в «Р[ус-

ское] Об[озрение]» и шесть месяцев не получал ответа, пока сам не пошел и не назвался⁸⁸. Но, и прочтя, рассказа Цертел[ев] не принял, так что и то, что приняли «Любовь» потому, что я — сын отца, не имеет основания. А к чему скрываться? Что это за привилегия? Кривит душой редактор, а не я. Тем не менее д[ядя] Сережа меня смутил больше других, я думал вчера взять да сжечь все, что у меня написано, и бросить писание. Но сегодня утром опять что-то роковое говорит мне, что я не должен бросать его, что это мое дело. Удивительно, несмотря на то, что папá, и братья, и сестры, кроме мамá, не только не поощряют меня, а напротив, говорят скорее противное своим нерешительным отношением и отмалчиванием, несмотря на это, меня тянет к этому, и в свободные минуты мечтаю и целые драмы проходят у меня в голове. Время покажет, что будет из этого, и покажет также впечатление рассказа, который вышел только недавно.

Я смотрю на мир не так, как все, кроме того, я вижу все и понимаю, правда, у меня мало силы, внимания меньше, чем у других, у папá, напр[имер], но это вырабатывается, развивается, как мускулы. А если я — не писатель, если у меня нет способностей на это, у меня есть еще гораздо более важное и великое дело. Я отдалил выбор, потому что все к лучшему на этом свете.

Только счастье может быть стимулом к нравств[енной] жизни, потому что, если ставить этим стимулом какого-то страшного, строгого судью, как это понимает простой народ, если ставить этот вопрос трагично, что, если вы не поступите по-моему, вы все погибнете, — это требование теряет свою силу, потому что это есть только указание и путь к счастью, а не строже связывающее твои действия принуждение. Тут никакого бессмертия желать нечего и какого-то таинственного спасения.

Хочешь провести свою жизнь не так, как ты можешь для достижения истинного счастья, — живи, как все, сначала тебе будет мешать душа твоя, тебе будет скучно, тяжело, но ты скоро убьешь ее и кончишь жизнь, как животное. Хочешь понять жизнь, — испробовать того, что возможно достигнуть тебе, чтобы жить, — оставь людей, идущих слепо и упорно к бесцельному концу своему, и оборотись к душе твоей, которая дана тебе и каждому для верного растолкования и понимания истинного нашего назначения.

[27 октября 1898 г. Ясная Поляна]⁸⁹
Окт. 27.

Приезжала мамá из Москвы. Папá ожил, весел, бодр, верхом поехал, а три дня назад был вял, болела голова, говорил, что хо-

чет умереть. (Крейцер[ова] Соната?) Что было бы, кабы у него была не такая жена, как мать? Его бы не было половины такого, как он есть.

/.../ Разговор о православии с Цуриковым⁹⁰. «Как можно верить в эту чепуху? Т[рои]цу? Причастие и т.д.? Как читать Евангелие, отчеркивая карандашом [?]»

*15 апр[еля] 1900 г. [Москва]*⁹¹

У папá в характере есть очень неприятная черта. Это желание всех очернить, всех смешать с грязью ради обеления себя и своих взглядов⁹². Даже доктор Гааз у него не святой, а «глупый немец»⁹³. Взгляд его, основной взгляд, отрицающий государственность и право, мне прямо непонятен теперь по тому противоречию, какое он встречает на каждом жизненном шагу. Ну, да это старо. Культура запад[ная], европ[ейская] культура для отца — отрицательное понятие. Культуры нет, она — ложь, она — зло. Он не знает демократических свободных государств. Не знает их движения и настоящего строя и жизней. Взгляд отца на государя Ник[олая] II. Его предположение о нем⁹⁴. Polenz и роман «Büttnerbauer»⁹⁵. Прошение молокан к Государю. «Как, и молокане просят?»⁹⁶. Танина операция⁹⁷. Левушка⁹⁸ и его отношение к папá. Сережины шахматы и несчастье⁹⁹. А неизменность привычек с горшком и ужинами и прогулками по ночам. Читает усердно газеты — Нов[ое] Вр[емя], Русск[ие] Вед[омости], С[анкт]-П[етер]-б[ургские] В[е]домости и другие петерб[ургские] газеты, Новости, Русск[ое] слово, Неделя. Ест яйца все время и яичницу по совету докторов. Принимает лекарства. Речь о докторах. О моем согласии с ним. Об операциях в почках, камни. Надо закаливать организм¹⁰⁰. Посещение отца Исторического Музея. Овация ему при чтении «Чем люди живы»¹⁰¹. Общество, народ, развлечен[ия]¹⁰². Посещение вечером сумасшедших¹⁰³.

*[12 марта 1903 года. Ясная Поляна]*¹⁰⁴

Гольденвейзер¹⁰⁵ играл. Отец лежал, слушал. В.Нагорнова читала вслух «Стрелы» Буренина¹⁰⁶. Парод[ия] на Некр[асова]. «Сметана и капуста» — о революционерах, что они слишком узки и придают себе слишком большое значение¹⁰⁷.

15 март[а] 1903 г. Ясная Поляна]

Трубец[кой]¹⁰⁸, Илья¹⁰⁹, Сергеенко с кучей фотографий¹¹⁰. Игра в винт¹¹¹. Играл и я для отца. Отец сам заказывает себе обед и

часто щупает себе пульс. Гедгофт¹¹² переписывал хр[истианское] учение¹¹³. Это моя гигиена духа.

18 март[а 1903 г. Ясная Поляна]

Гости и гости. Миша-брат, Буланже¹¹⁴. Отец этому рад, но это утомляет его.

Дело Афанасия очень интересно¹¹⁵. Отец говорил, что важно действовать именно в религиозной области. Отец говорил о выгоде стоять перед смертью. Тогда живешь настоящей минутой, что и нужно каждому¹¹⁶.

19 марта [1903 г. Ясная Поляна]

Вчера был Оболенский¹¹⁷. Отец говорил с ним и был, как всегда, очень любезен. Говорил опять о выгоде старого возраста. В дневнике его от 16-го марта записано о вреде и зле славы¹¹⁸. Я видел нечаянно у сестры Саши. Я стал духовно ближе, совсем близко к отцу снова, главное, потому, что смотрю на жизнь одинаково с ним¹¹⁹. Нравственный путь, я назову его духовный, разрешает все личные и общественные вопросы.

21 марта [1903 г. Ясная Поляна]

Перестая писать об отце потому, что начинаю жить снова своей внутр[енней] жизнью полнее.

24 марта [1903 г. Ясная Поляна]

Вчера отец спросил меня еще про мою историю с Горьким. Я рассказал ему ее. Он удивился тому, что Горький поступил так со мной, и особенно ему не понравилось, что Г[орький] отослал свой ответ редакции «М[ира] Б[ожьего]»¹²⁰.

— У Чехова нет руководящей идеи, — сказал он по поводу того, что я говорил ему об искусстве вообще, о способе Трубецкого работать с него. Трудно, чтобы помнить все целое. Для «Войны и Мир[а]» было трудно. Для этого нужна руков[одящая] идея.

— У Андреева нет чувства меры. Искусство — слишком сильное орудие, чтобы им злоупот[реблять]¹²¹.

Отец занят письмами, берущими б[ольшую] часть его времени. От[кликнулся] на картину Бунина, «какого-то мастерового из Петербурга»¹²².

Мама́ из Москвы — чуждая и усталая. Говорила вслух страшную чепуху о том, что она будет императрицей когда-нибудь, что душа ее умерла и т.д.¹²³.

Здесь М.В.Сяськова¹²⁴, сегодня ждут еще гостей.

28 марта [1903 г. Ясная Поляна]

Отец совсем здоров. Ездит верхом днем, потом спит, раздеваясь, в 6 обед, вечером — чтение и винт. Был Бутурлин¹²⁵ и Сережа-брат. Много говорили. О Матью А[р]нольде вчера, отец его любит и ценит «God in the Bible» и др[угие] вещи¹²⁶. Говорил о революционерах, о статье Поссе, отец сказал, что он не нашел даже, что возражать, и был рад статье¹²⁷. Говорили о немецк[ом] профессоре, написавшем книгу об анархизме¹²⁸. Вообще жизнь пошла так бойко, что трудно записывать, когда приходится сильно жить. Но, в сущности, это было бы в это время особенно интересно. Попробую опять записывать все, что происходит с отцом и что он говорит. Саша переписывает ему «Хаджи Мурата», и он хочет работать над ним. На днях редактиров[ал] статью Черткова против революционеров¹²⁹. Но факт[ическая] сторона жизни не так интересна. Мама внезапно заболела нервами. Отец отнесся к ней спокойно и добро. Есть что-то в их отношениях, что неясно¹³⁰. Бутурлин говорил много и рассказал о своем заключении. Отец интересовался этим и расспрашивал об этом. История с Малашкиной¹³¹. Был Никитин¹³².

30 марта [1903 г. Ясная Поляна]

Вчера отец ходил гулять к лесничему. Сидел на лавочке и рассказывал про помощника лесничего. На шоссе бьют камень с обвернутыми ногами. Он подошел к ним.

— Трудная работа?.. — Они сказали:

— Другие, как цветы цветут, а наша-то жизнь какая.

Отец возмущался возобновлением дела Дрейфуса Жоресом¹³³. Глупо! Дела в Македонии¹³⁴ и болезнь Щербины¹³⁵ интересуют нас.

Вечером отец перевязывал колено и жаловался на то, что болит палец. Смеялся над тем, что больно было сдавать карты.

Ждали затмения луны и остались его смотреть. Ждали Сережу-брата¹³⁶. Отец читал отрывки из «Воспоминаний» Пассек о Герцене¹³⁷.

1-го апреля [1903 г. Ясная Поляна]

Отец говорил о профессиях. Адвокаты, врачи и журналисты — это самые неприятные профессии. Художники — приятная [профессия]. Самые же приятные — военные и помещики, то есть виноватые, как он сказал. А те, кто считает себя лучше других, — врачи, адвокаты, журналисты, — неприятные¹³⁸.

Он получил книгу Тёпфера об искусстве¹³⁹. Вспоминал его ранние вещи и Xavier de Maistre'a, которые были, как он сказал, его первые учителя в литературе (Autour de ma chambre)¹⁴⁰.

О[тец] стал радоваться весне. Раньше не радовался. Вечером винт. Приходил молодой человек, ненормальный, [рассказывал] о былинах¹⁴¹. Ясная — всемирный умственный центр. Отец вынес кучу книг из своей комнаты в библиотеку. Мать их убирала. Около 11 1/2 вечера отец ел рис. Проголодался. За обедом отец утешал меня мыслями Тёпфера об искусстве в моем теперешнем бездельи. «Люди, начавшие рано писать, — ск[азал] он, — не нафланировались достаточно. Недостаточно были праздны, то есть не набрались непосредственных впечатлений».

2 апр[еля] 1903 г. Ясная Поляна

Отец пишет послесловие к статье «К рабочему народу»¹⁴². Он находит, что революционеры — самые трудные, самоуверенные, малообразованные и узкие русские люди за границей, т.е. самые дурные¹⁴³. Писал вчера 20 писем, кот[орые] все копируются¹⁴⁴.

5 июля [19]04. Ясная [Поляна]

Вчера приехал сюда из Крыма¹⁴⁵. Утром в 6 часов я лег отдохнуть после двух ночей в вагоне, но не мог спать от возбуждения. В 8-мь я опять встал и пошел в пруд купаться. Возвращаясь с пруда домой, я встретил отца в аллеях. Я подбежал к нему, и мы обнялись. Первое, что он сказал мне: «А я бегу все за тобой». Он окружил пруд, где искал меня. Это проявление его любви ко мне меня тронуло и показало ярко, как он горячо относится ко мне. Он стал расспрашивать меня про жену, боясь, что у нас с ней расстроились отношения. Слава Богу, что я мог утешить его.

Он стал говорить мне, что думал обо мне и о моих отношениях с женой. Мы пошли в дом, где разговор уже сделался общим. На террасе все окружили меня, и я должен был говорить и рассказывать.

Отец потом заговорил сам, а я, замолчав, что очень люблю делать, слушал его. Он говорил о войне, что он не может не сочувствовать русским¹⁴⁶, как не может не сочувств[овать] Чигорину в матче¹⁴⁷, говорил о своем отношении к польскому мятежу и «Моск[овским] Вед[омостям]»¹⁴⁸, говорил о Чехове¹⁴⁹, о своей хр[истианской] статье (кабы я был Христос, я мог бы говорить кротко и убедительно)¹⁵⁰, о флаге на границе, азиатах (их угнетение).

Потом, после tennis, он смотрел мои фотографии Египта. Здесь какой-то казачий офицер фотографирует, — приезжий¹⁵¹. Все это, конечно, скучно, и мне тесно здесь после Египта и моря...

15 июля [1904 г. Ясная Поляна]

Не писал дневника здесь вот уже десять дней. Тяжелая, трудная здесь жизнь для человека, который ищет правды. Жизнь в Ясной Поляне подна лжи и зла, и несмотря на то, что ее хозяин искренно проповедывает христианство, он живет в ужасающем язычестве, несмотря на то, что он проповедует простоту и лишение, он живет в страшной роскоши и богатстве. Полный дом слуг, обжорство, праздность, суета сует. Формы жизни Ясной Поляны очень тяжелы и, если бы не сущность ее, это был [бы] дом разврата.

Приехал Андрей-брат, идет на войну¹⁵². Живет Миша. Они оба — большие язычники и материалисты пока, оба не воспитанные, без духовных интересов. Отец живет по-старому, очень эгоистично; но еще больше роскоши теперь окружает его, чем прежде. Он живет в своих идеях, сознании и не пытается даже изменить лживых, дурных форм своей жизни. Конечно, ему и нельзя иначе теперь. Он мог это сделать раньше, если бы желал быть последовательным. Теперь это было бы смешно. Мне тяжело, душно здесь, как никогда. Никогда больше не приеду сюда жить, в дом к родителям надолго. Отдельно жить еще можно, хотя трудно. Мечтаю о земле и физическом труде на ней.

Думал записывать разговоры с отцом, но он уже не говорит ничего нового и больше никогда не скажет. А ведь живет он по-старому, стало быть, и тут нет нового, кроме мелочей. Прощай, Ясная, как светоч. Здесь уже я не найду больше света, чем нашел. Надо искать в другом месте, прежде всего — в себе.

17 июля [1904 г. Ясная Поляна]

Так же, как надо избегать общества дурных людей, так же надо избегать общества дурных форм, хотя бы в них жили и хорошие, добрые люди. Я чувствую, что формы жизни Ясной Поляны, в которых мы выросли, были для нас пагубны и пагубны до сих пор. Роскошь, праздность, недостаточное внимание и связь с жизнью народа, обжорство, недостаточное единение... Надо избегать Ясной, которая не изменится к лучшему, пока я сам не поселюсь в ней... не изменю моей жизни в ней. Но изменить ее в старой Ясной нельзя. Поэтому жить здесь можно только по-новому, вновь, на новом месте.

А пока этого нельзя, надо жить на чужой стороне, хотя это и тяжело, хотя это и грустно. Но если Бог во мне, то мне никто больше не нужен. Как это радостно и ясно. Я всюду с Богом, и чем меньше мне мешают быть с ним, тем мне легче, и лучше, и радостнее.

Чем искупить, заменить нашу праздность? Молитвой, воздержанием, трудом и любовью.

[11 апреля 1905 г. Ясная Поляна]¹⁵³

Отец не читает газет, но ему все говорят и он постоянно спрашивает, что нового. Это, конечно, удобнее. Написал он несколько слабых вещей и вообще нового в нем ничего. Он остановился уже несколько лет. «Круг чтения» — лучшее, что он мог сделать. Я советую ему писать свои воспоминания. Продолжать их¹⁵⁴. Лихтенберг дал ему мысль писать о себе всю правду¹⁵⁵; надеюсь, что [он] это сделает наконец.

Отцу многие говорят эту мысль. Но [он] никогда не напишет о себе всей правды. Она ужасна. Он, вероятно, солгал на днях, говоря, что в Неаполе жил смиренно¹⁵⁶. Отец в основе лжив. Боже, как он эгоистичен. Он помирят всех. А мать, дочь [живут] в темных, сырых комнатах дома, сам [он] занима[ет] его весь, но не увидит своей эгоистичности. Он в этом ужасен. Что в нем хорошего? Пытливый, оригинальный ум, хотя в некоторых сторонах ограниченный. Страшно сильная борьба со своими пороками и талант художеств[енный]. Вот и все. Но он недобрый, не вполне искренний, отчасти лживый, безгранично властолюбивый человек, — таким он умрет¹⁵⁷.

7 июля [19]05 г.. Ясная Поляна¹⁵⁸

Сегодня отец встал и вышел в сад пройтись. Потом вернулся на террасу, где была почта. Было ему всего одно ругательное письмо, говорившее, начинавшееся: «Радуйся, León Tolst[oy]. Ведь предстоящую-то резню подготовил ты...»¹⁵⁹ и т.д. Отец прочел его молча. Потом он сказал, что прочел и клочок английской газеты, в которой на одной стороне было объявление, предложение труда, на другой описание какого-то состязания в футболе. Ему это показалось характерным противоречием бедности и богатства. Как будто в этом что-то новое. Потом он ушел.

Я подумал: «Он страшный человек. Всю жизнь пишет и говорит о противореч[ии] бедности и богатства, а сам не сделал ничего для его уничтожения, хотя бы здесь, в Ясной Поляне. Мать гораздо больше, чем он, мучается своим положением помещицы»¹⁶⁰.

Вчера был мужик, просил на хлеб. Отец отказал ему, сказав: «Иди домой, пожалуйста», и пошел в парк гулять, где расчищено для него и где он хочет ставить беседку. Мужик пошел и сказал про себя: «Эх, жизнь наша несчастная! на хлеб просил, и то отказали»¹⁶¹.

Мужик Петр Осипов, когда отец говорил ему о том, что у крестьян земли мало или что-то в этом роде, отрезал ему: «Вот ты говоришь о любви да о том, что у нас земли мало, а сам Телятинки купил. Кругом нас опоясал»¹⁶².

Она стояла передо мной, с благоговением глядя на тоненькую струйку масла, которое выливали на паперти¹⁶³.

— Сумасшедшая, — теперь уже решил я, не оглядываясь. Я смотрел на нее, как в землю вкопанной.

У меня даже не хватило силы и решительности повернуться и бежать. Я был совершенно уничтожен.

— Ну, пропал, — подумал я.

Она подняла голову, снисходительно, лукаво улыбнулась.

— Что, удивила, голубчик? Не бойся, — как будто говорил мне ее взгляд.

— Вы видели Спасителя? А вот не верится, — и она опять выпрямилась и приняла свою благочестивую позу.

Даже теперь, как вспомню эту картину, страшно мне становится. Маленькая эта женщина, на паперти, зимой, с черными волосами, и я один.

— Что Вы стоите, идите сюда, верую, — сказала она мне строго, повелительным жестом призывая меня к себе.

Но я повернулся и пошел прочь, еле удерживаясь, чтобы не побежать.

— Вы не хотите, не хотите, так я Вам покажу.

Я оглянулся, я думал, что она побежит за мной. Но она смеялась. Я зашел за угол и тут...¹⁶⁴

14 авг[уста 19]12 г. Ясная Поляна¹⁶⁵

Опять здесь¹⁶⁶, 43-х лет. Опять, когда думаешь, полное восхищение перед матерью, несмотря на многие ее недостатки. Какую

лучше мог он найти жену? Честный, прямой нрав, несокрушимая энергия. Здоровье почти сплошь, через всю их жизнь. Она болела только от него же, — от родов, от грудницы, от кисты и операций¹⁶⁷. Он же болел всю жизнь, постоянно, и опять она же выхаживала его. Только с ней он мог быть тем, чем стал. Только благодаря ее здоровью, энергии, разумности, инстинкту. Но она бывает тяжела именно качествами своими, своей женской силой, недостаточно облагороженной воспитанием. Вчера была сестра Саша. Она говорила, что теперь скоро начнет *окончательно* дело покупки Ясной для крестьян¹⁶⁸. Она удовлетворится хозяйством, собаками, лошадьми. Она хочет исполнить «волю» отца такой, какой она была в последние месяцы его жизни, вместе с волей Черткова. Она по-своему права, но не абсолютно. Впрочем, тяжело об этом. Лучше завещания не оспаривать, лучше для нас же, конечно, хотя материально будет трудно¹⁶⁹. У Черткова в Телятинках та же безобразная жизнь приживальщиков подле его миллионов и тот же безобразный культ Толстого, как оправдание¹⁷⁰. В сущности, жизнь паразитов, мнящих себя спасителями себя и человечества. Жалко. Чудная природа. Чудная, великая страна. Но как далеко еще от настоящей дороги. Эти мужики, этот уровень, эти представления, эта Москва! Когда проснется или привьется к этим полулюдям истинное отличие человека от животных, — его сознание, не христианина, не думайте, что это важно и нужно, а сознание просвещенное, гражданское. Я, знающий, грамотный, трезвый, сильный, — разумный русский человек... Остальное все приложится.

Дневник с 3-го июня 1915 г[ода] в 2 ч[аса] дня.
[Халмбибода]¹⁷¹

3-го июня. Чего я достиг за день? В чем улучшил себя и что сделал нужного? В чем остался тем же и что сделал дурного? Курю. Люблю выпить рюмку водки, чтобы зашумело чуть-чуть в голове. Ничего не делаю. Голова полна дурных мыслей. Тело слабое, начинающее в 46 лет плохо служить. Что же это такое, как не самое жалкое существование? Можно ли исправиться духовно? Можно ли поддержать и укрепить тело? Должно. Постараюсь. Бросаю с этой минуты курить. Бросаю пить, хотя я никогда не пил много. Пил очень мало. Но все же надо бросить совсем. Завтра запишу, как прошла сегодня вторая половина дня с 2 до вечера. (Втор[ая] полов[ина] дня). Курил, как всегда. Водки не пил. Хотя пил бы, если бы пили другие. После обеда мысли

о самоубийстве¹⁷². Вечером ванна и разговор с Солмерами¹⁷³ о Доре, себе и семье. Предосторожности для того, чтобы не иметь детей. Чтение книги о порочности у мужиков. Сон.

4 июня. Утром слабость. Не хорошо. Ночью был дождь. Опять незнание, что писать. Опять куренье. Желание общения с людьми, писать им, но не знаешь, зачем. *Из себя* — ничего нет. Слабость мозга и тела. Дети. Мысли о них, о разоренности. Трудно выйти из этих дум. Что будет дальше? Будущее страшит. Это ошибка. Ошибка думать о том, что будет или что может быть. Война занимает много мыслей и чувств и мешает.

5, 6, 7 июня. Курю по-прежнему. Война занимает все мысли. Жутко за Россию. Напрасно. Пишу мудрость¹⁷⁴, а сам никуда не гожусь. Глупо. Есть проблески спокойствия и довольства души, но мало. Усилий плодотворных нет. Завишу от всего. Не знаю, чем служить людям. Не могу выдумать заработка. А он необходим. Страшусь будущего. Значит: 1) Борьба с дурными привычками. 2) Спокойствие. 3) Радостность. 4) Молитва. 5) Терпение. 6) Разумность. 7) Смирение. 8) Доброта. 9) Благочестие и вера. 10) Чистота веры лучше, в этом все.

Продолжать бороться, пахать, писать только правду и добро. Вне войны. Оставить, забыть ее по возможности. Жить вне ее. Жить иным. Поэтому вон из комнаты и в лес.

9 июня. Пишу мудрость. Не знаю, зачем и для кого. Что выйдет? Выйдет ли что-нибудь? Не достаточно ясно себе и недостаточно чист, ясен и здоров сам. Какая же мудрость? Впрочем, интересно собрать такой свод мыслей, в котором бы вкладывалось все и в котором вся жизнь стала бы разумной. Это возможно. Личная жизнь каждого может быть мудрой и в связи с общей жизнью человечества. Но ясно, что мудрость должна достигнуть верхов правительств, чтобы разрешить ужасы и бедствия жизни. Правители должны быть мудры, не только граждане. А они будут мудры, если мы поможем им, уясним связь их с нами и со всеми и неизбежность их и цепь, связь людей. О мудрости правителей, о мудрости частных людей. Не слушаться, а быть христианином? Возможно ли? Разумно ли? Все живут не мудро. Все ищут копейку и сладкий сытый стол и для этого живут. Надо, чтобы это ушло, исчезло, тогда явятся другие цели и страсти. *Мудрость говорит*: будь радостен, чист, спокоен, честен, покорен, добр, благочестив. Тогда все будут так жить, идеал[ы] переменятся. Но войны останутся. Их надо уничтожить правителям. Сговорившись между собой. Вот суть мысли. Нужно ли? Важна мудрость для частного человека? Да. Иначе нет счастья. Важно согласие

и мир народов? Еще важнее. Значит, важно и нужно то и другое. Без покорности власти нет счастья потому, что есть наказание и беспорядок. Значит, это нужно. Да, другого разрешения вопроса нет¹⁷⁵.

¹ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.6. Л.1. Запись датируется по содержанию. В Москву Толстые переехали 15 сентября 1881. Первую зиму они жили близ Пречистенки, в Денежном переулке (ныне — Малый Левшинский), в доме князя Волконского. Неподалеку, на Девичьем Поле, жила семья графа Василия Александровича Олсуфьева (1831-1883).

² Вероятно, в доме Толстых так произносили фамилию Олсуфьевых.

³ В отрочестве Л.Л.Толстой был влюблен в княжну Лили Оболенскую (в замужестве — Елизавету Дмитриевну Казенбек; ум. в 1894). См.: Толстой Л.Л. Опыт... Кн.1. Гл.7.

⁴ Л.Л.Толстой позднее вспоминал: «Старик Олсуфьев, барин старого сорта, был женат три раза и имел кучу детей. От второго брака у него была красавица дочка Катя десяти лет, брюнетка с густой косой темных волос на точеной головке, спокойная и грациозная. Она так нравилась мне, что я решил, что она должна сделаться моей женой. Но не прошло и года, как Катя неожиданно умерла от какой-то внезапной детской болезни. Помню страшное мое огорчение, о котором я никому не сказал» (Там же).

⁵ У Кати Олсуфьевой были сестры: Анна, Маня и Таня. Годы их рождения неизвестны. Кто из сестер вызвал раздражение Лёли Толстого, сказать трудно.

⁶ Л.Л.Толстой учился в то время в гимназии Поливанова.

⁷ ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого. Выделено Л.Л.Толстым.

⁸ В 1882 на медицинском факультете Московского университета учился С.Л.Толстой. Возможно, данное размышление навеяно беседой с ним.

⁹ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.6. Л.2об. Датируется по содержанию.

¹⁰ Новая гувернантка, Анна *Сейрон* (1845-1922), появилась в доме Толстых осенью 1882. 14 октября С.А.Толстая писала Т.А.Кузминской: «Гувернантку я нашла здесь, очень мне понравилась, 600 р[ублей], француженка, парижанка, отлично знает немецкий, немного музыку, отлично живопись и будет учить Лелю и Машу языкам, живописи, географии, истории, и *surveillance*. Такая симпатичная, прелесть, послезавтра ее жду» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. *Surveillance* — надзор, наблюдение — *фр.*). В одном из следующих недатированных писем С.А. добавила: «А моя *madame* очень хороша до сих пор. Сегодня она привезла своего 14-лет-

него сына — славный мальчик, учится в Лазаревском институте» (Там же). Дети Толстых сразу подружились с Алсидом (Альсидом; Алкидом) Сейроном (1869-1891).

¹¹ Ср.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.81-82.

¹² Мария Александровна *Кузминская* (в замужестве Эрдели; 1869-1923) — кузина Л.Л.Толстого, в которую он был влюблен в ранней юности. См.: Толстой Л.Л. Опыт... Кн.1. Гл.7.

¹³ Вероятно, речь идет об *Оболенских*: князе Леониде Дмитриевиче (1844-1888) и его жене, Елизавете Валерьяновне (1852-1935), племяннице Л.Н.Толстого. Их второго сына звали Михаил (1877-1941).

¹⁴ Л.Л.Толстой любил охотиться с детских лет. Это его увлечение было обыграно в «Почтовом ящике», шутливой переписке Толстых в начале 1880-х. В памяти И.Л.Толстого сохранились некоторые заметки, относящиеся к младшему брату: «*Чем люди живы в Ясной Поляне /.../ Леля жив тем, что мало заставляют учиться. /.../ Чем люди мертвы в Ясной /.../ Леля — тем, когда зайца протравит и когда Кузминовы уезжают*». (Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1969. С.121-122. Выделено автором. *Кузминовы* — так в шутку называли Кузминских в семье Толстых).

¹⁵ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.6. Л.2. Датируется по содержанию. Римская нумерация записи — в автографе.

¹⁶ См. прим.5 к «Данным моей жизни».

¹⁷ В новый дом, купленный Л.Н.Толстым летом 1882 у купца Арнатува в Долго-Хамовническом переулке и перестроенный в соответствии с нуждами семьи, Толстые переехали 8 октября 1882.

¹⁸ Запись сделана, вероятно, в конце ноября, т.к. с 8 по 18 ноября Л.Н.Толстой находился в Ясной Поляне (Т.49. С.167).

¹⁹ О том, что Поливанов еще в сентябре 1882 советовал оставить Лелю в третьем классе, см. прим. 4 к «Данным моей жизни».

²⁰ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.5. Л.1. Датируется по содержанию и дневниковой записи С.А.Толстой. См. след. прим.

²¹ «Во время обеда Левочка мне сказал, — записала С.А.Толстая в Дневнике 11 декабря 1890,— что меня ждут те мужики, которые срубили на посадке 30 берез и которых вызывают на суд. Всякий раз, как мне говорят, что *меня* ждут, что *я* должна что-то решать, на меня находят ужас, мне хочется плакать, и точно я в тиски попадаю, некуда выскочить, это навязанное мне *по христианству* хозяйство, дела́, это самый большой крест, который мне послан Богом. И если спасение человека, спасение его духовной жизни состоит в том, чтобы *убить* жизнь ближнего, то Левочка спасся. Но не погибель ли это двум?» (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.129-130. Выделено автором).

²² Через несколько дней суд приговорил крестьян к шестинедельному заключению. О драме в семье Толстых по этому поводу см. дневниковые записи Л.Н.Толстого (от 15 декабря; Т.51. С.111) и его дочери (от 17 декабря; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.200-201).

²³ Почти так же виделась семейная ситуация и С.А.Толстой: «Приехал Лева, мне стало как-то празднично весело, но он невеселый и, как отец, эгоистично занят собой больше всего. Ванечка так трогательно ему обрадовался и так любовно смотрел на него, а он сурово отнесся к нему. Вот так забывают в детях любовь и ласковость» (Толстая С.А.Дневники. Указ. изд. Т.1. С.129).

²⁴ «Вечером сидели все вместе, — писала в тот же день С.А., — у Тани болит спина, и она странна и невесела. Вот кому нужна новая жизнь, нужно замужество. Всякий день молюсь об этом» (Там же).

²⁵ Эта проблема волновала Л.Л.Толстого. Обсуждал он ее и с отцом. 19 декабря 1888 Л.Н.Толстой записал в Дневнике: «С Левою говорили об общем бедствии — онанизме и о лжи, под к[оторой] скрывается разврат» (Т.50. С.16). См. также ниже, прим. 33.

²⁶ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.2. Л.1-150б.

²⁷ См. прим. 23.

²⁸ Л.Л.Толстой имеет в виду диалог Платона «Федон». В свое время он произвел большое впечатление на Л.Н.Толстого и это, вероятно, отразилось на восприятии сына. Ср.: Т.25. С.458-461; Т.48. С.66.

²⁹ По-видимому, здесь отголосок «горячего разговора» Л.Л.Толстого с отцом 25 декабря 1890. Началось с просьбы сына поменять установившиеся в доме часы приема пищи, а завершилось упреками Л.Н.Толстого к сыну в том, что тот «не знает ни смирения, ни любви, принимает гигиенические заботы за нравственные», слезами и последующим взаимным раскаянием и примирением (См.: Т.51. С.114-115; Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.135).

³⁰ В предисловии к своему переложению буддийской сказки «Карма» американского писателя, философа и востоковеда Поля Каруса (1852-1919) Л.Н.Толстой писал: «"Карма" есть буддийское верование, состоящее в том, что не только склад характера каждого человека, но и вся судьба в этой жизни есть следствие его поступков и предшествующей жизни и что добро или зло нашей будущей жизни точно так же будет зависеть от тех наших усилий избежать зла и совершения добра, которые мы сделали в этой» (Ноябрь 1894. Т.31. С.47). См. также размышления Л.Н.Толстого на эту тему в письме к Д.А.Хилкову от 7 февраля 1892 (Т.66. С.155-156).

³¹ Возможно, речь идет о журнале «Open Court», который издавал в Чикаго П.Карус. Л.Н.Толстой получал этот журнал в Ясной Поляне. Хотя комплект за 1890 не сохранился в библиотеке писателя, в его записной книжке есть помета: «7 [Декабря]. Статья Open Court» (Т.51. С.156).

³² Учение о переселении душ (*греч.*)

³³ Беспokoйством по поводу своей склонности к онанизму Л.Л.Толстой откровенно и подробно поделился с Чертковым в письме от 25 февраля 1890: «Половые дела меня тоже тяготят страшно. Испорченная натура капризна, ей не легко руководить. Сегодня я нравственно живу и мыслю, завтра, несмотря на глубокое убеждение, что мне это запрещено совестью, не подумай — доктором, что это моя погибель, я возбуждаюсь при виде женщины до того, что все забываю, не имею сил отойти от нее, борюсь и мучаюсь, наконец, какими-нибудь внешними средствами спасаюсь от фактического падения, а потом раскаиваюсь и чуть не рыдаю. Это ужасно; нынешний год для меня критический, пан или пропал. Солнце стало горячее и я уже заволновался. Как трудно жить хорошо даже в таких пустяках, а требуют еще христианства, куда нам! Хоть совладать с этим, хоть показать другим, что это возможно даже и при всей нашей испорченности. Ведь собственно это начало всего на земле, — всего живущего вещественного и всего нравственного. Это величайшая болезнь, от которой надо лечить человечество. Ты, может, думаешь, что я у[в]лекаюсь, преувеличиваю. Нисколько. Я, по крайней мере, до сих пор, с тех пор, как почувствовал в себе половые инстинкты, никогда не мог жить спокойно, чем-нибудь ровно и счастливо заниматься, — это постоянно отвлекало меня, заставляло забывать о том, в чем настоящая разумная жизнь, делало меня животным. Вот отчего скорее жениться, вот отчего бросать университет» (ОР ГМТ. Архив В.Г.Чертова).

³⁴ Михаил *Фомич* Крюков (1854-?) — буфетчик у Толстых.

³⁵ Деревня *Грумант* (Грумонт) в 3 км от Ясной Поляны, место обычных прогулок Л.Н.Толстого.

³⁶ *Анисим Моргунов* — яснополянский крестьянин, сведений о котором обнаружить не удалось.

³⁷ *Александр Васильевич Цингер* (1870-1934) — сын профессора Московского университета В.Я.Цингера; в то время — студент университета, в будущем — профессор физики.

³⁸ Речь идет о любви Т.Л.Толстой к М.В.Олсуфьеву. См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.198-201.

³⁹ В уже цитированном письме Черткову от 25 февраля 1890 Л.Л.Толстой писал: «Относительно университета, мне кажется, я прав. То есть, не имея любви к тому, что называется наукой, необходимости в материальном отношении, убеждения нравственного, потому что не так надо жить нравственно, — бросить все это не есть необдуманность или вялость, а скорее, смелый поступок, кот[орый] заставит меня тогда за что-нибудь приняться, что-нибудь делать нужное. А ведь медицина у меня выдумана, а выдуманное никогда не бывает прочно» (ОР ГМТ. Архив В.Г.Чертова).

⁴⁰ Вероятно, это отклик на разговор с матерью на эту тему. Ср. запись в ее дневнике от 13 декабря 1890 (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.130).

⁴¹ О духовной близости с дочерью Машей см. письмо Л.Н.Толстого к О.А.Баршевой и М.А.Шмидт от 22 мая 1891 (Т.65. С.303).

⁴² Иван Егорович *Эрдели* (1870-?) 23 декабря 1890 приехал в Ясную Поляну со своей невестой, М.А.Кузминской.

⁴³ Речь идет о публикации писем Н.В.Гоголя к обер-прокурору Святейшего Синода А.П.Толстому (1801-1874), в доме которого на Никитском бульваре в Москве Гоголь умер. См.: Н.В.Гоголь: Его отношения к гр. А.П.Толстому // В память С.А.Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891. С.239-267.

⁴⁴ В близких по времени номерах «Русского обозрения» внимание Л.Л.Толстого могли привлечь стихотворения Вл.С.Соловьева (№11. С.43), А.А.Фета (Там же. С.237-240), Д.Н.Цертелева (№12. С.503-508), А.А.Голенищева-Кутузова (Там же. С.577-580), М.А.Хитрово (Там же. С.733), а также Г.Гейне в переводе Д.Павлова (Там же. С.509-510).

⁴⁵ Вогюэ М.де. По поводу «Крейцеровой сонаты» // Русское обозрение. 1890. №12. С.511-527. Возражение Льва Львовича вызвало следующее суждение французского критика, одного из первых пропагандистов творчества Л.Н.Толстого у себя на родине: «Граф Толстой хочет упразднить природу, и этот избыток логики ставит его в невозможность сделать вывод. /.../ Отсутствие вывода — вот главный недостаток, на который я хочу указать в *Крейцеровой Сонате*. /.../ Но граф Толстой, такой смелый во всем остальном, не решается провозгласить его. Это заключение состоит в том, что мир должен кончиться, потому что он нехорош, и идеал состоит в том, чтоб он кончился как можно скорее посредством всеобщего безбрачия» (Там же. С.518. Выделено автором).

⁴⁶ По-видимому, речь идет о следующем. Однокурсник Л.Н.Толстого по Казанскому университету В.Н.Назарьев (1830-1902) в статье «Жизнь и люди былого времени» уделил несколько страниц своему знаменитому современнику. Лев Львович откликнулся на это «Письмом в редакцию газеты по поводу воспоминаний Назарьева о Л.Н.Толстом», в котором, не рассматривая какие-либо отдельные неточности, в принципе оспаривал возможность публикации таких мемуаров без согласия их героя (ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.16. Л.1-2об. Черновой автограф). Л.Н.Толстой отнесся к попытке сына вступить в полемику неодобрительно: «Статью не надо печатать и не надо также писать, — доказывал он в письме сыну 30 ноября 1890. — Если неприятны bestолоковые и ложные суждения, то лучшее средство, чтобы их было как можно меньше, ничего не отвечать, как я всегда и делал и считаю даже нужным делать. Кроме того, отвечать значит итти против принятой мною издавна системы» (Т.65. С.194-195; см. также: Т.51. С.109).

⁴⁷ Ср.: «На первый день Рождества была у нас елка. На второй — ряженые — вся дворня и прислуга. Это очень удалось, все много плясали и веселились» (Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.202).

⁴⁸ *Прасковья* Николаевна Крюкова (урожд. Румянцева) — жена буфетчика М.Ф.Крюкова.

⁴⁹ *Иван Александрович* Бергер (1867-1916) — управляющий имением Толстых в Ясной Поляне. См. о нем: Бибикова М.С. В семье Толстых // Л.Н.Толстой и его близкие. М., 1986. С.81. Л.Н.Толстой неодобрительно относился к общению дочерей с Бергером. (Т.51. С.105).

⁵⁰ Имя приятельницы Бергера установить не удалось. Первая буква имени в автографе написана нечетко: Н или П.

⁵¹ Возможно, речь идет о *Варваре* Васильевне Суворовой, дочери медника в Ясной Поляне.

⁵² *Лукьян* Демьянович — московский кучер Толстых.

⁵³ Сходным образом реагировала и С.А.Толстая: «Вечером пришли дворовые и прислуга наша ряженые и плясали под гармонию и фортепьяно. Это Таня все хлопотала, и самой ей хотелось *глупого* веселья. Она тоже и Мага нарядились. Но как только Маша вошла, мы с Левою ахнули. Она обтянула себе панталонами совсем зад — оделась мальчиком — и стыда ни капли. Чуждое, глупое и бестолковое она создание» (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.135-136. Выделено автором).

⁵⁴ Ср.: Т.51. С.113.

⁵⁵ Томаш Гарриг *Масарик* (1850-1937), в то время — профессор Пражского университета, а позднее — первый президент Чехословацкой республики, в апреле 1887 посетил Ясную Поляну. (Т.64. С.48; Т.84. С.30).

⁵⁶ Речь идет о *Петре Осиповиче* Зябреве (1843-1908?), бывшем ученике яснополянской школы. (Т.83. С.332, 424).

⁵⁷ О привязанности Л.Н.Толстого к его единомышленнику, Александру Никифоровичу *Дунаеву* (1850-1946), одному из директоров Московского торгового банка, см.: Т.51. С.116.

⁵⁸ Речь идет о рассказе Варвары Александровны Цуриковой (1851-1922) «Буренчиха. Из записок помещицы» (Русское обозрение. 1890. №12. С.608-625). В письме М.Л.Толстой к Черткову от 8 января 1891 содержался совет Л.Н.Толстого напечатать этот рассказ Цуриковой в «Посреднике» (Т.87. С.391). Издание состоялось в 1892.

⁵⁹ *Василий* Севастьянович Макарычев (Макаров) — слуга Толстых. Ср.: Т.51. С.115.

⁶⁰ В центре повествования — рассказ старухи, Насти Буреновой, «Буренчихи». После известия о смерти ее мужа Федора, забранного в солдаты, героиня вышла замуж за Ивана — вдовца с пятилетней дочерью. Через несколько лет Федор вернулся, и Иван был вынужден расстаться с Буренчихой. Жизнь стала ему не в радость. За две недели он «исчах,

истаял, как мертвец стал желтый. /.../ чем смерть ближе, тем он радостнее становился. /.../ смерть его была тихая, праведная смерть, приведи Бог всякому такую» (Русское обозрение. 1890. №12. С.624-625).

⁶¹ Там же. С.734-746. Переводчик не указан.

⁶² Речь идет о пособии профессора философии Московского университета Льва Михайловича Лопатина (1855-1920).

⁶³ Вероятно, речь идет о кн.: Cousin V. Histoire générale de la philosophie: Nouvelle édition. Paris, 1864. Виктор Кузэн (1792-1867) — французский философ и политический деятель, член Французской академии, а также Академии моральных и политических наук.

⁶⁴ Ср.: Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.139. В Ясную Поляну Бергер вернулся один 6 января 1891. (Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.203).

⁶⁵ Речь идет о П.О.Зябреве (см. прим.56).

⁶⁶ В очерке «Дурочка из Ясной Поляны» Т.Л.Толстая писала о бедной крестьянке *Прасковье* Тимофеевне Лохмачевой (1867-1913): «Отец говорил, что Параша обладает двумя основными достоинствами христианки: она никогда не заботилась о завтрашнем дне и всем желала добра». — Цит. по кн.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.552; Tolstói T. Avec Leon Tolstói. Paris, 1975. P.203-206.

⁶⁷ *Наталья* Николаевна Философова (1872-1926) — дочь директора Московского училища живописи и ваяния Н.А.Философова (1840?-1895). В августе и ноябре 1890 приезжала в Ясную Поляну (Т.51. С.76, 103-104).

⁶⁸ Ср. точку зрения С.А.Толстой, записавшей 20 ноября 1890: «С Машей никогда у нас связи настоящей не было, кто виноват — не знаю» (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.124). И.Л.Толстой так объяснил близость сестры Маши к отцу: «Она сердцем почувствовала одиночество отца, и она первая из всех нас отшатнулась от общества своих сверстников и незаметно, но твердо и определенно перешла на его сторону» (Толстой И.Л. Мои воспоминания. Указ. изд. С.195).

⁶⁹ См. запись Т.Л.Толстой, сделанную 21 февраля 1888 под впечатлением тайно прочитанного ею дневника Маши: «Во-первых, мне стало страшно жаль ее. Хотя я всегда думала, что она чувствует свое одиночество в семье, нелюбовь к ней, но, никогда не испытавши ничего другого, я не думала, чтобы она так страдала от этого. Она пишет, что хочет убить себя, но что ее останавливает то, что она чувствует, что нелюбима по своей собственной вине, и что она будет стараться побороть дурные стороны, чтобы ее любили» (Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. Указ. изд. С.165).

⁷⁰ Так называли в семье М.Л.Толстому.

⁷¹ О своем неприятии творчества норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828-1906) Л.Н.Толстой писал 14 сентября 1891 переводчику

П.Г.Ганзену (1846-1930): «Его драмы /.../ все выдуманы, фальшивы и даже очень дурно написаны в том смысле, что все характеры не верны и не выдержаны. Репутация его в Европе доказывает только страшную бедность творческой силы в Европе» (Т.66. С.45).

⁷² *Митрофан* Филиппович Егоров, сын кучера Толстых.

⁷³ Тульский губернатор, знакомый Толстых, Николай Алексеевич *Зиновьев* (1839-1917) приехал с двумя дочерьми: Любой и Надей. *Джильяна* (Джულიани; Джулиани; Жулиани) — певица.

⁷⁴ Роман А.Доде «Набоб» (1877) не случайно вошел в круг чтения начинающего литератора Л.Л.Толстого. Все эпизоды этого произведения основаны на личных воспоминаниях автора.

⁷⁵ Уездный город в Тульской губернии.

⁷⁶ Николай Васильевич *Давыдов* (1848-1920) — судебный деятель, с 1878 — прокурор окружного суда в Туле, а затем его председатель до переезда в Москву в 1897; давний знакомый Толстых.

⁷⁷ Архиепископ Херсонский и Одесский *Никанор* (в миру Александр Иванович Бровкович; 1826-1890) умер от рака желудка в ночь на 27 декабря 1890. В тот же день скончался епископ Ковенский, викарий Литовской епархии *Кирилл* (в миру Константин Орлов; 1838-1890). — Московские ведомости. 1890. 29 декабря. №359. С.4, 6.

⁷⁸ В 1890-е профессор Московского университета по кафедре финансового права Иван Иванович *Янжул* (1845-1914) выступил с серией статей по экономической стороне народного образования, доказывая, что подлинный расцвет России возможен только через организацию общедоступного и всенародного образования. Вероятно, в комментируемом тексте речь идет о ст.: Янжул И.И. Практическая филантропия в Англии // Вестник Европы. 1890. Февраль-март.

⁷⁹ Павел Гаврилович *Виноградов* (1854-1925) — историк, профессор Московского университета. См.: Виноградов П.Г. История Греции. М., 1889.

⁸⁰ Ср.: Т.23. С.332.

⁸¹ В этот день С.А. записала: «Левочка жаловался, что ему не пишется» (Толстая С.А. Дневники. Указ.изд. Т.1. С.139). Сам Л.Н.Толстой иначе оценивал результаты дня: «Вчера 4-е, писал довольно много. Подвигаюсь медленно» (Т.52. С.3). Книга «Царство Божие внутри вас», о работе над которой идет речь, в процессе написания разрослась. Писатель возвращался к ней еще в течение двух лет.

⁸² Критическая реакция отца на этот рассказ сына в письме от 30 ноября 1890: «Герой неинтересен, несимпатичен, а автор относится к нему с симпатией, /.../ неприятно действует речь студента, и его поучение ненатурально. — Несимпатичен герой тем, что он барчук и не видно, во

имя чего он старается над собой, как будто только для себя. И оттого и его негодование слабо и не захватывает читателя» (Т.65. С.195).

⁸³ О пребывании 1-14 января 1891 в Ясной Поляне *Николая Николаевича Ге-младшего* (1857-1940). Т.87. С.68. В комментируемой записи Л.Л.Толстой имеет в виду, что Ге-младший в 1884 бросил университет, женился на крестьянке и в течение десяти лет старался проводить в жизнь учение Толстого, работая в поле и огороде (Толстой С.Л. Очерки былого. Указ. изд. С.334).

⁸⁴ 18 января 1891 Л.Л.Толстой писал матери: «Вот вам Москва и я — скверно. То ли дело мороз, иней /.../ Теперь, сразу окунувшись в здешнюю жизнь, думаю жить потихоньку и заниматься» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁸⁵ Речь идет о двухтомном издании «Сочинений» (СПб., 1887) выдающегося русского хирурга и анатома *Николая Ивановича Пирогова* (1810-1881). В 1-м томе был помещен «Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой», датированный 1879-1881. Мотивируя обращение к этому жанру на закате жизни, автор заметил: «Пиша, делаешься смелее с собою и притом не даешь мысли распускаться в разные стороны и бродить; мысль при записывании превращается в нитку и ловчее тянется из мозга, чем при размышлении, без письма» (С.8). Во 2-м томе были опубликованы статьи и речи, а также отрывки под заглавием «Вопросы жизни».

⁸⁶ В этот день Л.Л.Толстой писал матери: «Читаю мало, занимаюсь еще меньше и вообще ничего не делаю путного, хотя не скучно и жить можно» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁸⁷ Запись за этот день в автографе отсутствует. 12 февраля 1891 Л.Л.Толстой писал матери: «Я совершенно здоров, хотя все говорят мне, что я на минуту [?] худею, что меня смущает, и действительно, мое здоровье меня постоянно беспокоит. Но дело в том, что в Москве, особенно в университете, нельзя быть совершенно здоровым. Нет ни правильной жизни, ни физического труда, даже настоящего движения. Хотя, что я вру, все обстоит прекрасно /.../ Последнее время плодом моих размышлений у меня явился оптимистический взгляд на жизнь и людей. Все мне кажется хорошими, что раньше я никак бы не мог подумать. Это очень приятное чувство. Мне кажется, что оно зависит, как и все на свете, от личного настроения и состояния духа, потому что видеть в людях хорошее можно только собственным своим хорошим, и потому я немножко доволен» (Там же). Через несколько дней Лев Львович заболел и смог приехать в Ясную Поляну только 28 февраля. С 9 марта он снова был в Москве. (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.158; Т.52. С.17).

⁸⁸ О том же 23 марта 1891 Л.Л.Толстой писал матери со ссылкой на слова только что приехавшей из Ясной Поляны своей кузины *Варвары Валерьяновны Нагорновой* (урожд. Толстой; 1850-1922): «Потом

Варя рассказала мне, что д[ядя] Сережа ругается на мой рассказ и досаждает на то, что я послал его под своим именем. Первое никому не запрещается и может быть совершенно справедливо, во втором же он неправ, хотя, конечно, приятнее бы было быть каким-нибудь Петровым, чем сыном папá, посылая свои рукописи в редакции. Ну, да что об этом толковать» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁸⁹ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.14. Л.2-2об. Датируется по содержанию.

⁹⁰ Александр Александрович *Цуриков* (1849-1912) — юрист, член уездного суда, приятель С.Л.Толстого, специально приглашенный Л.Н.Толстым для консультаций в период работы над сценой суда над Катюшей Масловой. Приезжал в Ясную Поляну 25 октября и 1 ноября 1898. В комментируемой записи — отголосок беседы Толстого-отца с Ц. Ср.: Толстой С.Л. Очерки былого. Указ. изд. С.194-195, 465.

⁹¹ ИРЛИ. Ф.303. №14. Л.3-3об. Выделено Л.Л.Толстым. О его пребывании в Москве в апреле 1900 известно из неопубликованного письма С.А.Толстой к мужу из Ясной Поляны в Москву от 14 апреля 1900 (ОР ГМТ. Архив Л.Н.Толстого).

⁹² Ср. замечание в Дневнике Л.Н.Толстого от 6 апреля 1900: «С Левой спокойно, но нехорошо тем, что я как будто презира[ю] его. Господи — ты, к[оторый] во мне, разгорись во мне, дай мне любви» (Т.54. С.20).

⁹³ Федор Петрович *Гааз* (1780-1853) — русский врач, филантроп. Став в 1828 старшим врачом московских тюремных больниц, он добился улучшения содержания заключенных, организации тюремных больниц, а также школ для детей арестантов. Отношение Л.Н.Толстого к деятельности доктора Гааза менялось. Приведенная Львом Львовичем формулировка больше никем не зафиксирована. В записи Д.П.Маковицкого от 5-6 октября 1905 запечатлена более мягкая характеристика: «это был ограниченный человек». (Маковицкий Д.П. У Толстого: 1904-1910: Яснополянские записки: В 4-х книгах. Кн. 1. М., 1979. С.419).

⁹⁴ Ср. запись в Дневнике Л.Н.Толстого от 6 апреля 1900: «Несчастные цари воспитываются и поддерживают[ся] в признании такого огромного количества внешних обязанностей, что не остается совсем места для обязанностей к себе. Я это заметил, когда говорил о том, что нашему Царю надо главное исполнять требования нравственности — оказалось, что таких нет, кроме супруж[еской] верности; он должен и казнить и грабить и развращать» (Т.54. С.21).

⁹⁵ Роман «Крестьянин» немецкого писателя Вильгельма фон Поленца (1861-1903) Л.Н.Толстой выделял из потока современной литературы. Он считал несправедливым, что публикация романа на русском языке в «Вестнике Европы» (1899) прошла незамеченной. К новому переводу В.М.Величкиной (в замужестве — Бонч-Бруевич; 1868-1918) Толстой в 1901 написал предисловие. (Т.34. С.271-272).

⁹⁶ *Молокане* — христианская секта, возникшая в России в XVIII в. Отрицают обряды и иерархию православной церкви. Название связано с тем, что молокане в пост пьют молоко. Три тысячи зриванских молокан просили Л.Н.Толстого помочь им получить разрешение на выезд в Америку. Толстой передал их прошение на высочайшее имя через находившегося в Москве своего давнего знакомого, генерал-адъютанта царя, графа Александра Васильевича Олсуфьева (1843-1907). 2 мая 1900 писатель сообщил Хилкову: «Олсуфьев передал Николаю и Николай сказал: опять духоборы? Олсуфьев сказал: нет, молокане. — Ну, оставьте, я прочту» (Т.72. С.353-354). Желанного результата не последовало. Только с 1901 молокане отдельными партиями нелегально начали покидать Россию. (Т.54. С.20, 416).

⁹⁷ 23 марта 1900 Т.Л.Толстой-Сухотиной, страдавшей фронтитом, была сделана трепанация части черепа.

⁹⁸ Речь идет о Л.Л.Толстом-внуке.

⁹⁹ Первая жена С.Л.Толстого, Мария Константиновна Рачинская (1865-1900) — вскоре после свадьбы вернулась к своему отцу. После рождения сына Сергея (1897) она заболела туберкулезом и скончалась 2 июля 1900. С.Л.Толстой позднее вспоминал: «Разрыв с ней, ее болезнь и смерть привели меня в неврастеническое состояние, которое ослабело лишь после моего путешествия на Кавказ и в Канаду с духоборами» (Толстой С.Л. Очерки былого. Указ. изд. С.183).

¹⁰⁰ Тема развита Л.Л.Толстым позднее в его кн.: *Моя гигиена*. СПб., 1903.

¹⁰¹ Этот факт в мемуарной литературе не отмечен.

¹⁰² Ср. письмо С.А.Толстой дочери, Т.Л.Сухотиной, от 13 февраля 1900: «Сегодня папá ходил с Количкой слушать ту же музыку, но как народно-образовательное развлечение в Историческом музее. Там и пели из "Жизни за царя", и играли марш /.../ читали об Индии с туманными картинками и проч. И потому что это носит название "Народно-образовательное", то это все хорошо» (ОР ГМТ. Архив Т.Л.Сухотиной-Толстой. *Количка* — Н.Н.Ге-младший).

¹⁰³ Вероятно, речь идет о посещении психиатрической клиники профессора Московского университета Сергея Сергеевича Корсакова (1854-1900), расположенной позади хамовнического дома Толстых, в бывшем владении Олсуфьевых. Девизом профессора Корсакова было: «Спешите делать добро!» После его смерти один из его коллег писал: «Этот человек был сотворен из солнечного луча и стали. /.../ Он был "добро", возведенное на степень идеи; он был "воплощение идеи", сотканной из лучших чувств» (Россолимо Г.И. Памяти Корсакова. М., 1902. С.3).

¹⁰⁴ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.2. Л.16-16об. Датируется на основании текстов Л.Л.Толстого «Отрывок из моего дневника 1903 года» и «В Ясной Поляне. Из дневника 1903 года» (см. ниже). Сохранившаяся подлинная днев-

никовая запись позволяет отделить документальную основу от ее более поздней литературной обработки.

¹⁰⁵ Александр Борисович *Гольденвейзер* (1875-1960) — пианист, один из друзей Л.Н.Толстого, приехал в Ясную Поляну 12 марта 1903. (Т.54. С.381). По воспоминаниям одной из слушательниц, в тот вечер «Гольденвейзер играл и классиков, и Рахманинова, и Аренского». (Микулич В. Встречи с писателями. Л., 1929. С.132).

¹⁰⁶ Вероятно, речь идет о третьем издании книги известного литератора, одного из ведущих сотрудников газеты «Новое время» Виктора Петровича Буренина (1841-1926) «Стрелы», которое, к сожалению, нам не удалось найти (I изд. — 1881; II изд. — 1889; IV изд. — 1916).

¹⁰⁷ Речь идет о цикле «*Сатиры à la Некрасов*», состоящем из трех стихотворений: «На проспекте», «Околодочный и муза "мести и печали"», «Время и его герои» (Буренин В. Стрелы. СПб., 1881. С.178-192) и миниатюре «*Сметана и капуста*», включенной в раздел «Современные басни» (С.142-143). Эти произведения привлекли внимание Л.Н.Толстого.

¹⁰⁸ Скульптор Паоло (Павел Петрович) *Трубецкой* (1866-1938) приехал в Ясную Поляну 13 марта 1903. (Т.54. С.382).

¹⁰⁹ И.Л.Толстой.

¹¹⁰ Петр Алексеевич *Сергеенко* (1854-1930) — литературный критик, один из последователей Л.Н.Толстого, 14 марта 1903 записал: «В Ясную мы приехали часа в три и застали там скульптора князя П.Трубецкого с его приятелем итальянцем. Они едут в Италию и заехали почтить Льва Николаевича. В заключение попросили снять его. Лев Николаевич терпеливо позировал им...» (Литературное наследство. Т.37-38. С.552).

¹¹¹ Игру в винт Л.Н.Толстой особенно полюбил во время болезни 1901 года. См. об этом в воспоминаниях писательницы В.Микулич (псевд. Лидии Ивановны Веселитской; 1857-1936), бывшей в то время в Ясной Поляне: Микулич В. Встречи с писателями. Указ. изд. С.126-127.

¹¹² Московский врач Эразм Леопольдович *Гедгофт* жил в Ясной Поляне с 1 февраля 1903. (Т.54. С.380).

¹¹³ Статья Л.Н.Толстого «Христианское учение» была запрещена в России и впервые напечатана в издании «Свободного слова» Черткова в Англии в 1900.

¹¹⁴ Павел Александрович *Буланже* (1865-1925) — служащий правления Московско-Курской железной дороги, последователь Толстого, приехал в Ясную Поляну 16 марта 1903. (Т.54. С.382).

¹¹⁵ Крестьянин деревни Казначеевка Крапивенского уезда Тульской губернии *Афанасий* Николаевич Агеев (1859-1908) весной 1901 поступил на службу ремонтным рабочим на станции Шекино. Сослуживцы невзлюбили его за то, что он не участвовал в их попойках и пытался воздействовать на их совесть. Однажды они вызвали Агеева на разговор на ре-

лигиозную тему. Один из вопросов звучал так: «Что же, по-твоему, Николая-угодника можно и на лопате нарисовать?» Услышав утвердительный ответ Агеева, они донесли начальству, которое и привлекло Агеева к суду. 15 января 1903 суд присяжных признал его виновным в том, что он «умышленно, с целью поколебать веру означенных рабочих и произвести соблазн, неоднократно порицал христианскую веру и Православную Церковь, глумился над святыми таинствами, Пречистой Богородицей, Св. угодником Николаем и Святыми иконами» и приговорил к ссылке на поселение в Сибирь.

¹¹⁶ Об участии Л.Н.Толстого в судьбе Агеева, которого писатель знал с начала 1880-х, см.: Т.74. С.86-87, 103-104.

¹¹⁷ Речь идет о князе Дмитрие Дмитриевиче Оболенском (1844-?), спутнике нескольких десятилетий жизни Л.Н.Толстого.

¹¹⁸ Л.Л.Толстой, вероятно, имеет в виду запись в Дневнике отца от 13 марта 1903. (Т.54. С.162).

¹¹⁹ 16 марта 1903 Л.Л.Толстой делился с В.Г.Чертковым своими впечатлениями от пребывания в Ясной Поляне: «Дорогой друг, пишу тебе из Ясной, где живу уже больше недели и куда давно стремился из Петербурга. /.../ Здесь сразу соскочила вся петербургская муть с души. Бедную жену мою я свез в Швецию к ее отцу, где она лечится от белка, который еще все есть, а сам приехал сюда. Надеюсь, что в мае жена будет настолько здорова, что приедет сюда с детьми на лето, и тогда, кто знает, м[о-жет] б[ыть], я останусь здесь и на зиму. Мне этого только хочется, а что велит Бог, — не знаю. Отец в отличном настроении и здоровье его очень хорошо. Он совсем здоров опять и только постарел, конечно, что естественно. Мы с ним хорошо беседуем временами, и я счастлив, что у нас с ним не осталось следа недобрых отношений, одно время пробежавших между нами» (ОР ГМТ. Архив В.Г.Черткова).

¹²⁰ Отношения Л.Л.Толстого с Горьким складывались неровно. Узнав о приезде Горького в Ясную Поляну 6 октября 1902, он обрушил на мать из Петербурга серию взволнованных вопросов: «У вас был Горький, кажется, что же Вы ничего о нем не написали [?] Читал ли он свою драму? Как его нашли?» (15 октября 1902. ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой). В конце 1902 литературные пути Л.Л.Толстого и Горького неожиданно скрестились в связи с предполагавшейся публикацией романа Льва Львовича «Иван Савин» в журнале «Мир Божий». 4 ноября 1902 сын сообщал матери из Петербурга: «Роман мой второй или, скорее, повесть, помещаю в "Мире Божьем", но не раньше лета, и он там понравился. На днях решится, соглашусь ли я на выпуск редакции» (Там же). Переписка Л.Л.Толстого с редактором журнала Ф.Д.Батюшковым в первой половине ноября 1902 свидетельствует о том, что автор с радостью согласился внести в текст необходимые изменения. (ИРЛИ. Шифр 15. 751/ХСVII6/471. Л.1-5; Там же. Шифр 15.230/ХСI6 З. Л.3-3об.). Однако вмешательство Горького остановило эту публикацию. О давней антипатии к Л.Л.Толстому свидетельствует и письмо Горького к А.П.Чехову, написанное еще

в октябре 1900: «Был в Ясной Поляне. /.../ Не понравился мне Лев Львович. Глупый он и надутый. Маленькая кометочка, не имеющая своего пути и еще более ничтожная в свете того солнца, около которого беспутно копошится» (Горький М. Собр. соч.: В 30 тт. Т.28. М., 1954. С.136-137). Публикация же первого романа Л.Л.Толстого «Поиски и примирение» в откровенно враждебном к его отцу журнале И.И.Ясинского «Ежемесячные сочинения» (1902. №1-12) окончательно утвердила Горького в мнении, что у Льва Львовича нет не только литературного, но и человеческого дарования. (См.: Горький М. Указ. соч. С. 275-276). 7 февраля 1903 в письме к матери Л.Л.Толстой прямо назвал имя главного виновника неудач с журналом «Мир Божий»: «Те мои литерат[урные] неприятности, о которых я вам писал, были связаны с подлостью Горького. Это пройдоха и актер» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

¹²¹ Вероятно, речь идет о той литературной буре, которая разразилась после появления рассказов Леонида Николаевича Андреева «В тумане» (1902) и «Бездна» (1903). Ср.: «Письмо в редакцию» С.А.Толстой с обвинениями автора в любовании «низостью явлений порочной человеческой жизни» (Новое время. 1903. 7/20 февраля. №9673. С.4).

¹²² Вероятно, Л.Л.Толстой записал реплику отца, вспомнившего о картине художника Наркиза Николаевича Бунина (1865-1912) «Рыбная ловля», вокруг которой в 1903 разразился скандал. См. ниже «Отрывок из моего дневника 1903 года». Бунин был почетным вольным общником (членом) Академии художеств. Его работы с 1885 часто появлялись на выставках.

¹²³ С.А.Толстая была в Москве с 18 по 23 марта 1903. По возвращении в Ясную Поляну у нее начался нервный припадок, продолжавшийся до 26 марта. (Т.54. С.383).

¹²⁴ Мария Васильевна *Сяськова* — сотрудница издательства «Посредник»; в феврале 1901 работала переписчицей у Л.Н.Толстого. См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Т.1. М.; Пг., 1922. С.54.

¹²⁵ В Ясной Поляне Александр Сергеевич *Бутурлин* (1845-1916) — бывший революционер, знакомый Толстым, занимавшийся изучением экономических вопросов и истории религии, находился 24-27 марта 1903. (Т.54. С.382. См. также о нем: Толстой С.Л. Очерки былого. Указ. изд. С.334-343).

¹²⁶ *Мэтью Арнольд* (1822-1888) — английский поэт и критик, книгу которого «Литература и догма» Л.Н.Толстой высоко ценил. Упоминаемая здесь книга Арнольда «Бог и Библия» является своеобразным продолжением первого сочинения. См.: Arnold M. Literature and dogma: An essay towards a better apprehension of the Bible. London, 1873; Arnold M. God and the Bible: A review of objections to «Literature and dogma». London, 1875.

¹²⁷ Владимир Александрович *Поссе* (1864-1940) — редактор журнала «Жизнь», издававшегося в Лондоне. Написал статью «Граф Л.Н.Толстой и рабочий народ», в которой оспаривал основные положения обращения

Л.Н.Толстого «К рабочему народу». Толстой читал статью Поссе «с большим интересом» и говорил «что даже трогательно, как Поссе чувствует истину и как ради социалистических идей нападает на нее» (Х.Н.Абрикосов — И.М.Трегубову, 4 марта 1903 // Летописи Гослитмузея. Кн.12: Л.Н.Толстой. К 120-летию со дня рождения / Ред. Н.Н.Гусев. Т.2. М., 1948. С.445). «Иметь в виду их заблуждения очень полезно, — объяснял писатель свое отношение к Поссе и другим критикам в письме к Трегубову 19 марта 1903. — Мне истинно, непритворно жалко их. Они так тревожны, как бывают всегда люди, сознающие свою неправду. А кроме того, возражать им то же, что снимать фотографии с облаков. Вы только что наладили аппарат, а облако прошло или изменилось, и следа нет того, что было» (Т.74. С.74).

¹²⁸ Вероятно, речь идет о книге немецкого теоретика анархизма Пауля Эльцбахера (1868-1928). См.: Eltzbacher P. Der Anarchismus. Berlin, 1900. Л.Н.Толстой с похвалой отзывался о ней еще в июле 1900. (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Указ. изд. Т.1. С.36). В данном случае разговор мог возникнуть в связи с тем, что Хирьяков готовил перевод отдельных фрагментов из этой книги для публикации в журнале «Свободное слово», который Чертков издавал в Англии. (См. также: Т.89. С.320).

¹²⁹ О работе над статьей Черткова «О революции» Л.Н.Толстой подробно написал автору 29 марта 1903. (Т.88. С.292-293).

¹³⁰ Л.Л.Толстой не догадывался об увлечении С.А.Толстой композитором С.И.Танеевым (1856-1915) и о переживаниях Л.Н.Толстого. (Т.53. С.383-388).

¹³¹ Елизавета Николаевна *Малашкина* (1884-?) — дочь учителя второй рязанской гимназии, в начале 1903 заболела воспалением легких. Врачи поставили неверный диагноз: скоротечная чахотка. 7 марта 1903 М. обратилась к Л.Н.Толстому за поддержкой и утешением. См. ответ Толстого ей от 9 марта 1903. (Т.74. С.66-67).

¹³² Дмитрий Васильевич *Никитин* (1874-1960) — домашний врач Толстых, в марте-мае 1903 периодически приезжал в Ясную Поляну, в то время как доктор Гедгофт жил там постоянно. (Т.54. С.382-383).

¹³³ Депутат французского парламента от социалистов Жан Жорес (1859-1914) требовал пересмотра дела Альфреда Дрейфуса (1859-1935), осужденного в 1894 по обвинению в государственной измене. Л.Н.Толстой считал, что пресса преувеличила значение «дела Дрейфуса» и что есть множество проблем, гораздо более важных для жизни общества. (Т.35. С.260-261).

¹³⁴ Речь идет о событиях в Македонии, предшествовавших т.н. «Ильинскому восстанию» (20 июля 1903) против турецкого ига. Русская печать уделяла много внимания этим событиям. См., напр.: Вестник Европы. 1903. №1. С.379-384; №3. С.376-384. На протяжении марта 1903 подробные отчеты собственного корреспондента в Македонии помещало и «Новое время».

¹³⁵ Российский консул в Сербии Георгий Степанович *Щербина* (ум. 1903) был тяжело ранен 19 марта (1 апреля) албанским пехотинцем, считавшим, что Россия выступает на стороне турецких властей в их конфликте с местным населением.

¹³⁶ С.Л.Толстой приехал в Ясную Поляну 30 марта 1903 и оставался там до 16 апреля 1903. (Т.54. С.382).

¹³⁷ Татьяна Петровна *Пассек* (урожд. Кучина; 1810-1889) — русская писательница, подруга детства Герцена, автор воспоминаний о нем и его окружении. (Пассек Т.П. Из дальних лет: В 3 тт. СПб., 1878-1889).

¹³⁸ Возможно, разговор о профессиях связан с чтением книги об искусстве швейцарского писателя и художника, профессора эстетики Женевского университета Родольфа Тёпфера (1799-1846). В одной из глав Тёпфер размышляет о влиянии профессии (адвоката, судьи, юриста, слушающего счетной конторы) на характер видения действительности. (Тёпфер Р. О прекрасном в искусстве: Размышления и заметки женеvского художника / Пер. с фр. СПб., 1913. С.6-7). См. след. прим.

¹³⁹ Речь идет о книге Тёпфера «*Réflexions et menus-propos d'un peintre genevois ou Essai sur le beau dans les arts*» (Paris, 1848). Отзывы Л.Н.Толстого об этом авторе см.: Т.74. С.92-93, 100.

¹⁴⁰ Сцепление имен Тёпфера и Ксавье де Местра (1764-1852) не случайно. Познакомившись с сочинениями Тёпфера, французский писатель увлекся его стилем и манерой письма. В «Путешествии вокруг комнаты» («*Voyage autour de ma chambre*», 1794), состоящем из ряда очерков с едва уловимой сюжетной связью между ними, говорится решительно обо всем, что привлекло внимание автора в обстановке его комнаты.

¹⁴¹ Возможно, речь идет о слепом крестьянине деревни Овчинниково Юрьевского уезда Костромской губернии Якове Ивановиче Розове (1879-1909), в то время сочувственно относившемся к взглядам Л.Н.Толстого. По словам очевидцев, этот посетитель очень заинтересовал Толстого еще и тем, что рассказал много легенд, в частности и таких, которых Толстой никогда раньше не слышал. (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Указ. изд. Т.1. С.109-111).

¹⁴² Послесловие было окончено в мае 1903 и в том же году издано в Англии под заглавием «К политическим деятелям».

¹⁴³ Ср.: Т.88. С.272, 285, 295.

¹⁴⁴ Известны 18 писем Л.Н.Толстого от 1 апреля 1903. (Т.74. С.88-100).

На этом записи за 1903 год обрываются, хотя в Ясной Поляне Лев Львович прожил до 12 мая 1903. (Т.54. С.383). В этот раз сын и отец растались по-доброму. 28 мая 1903 Л.Л.Толстой писал из Швеции Черткову: «Отца оставил в довольно хорошем, даже совсем хорошем состоянии, а об отношениях наших с ним и говорить нечего. Было тяжело и грустно разлучаться, но должен был сделать это для семьи» (ОР ГМТ. Архив Черткова).

¹⁴⁵ 22 октября 1903 Л.Л.Толстой с семьей отправился на пароходе из Одессы в Египет, так как лечение на морском побережье Швеции и в Крыму не дали Д.Ф.Толстой нужного результата. (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой). 22 апреля 1904 они вернулись в Одессу, некоторое время прожили в Алушке. Узнав о решении младшего брата Андрея ехать на войну, Лев Львович заторопился в Ясную Поляну. 12 июня 1904 он писал С.А.Толстой: «Когда едет Андрюша на войну? Я бы желал увидеться с ним до его отъезда. Где Сережа — брат? Вообще я соскучился по всех вас, но спасаюсь пока делом. М[ожет] б[ыть], в июле приеду, один или со всеми» (Там же).

¹⁴⁶ Ср. также запись в дневнике Гольденвейзера от 9 июля 1904: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Указ. изд. Т.1. С.146.

¹⁴⁷ Михаил Иванович *Чигорин* (1850-1908) — один из создателей русской школы шахматной игры, победитель ряда международных турниров. В мае 1903 выиграл Международный шахматный турнир в Вене. Особо интересные партии со своими комментариями Ч. публиковал на страницах «Нового времени», где их, вероятно, и видел Л.Н.Толстой.

¹⁴⁸ С началом русско-японской войны участились волнения и в Царстве Польском. 13, 22 и 26 июня 1904 в Варшаве проходили демонстрации и столкновения с полицией. «Московские ведомости» выступили против каких бы то ни было уступок полякам. По времени публикации против Польши совпали с началом новой антитолстовской кампании. Поводом на этот раз послужило появление статьи Л.Н.Толстого «Одумайтесь!» в лондонской «Times» и сочувственный комментарий редактора газеты «Новости» О.К.Нотовича (№170. С.2). В заметке от редакции «Публицистика г.Нотовича» «Московские ведомости» писали: «При некотором гражданском развитии, при малейшей любви к нации и государству, осыпавших г.Нотовича благодеяниями, разве мыслимо было бы с'его стороны восхваление той старческой, гнилой дребедени, которую граф Толстой теперь позорит себя в Англии. Но редактор без ума, без гражданского чувства, человек с полным безразличием к судьбам России, способен восхвалить даже совет русским, *чтоб они добровольно покорились японцам и не сопротивлялись им, если бы даже японцы овладели Москвой и Петербургом!* Ну, допустим, что сам граф Лев Толстой — находится в состоянии невменяемости. А г.Нотович?» — Московские ведомости. 1904. 24 июня (7 июля). №172. С.2. (Курсив газеты). «Если бы правительство сочло возможным сорвать личину с гр.Толстого и показать его русскому народу во всей его безобразной наготе, — добавляла газета три дня спустя, — то этим положен был бы конец всему нашему "толстовству", и тогда, но только тогда, можно было бы предоставить старому сумасброду достойно доживать свой век в его Ясной Поляне и хоронить там свою бывшую славу» — Там же. 1904. 27 июня / 10 июля. №175. С.2. Ср.: Т.36. С.130-131.

¹⁴⁹ Поводом к разговору о Чехове могло послужить известие о его смерти 2/15 июля 1904 на немецком курорте Баденвейлер.

¹⁵⁰ Вероятно, речь идет о послесловии Л.Н.Толстого к обращению «К рабочему народу», которое набиралось под названием «Христианская деятельность» и лишь позднее было озаглавлено «К политическим деятелям». (Т.88. С.305-306). Однако не исключено, что имеется в виду оставшаяся не оконченной статья «Камень главы угла», в основных своих положениях вошедшая в состав сочинения «Единое на потребу» (1905) (См.: Т.88. С.322).

¹⁵¹ Это о нем 3 февраля 1904 писала С.А.Толстая: «Вчера был тут странный офицер — казак Белецкий. Он бывший военный, отрицает войну и кончил курс в университете юристом. В разговоре с ним я еще раз уяснила себе ясно мое отношение к мыслям моего мужа». (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.101). Белецкий прожил в Ясной Поляне лето 1904. 13 июня 1904 Л.Н.Толстой записал в Дневнике: «Дурно обошелся с офицером. Не забыл, но не умел иначе. Сейчас пойду к нему» (Т.55. С.50, 461).

¹⁵² А.Л.Толстой был принят унтер-офицером в пехотный 6-й Крымский полк, расквартированный в Тамбове. 5 августа 1904 полк был отправлен на русско-японскую войну. Вместе со штабом полка уехал и А.Л.Толстой. (См.: Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.103-106). Незадолго до этого, 14 июля 1904 он заехал в Ясную Поляну проститься с родными. Л.Н.Толстой с особой нежностью относился к младшему сыну. (См.: Т.55. С.50-51). Из Ясной Поляны А.Л.Толстой уехал 2 августа 1904. (Т.55. С.404).

¹⁵³ Датируется по содержанию: Л.Л.Толстой приехал в Ясную Поляну 9 апреля 1905. См.: Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.1. С.240.

¹⁵⁴ Ср.: Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.1. С.242; Т.34. С.345-403; Т.54. С.154-155; Т.88. С.285.

¹⁵⁵ Георг Кристоф *Лихтенберг* (1742-1799) — немецкий писатель и ученый, сочинения которого были близки Л.Н.Толстому. (См.: Т.55. С.13; Т.75. С.50-51). С мотивом воспоминаний связано несколько фрагментов из Лихтенберга в «Круге чтения». Так, на 15 августа записано: «Печаль прошедшая становится в воспоминании приятной наряду с прошедшими, будущими и настоящими удовольствиями» (Т.41. С.573). См. также: Т.42. С.157, 340, 392-393.

¹⁵⁶ Ср.: Толстой С.Л. Очерки былого. Указ. изд. С.113; Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.1. С.324.

¹⁵⁷ Причина такого отзыва от отца — резкий спор с ним поздним вечером 10 апреля 1905, из-за которого — возможно — Л.Л.Толстой через два дня покинул Ясную Поляну. См.: Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.1. С.241, 243.

¹⁵⁸ Л.Л.Толстой приехал в Ясную Поляну 21 июня 1905. О его отношениях с отцом в это время см.: Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.1. С.321.

¹⁵⁹ Письмо неизвестно.

¹⁶⁰ Ср.: Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.84-85; Т.55. С.145, 150.

¹⁶¹ Ср.: «В парке недалеко от дома калужские мужики делали дорожки. Сегодня кончают работу и уходят на месяц домой. Л.Н. пошел с ними поговорить и они очень понравились ему» (Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.1. С.336. Запись от 6 июля 1905).

¹⁶² 21 апреля 1905 Л.Н.Толстой отметил в Дневнике: «Вчера с Бутурл[иным] б[ыл] у Петр[а] Осипова, и он жестко упрекал меня за то, что я говорю, а скупаю землю. Было и больно и хорошо. Почувствовал, как полезно, укрепляюще осуждение, в особенности незаслуженное, и как пагубно, расслабляюще похвалы, и особенно незаслуженные (а они все незаслуженные)» (Т.55. С.135. См. также: Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.1. С.284). Имение Телятинки А.Л.Толстая купила у соседки, помещицы А.Е.Звегинцевой.

¹⁶³ Вероятно, эта запись (начиная с «***») — заготовка для будущего художественного произведения, оставшегося ненаписанным. Датировать эту запись даже условно не представляется возможным.

¹⁶⁴ Так в автографе: фраза оборвана на полуслове.

¹⁶⁵ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.2. Л.35. Выделено Л.Л.Толстым.

¹⁶⁶ Приезд Л.Л.Толстого был связан с намерением С.А.Толстой и братьев Ильи и Андрея продать Ясную Поляну отдельными участками в случае, если правительство откажется купить имение целиком. 18 августа 1912 Л.Л.Толстой отправил письмо Т.Л.Сухотиной с просьбой приехать 22 августа 1912, в день рождения С.А.Толстой, в Ясную Поляну и всем вместе обсудить создавшееся положение. (ОР ГМТ. Архив Т.Л.Сухотиной-Толстой).

¹⁶⁷ Операция была сделана 2 сентября 1906 и прошла успешно. (Т.55. С.241-242; Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.253).

¹⁶⁸ А.Л.Толстая решила выкупить у братьев яснополянскую землю для передачи ее крестьянам. С.А.Толстая приобрела для себя дом, усадьбу, участок земли, сад — всего около 70 десятин.

¹⁶⁹ К этому решению Л.Л.Толстой пришел не сразу. В первые месяцы после кончины отца он настаивал на немедленных действиях всех членов семьи по оспариванию завещания. Однако 1 июня 1912 он из Швеции писал С.А.Толстой: «Если можно и есть под рукой, пожалуйста, пришлите мне копию завещания отца. Мне нужно для одной работы. Не для оспаривания его, что я, кажется, окончательно теперь оставил. Уж очень выгодно, во всех отношениях, именно не оспаривать, а оставить всю эту безумную несправедливость и все последующие безобразия ее вопить за самих себя» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

¹⁷⁰ По словам В.Ф.Булгакова: «Телятинки (дом Черткова и домик Александры Львовны Толстой) всегда были ничем иным, как *одной стороной*

Ясной Поляны». — Булгаков В. В осиротелой Ясной Поляне: Заметки из дневников 1912-1914 гг. // Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы. (Париж). 1926. №3. С.107. (Курсив В.Булгакова).

¹⁷¹ ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.3. Л.1-1об. (Выделено Л.Л.Толстым).

¹⁷² 1914-1915 годы — тяжелый период в жизни Л.Л.Толстого. Вскоре после его приезда в Ясную Поляну, где в тихом семейном кругу скромно отметили его 45-летие, 31 мая 1914 С.А.Толстая записала: «Грустно очень от сыновей, что начали играть. Дора говорит, что Лева проиграл около 50 тысяч. Бедная, беременная, заботливая Дора! Тысячу раз прав Лев Ник[олаевич], что обогатил мужиков, а не сыновей. Все равно ушло бы все на карты и кутежи. И противно, и грустно, и жалко! А что еще будет после моей смерти!» (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.409). Сын не переставал доказывать, что он играет с целью хоть что-нибудь заработать, хоть как-то вылезти из долгов... Через год он писал старшей сестре из Петербурга:

21 марта 1915 г.

Таня, я погибаю. Вчера думал о папá. Если бы он был, я был бы другим. Одно его присутствие заставляло жить лучше. Его смерть и все после этого меня погубило. Сегодня ночью вдруг ясно вижу его перед собой в тяжелом полусне. Лицо красное, строгое, серьезное и смотрит на меня в упор. Я тоже смотрел на него жадно, ожидая совета, слова. И вдруг в отчаянии я ему закричал: «Папá, папá, папá!» Тогда голова свернулась в сторону, поднялась в темноте и исчезла.

Представь себе мое положение. Я проиграл все, что было, кроме этого таврического дома, который я отдал Доре. Но она вновь закладывает его в десятки тысяч, чтобы заплатить свой долг в 4 тысячи, взятые у Альмедингенов для столовой. За залог бумагами будет только 8000. Кроме того, я должен по 1000 рублей четырем лицам, по 500 рублей — трем, один из них — игрок в остроге, по 200 рублей — трем, есть вексель на 2000 и мелкие долги на 100 и 50 рублей, рублей на 300.

Кроме того, я не могу развязаться со столовыми и кинематографом, которые поглощают массу денег и по которым тоже долгов на 2000 денег.

Контракт на 4 года по 800 рублей каждые два месяца, и никому этого не нужно потому, что плата очень высокая за квартиру и условия тяжелые. Надо содержать дворников, мостовые и т.д. Компаньоны мои без денег, нечестный один, другой на войне. И вот, взвалив все на бедную Дору, я стараюсь отыграться, выиграть и [качусь?] в пропасть, не зная, где конец. Все эти дни думаю о самоубийстве. Это исход. Но не делаю это, надеясь на чудо, боясь, что это неразумно, что кредиторы все-таки придут к Доре и она им будет платить, как Лиза Оболенская после смерти Леонида. Что делать? Пусть сажают в тюрьму, пусть аре-

стуют, скандал, позор. Честь уже утрачена. Преступление близко. Ибо занимать, не зная, чем отдать, — уже преступно. Брать вексель, не имея, чем отдать, тоже карается судом. На днях на 100 рублей я выиграл в одну ночь 12 тысяч, на другой опять выиграл еще пять тысяч. Отдал деньги, но потом опять проиграл все и еще наделал долгов, те, которые я перечислил. Всего там больше десяти тысяч.

Что же делать? Ты живая, умная. Посоветуй. Здоровье мое до того расшаталось, что я сегодня насилу встал и лежал в постели 24 часа без всякой еды. Ты не заметила всего этого, когда была у нас. Надо жить в деревне. И можно бы жить хорошо и без ужасов города. Но Дора ни за что. И вот до чего дошел.

Лев.

Почему я не остановился, выиграв эти тысячи недавно, чтобы еще отыгратъся, еще заплатить долги — мамá, Доре и другим. И вот что вышло.

Главное, что я чувствую себя не в силах ничего делать. Во-1-х, нечего, во-2-х, ничего не умею, никому не нужен, никто не помогает. Иногда хочется признать себя совершенно больным, безумным и просить, чтобы связали меня и увезли куда-нибудь.

Но кто это сделает?

Поручить адвокату распутать все это? Но кто будет платить? Прости, что пишу тебе столько мерзости, что всю ее выворотил перед тобой. Игра — ужасная вещь тем, что деньги не знают счета. Если из 100 рублей в две ночи делаются тысячи, то кажется, что и десятки тысяч могут также легко вырасти из тысячи. И счастливицам это удается. Но зато вот к каким положениям приводит она же. Итак, что же делать? Как выйти из всего этого? Остается только еще и еще пробовать счастья, которого нет. Или бросить все, уехать куда-нибудь и выздороветь. Но тогда нужна помощь и настоящая.

(ОР GMT. Архив Т.Л.Сухотиной).

Спустя месяц Л.Л.Толстой смог сообщить следующее:

Милая, дорогая Таня, спасибо за письмо мне и Д[оре]. Твое сочувствие — большая душевная поддержка. Я пока никуда не могу уехать. Все идет ликвидация дела на Лиговке и все никак не распуताю. Долги, кроме того, висят надо мной целой черной тучей. Особенно гадко, когда звонят, просят заплатить, а платить нечем. Грозят судом сегодня. Тоже приятно. Твой совет Доре отправить меня к Вестерлунду хорош, но стыдно показываться на глаза ему, как, впрочем, теперь всем и каждому. И как уехать? Сегодня мы совсем закрыли столовую и кинематограф и продаем. Есть желающие за очень дешевую цену, конечно, но не знаю, как удастся с ними кончить и будут ли они платить хозяевам по контракту, а главное, согласятся ли хозяева передать этим новым нанимателям помещения? У меня, сверх всяких бед, адская зубная боль. Вообще очень весело. Посмотрим, что

будет. Играть не играю эти дни. Не на что, да и страшно и гадко стало. И везде в клубах долги. /.../ Не знаю, что мне делать. Куда ехать на лето, как уехать от долгов и от дела, если оно не передается на этих днях. Зима эта была для меня одной из самых отвратительных. Не говорите обо мне при всех и со всеми.

Илья — тот пишет и сочувствует. Спасибо ему. Но он тоже пусть не говорит.

Вчера ломал себе голову над вопросами жизни, — чем же и как жить, что думать и во что верить, и поражался собственной негодности в этом смысле. Мысли и взгляды у меня самые путанные, неясные и противоречивые. То одно, то другое. Чувства — самые разные, тоже противоречивые. Симпатии — тоже. В итоге — ноль. Так жить, конечно, нельзя. А во что же верить, что делать, чему служить? Ответа определенного тоже нет. Христианство? Не верю достаточно. Религия — тоже нет неудержимой, постоянной потребности чувствовать Бога и жить для Него. Разум? Это единственное еще, что ценно и чему стоит служить. Но как-то бедно это, буржуазно, пошло, низменно есть, если ты понимаешь, что я хочу сказать. То есть разумно есть мало, не курить, не играть, служить людям, России, верить, что она должна стать просвещенной — сытой, грамотной, здоровой. Верить, что надо воспитывать семью наилучшим образом, давать ей пример и т.д. Все это так разумно и хорошо. Но, но как скучно! Я не выдержал этого буржуазного разума, которым начал женатую жизнь, и свихнулся. Значит, он не то или, значит, я не то, я слаб для разума. Но я не был счастлив при его руководстве и все-таки попал в страдание. Или, может быть, я не до конца послушался его. Помешала совесть. А совесть дальше в другом уже совсем не проявила себя и допустила без разума до еще худшего. Вот и найди, где же верный путь и по какому идти. Это все, конечно, рассуждения, ни к чему не ведущие. Факт тот, что я дрянно и что живу дрянно и жил дрянно все время, так или иначе. Пытаюсь опять вернуться к разуму и, может быть, совести вместе. Может быть, они вместе именно то, что нужно. Может быть, разум без совести и совесть без разума не годятся. Но ведь они иногда так противоречат друг другу и даже исключают. Опять, значит, не то. Что же? Вера!? Ее нет у меня и надо, м[ожет] б[ыть], молиться, чтобы она была. Тогда будет только согласие всего. Может быть. Но опять только слова, которые так надоели. А надо все-таки жить и быть, хоть не счастливым, так спокойным.

Пойди-ка, при моем положении. Ну, будь, что будет. Дора не в состоянии помочь мне.

Лева.

(ОР ГМТ. Архив Т.Л.Сухотиной).

По почтовому штемпелю текст можно датировать последними числами апреля 1915. Тогда же написано и следующее письмо к матери:

Не читайте вслух. Не говорите о письме другим. Одной.

25 апр[еля] 19]15 г.

Милая мама, к кому мне обращаться, как не к Вам, в такие ужасные для меня дни, как нынешние? Что говорить о том, что я один кругом виноват, что меня жизнь так скрутила, что довела до порога всякой мерзости, — можно каяться и стараться спастись, — одно остается. Но дело обстоит пока так, и надо выйти из беды во что бы то ни стало. Вчера мне один умный человек посоветовал поступить так, как лучше, и я хочу послушаться его совета до известной степени. Я дошел до ужасной лжи и мерзости и прямо считаю себя больным, преступным человеком. Надо вылечиться. Надо, чтобы меня вылечила жизнь и люди.

Семья уезжает в Швецию около 14-15 мая. Я мог бы уехать с ней, если бы заплатил долги. Если не заплачу, ехать нельзя будет. Надо будет еще играть, заниматься на игру, потому что другого способа достать денег нет. Хотел уехать в Америку, но там летом делать нечего, и это значит еще проживать чужие деньги. Так что эту мысль я отложил. Приехать к вам, — это только вам лишняя обуза и неприятность. Деваться некуда. От вас писем нет, — стало быть, нет ни любви, ни сострадания. Впрочем, это понятно и заслуженно. К тому же денег у меня ни гроша, дом еще заложен в 15 тысячах, это значит еще лишние 700 рублей платежа в Кредитное, а тут еще дети и дети, и Никита, которого не приняли на казенный счет, хотя он первый в классе. За него придется платить 800 в год еще. Но все это еще кое-как можно было бы выдержать, если бы не угнетающее влияние долгов и игра для отыгрыша, которая тянет в пропасть.

Долгов ровно десять тысяч. У меня подробный список. Их надо заплатить непременно, иначе потеряно имя, загрязнено окончательно.

Столовую и кинематограф я наконец продал, и по ним долгов останется немного. Хоть этот ужас с плеч долой. Теперь у меня к Вам простая и последняя просьба.

Я передам брату Андрюше весь список моих долгов, так как мне на руки денег давать сейчас ни копейки нельзя. Я пойду на них отыгрываться. Андрюше я передам еще три письма в три клуба, где я играю, по которым я прошу клубы навсегда вычеркнуть меня из числа их членов. Так у меня будет отрезана всякая возможность играть.

А вы дайте мне десять тысяч, пришлите их Андрюше (если ему не доверяете, я дам вам других людей — друзей для того, чтобы они сделали это) — и все будет кончено.

Я брошу игру навсегда. Уеду на лето в Швецию. Осенью, если вернусь, приеду жить в Ясную на долгое время или поселюсь где-нибудь в другой деревне, чтобы не жить здесь. Буду наезжать только на время, если не найду работы и заработка. Буду готовиться к лекции, м.б., после войны найду какую-нибудь слу-

жду и вообще совершенно изменю жизнь. Это ведь единственный выход и представляющаяся мне возможность спасения.

Те деньги, которые я получил и получу от вас, я не возьму, если переживу вас. Они ведь вам не нужны сейчас, а потом, Бог даст, будут средства у детей от их шведской родни. Я же больше тратить на себя не буду. Я не говорю, что можно будет отдать вам эти деньги. Вряд ли мы кто-нибудь способны что-нибудь заработать. А, может быть, и это случится.

У нас сейчас больна Нина чем-то неопределенным. Жар, болит грудь, ездит доктор. Дора очень утомляется. Никита держит экзамен первым, но огорчен, что не приняли на казенный счет. Паля перешел в 6-ой класс. Дора опять в ожидании. Это секрет, как все это письмо, но вы ужасно всем все рассказываете. Миша Кузминский разбалтывал все про меня после Ясной. Как это вам не грех трепать наши бедные имена. Впрочем, не знаю, как это случилось. Но Миша Кузминский тут Бог знает что обо мне рассказывает. Все видят и знают мое состояние и любят-ся, как я лечу в пропасть головой вниз. Люди любят такие зрелища. Так вот, *выход и спасение*, действительно, только в одном. Чтобы Вы в течение мая прислали Андриюше 10 000 рублей. Я ему передам все, что надо сделать с ними. Он передаст мои письма о выходе из клубов в клубы. Я, таким образом, буду сразу свободен от долгов и от игры. Уеду в Швецию. Там опомнюсь, чего бы мне это ни стоило нравственно. Вернусь, если Бог захочет. Буду жить потом иначе. Помогите мне в последний раз и в самое тяжелое время жизни. Дом я передал Доре давно. У меня ничего нет за душой, и я рад этому. Может быть, осенью удастся найти службу или заработок.

Мое собственное унижение, перед самим собой, — худшее для меня наказание. Я гадок не только всем, но самому себе больше всех других. Время и Бог изгладят, может быть, все эти раны. Прощения прошу, каюсь, — но что же на словах. Нужна жизнь в деревне, в деревне. Здесь я гибну.

Если Вам трудно достать теперь десять тысяч, то, как я сказал, можно в течение мая это сделать.

Если не сделаете, что же остается. Я должен лакеям, бедным людям, должен на честное слово. Ужасно. Я опять пойду в клуб, если не помогут другие отрезать все это навсегда.

Андриюше я скажу обо всем этом, когда получу от вас письмо, что вы мне сделаете то, о чем прошу, и тогда-то, положим, перешлете Андриюше деньги. Повторяю, они вам не нужны сейчас. А потом, потом будет другое и, может быть, они не нужны будут ни мне, ни детям. От наследства меня денежного откажите, — вот и все. Трудно вам, — я понимаю, обидно, досадно, грустно и больно. А что страдаю и перестрадал я из-за слабости воли и худшей из страстей. Проклятие какое-то. Дьявол..., засасывающий глубже и глубже.

А Бог даст, оправлюсь, буду бороться против игр в России изю всех сил сам и спасу многих от гибели.

Как я начал этот ужас? После Парижа. Все равно, мол, погибать. И вот погибаю. Но нужно не погибнуть до конца. Может быть, еще не стоит, можно что-нибудь сделать, кому-нибудь пригожусь. А сейчас я никому не нужен, всем в тягость. Я худший из паразитов, и это сознание — ужасно, оно дает такие настроения и открывает такие чувствования, которые не все испытывают.

Вот, дорогая мамá, какой у вас хороший сын. Вы понимаете, что я искренно, до конца, выложил себя перед вами. Теперь дальше некуда. И если не вы, так никто.

Лев.

(Ор ГМТ. Архив С.А.Толстой. Выделено Л.Л.Толстым).

В следующем письме, отправленном в начале мая 1915 в Москву, где была в то время С.А.Толстая, Л.Л.Толстой добавил:

Можно дойти до Бог знает чего. Надо, надо подняться, и вот начнем. Нине нашей лучше. Сегодня я все привожу в известность безумное мое положение проигравшегося и зарвавшегося, увы, игрока. /.../ Хотел объяснить, почему так много долгов. Я выиграл как-то зимой в два вечера 18 000 рублей со ста рублей. Вот и думаешь, что повезет опять. Но счастье приходит редко, а когда долги и усталость, то играешь хуже и еще труднее поймать счастлиую полосу.

Конечно, все это только объяснение, никуда не годное. Все это непростительно. Ужасно то, что видишь, как другие выигрывают десятки, сотни тысяч, и все хочешь им подражать. Но счастье идет не ко всем, а к двум, трем избранныкам, и то временами. Все же игроки в общем проигрывают потому, что содержание роскошных дворцов — клубов стоит одно десятки тысяч в год. Все и платят. Ну, довольно об этом. Теперь это в прошлом. Жаль, что поздно. Ужасен еще пример дурных людей, с которыми я сошелся в клубах, т.е. внешне сошелся, у которых у всех десятки и сотни тысяч долгов, кот[орые] все живут так, как я жил. Жизнь здесь невозможная.

(Там же).

Первая же неделя пребывания в Швеции благоприятно подействовала на Л.Л.Толстого. 1 июня 1915 он писал С.А.Толстой: «Завтра неделя, как мы приехали, и она прошла очень быстро. Все мы утомлены после этой зимы и потому отдых необходим. Я еще не начал писать; надеюсь эти дни начать. Пока много читал и спал, так как гулять нельзя в эту погоду. /.../ Чувствую себя нравственно лучше, но далеко не хорошо. Природа, конечно, и тишина очень полезны, хотя сознание трудности найти мой путь, если можно и не поздно это сделать, — тяжело по-прежнему. /.../ Теперь не знаю, что будет со мной, но не будет уже того, что

было» (Там же). Спустя несколько дней тональность письма еще больше изменилась в лучшую сторону:

Я занимаюсь днем во флигеле, откуда и пишу вам. Хорошенькая комнатка [с окнами] в сад. Перед окнами целый день поют птицы и целое множество скворешников с семьями, молодые уже вылетели. Пишу много и для себя интересно. Готовлю пьесу. Трудно очень писать в такие времена. Написал отвлеченное сочинение о жизни вообще и много себе выяснил. По вечерам у нас перед сном хорошие разговоры с Палей и Никитой. Они умные мальчики и каждый по-своему умен и способен, только характеры разные. У Никиты есть способность сдерживать мысль и остановиться на чем-нибудь. Паля, как я, более увлекающийся, но зато и более гибкий.

Я стараюсь забыть свою жизнь, ошибки и грехи, но все еще они близко, и нужно время, чтобы их загладить. Печальны, конечно, результаты, и в будущем они будут всегда чувствительны. Это самое тяжелое. Надеюсь, что все же будет лучше во всех случаях, чем было, а если будет лучше, то будет уже терпимо.

(ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

15 июля 1915 Лев Львович смог порадовать мать первыми результатами начавшегося душевного подъема:

Я много писал и кончил пьесу, которой доволен. /.../ Я успокоился немного, но мало поздоровел и мало ожил душой. Пьеса была мне облегчением, и это крик души. Может быть, она и будет замечена. Мечтаю ее перевести на английский язык и ехать с ней после войны в англосаксонские страны. /.../

Хотел бы я быть честным, чистым,
Хотел бы блага всем желать,
Хотел бы взглядом я лучистым
Друзей и недругов встречать.

Хотел бы волею отменной
И правом мощным обладать,
Хотел бы радости бессменной
В душе мир счастья создать.

(Там же).

Пьеса, о которой упоминает Л.Л.Толстой, была названа им «Ракета».

¹⁷³ Семья сестры Доры Федоровны Толстой.

¹⁷⁴ В архиве Л.Л.Толстого сохранился машинописный экземпляр «Учения истинной мудрости» с авторской правкой. «Учение истинной мудрости только потому и есть таково, — писал автор в предисловии, — что оно исчерпывает всю жизнь человечества со всеми его сторонами, принимает в соображение всякое положение человека на земле и указывает действительный, практический путь к достижению всеобщего счастья, не забывая ни добра, ни зла. Только подчинение мудрой власти

может окончательно искоренить в человечестве грех и зло. Люди нуждаются в руководительстве от рождения и часто до старости. Люди нуждаются всегда в том, чтобы им указывали путь» (ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого). Судя по содержанию, сочинение это было создано в июне-августе 1915. Приведем некоторые отрывки из него:

Начала мудрости, благочестия, благожелательства, чистоты и честности заложены в каждом человеке и каждом народе, несмотря на несовершенство жизни, и потому только безумие еще не победило благо и мудрость. Для торжества мудрости, хотя и бессознательной, вспыхнула и теперешняя великая европейская война, объединившая в борьбе против современной злой, безумной так называемой культуры — лучшие народы Европы. Эти народы, хотя и не достигли мудрости в своей жизни, все же чувствуют, что безумие, жадность, грубость, грязь, бедность, злоба не могут быть дольше терпимы и должны быть уничтожены. Но теперешняя война может быть названа лишь первым бессознательным толчком и шагом приближения человечества к всеобщему счастью. За этой войной, несомненно, сознание человечества прояснится, и оно поймет многое. Оно так или иначе приблизится к свету, правде и мудрости; яснее поймет великое значение пятой заповеди, покорности мудрой власти, которую я старался разъяснить. /.../

Все человечество должно верить в Единое Благо и Единую Правду, иначе человечество никогда не выйдет на путь счастья. /.../

Цель жизни каждого человека — полюбить и исповедовать благо и чтить и святить его в своей жизни. /.../

Придет время, когда мудрая власть будет запрещать не только вино и половой разврат даже в семье, она будет запрещать не только всякую нечестность, но будет запрещать также и недоброе слово и недобрую мысль и недоброе чувство, возникающее в сердце человека. Она уничтожит все, содействующее этому. Это та главная мысль моя, которую я хочу внушить, внушить всему человечеству и которая, воплощенная в жизнь, совершит чудеса. /.../

Вот кончилась война. Правители всех стран и народов съехались где-нибудь. Они сознают, что человечеству дальше жить жизнью безумия невозможно. Надо навсегда прекратить войны и вооружения, надо найти, во что бы то ни стало, ключ к решению этого вопроса. И вот решение найдено. Учреждается одна верховная мудрая власть над всем человечеством: Международный конгресс — парламент, международная исполнительная власть и международный суд из мудрейших людей его. Учреждается одна армия и один флот всех народов земли. Вырабатываются одни законы, основанные на заповедях мудрости. /.../

Рабочие будут счастливы тем, что участь их облегчится, что они будут отныне работать только то, что действительно ну-

жно и полезно людям и что за работу они будут получать больше, чем раньше. Самая работа их будет все легче и легче. Конечно, найдутся и многие немудрые люди, которые будут при этом недовольны. Их безумная жизнь будет остановлена.

Но они поймут, что новые порядки будут их спасением, и скоро сами станут гораздо счастливее, чем были раньше.

И так, представляется мне, можно было бы сделать по всей земле, во всех странах. Скажут, что я проповедую социализм, что мое учение — тот же социализм, только ни на чем не обоснованный научно, а выдуманный мной из головы.

Я не знаю, как назвать то, что мне кажется ясным и что я стараюсь рассказать. Я назвал это учением *истинной мудрости* потому, что мне кажется это отвечающим тому, что я говорю. /.../ Для счастья человечества нужно найти такое учение, которое действительно указывало бы путь к этому счастью, чтобы оно исчерпывало все стороны жизни человечества во всем ее объеме, тогда только оно разумно, только тогда оно может быть названо истинно мудрым. /.../

Надо понять заповеди и законы истинной мудрости и установить их в жизни человечества.

Наше счастье зависит от счастья других, от счастья всего человечества. Поэтому нужно во всем человечестве установить жизнь по заповедям и законам мудрости, которые одни дадут нам счастье. Без общего счастья не будет личного, отдельного.

Грех, грязь и зло пустили в жизни человечества слишком глубокие корни. Они не прекратятся, если силой не вырвать их из жизни.

(ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого. Выделено Л.Л.Толстым).

¹⁷⁵ На этом запись в шведском дневнике Л.Л.Толстого обрывается, хотя в имении Вестерлунда Толстые прожили до начала сентября 1915. Первая почтовая карточка, отправленная из Петрограда в Ясную Поляну сразу же по возвращении домой, датирована 10 сентября 1915 (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой). Работа над «Учением истинной мудрости» исцелила Л.Л.Толстого, хотя и ненадолго.

МОИ РАЗГОВОРЫ С ОТЦОМ ОСЕНЬЮ 97-го ГОДА

Пожив за границей около двух лет и пережившись с женьтыбы, я приехал осенью 96-го года дом[ой], в Ясну[ю] Пол[яну], с молодой женой¹. Я застал отца нездоровым, вялым, скучным и очень похудевшим. Оказалось, его посетило его обычное желудочное нездоровье. Через неделю после нашего приезда он опять справился и начал по-прежнему ездить верхом и играть в tennis. Я мало говорил с ним, т.е. не вел еще с ним ни одного серьезного разг[овора] с приезда и чувствовал между тем, что он все под-

бирается вызвать-таки разговор, так как взгляд[ы], привезенн[ые] мной с Запада, ему как-будт[о] не нравились. Отношен[ия] был[и] натянутые. Наконец, дело прорвалось. Это было за обедом. Началось, как всегда, с какого-то пустяка. Я сказал, что лучше устроить своим работн[ика]м и скотине хорошее помещение и научить их честности и грам[оте], чем ничего не делать и рассуждать. Что дело в том, что у нас ничего не делают, что, следовательно, если следовать нравств[енности], то придешь в тупо[й] угол, где надо сидеть, сложа руки.

— Ты, мама и «Нов[ое] Вр[емя]» все знаете.

— Нет, ты всегда прав, и все решил, и все знаешь, и все должны плясать по твоей дудке. С кем ты мог говорить в жизни? Только с ограничен[ными] людьми, кивающ[ими] тебе головой и повторяющими: «Да, да, бедны[й], добрый, бесценный Л[ев] Н[иколаевич]». А я не могу этого.

Если ты говоришь, что культура нашего времени должна быть разрушена, должно быть все оставлено ради то[го], что хорошо и [что] дурно, — а я говорю, что это неверно!

Если я оставляю жену, свою землю и дом и потом не [о]сознаю, что собств[енно] есть зло, и пойду в мир проповедов[ать] неделание, — из этого ничего не выйдет, ничего друго[го], как только то, что придет друг[ой] на мое место, такой же, как я, или хуже, будет также [расхищать?] мой дом и имение с соседн[ими] мужикам[и], а я замерзну, умру где-ниб[удь] на большой дороге, не сделав в жиз[ни] ничего.

— Совсем, как «Нов[ое] Время» или мама. Так что же такое, что ты замерзнешь, — перебивает он меня, — а на твое место сядет кулак, — я говорю одно, хорошо это или дурно?

— Жизнь должна быть радостью, а она достигается культурой. Чем культ[урнее] жи[знь], тем больше и выше радость. — Я продолжаю. — И поэтому надо считаться с существующими условиями, что хорошо и что дурно, но надо знать также, что разумно, а что не разумно... И ты сам отлично знал это всю твою жизнь и поэтому не роздал имения мужикам и не ушел от жены и из дома.

— Ничего не понимаю, ничего не понимаю, — горячился он, — нет, не будем, не будем больше. Это мучение, мучение.

— Да, потом[у] что я прав. Почему мучение говорить[?] Я думал, говорить всегда полезно.

Он задумался. «Да, правда, а то чувство отчужденности. Да, да, правда. Будем говорить. — И он встал и заходил по комнате. Начал мягче: — Неужели ты думаешь, что я, прожив 70 лет, не знаю того, что ты говори[шь?]

— Ты знаешь, может быть, и оттого-то удивительно, что ты не признаешь [этого?] И удивительно, зачем и почему ты горячишься?

— Хорошо, значит, я знаю, это может быть...

— И эти вопросы жизни, вопросы глубокие всей жизни, зачем я, человек, пришел сюда, в мир²? Надо быть добрым — это первое, и помогать им, как Гааз. Вот это дело и цель.

— И я стараюсь разрешить их...

— Это другое. Я говорю совсем о другом. О том, как я понимаю движение жизни, о том, как мне участвовать в ней.

— Ну вот. Как относиться к жизни? Есть одно, другое, третье. И первое симпатич[но]. Второе неприятно. Есть три отношения к миру: 1) личное, 2) общ[ественное], 3) Божье. В каком ты?³

— Оставь меня, ради Бога, только оставь в покое. Зачем тебе? Эта требовательность ужасно тяжела. Требов[ать] от людей полного соглашения, если нет, то ты ограничен и глуп. Одиночество, поэтому беспокойствие духа. А вместе с тем надо объяснить, к чему я не буду относиться. Я еще не пережил. Может быть, когда-нибудь и я буду так думать. Но если и ты относишь нас к третьим, то чего же ты не отдал себя, твою жизнь, как Христос, ради [правды?], и все посылал на это других?!⁴

— Непр[авда], я один и живу, насколько могу, лучше...

— Живу тоже [и] я, наско[лько] мо[гу], лучше.

Третьего дня⁵ отец возмутился пловцом и [подштанниками]. — Голые тела — гадость. Так было с тех пор, как мир существует. И Ноя недаром закрыли⁶. *Стыд*.

Я стал возражать. — Кто знает, мож[ет] быть, мы оттого грязны, что привыкли смотреть на это грязно. Что это, мож[ет] быть, шаг вперед к чистому отношению...

— Какое чистое? Что такое? Ж...а всегда буд[ет] ж...ой и [голые?] старики и т.д.⁷

Убежал, захлопнув дверь, и позвонил внизу: «Греки — народец разврат[ный], шведы — тоже».

Я сказал про тайный разврат: — «У нас онанизма больше, чем на западе».

— Это произвольно. А я доказываю: Стэд⁸, Соловьев⁹, Ной. Перешли к культуре, о которой мы раньше спорили¹⁰.

— Что такое культура? Ее определение?

— Разумное развитие личности и жизни.

— Культура все устроит, а мы будем развратничать и жить на шеях мужика.

— Всякий знает, что хорошо и что дурно.

— В Еванг[елии] давно сказано: идеал Христ[ианской] нравств[енности].

— Культура — то, что двигается религ[ией] и нравствен[ностью].

— Конечно. Но культуры [и нет в жизни?]¹¹.

О руде и т.д.¹²

Потом сам же указывает, где копать руду. — «Да, вот кабы пошла руда, — отлично...»

И это противоречие того, что говорит, и того, что чувствовал и чем жил, — всегда и вызывало в нем эту горячность: скорее, скорее обругать, унижить и остаться правым.

Первый разговор осенью был слишком резок. Оба наговорили друг другу слишком много неприятностей, чтобы кто-нибудь мог остаться правым. Оба были кругом виноваты. Упреки личные, что ты, мол, пользуешься, держишь двух лошадей верховых, отрицая собственность, а ты, мол, без году неделя, ничего не видал и не читал и рассуждаешь.

О культуре, что я не могу, мол, влезть в твою скорлупу и т.п.

— Ты говоришь то, что я давно пережил и с чем был в настоящем просвещен[ии], а не в буржуазном маленьк[ом] круге: Ш[експир], Ибсе[н] и т.д.¹³, — и опять оскорбительно и несправедливо]. Хотел сказать ему, что моих лет он и..., но смолчал.

Публикуется впервые по черновому автографу. — ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.9. Л.1-3об. (Выделено Л.Л.Толстым). Сопоставление содержания этой записи с письмами Л.Л.Толстого и др. источниками позволяет условно датировать ее 21 ноября 1897. Разногласия с отцом начались вскоре после приезда Л.Л.Толстого с женой в родительский дом осенью 1896. (См.: Т.53. С.116; Т.84. С.270). Обиды нарастали с обеих сторон. То, что накапливалось изо дня в день, спустя год выплеснулось в серии острых столкновений. Ситуация усугублялась тем, что приезд только что женившегося сына в Ясную Поляну совпал по времени для Л.Н.Толстого со множеством других, важных для него событий: преследованием духоборов, ходынской трагедией, интенсивной работой над романом «Воскресение». Присутствие молодой пары, вившей свое гнездо, вступало в противоречие с изложением «Христианского учения», над которым тогда работал писатель. То, что умиляло С.А.Толстую, болью отзывалось в душе ее мужа. 24 октября 1896 Софья Андреевна восторженно сообщает Т.А.Кузминской подробности устройства молодых в Ясной: «Им отделявают флигель; там все заново: окна новые, камин, двери новые, все выкрасили, не узнаешь, такая чистота и роскошь. Мебель всю

в Москве будут покупать, ей две тысячи рублей на это дали и двенадцать огромных ящиков приданого едут из Швеции: ковры, кое-что [из] мебели, серебро и огромное количество вещей и белья» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой). А Л.Н.Толстого один вид подвод, на которых везли в Ясную Поляну эти ящики, поверг в ужас (Наше наследие. 1991. №5. С.89).

Но вот ящики распакованы, все расставлено по местам... 9 января 1897 С.А.Толстая вновь делится с сестрой впечатлениями: «Ты бы не узнала своего дома в Ясной. Все чисто, изящно; все окна подрапированы. Мебель вся черного дерева, с зеленым штофом, или Ясоб красного дерева с медью. Все это она или привезла, или купила на свои деньги. И везде разные тряпочки красивые, поддонички, полочки, портреты, статуэтки, часы, игрушечки разные, и все расставлено и разложено так красиво. Посуда вся — тоже прелесть. Живут удивительно весело и дружно, катаются на коньках и в санках. Лева хозяйничает, нашел руду и роет ее, пишет, играет на фортепиано. Она рисует, выжигает на дереве или коже, шьет, читает, убирает все сама, печет печенья, прядет на прялке, весь день занята, и Лева в глаза глядит. Славная девочка!» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

Можно себе представить, как неприятно выглядела эта выразительная картина в глазах Л.Н.Толстого, когда он, после отъезда жены и детей в Москву, стал чаще навещать в «тот» дом. О напряженных отношениях отца и сына свидетельствует и запись С.А.Толстой, сделанная в последние дни ее пребывания в Ясной Поляне, 30 сентября 1897: «Лев Николаевич остается с Левой, но я вижу, что ни тому, ни другому это не особенно приятно» (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.304).

Таков был фон, на котором происходили острые споры Л.Л.Толстого с отцом.

¹ Л.Л.Толстой с женой приехали в Ясную Поляну 1 сентября 1896 (Т.53. С.106, 453-454).

² Ср., напр.: Т.53. С.58.

³ Этой проблемой Толстой занимался, в частности, при работе над статьей «Религия и нравственность» (1893), а также неоднократно возвращался к ней и в последующие годы. См., напр., запись от 6 апреля 1895 (Т.53. С.18-20).

⁴ Справедливости ради следует напомнить, например, о требованиях писателя в середине апреля 1896 к министру внутренних дел И.Л.Горемыкину и министру юстиции Н.В.Муравьеву обратиться с преследованием на него, а не на лиц, с ним связанных и распространяющих его сочинения (Т.69. С.83-90).

⁵ По-видимому, речь идет о 19 ноября 1897. Ср. письмо Л.Л.Толстого к матери от 21 ноября 1897:

Милая мама, мне все хотелось написать Вам эти дни и не то, что пожаловаться, но просто высказать еще кому-нибудь близкому все, что поднялось во мне после бывшего спора с папá

третьего дня. Слава Богу, мы кончили миром и не поссорились, как тогда. Но удивительно, как он до сих пор нетерпим, недобр и несправедлив. И непременно, во что бы то ни стало нужно ему, чтобы люди смотрели на вещи именно так, как смотрит и хочет этого он.

Я говорил спокойно, а он до того горячился, что просто страшно было смотреть на него. Он бы не принимал этого так к сердцу, если бы был прав, — это для меня несомненно. И неправ он не в той истине, какую говорит, а в той манере и в том отношении, *как* он ее говорит. Мне жалко от души и папá, остающегося все больше и больше одиноким на старости лет, и того добра, какое бы он мог сделать, если бы он спокойно, добро и справедливо беседовал с людьми и относился бы к ним. Какое-то раздражение, беспокойство, требовательность, Бог знает, на каких правах, ко всему и ко всем, которые только отчуждают его и еще сильнее отталкивают от желания вникнуть и разделить хоть часть той истины, о которой он проповедует. Еще раз я заклился не говорить с ним, но еще раз не сдержу этого обещания, потому что не говорить — значит считать его мне не нужным или несправедливым, что очень тяжело. Дай Бог, чтобы хоть на старости лет он смирился душой и не стал бы мучить людей вместо того, чтобы быть полезным и приятным им, как он иногда умеет быть, чтобы он перестал гордо один все знать и понимать и всех остальных людей считать дураками.

(ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой. Выделено Л.Л.Толстым).

⁶ См.: Быт. 9: 20-23.

⁷ Не исключено, что этот эпизод в разговоре Л.Н.Толстого с сыном навеян воспоминаниями о недавнем пребывании в Ясной Поляне итальянского психиатра, антрополога и криминалиста Чезаре Ломброзо (1835-1909). Беседуя, Л.Н.Толстой и Ломброзо отправились купаться, причем более молодой итальянец рядом с Толстым казался совсем дряхлым стариком (Русские ведомости. 1897. 18 августа. №227. С.3).

⁸ Уильям Томас *Стэд* (1849-1912) — английский журналист; посетитель и корреспондент Толстого. Вероятно, здесь он упомянут в связи с сенсационным материалом о масштабах детской проституции в Лондоне, опубликованным Стэдом в июле 1885 в редактируемой им «Pall Mall Gazette» (Серия статей под заглавием «The maiden tribute of modern Babylon»). См. подробнее: White F. The life of W.T.Stead: In 2 volumes. Vol.1. N.Y; Boston; London, 1925. P.159-205.

⁹ Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853-1900) — известный философ и поэт; был посетителем и корреспондентом Толстого. В цикле из четырех статей под общим названием «Смысл любви» полемизировал с той трактовкой любви, которая была дана в «Крейцеровой сонате». По глубокому убеждению С., любовь — «цель сама в себе», высший расцвет индивидуальной жизни. Она подразумевает самоценность человеческой лич-

ности, незаменимость любимого существа (Соловьев Вл. Смысл любви // Вопросы философии и психологии. 1892-1893. Кн.14-17).

¹⁰ Об одном из подобных разговоров Л.Н.Толстой записал в Дневнике 10 ноября 1897: «Нынче ездил с Левою в Ясенки и он затеял комичный разговор о культуре. Он был бы не дурен, если бы не этот огромный знаменатель при очень маленьком числителе» (Т.53. С.159). Под знаменателем Толстой понимал мнение человека о самом себе, под числителем — его подлинные достоинства.

¹¹ Ср. в более поздних воспоминаниях Л.Л.Толстого о спорах с отцом на близкую тему: «Мы почти никогда не говорили о нашем разладе и я боялся трогать этот вопрос. Но вот как-то после обеда он сам задорно заговорил о шведской культуре, которую я хвалил и сравнивал с русской. Не помню, как завязался разговор, но вдруг он до такой степени рассердился, что больно было смотреть на него. Недобро и несправедливо он стал осуждать меня только за то, что я не соглашался с ним» (Наше наследие. 1991. №5. С.88-89).

¹² Ср. замечание Л.Н.Толстого в Дневнике от 12 ноября 1897: «Лева нашел руду и находит очень естественным, что люди будут жить под землей с опасностью жизни, а он будет получать доход» (Т.53. С.160).

¹³ О неприятии Л.Н.Толстым Шекспира см., напр.: Т.53. С.144.

ОТРЫВОК ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА 1903 ГОДА (9-ое марта)

И вот я опять в Ясной Поляне¹...

Подъезжая к старой усадьбе, как всегда, сердце мое забилося сильнее и я чувствовал, что то, что это случилось со мною, было уже первым шагом к обновлению души и тела.

Отца застал в зале за столом с очень свежим, здоровым лицом.

— Здравствуй, голубчик, — сказал он и мы обнялись, и я пожал его худую руку.

Я никого на свете не люблю больше его и никто на свете мне не ближе всячески.

Мы понимаем друг друга с отцом с первых слов, с намеков, и мне дорого теперь, что я с ним снова тот же, что был когда-то, в период нашей дружбы².

Я спросил его, как он себя чувствует. Он сказал, что хорошо последние дни, а что недавно болела печень.

Мы долго говорили в зале о разных вопросах. Отец стал спрашивать меня о моей больной жене.

— Неужели твоей жене давали дигиталис? — спросил он испуганно, когда я сказал ему об этом.

Я сказал, что давали, но в небольших дозах.

— Мне дигиталис и лекарства испортили сердце, — сказал отец, — раньше не было того, что теперь.

— Просто старость! — заметила мать, сидевшая тут же.

— Нет, нет, — сказал отец, — раньше никогда не было того, что теперь случается. Иду, и не могу дальше... Слабость, слабость ужасная... должен сесть.

— Ах, эти доктора, — продолжал отец грустно, — вертятся все около того же. Вот, например, каломель. В моем детстве он считался полезным и его давали. Потом сочли вредным и перестали давать. Теперь опять дают!.. То же самое с другими лекарствами...

Перешли к вопросу о вегетарианстве, стали говорить о Зеленковых и вегетарианском обществе в Петербурге³, потом о Пауло Трубецком, тоже вегетарианце⁴.

— Все хорошо у Трубецкого, — сказал отец, вспоминая его скульптуру, — и извозчик, и девушка, и даже мой бюст⁵. Фотография всегда верно показывает, хороша ли скульптурная вещь или картина.

Я рассказывал отцу о моих беседах с моим другом Пауло и о том, что я советовал ему стараться выражать больше духовной, внутренней сущности жизни в его вещах и что он с этим не соглашался, говоря, что довольно изображать природу, какова она есть. Отец вспомнил о картине Репина «Какой простор» и попросил принести номер «Нового времени», в котором эта картина была воспроизведена⁶.

— Господи, какая глупость, — сказал он, — удивительно! И как такой прекрасный художник может писать такие глупости?! Я так люблю Репина, но не могу этого не сказать... И у студента совсем не русское лицо, — сказал он, разглядывая картину, — и она какая-то жеманная⁷.

Стали говорить о нелепой истории с картиной Бунина. Я сказал, что возмущался и говорил всем в Петербурге, что меня удивляет равнодушие, как допускают такие вещи⁸.

Отец молчал. Я рассказал, как изображена его фигура на полотне Бунина⁹, и он добродушно расхохотался вместе со всеми нами¹⁰. Потом он вспомнил о письме какого-то народного учителя к нему, в котором учитель писал об одной из моих статей в «Новостях» и которую учитель хвалил¹¹.

— Это, должно быть, приятно тебе, — сказал он.

Я ответил, что мне это тоже безразлично.

— Ну, нет, — сказал отец с недоверием, — это не может быть безразлично! Надо притупиться к этому — это так¹².

Но я искренно повторил ему, что мне это безразлично потому, что раз я написал и напечатал что-нибудь, то тут мне все равно — радоваться или огорчаться на мнения других, потому что мнений этих столько и все они так различны, что невозможно интересоваться ими. Судья — наша совесть, остальное безразлично.

Отец спросил меня о моей народной пьесе «Швейцар генеральши Антоновой» или «Без корня», которую я посылал ему зимой на прочтение и о которой он дал мне хороший письменный отзыв¹³. Спросил, поставлена ли она? Я сказал, что нет еще и что я отдал ее на конкурс Петербургскому Лит[ературно]-Худож[ественному] Обществу, переделав кое-что и выкинув старика Прокофия, который был похож на Акима во «Власти тьмы».

— Нет, он тоже был нужен, — сказал отец, — это жизнь!.. Ведь всегда что-нибудь у кого-нибудь украдешь. Вон, я читал Буренинские «Стрелы». Какая умница! Необыкновенно! Точно я у него украл моих чертей в легенде¹⁴. И как это цензура пропустила? И какой он мастер на стихи... Там есть пародия на Некрасова: просто прелесть... И, в сущности, Буренин — один из самых больших либералов. Пишет в консервативной газете, но сам крайний, да еще какой!..

Разговор перешел к «Новому времени».

— Оно было бы ничего, если бы не две его главные ошибки, — сказал отец. — Одна ошибка — это отношение к Финляндии, другая — отношение к евреям¹⁵. Остальное, пожалуй, можно простить. А национальная гордость, патриотизм — вот что ужасно!..

Отец перешел опять к Буренину.

— Да, это, несомненно, умный человек в Петербурге, вот и Горького он один только посмел не хвалить. Хвалят его последний рассказ. Плохо... Ничего хорошего¹⁶.

Разговор перешел к Розанову, который недавно посетил Ясную Поляну¹⁷.

— Я сказал Розанову две вещи, — говорил отец, — первое, что меня очень удивило, что он на вопрос, каковы были его религиозные верования, не мог дать мне определенного ответа¹⁸, и второе — что он пишет очень хорошо, но беда в том, что в его писаниях ничего понять нельзя!

Отец был поражен его малой образованностью. «Он ничего не читал, он даже хорошенько не прочел "В тумане" Андреева, о котором сам же писал¹⁹!..»

Стали говорить о религиозно-философском обществе в Петербурге, к которому отец относился скептически²⁰. Потом о священнике Петрове²¹.

— Борьба с ложью не допускает борьбы только с одной ее стороны, — сказал отец. — Надо бороться или со всей ложью, или совсем не бороться. Это, как наводнение... В Петербурге, например. Если защищаться от воды плотиной и оставить только одну маленькую щель, вода пройдет через эту щель и зальет собой весь город... Тут шутить нельзя.

Пока я сидел у отца, мать принесла свои фотографии и стала показывать их нам. И, глядя на моих стариков-родителей, мне было радостно видеть их, бодрых и занятых, трудящихся вместе, дружных более, чем прежде...

Матери моей ставьте памятник рядом с отцом, потому что без нее он не был бы собой.

Впервые опубликовано: Столица и усадьба. 1914. 15 февраля. №4. С.4-5. Под названием «В Ясной Поляне. Отрывки из дневника Л.Л.Толстого» перепечатано без изменений: Иллюстрированная Россия. (Париж), 1935. 16 ноября. №47. С.12-13. (Номер был посвящен 25-летию со дня смерти Л.Н.Толстого).

¹ Перед этим Лев Львович был в Ясной Поляне в августе 1901 (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.27).

² Ср.: Т.74. С.67; Т.54. С.160.

³ Александр Петрович *Зеленков* (1850-1914) — гомеопат, доктор медицины, убежденный вегетарианец, основатель первого в России «*Петербургского вегетарианского общества*», о котором он сообщил Толстому 20 декабря 1901 (Т.73. С.175); Ольга Константиновна *Зеленкова* (псевдоним — Вегетарианка; 1845-1921) — автор нескольких книг по вегетарианству (Т.74. С.20, 86).

⁴ Паоло Трубецкой (см. о нем выше) считал необходимым, чтобы «люди перестали убивать животных с целью поедания их тел. Когда такое время придет, все станут добрыми и счастливыми. — /.../ У меня в Париже баран и волк — вегетарианцы и едят зелень с одной тарелки. Надо брать их младенцами и не давать им мяса». — Цит. по: Шмидт И. Трубецкой. М., 1964. С.16.

⁵ Имеются в виду работы Трубецкого: Московский извозчик. (1898. Бронза); М.К.Тенишева (1899. Бронза); Л.Н.Толстой (1899. Бронза). Над этим последним произведением Трубецкой начал работу 15 апреля 1898 и через неделю вчерне закончил скульптурный портрет писателя.

⁶ Репродукция картины И.Е.Репина «Какой простор!» была помещена 5/18 марта 1903 в «Иллюстрированном приложении» к «Новому времени» (№9698. С.1). Об этой картине Л.Н.Толстой узнал из письма сына к матери от 17 февраля 1903 из Петербурга: «Открылись выставки /.../, на кот[орых], по-прежнему, хоть шаром покати в смысле содер-

жания. Репин удивляет довольно глупой картиной "Простор" — и только» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁷ В письме к художнице М.В.Веревкиной (1860-1938) 24 февраля 1903 Репин так охарактеризовал свою новую работу: «Я теперь уже один из тех старичков, которые всем известные истины — записывают, печатают и выдают за свои собственные сочинения. И в живописи я *моложусь*, как все старички. Написал пару молодых людей, а стариков-художников смелость эта удивляет настолько, что они пишут на эту тему картину. А публика наша настолько еще молода, что поражается этим всевозможным событием в картине и видит, что это неспроста, что тут кроется глубокая аллегория. И меня за эту аллегория то бранят, то порицают, то презирают» (Репин И. Избранные письма: В 2 тт. Т.2. М., 1969. С.173. Выделено И.Е.Репиным).

⁸ В четырех рыбаках, персонажах картины Н.Н.Бунина «Рыбная ловля», представленной на XI выставке С.-Петербургского общества художников, отчетливо просматривалось портретное сходство с Репиным, Горьким, Чеховым и Толстым. Посетивший выставку в конце февраля 1903 Л.Л.Толстой «столь возмущился виденным, что немедленно послал своему знаменитому отцу телеграмму, прося его совета, как поступить, чтобы с выставки была убрана позорная картина». Лев Львович намеревался протестовать в печати, «рассчитывая добиться этим путем нравственного воздействия на автора картины и выставочный комитет, без разрешения которого художник не может во время выставки снять свое произведение» (Петербургская газета. 1903. 28 февраля. №57. С.2). Однако «помощь прессы» пришла в неожиданной форме. 3 марта репортер московской газеты «Новости дня» С.Б.Любошиц нацарапал карандашом на полотне Бунина слово «мерзость». Картину вынуждены были снять с выставки, а Любошиц за порчу полотна был оштрафован судом на рубль серебром. Мнение публики по поводу этого инцидента не было единым. Наряду с критическими откликами были голоса и в поддержку Любошица: в его пользу собирали деньги среди интеллигенции обеих столиц; М.В.Дальский, Л.В.Собинов и др. рассматривали его поступок как защиту чести и достоинства тех, кого изобразил Бунин (Московский листок. 1903. 7 марта. №66. С.3). С другой стороны — по мнению, например, Ф.Сологуба — на картину Бунина следовало смотреть с символической точки зрения, а не искать в ней портретного сходства с известными современными деятелями (Новости и биржевая газета. 1903. 5 марта. №63. С.3). Самому художнику была близка именно такая трактовка его произведения: «Действительно, картина была аллегорической, — говорил он корреспонденту, — ведь должна же в картине быть идея: таков процесс творчества. /.../ Ведь и апостолы были рыбаками, что же здесь худого? Да к тому же сегодня считают Толстого как бы апостолом, его возводят в основатели новой религии. Если я выразил свою идею, ну что же, видно, попал в цель» (Там же. 12 марта. №70. С.3).

⁹ Ср. описание А.С.Суворина: «Два человека выволокли бредень на берег. Оба в одних рыбаках. Один стоит задом к публике, это якобы

Чехов, другой — ясно Репин, но моложавее; около стоит высокий старик, тоже без штанов, — это Л.Н.Толстой. По фигуре совсем не похожий, но по лицу похож. Рядом с Толстым в сапогах и штанах человек, похожий на Горького: он бросает рыбу в ведро или котел, около которого сидит мальчик. /.../ ”Да это не картина, — кто-то сказал возле, — это скорей карикатура на портрет Л.Н.Толстого босиком, написанный Репиным“. В самом деле, не карикатура ли это на Репина? Репин снял с Толстого сапоги, а Бунин снял с него и с Репина штаны. /.../ Несомненно одно: Бунин подражал Репину...» (Новое время. 1903. 3/16 марта. №9696. С.3).

¹⁰ В интервью Ю.Д.Беляеву на вопрос о скандальной картине Бунина Л.Н.Толстой ответил: «Я давно уже достойные общества и потому не удивляюсь ничему...» (Новое время. 1903. 24 апреля / 7 мая. №9746. С.2).

¹¹ Вероятно, имеется в виду письмо к Л.Н.Толстому 21 февраля 1903 от крестьянина села Бабаково Воронежской губернии А.Демина, в котором говорилось: «Статья Вашего сына ”Реформа жизни“, помещенная в Новостях за №40, по моей просьбе, была прочитана учителем г.Завьяловым в нашей школе и произвела на всех сильное впечатление. Посему я поручаю Вам, дорогой Лев Николаевич, от лица моих односельчан передать Вашему сыну искреннюю и глубокую благодарность за то удовольствие, которое он доставил нам своею статьей» (ОР ГМТ. Архив Л.Н.Толстого). С упомянутой статьей Льва Львовича (Реформа жизни: Несколько мыслей вслух // Новости и биржевая газета. 1903. 9 февраля. №40. С.2), в которой автор подчеркивал прежде всего необходимость самосовершенствования каждого жителя России, независимо от его социального и материального положения, Л.Н.Толстой знаком не был (Т.74. С.62).

¹² Ср.: Т.55. С.60-61.

¹³ В конце января 1903 Лев Львович отправил пьесу из Петербурга в Тулу на имя С.А.Толстой, как самой аккуратной в семье. (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой). А уже 2 февраля 1903 Л.Н.Толстой писал ему о своем впечатлении. См.: Т.74. С.32-33.

¹⁴ Речь идет о некотором сюжетном сходстве «Сказки об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и четырех чертенятах» Л.Н.Толстого (1885) и «Прогулки чорта. Старинной ирландской сатиры» Буренина (1881). У Толстого, правда, Иван-дурак одолел и чертенят, и старого дьявола (Т.25. С.115-138), а у Буренина дьявол торжествует: в городе повешен единственный порядочный человек (Буренин В. Стрелы. СПб., 1881. С.109-110).

¹⁵ Отношения Финляндии с метрополией обсуждались на страницах газеты в течение нескольких месяцев. «Новое время» ратовало за то, чтобы с приездом русских губернаторов в Финляндию наконец настало «время установления норм, согласующихся с нормами русского государственного права и завершения того политического объединения этой

окраины с остальной Империей, настоятельная необходимость которого давно уже вопиет об осуществлении» (Новое время. 1903. 27 января / 9 февраля. №9662. С.4). См. также изложение доклада М.М.Бородкина в Русском собрании об отношении финляндцев к русским в прежние времена и о сложившейся литературной традиции в освещении этого вопроса (Там же. 1903. 6/19 марта. №9699. С.3). В январе 1903 ряд публикаций «Нового времени» был посвящен случаям несоблюдения закона об оседлости евреев 1882 и необходимым мерам для пресечения таких нарушений. См., напр.: Еврейская путина // Новое время. 1903. 29 января / 11 февраля. №9664. С.3.

¹⁶ Об отношении Л.Н.Толстого к Горькому см.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Указ. изд. Т.1. С.109. Ср. также напечатанную вскоре после комментируемого разговора статью Буренина с уничижительной оценкой творчества Горького, Л.Андреева и др.: Буренин В. Трое: Критич. рассказ // Новое время. 1903. 4/17 апреля. №9728. С.2.

¹⁷ Василий Васильевич *Розанов* (1856-1919) — философ и публицист. Приехал в Ясную Поляну с женой, Варварой Дмитриевной, 6 марта 1903. В этот день С.А.Толстая записала: «Были скучные, некрасивые Розановы» (Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.91). Это мнение разделяли и другие члены семьи. 8 марта 1903 А.Л.Толстая жаловалась сестре, Т.Л.Сухотиной: «Вытягивал из нас все, что мог, о папá, о его здоровье, писаниях, образе жизни. Было неприятно» (Цит. по: Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С.476).

¹⁸ Ср. воспоминания Розанова об этой встрече: «О чем-то заговорили, незначашем, житейском. Но мой глаз и мой ум все как-то вертелись не около слов, которые ведь бывают всякие, а около фигуры, которая явно — единственная. /.../ Я приехал не один. В комнате была и Софья Андреевна. И заговорили, "как в обществе", ненужные, тяжелые, скучные речи. Это уже не были "Альпы", это были переулочки и пригорки в Женеве, близ Монблана. Тут нечего было помнить, и я ничего не запомнил» (Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С.282-283).

¹⁹ Толстой имеет в виду статью Розанова (Новое время. 1903. 11 февраля. №9677. С.3), в которой критик писал о «грубости» художественного чувства Л.Андреева и о его ориентации на бессемейный люд. Рассказ Л.Андреева «В тумане» был напечатан в «Журнале для всех» (1902. №12).

²⁰ Речь идет о религиозно-философских *собраниях*, возникших по инициативе Мережковских в ноябре 1901. Целью этого начинания был провозглашен «живой обмен мыслей по вопросам веры в историческом, философском и общественном освещении», а также преодоление «давней исторической установившейся разобщенности духовенства и светских людей, а также духовной и светской печати». (Новый путь. 1903. №1. [Отд. II]. С.1). Петербургское религиозно-философское *общество* (1907-1917) было следующим этапом церковно-общественной деятельности Мережковских и их единомышленников.

²¹ Л.Н.Толстой был знаком с книгой Г.С.Петрова «Евангелие как основа жизни» (СПб., 1898) и в мае 1900 отправил ее брату Сергею для прочтения. (Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. Указ. изд. С.430). По поводу статьи «Святая Русь», напечатанной в сборнике «К свету» (М., 1902), Толстой в начале августа 1902 писал: «Петрова я знаю. Все бы было хорошо, что он говорит, если бы он не был священником» (Т.73. С.276). Позднее Г.С.Петров вспоминал о том, как он напечатал «Евангелие как основа жизни»: «Прошло месяца два-три, стали требовать "Евангелие как основа жизни" из книжных магазинов. С удивлением напечатал второе издание, три тысячи. Разошлось в полгода. Напечатал третье, четвертое, — идут. И что обратило мое внимание: почему-то много требует Тула? Допытываюсь и узнаю: мою книжечку прочел и всем рекомендует Л.Н.Толстой» (Петров Г.С. Мое литературное рождение // Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф.Ф.Фидлер. М., 1911. С.24-25).

²² Эту благополучную картину следует, по-видимому, воспринимать с учетом реальной семейной обстановки в марте 1903. Именно в это время С.А.Толстая переживала душевный разлад, вызванный ее увлечением С.И.Танеевым (1856-1915). Ср. запись в ее дневнике от 10 марта 1903: Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.2. С.92.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ Из дневника 1903 года

11 марта. Сегодня за обедом разговоров было мало. Отец был не в бодром настроении. Говорили немного о Владимире Соловьеве. Я спросил отца, как он смотрит на него¹. Последнее время в Петербурге о нем много говорят, им интересуются и продолжаются соловьевские обеды.

— Ничего понять нельзя, — с ноткой раздражения сказал отец, — Соловьев нужен тем, кто ищет подпорку под свое православие: этим только и объясняется его слава. Хотя какая же это слава? Соловьева за границей совсем и не знают. Поразительно, сколько таких местных, временных слав. Их можно объяснить только влиянием прессы, газет и журналов. Я видел это на деле Дрейфуса. Кому интересен какой-то еврей, изменивший Франции? А между тем он сделался известен всему миру и каждый считал своим долгом быть за него или против. То же самое с литературными, политическими, философскими незаслуженными славками. Из них многие так раз навсегда и утверждались. Например, слава Шекспира.

Отец не мог тут не вспомнить Шекспира, которого не любил никогда². Я почувствовал, что он был неправ, но возражать ему не стал. Он продолжал.

— Была одна такая незаслуженная слава и на моем веку, я помню Eugene Sue³. Выдумали какой-то пауперизм⁴. Теперь то же самое с Горьким⁵.

После обеда отец ушел к себе. Он хотел одиночества или был занят⁶. Только вечером он снова вышел к чаю и сидел со всеми в зале. Приехала Варя Нагорнова, и отец был рад говорить с ней о дяде Сереже, с которым он теперь в деятельной любовной переписке. Отношения его с дядей Сережей под старость стали гораздо ближе и теплее. Видно, как он дорожит тем, что он существует, что он его родной, единокровный брат⁷.

Вечером, пока сидели за чаем, в зале произошел переполох. Откуда-то появилась здоровенная крыса и, пробежав под ногами наших обезумевших дам, стала прыгать по комнате вдоль стены. Все вскочили, началась суeta, а доктор встал у двери на площадке, чтобы караулить крысу, когда она снова покажется. Она спряталась теперь за бюстом отца в углу. Кто-то спугнул ее оттуда, крыса устремилась прямо под ноги доктора. Он с остервенением бросился на нее и несколькими ударами каблука убил ее. Все это произошло очень быстро и неожиданно.

Отец вместе со всеми делил волнение. Однако вид убитой крысы был ему очень неприятен. Он сморщил лицо в гадливую гримасу, в которой была и сдержанная невольная улыбка, заходил по зале, вышел из нее и снова вернулся.

— Какая гадость, — сказал он, — и жалко ее и гадко. Ну, зачем ее убили? Бегала бы себе на здоровье.

12 марта. Сегодня говорили про N., что он купил себе одну лишнюю, никому не нужную вещь. Никто не мог понять, зачем собственно N. купил себе эту вещь.

— Да, да, — сказал отец, — это раз Николенька Арсеньев⁸ купил себе клетку, в которой заводилась канарейка. Он заплатил за эту игрушку большие деньги, никто из нас не мог понять, к чему собственно и почему он ее купил. Наконец, мы долго искали и нашли причину. От глупости! Вообще многое, чего нельзя понять в жизни, разрешается этим. От глупости!

Сегодня папá огорчен тем, что здешнего воробьевского крестьянина Афанасия ссылают в Сибирь за кошунство. Несдержанный, но умный и развитой мужик Афанасий что-то очень резкое сказал об иконах. Отец придумывал способы, как бы помочь Афанасию, но, кажется, сделать это трудно.

После обеда приехала в Ясную Лидия Ивановна Веселитская. Как всегда, тихенькая, наблюдательная и умная, она всем была

очень приятно⁹. Мы обрадовались ей. Я знаю, что обрадовался я и обрадовался папá.

Между прочим, говорили с ней о Розанове и о Мережковском. Отец выразил Лидии Ивановне свое огорчение по поводу того, что Мережковский его ненавидит¹⁰.

— Живешь, живешь, — сказал он добрым и действительно огорченным голосом, — стараешься установить со всеми любовные отношения, со всеми кругом тебя, со всеми близкими, и вдруг оказывается, что там где-то есть люди, которые тебя ненавидят. Это очень больно¹¹.

Веселитская на это возразила, что Мережковский вовсе не ненавидит отца, но что он вообще очень бестолковый мыслитель¹². Действительно, ничего понять нельзя из того, что он говорит на собраниях религиозно-философского общества¹³.

— Ну, а Михаил Осипович* как поживает? — спросил отец.

— Пишет, — ответила кратко Лидия Ивановна¹⁴.

Разговор перешел к даме, которая прислала отцу письмо на восьмидесяти страницах, стараясь обратить его вновь к православию¹⁵.

— Удивительное дело, — сказал отец, — каждый человек непременно хочет, чтобы я смотрел на мир через его окошечко. Пусть каждый стоит у своего окошечка и смотрит через него на Бога. А я буду смотреть на Него через мое. Нет, непременно каждый подзывает к себе!¹⁶ И вот эта дама. Она угрожает мне, что, если я ей не отвечу, она будет писать мне каждый день, и без конца. А? Каково?

Вечером пришла большая почта из Тулы. Было много писем, и среди них несколько писем от одного сумасшедшего Б., который вот уже второй год пишет отцу по несколько писем в день¹⁷. Было и несколько рукописей начинающих писателей. Позднее, после чая, Л.И.Веселитская предложила отцу прочесть рассказ Анатоля Франса, который она привезла с собой и который хочет переводить. Рассказ прочли. Анатолий Франс отцу нравится, и он искренно радовался, слушая его¹⁸.

Вечер был проведен очень приятно, благодаря присутствию тонкой и милой Лидии Ивановны. Она всегда умела будить в отце те художественно-литературные струнки, которые не каждый день звучали в его ежедневной жизни. Часто за последние годы струны эти спали, подавленные людьми, претендовавшими влиять на них, но столько же понимавшими литературу и чувствовавшими искусство, сколь мало они понимали и самого Льва Ни-

* М.О.Меньшиков (примеч. Л.Л.Толстого)

колаевича. Большинство толстовцев были такие, а с ними отец убивал очень много своего времени.

Сегодня отец еще рассказывал об одном священнике, который тайно приходил к нему и говорил о том, что он желает расстричься¹⁹. Он говорил, что ему тяжелы внешние, обрядовые формы православия и что он не верит в его сущность. Как всегда, отец при этом прибавил, что вообще всякое священнослужительство противоречит самому христианскому учению, основанному на смирении. Не знаю, что говорил отец этому священнику. Вероятно, то же, что он говорит по этому поводу всем. Я замечаю, однако, что всякая встреча со священниками отцу бывает скорее неприятна, чем приятна. И каждый раз после их посещения Ясной Поляны он не в хорошем настроении духа.

13 марта. Сегодня нет ничего особенно интересного. Не буду записывать внешних событий. Они здесь однообразны. Запишу только то, что говорил отец вечером о Некрасове. Он хорошо знал его и всегда рассказывает о нем с нотой серьезного уважения к его памяти.

— Некрасов говорил мне, — сказал отец по поводу разговора о смерти какой-то собаки, — что у него было только одно настоящее горе в жизни. Это было, когда застрелили его любимую собаку²⁰. Он был очень правдивый, прямой человек и, когда он говорил это, он говорил правду. Он вообще говорил необыкновенно прямо и просто.

Еще был разговор о революционерах. Отец сказал, что они слишком узки в том, что преследуют, и что придают себе слишком много значения. Революционеры не понимают того, что от одного их желания переделать жизнь жизнь не переделается. Если бы они сами переделали себя, жизнь бы переделалась скорее²¹.

Вечером была музыка²².

18 марта. Вот что отец сегодня говорил по поводу дела крестьянина Афанасия.

— Деятельность в области религиозной кажется неплодотворной многим. Она не дает сейчас как будто ничего. Но важно действовать именно в религиозной области, откуда все. Я сам по себе чувствую, как спокойно жить в этой области, — заключил он, — и в старости это особенно приятно. Это то несомненное преимущество, которое дает старость. Знаешь, что скоро конец, и потому никуда не уходишь из той области, где настоящая жизнь. Тогда и живешь, как надо, т.е. настоящей минутой.

Сегодня приезжал Дм[итрий] Дм[итриевич] Оболенский. Отец, как всегда, был с ним любезен и рад ему, как старому знакомому. Говорил с ним опять о старости и ее выгодах²³.

Он записал вчера в своем дневнике несколько мыслей о вреде и зле славы. Эти мысли занимают его и беспокоят. Слава его тревожит.

24 марта. Сегодня говорил с отцом интересно о литературе и литераторах.

— У Чехова нет руководящих идей, — сказал отец, — это его большой недостаток и это очень трудно. Помню, что мне это было особенно трудно с «Войной и миром». Нужна всегда руководящая идея, и вокруг нее лепится все остальное²⁴.

— У Андреева нет одного главного условия творчества — чувства меры. Художество — это такое сильное орудие, что им нельзя злоупотреблять. А то сейчас же все обесценишь²⁵.

Сейчас отец занят Хаджи Муратом, отделкой его²⁶. Сестра Саша ему переписывает. Много гостей и суеты.

30 марта. На шоссе рабочие сидят и бьют щебень. Отец, гуляя, подошел к ним и говорил.

— Трудная работа? — спросил он.

— Видите сами. Что же?! Такая наша доля, — отвечал рабочий с перевязанными тряпками ногами, — другие люди, как цветы цветут, а наша жизнь такая.

Вечером отец читал воспоминания Пассек о Герцене.

17 апреля. Вчера вечером отец повторил свои мысли о том, как надо утешаться в горе. Эти мысли отчасти навеяны ему Шопенгауэром²⁷.

— Есть три способа, — сказал отец, — во-первых, вспомнить старые, прежние огорчения, давно прошедшие, но казавшиеся когда-то непоправимыми; во-вторых, думать, что всякое горе посылается нам для чего-нибудь и из каждого горя можно извлечь себе выгоду; в-третьих, думать о том, что есть много людей, у которых огорчения больше твоего, и что я мог бы страдать гораздо хуже и больше, чем страдаю.

Как-то вспомнил сегодня отец о своих старых друзьях: Леониде Урусове²⁸ и Юрьеве С.А.²⁹

— Оба эти человека, — сказал отец, — были из тех, которые до старости остались восприимчивыми. Это редко. Они не были запечатаны воском, как большинство.

24 апреля. Брат Илья рассказывал об убийстве Гончаровой.

Отец еще раз вспомнил про Афанасия.

— А вот его наказали и жестоко, — сказал отец и вдруг полужадно³⁰, полугрустно засмеялся.

Потом вдруг принял грустное выражение.

— Да, — прибавил он, — поразительно, как густа эта подлость в мире. Мы не можем даже себе представить. И мне, посвятившему жизнь на то, чтобы изменить взгляд людей (хотя это нескромно говорить), особенно тяжело осознавать и видеть это.

Отец читает книгу Мечникова «Sur la Nature» и откровенно находит ее глупой³¹. Про Кони говорит, что он его утомляет потому, что его надо слушать. Он *causeur de métier*³².

— Вот Д.А.Дьяков. Он тоже был отличный рассказчик³³, — сказал отец, — но он замолчал, когда его начинали слушать. А Кони, напротив, замолкает, когда его не окружают слушатели.

Сегодня отец говорил о войне. Вспомнил Бессарабию, где он был под пулями³⁴, вспомнил Севастополь³⁵.

Печатается по первой публикации: Новое время: Иллюстрированное приложение к газете. 1915. 7/20 ноября. №14247. С.9, 11-12. Она была помещена под рубрикой «К 5-й годовщине со дня смерти Л.Н.Толстого».

Сопоставление данного отрывка с записями в Дневнике Л.Н.Толстого служит дополнительным свидетельством того, насколько тщательно оберегал писатель свою внутреннюю жизнь и как, по существу, мало он реагировал на многочисленные внешние вторжения в Ясную Поляну. Быть может, отчасти поэтому Льву Львовичу удалось запечатлеть преимущественно внешнюю, событийную канву весенних дней 1903. С этой точки зрения, публикуемый текст дополняет наши представления о яснополянских буднях.

Если сравнить этот отрывок с соответствующими записями в дневнике Л.Л.Толстого (см. выше), то будет видно, что хотя фактическая сторона совпадает, многое в тех записях без расшифровки, проделанной при более поздней авторской литературной обработке, просто трудно было бы понять. Достоинство публикуемого фрагмента — в умении Л.Л.Толстого воспроизвести словесный и, главное, интонационный рисунок речи отца. В упомянутом дневнике эта сторона практически отсутствует.

Наконец, подготовка отрывка из дневника к печати в трудный для Л.Л.Толстого 1915 год свидетельствует о том, что память об отце, размышления о нем помогли Льву Львовичу преодолеть тяжелую полосу в жизни.

¹ Владимир Сергеевич Соловьев скончался 31 июля 1900. В память о нем в Петербурге в течение ряда лет проходили обеды, диспуты, научные собрания.

* профессиональный рассказчик (*фр.*).

Отношение Л.Н.Толстого к Соловьеву со временем менялось. Магистерскую диссертацию Соловьева о кризисе западной философии Толстой встретил словами одобрения. 23 декабря 1874 он писал Страхову: «Я прочел философскую статью Соловьева, и она мне очень понравилась. Это еще один человек прибил к тому малому полку русских людей, которые позволяют себе думать своим умом. Я уже насчитываю теперь 5-рых таких. В ней есть, т.е. в статье, один недостаток — гегелевская злобредная фразеология. Вдруг с бухты да барахты является в конце статьи какой-то дух, мне очень противный и давно знакомый» (Т.62. С.128). Через несколько лет этот «противный дух» затмил, по мнению Л.Н.Толстого, все остальное в работах Соловьева. «Возражение мое Соловьеву, — сообщил писатель Страхову 17-18 декабря 1877, — и всем философским статьям этого рода остается во всей силе; нельзя, говоря об основах знания, вводить понятие божества, как случайный признак, годный для подразделения» (Там же. С.360). Л.Н.Толстой не принял ни соловьевскую концепцию богочеловека, ни его трактовку смысла любви, ни его поэтизацию христианства (Там же. С.392). На известие о смерти Соловьева Л.Н.Толстой сочувственно отозвался 3 августа 1900 в письме к И.М.Трегубову, но его неприятие нравственно-философской позиции Соловьева осталось прежним (Т.72. С.437).

² Об отношении Л.Н.Толстого к Шекспиру см. подробнее его статью «О Шекспире и о драме», над которой он работал в 1903 (Т.35. С.216-272).

³ Л.Н.Толстой читал произведения *Эжена Сю* (настоящее имя — Мари Жозеф; 1804-1857) в 1840-е, когда слава французского писателя достигла России. Позднее Толстой вспоминал о нем только тогда, когда ему важно было подчеркнуть быстротечность и никчемность славы (Т.35. С.261; Т.49. С.69).

⁴ *Пауперизм* (от лат. pauper — бедный, неимущий) — явление массовой бедности, нищеты. В широкий обиход это понятие ввел Э.Сю в романе «Парижские тайны». За несколько десятилетий к этому слову привыкли, и оно без всяких пояснений употреблялось в литературной критике и публицистике второй половины XIX века.

⁵ Речь идет о захваливании Горького прессой. «Горький превозносит-ся той частью нашего общества, — писал Д.В.Философов, — на которую возлагаются особые надежды, — так называемым "интеллигентным пролетариатом"». Можно этим огорчаться или этому радоваться, но таков *факт*. И вот этот слой общества покровительствует Горькому, создает ему славу. Это доказывает, что Горький в данную историческую минуту *крайне нужен*, благодаря чему ему прощаются самые грубые оскорбления художественной правды. Здесь — трагедия русской общественной жизни» (Новый путь. 1903. №6. С.216. Курсив Д.В.Философова).

⁶ «Все пишу определение жизни и все недоволен, — записал Л.Н.Толстой в этот день, — /.../ Все чаще и чаще в минуты неудовольствия, сомнений вспоминаю, что мне нужно угодить толь[ко] Богу, к которому иду, а не людям. И становится очень хорошо и легко» (Т.54. С.160).

⁷ В последние годы жизни С.Н.Толстого (1826-1904) переписка братьев стала интенсивнее и теплее. И касалась она как внешних событий в Ясной Поляне и Пирогове, имении С.Н.Толстого, так и вопросов душевной жизни, гораздо более интересовавших корреспондентов. См., напр.: Т.74. С.52; Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. Указ. изд. С.472-473.

⁸ Николай Владимирович *Арсеньев* (1846-1907). После смерти его отца, соседа Толстых по имению, Владимира Михайловича Арсеньева (1810-1853), Л.Н.Толстой был назначен опекуном четырех осиротевших детей, младшим из которых был Николенька.

⁹ Ср.: Микулич В. Встречи с писателями. Указ. изд. С.124-125.

¹⁰ Упоминание о Дмитрии Сергеевиче *Мережковском* (1866-1941) в контексте данной беседы позволяет уточнить расшифровку инициала «М.» в дневниковой записи Л.Н.Толстого от 13 марта 1903 (Т.54. С.152). Вопреки мнению К.С.Шохор-Троцкого, комментировавшего это место (Там же. С.510) М. — не М.О.Меньшиков, а Мережковский. Ср.: Литературное наследство. Т.69: В 2-х кн. Кн.2. М., 1961. С.503. См. также: Т.56. С.621.

¹¹ В 1901-1903 Мережковский напечатал обширное исследование «Л.Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия», в котором предрекал рождение нового Пушкина в русской литературе. Этот будущий гений синтезирует художественные открытия Толстого и Достоевского. Мережковский рассматривал их как «тайновидца плоти» (Толстой) и «тайновидца духа» (Достоевский), носителей двух противоположных начал. С этим, безусловно, Толстой согласиться не мог.

¹² Ср.: Микулич В. Встречи с писателями. Указ. изд. С.126.

¹³ В феврале 1903 был опубликован реферат доклада Мережковского «Лев Толстой и русская церковь». Прочитанный ранее на 3-м заседании Религиозно-философских собраний в Петербурге и вызвавший бурное обсуждение среди собравшихся, этот доклад становился теперь доступным каждому, и это не могло не причинять боли Толстому. Именно знакомство с этим рефератом послужило Толстому основанием для вывода о ненависти к нему Мережковского. Приведем выдержки из этого реферата:

До последнего времени Л.Толстой никогда собственно не был нашим духовным вождем — в полном смысле этого слова «учителем». Почему? — вот вопрос.

/.../ Он недостаточно умен для своего гения, или слишком гениален для своего ума. Мускульная сила, которая легко носит людей среднего роста, оказалась бы недостаточной для великана: умствующий Л.Толстой и есть такой слабый великан. /.../

Отрицание православия, как одной из культурно-исторических форм христианства, понятно в общем хоре мыслей Л.Толстого. Это отрицание — только звено цепи его отрицательных выводов относительно всей вообще современной европейской

культуры; здесь церковь отрицается не как нечто, стоящее вне культуры и ей противоположное, а именно как часть всей этой ложной культуры, другие части которой суть наука, искусство, собственность, государство. /.../

Вся его трагедия именно в том, что он всю жизнь старался не верить в своего собственного «живого Бога», желая обратить Его в мертвую, отвлеченную формулу, математический значок x для уравнения нравственных польз — и не мог этого сделать и никогда не сделает.

(Новый путь. 1903. №2. С.57-69).

¹⁴ М.О.Меньшиков (1859-1919) — критик и публицист, постоянный литературный сотрудник «Недели», приглашавший в 1900 Л.Н.Толстого писать для этой газеты (Т.54. С.419; Т.72. С.484-485). После закрытия «Недели» Меньшиков в 1901 перешел в «Новое время». Л.Н.Толстой задал своей собеседнице вопрос, вероятно, желая услышать от нее, как чувствует себя их общий знакомый в газете *иного* направления. Веселитская от ответа уклонилась.

¹⁵ Письмо неизвестно.

¹⁶ Отголоски этого разговора в записи Л.Н.Толстого в Дневнике от 13 марта 1903. Ср.: Т.54. С.163.

¹⁷ Ср.: Микулич В. Встречи с писателями. Указ. изд. С.127.

¹⁸ Ср.: Там же. С.130-131. Об отношении Л.Н.Толстого к Анатолию Франсу (наст. имя Анатолий Франсуа Тибо, 1844-1924) см.: Т.54. С.164; Т.74. С.100. Рассказ «Кренкебиль» Толстой включил в «Круг чтения».

¹⁹ Ср.: Т.54. С.160. Сведений об этом посетителе нет.

²⁰ Л.Н.Толстой вспоминает здесь о гибели собаки Н.А.Некрасова — Кадо (См.: Н.А.Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С.378-379).

²¹ Ср.: Т.54. С.164.

²² 13 марта 1903 С.А.Толстая писала Т.А.Кузминской: «Вчера был у нас хороший пианист Гольденвейзер и много и хорошо играл. Еще была Лидия Ивановна Веселитская, она писательница (Мимочка на водах), и с ней, как с очень живой и умной женщиной, было очень весело, и хорошо, только мало она у нас побывала. /.../ Лева живет у нас и очень наслаждается деревней и с детства привычной яснополянской жизнью» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

²³ Ср.: Т.54. С.167.

²⁴ Перебирая в памяти произведения Чехова, Толстой зачастую затем переходил к размышлению о цели и назначении искусства, о руководящей идее и т.д. Ср.: Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.2. С.8; Микулич В. Встречи с писателями. Указ. изд. С.130.

²⁵ Ср. запись в Дневнике Л.Н.Толстого от 25 декабря 1902 (Т.54. С.338-339, 556-557).

²⁶ О трудностях работы над повестью см. в письме Толстого к Черткову от 21 марта 1903: Т.88. С.291.

²⁷ Об отношении Л.Н.Толстого к Артуру Шопенгауэру см.: Т.50. С.123; Т.54. С.319-320.

²⁸ О Леониде Дмитриевиче *Урусове* (ум. 1855), одном из самых близких друзей Л.Н.Толстого, см. подробнее: Толстой С.Л. Очерки былого. Указ. изд. С.67.

²⁹ Сергея Андреевича *Юрьева* (1821-1888), переводчика, редактора журнала «Русская мысль», историка литературы, председателя Общества любителей российской словесности, Л.Н.Толстой знал с 1870-х и ценил за открытость ко всему новому, восприимчивость и благожелательность. (См.: Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.506; Толстой С.Л. Очерки былого. Указ. изд. С.130-131).

³⁰ Оценивая достоверность этого впечатления, следует принять во внимание, что Л.Н.Толстой немало сделал для облегчения участи Агеева. См. прим. 115-116 к «Дневниковым записям». Ср. также запись в дневнике Х.Н.Абрикосова от 5 апреля 1903: «Говорили об Агееве, о котором подают прошение царю. "Ведь по правде-то говоря, нам бы всем надо было сидеть с Агеевым, ведь мы такие же богохульники", — опять сказал Лев Николаевич» (Летописи Государственного Литературного Музея. Кн.12. Т.II. М., 1948. С.445).

³¹ В апреле 1903 Илья Ильич *Мечников* (1845-1916) прислал Л.Н.Толстому книгу «Etudes sur la Nature Humaine: Essai de philosophie optimiste» (Paris, 1903). Прочитав ее, Толстой писал брату Сергею 3 мая 1903: «Ты читал или прочтешь о книге Мечникова. Он прислал мне ее, и она очень интересна по своей ученой глупости» (Т.74. С.112; см. также: Т.54. С.169). Такая реакция была, вероятно, обусловлена тем, что Мечников, излагая биологические теории, иллюстрировал свои воззрения ссылками на отношение Толстого к смерти (гл. VI, IX, XII). Позднее Толстой отзывался об этом сочинении не так резко: «Я много вынес из этой книги интересных сведений, — говорил он Гольденвейзеру 22 октября 1904, — так как Мечников, несомненно, большой ученый. Только удивительна в нем самодовольная ограниченность, с какой он убежден, что решил чуть ли не все вопросы, волнующие человека. Он так уверен, что счастье человека в его животном довольстве, что, называя старость злом (вследствие ограничения в ней способности физического наслаждения), даже и не понимает, что есть люди думающие и чувствующие совершенно наоборот. Да я дорожу своей старостью и не променяю ее ни на какие блага мира» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Указ. изд. Т.1. С.142).

³² Ораторские способности Анатолия Федоровича *Кони* (1844-1927) не всегда утомляли писателя. Рассказ Кони о Розалии Онни так глубоко взволновал Толстого, что он обратился к нему через одиннадцать лет,

в процессе работы над романом «Воскресение». См. также: Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.1. С.444; Т.2. С.184-189.

³³ О друге Толстого, «неумолкаемом соловье», как называла *Дмитрия Алексеевича Дьякова* (1823-1891) Т.А.Кузминская, см.: Толстая С.А. Дневники. Указ. изд. Т.1. С.70-71, 217.

³⁴ Толстой был в Бессарабии в феврале—апреле 1854 (Т.47. С.225).

³⁵ В Севастополе Толстой находился с ноября 1854 по август 1855. (Т.47. С.226-228).

ЗАМЕТКИ ОБ ОТЦЕ

12 апр[еля] 1908 г[ода]. Ясная Поляна.

Прожил здесь неделю¹. Завтра уезжаю в Петербург. Не видал родителей с августа прошлого года². Они постарели оба. Здоровье обоих не очень хорошо, но, Бог даст, они еще проживут. Кто из них переживет? У отца плох желудок, колит кишек продолжается неделями. У него заметно ослабела память³. Он забывает фамилии знакомых и путает имена писателей. Вчера в разговоре со мной и сестрой Таней он спутал Ибсена с Бьернсоном, хотя потом вспомнил и различил обоих. Он забыл фамилию Эрдели, мужа нашей двоюродной сестры, раньше гостившего подолгу в Ясной Поляне. Он не сразу вспомнил Мопассана, когда мы говорили о вышедшей его биографии⁴. Зато у отца стало гораздо больше чувствительности к интересам всех людей вообще. Он боится огорчить кого бы то ни было, он совершенно никого не осуждает, он интересуется сторонами жизни других людей, которые раньше как будто совсем не трогали его и для него не существовали. Он спрашивал меня, например, о моем материальном положении, расспрашивал о моем доме, о книжном магазине, о доходах⁵. Это в первый раз, кажется, с тех пор, как я живу самостоятельно.

Нового в отце, кроме большой доброты, я вижу именно, как я выразился, какую-то повышенную чувствительность по отношению ко всем явлениям жизни. Третьего дня, напр[имер], он говорил, что поедет на суд одного своего последователя, кот[орого] привлекли к судеб[ной] ответственности за распространение отцовских сочинений. Было и раньше, что судили других за взгляды отца, но никогда он так горячо не принимал этого к сердцу⁶.

Он пишет новую статью, в которой повторяет старое, но в которой опять-таки эти новые формы просветленного, уясненного даже и спокойного настроения духа выражены ярко⁷. Он все тот же, со всеми своими чертами характера, и эти черты стали как-

то мягче и тоньше. Ко мне отец относится замечательно добро и внимательно. Первые дни он был искренно [рад] моему приезду... Он еще удерживает меня побывать здесь. Но мне нельзя оставаться дольше⁸. Увижу ли я его здоровым еще? Когда его не будет, для меня будет яснее моя тесная близкая связь с ним, несмотря на временную разность взглядов. Когда его не будет, пожалуй, эта разность исчезнет, хотя, кто знает /.../⁹.

Печатается по черновому автографу. — ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.7, Л.1-5об.

¹ Л.Л.Толстой находился в Ясной Поляне с 4 по 13 апреля 1908. (Т.78. С.123).

² Перед этим Л.Л.Толстой был в Ясной Поляне в июле 1907. В письме, датированном 1 августа 1907, он по приезде в Петербург написал матери: «В Ясной мне было очень приятно в этот раз, и я надеюсь, что я не был Вам неприятен» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

³ Ср.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Указ. изд. Т.1. С.205-207.

⁴ Возможно, речь идет о книге Альберта Льюмброзо: Lumbroso A. Souvenirs sur Maupassant. Roma, 1905.

⁵ В книжном магазине Л.Л.Толстого в начале 1908 дела шли неплохо: почти в каждом письме к С.А.Толстой есть упоминание о деньгах, возвращаемых ей сыном. Домашняя же обстановка у Льва Львовича благополучной не была: в январе 1908 у Доры был выкидыш, после которого она болела (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁶ Речь идет о предании суду одного из последователей Толстого — новгородского слесаря Владимира Айфаловича Молочникова (1871-1936). О реакции Л.Н.Толстого на это событие см.: Т.78. С.121; Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Указ. изд. Т.1. С.207. Молочников был осужден 7 мая 1908 на один год заключения в крепости.

⁷ 11 апреля 1908 «Л.Н. сказал Александре Львовне, что окончил в первой редакции "Всему бывает конец", что осталось теперь только поправлять». См.: Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.3. С.56. Кроме того, в это же время Толстой работал над статьей «Закон насилия и закон любви». См.: Т.89. С.93-95.

⁸ Краткость пребывания Л.Л.Толстого в Ясной Поляне была связана с болезнью жены, остававшейся в Петербурге, и необходимостью подготовки к предстоящему отъезду с семьей в Швецию.

⁹ Письма Льва Львовича к матери, отправленные после возвращения в Петербург, наполнены заботой от отца, медицинскими советами и проч. А 25 апреля 1908 Л.Л.Толстой писал матери:

Милая мамá,

я получил Ваши два письма, первое с припиской папá, которая меня очень тронула. Одно могу сказать ему, что я недостойн его любви, и говорю это совершенно искренно. Рад же, главное, тому, что мне стало ясно то, что раньше было темно и что мучило меня. Это то, что, в сущности, как я всегда и чувствовал, и чувствую, что у нас с папá одна душа и тот же путь. Разница только в том, что он указывает конечный свет на этом пути, а я стараюсь указывать неровности, препятствия и ямы по дороге. Мне казалось раньше, что эти две деятельности противоречат одна другой, что они исключают одна другую. Теперь мне ясно, что это не так, что они вполне совместимы, даже, что одна без другой невозможны. Могущий вместить да вместит.

(ОР GMT. Архив С.А.Толстой).

15 апр[еля 19]08 г[ода]. С[анкт]-Пет[ербург]¹

ОТЕЦ И Я

Мне хочется уяснить, в чем разница взглядов отца и моих, для того, чтобы раз навсегда не приписывали мне того, во что я не верю, и не отнимали бы у меня то, во что я верю.

По складу ума и характеру во мне много общего с отцом. Не буду здесь говорить о том, как безгранично я его люблю и ту правду, которой он учит. Скажу только, как я отношусь к основным идеям отца и как я мирю их с моими собственными.

Прежде всего, какие основные идеи в жизнепонимании моего отца?

1) Нравственное совершенствование личности есть основа совершенствования человечества и его жизни.

В этом пункте я вполне, всецело, до конца соглашаюсь с отцом и думаю, как и он, что лучшим руководством в этом личном совершенствовании останется высшее нравственное и религиозное учение, выраженное в учении Христа.

Вокруг этого учения, вокруг этого света должно объединиться человечество.

2) Отрицание всяких государственных и религиозных форм.

Я не могу здесь согласиться с отцом потому, что вижу, насколько эти формы необходимы при несовершенстве человечества.

Я не думаю, что эти формы на вечные времена останутся в жизни людей. Напротив, я убежден в том, что, видоизменяясь, они исчезнут в том виде, в каком они существуют сейчас, но уничтожить их теперь невозможно.

Поэтому я мирюсь с ними и стремлюсь их совершенствовать.

Вот два основных пункта моего согласия и несогласия с отцом и, хотя я отлично понимаю, что он идет впереди меня, что он ведет и зовет за собой человечество, что он, веря в добрую и разумную сущность человека, в тысячу раз лучше меня, я не могу, зная жизнь и ее несовершенства, зная свою собственную греховную природу, отрицать необходимость внешних форм жизни, отрицать необходимость власти и государственности, полезность известных религиозных форм, пока люди в них нуждаются.

В одном из последних писем ко мне отец пишет:

«То, что ты недоволен собой, и хорошо и не хорошо, но больше хорошо, п[отому] ч[то] это признак самого важного и дорогого на свете: внутренней духовной работы. Я думаю, что она происходит в тебе, и радуюсь этому, радуюсь, п[отому] ч[то] знаю, что всякая искренняя духовная работа приводит к одному: к широкому, внесемейному, внесловному, внепартийному, вненациональному, патриотическому взгляду на жизнь и любовному отношению ко всем людям, а в этом единственно возможное в жизни, истинное и самое большое благо»².

Отец отчасти возражает мне в этих словах на то, что я писал моей матери. Я писал ей, что за последнее время живу, главным образом, верой в Россию, что самое большое удовлетворение мне дает патриотическое отношение к жизни России, но я не нахожу достаточно поля для приложения этого моего настроения [в] окружающей действительности. И это мне тяжело³. Отец берет патриотизм всечеловеческий и рекомендует мне его для моего счастья и блага. Я принимаю его, я знаю, что отец прав, что он правее меня, но я принимаю его не всецело, не как руководство, не отрекаясь от моего национального русского патриотизма, не отрекаясь от моей семьи и от моей страны, не ставя отцовский всечеловеческий патриотизм впереди моего, ставя его, как идеал и свет вдали, к которому надо стремиться. Я не могу отречься от моей семьи и от моей страны, не чувствуя в себе на это сил, забыв мою греховную природу: я недостаточно хорош, недостаточно верю в доброту человека вообще, я каюсь в этом, но, чтобы быть искренним, чтобы быть честным, я не могу.

У меня с отцом одно великое общее — стремление к благу, стремление к увеличению этого блага на земле среди людей... Это великое общее не у нас только, но у всех людей... Разница только в тех формах, в каких оно проявляется. Разница только во внешнем, в преходящем. Но пока оно существует для нас, пока мы существуем в нем, разница эта неизбежна.

Вот главное, что я хотел здесь сказать, чтобы уяснить себе и другим те противоречия, какие я сам и другие видят в моей жиз-

ни и деятельности, выражающиеся в том прежде всего, что, с одной стороны, я не раз горячо возражал отцу в моих писаниях, с другой — считаю важным распространение его сочинений.

Повторяю — он впереди, мы сзади. Он указывает идеал, мы указываем путь к идеалу. Этот путь сложный, длинный и трудный. Его надо прокладывать долгим и упорным трудом в области формы и материи. Путь этот прежде всего в национальном чувстве, в патриотическом отношении к той стране, какой ты сын. Без объединения людей одной страны и народа в любви и согласии эта страна и этот народ прежде всего сами никогда не выйдут из внутреннего хаоса, раздора и вражды. Для счастья и блага человека прежде всего нужно счастье и благо того народа, к какому он принадлежит. Потом только можно думать и приблизиться к счастью всечеловеческому...

Отсюда утверждение форм жизни и материи и стремление к их совершенствованию. Отсюда признание государственного строя своей страны. Но совершенствование этого строя, конечно, не может идти без совершенствования личности. Без доброго отношения и взаимной любви друг к другу всех членов какого-либо народа или страны, т.е. государства. Опять я пришел к двум главным пунктам моего мирозерцания, из которых один вполне совпадает с отцовским, другой расходится.

Оба эти пункта совершенствования формы и совершенствования личности, по-моему, путь к идеалу⁴.

Печатается по черновому автографу. — ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.12. Л.2-7.

Вскоре после смерти отца, в 1911, Л.Л.Толстой начал работу над рукописью, в которую он намерен был включить и данный фрагмент. Это видно из сохранившегося наброска черновой рукописи:

ОТЕЦ И Я

Наши отношения. Мое детство. Мое отрочество и юность. Его письма ко мне. Зрелый возраст. И мои воспоминания об отце за этот период

Предисловие

Прошу читателей не винить меня за написание и издание этой брошюры через год после смерти отца потому, что обвинение это было бы необоснованным. Я позволю себе высказать взгляд, что все неразъясненное в жизни вредно не только потому, что правда остается скрытой, но главное, потому, что к этой скрытой правде прибавляется еще целая сеть выдуманной лжи.

Поэтому, чем скорее уясняется всякая правда, тем лучше. Стараюсь всегда быть искренним, повторяю, [что] единственная цель моя и теперь остаться тем же.

Знаю, что недоброжелатели мои, все те, которые слепо разделяют взгляды отца моего, никогда не простят мне, как и он сам, в сущности, не простил, того, что я дерзал при его жизни возражать ему, не понимая, что я делал это, считая мою правду дороже его. Они будут наводить...

На этом рукопись обрывается. (ИРЛИ. Ф.303. Ед.хр.12. Л.1. Выделено Л.Л.Толстым).

Трудно сказать, какая причина помешала Л.Л.Толстому завершить работу над упомянутой брошюрой в 1911. В какой-то мере этот замысел был реализован в конце 1920-х, когда Лев Львович начал писать «Опыт моей жизни». (См.: Наше наследие. 1991. №5. С.83-97).

¹ Запись сделана сразу по возвращении в Петербург. Из Ясной Поляны Л.Л.Толстой выехал 13 апреля 1908 (Маковицкий Д.П. У Толстого. Указ. изд. Кн.3. С.57). 14 апреля он писал матери уже из Петербурга: «В Ясной мне было более, чем хорошо. Спасибо всем за доброе отношение. Дома все благополучно» (ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

² Л.Л.Толстой цитирует — с незначительными разночтениями — отрывок из отцовского письма к нему от 21 марта 1908. (Т.78. С.98).

³ Ср. письмо Л.Л.Толстого к матери из Петербурга от 7 марта 1908:

Зовут всюду и все и так как нельзя всегда отказывать, едешь, и так, тоже в суете, проходит время. Но у вас есть солнце, снег и природа, а здесь ничего этого нет и не на чем отдохнуть. Я чувствую себя скверно душой и телом. Стал совсем старый и седой и веду глупую, вредную жизнь.

Ничего не пишу потому, что кругом равнодушие и мерзость и не найду никак того, на чем построить твердое здание. Все кажется непрочным или недостаточно ясным и разумным. Самое ясное и самое близкое мне — это чуждое и папá и вам патриотическое служение. Но при полном отсутствии этого сознания у большинства кругом и невозможности всегда прикладывать эту веру к делам, и это не удовлетворяет. Оно не отрицает нравственного совершенствования, а требует его, хотя в некоторых пунктах расходится с высшей нравственностью. Высшая же нравственность есть самопожертвование и отрицание самой жизни. Вот на каком я перепутье. Если папá в силах и заинтересуется этим, пусть скажет свое слово.

(ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой).

⁴ В более развернутой форме взгляды Л.Л.Толстого на затронутые здесь темы изложены в его незавершенном сочинении, сохранившиеся фрагменты которого мы помещаем в приложении к настоящей публикации.

[ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ НАРОДОВ, ГОСУДАРСТВ]
В ЕЩЕ БОЛЕЕ КРУПНЫЕ ЕДИНИЦЫ, В СОЮЗЫ МЕЖДУ
ДЕРЖАВАМИ И, НАКОНЕЦ, ОДНО ЧЕ[ЛОВЕЧЕ]СТВО.

Человек состоит из души и тела, так же, как и человечество. Нам нужно поэтому не только духовное и умственное единение, но и телесное, материальное.

Все это служит этому единению, благо тогда — общий язык, наука, литература, искусство, сообщения, воспитание, изобретения и т.д. Все, служащее обратному, — зло. Современные правительства всех государств должны так, а не иначе смотреть на свое призвание и начинают так смотреть в передовых странах. Современные люди должны смотреть на свою жизнь точно так же, и многие, к счастью, смотрят так. Тут ни при чем ни христианство, ни непротивление злу, ни какие-либо философские теории. Тут говорит простой здравый смысл и его одного недостает людям. А как же, спросят, жить определенным людям? Что делать? Значит, участвовать во всех ужасах правительств? В ужасных войнах? В казнях? В судах? Непременно. Тут не может быть двух ответов потому, что зло мира — наше общественное зло и мы можем уничтожить его не отстранением от него, а только покорением, добротой, разумной силой. Войны, казни, суды нашего времени исчезнут только [тогда], когда мы станем разумнее и здоровее. Нам надо делать все, чтобы их оставалось меньше и меньше. Нам нужно объединять друг друга всеми силами внутри всего человечества. Но нам надо помнить и знать, что мы не можем достигнуть этого иначе, как в той плоти, в тех как государственных делах, так и наших человеческих, в каких мы живем и развиваемся. Дайте больше силы, воспитания, общения и достатка людям, и преступления, и суды, и казни прекратятся. Дайте международного общения, силы, воспитания, дайте международного достатка государствам и человечеству, и войны прекратятся на земле. При чем тут христианство и непротивление злу?

Что они тут значат?

Брат мой Илья рассказывал мне недавно, до какой степени огорчен и сердит на меня был мой отец, когда я в публичных газетных статьях возражал ему. «Если бы это было возражение Потапенке или Чехову, — я понимаю, но мне!?»

Он до того был уверен в своей непогрешимости, что не терпел никакого возражения. Между тем, как мне было не возражать человеку, авторитет которого был в России в те годы так велик

и влияние которого было так сильно? Считая мою правду более полной и более нужной России в те дни, я говорил ее смело, не боясь того, что попаду в немилость как к отцу, так и ко всем почитателям и «последователям» его учения.

Мне хотелось еще записать мое мнение об отце, как о слабовольном человеке. Я думаю, что до женитьбы он должен был постоянно находиться под влиянием кого-нибудь, потом он был под влиянием жены и семьи, наконец, Черткова.

— Знаешь, я — тип приживальщика, — как-то сказал он мне в разговоре, сидя на своем любимом балконе наверху, — это самое удобное в жизни.

И он так смотрел на свою жизнь в Ясной Поляне. Если бы он пережил свой уход, он стал бы приживать в какой-нибудь избе у мужика. Юношей он проживал у тетушек и только короткий период мы видим его одного в Ясной Поляне в необходимую силу обстоятельств.

Как часто отец менял свои мнения, знают все, и менял он чаще всего под влиянием чувства. Смешно сказать, когда я начал заниматься скульптурой и летом 1909-го года в Ясной старался вылепить отца, он много раз восхищался моими артистическими способностями и говор[ил]: «да, у тебя тут настоящие, настоящие способности».

Летом 1910-го года, когда я лепил бюст матери и отец сердился на меня, он записал 7 авг[уста]¹ в своей отныне исторической книжечке: «Нельзя же лишить миллионы людей, может быть, нужного им для души. Повторяю: мож[ет] б[ыть]. Но даже если есть только самая малая вероятность, что написанное мною нужно душам людей, то нельзя лишить их этой духовной пищи, для того, чтобы Андрей ..., а Лев мог мазать и...². Ну, да Бог с ними. Делай свое и не осуждай».

Спрашивается, почему миллионы людей лишились бы написанного отцом, если бы он не сделал духовного завещания? Во-1-х, все, что духовная пища в его писаниях, как он называет ее, все писания с 1881-го года остались бы всеобщим достоянием миллионов. Те же миллионы могли бы издавать и читать их. Во-2-х: если бы нам досталось право издавать романы, то все равно те же миллионы могли бы читать их потому, что я первый издал бы их и пустил в продажу по самой низкой цене. В 3-ьих, отец говорил про Анну Каренину, что это очень дурная, вредная книга о том, «как офицер полюбил даму»³.

В-4-х, при чем тут было мое «мазанье» и почему я не могу мазать гораздо свободнее и веселее теперь, лишенный наследства? Читатель, судите сами.

Грустно говорить грустную правду о близких, но отец мой не только мне отец, он учитель жизни, и потому я считаю себя не вправе молчать. Я скажу еще одну ужасную вещь. Он был завистлив. Он завидовал мне, моим годам, моим путешествиям, может быть, даже тому, что я лепил мою мать, а не его в последнее лето. Трудно разгадать все, что происходило в нем. Одно могу сказать наверное. Он был глубоко несчастлив, и я глубоко жалел его. Он был слаб, стар и болен и из последних сил между тем старался не показывать этого, старался жить, пользуясь всем, чем только можно было. В мелочах он проявлял это иногда трогательно, болезненно дорожа своими вещицами, всем, что касалось его личности. Однажды я взял в зале на столе машинку точить карандаш.

— Это моя машинка. Мне подарили, — сказал отец, протягивая за ней руку.

Как видит читатель, все это было уже признаками надвигавшегося конца или, во всяком случае, болезненного состояния.

Я забыл передать интересный разговор мой с отцом по дороге в Овсянниково, ездили с ним туда вдвоем верхом. Я сказал ему, что замечаю в России улучшение, что в России проснулось национальное чувство и что я рад, что наконец осуществляется моя давнишняя мечта перехода крестьян от общины к частному землевладению. Отец иронически засмеялся.

— Что они только делают! — вскричал он с негодованием. — Что они только делают! Это разбойники, преступники! Вешают, обирают, насилуют.

Возражать уже нельзя было и не хотелось. Он весь горел злобой и негодованием. Не помню точно всех его слов, но он закончил так: «Оставим это и забудь, пожалуйста, все, что я сказал». Замечательно, что в своей записной книжечке того лета отец пишет, что он любит мою мать, когда жалеет ее. Этим еще раз подтверждается теория Шопенгауэровской морали, что мораль, любовь — это сострадание.

Меня он жалеть в то лето не мог и потому не мог любить.

После смерти отца я был до того потрясен открытием, что он, проповедовавший любовь, так многих не любил, а то и просто ненавидел в последний год жизни, что вся проповедь его потеряла для меня свое последнее значение, и я, обложившись философами, стал читать у них, как каждый из них определяет мораль. Кант и Шопенгауэр — два величайших философских ума прошлого века — были для меня все больше интересны.

Первый старается установить «законы императивной любви или морали», второй безжалостно и навсегда их опрокидывает,

говоря, что жалость — единственная реальная сущность морали. Еще раз этим уяснилось для меня коренная ошибка религиозного мировоззрения Льва Николаевича.

Печатается по рукописи из ОР ГМТ. Архив Л.Л.Толстого.

¹ По новому стилю. В «Дневнике для одного себя» запись датирована 29 июля 1910.

² Л.Л.Толстой не вполне точен. В «Дневнике для одного себя» было так: «Чтобы Андр[ей] мог пить и развратничать и Лев мазать и ...» (Т.58. С.129).

³ Ср. высказывание самого Л.Н.Толстого: «Да, я описывал, как барыня влюбилась в офицера» (Ивакин И.М. Толстой в 1880-е годы // Литературное наследство. Т.69. Кн.2. С.38).

МОСКОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Записи Е.З.Баранова

Вступительная статья, подготовка текста
и примечания В.Боковой

Евгений Захарович Баранов (1869- после 1934), чьи фольклорные записи предлагаются вниманию читателя, был газетчиком и фольклористом, долгие годы (с 1892) сотрудничал в газетах Северного Кавказа, а с 1911 — в московской газете «Русские ведомости». И на Кавказе, и в Москве он постоянно собирал народные легенды и сказания. Материалу, собранному им на Кавказе, повезло больше: в 1910-х он был в основном издан¹, а вот московская коллекция осталась практически неизвестной.

Собирать московский фольклор — и прежде всего городские легенды — Баранов начал сразу после переезда в Москву и продолжал вплоть до революции. Затем, после 1917, наступил перерыв: Баранов остался без работы, сильно бедствовал, жил случайными заработками, да и его потенциальным «информантам» было не до рассказов о старине. Лишь в начале 1920-х фольклорная работа Баранова возобновилась. В значительной степени ее стимулировало активное участие собирателя в обществе «Старая Москва», по заказу которого Баранов стал производить и целенаправленные поиски (в частности, сбор легенд о Пушкине и Толстом). Председатель общества, историк П.Н.Миллер и профессор-этнограф Ю.М.Соколов поддерживали его и советом, и деньгами, ибо долгое время — видимо, до тех пор, пока не выхлопотал пенсию, — Баранов не имел постоянных средств к существованию. Одно время он — о чем сам пишет в своих записях — торговал на Арбате с лотка подержанными книгами, но прогорел.

Из всего массива собранных Барановым в Москве материалов свет увидела лишь малая часть: в 1923 общество «Старая Москва» выпустило первую часть его «Московских легенд» — всего около десятка записей, объединенных в 4 цикла². Все остальное — свыше десятка циклов о московских знаменитостях и достопримечательностях (о графе Брюсе, о Плевако, о Закревском, об Александровском саде, Марьиной роше и т.д.) так и осталось в рукописях.

¹ Кабардинские легенды. Пятигорск, 1911; Легенды Кавказа. Ростов н/Д. 1913; Сказки кавказских горцев. М., 1913; Сказки терских казаков. М., 1914.

² «Проклятый дом» (о доме с привидениями) на Арбате), «Постройка кремлевских стен в Москве», «Храм Василия Блаженного», «Иван Грозный и Малюта Скуратович».

В конце 1928 в квартире Баранова случился пожар, в котором погибла значительная часть его архива (в числе прочего — коллекция записей о Льве Толстом), но и уцелевшему материалу суждены были долгие годы безвестности.

В записях Баранова отразились Москва и москвичи, еще не обезображенные «социалистическим строительством», время, когда надломленный потрясениями военных и революционных лет быт еще держался и сохранял черты подлинного, старомосковского уклада, когда речь москвичей, хотя и тронутая слегка «цивилизацией» с ее «ученым» и «заковыристым» словарем, все же не была еще изуродована (или почти не была) социалистическим новоязом и сохраняла плавность, красочность и языковое богатство, позднее почти утраченные.

Немалую ценность публикуемому циклу легенд и рассказов о русских писателях придает то, что Баранов не отрывает собственно легенды от рассказчика и от той обстановки, которая его окружает. Это насыщает повествование колоритными бытовыми и психологическими деталями, придает ему картинность и занимательность, зачастую не уступающие самой легенде.

Барановские рассказчики — плоть от плоти той, ушедшей Москвы: дворники, уличные торговцы, рабочие, печники, рубщики дров, ломовые извозчики, со всеми особенностями и одновременно типичностью судеб, мировоззрения, образа жизни, этических представлений, манеры говорить. Последнее — т.е. индивидуальность речи рассказчика — особенно важно, ибо, по условиям тогдашней фольклорной записи, фиксация рассказа не могла быть дословной. Людей, пытавшихся почему-либо записать разговор, в народе не любили, подозревали в шпионстве и злом умысле, — и нелюбовь эта могла проявляться весьма круто, вплоть до физической расправы. Баранов сам на это указывал: «Что касается записи легенд, — писал он, — должен сказать, что она не дословна, потому что в тех условиях, при наличии которых я занимаюсь собиранием в московских харчевнях и чайных произведений устного народного творчества, дословная запись невозможна. Рассказчиками являются, за ничтожным исключением, люди случайные, с которыми приходится быть крайне осторожным, чтобы не навлечь на себя подозрения и избежать печальных последствий его. По этой причине запись легенд /.../ сделана на память»³.

Далеко не все рассказчики — люди грамотные, а из грамотных далеко не все книгочеи. Тем более интересно следить по записям Баранова, как воспринимались громкие писательские имена в этой малопросвещенной среде, что было о них известно и как о них судили.

Круг упоминаемых в публикации имен невелик: Пушкин, Гоголь, Лев Толстой. Пушкину и Гоголю в Москве стояли памятники, их знали все, даже не читавшие ни строчки из Пушкина и Гоголя. Толстой был знаменит благодаря активной правительственной и церковной «контрпропаганде» на рубеже XIX-XX вв., о чем подробно сказано в пояснениях

³ ОПИ ГИМ. Ф.134. Ед.хр.196. Л.230.

самого Баранова. Толстого большинство знало как вероучителя, лишь немногие из барановских персонажей знакомы с Толстым-писателем, и то лишь как с автором народных рассказов. Другие литературные имена, даже такие крупные, как Лермонтов, Достоевский, Некрасов, в московском фольклоре, собранном Барановым, практически не встречаются; упоминание же имен поэта А.М.Жемчужникова и лубочного литератора Н.И.Пастухова в значительной мере случайно: оба рассказа исходят от «самовидцев» и интересны главным образом оценками рассказчиков.

Обстоятельства жизни реального, живого Толстого были довольно хорошо известны народной массе и не так уж много оставляли возможностей для мифотворчества. Толстой был в этой среде объектом не столько *легенды*, сколько *суждения*. О Пушкине и, особенно, Гоголе было известно гораздо меньше — и потому оба они предстают в записях Баранова как персонажи вполне мифические, причем если о Гоголе легенд ходило немного, то о Пушкине их рассказывалось множество — как полностью фантастических, так и таких, где реальность мешалась с вымыслом. Можно сказать, что еще до появления пресловутой серии анекдотов о Пушкине он уже прочно обосновался в фольклорной среде как героический и страдающий персонаж (а позднее произошло лишь комическое «снижение» образа).

Как поэт, писатель Пушкин народным воображением почти не воспринимался. Это, в первую очередь, был человек, который заслужил, чтобы ему поставили памятник. Практически никому из рассказчиков и в голову не приходит, что памятник могут поставить стихотворцу. Конечно, если уж человек удостоился такой чести, то за что-то великое, необыкновенное: застроил Москву, завел в ней порядок, помогал править государством, был самым умным из людей, стоял за правду, за народ и за это сидел в тюрьме... В нем все должно быть исключительно — и происхождение, и жизнь, и смерть («до пули роковой довела злодейка-жена»). Смутные слухи об иноземной примеси в крови Пушкина претворяются народной фантазией в категорическое утверждение, что «русской крови в нем и капли одной не было: немецкая и арапская кровь была»; слухи о лицейской учебе — в то, как «ему только десятый год пошел, а он уж всю профессорскую науку одолел» и т.д.

Легендарный Пушкин тоже, конечно, пишет книги, но по преимуществу не стихи, а такие, в которых учит, чтобы люди жили «без свары, без обмана, по-хорошему».

Обширный цикл Е.З.Баранова «Легенды о писателях» представлен нами не полностью, но в основной и большей части публикуется по рукописям из фондов самого Е.З.Баранова (РГАЛИ. Ф.1418. Оп.1. Ед.хр.4; сюжеты 5-11) и П.Н.Миллера (ОПИ ГИМ. Ф.134. Ед.хр.196; сюжеты 1-4), в бумагах которого уцелела часть материалов, погибших в основном собрании. Орфография и пунктуация текстов приближены к современной норме; в ряде случаев без оговорок опущены поясняющие слова типа: его (Толстого). Все подстраничные и поясняющие примечания в конце записей принадлежат Е.З.Баранову.

В течение четырех лет (1919-1923 г.) мне пришлось торговать книгами на многих улицах Москвы, а с весны 1921 г. по декабрь 1923 г. я торговал ими на Арбате, около дома № 26 (бывш. Берга)¹. Тут я познакомился с дворником этого дома Филиппом Яковлевичем Болякиным. Тогда ему было 68 лет, значит, теперь, когда пишутся эти строки, в 1925 г., ему — 72 года. Он высокого роста и, судя по его фигуре, когда-то был крепкого телосложения, теперь одряхлел, стал сутулиться. Родом он из крестьян Тульской губернии, Новосельского уезда, деревни Даниловки.

По отбытии солдатчины он женился, занимался дома крестьянским хозяйством, временами жил в Москве, потом, когда дети подросли, передал им хозяйство и окончательно переселился в нее, нанялся дворником в тот самый дом, в котором я застал его, когда познакомился с ним. В этом доме он работал более двадцати пяти лет и все время, до зимы 1924 г., жил вдвоем со своей женой, которой, когда я узнал ее, было 80 лет. Третьим членом семьи Филиппа Яковлевича был его любимец, большой серый кот Барсик.

За 25 лет работы Филипп Яковлевич нажил немало разной одежды, но его обворовали дочиста в то время, когда он убирал мостовую, а старуха отлучалась из дому.

В первое время моего знакомства с ним наши разговоры вращались большею частью вокруг уборки мостовой. Обыкновенно, покончив с работой, он с метлой или киркой в руке подходил ко мне, тяжело волоча ноги.

— Давай, — устало произносил он.

Это означало, что он хочет покурить. Я доставал из кармана кисет с махоркой, мы скручивали сигарки, закуривали. После двух-трех молчаливых затяжек затеивался разговор, и почти всегда начинал его Филипп Яковлевич.

Если дело было зимой, он, посасывая сигарку, принимался не торопясь, медлительно объяснять, как надо закалывать кирку для скалывания толстого, слежавшегося слоя снега, а летом осуждал теперешнюю метлу, которой и на неделю работы не хватает: в три дня так измызгается, что хоть бросай ее и бери новую.

Иногда, глядя на убранную мостовую и любуясь своей работой, он говорил мне:

— Глянь-ка, походил по ней метлой, она и поумнела, а то была, как пьяная баба, — вся растрепанная.

Иных разговоров у нас почти не было, и я думал, что Филиппу Яковлевичу не о чем больше говорить. Но, оказалось, было о чем.

Раз как-то увидел он у меня выставленную на продажу книжку с портретом Наполеона на обложке, взял ее, раскрыл, медленно пошевелил губами: он немного знает читать (на военной службе выучился) и положил на место.

— Вот, — заговорил он, кивая головой на книжку, — первый человек в свете был, а пропал через свою гордость.

И потом, все так же медлительно, все так же посасывая сигарку, стал он рассказывать, как Наполеон, обуянный гордостью, пошел войной на Россию, завладел Москвой и бежал из нее, как он попал в плен и был сослан на остров и как, отправляясь в изгнание, предрек императору Александру I-му гибель дому Романовых, что потом, хотя и через много лет, в точности сбылось.

В другой раз я уже сам завел с ним разговор об очень популярном в народе человеке, сподвижнике Петра Великого, графе Якове Вилимовиче Брюсе², этом, по легендам, удивительном на всем свете ученом и волшебнике. Затеял я такой разговор в надежде услышать от Филиппа Яковлевича что-нибудь новое о Брюсе и тем пополнить свое собрание легенд о нем. И надежда не обманула меня: я услышал от него не только о Брюсе, но и о другом современнике Петра Великого — Сухареве³, и, чего я совсем не ожидал, об А.С.Пушкине. Оказывается, по словам рассказчика, все они трое жили в одно время. Легенда так и начинается: «Их было трое, Брюс, Сухарев и Пушкин...»

Рассказывал мне эту легенду Филипп Яковлевич в ноябре 1923 г., а в следующем месяце я принужден был прекратить книжную торговлю и за весь 1924 г. лишь мельком видел Филиппа Яковлевича раза два, а летом 1925 г. пришел к нему расспросить о Пушкине.

За эти полтора года, в которые мы не виделись, умерла его жена, и он, чтобы иметь в доме хозяйку, «расписался» с одной тридцатилетней женщиной, т.е. зарегистрировал у нотариуса свой гражданский брак с ней.

Он еще одряхлел, и память стала изменять ему: меня он называл «Миронычем» вместо «Захарыча», как раньше называл, а на мои расспросы о Пушкине только отмахнулся.

— Что о нем говорить, — возразил он. — Пушкин и есть Пушкин. — А когда я напомнил ему его рассказ о Наполеоне, он удивился.

— Да нешто я рассказывал? — возразил он и долго думал, очевидно, припоминая. — Не помню, — промолвил он потом. — Может, и говорил, да позабыл.

Разговор у нас не клеился, мы покурили и разошлись. Месяц спустя мы опять встретились, разговорились о прежнем времени,

прежней Москве, вспомнили, между прочим, обезьянщиков, т.е. айсоров, болгар и персов, водивших на показ пляшущих обезьян, и Филипп Яковлевич рассказывал любопытную, на мой взгляд, легенду о том, почему было запрещено водить обезьян и медведей. Пользуясь его хорошим настроением, я направил было разговор о Пушкине, но из этого ничего не вышло.

— Что ж Пушкин, — промолвил он. — Был он хороший человек, за то честь и слава ему. — И больше о Пушкине ни слова. Но все же я узнал, что Филипп Яковлевич ни одного из произведений Пушкина не читал и не слышал, и вообще никаких книг не читал, кроме одной — «Ухарь-купец»*, которую очень хвалил.

БРЮС, СУХАРЕВ И ПУШКИН

Их было трое, Брюс, Сухарев и Пушкин.

Брюс на небо летал смотреть, есть ли Бог. Ну, вернулся.

— Есть, — говорит, а сам поскорее к батюшке побежал... — На, — говорит, — тебе рупь, отслужи молебен.

Ну, а батюшка что ж?.. Рупь — деньги, на тротуаре не подынешь; взял, да и отслужил.

И был этот Брюс самый умный: весь свет исходи — умней не найдешь... И знал он волшебство, и дошел до всяких наук... Календари делал... и порошки у него там, составы разные... И мог он обернуться птицей... А жил в Сухаревой башне. Там у него и книги, бумаги, пузырьков наставлено было тьма-тьмущая... И чего-чего только там не было... Понятно, не зря, а все для науки...

А башню эту Сухарев построил... Вот по этому самому и называется она «Сухарева башня».

А Сухарев этот был купец богатый — мукой торговал. Ну, еще и другие лавки-магазины были... бакалея там, да мало ли каких не было. Одно слово — богач... И тоже парень неглупый был, тоже по науке проходил. Ну, до Брюса-то ему далеко было, и десятой части брюсовской науки не знал... Он, может, и узнал бы, да торговля мешала...

* Под таким заголовком известно было лубочное издание (Т-ва Сытина) собрания песен и романсов, среди которых было помещено стихотворение Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец». Положенное на ноты, оно распевалось с эстрад увеселительных садов, ресторанов так называемыми исполнительницами народных песен и, между прочим, одной из них, более талантливой, Плевицкой, удачное исполнение которой много способствовало распространению его в городских низах, где оно было в моде с 1908 по 1914 г., хотя и теперь еще не совсем забыто.

— Ну, хорошо, — говорит, — положим, ударюсь я в науку, а кто же, — говорит, — за делом смотреть станет? А на приказчиков, — говорит, — положиться нельзя: все растащут, разворуют.

Да и правда. Ведь что у нас за народ, я тебе скажу, — анафема, а не народ! Поверь ему — он живо выставит тебя за дверь, да еще тебя же и виноватым сделает... Нет, доверяться нашему народу никак нельзя: обманет, а то, еще того хуже, в одной рубашке оставит...

Ну, это одно, а тут еще баба-жена, да ребятишки. А при бабе какая наука может быть? Ты, примерно, книгу раскрыл и хочешь узнать чего-либо по науке, а тут жена и застрекочет сорокой: тосе, пятое-десятое... Уж она всегда найдет, чего сказать. Ты нарочито думай — не придумашь, а она, и не думавши, как примется стрекотать... Уж она трещит-трещит... А ведь все зря, все попусту, лишь бы языку дать работу... Конечно, есть и понимающая, разумная женщина, всегда уважит мужа... Да ведь мало таких, всего больше — как раскудахчутся, так и жизни не рад станешь...

Ну, тоже и нашего брата похвалить не за что: есть такие соловьи залетные, он тебе напоеет такое, что ты уши развесишь, и облупит он тебя, как яичко печеное. Есть такие ловкачи...

Ну, вот и Сухарева такое дело: думал, думал, как быть? И по науке человеку лестно пойти, да и нищим не хочется остаться... Видит — не с руки ему наука, взял, да и построил башню.

— Ты, — говорит, — Брюс, живи в этой башне, приходи до всего... А чего, — говорит, — понадобится, скажи, дам.

А чего Брюсу понадобится? Чего нет — сам сделает. Я тебе говорю: на все руки мастер был. Он и золото, и серебро делал... Ну, конечно, не зря, а по малости... А то, пожалуй, наделай много, — тут такая бы пошла поножовщина, такое смертоубийство... Смотри, и башню давно бы спалили... Вот он и остерегался. А больше всего испытания делал, над составами работал...

А царь сердится:

— И чего ты, — говорит, — все мудришь? Что выдумываешь? Забился, — говорит, — в свою башню и сидит, как филин. Вот, — говорит, — прикажу подложить под башню двадцать бочонков пороху и взорву тебя. И полетишь, — говорит, — ты к чертям.

А Брюс говорит:

— Если, — говорит, — я филин, то пусть буду взаправдашний филин.

И тут обернулся филином. Обернулся, да как закричит: «Пугу-у!» Царь испугался и — бежать...

— Тут, — говорит, — и до греха недалеко.

И не любил царь Брюса.

— И когда, — говорит, — черти заберут его от меня?

А тронуть Брюса боялся. А не любил вот почему: он, хоть и царь был, а по науке ничего не знал... Ну, а народ все больше Брюса одобрял за его волшебство... Ну, царя и брала зависть.

А тут Брюс такой состав сделал: старого человека на молодого переделывать... Вот и говорит слуге своему:

— Брат, изруби ты меня топором на мелкие кусочки. Полей, — говорит, — сперва из этого пузырька, а потом вот из этого. Хочу, — говорит, — снова молодым стать, а то мне, — говорит, — уже девяносто лет...

Ну, слуга изрубил его топором. Полил из одного пузырька — тело срослось. А из другого не стал поливать, взял, да и разбил об пол. А сам побежал к царю:

— Брюс, — говорит, — помер.

А царь говорит:

— Помер, и черт с ним — собаке собачья честь.

А нешто он собака был? Самый ученый человек был, самый умный... Тут царская злоба, зависть... Живому ничего не мог сделать, боялся, так вот дай хоть мертвого облаю... Злоба, конечно.

Ну, вот... Ну, похоронили Брюса... И очень народ жалел его. Да что поделаешь? Умер, значит, конец.

А этот подлец, слуга Брюсов, как ни таился, а все же люди узнали про то, как он Брюса погубил. Ну, понятно, не поблагодарили за такое дело: ругали всячески и ребра пересчитали. Да толку-то от этого чуть. А его бы из поганого ружья пристрелить, вот это в самый раз было бы: чего заслужил, того и получай...

Ну а Пушкин... Пушкин в Москве жил и планы разводил: ведь это он застроил Москву, ведь это он завел порядок.

А ежели бы не Пушкин, была бы не Москва, а черт знает что... Ведь у нас как? Ты дом построил, ты сад развел... И я дом построил, только у меня он неказист, да и сад не тово, подгулял... Вот меня бес и начинает мутить, зависть разбирает... Вот я возьму, ночью перелезу через забор и спилю твои деревья в саду... И после того пойдет промежду нас грызня: я тебя «подлецом», ты меня — матерными словами... И дойдет дело до драки: один другому рожу исковыряем... А Пушкин это воспрещал... Вот и завел порядок.

Умнейший был господин. И книги тоже писал, все описывал... И чтоб люди жили без свары, без обмана, по-хорошему...

— Вы, — говорит, — живете для радости...

Да ведь наш народ какой? Окаянный народ... Я мостовую мету, своим делом занимаюсь, а он, шут его знает, кто такой, по тротуару идет и ровно бы ветром его качает... самогону через край хватил... Ну, качался, качался, остановился и давай меня ругать. Уж он конопатил, конопатил... А за что? Я ему не должен, ничего не украл у него, да и вижу-то его впервые...

Ну, что ты поделаешь с ним? Драться с дураком не приходится — сам дурак станешь, да и не одолеешь, ведь он какой оглоед — быка за хвост удержит... Поругал-поругал, пошел, закачался... Пьяный, конечно... Ну, пьян-пьян, а башкой об стену не стал колотиться... Хам.

Вот Пушкин и правду написал: «На подлеца хоть аполеты надень, а он как был свинья, так и останется свиньей». Что ж, и верно: ты его как ни полируй, а он все такой же хамло будет... Вот Пушкин и хотел, чтобы у нас дружелюбие было, чтобы мы не хватали один другого за горло, чтобы свиной жизни не было. Только у нас дело на свой лад идет, не на пушкинский. Нам бы вот сивухи-матушки через край хлебнуть, да человека матом разутюжить — это так... вот это и есть радость наша... А дружелюбие это... Обманул человека, обработал как нельзя лучше, в одной рубахе оставил, — вот и дружелюбие твое.

Пушкин-то хорошо знал обхожденьице наше — какой мы народ... Человек умнейший был, а иначе нешто поставили бы ему памятник?

Им, видишь, всем троим хотели поставить памятники: Брюсу, Сухареву и Пушкину... Это уж после было, при другом царе... Три памятника хотели поставить, да царь воспротивился...

— Брюсу, — говорит, — не за что: он волшебством занимался и черту душу продал.

Вот, видишь, как человека опорочили. А ведь напрасно, совсем зря... Чего ему было душу продавать черту, ежели он наукой дошел? Умный человек и без нечистой силы дойдет... И волшебство он наукой взял.

Да ведь у нас как? Озлился на человека и давай его чернить. Вот и тут так: один царь невзлюбил Брюса, ну и другие цари той же дорожкой пошли... От дедов-прадедов пошла эта царская злоба... Вот от этого и не приказано было ставить Брюсу памятник...

И Сухареву тоже не приказал царь...

— Какой, — говорит, — ему памятник надо? Есть Сухарева башня, и довольно с него. Да и не за что, — говорит, — ставить ему: он, — говорит, — мукой торговал, барыш в карман клал...

Ну и клал... А как же иначе?.. На то ведь и торговля, чтоб барыш был. А станешь торговать без барыша — проторгуешься, в трубу вылетишь. Без барыша нельзя...

Ну, а Пушкина все же одобрил...

— Он, — говорит, — умнейший человек был...

Вот и поставили памятник Пушкину, и стоит... Да ведь наш народ какой? Проклятый народ, с ним не сговоришь... Иной-то тысячу раз прошел мимо памятника, а спроси его: какой был человек Пушкин?

— Не знаю, — говорит.

«Не знаю». Да ведь и я тоже не знал, а как расспросил знающих, и узнал... И вот ты расспроси, послушай, что скажут... И никто тебя за это не оштрафует, и никто не заругает...

— Нам, — говорит, — это не требуется.

А вам что же требуется? Чужие карманы обчищать да замки сворачивать, а? Поверишь ли? Четырнадцать вершков голенища — сапоги были... елцкие вытяжки, к Пасхе справил... И что ты скажешь? Пришли, свернули замок, все забрали, все унесли... Бекеша на вате была... я бы за нее и пяти червонцев не взял бы... уперли и бекешу... Да мало ли чего не взяли... Валенки старые — и с ними не расстались!.. Ну, что за народ такой? Им вот про Пушкина знать не требуется, а воровать по квартирам, да в карман залезать — это самое любезное дело... Эх, народец!..

II

С 1919 по 1925 год на Арбатской площади в подвальном помещении дома №20 находилась харчевня, носившая название «Низок». Среди рабочего и прочего голодного люда она пользовалась большой известностью. Хозяин ее, малоросс П.И.Гринчук, был человек уважительный, умел обойтись с посетителями. Скажу больше: в годы разрухи (1919-1921 гг.) он спас от голодной смерти не одного человека. И не удивительно поэтому, что «Низок» с утра до позднего вечера был полон посетителями.

Его бойкая торговля соблазнила одного интеллигентного поляка и двух его братьев взять ее в свои руки. Гринчуку «Низок» был уже тесен, и он за известное вознаграждение уступил его полякам.

Приняв в свое ведение харчевню, братья строго распределили свои роли: старший, Вацлав Петрович, которого посетители сейчас же переделали в Владимира Петровича, стал «управляющим», средний, Ян, переделанный в Ивана, заведовал буфетом, а млад-

ший, шестнадцатилетний юноша Николай, был в помощь половому Якову.

Владимир Петрович появлялся в харчевне только рано утром и вечером. Всегда гладко выбритый, прилично одетый, всегда в коричневых лайковых перчатках, он поутру ходил на рынок для закупки мяса, зелени, хлеба и других продуктов. В качестве прислуги, на обязанности которой лежала доставка в харчевню этих покупок, его сопровождал Вася, семнадцатилетний паренек. Раньше он торговал на улице яблоками и, проторговавшись, стал оклачиваться в харчевне, исполняя мелкие хозяйские поручения, за что получал чай, обед и ночлег.

Вечером Владимир Петрович, пощелкав костяшками на счетах и пройдясь с деловым видом по комнатам харчевни, исчезал до утра.

И остальные братья тоже отличались своими особенностями. Иван Петрович, ходивший неряхой и носивший длинные волосы, был астроном, — так отрекомендовал мне его Вася, — а Николай Петрович слыл за музыканта.

Иван Петрович и на самом деле занимался астрономией: перед ним на буфетной стойке всегда лежали книги по астрономии и он постоянно сидел, уткнувшись в них: или читал, или же погружался в математические вычисления, не обращая внимания на шум и гам, почти не умолкавшие в харчевне. И половому Якову или его помощнику Николаю Петровичу, принявшим заказ на чай или обед, приходилось не раз напоминать ему об этом, чтобы получить от него чек, по которому на кухне выдавалось кушанье. Он наскоро выдавал чек и снова возвращался к своим книгам. Он был очень скуп на слова — все молчал, все о чем-то думал. И мне казалось, что в то время, когда харчевня гомонила и хохотала, он был от нее за миллион верст, где-нибудь в созвездии Ориона.

Зато не был молчалив Николай Петрович: он все напевал вальсы, марши и чаще один из полонезов Огинского и вальс из «Фауста».

Подавал ли он обед, шел ли на кухню за кипятком, всюду сопровождало его «трам-там-там».

Посетители харчевни сначала зло подсмеивались над ним, но, видя, что он не обращает на насмешки внимания, оставили его в покое, решив, что у него в голове «не все дома».

Они же на первых порах напророчили, что новые хозяева не долго продержатся в харчевне: «проастрономят ее и протарарамкают ее». Пророчество сбылось: хозяева прогорели дотла и, чтобы уплатить долги, принуждены были продать почти все свое имущество.

Среди этой «оглашенной братии», как посетители окрестили хозяев и их служащих, был человек, который потом явился творцом легенды о Пушкине.

Человека этого звали Егором Павлычем Травкиным. Был он лет 36-37-ми, ходил в стареньком перпелесовом пиджачке и в стоптанных сапогах. До поступления в харчевню «служащим» он кормился на помойке, подбирая корки хлеба, кусочки картофеля и воюя с крысами и собаками, которые в поисках пищи осаждали помойку.

Но вот однажды он исправил испортившийся в кухне водопровод, и Владимир Петрович, оставшийся довольным его работой, предложил ему исполнять в харчевне, как он выразился, «обязанности технического надзора» на тех же условиях, на которых работал Вася, то есть за обед, чай и ночлег.

Травкин согласился, и с того дня его стали называть «водопроводчиком», но чаще — по имени и отчеству.

Я был мало знаком с ним, и только раз, разговорившись, он рассказал мне, как в мировую войну, находясь на германском фронте, ходил в атаку, был тяжело ранен, упал в окоп и пролежал там, среди убитых и раненых, пять часов, пока санитары подняли его.

Я ожидал, что он начнет проклинать войну, что мне уже не раз приходилось слышать от других рассказчиков о ней, но он даже не пожаловался на то, как ему пришлось страдать от раны, и о своем лечении в госпитале не обмолвился ни словом, а принялся рассказывать про то (это было уже после его выздоровления, когда его снова послали на фронт), как он, во время одного из отступлений наших войск в Галиции, шел с двумя товарищами по лесу и наткнулся на огонек. Огонек уже потухал. Он насбирал сухих сучьев, положил в костер и, когда тот разгорелся, присел к нему, свернул папироску, закурил. Присели и товарищи и тоже закурили. Все трое молча посидели перед огоньком, покурили, поднялись и пошли. А позади них вдали громыхали орудия, снаряды их уже начали залетать в лес и рвались с оглушительным грохотом.

Мне думается, что из всех пережитых Егором Павлычем эпизодов войны этот сильнее остальных запечатлелся в его памяти. Но, возможно, что я и ошибаюсь.

Рассказывал Егор Павлыч об этом эпизоде вскоре после вступления в исполнение обязанностей «технического надзора», а потом я видел его большею частью молчаливо сидящим в уголке.

Собственно говоря, «техническому надзору» в харчевне нечего было делать, и я сильно подозреваю, что Владимир Петрович

просто пожалел его и, чтобы не дать ему умереть с голоду, выдумал для него такую «должность».

Зиму Егор Павлыч пережил благополучно, а весной ему повезло найти работу, и он уже не стал пользоваться даровым обедом, а платил за все, что спрашивал в буфете, и чувствовал себя много свободнее.

Раз в конце мая 1924 года, вечером, когда я и еще пять человек сидели в задней комнате за общим столом и пили чай, пришел Егор Павлыч и стал рассказывать, что он видел и слышал на Тверском бульваре, около памятника Пушкину.

— Собрались профессора около Пушкина, — рассказывал он, — и говорили, какой он был человек и какая его была жизнь... Один профессор снял шляпу и стал говорить. «Пушкин, — говорит, — был вот какой человек: ему во сне приснится, что он пишет стихи, он проснется и те же стихи напишет. Умней Пушкина, — говорит, — не было человека и не будет. И не было того, чего бы он не знал. Встает ли солнце поутру, плывут ли тучи по небу, а Пушкин, — говорит, — смотрит, как орел, и знает, зачем это солнце, зачем эти тучи. Вот, — говорит, — случилась у нас революция, а Пушкин заранее предрекал, когда она случится. Такой, — говорит, — большой ум был у него, что все приходили в удивление. А жизнь его, — говорит, — несчастная была. И через жену она была такая несчастная. Через жену он и кончину свою получил. Жена у него была развратная. И сам, — говорит, — Пушкин написал про себя стихи: "Жизнь моя быстротечно уходит, до роковой пули доведет меня злодейка-жена". И все, — говорит, — исполнилось в точности. Любовник женин посмеялся над Пушкиным, а тот и бацнул его в морду. После того была дуэль. Тут Пушкин и сгорел — пуля уложила его. Вот, — говорит, — через что пропал Пушкин, пропала его жизнь».

Я не ожидал, что рассказ Егора Павлыча заинтересует слушателей, но он мало того, что заинтересовал, но и взволновал их. Едва Егор Павлыч кончил рассказывать, как они все вдруг шумно заговорили, загомонили и заговорили лишь для того, чтобы заклеить жену Пушкина позорным названием падшей женщины и осыпать ее отборной руганью, на которую, кстати сказать, русский человек вообще очень щедр. И больше всех неистовствовал Иван Сидорыч, ломовой извозчик, человек богатырского сложения и черный, как цыган.

Потрясая огромным и грязным кулаком и сверкая белками глаз, он орал, стараясь перекричать других:

— Меня она не довела бы до пули роковой, я бы из нее жилы на кулак вымотал!

От других извозчиков я знал, что он живет с своей женой, злой и сварливой бабой, очень скверно: редкий день у него проходит без того, чтобы он не дрался с нею и, боясь убить ее кулаком, хлещет ее чересседельником, когда та, «как кошка норовит вцепиться ему в глаза».

И когда я смотрел на его кулак и слушал его возмутительную ругань, которую он произносил с особенною выразительностью, мне вдруг представилось, что в этот же вечер, вернувшись домой и, по обыкновению, начав драку с женой, он ревел, так же сверкая белками глаз:

— Не-ет, матушка моя, я — не Пушкин, меня до роковой пули не доведешь!

Я вполне допускаю, что он мог это сказать, потому что рассказ Егора Павлыча ни на кого не произвел такого впечатления, как на него, о чем можно судить, помимо его энергичного выступления против жены Пушкина, еще и по тому, что он один из всех слушателей ходил на другой день на Тверской бульвар «смотреть Пушкина», хотя раньше много раз видел его.

В качестве компаньона (чтобы идти было веселей) он пригласил Васю, который и рассказывал мне об этом хождении.

Подойдя к памятнику, Иван Сидорыч обошел его кругом, остановился, посмотрел на статую и сказал, обращаясь к Васе:

— Вот он какой, Пушкин, — и тут же грубо обругал жену поэта. Потом поспешил на извозничью биржу к своей лошади.

Не знаю, как отнеслись к этому своего рода паломничеству его товарищи по ремеслу: возможно, что они взглянули на него, как на смешотворное дело, но, по-моему, его надо оценивать как подвиг, потому что пока он ходил «смотреть Пушкина», он мог потерять нанимателя, следовательно, мог потерять 3-5 рублей заработка. А много ли найдется людей, даже из не-извозчиков, которые были бы способны на подобную жертву? Думаю, что много их не найдется.

Но, спрашивается, какое дело было Ивану Сидорычу и другим слушателям Егора Павлыча до Пушкина? Ведь ни он, ни товарищи его, ни сам рассказчик во всю свою жизнь не прочитали ни одного из произведений Пушкина, что я потом узнал от них самих; не знали и того, что до сих пор популярные в народе романсы «Под вечер осенью ненастной» и «Черная шаль», которые они сами когда-то распевали и, может быть, распевают и теперь в веселый час, написаны Пушкиным, и были приятно удивлены, когда узнали об этом от меня. И вот, тем не менее, рассказ Егора Павлыча, как уже было сказано, взволновал их и вызвал в них хотя и временный, но живой интерес к Пушкину.

В чем же тут дело?

Может быть, я и ошибаюсь, но думаю, что после рассказа Егора Павлыча Пушкин, которого они знали, да и теперь знают только понаслышке, стал близок им как поэт и как человек. Но поэта в нем они почувствовали смутно, ближе увидели необыкновенного человека, которому полное ничтожество, каким, без сомнения, была его жена, вырыло безвременную могилу. Отсюда понятны их искреннее сочувствие Пушкину, их негодование против жены и та ругань, которою они осыпали ее.

В тот вечер мне пришло в голову познакомить их с жизнью действительного, невымышленного Пушкина, и дня через два за тем же общим столом задней комнаты при тех же слушателях я приступил к рассказу, но уже в начале его заметил, что меня слушают рассеянно, а затем перестали слушать, заговорив о своих делах, и я принужден был замолчать, не дойдя даже и до половины биографии Пушкина. И неожиданнее всего для меня было то, что первым, обнаружившим такое невнимание к рассказу, был никто иной, как тот же Иван Сидорыч, для которого я, собственно, и старался.

Какая же тут причина?

Прошел ли у них интерес к Пушкину или, может быть, они после всего слышанного от Егора Павлыча о Пушкине заподозрили меня в фальши, то есть в том, что я с какою-то известной мне одному целью даю им не настоящего, а поддельного Пушкина. Если это так, то разница между моим Пушкиным и Пушкиным Егора Павлыча действительно громадна.

Мой Пушкин рождается, как и все люди, обыкновенным ребенком, его рождение никаким чудом не сопровождается и в детстве моего Пушкина ничего особенно выдающегося не происходит (я принужден был закончить его биографию на детстве). А у Егора Павлыча перед слушателями сразу вырастает Пушкин-гигант, умнейший из всех людей, гениальный поэт, человек, которому открыты тайны природы, пророк великой русской революции. Все это необыкновенно, величаво. И смерть его по своей обстановке тоже выходит из ряда вон. Тут налицо все, что должно было привлечь искренние симпатии к Пушкину даже и таких людей, которые раньше о нем и не думали. А слушатели и были именно такими людьми.

Потом и личность рассказчика здесь сыграла тоже большую роль. Кто был я в глазах слушателей? Человек, который обстоятельствами принужден изо дня в день в течение ряда годов питаться в грязной харчевне. Но в то же время они знали, что по образованию, понятиям, привычкам он не ихний брат, чужой человек,

то есть такой, которому не всегда можно доверять. Правда, с виду он прост, а что у него на уме — кто его знает?

А Егор Павлыч был кость от кости, плоть от плоти этого люда, свой человек, которому, конечно, можно было бы больше верить, тем более, что, рассказывая о Пушкине, он рассказывал не свое, а то, что случайно услышал и услышал не от кого-нибудь первого встречного-поперечного, а от профессора, человека ученого, который из почтения к памяти Пушкина снял перед памятником ему шляпу.

Но что это был за профессор? Не вымыслил ли его Егор Павлыч?

Нет, профессор был не вымысел. Действительно, в годовщину 125-летия со дня рождения Пушкина, 26 мая 1924 года, ученые и литераторы чествовали его память: перед памятником поэту на Тверском бульваре были произнесены и прочитаны посвященные ему речи и стихотворения.

Я не был на чествовании, и содержание этих речей мне не было известно, но после рассказа Егора Павлыча я навел о них справки, и оказалось, что наиболее прочувствованная и содержательная речь была сказана профессором П.Н.Сакулиным⁴, который дал характеристику Пушкина как поэта-революционера. Но ни он и ни кто-либо другой из ораторов и словом не обмолвились ни о жене поэта, ни о причинах его дуэли; вообще в речах их не было того, что сказал Егор Павлович в своей легенде.

Очевидно, что он, слушая ораторов, или не вполне понял их и по-своему воспроизвел их речи, или же, что, пожалуй, будет вернее, в запасе у него уже имелся материал для легенды, а может быть, была готова и легенда о Пушкине, и чествование, на которое он наткнулся случайно, послужило лишь внешней причиной для того, чтобы пустить легенду на свет.

Так это или не так — не знаю. Одно знаю, о чем, впрочем, я уже сказал, что рассказанная Егором Павлычем легенда произвела на слушателей сильное впечатление и возможно, что она еще долго ходила в неизбежных переделках и изменениях в московских низах.

III

Андрей Егорович Колтыхин — крестьянин, вернее, был приписан к крестьянскому обществу. Он родился от неизвестных родителей, был вскормлен сначала в Московском Воспитательном доме, потом в семье крестьянина одной из подгородных деревень, бывшего «шпитонцев» (питомцев) этого дома на воспитание.

Когда ему было 8 лет, он жил в селе Хотеничево Рязанской губернии (где, по его словам, раньше делали гребешки), а потом попал поводырем к слепому старику-нищему, «дедушке Якову Петровичу». С ним он ходил по селам и деревням «по кусочки», то есть собирал милостыню; с ним же он пробрался в Москву. Тут вскорости дедушка помер, а Андрей Егорович остался на улице; тогда ему было 10 лет. На улице он провел два года и однажды зимой чуть было не замерз, ночуя в мусорном ящике.

На тринадцатом году его взял в учение к себе сапожник, но Андрей Егорович пробыл у него недолго и сбежал, не выдержав жестоких побоев, и очутился «кухонным мужиком» у немки Луизы Ивановны, содержавшей на Малой Бронной меблированные комнаты со столом. У нее он прожил 4 года и потом вспоминал ее с теплым чувством, как добрую женщину.

В числе жильцов Луизы Ивановны были и студенты. Один из них по окончании курса учения в университете взял Андрея Егоровича к себе на родину, в Новороссийск, в качестве работника.

Андрей Егорович прожил у него только неделю, возненавидев мать студента, почтенную даму в пенсне за то, что та звала его «Андрэ» и скликала своих любимых кошек, лязгая столовыми ножами один о другой.

— Как скажет она мне это «Андрэ», так вся душа во мне перевернется, а тут еще эти треклятые ножи. Кажется, схватил бы ее за горло, да и удавил бы, — рассказывал он.

Потом ушел на Кубань, батрачил в экономиях «тавричан», выходцев из Таврической губернии, занимавшихся овцеводством, потом скитался по югу России, пил, босаячил, работал в Крыму на виноградниках, вернулся в Москву и за продажу поддельных золотых колец попал на три месяца в тюрьму.

Отбывая потом солдатчину, он принимал участие в русско-японской войне 1903-1905 гг., был ранен. В мировую войну 1914-1917 гг. был мобилизован и опять ранен в одном из боев на германском фронте. По выздоровлении все время, вплоть до окончания войны, находился в тылу армии.

Зимой 1924 г., когда я познакомился с ним в одной из московских харчевен, он нанимался колоть дрова. Работа случалась не каждый день, и ему приходилось жить впроголодь. В зимние вечера мы подолгу сживали в харчевне за чаем и беседой...

Поговорить он любил. Рассказывал он больше всего о своих скитаниях, о войне. Как-то раз зашла речь о Пушкине, и он рассказал легенды о нем и о Гоголе. Сам он не читал ни Пушкина, ни Гоголя, хотя и говорил, что когда-то «читал, да все перезабыл». Говорю: «не читал», потому что он не был знаком ни с

«Капитанской дочкой», ни с «Тарасом Бульбой», двумя произведениями, по которым, по моим наблюдениям, читатель из низов начинает знакомиться с Пушкиным и Гоголем. Скажу больше: ему даже названия этих произведений не были известны. Мне думается, что он и читать-то не знал: жизнь его с детства была обставлена такими условиями, при которых ему негде и не у кого было учиться.

Находясь на военной службе, он мог бы немного поучиться грамоте в ротной школе, но я уверен в том, что [он] не научился: ничто в нем не говорило за то, что он был грамотен.

ПУШКИН И ГОГОЛЬ

Пушкин только по фамилии русский, а русской крови в нем и капли одной не было: немецкая да арапская кровь была. Его отец из немцев был, а мать — арапка. Отец во дворце находился, при царе служил... Ну, служит и служит, а толку нет: кому чин повысят, кому жалованья прибавят, а его все обходят, он все в стороне...

— Что же это такое? — думает. Вот посмотрел, посмотрел: — А ну, — говорит, — дай-ка я выкрещусь в русскую веру...

Взял, да и выкрестился... А царю приятно стало:

— Это, — говорит, — хорошо, что ты нашу, русскую веру принял. Надо, — говорит, — чтобы и фамилия твоя была русская...

Вот и дал ему фамилию Пушкин, а раньше у него немецкая фамилия была. Вот с той поры он и стал называться Пушкиным.

И тут ему повезло: и деньгами царь его наградил, и чином повысил. А прочих, которые тоже при царе служили, взяла досада, стала их зависть брать... Вот они и давай следить за ним: думают — человек в чем-нибудь ошибется, промашку какую сделает. И принялись подслеживать. А он и взаправду сплоховал...

И дело это произошло через арапку одну... А эта арапка при дворце находилась. Не для дела держали: какое уж от нее дело. А так — при милости, на кухне жар раздувать... Мало ли раньше этих чертей арапов, карликов держали при дворцах. И все только для одного форсу: вот, мол, какой народец у нас имеется.

Ну, эта арапка самая тоже на таком положении находилась. А этот выкрест-немчура был холостой. И зашло ему в голову насчет арапки, интерес его взял: что, мол, за народ такой — арапки. Вот он и давай крутиться вокруг арапки, давай увиваться... Принялся напевать — лишь бы голову задурить...

Ну, крутился, крутился и обставил ее...

Он думал — никто не узнает, все шито-крыто будет... А тут десять, а то и больше шпионов за ним следят. Ну, и накрыли раба божия. Как накрыли, побежали к царю...

— Так и так: Пушкина с арапкой застали.

А царю досада...

— Это, — говорит, — что за самовольство такое? — и сейчас этого выкреста за бока... Ругал, ругал... — Ишь, — говорит, — что выдумал! Нешто, — говорит, — я для того арапок завел, чтобы ты с ними разврат производил? Ежели, — говорит, — сошелся — обвенчайся, а не хочешь — к чертовой матери вон из дворца!

Ну, царя не ослушаешься: хочешь-не хочешь, а венчайся. Вот и обвенчался, и стал жить с ней по-настоящему.

Понятно, какое уж там было житье. И в люди показаться с черной сатаной — одна срамота. И грызлись они каждый день, как собаки, и бил он ее здорово. Ну, она-то не сдавалась: живущие они, эти арапки треклятые, и злые, как черти... И она тоже огрызалась хорошо: как схватит каталку, так ему впору бежать.

Ну, однако, как плохо ни жили, а все через девять месяцев она родила. Все так и думали: обязательно она родит арапчонка или девочку-арапку, а родила она белого мальчика. И все очень удивлялись.

— Значит, — говорят, — мужская кровь над женской кровью перевес имеет.

И царь очень доволен остался.

— Это, — говорит, — похвально, что мужская кровь победила. Определить, — говорит, — мальчика на казенный счет... Самых лучших учителей к нему приставить — профессоров.

Ну уж, конечно, и папашу не забыл: и чином наградил, и жалованья прибавил. Вот после этого выкрест этот — немчура — и заблистал, а то ведь совсем заплевали человека. Вот тебе и сатана черная. Она, эта сатана, после такой срамоты ему возвышение придала.

Ну, отцу хорошо, а сыну нешто плохо? И сыну тоже хорошо было. Как он подрос, стали его учить, а царь только одно и твердит учителям:

— Учите мальчика хорошенько...

А этот мальчик вот какой был: ему только десятый год пошел, а он уж зашагал: всю профессорскую науку одолел, да еще сам стал задавать учителям задачи. Такую задачу задаст, что профессора только рот разинут... Смотрят на него, и только глазами хлоп-хлоп. И так, и сяк — ничего у них не выходит... В своих книгах ищут, ищут — ничего нет подходящего... Что тут делать? Бегут к царю жаловаться на Пушкина... Ну, не жаловаться —

какая тут может быть жалоба? А так — пошли доложить насчет учения Пушкина. Вот приходят и говорят:

— Пушкина, — говорят, — больше нечему учить: он всю нашу науку превзошел.

Царь и удивляется...

— Как же это, — говорит, — так? Ведь он еще мальчик.

А профессора говорят:

— Это действительно верно, что он мальчик, а только по уму он и большого превышает. У него, — говорят, — такой талант. Он, — говорят, — от природы такой умный.

— А-а, — говорит царь, — это дело другого рода, это особая статья. Ну, — говорит, — ежели он от природы такой, так и отступитесь от него. Пусть, — говорит, — он один до всего доходит. А то, — говорит, — вы еще испортите его, разобьете его мысли.

Профессора отступились: раз приказ царский, тут уже не станешь растабарывать. Вот они и отступились от Пушкина, отошли.

— Ну-ка, — думают, — как он без нас станет учиться?

А он как пошел, как пошел! Все предметы постиг... Кроме русского семь языков знал!.. А как подрос, пошло у него занятие — до всего докапывался, все узнавал... А учителя, эти профессора, только удивляются — «Ах-ах!» И опять по книгам шарят: может, что осталось, чего Пушкин не знает... Шарили-шарили — нет ничего, хоть бы какая малость осталась! И все только «Ах-ах!» А себе в голову того не возьмут, что они от книги берут свою науку, а Пушкин все больше от природы брал... А как он там брал — это его дело... Значит, умел, ежели брал... Ну, конечно, и он по книгам учился, и он в книги вникал — без книг никак нельзя. И сам он чрез книги прославился — мало ли он написал сочинений. Через книги и пошла его слава. А иначе кто бы знал про него? Ну, кто и знал бы, а прочие не слышали бы ничего — какой-токой есть Пушкин... А то по всей России пошла слава.

Ну, однако, какая слава его ни была, а пропал он зря, так — за ничто: через свою жену-потаскушку пропал. Ну, понятно, не бульварная она была, а с жиру бесилась: Пушкин не хорош, дай заведу любовника... Вот и завела: нашелся такой ухарь — полковник Павловского полка... А Пушкин и дознался... Как дознался, сейчас на этого полковника налетел и сорвал с него аплеты.

А это дело такое нешуточное... Сейчас докладывают об этом царю... А царь говорит:

— Пушкин — человек вольный*, какой с него спрос? А тут, — говорит, — надо спросить полковника: какое его поведение, ежели у него аполеты обрывают. Ежели, — говорит, — не оправдается, — вон со службы!

А тут вот какое оправдание: раньше у военных не было того, чтобы по судам таскаться, самих себя срамотить, а так было заведено: один против другого выходили: я убил тебя из пистолета, или там из револьвера, — значит, на моей стороне правда, значит, я оправлен, а ты виноват... Вот и Пушкин тоже вышел против полковника. Он думал срезать полковника, а только сам свалился: полковник получше его стрелок был. Ну, убил, значит, оправдался, совсем оправился. И не стал царь выгонять его со службы.

Конечно, такое правило тогда было, а если по-настоящему, по совести рассудить, какое тут может быть оправдание? С женой Пушкина жил и Пушкина же убил. Где же тут правда? Понятно, это тогда не разбирали — такое тогда правило было, и все тут. Ну, тоже и Пушкина в этом деле не за что похвалить: он вот у полковника погоны сорвал, а того не разобрал, кто тут виноватее всех... Он думал — полковник тут виноват, а того не взял в разум, что полковник не самовольно пришел к ней — она его позвала... А ежели не позвала бы, как он мог нахалом прийти? Ведь человек не без ума был... а тут от нее магнит был... Она виновата, ее и спрашивай... А то он взялся за полковника... Это не дело... По-настоящему-то дал бы ей хорошую выволочку, так она забыла бы, какие полковники бывают, да и сам бы остался жив... А то пропал зря.

Гоголь тоже башка был, умница. Товарищи с Пушкиным были. Пушкин и часы свои золотые ему на память подарил... Это когда Пушкин умирал, когда полковник поранил его. А Гоголь пришел проведать его... Пушкин говорит:

— Возьми часы, носи, да меня вспоминай почаще.

А как умер Пушкин, тут же Гоголь все вызвездил его жене.

— Это, — говорит, — ты, ведьма, Пушкина уходила. Это, — говорит, — твоя работа.

А ей и крыть нечем, потому что — правда.

Ну, похоронили Пушкина. А Гоголь после того за свое дело принялся. Тоже сочинения писал. Как напишет книгу, начальство и тащит его в тюрьму. А это за то, что он за простой народ стоял, начальство здорово протаскивал. Вот начальство и тащило его...

* То есть не военный.

— Ты, — говорят, — очень горяч, — садись, остынь мало-маленько.

Ну, что тут делать? Вот идет Гоголь в тюрьму на казенные хлеба... Посидит месяца с три, его и выпустят... А он опять за свое возьмется... Как напишет книгу — похлеще первой.

— Вы, — говорит, — сажайте меня, сколько вам угодно, а я от своего не отстану: как писал, так и буду писать.

А они ему:

— И мы, — говорят, — от своего не отстанем: как сажали тебя, так и будем сажать.

Возьмут и посадят...

А как отбудет срок — опять писать... А начальство уж знает, какое его занятие...

— Пиши, пиши, — говорят, — место для тебя найдется — тюрьма еще не сгорела, не развалилась...

И как напишет — его тащут в тюрьму. А караульные солдаты смеются:

— Опять, — говорят, — Гоголь к нам в гости пожаловал...

А Гоголю что? Ну, пожаловал и пожаловал, что тут особенного? Ежели бы за воровство, или убил кого, а то ведь за книгу, за правду... Тут греха нет никакого... Ну, а господам правителям это ни к чему: они этого не разбирали... У них правило такое было, постановление такое. Да и сам в толк возьми: Гоголь их ругает, а они ему награду давай? Дескать, «благодарим тебя, Гоголь, что ты нас подлецами обозвал — на тебе за это золотую медаль»?.. Так не бывает... Ведь не безумные были эти правители... Обругал, ну и садись, отсиживай срок... Да и сам Гоголь хорошо понимал это дело: на то и шел человек — знал, какая награда от них полагается... Ну, жил, писал книги, сидел в тюрьме и умер... Своею смертью помер — никто его не убивал...

Примечание: /.../ В московских низах мало кто знаком с жизнью невымышленного Гоголя, по крайней мере, из числа довольно многих своих низовых знакомых я встретил лишь одного человека, который знал подлинную биографию его. Другой рассказчик рассказывал:

— Гоголь тоже, как Максим Горький, был босяком, выпивал здорово, потом остепенился, стал писать сочинения, и тут ему повезла Фортуна, и пошел он в гору, прославился.

Рассказчик ни одного из сочинений Гоголя не читал, хотя и знает грамоту: «некогда» (сам он по профессии водопроводчик, человек еще не старый). Но в низах Гоголь все же распространен, конечно, настолько, насколько распространена там книга; вернее сказать, распространен не весь Гоголь, а одно из его произведений — «Тарас Бульба», это одно из любимых чтений низов.

Встречался я с ним в харчевне раз пять-шесть, а может быть, и больше, пил с ним чай, беседовал.

Был он уже старый человек, лет шестидесяти, плохо, почти оборванцем одетый, по профессии — печник. Звать его было Яковом Иванычем, а фамилию я так и не спросил у него: не пришло в голову спросить — в харчевне все называли его только Яковом Иванычем, а по фамилии никто не называл и, пожалуй, ее никто не знал. Называли же его по имени и отчеству вовсе не из почтения к его старости, а просто потому, что это издавна привилось к нему.

С почтением к нему в харчевне никто не относился, а харчевник порой бывал даже груб с ним — раз я видел, как он выпроваживал его, впрочем, очень пьяного, в толчки за дверь. Совсем же трезвым он никогда не являлся в харчевню — всегда был навеселе.

От других мастеровых я узнал, что он «мастер хороший, а пьяница еще лучше», потому-то он и ходит вечно «отрепаем» и постоянного угла не имел и не имеет.

Родом он был из Владимирской губернии, в Москву попал подростком и поступил в ученье к печнику: с тех пор он никуда из Москвы не выезжал и не уходил. Грамоты он не знал: «некогда было учиться, да и не у кого».

Беседовали мы с ним о чем придется: о войне, колдунах, разбойниках, старой — 1880-1890-х годов — Москве, и раз по моему почину заговорили о Пушкине, хотя я и не ожидал услышать от Якова Ивановича что-нибудь новое о нем, так как уже от многих в харчевне, за исключением четырех-пяти рассказчиков, слышал одно и то же: «Пушкин был очень умный человек, писал хорошие стихи, за что ему и поставили памятник»; некоторые к этому прибавляли, что Пушкин погиб на дуэли «через свою развратную жену».

Но, оказалось, Яков Иванович знал о Пушкине больше: он рассказал мне о нем легенду. Правда, в ней нет и намек на действительную, не вымышленную жизнь поэта, но это в данном случае, по-моему, и не важно, а важно то, что в сознании творца легенды, очевидно, совсем не знакомого с Пушкиным, образ поэта отразился, как прекрасный образ гордого человека, не унизившегося ради спасения своей жизни перед всемогущим царем.

Яков Иванович, по его словам, слышал эту легенду еще молодым, когда только что вышел из учеников, от кого он слышал ее — не помнит.

Рассказывал Яков Иванович не всегда одинаково: если он выпивал «в самый раз», то есть в меру, столько, чтобы быть только навеселе, речь его текла плавно и порой даже красиво, а если «перебачивал» — выпивал лишнее и становился пьяным, — его неинтересно было слушать: он тянул слова, спотыкался на них, повторял уже сказанное и частенько прибегал к матерной ругани, которую, будучи навеселе, почти не употреблял.

ПУШКИН И ЦАРЬ

Пушкин человек особенный был. Это — такой человек: он и самому царю советы давал.

Вот и царь, над народом государь, а как случится трудное дело, он и не знает, с какого конца начать, не может направить по-настоящему... И никто не может... Мало ли вокруг царя людей было: и министры, и генералы там... А вот возьмутся за такое дело занозистое, и так, и этак повернут... А толку нет, не везет... Ну, что тут будешь делать!

Вот тут царь и посылает за Пушкиным...

Вот приходит Пушкин, глянет на эти ихние дела-бумаги, на эти ихние документы разные...

— Тут, — говорит, — и премудрости особой не требуется... Вот, — говорит, — дело это так повернуть надобно, а это — вот так...

Ну, они сейчас сделают, как он говорит... Смотрят — и верно, все благоразумно выходит... И все тут удивляются... И царь тоже приходит в удивление...

— Ну, — говорит, — и Пушкин! Золотая у тебя голова, всем головам — голова.

Ну, однако, голова-то голова, а под конец все же окрылся на Пушкина... Положим, по правде сказать, от самого Пушкина начин был: укол на царя сделал, такую шпильку вогнал, что ай-люли!

И возгорелось ему это дело через крестьян... Это тоже вот раз призывает царь Пушкина, тоже не мог сам с делом справиться. А дело и взаправду очень трудное было... Ну, для кого трудное, а как пришел Пушкин, так сразу дал ему ума... Вот направил он дело, стал уходить, да на прощанье возьми и скажи царю:

— А не пора ли, — говорит, — крестьян на волю отпустить? А то, — говорит, — помещики совсем заездили их.

А тогда крестьяне помещичьи были. Пушкин и думает: «Дай я за крестьян свое слово замолвлю царю». Ну, и сказал... А сказал с подковыркою, с усмешечкой. Ну, конечно, эти Пушкина слова

царю несладки были... Эти слова спичка ему в нос: дескать, вот ты царь, а защиты народу от тебя нет... За живое крючком зацепили его эти пушкинские слова... Вот он и закричал:

— Молчать! Это не твоего ума дело!

А Пушкин... Он ничуть не испугался...

— Ежели, — говорит, — не моего ума, так зачем же посылаешь за мной дела твои разбирать. У тебя, — говорит, — больше ума, вот ты и рассматривай их, а за Пушкиным нечего присылать.

Вот он какой Пушкин был. Другой бы согнулся перед царем и не пикнул бы, а Пушкин напрямик отрезал ему.

Тут царь и взбеленился:

— Чтобы твоего духу здесь не было! — кричит.

Ну, Пушкин и пошел... И как ушел, взял и описал эту самую историю, как царь посылал за ним дела разбирать, как он сказал царю свои слова насчет крестьян и как царь прогнал его... Все подробно описал...

А министры узнали про это писание... Сами-то дознались, или эти легавые, шпионишки подлые, донесли — неизвестно... А только они сейчас к царю побежали... Чего им бегать, когда есть кареты, коляски? А это только так говорится, что побежали... Ну, хорошо... Вот приехали к царю...

— А наш, — говорят, — Пушкин вот какими делами занимается, — и рассказали про это самое пушкинское описание...

Как услышал царь, нахмурился... не по сердцу ему это описание было... «Что же это такое, — думает, — ведь он на свежую воду меня выведет?» И говорит он министрам:

— Пусть пишет, до чего-нибудь допишется.

И тут отдал приказ:

— Посадить Пушкина в крепость. А то, — говорит, — он такой важный интерес описывает, а ему помеха от людей: шум, да гам, да крик. А в крепости, — говорит, — никто не помешает, там тихо...

Ну, понятно, насмешку делает. Тоже думает: «Дай-ка подковырну Пушкина»... Вот и подковырнул... Злоба, конечно...

И вот схватили Пушкина, засадили в крепость, на замки заперли, часовых поставили... Все, как следует. Боялись, как бы не убежал, а только напрасно. Пушкин и не думал убегать. Он и то в насмешку говорит министрам:

— А вы еще десяток орудий тут поставили бы...

А им нечего на это сказать, они и говорят:

— Ладно, ты вот сиди-посиживай — вот теперь какое твое занятие.

Конечно, ихняя сила, что тут поделаешь.

Ну, засадить-то царь засадил его, а без него-то дела не так-то шибко идут... Иное-то дело сварганят абы как, лишь бы с рук долой...

Видит царь — без Пушкина ему плохо, а выпустить его так не хочет, а ему надо, чтобы Пушкин прощения у него попросил. Вот он и закинул удочку: министров спрашивает:

— Ну, как, — говорит, — Пушкин там сидит? Не просит прощения?

А министры говорят:

— Сидит спокойно, а насчет прощения, — говорят, — ничего не слышно.

Царь и говорит:

— Ну и пусть сидит, а то он уж очень прыткий — до всего ему дело есть... Вот, — говорит, — пусть посидит и подумает.

Вот министры и поняли, чего требуется царю. Вот прибежали к Пушкину, строгость такую на себя напустили: испугать думали Пушкина.

— Ты это что же делаешь? — кричат на него. — Почему прощения у царя не просишь?

А Пушкин несколько не испугался, сам кричит на них:

— Ах вы, аферисты, — говорит, — кричите, а попусту: мне ли, — говорит, — вас бояться, такую злыдню! А прощения просить мне, — говорит, — не за что: я не вор и не разбойник, а ежели, говорит, — про царя написал, так написал правду. К тому же, — говорит, — у меня есть гордость и по этой причине не хочу я просить прощения.

Вот министры видят — неудача им, а все же докладывают царю:

— Уж очень, — говорят, — Пушкин возгордился и через эту свою гордость не хочет прощения просить.

Тут царь еще больше озлился на Пушкина.

— Ах он! — говорит. — Как не хочет? Чтобы я на колени перед ним стал? Чтобы я у него прощения просил? Так это, — говорит, — мне не пристало: я — царь, а он кто? Пушкин, только и всего. Не покоряется, — говорит, — пусть сидит.

Конечно, раздосадовался царь, обида ему большая от Пушкина... А Пушкин тоже досадовал на царя... Думает: «Вовек ему покорности моей не будет».

Вот и сидит... и проходит год, а Пушкин как сидел, так и сидит — не просит прощения у царя. Вот министры опять собрались, опять идут к Пушкину. Идут и уговариваются между собой:

— Его, — говорят, — строгостью не возьмешь, а надо с ним поласковое обходиться.

Вот пришли и говорят:

— Здравствуй, господин Пушкин.

А Пушкин насквозь ихнюю подлость видит.

— Ну, — говорит, — здравствуйте, коли не шутите.

— Какие, — говорят, — шутки, мы не для шуток пришли, а по серьезному делу.

— А какое это дело? — Пушкин спрашивает.

Ну, они опять запели насчет этого, чтобы он покорился.

— Ты, — говорят, — через свою гордость хвартуну свою не видишь.

А он опять вопрос им задает:

— А какая, — говорит, — эта хвартуна?

— А вот какая, — говорят, — свободу от царя получишь и награда тебе будет.

Ну, Пушкина не обманешь: он ихний подвох сразу уразумел.

— И кого вы, — говорит, — хотите обморочить? Я ведь знаю, на что вы бьете, и царскую, — говорит, — награду тоже знаю, какая она бывает: вот законопатил царь меня в крепость, это, — говорит, — и есть его награда. А какая, — говорит, — моя вина? Правду ему в глаза сказал, только и всего.

А министры опять за свое:

— Да ведь не отвалится у тебя язык прощенье попросить.

Взяла тут Пушкина досада.

— Ну что, — говорит, — пристали? Ступайте, откуда пришли... Я, — говорит, — десять лет просижу, а не заплачу.

Ну, и утерлись господа министры, ни с чем пошли к царю.

Царь и спрашивает:

— Ну, как, — говорит, — там Пушкин, не запищал еще?

А министры озлились на Пушкина.

— Он, — говорят, — какой человек. Уперся и ни с места. «Я, говорит, десять лет просижу, а не заплачу». Очень, — говорят, — большая в нем гордость.

А царь аж весь потемнел.

— Ну, — говорит, — не хочет покориться, и не надо. Он, — говорит, — до самые облака вознесся... Только, смотри, [не] загремит ли оттуда? Он думает, у него одного гордость, а другие, — говорит, — без гордости живут. У него, — говорит, — гордость, а у меня еще больше. Посмотрим, — говорит, — чья перетянет...

Он и казнить Пушкина мог, кто ему запретил бы? К стенке поставил бы или повесил — и весь тут разговор. А ему этого не требовалось: ему надо, чтобы Пушкин покорился... Вот на что он упирал...

А Пушкин тоже своего придерживался:

— Я, — говорит, — два года не покор[я]юсь, а ежели на третий покорюсь, то всяк меня дураком назовет...

Вот какое дело затеялось: чья возьмет, чья победит...

Вот и третий год идет... А Пушкину не сладко было сидеть в тюрьме... Какая же приятность день и ночь под замком... И поговорить не с кем, и погулять не выпускают... Все один, да голые стены... И заболел Пушкин, зачах. Разнемогся совсем, лежит на тюремной постели... Видят часовые — призатих ихний арестант... Вот докладывают надзирателю:

— Как бы не помер наш Пушкин...

А надзиратель сейчас начальству доложил обо всем...

Вот министры посылают к Пушкину доктора, сами тоже идут...

— Надо, — говорят, — хоть напоследок уговорить Пушкина.

А старались для себя: надеялись царскую награду получить... А доктор осмотрел Пушкина и говорит:

— Это вот какая болезнь, тут такие и такие-то порошки помогают...

Тут и министры приступили к Пушкину:

— Эх, Пушкин, Пушкин, — говорят, — до чего довела тебя твоя гордость: ведь умираешь!

— И умираю, — Пушкин говорит. — Я, — говорит, — на небо сквозь железную решетку смотрел, а солнышка совсем не видел, вот, — говорит, — отчего моя болезнь, вот отчего я умираю...

Ну, им-то что. Хоть сию минуту умри, а только сперва покорись.

— Ты бы, — говорят, — все же покорился бы... Только, — говорят, — одно слово скажи: «покоряюсь»...

А Пушкин знает ихнюю заботу.

— Ну, езуиты же вы, — говорит, — вы чего добиваетесь? Медаль от царя получить хотите? Ну, только от меня вам, подлецам, не будет помощи в этом деле.

Видят они, не выгорает их мошенническое дело, побежали докладывать царю.

— От Пушкина, — говорят, — нет покорности, а здоровьем он совсем плох — того гляди умрет. А на наш, — говорят, — разум, надо бы его без всякой покорности выпустить... А то еще умрет, станут говорить: «уморили Пушкина».

— Ну, что ж, — говорит царь, — так и так, пусть будет по-вашему.

Они и помчались... Прибежали, кричат:

— Пушкин, выходи на волю без всякой покорности!

А Пушкин уже вытянулся, помер... И не надо ему ни воли, ни царя, ни гордости этой... Лежит себе, и ничего ему не надо. Ну, умер, что тут поделаешь? Не воскресишь.

Говорят министры царю:

— Пушкин умер. Мы, — говорят, — прибежали, кричим: «Пушкин, выходи на волю без всякой покорности!», глядим, а он уже мертвый...

Тут царь и говорит:

— Я в этом деле ни при чем. Действительно, — говорит, — посадил я его в крепость, так без этого нельзя — он меня в грош не ставил. Всем я царь, а только Пушкину ни то, ни се был.

Ну, конечно, станет царь себя виноватить. Кругом виноват будет, а не скажет: «я виноват». Так и тут: уморил Пушкина и говорит: «я ни при чем». На Пушкина всю вину свалил. Ну, все же и правда вышла наружу. Это уж потом, когда царь умер, по бумагам докопались... Видят: на Пушкина стороне — правда...

— Он, — говорят, — справедливый человек был, он за крестьян стоял.

Вот поставили ему памятник.

V

Алексей Кузнецов, парень двадцати пяти лет, крестьянин Тверской губернии, торгует на улице фруктами, цветами, выпивает, но немного, грамотный, но кроме книг лубочного издания о сыщиках и разбойниках ничего не читал. Знает много легенд о ведьмах, оборотнях, колдунах, в которых верит, потому что «сам своими собственными глазами посмотрелся на их подлые дела».

С ним и его односельцем, тоже уличным торговцем Ильей Васютиным сидел я в харчевне за чаем и заговорил о Толстом.

— Этого Толстого, — отозвался Кузнецов, — и не поймешь, что он за человек был: пророк не пророк, а знал все, что случится... Вот революция... ведь он за десять лет вперед предсказал ее, и какое время обозначил, в такое она и пришла. Тогда много в газетах писали об этом. Ну, понятно, не ворожей и не гадатель был он, чтобы там по картам или еще каким другим средством предсказывать, а дано было ему откровение от природы знать будущее. Вот и приходили к нему люди спрашивать про свою жизнь — чего, мол, нам ждать: худа или добра. И отец мой ездил к нему, только не пришло посоветоваться с ним: он больной лежал в постеле и никого к нему не допускали. И очень жалел отец, что не повидался с Толстым.

— О чем же хотел посоветоваться отец с Толстым? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Кузнецов, — отец никому про это не говорил. Рассказывал только, как в Ясную Поляну приехал и как дали ему пообедать. Приняли, говорит, хорошо, не расспрашивали, какие, собственно, у меня дела к Толстому, а только сказали: «Больной лежит в постеле, доктора запретили тревожить». Отец пообедал и поехал домой.

— А вот Пушкин, — сказал я, — как думаешь о нем? Ведь он не ниже Толстого будет?

— Пушкин сюда не подходит, — заметил Васютин. — Пушкина дело другое было.

— Это верно, — подтвердил Кузнецов. — Пушкина дело особенное было. Пушкин стихи писал, а Толстой народ учил, вроде как проповедник. Ну, и он писал, только не стихи. Пушкин тоже очень разумный был, а кто из них выше поднялся — Толстой или Пушкин — определить не могу. Не нам об этом судить: на это нашего ума не хватит. А вот историю про Пушкина слышал, как жена уложила его в земляную постелю на веки вечные, так это, действительно, подлее подлого она поступила.

Тут, видишь, красота ейная Пушкина погубила. Собственно, через красоту он и женился на ней. Ну, красота красотой, только в голове у нее ветер погуливал: любила она по балам и маскарадам шататься. А это дело известное, добра от него не жди. Человек от рук отобьется и только одна глупость у него будет на уме. Тоже вот и она так-то. Стала ездить на эти балы, и сейчас целый хвост ухажеров начал волочиться за ней. Только настоящих не было, а все сволочь, шеромыжники.

А тут появился один полковник — не чета им: собой красавец и в карманах у него густо. И живо отшиб от нее эту мелюзгу, всю эту поганую шентропу. Денег не жалел... Эти брильянты, серьги, кольца...

— Позвольте спросить: какая марка?

— Тыща рублей.

Он сейчас портмонет из кармана вытащит:

— Получай! — и ей в подарок.

А той приятно и лестно. А полковник свое дело знает. Сперва эти брильянты, после того говорит:

— Едем в ресторан первого разряда в отдельном кабинете ужинать.

Она было помялась, потом согласилась.

Он и закатил ужин в двести рублей. Шинпанское тут, наливка, коньяк. Он ей бокальчик шинпанского преподнес. Она выпила.

Он ей другой и третий. Она и спьянела. А пьяная баба какой человек? Ну, с этой поры она и стала его любовницей.

А Пушкин ничего не знает. Он думал, как она была взята из хорошего дома, так и поведение ее будет хорошее. А на деле оказалось поведение ее развратное. И вот идет раз Пушкин на бал и встретился с этим полковником. Ну, попервоначально умный разговор повели, только под конец заспорили о каких-то предметах. Ну уж, конечно, где там полковнику с Пушкиным спорить?!.. Пушкин совсем заклевал его. А тот и не знает, что ему сказать. И взяла тут полковника досада. Вот он и говорит:

— И чего ты ставишь себя так высоко? Ведь твоя жена вот в таких-то смыслах.

Ну, одним словом, обозвал ее развратного поведения женщиной. Пушкин тут и залети ему в ухо. А полковник говорит:

— Кулаками не поможешь, давай стреляться.

А Пушкину только это и надо.

— Понятно, — говорит, — станем стреляться: тут дело кровавое.

Вот и вышли один против другого. Полковник и убил Пушкина.

А жена что? Убил и убил. Ей лишь бы брильянты. Ну, нашелся такой, который содержал ее. Может, тот же полковник.

— И я слышал эту историю, — сказал Васютин, — только по-иному она рассказывается. Бриллианты ни при чем были, а сама она на шею полковнику этому повесилась.

— Ну, ладно, — возразил Кузнецов, собираясь уходить. — Как бы там ни было, а все же полковник убил Пушкина.

Когда он ушел, я спросил Васютина:

— Правда ли, что отец Алексея ездил к Толстому?

— Правда, — ответил тот. — Сам он рассказывал. А ты знаешь, кто был Алешкин отец?

— Откуда я могу знать? Я ни разу не видел его.

— «Деловой» он был. «По сухому» и «по мокрому» делу работал.

«Деловой» на острожном жаргоне — вор, грабитель, разбойник, смотря по делу, т.е. по преступлению: «сухое дело» — кража, «мокрое» — убийство ради грабежа.

— Его все боялись в селе, — продолжал Васютин. — Отчаюга был, а посмотрел бы на него и не сказал бы, что он бандит: собой красивый, одевался хорошо, а начнет говорить — все так резонно выходит. Как началась германская война, его потребовали на фронт. «Ну, говорит, прощайте, братцы, чуёт мое сердце — не вернуться мне домой. Не поминайте лихом!» — И верно, не

вернулся, убили. И никто не пожалел, а все говорили: «Одним вором меньше стало на свете». А к Толстому он, правда, ездил. Он и с Толстым сумел бы поговорить*.

Апрель 1922 г.

VI

Андрей Васильевич Выголов, 43-45 лет, маляр-сезонник, по его словам, вдоль и поперек грамотный. Беседовал он со мною в трактире за чаем о чем придется: рыбной ловле, колдунах, богатырях, землетрясении, войне, легендарном и в свое время (80-е и 90-е годы) весьма популярном в Москве разбойнике Чуркине и т.п.

Заговорили как-то раз за общим столом о библейском всемирном потопе. Андрей Васильевич заметил, что этот потоп «не коснулся Китая» и в доказательство справедливости своего замечания рассказал следующее: один из его знакомых, находясь на военной службе, в 1901 г. принимал участие в Китайском походе для усмирения восставших боксеров.

— Подошел полк к Китайской стене, — рассказывал Андрей Васильевич, — а стена эта тянется на тысячу верст. И видят солдаты на ней надпись саженными буквами. Смотрят на эту самую надпись и ничего не понимают: китайскими буквами написано, черт ее разберет! Ну, однако, нашелся один офицер — прочитал и на русский язык перевел. И что же, думаешь, было написано? «В Китае всемирного потопа не было». Вот такая это была надпись, вот какие слова были написаны.

* *Примечание:* Нет ничего удивительного в том, что отец рассказчика Кузнецова, будучи вором, а может быть, и убийцей, ездил к Толстому «посоветоваться», вероятно, «насчет своей жизни», потому что хождение к Толстому, особенно после его отлучения от церкви, приняло чуть не эпидемический характер, как для людей образованных, так и для людей из народной темной массы. Не все, конечно, шли к нему с одинаковой целью. Одним, действительно, надо было разрешить то или иное религиозное или, вообще, какое-нибудь жизненное сомнение, но больше всего направлялись в Ясную Поляну ради простого любопытства — «посмотреть на Толстого», поговорить с ним только для того, чтобы потом рассказать об этом в кругу своих знакомых или «поделиться своими впечатлениями» на страницах газет, журналов и, по обыкновению, приписать Толстому то, что он не говорил и не делал; шли к нему люди и [со] специальной целью «урвать» хоть малую толику из его богатства, выпросить «деньжат на свою нужду» и, в случае неудачи, обогатить, обесславить его. И вся эта многочисленная рать «паломников», возвращаясь домой, сеяла на пути своего шествия множество всевозможных рассказов о Толстом, которые потом послужили материалом для легенд о нем.

Отсюда Андрей Васильевич сделал вывод:

— Или в Библии не все правильно написано, или же, что будет вернее, у нас не настоящая, а поддельная Библия.

Был у меня с ним начатый мною разговор о Пушкине и Толстом.

— Обоих знаю, — сказал он. — Пушкина сочинение про разбойника Дубровского читал и про самого Пушкина от людей слышал. Молодец был: не любил в кулак шептать, а всем правду в глаза говорил — и царю, и митрополиту, и простому человеку: «Угодно, — говорит, — слушать мои слова — слушай, не угодно — проходи мимо. У кого, — говорит, — разум есть, тот поймет мои слова, а с неразумным говорить — все равно, что воду решето черпать».

Ну, и действительно, кто со вниманием слушал его, тот оставлял свое подлое шарлатанство и жил по-хорошему. А он насквозь каждого понимал, насквозь каждого видел. Ведь иной — сам ездит, стопроцентный жулик, из мошенников — мошенник, из гадин — гадина, из подлецов — подлец, а тоже согнется в три погибели, разохается...

— Ох, — говорит, — грехи наши тяжкие. Дай-ка, пойду, посоветуюсь с Пушкиным насчет жизни.

Ну, придет и давай охать, стонать:

— Вот, — говорит, — по какому делу я пришел, — и заведет волюнку.

А Пушкин смотрит, смотрит и слушает. А тот все скрипит и скрипит. Тут Пушкин и закричит:

— Замолчать! Ты, — говорит, — мерзавец и подлец, потому что не можешь человеку прямо в глаза смотреть, и все твои слова одна фальшь. Вон из моего дома! — И кликнет тут своего слугу: — Выведи, — говорит, — этого негодяя.

А лакею, слуге этому, не впервые такое дело. И возьмет он этого мазурика, повернет мордой к двери, да как учешет по затылку, так тот бомбой из пушкинского кабинета вылетит. И после шабаш ходить к Пушкину советы спрашивать.

А приди человек справедливый — он с ним разумно поговорит.

А уж и писал же! Раньше куда ни пойдешь — на Смоленский ли, на Сухаревку ли⁵ — в любом трактире «Под вечер осенью ненастной» пели. Где в одиночку, а где и целый хор выступал. Это, я тебе скажу, не песня, а красота в жизни! И на машинах тоже играли... Хорошие машины были, отчетливо играли, ровно бы живые музыканты.

— Ну, а как насчет Дубровского? — спросил я. — Понравился он тебе?

— Что же Дубровский? — отвечал Андрей Васильевич. — Он тоже молодец был — за правду стоял. Да уж перезабыл все: не Дубровским теперь голова занята.

А про Толстого Андрей Васильевич говорил, усмехаясь:

— Все праведности старичок Лев Николаич учил: «Живите, — говорит, — по совести, не будьте мошенниками. Ежели, — говорит, — человек пришел к тебе с нуждой, а ты, как волк, оскалил на него зубы, то нешто это — справедливая жизнь? Это, — говорит, — не человеческая жизнь, а звериная, и сам ты, — говорит, — есть необузданный хам и прохвост».

Так-то оно так, да не совсем так! Надо знать, кому помочь. Ежели придет ко мне латрыга какой-нибудь, лежебок, так ему не то что помочь, а надо дать по шее раза. Мало ли таких чертей шляется? Послушай-ка его: он все знает, и о Библии может рассуждать, что твой профессор, а заставь его, анафему, работать, он тебе и запоет псалом царя Давида:

— По моей, — говорит, — специальности подходящей работы нет, а таскать на спине по три, по четыре пуда — я не ломовая лошадь.

Ну, как такому помогать? А Толстому это ничего: раз у человека нужда — помогай ему.

Старик с маху рубил, не разбирая — сук ли, трухлявое ли дерево — руби, и все тут!

Или вот еще насчет женского дела...

— Кто, — говорит, — с любовницей живет, тот блуд совершает.

Ну, конечно, блуд, как сам стариком стал. А тут тоже надо разобрать, а не осуждать огулом. Ну, хорошо, пусть будет блуд. А ежели попалась жена-сатана, ежели она как сибирская язва, — какая приятность с ней может жить? Ежели ты жена, так веди свою линию аккуратно, чтобы в доме порядок был, чтобы вовремя обед был готов и обращение твое должно быть хорошее, а не рычать по-собачьи. Это теперь с такими долго не хомутаются: не хочешь по-человечески жить, получай развод и скатертью тебе дорога на все четыре [стороны] света белого! А в царское время есть тысячи в кармане — получишь развод, а нет — орудуй кулаками. Да ведь об иную хоть все кулаки обломай, не исправишь ее... Ну, вот и заведет себе человек милашку. А то просто, безо всякой причины обзаведется предметом, да и живи-поживай. А Толстой говорит: «это блуд, разврат». Ну там, как ни называй, а я так понимаю, что этого природа требует. А как пойдешь против при-

роды? Вон и Пушкин написал: «Кто от природы откачнулся, тот пропащий человек». Да и верно. Нешто с природой можно спорить? Ее не переделаешь. А Толстого эта самая арихметика к тому направлялась, чтобы жизнь на свой лад повернуть. Он вот и религию тоже хотел по-своему перестроить. Ну и получил проклятие от духовенства. Положим, что дело темное — неизвестно, кто тут прав, кто виноват. Я-то сам Толстого сочинений не читал, зря хвалиться не стану, а все же с людьми благоразумными, понимающими имел рассуждение и разные вопросы мы на точку зрения поднимали. И что же, собственно, оказывается? Возьмем хоть эти наставления Толстого. Ведь как сказать? Ну, он говорит: вот так и так живите, вот так и так поступайте. А жизнь идет по-своему: что ей требуется, то берет, что не требуется — не берет. Только Толстой все гнул по-своему. Упрямый был старик, очень упрямый.

Декабрь 1920 г.

VII

Григорий Кузьмич Позднышев — из крестьян Орловской губернии, 58-60 лет, чернорабочий, до солдатчины жил батраком в имении поэта Алексея Михайловича Жемчужникова, о котором рассказывал следующее:

— Про нашего барина я слышал, будто он был в заговоре против Александра II-го и за это воспретили ему жить в Петербурге, вот он и жил то в своем имении, то в Козлове у своего зятя, который в земской управе служил. Только, думается, вряд ли это правда, потому что он тихий был человек и ничего такого незаметно было, чтобы он против царя восставал. Сам он хозяйством не занимался, а имением управлял немец. Этот немец такой человек был: раз что приказал, делай безотговорочно, а ежели пошел против — получай расчет и чтобы духу твоего не было в имении. А кормил рабочих плохо: все больше на картошке выезжал, а мясное редко давал. Правда, одной копейки у рабочих не утаивал — расчет верный был, честный. А пьяниц терпеть не мог. «Пьяный, — говорит, — человек хуже свиньи». Вот Алексей Михайлович во всем и положился на него. После я узнал, что Алексей Михайлович стихи писал, за крестьян заступался. Если заступался, то отчего ни разу не зашел в кухню посмотреть, как рабочих кормят? Я сколько раз видел его: выйдет в сад, погуляет, потом идет кофий пить. А вот брат его, Лев Михайлович, за Ельцом его имение было, тот уже другого сорта был человек, сам имением управлял. Ну, у него жена была молодец: во все сама

вникала, строгая была. У нее не заворчишь: «Это нехорошо, это не нравится». — «Нехорошо? — говорит. — Ищи где хорошо, дорога открыта».

Алексей же Михайлович умственный человек был, все в кабинете сидел. А умер он в Москве и похоронили его в Алексеевском монастыре. Дочери каждый раз приезжали в Москву панихиду 25-го марта служить. После один паренек, такой смысленный мальчишка, показал мне книгу, такой альбом, где портреты писателей помещены. Там я увидел портрет Алексея Михайловича. Парень и разъяснил мне, что Алексей Михайлович держал руку за крестьян. Держал, а имение не отдал крестьянам, а взял да и продал.

Про Толстого Григорий Кузьмич рассказывал:

— Я вот одну его книжку читал. Позабыл, как называется, только книга занимательная. Положим, по правде сказать, не я читал, а другие, я только слушал. И все он там укладывал весьма справедливо. «Самое важное, — говорит, — не отнимать у человека ни хлеба, ни жизни. Солнце, — говорит, — для всех светит, птицы для всех поют, а люди, — говорит, — как собаки, один другого за горло хватает. Ты, — говорит, — идешь, как темной ночью — без пути и без дороги, вот от этого ты спотыкаешься и падаешь. А ты, — говорит, — зажги свой фонарик, и будет он тебе светить, и увидишь ты, где камень лежит, где рытвина». А этот фонарик — совесть человеческая. Вот Толстой все на совесть и упирает. «Ежели, — говорит, — у человека совесть черная, то и дела его злые». И против разврата он тоже говорил: «Разврат, — говорит, — на погибель человеку». И это правильно. Как спервоначалу не сдержался, то и пропал. Вот дуроломы говорят: «А-а, не мы первые, не мы последние! Раз, — говорят, — человек живет, то и разврат с ним живет». Ну, таких не убедишь. А ты воздержись и будет тебе хорошо. А ежели ударишься в разврат и дурную болезнь получишь, тогда что? Одно остается — веревку на шею. А про религию он учил, чтобы иконам не поклоняться. «Немцы, — говорит, — не поклоняются. Что же, они хуже нас?» Ну, духовенство пошло против него и отлучило его от церкви. Только по-настоящему тут не в религии дело, а тут политика: он насчет царского правительства говорил. Это вот, как в японскую войну сдали наши Порт-Артур, он и написал в газетах: «У нас, — говорит, — воровством да изменой живут. Порт-Артур, — говорит, — и вовек бы японцам не взять, а то, — говорит, — три бочонка золота получили наши от японцев и не стали держать Порт-Артур». Вот тут взяли и примазали религию и отлучили его от церкви.

На мое замечание, что отлучение от церкви Толстого было задолго до японской войны, рассказчик досадливо отмахнулся: — Ну, что ты меня учишь? — сказал он. — Ведь я это дело помню хорошо, сам в газетах читал. Я тогда в Москве жил и читал про это отлучение.

Март 1926 г.

VIII

Петр Степанович Скворцов — бывший дворник, 75-ти лет, называет себя калужанином по месту своего рождения в г.Калуге, в бедной мещанской семье. В Москву он попал 40 лет тому назад и до 45-ти лет служил в дворниках; теперь живет на пенсию социального обеспечения. Иногда потягивает «несчастную гамыру», как он называет водку.

Принимая во внимание его долговременное пребывание в Москве, я надеялся услышать от него что-нибудь более или менее интересное о ее прошлой жизни, но на все мои расспросы он, по обыкновению, отвечал:

— Да кто же это знает? Может, что и было, а мне неизвестно.

Даже о знаменитом, по народным легендам, ученом, волшебнике, изобретателе живой и мертвой воды, летающего корабля, составителе календаря и предсказателе погоды на тысячу лет вперед, графе Я.В.Брюсе, о котором знают люди не только старого, но многие и из молодого поколения, он не мог или не хотел сказать ни слова. И целый год во время наших встреч в харчевне я «обхаживал» его безуспешно, но все же не терял надежду услышать от него хоть что-нибудь мало-мальски интересное, и надежда не обманула меня.

Зная, что он терпеть не может Максимыча, я однажды сказал ему:

— Петр Степаныч, мне Максимыч рассказывал, будто вы с ним были на открытии памятника Пушкину.

Максимыч тут был ни при чем: все я сам выдумал.

— Да что он врет! — искренно возмутился Петр Степаныч. — Памятник Пушкину поставили при царе Борисе Годунове, когда нас еще в помине не было*! Он тебе набрешет, только слушай его! «Пушкин!» А ты бы спросил его, знает ли он, какой человек

* Нет ничего удивительного в том, что рассказчик относит открытие памятника Пушкину ко времени царствования Бориса Годунова: более или менее точная хронология исторических событий в народной памяти не удерживается и то или иное из них произвольно приурочивается к какому-нибудь времени, притом же, в данном случае, открытие памятника Пушкину для народной массы не такое важное событие, чтобы она могла помнить время его.

был Пушкин? Мы вот умрем и ни единый человек не вспомнит про нас, все равно, что плюнь на пол и разотри сапогом. А Пушкин, как стоял, так и будет стоять, пока земля вверх ногами не перевернется.

А я, подзадоривая его, продолжал:

— А еще он хвалился мне, будто по ночам читает сочинения Пушкина и Толстого.

Петр Степаныч посмотрел на меня и рассмеялся.

— А ты и поверил ему? — спросил он. — Эх, простота-человек! Ты бы спросил, может ли он эти сочинения читать? На бильярде шары гонять да шеромыжку рюмки опоражнивать — это он может, да еще врать. А Пушкина да Толстого книги не про него писаны. Вот когда у нас Толстого читали про купца Аксенова*, так слеза прошибла. Это, действительно, писание. Это не побасенка какая-нибудь, а правда...

— Да ведь, может, и Толстой взял да и выдумал про Аксенова, — сказал я.

— Нет, — возразил Петр Степанович, — ты этого не скажи: так не выдумашь. Ведь он правды добивался, и где только ни был, в какие только края ни ездил. Он и в царский дворец ходил, и в острог заглядывал, и вот в такие харчевни заглядывал, чай пил. И все смотрел, как люди живут, есть ли промежду них правда. Ну, может, сам этого купца Аксенова видел, а может, от верного знающего человека слышал... Нет, это правда. А ежели не правда была, стал ли он писать? Не такой человек был, чтобы брехню разводить. А Максимычу ты не верь: он тебе всякое наплетет — умеет слово к слову подгонять. И в долг копейки не давай — обманет. Он у меня взял на час рупь, да вот уже третий год нынче да завтра отдает. Вот он какой обставляло. А то — Пушкина и Толстого книги он читал. Ведь скажет же!

Май 1923 г.

IX

Старик лет 60-ти с лишком, в ватном заплатанном пальто, подпоясанном когда-то красным, а теперь сильно загрязнившимся кушаком, в лохматой шапке, в стоптанных валенках, с коротко остриженной седой бородой и такими же усами, маленькими проворными карими глазами и синеватым носом, похожим на вытянутую картофелину, — кто он и откуда появился в харчевнях и

* Под таким названием в народе ходит сказка. Толстой воспользовался ею для своего рассказа «Бог правду видит да не скоро скажет».

чайных Хамовнического района — я так и не узнал. Но мне было известно, что он торгует переводными картинками: я не раз видел его на улице со свертком их в руке, выкрикивающим:

— Картинки! Переводные картинки! Пять штук пять копеек!

В тот вечер, когда я заговорил с ним, он пришел в чайную заметно очень усталый, занял свободное место за моим столом, пересчитал свою выручку и оставшиеся картинки, заказал чай, вынул из пазухи ломоть ржаного хлеба, густо посолил его и стал есть, а когда был подан чай, молча и жадно выпил три стакана подряд, потом стал пить не торопясь, что называется, с прохладцей.

Тем временем я, просматривая газету, закурил папиросу.

— Ну-у, — сердито заворчал он, — задымил чертовым ладаном. И чего ты сосеешь эту подлость? — продолжал он. — Ведь вредно, да и лета твои не такие, чтобы этими глупостями заниматься.

— Да-да, — согласился я, однако, продолжая курить. — Вот и Толстой тоже пишет, что не надо одурманиваться.

— Кто-кто пишет? — живо спросил он, как бы не расслышав, впиваясь в меня своими маленькими глазками.

— Толстой, — сказал я, — Лев Николаевич. Знаешь?

— Ну, как не знать этого лицемера? — усмехнулся он. — Как не знать это «золото»?

— Какой же он лицемер? — возразил я, невольно загораясь враждебным к нему чувством.

— А то кто же?! — почти крикнул [он] раздраженно. — Понятно, лицемер! Разулся, стоит босиком, без шапки, только в рубахе и штанах — «вот, мол, посмотрите, какой я „смирный“, преподобный отец и учитель вселенский. Поскорее снимайте с меня патреты!» А дураки и рады. Сейчас наставили эти аппараты самые. «Вот, — говорят, — великий писатель граф Лев Николаевич Толстой, всю философию произошел, а стоит босиком. Покупайте на память, цена один рупь». А другие дураки и накинулись, давай покупать, деньги шальные*. А ведь одно лицемерие. Сам мильён имел. Отчего не роздал бедным? Религию взялся исправлять: «это неправильно, это неверно, а вот как я учу, будет правильно». Только он один оказался умным, указал свет разума, а то все дураки. Понаписал разных сочинений — одна отрав...

* Речь идет о картине Репина, на которой Толстой изображен босиком, в блузе «толстовке» и без шапки. После смерти Толстого эта картина в снимках продавалась в Москве уличными и базарными торговцами, а в провинции офенями. По моим наблюдениям, в провинции она не имела большого распространения.

— Да ведь ты не читал эти сочинения, что же зря мелешь? — сказал я.

— Да и читать не стану такую «премудрость», — усмехнулся он. — Я и без этих сочинений знаю, как мне жить на свете, какая требуется мне религия. А то прозвонили: «Толстой», «Толстого учение»... А это учение — одно разрушение.

— Какое разрушение?

— А вот какое: все наизнанку хотел вывернуть, всю жизнь. Сам богач был. Ну и жил бы в свое удовольствие, никто не препятствовал. А к чему это лицемерие? Сам из графов, а начал дрова рубить, косить. Для чего это? Взял косу — косил не косил, одна забава. «Ах, устал! Время обедать». Вот идет. А тут и супы, и бульёны, и вареное, и жареное... шанпанское, чай, кофеи... Наелся, напился. «Надо отдохнуть». А пуховая постель уже готова. Вот какая биография его жизни!.. А у тебя какая может быть биография твоей жизни, ежели ты целый век гнул спину, как сукин сын, надрывался, а на старости лет приюта не имеешь. Семьдесят лет — еле ноги таскаешь. А то «Толстой запретил курить, запрещает вино пить». И без него знают, что курить вредно и водку пить вредно. А вот надо, чтобы Толстой запретил, тогда будет правильно. «Толстой сказал», «Толстой указал»... А что такое? Ведь были люди умнее Толстого, да не звонили про себя, а ему вот надо было, чтобы трезвон по всему свету прошел.

— А кто же эти умные люди? Назови хоть одного.

— Кто? Мало ли? Я не ученый, чтобы называть их... А то, ишь, ему дома тесно стало. «Дай убегу»... А зачем? Опять — чтобы больше шуму было. Дескать, вот меня отлучили от церкви, а я взбулгачу весь народ: пусть я буду страдать, а митрополитам проклятие от народа пойдет. Ну, верно, шуму наделал много. Заговорили: «Ах, Толстой, ах!..» А только народу это ни к чему. Да и что же народу было делать? Колья, что ли, взять и пойти митрополитов громить, а? За что? За то, что отлучили от церкви? Так ведь не зря отлучили, а по заслугам!

Громкий и негодующий голос старика, резко выделявшийся среди общего говора, привлек внимание моих ближайших соседей. Они, по-видимому, слушали с интересом, но ни один из них не вмешался в наш разговор. Зато Максимыч, сидевший через два стола от нас, очевидно, решил, что дело без него не может обойтись. Держа в одной руке круглую табакерку, а в другой — щепотку табаку, он в своем длинном черном, похожем на подрясник пальто, деловитой походкой подошел к нам, постоял, послушал.

— Ты, — довольно строго обратился он потом к старику, — что тут кармаганишь*? Чем помешал тебе Толстой?

— Да тебе-то что?! — вскинулся на него старик. — Кто тебя звал сюда?

— Никто, — спокойно отвечал Максимыч, на этот раз находившийся только «на первом взводе». Никто меня не звал, — продолжал он, — но ты нарушаешь общественную тишину, ведешь себя непристойно. Ты поносишь Толстого, а сам не знаешь, за что. Толстой на весь свет прославился, его в Америке и за Америкой знают, а ты разинул пасть и гавкаешь.

— А ты что за адвокат явился? — спросил старик. — Толстой тебе брат, сват или кум, что ты на защиту его выступил?

— Нет, — так же спокойно отвечал Максимыч. — Толстой мне не брат, не сват, не кум. А только ты не можешь стать на высоту, чтобы судить о Толстом. Проживи еще полсотни лет, сделай длинную лестницу, взберись на нее и тогда говори, да смотри, как бы тебе не загреметь с нее.

— А ты как же? Можешь и без лестницы? — ехидно усмехнулся старик.

— Я, — сказал Максимыч, запихивая сперва в одну, потом в другую ноздрю понюшку, — могу и без лестницы. Я, — продолжал он и вынул из кармана пальто красный, запачканный табаком платок, — вполне могу иметь рассуждение, потому что понимаю философию. Я с любым профессором могу рассуждать, потому что у меня ум натуральный. Меня не собьешь с пути. А вот ты не можешь, потому что не знаешь, где у тебя факт, и не можешь линию взять по ветерпасу, и не знаешь, на чем базировать фундамент.

Старик, очевидно, не ожидал таких «заковыристых» слов, молча и растерянно посмотрел на Максимыча, а тот, как бы торжествуя победу, продолжал с насмешливой укоризной:

— Эх ты, Психей Психеич**! Гавкаешь, а все зря. Прежде чем ругать Толстого, ты бы спросил себя, можешь ли ты взять направление по астрилябии, можешь ли определить горизонт? Вот то-то и оно. В том-то и беда наша, — продолжал он нравоучительно, — что мы суемся в лавки, а хвост у нас собачий.

И утерев нос своим отвратительным платком, он деловитой походкой пошел к своему столу.

* От кармагал — испорч. карнавал. Кармагальить — производить шум, беспорядок.

** Психей — переделка слова психопат. На языке улицы — Психей — недалекий, тупоумный человек.

А старик еще долго просидел за чаем, все чему-то молча усмехался, покачивая головой.

Примечание: Рассказы о Толстом, как лицемере, человеке неискреннем, у которого слово резко расходилось с делом, в народе сохранились еще до сих пор, хотя и встречаются несравненно реже, чем 30-35 лет тому назад. Эти рассказы, как и все на свете, имеют историю своего происхождения. До конца 90-х годов прошлого столетия имя Толстого, как писателя и главным образом как вероучителя, в народе, за самым ничтожным исключением, мало кому было известно. Известность, а затем и популярность его начинается с того момента упомянутых годов, когда, по распоряжению правительства Николая II, подготовлявшего отлучение Толстого от церкви, по церквам всей России стали вестись «воскресные беседы» о «еретике», иногда «ересиархе, знаменитом писателе графе Льве Николаевиче Толстом». «Беседы» заключались в произнесении с амбона специально для этой цели изготовленных Синодом проповедей, в которых «разъяснялось» еретическое учение Толстого, в рассказывании священниками разных, чаще самими ими измышленных глупых и нередко гнусных «историй» о Толстом, характеризовавших его как скверного, лицемерного человека. И надо отдать полную справедливость некоторым из «батюшек» в том, что эти «истории» они рассказывали более удобопонятным, живым, а порой и картинным языком, чем тот сухой и безжизненный язык, которым были изложены синодские проповеди. «Истории» же повествовали о том, что Толстой, проповедуя бедность, сам живет в богатстве и роскоши («имеет миллион рублей, большое количество земли»); поучая людей воздержанной жизни, кроткому и незлобивому отношению к человеку, сам проводит жизнь в кутежах, разврате, грубо обращается с прислугой, «дерет» с крестьян высокую арендную плату за землю и т.д. и т.п. И не удивительно, что слушатели («воскресных бесед») впервые познакомились с таким Толстым, каким рисовали его эти «истории», а из проповедей они вынесли смутное представление о нем не как о еретике, разрушающем устои православия, а как о творце какой-то новой веры, сущность которой они не успевали усвоить, да и впоследствии в подавляющем большинстве не усвоили в полной мере. Но, как бы там ни было, а в массе именно в то время стало впервые известно, хотя и понаслышке, имя Толстого.

Чем ближе подходило время к акту отлучения Толстого от церкви, тем яростнее было нападение на него духовенства, действовавшего, конечно, по указанию Синода. Однако, несмотря на такую подготовку «общественного мнения», народ в массе не знал истинной причины отлучения и в момент совершения его, не узнал ее, по своим наблюдениям, и после, не знает ее и до настоящего времени. То же меньшинство, которому она стала известной, отнеслось к ней если и не совсем безразлично, то, во всяком случае, не так, как ожидал Синод. То, что Толстой отрицал необходимость догмата в религии, а в обрядах, в почитании икон и мощей видел проявление одного из видов грубого суеверия, было его личным делом, которого он никому не навязывал: хочешь — принимай, не хочешь — не принимай — дело твоей совести.

Несомненно, немало было и таких, для которых Толстой оставался не только прежним «лицемером», но стал и «служой антихриста» — это название было дано ему духовенством незадолго до отлучения его от церкви. Однако нельзя сказать, чтобы среди них были люди, дошедшие до такого отрицательного отношения к нему сознательно, путем непосредственного знакомства с его еретическим учением, а не путем влияния извне.

Отлучение, как известно, совпало с усилением революционного движения в России, а последовавшая за ним русско-японская война и революция 1905 года заставили народную массу изменить свой взгляд на многое и между прочим на

Левая рука у него была ампутирована, и за это улица прозвала его «Ручкиным», а настоящая фамилия его была Сушков, Петр Иванович. Кстати сказать, всех вообще безруких улица называет «Ручкиными», но в то же время безногих *не называет* «Ножкиными». Почему это так — не знаю, да и улица тоже не знает, по крайней мере, на мои расспросы она отвечала: «Да кто же это знает? Видно, так исстари повелось, чтобы безруких называть Ручкиными, а безногих — безногими».

Толстого. К тому же около этого времени она познакомилась, конечно, лишь до некоторой степени, с ним, как с писателем, чему много способствовало книгоиздательство «Посредник», выпускавшее в десятках тысяч экземпляров дешевое издание его сочинений: преимущественно так называемые крестьянские рассказы и легенды и некоторые произведения религиозно-философского характера.

С другой стороны, начавшееся вслед за отлучением хождение к Толстому, о чем уже было сказано раньше, являлось одной из причин широкого распространения о нем всевозможных рассказов и легенд. Именно в это время и создалась легенда о том, что послужило якобы истинной причиной его отлучения от церкви. Оказывается, что ею была не ересь его, а его обличение духовенства в жадности, корыстолюбии и обличение царя Николая в несправедливом отношении к народу, а его правительства в продажности, лихоимстве. Легенда передавалась шепотом, с оглядкой, и в этом заключается причина ее широкой распространенности и живучести, ибо давно уже известно, что чем секретнее сообщение, хотя бы и самого нелепого свойства, тем быстрее и шире распространяется оно в массе и тем более придается ему вероятия. Само же отлучение от церкви Толстого, его уход из семьи, смерть в чужом доме, необыкновенные по тому времени похороны его (без соблюдения церковных обрядов), привлечение громадное стечение народа всех общественных слоев, шум, поднятый в газетах, — все это, вместе взятое, не могло не поразить в сильной степени народного воображения и не создать о нем массу легенд, в которых он, между прочим, является пророком, предсказавшим две войны — русско-японскую (1904-1905 гг.) и мировую (1914-1917 гг.) и две революции — 1905 и 1917 гг. Одно из этих предсказаний было сделано лично царю Николаю, когда Толстой ездил к нему во дворец укорять его за расстрел рабочих в Петербурге 9 января 1905 года. Тогда же он предсказал гибель самого царя и всего царского дома. Легенда подробно передает это предсказание, облеченное, ради усиления впечатления, в аллегорическую форму.

Другие легенды рассказывают о Толстом как величайшем мудреце, который только тем и отличался от библейского мудреца царя Соломона, что последнему был дан дар понимать птичий язык, а Толстой этим даром не обладал.

В течение 10 лет мною был записан в Москве, в числе других произведений народного творчества, целый ряд легенд о Толстом, которые были прочитаны мною в публичном заседании общества «Старая Москва» (секция общества изучения Московской губернии) 3-го сентября 1928 г. в день столетней годовщины со дня рождения Толстого, а в декабре того же года в квартире, где я живу, произошел пожар. Многие мои рукописи, а также легенды о Толстом, были затеряны. Отдельные части записи потом были найдены, но восстановить по ним записи в их первоначальном виде не представляется возможным.

Сушков был крестьянин Рязанской губернии, лет под 40, от крестьянства отбился, после солдатчины проживал в Москве в дворниках, сторожах; семьи не имел, жил «вольным казаком». Раньше приходилось ему «шибко зашибать», и теперь он зашибает, только помаленьку. В мировую войну он был призван на фронт и в бою под Млодечным сильно ранен в левую руку, которую потом отняли по самое плечо. В 1924 году, когда я с ним познакомился, он продавал на улице папиросы и махорку. Встречались мы почти каждый день в харчевне за чаем и обедом, часто разговаривали, а он любил поговорить и рассказал мне кое-что, например, о том, как жила Москва до войны, о летучем змее, которого он сам видал, как тот в летнюю ночь, пролетая над лесом, сыпал вокруг себя яркие искры, о своем дедушке-колдуне, в могилу которого по решению деревенского схода да был вбит осиновый кол, чтобы дедушка не мог по ночам вылезать из гроба и высасывать кровь из младенцев, а между тем дедушка был человек доброй души, умел вырезывать из дерева петушков, лошадок и хорошо играл на свирели. Рассказывал и о войне.

Я в то время продавал на улицах Москвы подержанные книги, и харчевня знала меня как «Книжника». Как-то в одну из наших бесед Сушков поинтересовался узнать, выгодное ли дело книжная торговля, большой ли барыш дает она?

Я разъяснил ему, что для успешной книжной торговли надо хорошо знать книгу и покупателя, иметь в запасе деньги, чтобы приобретать хорошие книги, а не книжный хлам.

— Вон оно что, — сказал он. — А я думал — дело простое.

Я спросил его, читал ли он книги, а если читал, то какие. Он рассказал, как впервые познакомился с сочинениями Гоголя и Пушкина:

— Наше чтение уж известно какое, — сказал он. — Как в школе учишься, то и читаешь, что задает учитель, а после школы и не заглянешь в книги. Которые в город уходят, из тех есть такие, что и читают, есть большие любители до чтения, только мало таких, всего же больше газеты почитывают. Ну, не все, конечно, а самая малость. Я вот про себя скажу: всего три книги прочитал, как в дворниках служил. На Сретенке у Авилова небольшой дом в три этажа был — вот там и пробыл я дворником без малого год. И от скуки ради занялся чтением. Попалась мне книжонка одна — роман. Уж не помню, какое его название было. Все про любовь говорится: он ее поцеловал, она его поцеловала... Словом, ахинея одна... Ну да и читал не ради антитреса, а чтобы время провести. И ничего в голове не удержалось от этого чтения. А вот как попался мне «Тарас Бульба», так это уже чтение, из всех чтений

чение. Гоголя сочинение. Я и на открытии памятника ему был: нарочно ходил смотреть, какой это Гоголь. А попалась мне эта книга от квартирантки: во втором этаже квартиру с мужем занимала. Колесникова — фамилия была. Хорошая барыня, добрая, снисходительная. А муж ее судейский был: окружного суда судья. Тоже ничего человек: мимо не пройдет, чтобы не поздороваться. «Здравствуй, — говорит, — Петр».

Только я больше жену его уважал. Дарьей Васильевной звали. Случалось, поможешь ихней кухарке — дров принесешь, еще что-нибудь сделаешь. Да мало ли, чего не случается по хозяйству... Ну, тебя и покормят, окромя того, что когда двугривенный, когда полтинник получишь, а к Новому году и Пасхе обязательно по трояку выдавали...

Ну, тоже были и сволочь — квартиранты. Вот Мироновы — тоже во втором этаже занимали квартиру и тоже муж из судейских был. И было мне пользы от них столько же, сколько от козла молока. Скупердяи были, а жили только вдвоем — муж да жена. У Колесниковых дети — и гимназисты, и студент, и дочка-музыкантша. А у Мироновых даже собачки не было. Собралась анафемская пара. Она худая была, длинная, нос острый, настоящая холера. А он тоже не низкий, весь черной бородой зарос, рожа разбойничья... Ему бы не в суде служить, а с дубинкой под мостом сидеть или в лесу с кистенем ходить: запопал прохожего ли, проезжего ли, ошарашил его по башке и обобрал до нитки. Вот какое ему подходящее занятие было, а не судебные дела разбирать. Ну да шут с ним! Меня через него-то хозяин и прогнал... Это уж под конец года было... Пришел он домой в третьем часу ночи, а ворота на запоре. Он и давай звонить. А я спал. Ну, пока поднялся, пока обулся, оделся, а он все звонит. И как стал я ворота отворять, он принялся мне выговаривать. Я не стерпел и пугнул его матерком... Он наутро нажаловался хозяину, а тот меня в шею со двора. Ну да черт с ним! А вот про Тараса этого доскажу... И дала мне его барыня Колесникова. И так было: купила она новую кровать, а я помог внести ее в комнату и вижу — книг пропасть и на полках, и на этажерках. Я и скажи ей:

— Дайте почитать книжку какую поинтересней.

Она и дала «Тараса Бульбу». Так что ты скажешь? Как взялся читать, оторваться не могу. Тут двор убирать надо, а я все за книжкой сижу. Ну, кое-как прибрал и опять за чтение. И всю ночь напролет просидел. Кончил, так и заснул за столом сидя, не раздевался, не разувался. Вот уж, действительно, всем книгам книга! И какой человек был этот Тарас! А сын Остап! Вот люди, так люди! Как из железа сделаны. Их мучают, а они хоть бы что! Ведь

больно, ведь кричать надо, а Остап говорит: «Слышишь, батько?» Ведь знаю, какая это боль: под Млодечным мне руку попортило шрапнелью — на коже висит. Ну, я, по правде сказать, не кричал, а ругался матерно. На перевязочном пункте режут руку, а я матюхаю. Доктор и то говорит: «Ты бы полегче немного». А сестра говорит: «Это он в бреду». А какой там бред? Все помню. А кругом стонут, плачут, кричат... Ад настоящий! Ужасу подобно. А после, как в лазарете лежал, припомнил Тараса и Остапа. Молодцы были, настоящие люди, а мы против них — козявки да жучки. А другой сын — Андрий — тот сволочь был: ради поганой бабьей юбки изменил родине, отцу и брату... Собака, хуже собаки!.. Ну, и получил, что заслужил! Как его Тарас бухнул из ружья!.. По-настоящему его повесить надо бы!.. Хорошая книга. И сперва не верилось мне, что такие люди были. Спрашивал барыню Колесникову. Она говорит:

— Раньше народ крепкий был. Потом, — говорит, — пошли люди слабосильные, а дальше еще хуже будет.

И верно: богатыри все до единого перевелись... Говорят: водка да табак вредно действуют. А нешто запорожцы не пили свою горилку? Так пили, что не нам чета. А трубку изо рта не выпускали... Вон Тараса поляки и схватили, как он стал трубку искать: «Постойте, — говорит, — братцы, люльку потерял». Это он трубку так называл. А у нас люлька — в которой грудных ребят качают*. Нет, водка тут ни при чем, и табак ни при чем, а скажи: люди выродились, — это так. И все хорошо у Гоголя: читаешь и будто на самом деле все это видишь. А эти дурацкие романы — что в них толку? Брехня одна. Я вон прочитал один и будто не читал — ничего не осталось в голове.

— А еще что давала тебе читать барыня Колесникова?

— Она больше ничего не давала. А только я сам разыскал Пушкина «Капитанскую дочку». У знакомого сапожника увидел и взял почитать. А сапожник любитель до чтения был и очень одобрял Пушкина. Ну, правда, книжка очень хорошая, весьма занимательная. И не знаю, какая лучше — Гоголя или Пушкина. Только так полагаю, что одна другую стоит. У Пушкина про Пугачева. Тоже удалая голова был, а ведь из простых казаков и грамоте

* Название трубки люлькой запорожцы переняли у татар, на языке которых трубка называется люле. Точно так же название табаку тютюном взято у татар: тютюн значит дым. Татары раньше иначе не называли табак, только в позднейшее время у них стало употребляться взятое у русских название тамаку, да и не у всех татар оно встречается; так, например, северо-кавказские татары Большой Кабарды (Балкаро-Кабардинская область) до сих пор придерживаются прежнего названия — тютюн.

не знал. Вот сумел же чуть не всю Россию взбудоражить, поднять против помещиков. И царем себя объявил. Он бы всю Россию забрал и Екатерину прогнал бы, да войска у него настоящего не было, дисциплины военной не было. А раз нет дисциплины, то уже будет не войско, а вольница. С ней много не навоюешь. Ну, и пьянствовал он, а это совсем не годится, потому что, глядя на него, и войско пьянствовало. А пьяному человеку нешто можно что-нибудь поручить? Война не шутка. Если начальник сделал ошибку, всему войску погибель. А все же молодец был. Бродяга. Вот если бы в тот раз офицер Гринев не встретил бы его в степи, так он, гляди, и замерз бы... Полушубок пропил, вроде нашего брата... А как Гринев пожалел его, одел, так он после не забыл, отплатил добром. Нет, что хорошо, то хорошо написано.

— А Толстого сочинения читал?

— Нет, не читал. Про него самого много слышал, будто самый умный человек был на свете, а читать не приходилось. Да я всего-навсего только три книги и прочитал: этот роман, «Тараса Бульбу» и «Капитанскую дочку». Оно бы можно и больше прочитать, да жизнь пошла моя несуразная. Главное — выпивка. Бывало, закуришь недели на две без просыпу. Обалдеешь и ходишь как очумелый. Плохо вел себя смолоду, не потаю правду. Надо бы жизнь наладить по-хорошему, а я сам, добровольно в грязь полез... И тут уж не до чтения... А вот «Тараса Бульбу» и «Капитанскую дочку» все еще помню. Ну, конечно, не все целиком помню, а все же кое-что держится еще в голове...

Июнь 1924 г.

XI

В трактире за чаем мы сидели втроем: я, газетчик Куренков, 48-50-ти лет, из крестьян Смоленской губернии, и молодой, лет 27-ми парень-кустарь, занимающийся изготовлением половых и платяных щеток; встречал я его несколько раз, а познакомились только теперь.

Как уже было сказано, я продавал на улицах Москвы подержанные книги. К этому занятию до некоторой степени был причастен и газетчик, и теперь, встретив меня, заговорил о книгах как о «темном товаре», который надо уметь купить дешево, чтобы продать с большею для себя пользой.

Я постепенно дал разговору иное направление, заговорив о книгах как о духовной пище.

Газетчик едва ли прочитал хоть одну книгу, по крайней мере, он говорил мне, что над книгой засыпает. А кустарь, по его сло-

вам, любил почитать. Из прочитанных им книг он выделил «Разбойника Чуркина» как очень интересный роман*. Я заметил, что есть книги лучше «Чуркина», например, сочинения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого.

— Пушкин, — сказал кустарь, — был дворянин аристократического происхождения. Сам был большого образования и писал для образованных людей. Конечно, у кого голова разработана, тот и без особого образования поймет Пушкина сочинения. А «Чуркина» поймет всякий: его читаешь, как сказку, — ничего в нем нет заковыристого, никакой задней мысли. И Толстой тоже просто писал, а читаешь — думать заставляет.

— А вы что прочитали у Пушкина и Толстого? — спросил я.

— У Пушкина читал «Капитанскую дочку», «Арапа Петра Великого», «Медного всадника». Лучше всего «Капитанская дочка» и про арапа тоже занимательно написано. «Медный всадник» тоже хорош. Там наводнение описано хорошо. Я видел, какие бывают наводнения. Если находишься в безопасном месте, смотреть со стороны интересно, а каково тем, кого вода затопляет? Один ужас! У Пушкина все хорошо. Да надо постоянно читать, тогда вполне оценишь, а урывками читать — плохое чтение. И Толстой тоже так. Его я прочитал мало: только «Воскресение» и «Хозяин и работник». Мне больше понравился «Хозяин и работник» — там все верно писано: и лошадь Мухортый, и метель, и Никита, и сам хозяин Василий Андрейч. Все, как живые, стоят перед тобой. Все — правда**. Все хорошо, только со вниманием читай. А «Чуркин» что же? Читаешь, как сказку, да он наполовину и есть сказка.

— Этого «Чуркина» Пастухов⁶ написал, который издавал «Московский листок», — сказал газетчик. — В Ваганьковском переулке его дома, там и типография была, там и редакция, и сам там жил. Сперва он «Чуркина» печатал в «Московском лист-

* Этот роман, написанный в 80-х годах прошлого столетия издателем газеты «Московский листок» Н.И.Пастуховым, в свое время пользовался громадным успехом в московских низах. Популярность его там не утратилась и до настоящего времени.

** С целью собирания произведений народного творчества я, проживая в течение довольно долгого времени в ночлежке одного из постоянных дворов Владикавказа, в середине 90-х гг. проделал опыт чтения вслух «Хозяина и работника». Два вечера почти вся ночлежка слушала чтение с серьезным вниманием, но самым усердным слушателем был отставной солдат из казанских татар Рамазан Шамсудинов, давно обрусевший и переделанный в Романа Иваныча Самосудова. Ему, как и другим слушателям, нравилась в повести та художественная правда, о которой говорит кустарь. Позже тот же опыт я повторил в семье знакомого казака станицы Павлодольской Терской области, и там повесть произвела то же впечатление.

ке, потом книгами выпустил. Ну, верно, чтение интересное. Сам я не читал, а от людей слышал. Но только как это возможно, чтобы Пушкина и Толстого на одну доску с Пастуховым поставить? Ты вот, — обратился он к кустарю, — не знаешь, что за птица был этот самый Пастухов, а старые люди, которые его помнят, говорят, что это такой ухарь был, что одно удивление. Такие дела разделявал, что ай-люли! Примерно сказать, захотел ты осрамить меня на всю Москву, идешь к Пастухову, даешь ему четвертной и говоришь, что тебе требуется. Вот он в газете и оболет меня помоями и выставит напоказ: дескать, посмотрите, добрые люди, какая стерва живет в Москве! Ну, а я тоже не дурак: отнесу ему полсотни и попрошу его, чтобы он тебя в грязи вывалял. Вот он и примется тыкать тебя мордой в самую что ни на есть подлую пакость, всего тебя, с головы до ног, облепит. Я был скверный, а ты в тысячу раз стал сквернее. После того возьмет да обоих нас облает. Вот какое его мастерство было! Вот какой он был живописец! И как можно такого человека ставить рядом с Пушкиным и Толстым? Пушкин до такой низости не доходил. Ну, правда, убили его на дуэли, так тут виновата жена-шлющанка. И Толстой тоже высоко стоит. Его сам царь Николай боялся. Сколько раз Толстой укорял Николая за Распутина. А Гришка как огня боялся его. Как, бывало, Толстой приедет во дворец, сейчас Гришке подают сигнал: «прячься — Толстой приехал!» Вот он сейчас в погреб схоронится, притаится, как черт в рукомоинике. А ведь у Николая была власть в руках: взял бы да расстрелял Толстого, а нет — в Сибирь сослал бы, в тюрьму запрягал бы. Однако ничего такого не сделал. Ну, правда, подписал он бумагу, чтобы Толстого отлучить от церкви, так что же это отлучение Толстому? Он не покоробился от него и в обморок не упал... А ты с Пастуховым своим носишься!

— Эх, — проговорил кустарь с сожалением, — говоришь ты много, только на ветер. Ни Пушкина, ни Толстого я не ставлю на одну доску с Пастуховым. Я говорил и теперь говорю, что «Чуркин» — простое чтение — его и неграмотный поймет, а Пушкина да Толстого не всякий может понять. Надо головой поработать, тогда понятно будет. А насчет Пастухова: он такой же мой, как и твой... Вот ты говоришь, что он вроде мошенника был... Ну и пусть. Мне-то что до этого? Да и то надо взять во внимание, если приняться искать, кто по-мошеннически поступает, кто нет, так, гляди, без пятна и одного человека не отыщешь: все какая-нибудь отметина имеется. Нет, брат, насчет честности нам надо помолчать. Эта честность только на словах, а на деле ее не было с самого сотворения мира.

— Что это ты нынче больно строг? — спросил газетчик. — Помягче бы маленько... Ну, ладно, — продолжал он, — пусть мы будем мошенниками, пусть будем подлецами и негодяями. А Толстой? Его тоже в нашу категорию запишешь?

— Что же Толстой? — возразил кустарь. — Он писатель был... Он видел нашу подлость, а сам никому вреда не делал. Толстого оставь в стороне — его положение особое... Ты вот сам говорил, что он царя Николая ругал... Ну, хоть и ругал, а указывал, как надо государством управлять. Ну и насчет Распутина... И царь ничего не сделал ему за это. А вот пошел бы ты, да и сказал бы Николаю: «Выгони Распутина». Как думаешь, что тебе за это было бы?

— Ну уж и сравнил! — засмеялся газетчик. — То Толстой, то я! И сказал же! Эх ты, фефела, фефела! Надо понимать, что говоришь, а что же попусту молоть? Толстой... Он все мог, он все знал, все видел... А мы что знаем? «Чуркина» да Пастухова, да еще за галстук закладывать... Вот какое наше знание...

— Да что ты суешь мне в нос «Чуркина»? — раздраженно крикнул кустарь. — Ну, читал я его. Ну, нравится он мне — что тут дурного? И за галстук закладываю — свои деньги трачу, у тебя не прошу. А ты не закладываешь? Ты еще больше моего: ты каждый день с мухой бываешь... А то «Чуркин»... «Пастухов»... Какой бы там ни был Пастухов, пусть хоть размошенник, а вот взял, да написал. Может, все выдумал... А вот один из всей Москвы сумел такое выдумать. Вот он — мошенник, а заставил нас, немошенников, читать да деньги за книги платить. Сделай-ка ты так.

— Да это не по моей части, — сказал газетчик. — Я не сочинитель, не писатель. Это вот тебе с руки: ты и «Чуркина» одабриваешь, и Пастухова восхваляешь. А мы люди маленькие. Где уж нам умом раскидывать обширно? Нам впору только себя обдумать, а не то чтобы орлом в поднебесье взвиться. А тебе это возможно. Вот бери бумагу, чернила, перо и начинай катать. И будешь ты сочинитель кислых щей и всякое тебе восхваление от народа пойдет.

Кустарь глянул на газетчика, глянул на меня, хотел что-то сказать, но промолчал. Потом посмотрел по сторонам и как бы только теперь увидел за другим столом своего знакомого, поднялся, подошел к нему, заговорил... Потом взял стул, приставил его к столу, сел и ни разу не посмотрел в нашу сторону.

— Сволочь, — проговорил газетчик, все время внимательно следивший за ним. — Тоже ведь возвышается, хочет звезды рукой достать, а сам не умеет путем нос утереть.

Май 1926 г.

¹ Сам Е.З.Баранов в это время жил на Арбате, в доме №4.

² *Брюс Яков Вилимович* (1670-1735) — граф, генерал-фельдцейхмейстер, дипломат, государственный деятель, сподвижник Петра Великого. Талантливый инженер, артиллерист, астроном и географ, Брюс еще при жизни заслужил себе в народной среде репутацию «чернокнижника», а позднее сделался персонажем многочисленных легенд, некоторые сквозные сюжеты которых (умение обращаться в птицу и летать на небо, изобретение живой и мертвой воды) присутствуют и в записи приводимой далее в тексте. В Москве легенд о Брюсе было особенно много. Здесь называли по меньшей мере два места (Сухареву башню так называемый «Дом Брюса» на Разгуляе), отмеченных печатью волшебных способностей «колдуна». В бумагах Е.З.Баранова, кроме включенной в настоящую публикацию легенды «Брюс, Сухарев и Пушкин» сохранились записи еще семи легенд на эту тему.

³ *Сухарев Леонтий* — стрелецкий полковник, ставший в 1689 во время стрелецкого бунта на сторону Петра. Полк Сухарева охранял Сретенские ворота в Москве, и когда в 1692-1695 на месте старых ворот были построены новые, с башней, сооружение было названо Сухаревой башней. Позднее здание перестраивалось; в 1934 снесено.

⁴ *Сакулин Павел Никитич* (1868-1930) — историк и теоретик литературы.

⁵ *Смоленский, Сухаревка* — московские рынки.

⁶ *Пастухов Николай Иванович* (1831-1911) — писатель-самоучка, журналист, владелец типографии, издатель «Московского листка».

Varia

А.Ф.Крашенинников
СЧЕТ ЗА ДЕЛИКАТНУЮ РАБОТУ,
ИСПОЛНЕННУЮ
ПЕТЕРБУРГСКИМ МЕХАНИКОМ
(К предыстории повести Н.В.Гоголя «Нос»)

Блестящее исследование «носологии», проведенное В.В.Виноградовым три четверти века тому назад, казалось, исчерпало тему происхождения гоголевского сюжета¹. Ученый рассмотрел почти все оттенки возможных сюжетов о носах, встречавшихся во времена Гоголя в художественной и специальной литературе. Однако найденный мною документ конца XVIII века позволяет дополнить исследование Виноградова. Случайная находка в архиве наводит на мысль, что толчком к созданию «Носа» могли послужить не столько литературные реминисценции, сколько реальный счет, излагающий самым прозаическим языком технологию весьма деликатной работы, исполненной лучшим в то время петербургским механиком.

ЩЕТЬ

Его светлости и разныхъ орденовъ кавалеру
Платону Александровичу Зубову²

По приказанію Вашей светлости зделанъ мною находяще-
муся при свите персидскаго хана чиновнику искусственной носъ
изъ серебра въ нутри вызолоченой съ пружиной биндажомъ³, съ
наружи подъ натуру крашеной 200 сер.⁴

¹ Виноградов В.В. Сюжет и композиция «Носа» Гоголя // Начала. 1921. №1. См. также эту статью в расширенном и дополненном виде: Натуралистический гротеск: Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. Избранные труды. М., 1976. Термин «носология» изобретен Виноградовым.

² Зубов Платон Александрович, светлейший князь (1767-1822). Последний фаворит Екатерины II. При внешней красоте не отличался умом, однако, «попав в случай» еще при жизни Г.А.Потемкина, мечтал превзойти последнего на государственном поприще. К началу 1790-х оттеснил канцлера А.А.Безбородко от руководства внешней политикой и носился с химерической идеей гегемонии России над всей Центральной Азией.

³ Написание *биндаж* свидетельствует, что автор счета знаком с этим словом через английские источники. Действительно, в современном англо-русском словаре находим: «bind — /.../ 2. зажимать, /.../ 8. скреплять». (Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1960. С.103-104). Упоминание «пружины-биндажа» по-

Но какъ одинъ искусственной носъ, нося безъ переменно подвержень всякому непредвидимому случаю быть поврежденному, того для персидской хань просить зделать другой съ принадлежащими къ оному потребностями, какъ то штампъ, из котораго выколачивается носъ, тафты⁵, приправленной гуміями⁶, и кра-сочки, дабы онъ могъ и будучи въ отечестве своемъ удобно во время надобности ихъ делать.

другой носъ 100 сер.
два штампа⁷ медных для выколачиванія носа . . . 100 сер.
5 аршин тафты, приправленной гуміями 50 сер.

Итого . . . 450 сер.

ИМПЕРАТОРСКОЙ академіи Художествъ механикъ
и титулярной советникъ
Осипъ Шишорин⁸

Подписавший этот счет Осип Иванович Шишорин (1758- между 1811 и 1814) — известный петербургский инструментальный мастер. Шестилетним ребенком попал он в только что открытое Воспитательное училище при Академии художеств, с 1773 обучался в Инструментальном классе под руководством английского мастера Франсиса Моргана, неоднократно получал награды за успешные работы. Окончание обучения в 1779 отмечено золотой медалью за успехи в механике и командировкой в Англию для усовершенствования с 1780 по 1784. Там он заслужил похвальный отзыв Джона Стенклива, обучавшего его. Возвратившись в Петербург, Шишорин возглавил класс математических инструментов Академии художеств, которым успешно руководил в течение десяти лет, но в связи с полным игнорированием академическим начальством нужд этого класса подал в отставку в апреле 1796, после чего Академия закрыла класс. Далее Шишорин работал в Адмиралтействе, неоднократно хода-

зволяет предположить, что легкий серебряный нос прикреплялся изнутри к носовой кости хозяина захватом с пружиной, вроде применявшегося позднее на пенсне.

⁴ Стоимость работы указана в серебре, поскольку в 1796 курс серебра и ассигнаций различался на треть: за рубль ассигнациями платили только 68 с половиной копеек. (См.: Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII века. М., 1956. С.150).

⁵ *Тафта* — тонкая шелковая ткань полотняного переплетения.

⁶ *Приправить гуміями*, иначе — гуммировать, то есть покрыть тонким слоем клея, гумми. (Толковый словарь русского языка/Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.1. М., 1935. С.639).

⁷ *Штампы* — металлические формы для многократного изготовления предметов из листового металла. Один штамп формирует внешнюю, другой — внутреннюю поверхность предмета, который образуется из заложеного между ними листа металла под воздействием значительного усилия, в данном случае выколачивания.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф.14. Д.4495. Л.91.

тайствовал о возобновлении систематического художественного образования для инструментальных мастеров, даже подавал об этом прошение на высочайшее имя. Его беспокойный характер послужил причиной увольнения из Адмиралтейства в 1809. Работы Шишорина хранятся в Эрмитаже, Государственном историческом музее и Павловском дворце. Они отличаются тонким чувством пропорций, пластичностью деталей, гармоничным сочетанием линий и силуэтов⁹.

Ознакомившись с публикуемым здесь счетом, мы можем представить себе и особенности работы, выпадавшей из круга обычной деятельности механика Шишорина. Известно, что Шишорин хорошо рисовал. На основании счета можно утверждать, что он владел и скульптурным мастерством. Изготовить медный штамп, то есть форму, вкладывая в которую тонкий лист серебра, можно выколотить нос, причем не нос «вообще», а конкретный нос, подходящий к лицу данного человека, — для этого надо было проявить недюжинные способности ваятеля. Затем искусственный нос был окрашен. Какими красителями — неизвестно, но надо полагать, что окраска «под натуру» произведена достаточно деликатно. Как бы плотно ни прикреплялся металлический нос «пружинной-биндажом», все же между ним и щекой оставалась тонкая щель. Ее Шишорин маскировал неким подобием лейкопластыря, изготовленного из тонкого шелкового полотна, пропитанного (гуммированного) клейким соком манговых растений. Стоило лизнуть, клей растворялся и ткань прилипла к коже и искусственному носу.

Возможно, что, несмотря на все эти ухищрения, искусственный нос, изготовленный Шишориным, легко узнавался встречаемыми как протез, и все же его несчастный владелец мог быть доволен хотя бы тем, что на него смотрят с любопытством, но без того ужаса, с которым ранее встречалась открывавшаяся взору треугольная дыра.

Кто же был этот безносый страдалец, которому Шишорин несколько облегчил участь? Для этого надо обратиться к истории Персии конца XVIII века. Всю вторую его половину страну

⁹ Гизе М.Э. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII — начала XX века. Л., 1978. С.129-133; Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств: Из истории русской художественной школы XVIII — первой половины XIX века. М., 1983. С.271. Выражаю благодарность В.Ю.Матвееву за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью его кандидатской диссертации «Инструментальный и часовой классы Петербургской Академии художеств» (Л., 1988), в которой творчеству и личности О.И.Шишорина уделено большое внимание.

раздирали кровавые междоусобицы. К 1795 старший в роде Каджаров Ага-Мухаммед-хан¹⁰ взял верх. Еще в детстве он был оскоплен и не имел прямых наследников. Своих младших братьев он рассматривал только как конкурентов. Один из них, Муртаза-Кули-хан¹¹, пытался с ним бороться, но потерпел поражение и бежал в Россию, где был радушно принят П.А.Зубовым, который мечтал, что после смерти старого бездетного Ага-Мухаммед-хана Россия поможет беглецу утвердиться на престоле и тогда, в союзе с Персией, одолеет Турцию. С этой дальней целью Муртазу-Кули-хана всячески обхаживали, ему неоднократно уделяла внимание сама Екатерина II¹². Она по-царски одарила персидского гостя и повелела художнику В.Л.Боровиковскому написать парадный портрет хана, который ныне является одной из достопримечательностей Русского музея¹³.

В свою очередь Муртаза обратился к Зубову с необычной просьбой. Один из его приближенных тяжело пострадал от зверства Ага-Мухаммеда — у него отрезали нос. Вид безносого перса пугал всех и вызывал отвращение. Муртаза попросил сделать протез. Зубов вспомнил об уникальном мастере Шишорине, с которым уже имел ранее дело. В апреле 1793 механик изготовил по поручению Зубова 36 термометров¹⁴. Новое задание фаворита относилось к разряду нестандартных. Тем более оно было интересно для такой творческой личности, как Шишорин. Надо было реконструировать нос перса, вылепить его и повторить затем в металле, сделав штамп, который позволял бы неоднократно

¹⁰ *Ага-Мухаммед-хан* (1715-1797) — основатель династии Каджаров, правившей Персией с конца XVIII в. до 1920-х. Отличался патологической жестокостью. Так, в 1794 лично выколол глаза своему врагу и распорядился ослепить всех его сторонников, после чего сам пересчитал 20 тысяч глаз, доставленных палачами. Действуя подобными методами, объединил к 1795 всю Персию и провозгласил себя шахом, но через два года был убит своим сатрапом, после чего военные возвели на престол его племянника Баба-хана, который под именем Фатх-Али-шаха правил страной с 1797 по 1834.

¹¹ *Муртаза-Кули-хан* (1750-1800) — третий брат Ага-Мухаммед-хана. Прибыл в Петербург в конце 1795. Во второй половине 1796 отправился было на родину, но вскоре возвратился в Россию и поселился в Астрахани, где и скончался.

¹² В письме к Ф.-М.Гримму Екатерина II дала лестный отзыв о Муртазе-Кулихане, произведшем на нее впечатление своей утонченной любезностью. — Сборник Русского исторического общества. Т.23: Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774-1796)/Издан Я.Грот. СПб., 1878. С.663.

¹³ ГРМ. Инв.№ Ж-5010. Муртаза-Кули-хан изображен в полный рост во всем великолепии пышного восточного наряда. Он стоит как бы на пригорке, а в некотором отдалении, внизу, виднеются шесть человек его свиты.

¹⁴ Сборник материалов для истории императорской Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования/Под ред. П.Н.Петрова. Ч.1 (1758-1811). СПб., 1864. С.339.

тиражировать легкий металлический нос. Следовало также придумать способ крепления протеза к лицу и окрасить его «под натуру». Деликатность задачи требовала и быстроты исполнения. Шишорин с блеском доказал свое мастерство, выполнил поручение и подал счет. Зубов доложил императрице, и она «высочайше повелеть соизволила заплатить из Кабинета механику Осипу Шишорину за зделанные им Персидскому при Муртазе Кули хане находящемуся чиновнику за два искусственных носа, вместо отрезанного ему Ага Магомет ханом по представленному счету четыреста пятьдесят рублей». Это распоряжение нашел в начале нашего века известный искусствовед Н.Н.Врангель в архиве Министерства императорского двора¹⁵. Самого счета Шишорина там уже не было, хотя по всей логике он должен был находиться в том же деле.

Обретающийся ныне в ОПИ ГИМ счет Шишорина написан на первой странице двойного листа, который хранит следы того, что он был вшит в какое-то дело тремя стежками и затем довольно небрежно вырван. Мне не довелось видеть цитированное Врангелем дело, но полагаю, что в нем, возможно, даже сохранились следы от исчезнувшего документа, так как счет Шишорина имеет некоторые утраты на сгибе листа, где он был подшит. Видимо, человек, решившийся похитить его, очень торопился и действовал не вполне аккуратно.

Кто же и когда изъясил счет Шишорина из архива Министерства и как этот документ оказался затем в частном фонде Голицыных? Он хранится теперь в деле под названием «Материалы разных лиц, расположенные в порядке алфавита фамилий». Фамилии выбраны произвольно: из двух лиц — от кого исходит документ и к кому адресован — архивист выбрал наиболее известное ему имя. Поэтому счет отнесен к Зубову, а Шишорин даже не упомянут. Выяснить, каким образом документ мог попасть в коллекцию Голицыных, не представляется возможным. Вместе с тем можно предположить, что изъятие счета из государственного архива произошло еще в первой половине XIX века, когда дела еще не имели внутренней пагинации. Бумага хранит след складывания ее вчетверо. В таком положении она находилась много дней, «затаскалась», загрязнилась и даже слегка протерлась на уголке сгиба. Видимо, человек, вырвавший счет, долго носил его с собой и показывал разным лицам. Вряд ли похищение бы-

¹⁵ Врангель Н. Очерки по истории миниатюр в России // Старые годы. 1909. Октябрь. С.539. В примечании 208 указан шифр цитируемого источника: «Архив Министерства Имп. двора, оп.356-1347, дело II, л.317».

ло связано с желанием получить материальную выгоду. Скорее, это было желание позубоскалить, документ давал обильную пищу для шуток.

Содержание счета, излагающего самым обыденным языком весьма удивительное поручение изготовить два искусственных носа («как один нося бесперемежно подвержен всякому непредвидимому случаю»), вызывает желание сопоставить этот документ с повестью Гоголя. Напрашивается предположение — а не показал ли шутник-похититель каким-то случаем эту бумагу начинающему писателю? Крайняя необычность «щета» могла запечатлеться в цепкой памяти Гоголя, а через некоторое время преобразовалась в великолепную фантазию о самостоятельных прогулках носа коллежского асессора Ковалева.

Для такого предположения есть некоторые опорные места в самом тексте повести, которые можно оценить как следы влияния документа на автора. Так, в начале второй главы, впервые представляя своего героя, автор пишет: «Необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский асессор. Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнить с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода /.../. Ковалев был кавказский коллежский асессор»¹⁶. Для читателя конца XX века надо пояснить, что чин коллежского асессора (восьмого класса по табели о рангах) был начальным в группе штаб-офицерских чинов (с 8-го по 5-й класс) и с начала XIX века для производства в этот чин требовалось или представление университетского диплома, или сдача ряда экзаменов. Разумеется, в России находилось множество мест, где можно было получить чин восьмого класса в обход правил. И если Гоголь назвал именно Кавказ, то не в связи ли с безносым персом, попавшим в екатерининский Петербург через Кавказ?

Обнаружив пропажу на лице, Ковалев выходит на улицу и вдруг замечает свой нос в облике согнувшегося господина: «Он был в мундире, шитом золотом»¹⁷. Ну как тут не вспомнить счет Шишорина, изготовившего серебряный нос с позолотой внутри.

В Газетной Экспедиции Ковалев пытается дать объявление о сбежавшем носе. Чиновник отказывает ему, но в утешение приносит: «Говорят, что есть такие люди, которые могут при-

¹⁶ Гоголь Н.В. Полн.собр.соч.: [В 14 тт.] Т.3. М., 1938. С.53.

¹⁷ Там же. С.55.

ставить какой угодно нос»¹⁸. Механик Шишорин, действительно, сумел изготовить искусственный нос.

В последнюю редакцию «Носа» автор, окончательно расшавшись, вставляет новый эпизод: «Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто он давно уже там, что когда еще проживал там Хосрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы»¹⁹. Приведенный текст отсутствует в первой редакции²⁰. Возможно, Гоголь решил в окончательном варианте повести сделать некое легкое «туше», прозрачный намек на связь самостоятельно прогуливающегося носа с Персией, и тем самым на историю с искусственным носом персидского чиновника, как мы предполагаем, известную ему и небольшому кругу посвященных от шутника, рискнувшего показывать своим приятелям документ, вырванный им из дела, хранившегося в государственном архиве. Заботливая предусмотрительность персидского хана об изготовлении обязательно двух носов, вероятно, вызывала всеобщий смех. Гоголю могла запомниться эта история, и он придумал множество приключений, возникших по вине носа, случайно обретшего самостоятельное бытие. Автор не останавливается на обстоятельствах, приведших к автономности носа, он погружен в стихию событий, закруживших безносого майора Ковалева. Впрочем, нос гулял всего полдня. Но разговоры о его прогулках долго не умолкали. Происшествие давно закончилось, но оно перешло в легенду, которая стала жить и развиваться по собственной логике. И вот в повести возникает дополнительная картина: персидский принц Хосров-Мирза, бывший и на самом деле троюродным правнуком Муртазы-Кули-хана, удивленно наблюдает самостоятельные прогулки носа, отделившегося от Ковалева. Вроде бы — случайный эпизод. Но разве у гения случайности не детерминированы?

¹⁸ Гоголь Н.В. Указ.изд. С.61.

¹⁹ Там же. С.72. *Хосров-Мирза* (1813-1875) — один из младших внуков Фатх-Али-шаха (см. сноску 10), посланный в Петербург для улаживания отношений после убийства в Тегеране русского посла А.С.Грибоедова (30 января 1829). В Петербурге находился с августа по октябрь 1829. Под резиденцию ему отвели Таврический дворец с примыкающим к нему огромным садом. Благополучно вернулся на родину, где через пять лет его ждала жестокая судьба: на престол вступил его старший брат, который избавился от возможной конкуренции младших традиционным методом и ослепил их всех.

²⁰ Гоголь Н.В. Указ.изд. С.398.

ГОГОЛЬ И РУССКИЙ ПУСТЫННИК

В 1817 году в Петербурге выходил журнал «Русский Пустынный, или Наблюдатель отечественных нравов». Издателем журнала и автором его статей был некий Русский Пустынный. «Уединившись под спокойный кров безвестности»¹, он в кратких зарисовках, картинках с натуры, в переписке с вымышленными адресатами предлагал читателям «обращики наблюдательного духа и нравственной живописи»²: добродушно вышучивал предрассудки светского быта, литературные и театральные нравы, странности и причуды соотечественников, видя причины искажения здоровой русской натуры в подражании дурным иноземным образцам. Чтобы быть правильно понятым, Русский Пустынный предупреждал читателей: «Не люди враги мои, но заблуждения, предрассудки и пороки людские, а с тем вместе и мои собственные, которых одних считаю преградою к счастью»³. При этом он избегал «печатать несодеянности, выдавая их за события»⁴, и придерживался описания реальных фактов, событий и лиц.

Под псевдонимом «Русский Пустынный» скрывался 26-летний Петр Александрович Корсаков (1790-1844). Поэт, драматург, беллетрист, переводчик, журналист, литературный критик, он пробовал себя в разных жанрах. Однако среди его стихов, драм и повестей трудно найти что-то такое, что могло бы заинтересовать сегодняшнего читателя. В свое время заслуженную известность принесли ему переводы голландских поэтов, но и они сегодня представляют только исторический интерес. В истории литературы Корсаков больше известен как цензор (1835-1844) с либеральной репутацией, к которому в затруднительных случаях, среди многих других литераторов, обращался Пушкин, надеясь на его покладистость и добродушие⁵. Печальную славу, незадолго до смерти, принесло Корсакову соредакторство (совместно с С.О.Бурачком) в журнале «Маяк современного просвещения

¹ Русский Пустынный, или Наблюдатель отечественных нравов. 1817. Ч.1. №1. С.6.

² Там же. №9. С.187.

³ Там же. №1. С.7.

⁴ Там же. №6. С.143.

⁵ См.: Вацуро В.Э. Литератор лучших, не нынешних времен // Вацуро В.Э., Гильельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986.

и образованности», который отличало, по выражению Ап. Григорьева, «старческое несочувствие к явлениям жизни»⁶. Но все это было позже.

1817 год оказался крайне тяжелым для Корсакова. Жизнь его не особенно баловала, но тут потеснила с разных сторон. Семейные неприятности — нелады с женой и особенно с тещей, имевшей «неспокойный нрав», — дошли до того, что он начал хлопотать о разводе. Его карьера драматурга, прежде вполне успешная, зашла в тупик. Трагедия Корсакова «Маккавей» после первого представления в петербургском Малом театре была снята с репертуара. Поэтический перевод «Макбета», которому Корсаков отдал много сил и который уже разучивали актеры, был отклонен театральной цензурой — обсуждение цареубийства и узурпации трона преступником сочли вредным и неподозволительным. Сюжетные изменения, смещения акцентов и выемки, произведенные Корсаковым, не смягчили цензуру и на ее решение не повлияли. К тому же внезапно ослеп его старый отец, живший в Псковской губернии. Все эти события так подействовали на Корсакова, что он оставил казенную службу в Дирекции императорских театров, покинул Петербург и уехал в имение к отцу, мечтая вдали от петербургской суеты обрести душевный покой и целиком посвятить себя литературным занятиям. Так Корсаков ушел в переводы любимых им голландских поэтов. Их творчество было созвучно ему философической созерцательностью. Так появился на свет Русский Пустынник и его журнал.

Читая журнал «Русский Пустынник...», трудно отрешиться от ощущения близости гоголевской прозы. В ряде случаев можно даже говорить о сходных мотивах, тематических переключках, близости манеры построения образов.

Описывая деревню Маниловку в «Мертвых душах», Гоголь упоминает, что на подъезде к господскому дому, сиротливо стоявшему на бугре, «видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: "храм уединенного размышления"».

В журнале Корсакова есть статья «Горы», в которой Русский Пустынник рассказывает о том, как встречают масленицу в Петербурге, и о посещении с приятелем Крутоном одного дома, где был устроен детский праздник с ледяными горами и хозяина которого звали Решимов (Крутон и Решимов — вымышленные имена реальных людей):

⁶ Григорьев А. Оппозиция застоя: Черты из истории мракобесия // Время. 1861. Т.3. №5. С.15.

Решимов, ближний родственник *Крутона*, человек лет сорока; за отличную службу и раны в последнюю войну народов и Государей удостоился он получить отличную отставку: осыпанный почетными и денежными наградами великодушного своего Монарха, он возвратился в объятия семейства и родины, за которую пролитая кровь, как доброе семя, на доброй земле посеянное, принесло ему обильную жатву. — Необходимость воспитать четырех прелестных малюток сделала и его горожанином, несмотря на пример *Цинцинната*, которому он желал последовать. Семейственный долг его требовал жертвы, и он пожертвовал прихотью человека — обязанностям отца; купил себе в скромной части города сухой и теплый деревянный дом с довольно приятным садом. Это избавляет его от лишнего хлопот нанимать летом *втридорога* для детей какую-нибудь придорожную дачу, где вместо воздуха — дышут пылью. Когда мы с *Крутоном* вошли в сад, почтенный хозяин с старшим сыном своим занимался сбиванием снега с одного беседочного архитевра. Я полюбопытствовал узнать, что это за храмик, и прочел на нем следующую довольно крупную надпись: *мое уединение*. Внизу большой надписи были четыре стиха одного из наших *Марциалов*, выражавшие правила и характер почтенного хозяина. Вот они:

Места не много — мало друзей;
Много дел добрых — мало затей;
Вот наше счастье. Буде минет,
Совесьть спокойна, раскаянья нет!⁷

Сходство с маниловской беседкой очевидное. Когда выходил журнал «Русский Пустынник...», Гоголю было 8 лет. В семье Гоголей в Васильевке книг не было, но была отличная библиотека у их родственника *Д.П.Трощинского*. Человек просвещенный, он выписывал столичные газеты и журналы, и — по сохранившимся свидетельствам, — юный Гоголь, часто бывая в доме *Трощинского*, пропадал в его библиотеке. Гоголь мог познакомиться с журналом *Корсакова*, в котором много жанровых сцен и картинок, красочных и точных наблюдений над нравами современников, в том же 1817, мог читать журнал и позже, в *Нежине* или уже поселившись в *Петербурге*, и позаимствовать у *Русского Пустынника*, сознательно или бессознательно, приглянувшееся ему название для беседки *Манилова*.

Однако в случае с беседкой дело обстояло не так. Из сохранившихся свидетельств известно, что в *Васильевке*, имени Гоголей, рядом с домом был парк с аллеями и прудом, а на берегу пруда был устроен грот, куда отец Гоголя удалялся от прозы жизни

⁷ Русский Пустынник... 1817. Ч.1. № 5. С.113-114.

для одиноких мечтаний. Этот грот в семье Гоголей называли «храм уединения». Очевидно, что название грота и перекочевало на маниловскую беседку.

Но остается вопрос, как это название попало в Васильевку. Решимов, описанный Русским Пустынником, — герой войны 1812 года, заботливый отец, человек хозяйственный, положительный, достойный стать образцом для подражания. «Храмик» Решимова существенно дополняет его характеристику, свидетельствуя о здоровой гармонии натуры, сочетающей в себе суровость воина и земную основательность с влечением к уединенной мысли и поэзии.

Возможно, с легкой руки Русского Пустынника и его «положительного» героя Решимова, взятого за столичный образец, пошла мода, распространившаяся не только в России, но и в Малороссии, деревянные усадебные беседки, прежде называвшиеся «миловидами», именовать «храмами уединения», «храмами размышления» и снабжать их соответствующими надписями, а также стихами и древнеримскими изречениями. Для нас пышная претенциозность названия маниловской беседки служит косвенной характеристикой ее владельца, пребывающего в «именинах сердца». Для современников же Гоголя это была привычная деталь культурного усадебного ландшафта, может быть, с некоторым налетом провинциальной отсталости, консервирующей моду двадцатилетней давности.

В зарисовке «Чудаки» Русский Пустынный рассказывает об анекдотических людях, которых он встречал, — о чудаках от природы, делающих все невпопад и некстати, и о чудаках, ставших таковыми из желания быть не как все. Об одном из них, обозначенном инициалами О.П.Т., рассказано следующее:

Покойный О.П.Т., бывший соседом моего знакомого, может похвастаться чудачком совершенно противоположного рода: праздность, недостаток и неуместное желание прослыть необыкновенным человеком превратили его в шуты. — Он вообразил себя небольшим царьком своего имени: завел почетную гвардию из псарей, егерей и стрелянных; всем дворовым своим надавал имен, известных в провинциях и в столицах; по пробитии зари, на селе его производилась каждый вечер воинская переключка; почти каждый день выдавались письменные приказы, для слушания которых собирали старосты весь народ. Прошения от крестьян своих принимал он не иначе, как на бумаге и с платежом десятикопеечной пошлины в пользу бедных; для переписки их учреждена была у него в нижнем жилье дома особая контора и писарь. Обряд подачи сего рода прошений слишком был забавен, чтобы здесь не описать его. Перед спальнею О.П.Т. отделена была особая комната для приема прошений.

Хозяин называл ее своей *аудиенц-залой*. На дубовом столе сей залы лежал старинный Елисаветинский мундир, в котором хаживал О.П.Т. во время своей службы. Перед подачей прошения челобитчик должен был отвесить три поклона... мундиру! И все сии странности продолжались до самой смерти забавного О.П.Т.¹⁸

Читая эти строки, трудно не вспомнить полковника Кошкарева из «Мертвых душ». Бумажные забавы помещика, описанного Русским Пустынником, у гоголевского «чудака» Кошкарева, претерпев идеологическую эволюцию, приобрели размах и преобразовательный пафос. Подъезжая к деревне Кошкарева, Чичиков увидел «какие-то дома, вроде присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: *Депю земледельческих орудий*; На другом: *Главная счетная экспедиция*; далее: *Комитет сельских дел*; *Школа нормального просвещения поселян*». У Кошкарева было много и других «самонужнейших» контор, комиссий и департаментов, с которыми вынужден был познакомиться Чичиков, подавший письменное прошение о продаже ему мертвых душ и убедившийся в полной бестолковости кошкаревского делопроизводства.

В отличие от героя-помещика, обрисованного Русским Пустынником как явление вполне самобытное, слегка тронутое канцелярским духом отечественного же происхождения, Кошкарев возрос на закваске идей просвещенного европеизма. Он жалуется Чичикову, «как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляют человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих пор не мог заставить надеть корсет, тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано; что, однако же, несмотря на все упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или *Виргиллиевы Георгики*, или *Химическое исследование почв*». Если анекдотический помещик у Русского Пустынника забавлялся ради самоутверждения и самоуслаждения, то Кошкарев — мученик патриотической идеи: «Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой век настанет в России».

Полковник Кошкарев — не игра гоголевской фантазии, не «сочиненное» лицо. Один из его прототипов — «забавник», опи-

¹⁸ Русский Пустынный... 1817. Ч.2. №17. С.60-61.

санный Русским Пустынником, лицо вполне реальное. Может быть, не так важно, узнал ли Гоголь о прототипе своего героя из журнала Корсакова или из другого источника, подозревал ли Гоголь вообще о существовании этого диковинного помещика. Важнее то, что фантастическая российская жизнь порождает подобные типы, обгоняющие всякое воображение.

Размышляя об особенностях русского национального характера, Русский Пустынник приходит к мысли, что «русский народ похож на молодого человека, который еще не знает собственных сил своих и удивляется тому, что бы сам легко мог сделать»⁹. Эту мысль он иллюстрирует таким примером:

Послушайте Русского работника, только что вышедшего из лубочного спектакля, в котором Италианец танцевал на веревке. — «Ай, славно! Ну, Ванька, *этак-то* нам не *облегчиться, ведашь* ты, как Талианец; *ух!* мастер *комедь ломать*: так и кривляется на веревке!» — Он удивляется, — но не был ли он несколько раз на верху самой колокольни, ставя на нее крест? Не висел ли он на нескольких дощечках над непомерною вышиною? — Те, которые путешествовали по Германии и видели, как там строятся большие дома, уверяют, что по крайней мере пятая часть издержек, потребленных на постройку дома, выходит на подмости. Немец и вообще иностранный работник хочет производить работы свои безопасно: он хочет спокойно между работою (не страшась ничего) выпить стакан пива и выкурить свою трубку. Посмотрим на нашего мужика: он висит на веревках или на дощечке чetyрехэтажного дома; кусок черствого хлеба за пазухою, топор за кушаком и веселая песня за щекой — чего ему больше?¹⁰

Эта картинка живо напоминает Гоголя. Чичиков, получив от Собакевича список умерших крестьян, задумался над их судьбой: «Пробка Степан, *плотник, трезвости примерной /.../.* Где тебя прибрало? Взмостился ли ты для большого прибытку под церковный купол, а, может быть, и на крест потащился и, поскользнувшись оттуда с перекладины, шлепнулся оземь, и только какой-нибудь стоявший возле тебя дядя Михей, почесав рукою в затылке, промолвил: — Эх, Ваня, угораздило тебя! — а сам, подвязавшись веревкой, полез на твое место».

Невский проспект — еще один литературный перекресток, где Гоголь встречается с Русским Пустынником. Русский Пустынник обожает прогуливаться в одиночестве по Невскому проспекту, наблюдая нравы гуляющей толпы, коллекционируя типы и характеры. В статьях «Портретная галерея, или Пустын-

⁹ Русский Пустынник... 1817. Ч.2. №14. С.8.

¹⁰ Там же. С.9.

ник на набережной», «Святая неделя», «Качели» пестрая разнохарактерность демократического Петербурга представлена Русским Пустынником как неистощимый по увлекательности предмет наблюдения. Его интонации, его образность очень напоминают гоголевские — за двадцать лет до Гоголя:

Уже било 5 часов, когда я пришел на бульвар¹¹ /.../. Оригинальные лица поминутно встречались глазам моим: тут горбатый Римской нос соединялся с губою; здесь широкие брови служили триумфальными воротами чуть приметным глазам; часто правое плечо мое встречалось с плечом какого-нибудь усастого кавалериста; между тем как левое получало толчок смиренного отставного повытчика какой-то палаты, которого мундир был сшит еще при блаженной памяти Императрице Екатерине Алексеевне; несколько раз выворотив его, он еще не стыдился показываться в нем на бульваре. — Приятно посреди такого множества людей немного уединиться, и по лицу стараться угадывать характер и состояние людей. Например: этот молодой человек в хорошем фраке мог бы показаться не так искусному наблюдателю дворянчиком и что еще больше — *человеком большого света*; я с первого взгляду узнаю в нем купеческого сына, франта и оракула вкуса — между *сидельцами*. Эту молодинькую в голубом атласе и с большими перьями на голове красавицу можно бы легко почесть за благовоспитанную женщину, если бы не изменяли ей плутоватые взгляды, которые она бросала на прохожих, и лукавая усмешка, с которой она отвечала на приветствия молодого семинариста¹².

Обольщения Невского проспекта, его сказки, обманы и двусмысленности, перешедшие в «сновидения» художника Пискарева, подмечены Русским Пустынником и прикреплены к репутации Невского проспекта. В его исполнении роль наблюдателя Невского проспекта выглядит литературно заманчивой и многообещающей. Он умеет видеть необыкновенное в самом будничном, обыкновенном. Предмет его наблюдения нов, он только становится достоянием литературы, легенда о Невском проспекте находится в процессе творения. Корсаков-наблюдатель, стоящий у истоков легенды, идет наощупь, его голос «ломается», сбивается, он ищет верную интонацию. Он прокладывает дорогу идущему следом мастеру.

¹¹ До 1820 посреди Невского тянулась липовая аллея, и в то время его называли бульваром. Русский Пустынник приходит не к 2-3 часам дня, когда по Невскому гуляет аристократический Петербург, а к 5 часам, когда, как пишет Гоголь в «Невском проспекте», «сумерки падут на дома и улицы, и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь /.../ когда настанет то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет».

¹² Русский Пустынник... 1817. Ч.2. №14. С.7-8.

В.И.Мильдон
ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА
(К метабиографии В.С.Печерина)

*Я родился в стране отчаяния...*¹

Речь пойдет о Владимире Сергеевиче Печерине (1807-1885), русском, православного, а потом католического вероисповедания, профессоре Московского университета по кафедре латинской и греческой словесности, уехавшем из России в 1836 году и окончившем свои дни патером больничной церкви в Дублине, Ирландия.

О его жизни написано много, и прежде других он сам сделал это в «Замогильных записках». Отрывки появились в нашей печати уже со второй половины XIX столетия (самая первая публикация: Эпизод из петербургской жизни // Русский архив. 1870. №7). Целиком «Записки» Печерина изданы в 1932, а переизданы совсем недавно², в 1989, причем, несмотря на почти даровую цену (3 р. 70 к.), книга еще не распродана (пишу в июне 1992). У меня одно объяснение: книга и ее автор мало известны широкому читателю. А ведь «Замогильные записки» — образец русской автобиографической прозы, один из ее шедевров. Об авторе можно рассказать иначе, нельзя лучше.

«Жизнь Печерина» М.О.Гершензона — первая систематическая биография русского мыслителя, поэта, филолога, содержащая неординарные суждения и догадки о связях поэтического творчества Печерина с его жизнью. В 1940 в тогдашнем ИФЛИ (теперешний ИМЛИ) А.А.Сабуров защитил о Печерине кандидатскую диссертацию. Кроме того, Сабуров подготовил и опубликовал переписку Печерина с Герценым и Огаревым³ и статью «Из биографии Печерина»⁴. Э.А.Гиллер написал о Печерине роман, который не был издан, но о содержании его известно из посвященной роману статьи⁵.

¹ Из письма Печерина. Цит. по: Гершензон М.О. Жизнь Печерина. М., 1910. С.102.

² Русское общество 30-х гг. XIX в.: Мемуары современников. М., 1989.

³ Литературное наследство. М., 1955. Т.62.

⁴ Литературное наследство. М., 1941. Т.41-42.

⁵ Кулешов В.А. Судьба неизданного романа // Вопросы литературы. 1962. №12.

Печерин не обойден вниманием исследователей, эмигрантская судьба Печерина, его сложный духовный облик вызвали интерес у русской послереволюционной эмиграции⁶, но жизнь этого человека продолжает оставаться загадочной, и я рассчитываю отыскать в ней то, что не попало в предшествующие описания.

1

Его первый биограф заметил, что Печерин «хотя и ничего не сделал, зато много и глубоко жил»⁷. Отчего же *не сделал*, если *глубоко жил*? Такая жизнь и является делом. Вероятно, потому, что наша история, наше обыденное существование причудливо ценят жизнь не как таковую, в исключительной оригинальности каждого ее мгновения, а по так называемым результатам Печерин мало известен.

Между тем его жизнь представляет нечто невероятное даже в России, где невероятной судьбой трудно удивить. Печерин *сам сделал свою жизнь*.

Из духовной истории западного мира известно понятие *self-made man* — сделавший себя человек. В случае с Печериным нужно по аналогии ввести понятие *self-made life* — сделавшая себя жизнь. Ситуация, определяемая первым понятием, чаще встречается в нравственной культуре Запада, ее признаки видны в обеих «Этиках» Аристотеля⁸. Вторая ситуация характернее для России. На Западе, сколько в состоянии судить воображение, есть возможность создавать себя, не вмешиваясь в течение окружающей жизни или вмешиваясь минимально. Кропотливая работа над своим «я», возделывание доставшихся от природы качеств в условиях Запада позволяют индивидуальности спокойно существовать на фоне других. Духовная история США особенно богата такими индивидуальностями.

⁶ Изюмов А. Духовное возвращение В.С.Печерина на родину // Путь. 1933. №47.

⁷ Гершензон М.О. Жизнь Печерина. Указ. изд. С.11.

⁸ Хотя примеры не являются в данном случае сильным доводом (отыскиваются и контрпримеры), все же процитирую из «Никомаховой этики»: «Счастье — это некая *деятельность души*»; «Мы проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы *стать добродетельными*»; «Добродетель есть *сознательно избираемый склад (души)*»; «От нас зависит быть нам добрыми или порочными» (Аристотель. Соч.: В 4 тт. Т.4. М., 1983. С.74, 79, 87, 105. Курсив мой. — В.М.). Заметен упор на некую *личную* работу, необходимую, чтобы стать лучше, чем был. Этот мотив — сделать себя — стал одним из ведущих в нравственной культуре Запада.

В России бытие «на фоне» вряд ли осуществимо: фон (или среда) обладает силой, неизвестной Западу; фон (исторический, национальный, социальный — как ни назови) подчиняет всякого, пожелавшего остаться собою, не меняя среды. Чтобы «сделать себя», в России надо «сделать жизнь», что не удается — слишком устойчив перед любыми личными усилиями фон (среда), велика плотность однородного окружения, на Западе более разреженного и разнообразного: *делаю себя*, тем самым *живут*, человек и жизнь — естественные синонимы. В России сделать себя человеком не только не одно с жизнью, но едва ли не противоположное: чем больше ты человек, тем «меньше» живешь, ибо тем невыносимее твое существование. От этого и бегут: не к жизни, а от не-жизни.

Сопоставляя эти два типа бытия, И.В.Киреевский пронизательно заметил: «Особенность русского характера /.../ заключалась в том, что никакая личность в общежительных отношениях своих никогда не искала выставить свою самородную особенность как некое достоинство; но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением быть правильным выражением основного духа общества»⁹.

Вот эта необходимость для отдельной личности стать «выражением духа общества» делает затруднительным существование *self-made man*. Печерин определил эту особенность русской жизни как одну из причин, толкнувших его к побегу:

«Не осуждайте меня, но войдите, вдумайтесь, почувствуйте в мое положение!.. Молодой человек 18 лет, с дарованиями, с высокими стремлениями, с жаждою знаний /.../, один, без наставника, без книг, без образованного общества, без семейных радостей, без друзей и развлечений юности, без цели в жизни, без малейшей надежды в будущем!..

А вот вам и другая картина! В Англии, в Америке — молодой человек, преждевременно возмужалый под закалом свободы, уже занимает значительное место среди своих сограждан /.../ Все пути ему открыты: наука, искусство, промышленность, торговля, земледелие... — выбирай, что хочешь! нет преграды. Даже самый ленивый и бездарный юноша не может не развиваться, когда кипучая деятельность целого народа беспрестанно ему кричит: вперед! *go ahead!* Он начинает дровосеком в своей деревушке и оканчивает президентом в Вашингтоне! А я — в 18 лет едва-едва прозябал, как былинка, — кое-как пробивался из тьмы на божий свет;

⁹ Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 тт. Т.1. М., 1990. С.214.

но и тут, едва я подымал голову, меня ошеломливали русской дубиною»¹⁰.

Печерин убедился в том, что для реализации собственной жизни он вынужден иметь дело со средой, изменение которой не поддается его личным усилиям, пробиться сквозь нее можно, лишь обрывая тонкие нити, из которых сплетена его натура. Не желая отказываться от душевных стремлений ради приобретения веса в обществе, что потом якобы позволит вернуться к оставленным внутренним планам, он бежит на Запад.

Ценность индивидуальной жизни зависит от ее содержания, от того, насколько она человечна, т.е. насколько она дело человеческих рук, а не игралище случая. Наибольшую ценность приобретает жизнь, явившаяся итогом осознанных стремлений отдельной воли, усилий, предпринятых индивидом ради того, чтобы жить, как он хочет, — ради *своей* жизни.

Вот я и добрался до нужного слова: ценность жизни велика настолько, насколько эта жизнь *своя*, насколько она индивидуальна, т.е. неделима, по латинской этимологии, между массой остальных людей. Делится как раз то, что *не наше*, не сокровенное, не интимно-личное, чем обладает всякий. Это «всякий», общая и в силу этого не слишком человеческая «гуманитарность» превращает жизнь в унылое занятие (от которого бросаются очертя голову во что угодно, лишь бы *не быть*), бесконечно делимое между бесчисленными особями.

Печерина тянуло туда, где степень жизненности зависит от величины усилий по созданию собственной жизни. Он словно искал необходимую ему среду и, не найдя ее в России, перебирал с этой целью варианты, впоследствии открывшиеся ему на Западе. «Какая ни будет участь этих записок, но все-таки мне кажется, что они могли бы быть предметом любопытного психологического исследования. Они представляют явление самостоятельного *русского* развития, я говорю *русского*, потому что подобное развитие не возможно было бы ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии...»¹¹

2

В молодом Печерине не было ничего сверхобычного, чем бы он выделялся среди незаурядных однолеток: те же интересы, накал чувств, те же стремления. Впрочем, исключительная филоло-

¹⁰ Печерин В.С. Замогильные записки // Русское общество... (Далее — Записки). С.161.

¹¹ Там же. С.235.

гическая одаренность: из всех, правда, немногочисленных, выпускников филологического факультета Петербургского университета за 1831 год он один получил степень кандидата. И до и после подобные случаи бывали нередко, но в 1831 году он был единственным. Это чего-нибудь стоит, если представить, какая лингвистическая муштра бытовала в ту пору на факультете. Ее тяжело одолеть одной усидчивостью, нужен был живой интерес, горячее увлечение — этого было предостаточно у Печерина. Он мог бы стать одной из ярких звезд русской филологии, но так и не просиял на родном небосклоне: в филологии он не оставил ни трудов, кроме нескольких статей и переводов греческих поэтов, ни школы — он преподавал в Московском университете неполный 1835/36 учебный год.

Больше оснований считать его талантливым литератором: автобиография, стихи, до сих пор не собранные, поэма «Торжество смерти», неоконченная драма «Вольдемар», переводы Шиллера.

И все же его филологическое призвание несомненно. Среди одаренных русских людей той поры попадались и филологи, отнюдь не третьего разбора, например, К.С.Аксаков, тоже окончивший кандидатом словесное отделение, правда, Московского университета и тоже преуспевший в изучении греческих древностей. Как раз при сравнении с такими филологически талантливыми людьми выделяется одна особенность Печерина: филология была для него не профессией, а способом жизни; он *жил* как филолог — в словах, среди слов, и для него мироустройство определялось возможностями словоупотребления, ибо в слове он видел суть и человека, и самой жизни. Он легко усваивал европейские и восточные языки — ему всякое слово было родным, *природным*, любой язык *своим*.

Под некоторыми признаниями в его автобиографии могли бы подписаться многие люди круга его юности: «Я не могу не цитировать Шиллера — его стихи вошли у меня в сок и кровь, перевились с моими нервами: /.../ вся моя жизнь сложилась из стихов Шиллера...»¹²

Разумеется, «жизнь из стихов» должна быть «поэтической», хватило бы сил удержаться в поставленных границах. Печерин именно так стремился прожить свою жизнь, среди «стихов Шиллера», если не придавать этому буквального значения. «Я стал в прямой разрез с вещественною жизнью, меня окружавшею...»¹³

¹² Записки. С.157.

¹³ Там же. С.173.

— естественный логический вывод и одновременно точная характеристика «филологического существования», для которого мир слова реальнее мира «вещественного» и несоизмерим с ним по ценности.

В его жизни книги вообще играют исключительную роль, и он со страстью врожденного филолога придает значение жизненных ориентиров тому, что у другого человека служит лишь средством провести досуг, занять ум, но никак не побуждением к переворачиванию сложившегося обихода. «Какая славная колдунья и ворожея Жорж Занд! Могу сказать, что важнейшая эпоха моей жизни сложилась из страниц "Спиридона"...»¹⁴. И об этом же романе: «Некоторые книги лучше всякой ворожеи предвещают нам будущее»¹⁵.

В образе жизни и мысли Печерина студенческих лет немало черт, свойственных людям его поколения, — Герцену, Боткину, Огареву. Описывая в «Былом и думах» московскую университетскую жизнь, Герцен передает атмосферу, сходную с той, которая окружала и Печерина. С оговорками можно признать, что Александр Адуев («Обыкновенная история» Гончарова) представляет собой тип молодого человека, черты которого различимы и в Печерине. Адуев вполне мог либо учиться с ним в Петербургском университете, либо слушать его лекции в Московском. Гончаровский герой тоже обладал филологическими задатками, с Печериным его роднит чуть ли не обязательное в ту пору увлечение Шиллером и сочинение собственных стихов. Разница между ними в том, что происшедшее с Адуевым, начавшись поэтическим беспамятством над строками немецкого поэта, окончилось, как обыкновенная русская история, история же Печерина со всех сторон необыкновенна.

В нем до болезненности (он сам это сознавал) было развито представление о собственном высшем призвании, доходившее в иные минуты до мысли о мессианском предназначении. Оно воображалось едва ли не как руководство человечеством на пути к счастливой доле. «Несмотря на разнообразие событий, *одна идея* господствует над всем — это непобедимая вера в ту силу, которая вызвала меня на Запад и теперь *ведет путем незримым* к какой-то высокой цели, где все разрешится, все уяснится и все увенчается»¹⁶.

Спустя примерно тридцать лет в рассуждениях студента Раскольникова отразится мессианство Печерина, хотя Достоевский

¹⁴ Записки. С.237.

¹⁵ Там же. С.232.

¹⁶ Там же. С.149.

не имел его в виду в качестве прототипа. Эту связь можно объяснить не одною молодостью, сплошь и рядом склонной к высоким самооценкам, но «общим воздухом», которым дышали одаренные русские люди: время не играло почти никакой роли в составе этого воздуха, социальная экология всегда была одною и той же.

Сопоставление Печерина с персонажами художественной литературы оправдано тем, что он был вместе и творцом, и героем романа своей жизни. Он и к судьбе своей относился филологически — как к слову, которое надо *прочесть*. Филологические занятия не однажды грезились ему идеалом существования. Печерин вспоминал, как еще студентом работал над переводом старой греческой рукописи:

«Сколько я над нею промечтал! Я воображал себе бедного византийского монаха в черной рясе — с каким усердием он выполировал и разграфил этот пергамент! С какой любовью он рисует эти строки и буквы! А между тем вокруг него кипит бестолковая жизнь Византии. Доносчики и шпионы снуют взад и вперед; разыгрываются всевозможные козни и интриги придворных евнухов, генералов и иерархов; народ, за неимением лучшего упражнения, тешится на ристалищах, а он, труженик, сидит да пишет... ”Вот, — думал я, — вот единственное убежище от деспотизма! запереться в какой-нибудь келье, да и разбирать старые рукописи“»¹⁷.

Не мне пришла в голову мысль сравнивать автора «Замогильных записок» с персонажами художественного вымысла. Он сам подсказал это сравнение: «Один мудрец из Латинского квартала в Париже, взглянувши на меня, сказал: *Voilà le juif errant!* (Вот Вечный жид!) Это доказывает, что у французов мозг еще не совсем размягчился и что они еще способны иногда угадывать правду»¹⁸.

Этот *juif errant* — всего-навсего разновидность того всемирного литературного персонажа, которого традиция именует трикстером.

Рассказывая о своей жизни, Печерин записывает:

«Я был также и актером. Я разыгрывал всевозможные роли. Я был подканцеляристом Временной Комиссии для решения счетов и счетных дел прежнего времени у Синего моста и был посажен под арест за нерадение к службе — кутил с гвардейскими подпрапорщиками, потом вдруг перебрался на 5 этаж в Гороховой улице и жил там бедным студентом, пустынноиком, был членом Профессорского института и почти профессором Московского

¹⁷ Записки. С.164-165.

¹⁸ Там же. С.181.

университета, бродил бесприютным нищим по Франции, предс-вал ваксу на улицах Лютиха (Liège) в Бельгии, был секретарем у английского капитана /.../, наконец, я был республиканцем школы Ламенне, коммунистом, сен-симонистом, миссионером-проповедником...»¹⁹

Неприкаянность, противостоящая налаженному быту среды, в которой обитает герой, типична для трикстера. Он ни на чем не может остановиться, о его жизни нельзя сказать, удастся она или нет, она — постоянный риск, игра с судьбой, где шансы на удачу и неудачу равны. «Суть поведения трикстера /.../ в том, что оно всегда *иное* по сравнению с поведением других людей (или персонажей), определяемых матрицей поведения коллектива или его отдельных членов, исповедующих логику здравого смысла»²⁰.

Иное поведение и не дает нигде места трикстеру, потому что проблема, выражаемая им, не имеет решения. Трикстер воплощает извечное стремление вырваться из-под власти косных (фатальных) сил, с которыми он постоянно вступает в борьбу-игру, в отличие от других людей-персонажей, принявших мир как данность. Вся мифология об этом, каждая на свой лад, и, признав это стремление человеческим, должно признать мифологию вечным содержанием сознания, исторически лишь меняющим свои одежды.

Трикстер ищет свое место там, где его не может быть, и он, похоже, догадывается об этом — отсюда его бесконечные эксперименты, приключения, превращения, изменения облика в надежде прийти к месту, которого, однако, он не изменяет, не преобразует и даже не претендует на это. В противном случае он должен стать божеством, определяющим порядок мира, а это сейчас же выводит трикстера за пределы человеческих отношений, где его фигура получает свой истинный смысл в качестве их разрушителя.

Единственное место, где трикстеру по себе, — *другой* мир, но всегда, постоянно другой по отношению к тому, в котором трикстер находится во всякий настоящий момент. Реальность этого вечно другого, по существу никогда не реального мира значима и реальна не меньше действительной жизни, а то и больше. Недаром Печерин писал: «За небесные мечтанья / Я земную жизнь отдам».

Кое-какие мотивы своего бегства на Запад он изложил в письме графу С.Г.Строганову, попечителю Московского учебного

¹⁹ Записки. С.149.

²⁰ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С.58.

округа: «Вы призвали меня в Москву /.../ Ах, граф, сколько зла Вы мне сделали, сами того не желая! Когда я увидел эту грубо животную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без Бога, живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные, — этих людей, на челе которых напрасно было бы искать отпечатка их Создателя, — когда я увидел все это, я погиб!»²¹

Описано самочувствие трикстера: в этом мире он погиб, скорее в другой, неведомый, лишь бы не этот. В таком ощущении коренились причины, объясняющие (хотя не до конца ясные самому Печерину), почему и на Западе, до и после принятия католицизма, ему было не по себе, пока он не вжился в собственную жизнь и не понял, что она такое. Все перемены его положения — от продавца гуталина до реальной возможности занять высокую ступень в католической иерархии — напоминали один за другим сбрасываемые покровы, за которыми находилась его, Печерина, неизменная суть, до уяснения какой он в конце концов добрался. Но это было впереди, много лет спустя после бегства, до бегства же все было иначе.

Им настолько владело чувство безбожественности существования здесь, что это ощущается даже в отвлеченных от текущей жизни строках, выходявших из-под его пера. Например, он пишет для энциклопедического словаря Плюшара статью «Археология», в которой есть слова об особой прелести исследования древностей, ибо «на каждом шагу мы встречаем то, что всего более нас занимает, — человека /.../ Это — похвальная гордость ума /.../, который хочет воссоздать свои собственные летописи и доказать, что он /.../ верен себе самому и *божеству, положившему на него печать своего величия*»²². Этого божества он не видел в окружающем и чувствовал, что в нем самом оно замирает: «...Я услышал голос моего Бога, тот строгий, грозный голос, который потряс все струны моего сердца. Этот голос прокричал мне: ”Что ты тут делаешь? Здесь нет будущности! Встань! Покинь страну своих отцев!“ /.../ Я услышал этот голос и решил»²³.

3

Еще студентом до своего бегства из России, Печерин путешествовал по Европе. Путешествие перевернуло его жизнь, хотя не следует преувеличивать его роли: не будь душа готова, пу-

²¹ Записки. С.172-173.

²² Гершензон М.О. Жизнь Печерина. Указ. изд. С.123. (Курсив мой. — В.М.).

²³ Записки. С.173.

тешество оказалось бы прогулкой. Правда, не нужно и приуменьшать европейских впечатлений: они повлияли на решение покинуть Россию, оказались комментарием к этому решению, исподволь зреющему в уме Печерина. Он подышал свободным воздухом, но уехал не на Запад, а бежал из России. Впрочем, эта подробность выяснилась потом, но ею можно объяснить, отчего при всем благоустройстве западной жизни Печерина впоследствии тянуло на родину.

Стоя как-то возле рейнского водопада (во время упомянутого путешествия по Европе), совсем еще молодой филолог-эллинист пережил настроения, которыми поделился в дружеском письме:

«Я нарочно наклонял голову через перила, чтобы прохладные брызги били мне прямо в глаза /.../ Вы спросите меня: о чем я думал в эту минуту? — Я думал: какое наслаждение умереть в водах рейнского водопада!»²⁴

Броситься туда, исчезнуть — не обмолвка или романтическая метафора, а испытанное, поэтически пережитое состояние. После рейнского водопада Печерин сочиняет поэму-мистерию «Торжество смерти» (1833). Смерть воображается ему творческой силой, а разрушение сложившихся форм существования — религиозных, культурных, социальных, индивидуальных — наилучшим способом созидания. Поэма, бесспорно, сильнейшее творение Печерина-поэта и не затерялась в нашей поэзии. Но сейчас речь не о ее историко-литературном месте, а о том, как жизнь автора отразилась в его стихах. Он и сам так относился к поэме: «Это /.../ не литературное произведение, а бюллетень о состоянии моего здоровья»²⁵.

Есть основания допускать, что у Печерина почти не было дистанции между переживаниями жизни и стихотворной строкой. Его жизнь в значительной степени была поэтическим творением, он создавал ее, как поэт поэтическую вещь — с той сознательной волей к творчеству и с непредвиденностью результатов, каковые самым неожиданным образом определяют художественный уровень и поэтического творения и, как в случае Печерина, жизни автора.

В поэме много от настроений русской молодежи конца 1820-х — начала 1830-х, общеромантических порывов, многие из коих заканчивались «обыкновенной историей». С Печериным, повторяю, этого не произошло, хотя его намерения изменить мир так

²⁴ Гершензон М.О. Жизнь Печерина. Указ. изд. С.53.

²⁵ Там же. С.95.

и остались на бумаге. Поэма «Торжество смерти» свидетельствует о том, что в уме Печерина мерцали идеи социального реформаторства — преобразования мира, но они не приняли той определенности, за которой неизбежно следуют действия. Я приписываю это исключительно его филологическим привязанностям.

Русские люди разных профессий (бывали среди них и с поэтическими задатками) втягивались в бездну радикального общественного переустройства, однако среди них как будто отсутствуют филологи. Есть в этом занятии нечто противящееся осознанному вмешательству в наличный порядок. Чем профессиональнее филолог, тем он дальше от того, что именуется практической деятельностью, притом вовсе не обязательно, что он «не от мира сего». Нередко обратное: он очень «от сего мира» и потому-то не дерзает вмешиваться в его устройство. Профессия приучила к постоянной критике своих и чужих доводов, к пестованию вариантов и различий, осмотренности, диктующей не смешивать коренные причины с ближайшими и второстепенными. Как раз ближайшие и есть второстепенные, ибо сиюминутные поступки человека всегда спутаны с обстоятельствами далекими и часто им самим позабытыми. Примерно так же, как в современном языке/слове звучит голос незапамятных предков, и филолог — через слово — имеет дело с человеком, даже если не отдает себе в этом отчета. Хороший филолог и к людям невольно относится, как к словам, — не вмешивается в их бытие, а хочет понять, объяснить, учитывая все «разночтения».

Если допустить, что идеалом, к которому устремлено социальное реформаторство, является Царство Божье, то для филологии такой идеал — Слово Божье. Его тайну она силится постичь, отличаясь от реформаторства, строящего Царство и тем самым признающего негодность действующих отношений. Такое строительство требует абсолютной убежденности в собственных доводах, тогда как убеждение филолога скорее в сомнении, вечных вопросах, неумолкающей самокритике.

Пожалуй, наиболее отчетливо идеологию социального реформаторства в нашей литературе выразил тургеневский Базаров. Он не сомневался, что у окружающего мира одна судьба — быть разрушенным. Печально-пророческим для нашей истории образом реформаторство соединяется в уме Базарова с наипримитивнейшим представлением о человеке: «Мы те же лягушки, только что на ногах ходим»; «Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что деревья в лесу»; «Исправьте общество, и болезней не будет». Подобные взгляды естественны для реформатора, иначе нельзя верить в переделку мира.

Иван Карамазов по-своему развивает идеи Базарова: «Я не Бога не принимаю, я мира Божьего не принимаю». Мир должен быть изменен, переделан, особенно ради всеобщего блага. Эти настроения и были свойственны части образованных русских, и Печерин задолго до названных персонажей высказал несогласие с устройством мира. В «Торжестве смерти» есть строки:

И к Богу кричит: «Я не хуже Тебя!
И мир перестрою по-своему я!»²⁶

Реформаторский дух поэмы родственен идеологии Базарова, Шигалева и Петра Верховенского, отчасти Ивана Карамазова. Не исключено, что именно эту духовную близость усмотрел в поэме Печерина «Торжество смерти» Достоевский, включивший прозаический пересказ поэмы в роман «Бесы» как сочинение С.Т.Верховенского, отца одного из главных «бесов».

Сопоставляя роман и поэму, предполагаю, что Печерин переборол «бесовство» социального реформаторства, и важную роль в этом сыграла филология. Она спасла его от базаровщины и шигалевщины, от страсти к изменению Божьего мира. У Печерина был такой импульс. Убедившись в невозможности реализовать его в России, он уехал на Запад — вторая серьезная причина его бегства, если считать первой открывшуюся ему безбожественность отечественного житья-бытья. Впрочем, обе причины как бы взаимообратимы.

В одной из интермедий поэмы — «Песне о графине Турн» — Печерин дает сноску, коротко излагая житейскую историю, послужившую поводом к стихам²⁷. Но в интермедии есть строки, выходящие за пределы бытового эпизода:

Все препоны побеждает
Всемогущая любовь!
А когда в бореньях с миром
Ей победа изменит,
Как Колумб, она из мира
Обветшало летит
И под грозным ураганом,
Смелый пробивая след,
*За могильным океаном
Новый открывает свет*²⁸.

²⁶ Гершензон М.О. Жизнь Печерина. Указ. изд. С.75.

²⁷ Там же. С.79.

²⁸ Там же. С.80. Спустя десять лет близкое настроение и почти теми же словами высказал Ф.И.Тютчев в стихотворении «Колумб»:

Ты завесу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, неожиданный,

Выделенное мною курсивом — формула того, что происходило с Печериным, открывшим, как он думал, свет за могильным океаном — так он воспринимал тогда свое отечество.

Наконец, появляется сама Смерть со словами:

Обновляйся, лик природы!
Ветхий мир, пади во прах!
Вспряньте, юные народы,
В свежих вольности венках!

Еще раз оговариваю метафору смерти: она — образ обновления, благодетельный кризис. Не прошедший через нее мир обречен. Она — тот «могильный океан», за которым восходит «новый свет». Нужно броситься в него, как Печерин хотел броситься в рейнский водопад. Смерть, по Печерину, торжествует ради жизни, смерть для него есть жизнь. Умереть, чтобы воскреснуть и жить заново, — такой хотел видеть Печерин судьбу России. Когда ж нашел, что умереть она умирает, но не увидел надежды на ее воскресение, он бежал в другую жизнь.

Жизнь на Западе, куда он рвался, надеясь осуществить свое избранничество, видевшееся ему в спасении человечества, быстро охладила его реформаторский жар. Сравнивая то, что бросил дома, с тем, что обрел в Европе, Печерин начал ощущать, что для его мессианизма разница не так уж велика: в России он невозможен, в Европе никому не нужен. Тогда-то он и мог догадаться, что из ниоткуда прибежал в никуда, и вот тут-то, как я думаю, был спасен от отчаяния своей филологичностью, подсказавшей ему: мессианизм — не дело человека, социальным реформаторством материального мира не спасти, он изначально обречен и не подлежит спасению; если что-то дает человеку надежду в этом обреченном мире, то это работа над нематериальными сущностями, идеальным выражением которых для Печерина было слово. Именно на Западе Печерин убеждается в справедливости шил-

Из беспредельности туманной
На Божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...

Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

леровских строк: «Веселье живет лишь / В Зевеса чертоге»²⁹. Сей чертог и есть Царствие небесное, достижимое средствами слова, оно не только невозможно в качестве социальной программы, но будучи превращенным в таковую, становится своей противоположностью — мраком, тьмой, непреображающей смертью.

Печерин так оценил однажды вечную ситуацию человека: «На кого тут жаловаться? Тут никто не виноват. Тут просто исполняется вечный и непреложный закон природы... Никому нет привилегий. Попал под закон — ну так и неси последствия. Этот закон географической широты. Жалоба моя так же основательна, как если б какая-нибудь русская елка или березка, выросшая под архангельским небом, вздумала плакаться на то, зачем-де она не родилась пальмою или померанцевым деревом под небом Сицилии!»³⁰

Правда, имелась в виду Россия, но и европейский опыт подходил в качестве иллюстрации — речь шла о жизни человека вне социальных либо национальных форм. Политические катакомбы отечества были для Печерина только внешним подтверждением тотальной внутренней непригодности мира, а посему все равно, где жить. Выбор не между тем, где жить: в Англии, в России, а между жить и не жить. Печерин бежал не от николаевского режима — это бы еще полбеды, он бежал из русской истории. Когда же пожил на Западе, то, пусть и не сразу, но понял, что уж если бежать, то не из одного места в другое, а из истории как таковой.

Национальное бытие в его поэтических прозрениях вырастало до образа всемирного несчастья — вероятно, такой смысл имеют юношеские строки: «И в разрушении отчизны видеть / Всемирного денницу возрожденья!»³¹ Один из драматических персонажей Печерина произносит: «Есть... в каждом человеке невидимый Бог его индивидуальности /.../ Что если он покинет меня?..»³² Печерин боялся потерять то, без чего только и можно, полагал он, существовать в России, — индивидуальное содержание. «Я» в его словаре — здоровье, «мы» — болезнь, едва ли не смертельная, если затягивается, а впрочем, хуже болезни, горше смерти. Это как бы вечная смерть без умирания, имя ей — посредственность: бытие не по-себе-я, а по-среде-мы. «Я родился в стра-

²⁹ Перевод Печерина // Бобров Е. Литература и просвещение в России XIX в. Т.1. Казань, 1901. С.119.

³⁰ Записки. С.162.

³¹ Там же. С.161.

³² Гершензон М.О. Жизнь Печерина. Указ. изд. С.101

не отчаяния». Заточением «я» в «мы» вызвано отчаяние Печерина. «Что значит отечество в наш образованный век? Мы вырвались из цепей природы!.. Глыба земли... неужели это отечество? Нет, мое отечество там, где живет моя мысль, моя вера /.../ Христос велит нам оставить отца, мать, братьев — для чего?.. для одного слова! для одной святой мысли!»³³

Трудно удержаться и не отождествить самого автора с его персонажем, кстати, тоже Владимиром, чьи слова приведены выше. Сознанию Печерина родина представлялась миром неочеловеченной природы, *землей* в ее изначально-органическом смысле. От этой земли бежал Печерин — из неодоушевленного, неодухотворенного бытия. Упомянувшееся его письмо графу Строганову с изложением причин бегства заканчивается так: «Примите это... как завещание *умирающего*, ибо я *умираю* для всего, что когда-то было мне дорого»³⁴.

После этих строк название его автобиографии — «Замогильные записки» — не требует разбирательства: откуда же еще может писать умерший? Но тогда и Запад, где эти «Записки» появились, получает неожиданный для Печерина смысл «могилы», разве что кладбище больше ухожено.

Отваживаюсь на догадку: возможно, соображениями, роившимися поблизости от только что высказанных, объясняется переход Печерина в католичество и уход в монастырь — не как хорошо обдуманый и расчетливо подготовленный шаг, но как продолжение бегства, на сей раз от жизни Запада. Вот объяснение самого Печерина: «Определенно ясного ничего не было у меня в голове /.../ Я искал новых ощущений, новых приключений, мне надоела однообразная жизнь...»³⁵

Герцен так оценил печеринский переход в католичество: «Когда веревка, на которой он был привязан, порвалась и судьба его /.../ попала в его собственные руки, он не знал, что делать, не умел с ней управиться, и, сорвавшись с орбиты, без цели и без границ, упал в иезуитский монастырь»³⁶.

Герцен заметил случайность печеринского бегства из православия в католицизм и на этой случайности построил характеристику Печерина. Однако оба объяснения не передают, мне кажется, истинных мотивов. Позднее сам Печерин высказался более определенно: «Католицизм на втором плане, он был не

³³ Гершензон М.О. Жизнь Печерина. Указ. изд. С.101.

³⁴ Записки. С.174.

³⁵ Там же. С.241.

³⁶ Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1947. Ч.7. Гл.LXX. С.768.

целью, а средством, а главной целью была поэтическая пустыня!»³⁷

В одном из писем своему постоянному корреспонденту в России, другу молодости Ф.В.Чижову, он сообщает: «Верь мне, друг, в звуках органа, сопровождаемых церковным песнопением, в дыме ладана, поднимающемся к небу сквозь солнечной луч, в любой иконе Богоматери больше истины, больше философии и поэзии, чем во всем этом хламе политических, философских и литературных систем...»³⁸

Вот, оказывается, куда хотелось бежать — в истину, философию и поэзию, а не на Запад, не в католичество. Но в таком случае, может быть, не стоило ударяться в бега — «пустыня» всегда с тобой, и не «пустынее» ли в России, чем на Западе? Так или иначе, но чтобы осознать это, Печерину потребовалось все-таки убежать из России, пожить на чужбине и только после этого прийти к мысли о том, что перемена места ничего не решает. Печерин не повторит ошибки и не возвратится домой, даже получив надежду на это после воцарения Александра II: какой, в самом деле, смысл бегать из ниоткуда в никуда? Он лишь бросит монастырь и уйдет простым капелланом в дублинскую больницу.

Все это произойдет позднее, в шестидесятые годы. А в начале сороковых Печерин еще радуется новой жизни, в особенности, когда в 1845 году попадает в Англию и становится проповедником в монастыре Фальмута (Корнуэл). Случаем дознавшись о его местопребывании, правительство Николая I требует его возвращения, и с этим требованием к Печерину приехал русский генеральный консул в Англии. Но Печерин отказался наотрез, после чего Сенат, согласно принятой в ту пору формуле, лишает беглеца всех прав состояния и считает изгнанным из отечества. В 1851 году руководство ордена редемптористов, к которому принадлежал Печерин, посылает его в Ирландию, подальше от континента, чтобы, как пишет сам Печерин, обезопасить его от длинных рук николаевского правительства, и там он, по уверениям его ирландских собратьев, становится «величайшим ирландским проповедником». Слушать его английский язык было счастьем, прибавляют они³⁹.

Проповеди Печерина — особый жанр его поэтического творчества. «Я никогда не писал своих речей, а всегда импровизиро-

³⁷ Записки. С.303.

³⁸ Гершензон М.О. Жизнь Печерина. Указ. изд. С.150.

³⁹ Там же. С.167.

вал под вдохновением минуты...»⁴⁰ Вдохновение и было тем, что собирало на его проповеди толпы и снискало ему известность как среди прихожан, так и среди католического официоза. Последовало приглашение в лондонскую церковь св. Георгия, и здесь его проповеди стенографировались⁴¹.

Эффект проповедей усиливала широкая молва о его безукоризненном личном поведении, которое признавалось чуть ли не образцом святости. Скорее всего, это позволило Печерину оправдаться во внезапно грянувшем над ним судебном процессе: его обвинили в преднамеренно-оскорбительном для религиозных чувств ирландских протестантов сожжении Библии.

Суд установил, что отец Печерин, обладавший ярким красноречием, сумел внушить прихожанам-католикам презрение к низкопробной массовой литературе, переполнившей книжный рынок страны, и предложил сжечь это не достойное христиан чтение прямо во дворе церкви, что и было исполнено. Нашлись люди, заявившие, что видели, как в костре полыхали экземпляры протестантских молитвенников. По Ирландии прокатилась шумная кампания, подогреваемая давней враждой католиков и протестантов. В конце 1855 года в Дублине состоялся процесс. Свидетели разошлись в показаниях, однако судебное разбирательство, в ходе которого Печерин не произнес ни одного слова, выяснило, что патер Печерин не мог злоумышлять против другого вероисповедания, он известен не только святостью личного обихода, но абсолютной конфессиональной терпимостью. Суд присяжных вынес решение: не виновен, и популярность Печерина в Ирландии необыкновенно выросла.

В апреле 1853 года на свидание с Печериным в Лондон приехал Герцен, между ними установилась переписка. Среди возражений Печерина Герцену по поводу будущности Европы и России любопытно одно: Россия, утверждал он, рано или поздно сделается мировым центром материального могущества, и для ее поданных наступит земной рай⁴². Однако Печерин прибавляет: «Но мы, верующие в бессмертную душу и в будущий мир, какое нам дело до этой цивилизации?»⁴³ Какой бы она ни была *здесь* — в России ли, на Западе — она безразлична Печерину, его вере в бессмертную душу, в тайну Божьего Слова. Но ему была безразлична Россия, сердцем его тянуло на родину.

⁴⁰ Записки. С.284.

⁴¹ The catholic palpit. Ed. by E.Robillard... Vol.1. London, 1849.

⁴² Бобров Е. Литература и просвещение... Указ. изд. Т.1. С.160.

⁴³ Там же.

Может быть, это вообще национальная черта, некая историческая эндемия — проклинать отечество, а потом разрывать сердце в разлуке с ним. Возвратившись же, найти предостаточно поводов к новым проклятиям. «От России я никак отделаться не могу. Я принадлежу ей самой сущностью моего бытия, я принадлежу ей моим человеческим значением /.../ Я нимало не забочусь о том, будет ли помнить меня кто-нибудь здесь, когда я умру; но Россия другое дело. Ах! Как бы мне хотелось, как бы мне хотелось оставить по себе хоть какую-нибудь память на земле русской! Хоть одну печатную страницу, заявляющую о существовании некоего Владимира Сергеева Печерина. Эта печатная страница была бы надгробным камнем, гласящим: здесь лежит ум и сердце В.Печерина»⁴⁴.

Он бежал из этой земли, проклиная ее. Согласно последней воле Печерина, его похоронили в Дублине. Но как понятно это «филологическое» желание — вернуться на родину, воплотившись в слово, в печатную страницу, в книгу. Мечта Печерина исполнилась, «Замогильными записками» он оставил по себе память.

⁴⁴ Записки. С.311.

А.И.Рейтблат
ВИТЯЗИ ТОЛКУЧЕГО РЫНКА
К истории низовой словесности

В истории русской книжной культуры первой половины XIX века культура «средних» слоев (мелкое и среднее чиновничество, мелкопоместное провинциальное дворянство, купечество, мещане) мало известна и практически не изучена. У историков литературы в центре внимания обычно находятся Пушкин, Гоголь, декабристы, славянофилы, западники и т.д. — то есть представители дворянской культуры. Менее интенсивно, но все же изучаются и пути, по которым доходили до читателя тексты этих литераторов (журналы и газеты, деятельность таких издателей, как А.Ф.Смирдин, и т.п.).

Однако в те же годы существовала и иная литература. Целый ряд издателей выпускал и распространял книги для средних социальных слоев и низовой читательской аудитории. Особенно процветало подобное книгоиздание в Москве. В.Г.Белинский, назвавший деятелей низового книгоиздания «витязями толкучего рынка», в 1839 с присущей ему наблюдательностью дал следующую характеристику этому слою словесности: «В Москве образовался особенный род литературы, особенный литературный мир. Эта литература ходит во фризовой шинели, редко бреет бороду, умывается и причесывается разве по торжественным праздникам /.../ ее поприще и круг действия — толкучий рынок /.../ ее посредники — ходебщики; ее публика — сидельцы *авоцных* лавок и вообще люди, для которых все печатное должно быть хорошо. /.../ Не все же могут читать Вальтера Скотта и Купера: есть люди, которым нужны и "Милорд английский" и "Гуак, или Непобедимая верность" и "Филатки с Мирошками". Ведь им надо же что-нибудь читать, а кто читает что-нибудь, уже гораздо выше того, кто ничего не читает. Чтение должно быть по плечу чтецу, и в чтении должна быть своя постепенность, свой ход, свое развитие...»¹. Такие книготорговцы-издатели, как В.В.Логинов, Ф.М.Исаев, С.А.Харитонов, А.С.Ширяев и др., ежегодно выпускали десятки книг, которые развозили по ярмаркам и распространяли разносчики-офени почти по всей Руси.

Существовал целый круг литераторов, кормившихся вокруг таких книгоиздателей и поставлявших разнообразный по жанрам и разнородный по уровню книжный материал. Среди них наиболее популярными и плодовитыми были И.Ваненко (И.И.Башмаков), М.И.Воскресенский, И.Н.Глухарев, И.Г.Гурьянов, Н.И.Зряхов, И.З.Крылов, Ф.С.Кузмичев, С.М.Любецкий, А.А.Орлов, А.А.Павлов, А.И.Чуровский. Как правило,

¹ Белинский В.Г. Полн.собр.соч.: В 9 тт. Т.3. М., 1953. С.82-83.

это были выходцы из купеческой, мещанской и крестьянской среды, некоторые — из обедневших дворян.

Фактографический материал об этом слое литературы чрезвычайно мал, исследовательские работы о нем почти отсутствуют (одно из немногих исключений — исследование П.Н.Сакулина)². В предлагаемую подборку материалов о низовой московской литературе первой половины XIX в. включены публикации из газет «Северная пчела» и «Молва», посвященные этому «особенному литературному миру», а также имеющие документальную ценность рассказы о нем самих низовых литераторов, хорошо знавших быт и нравы этой среды.

Ф.Кони

КОЕ-ЧТО О МОСКВЕ¹

Всех *читателей* в Москве можно разделить на три разряда: высший круг читает по-французски или ничего не читает (по большей части), и слава Богу! Русская литература от этого теряет очень мало. Университетское поколение читает только книги дельные. Класс простолюдинов хочет читать; не зная языков иностранных, чуждый образования университетского, он хватается за все: попадись ему в руки статья Наблюдателя² в московских газетах или роман Кузмичева³, стихи Полежаева⁴ или «Еруслан»⁵, с русскими политипажами, для него все равно, лишь бы читать, да чтоб было *дешево*, да *сердито* /.../.

[На толкучем рынке за Никольскими воротами. — А.Р.] есть свое просвещение, своя литература /.../ свои философы, поэты, риторы, повествователи /.../. Они не отделились от своего круга наружными формами: тот же картуз без козырька, тот же фризовый хитон, те же сквозные сапоги, превращенные временем в сандалии. Это изгнанники семинарий, выкидыши университетов, заброшенные академий⁶, страдальцы за излишне опозтизированной организацию души: за пьянство, буянство, ночное шатание, сбрасывание будок с места и другие сильные порывы энергических страстей. Они живут в своем, *особенном*, творческом мире и если не создают, так подражают другим, сообразно с потребностями своего круга. Они посредники, так сказать, между высшими представителями нашей литературы и низшим классом читателей. Они создали особенную книжную *производимость*,

² Сакулин П.Н. Русская литература, Часть II. М., 1929. С.28-41, 163-201.

нашли издателей и насущный хлеб в мелочной литературной промышленности. Они горды самобытною своею деятельностью на попреше образования и, чувствуя свое преимущество над кругом своих читателей, не променяют своего рубища ни на какой доходный промысел столичной жизни, не отдадут своего тяжкого, мучительного напряжения за самый легкий механический труд. Разберем их подробнее. Во-первых, что составляет предмет их творений? *Простонародный быт* доброго, умного русского народа; *уличные характеры*, в которых часто выражается вся умственная жизнь целого класса людей; *исторические предания*, сохранившиеся в памяти народной, с пополнениями из Русской истории⁷, часто искажаемой этими авторами, но все-таки интересной для народа по родному, близкому к сердцу содержанию. Кто их читатели? Третий слой московской публики и все внутреннее провинции России. Сочинения их доступны тому классу людей, для которых писаны; они снимки с его подлинной жизни, близки к его понятиям; они ему по плечу, и, кроме того, он находит в них сведения об отчизне, которых еще не имел. Польза труда их очевидна. Что сочинения их раскупаются и читаются, это доказывает, во-первых, их плодovitость, а во-вторых, издатели их творений; большая часть из них, отучнев, разбогатеv, переселилась уже /.../ [с рынка. — *А.Р.*] в средоточие Москвы, в богатые лавки, блестящие позолотой и переплетами. А поезжайте в отдаленные губернии: вы увидите, как мужичок*, навьюченный мешками этих книг, в степную глушь России заносит просвещение Московских Афин [т.е. толкучего рынка. — *А.Р.*] /.../. «Дай мне чего-нибудь историчного, да нет ли этакой критики какой-нибудь?» — говорит степной барин, и ходебщик подает ему «Таньку Ростокинскую, или Притон под Москвою»⁸, «Хлыновских степняков» и «Непоколебимую дружбу Чухломских жителей»⁹. «Одолжи-ка *романца*, да чтоб был не столько краток, как чувствителен», — говорит уездная барышня, и ей подают: «Фетинову в новом вкусе»¹⁰, «Французскую беглянку Мадам Фенно, с Кузнецкого моста»¹¹ да «Угнетенную невинность, или Поросянка в мешке»¹². И за все это мешки ходебщика наполняются курьим пухом, щетиной и лошадиным волосом: это предметы не нужные сельскому хозяину, но русские промышленники из одного сваливают шляпы, из другого вяжут щетки, из третьего ткут мебельный обой.

* Мужики эти имеют техническое название *ходебщиков*, или *афеней*, и по большей части уроженцы Рыльска и села Ивановское графа Шереметьева, в Владимирской губернии. — *Примеч. Ф.А.Кони.*

/.../Что вызвало этих циников-поэтов к литературной деятельности? Что заставляет их трудиться так постоянно, так ревностно? Быстрый успех их сочинений в продаже. А это доказывает, что в низшем классе народа рождается потребность чтения. /.../

¹ Фрагменты очерка печатаются по: Северная пчела. 1836. №80.

² *Наблюдатель* — псевдоним публициста и статистика В.П.Андросова.

³ *Кузмичев Ф.С.* (1799-1860?) — низовой литератор, автор басен, бытовых повестей, религиозно-нравственных книг.

⁴ *Полежаев А.И.* (1804-1838) — известный русский поэт.

⁵ Речь идет о многократно выходившей в лубочных изданиях книге «Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче...»

⁶ Имеется в виду московская Медико-хирургическая академия, многие студенты которой работали на низовых издателей.

⁷ Имеются в виду труды историков — прежде всего «История государства Российского» Н.М.Карамзина.

⁸ Сергей ...кий (Любецкий С.М.). *Танька, разбойница Ростокинская, или Царские терема: Историческая повесть XVIII столетия: С песнями, обрядами и празнествами тогдашнего быта: Из преданий русской старины.* М., 1834.

⁹ Орлов А.А. *Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина: В 2 частях.* М., 1831; *Непоколебимая дружба Чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве: В 3-х частях.* М., 1830.

¹⁰ Рассказ И.Г.Гурьянова, фрагмент из которого помещен ниже.

¹¹ Орлов А.А. *Французская беглянка, или Мадам Фено из Москвы с Кузнецкого моста, в Париже.* М., 1831.

¹² Анонимно вышедшая в Москве в 1831 книга А.А.Орлова.

Р.С.Т.

[Рецензия на книгу С.Любецкого
«Танька, разбойница Ростокинская» (М., 1834)]¹

...Молодой человек недостаточного состояния, желая честным трудом приобрести себе необходимое, с чистою любовью к наукам занимается переводом какого-нибудь дельного сочине-

ния; в полной надежде на успех он идет с этим полезным трудом к книгопродавцу, который, взвесив рукопись на руках, как на безмене, с убийственным хладнокровием возвращает ее назад, говоря, что эта книга не сойдет с рук, она-де *ученая*, а нам надо *романов* /.../. В то же время какой-нибудь отчаянный романист является с отчаянным романом; книгопродавец встречает его благосклонно, берет рукопись, не жалеет тысячи, другой, третьей, покупает, и роман расходуется, не в Москве, разумеется, а в глуши, в дальних провинциях... Бедный мечтатель, так надеявшийся на свой перевод дельного сочинения, видит перед собой эту сцену, слышит соблазнительный звон червонцев, и — прощай святое чувство, святая любовь к науке! Он бежит домой, берется сам за роман, а чтоб скропать роман — кому ума не доставало?... /.../ Это не художники, это ремесленники, работающие на заказ /.../. Издатели, безграмотные /.../ судят о сочинении по заглавию и толщине /.../. Больше всего видеть (к несчастью, теперь это у нас не редко), как какой-нибудь, может быть и честный, но безграмотный приказный покупает в рукописи вздорный роман у ловкого сочинителя, который умеет сбыть товар лицом, посредством приятелей, помощников etc, etc. После плачется с ним, да уж поздно — а впредь все не научится. /.../ В провинции, в глуши, видят широковещательное объявление о вздорной книге, верят ему, книгу выписывают — обманываются — а все не исправляются² /.../.

¹ Фрагменты рецензии печатаются по: Молва. 1835. №5.

² О подобных объявлениях газета «Молва» несколько ранее писала следующее: «Высокопарные объявления о книгах, помещаемые в Московских ведомостях, часто смешат людей, знающих это дело. Безошибочно можно сказать, что чем книга хуже, тем пространнее об ней похвала в объявлении, тем крупнее буквы, коими напечатано ее название. Но вероятно, не всем еще известна эта пошлая страгогема: ибо за припечатание в газетах длинных объявлений платится весьма не дешево, а наши книгопродавцы расчетливы» (Замечания // Молва. 1832. №88).

Я.Я.Я. (Л.В.Брант)

[Рецензия на книгу В.Потапова
«А.В.Суворов. Русской рассказень» (М., 1846)]¹

У нас есть особенный, таинственный разряд «сочинителей», преимущественно водворившийся в белокаменной Москве, кото-

рые за двадцать пять копеек серебром, а иногда и за даяние «натурою», соразмерное сей сумме, сочиняют разные разности, в том числе и эпопеи (роказни тож), во славу народных героев. Какой-нибудь продавец сальных свеч принимает на себя звание издателя, печатает книжонку на той самой бумаге, в которую завертывается паюсная икра, печатает, разумеется, без орфографии и корректуры, неизвестных ему и по имени, да и совершенно излишних для подобных творений; потом экземпляры этого великолепного издания поступают на руки брадатых *афеней* и развозятся по «градам и селам», где летом меняются на репу и огурцы, а зимою на старое, никуда уже не годное платье.

¹ Фрагмент рецензии печатается по тексту: Северная пчела. 1846. №30.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ¹

В последнем номере «Молвы», в письме из Нижнего², было упомянуто об *афенях* или *ходебщиках*, которых в провинциях называют просто *разносчиками*. В отдаленных и пространных губерниях России сии разносчики снабжают всеми потребностями жизни вещественной и даже духовной: они развозят книги! Они суть единственные производители книжной торговли и для некоторых книгопродавцев — единственное средство сбывать свои товары. Эта операция производится довольно забавно. Мужик, не знающий грамоты, является к своему доброприятелю книгопродавцу, который, также едва умея читать и писать, нагружает ему полвоза книгами, изредка и хорошими, но потерявшими ход, вышедшими из употребления, а большею частью самым безобразным хламом бумажного изделия, который в столицах никакого сбыта иметь не может. Нагрузка сия производится на следующем основании: книгопродавец отдает книгу, поставленную в каталоге в десяти рублях, за шесть, пять и четыре рубля, да при получении вырученных денег еще скидывает десять процентов, — и отдает весь свой товар без денег, до выручки. Вот тайна, отчего можно купить за полцены книгу в отдаленной деревне, а в столице за ту же самую надобно заплатить полную объявленную цену, редко с небольшою уступкою! Читатели наши

видят действие, но не знают причин. Мы поднимем завесу. Книжки, таким образом отправляемые в степи и леса России, бывают почти всегда *собственностью* книгопродавца. Он нанимает переводить роман Валтер-Скотта, слепить «Историю Наполеона», сочинить «русской исторический роман» с платою от ста до трехсот рублей, печатает экономно тысячи три и более экземпляров, и — вот являются издания, продающиеся от десяти до двадцати рублей и стоящие издателю от одного рубля до трех за экземпляр. Продажа 300 или 400 экземпляров — обыкновенное число, удовлетворяющее первую потребность (NB если это роман или исторические записки), оплачивает издержки: все остальное барыш. В столицах книга продается по цене обыкновенной, чтоб не уронить ее в мнении публики, а господа *афени* получают ее так, как мы уже описали. Книжки, имевшие успех, но напечатанные в большом количестве, сваливаются к тому же книгопродавцу за самую безделицу и сбываются таким же образом. Наконец, сюда же должно причислить сочинения, за истечением двадцатипятилетнего срока со дня смерти сочинителя составляющие собственность всей публики: «Астрономический телескоп»³, «Письмовник» Курганова⁴, сонники и прочие, а также и песенники или сборники стихов писателей новейших, под самыми вычурными именами, с которыми книгопродавец поступает по тем же правилам. Случается иногда, что деньги пропадают на *афенях*, несмотря на строгость взыскания, но барыш так велик, что сии потери ничего не значат.

¹ Анонимная публикация печатается по: Молва. 1832. №71.

² Имеется в виду корреспонденция: Письмо из Нижнего // Молва. 1832. №70.

³ Имеется в виду книга: Бранкевич М.С. Астрономический телескоп, или Всеобщий астрономический, физический, политический и экономический календарь на 336 лет: В 3-х частях. Изд.2-е. М., 1814; или: Петров С. Астрономический телескоп, или Общий астрономический, физический, экономический, политический календарь на 200 лет. М., 1808.

⁴ *Курганов Н.Г. (1725?-1796)* — просветитель, педагог, издатель, автор «Российской универсальной грамматики» (СПб., 1769), в следующих изданиях названной «Письмовником», который, кроме отдела грамматики, содержал «присовокупления учебных и полезно-забавных вещей» и получил широкое распространение, выдержав множество изданий как учебно-развлекательная книга.

ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА¹

/.../ В Москве умер скоропостижно (4-го февраля) весьма замечательный человек в русском книгоиздании, Василий Васильевич Логинов, лет пятидесяти от рождения. Он имел в Москве свою типографию, книжную лавку, библиотеку для чтения, литографию и гравировальню. Более пятисот человек русских мужичков разносили и развозили по всему русскому царству русские книги и картинки, принадлежащие Логинову. У него был в ведении особый класс писателей и граверов, работавших по его заказам. Например, «Иван Выжигин»² имел успех, и в Москве тотчас появилась книга «Семейство Ивана Выжигина»³. Повести Александра Марлинского⁴ приняты были хорошо публикою, и в Москве появились немедленно «Новые повести» А.М.⁵ И все это укладывалось на возы и в коробки, и кружило по всей России, по усадьбам, по уездным и заштатным городам. Парижские карикатуры, портреты великих людей, военные сцены и т.п. немедленно переделывались в гравировальном заведении г. Логинова, раскрашивались и пускались в ход в новом виде. Покойный Логинов был последним прибежищем для петербургских и московских книгопродавцев. Они обращались к нему, как мусульмане обращаются к имаму Мекки, только не за пастырским наставлением, а за ходячею монетою. Не пошла книга, марш в Москву, к В.В.Логинову, и он покупал книги, большею частью на вес, и рассылал по России с красноречивыми объявлениями, сочиняемыми его писателями. Не знаем, издал ли что покойный Логинов замечательное, как А.Ф.Смирдин⁶, покойный И.В.Сленин⁷ и нынешний деятель в нашей литературе М.Д.Ольхин⁸, но знаем, что огромная типография, литография и гравировальное заведение г. Логинова были всегда завалены работою. Он доставлял умственную пищу читателям пятнадцатого класса (как выразился некогда покойный А.Ф.Воейков⁹). Почти все простонародные сказки, сонники, песенники и т.п. выходили с фабрики г.Логинова, доставлявшего работу и занятие более тысячи человекам и сильно поддерживавшего бумажные фабрики. Миллионы рублей перекатились через руки покойного Логинова в течение его деятельной жизни. /.../ Логинов заслуживает благодарность за то, что рассылал книги по России, многих научил читать и во многих возбудил охоту к чтению, а случается, что начинающий Бовою Королевичем¹⁰, кончит «Историю» Карамзина. Только бы читали!

¹ Фрагмент некролога печатается по: Северная пчела. 1847. №36.

² Роман Ф.В.Булгарина, изданный впервые в Петербурге в 1829.

³ Булгарин имеет в виду цикл книг А.А.Орлова, вышедших в Москве в 1831-1832: «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина», «Смерть Ивана Выжигина», «Церемония погребения Ивана Выжигина», «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина», «Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина», «Крестный отец Петра Выжигина, или Два кума Ивана Выжигина», «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу».

⁴ Бестужев А.А. (1797-1837) — известный литератор-декабрист, писавший под псевдонимом Марлинский.

⁵ Имеется в виду: А.М. Русские повести и рассказы. М., 1834. Текст посвящения в этой книге подписан: А.Павлов. Автором ее, как нам удалось установить, является низовой литератор Александр Павлович Протопопов, один из рассказов которого публикуется ниже.

⁶ *Смирдин А.Ф.* (1795-1857) — издатель и книгопродавец XIX в.

⁷ *Сленин И.В.* (1789-1836) — петерб. издатель и книгопродавец.

⁸ *Ольхин М.Д.* (1806-1853) — петерб. издатель и книгопродавец.

⁹ *Воейков А.Ф.* (1779-1839) — поэт, журналист, издатель.

¹⁰ Герой многократно выходившей в лубочных изданиях анонимной книги «Сказка о славном и сильном богатыре Бове Королевиче и о прекрасной супруге его Дружневне».

И.Гурьянов

**ФЕТИНЬЯ АНТОНОВНА,
В НОВОМ ВКУСЕ СТОЛИЧНАЯ КОЛДУНЬЯ,
ИЛИ ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ**

[Рассказ]

Глава VI. Букинист, или торговец книг вразноску¹

Купец вышел, а на место его взошел букинист или разносчик книг. Он только что переступил за порог, как отвесил низкий поклон и, подойдя к столу, положил на него полтинник.

— Матушка Фетинья Антоновна! Я пришел поворожиться.

— Что надобно? Говори: пропажа что ль какая?

— Нет, матушка! Я вот лет семь хожу по господам, продаю книги, да плохо торгую: в семь лет чуть-чуть собрался открыть маленькую лавочку.

— Так что ж, жениться что ли хочешь?

— Нет, матушка, а вот что: многие из нашей братии бродили, как и я, по передним, да как накопили деньжонок, так стали покупать оригинальцы², да сами печатать — и развелись³; хоть и не дойдут до больших книгопродавцев, а нас-то уже далеко обогнали. Ну те люди сильные, а большому кораблю большое и плавание. Не гонюсь за большими книгопродавцами, а за этими-то хоть бы можно было.

— За чем же дело стало?

— Боюсь, как бы не разориться совсем. У нас, правда, один такой же грешный, как и я, ходил, ходил по домам, да как купил рукопись, так и давай печатать; да тут еще штуку ввернул: об имени сочинителя умолчал, а сам одному знатному барину, своему милостивцу, и посвятил ее, так — как вы думаете? Тысячку и нажил, да и нам хлеб дал. Да у нас много таких; чуть лишь что новое, а нам и прибыль. Нынче не таков уж свет. Прежде бывало давай одних классиков, да полезное, а нынче так и даром этого не надобно: давай роман, сказку, что-нибудь нравственно-сатирическое, да уж до того и довели, что и на себя сатиры пишут и печатают и читают без зазрения совести, как кривой не сердится на зеркало за то, что оно его изображает кривым; а особливо по нашей торговле — так давай хоть бессмыслицу, да смешную — заглавие все скрасит⁴. Такова стала нынче торговля книгами. У больших книгопродавцев таки есть классические книги, а нам с ними беда! Они и разойдутся, и убытку не будет, да не скоро, а ныне у всех на уме, как бы поскорее, и все начали печатать, и мне хочется книжку напечатать. За тем-то я и пришел к вам; я хочу, чтобы вы мне поворожили, будет ли успех от книги моей.

— Изволь.

Фетинья Антоновна расклала карты, долго думала...

— И есть об чем подумать! — сказал я сам себе за перегорождою. — Эта грамота темна для тебя, почтенная колдунья! Тут вывозит и провозит, смотря по тому, что скажут старшие колдуны — журналисты; смотря по тому, кто продает и где стоит лавка, а даже и по тому, в каком месте объявление о ней припечатано в газетах. О, век! О, век просвещения!

— Так! Прибыль есть, да что-то много легло валетов, и вот одна дама.

— Не знаю, матушка, по-вашему как, по-моему, так прибыль быть должна. Сочинитель-то хоть и незавидный, гроша за душой нет, и попивает немного, только не в погребках, потому что в кармане пусто, и потому-то он у нас и не в славе; да заглавие богатое. Просит безделицу, а отдаст еще меньше⁵, а на

печатать немного понадобится. Есть у меня закладная бумага — тоже один сочинитель заложил за красненькую; она и серенька, а десять стоп, так довольно будет. Заложил-то он ее месяца два, да верно не выкупит, так барыш верный будет, а все поворожиться надобно.

— Верная прибыль вышла тебе на картах. Ступай с Богом; только не передай за рукопись, а еще бы лучше, кабы посвятил кому, да еще богатому.

— То-то нет, матушка, такого милостивца. Господа-то нынче стали скупы; так и смотрят, чтоб купить книжку на площади, да подешевле, или променять на что. А уж за рукопись-то не передадим. Автор-то не на паре ездил, а так же, как и мы, грешные, шлифует мостовую подошвами.

— Делай как знаешь и как лучше. От товару убытка не бывает никогда; ты же, кажется, парень смышленный.

— Славо Богу-с! Заглавий начитался: на весь век с меня станет.

Он поклонился и вышел очень доволен.

¹ *Гурьянов И.Г.* (1791-после 1854) — низовой московский литератор, выпускавший повести, рассказы, исторические компиляции, путеводители по Москве, песенники, детские книги и т.д. В рассказе «Фетинья Антоновна...» (М., 1831) повествователь наблюдает за московской гадалкой, к которой приходят за советом люди разных профессий и сословий.

² *Оригинал* — в терминологии издателей того времени авторская рукопись, предназначенная к публикации.

³ Т.е. разбогатели.

⁴ Сам Гурьянов был мастером на такие заглавия: «Илья Проихин. Открытая тайна некоторых, или Горе от ума и Горе без ума» (М., 1831), «О, Иорик, Иорик! Ты прав: не все то золото, что блестит, или Спор полушампанского с ерофеичем» (М., 1830), «Наполеон на берегах Стикса и свидание его с первую супругою Иозефиною, многими маршалами и сыном его герцогом Рейхштатским, с присовокуплением некоторых подробностей о кончине сего последнего» (М., 1832).

⁵ Гурьянов знал это по собственному опыту. См.: Рейтблат А.И. «Фризурный» литератор Иван Гурьянов и его книги // Лица: Биографический альманах: Вып.2. М.; СПб., 1993. С.35-36.

СЦЕНА ИЗ ЖИЗНИ ДОМОРОЩЕННОГО ГЕНИЯ¹

Герой рассказа, окончив гимназию и поступив на службу, начал писать стихи. «В одну неделю была написана им целая тетрадь стихотворений: к ней, к луне, к небу, к звездочкам, ко всем вздорам в мире». Ощувив, что он может «уже состязаться с Пушкиным», новоиспеченный поэт стал строить планы:

Завтра же я отправляюсь с моею рукописью в цензуру, а через неделю книгопродавцы осыплют меня золотом, если я позволю им печатать мои стихотворения... Я велю книгопродавцам издать мои стихи со всеми типографскими причудами и роскошью; велю напечатать мою фамилию вполне, крупными литерами, и, когда мои сочинения выдут в свет, то мои знакомые ахнут от удивления: каков же, скажут они, Никита-то Никитич! Сочинительствует! В стихотворцы пустился! Мы давно знали, что он умная голова!.. Тогда у меня денежек-то будет вдоволь, хоть пруд пруди! Тысячи две, если не больше... Меньше двух тысяч не возьму с книжников за мои сочинения, — и дадут: ведь платят же Пушкину по золотому за строчку! Почему же мне не взять двух тысяч за целую тетрадь стихотворений? Хоть я и неизвестен еще как Пушкин, но уж в сочинениях-то, право, не уступлю ему! Напишем и почище, стоит только присесть. /.../

На другой день наш поэт отнес свою рукопись в цензурный комитет. Через неделю ему была выдана рукопись из цензуры обратно с позволением печатать. Боже мой! Как любовался Никита Никитич подписью почтенного цензора! Сколько раз принимался он рассматривать печать, которая обыкновенно прикладывается цензурою на одобренных к печати сочинениях! /.../

— К Ширяеву²! — воскликнул он, полный радости, надежд, мечтая о славе и золоте.

И вот он в лавке почтенного книгопродавца Ширяева.

— Хозяин дома? — гордо спросил наш поэт у весьма умного и знающего коммерцию приказчика Никифора Николаева^{*3}.

— Что вам угодно? — спросил Воронин.

— Я, братец, хочу продать ему оригинал — мои стихотворения.

^{*} Воронин тогда еще не торговал отдельно, а был главным приказчиком г.Ширяева. Теперь он имеет свою лавку на Никольской улице, где можно получить все новости скорее, нежели у других книгопродавцев. — *Примечание А.П.Протопопова.*

— Александр Сергеевич перестал печатать и потому не покупает оригиналов.

— Но, мой милый! Это не такое сочинение, которого бы не купил твой хозяин... Это мои стихи... понимаешь?

— Все это прекрасно, сударь! И я уверен, что плоды ваших трудов будут... Но извините! Мы ничего не печатаем!.. Впрочем, вы можете предложить ваши стихотворения Логинову, и тот наверно напечатает ваше сочинение.

— Но я хочу, чтобы труды мои были напечатаны вашим хозяином... Его нет дома? Я подожду.

— Это напрасно! И он вам скажет то же, что я...

— Так вы советуете мне ехать к Логинову? Но что же он заплатит за мои труды?

— Я вам не умею сказать этого! Но — вы сойдетесь с ним верно!.. Он весьма богатый человек!..

— Поеду к Логинову... прощайте!

И Никита Никитич отправился с своим оригиналом к известному книгопродавцу — производителю московских романов Логинову.

— Вы покупаете оригиналы для напечатания, почтеннейший? — спросил наш поэт московского доморощенного книгопродавца.

— Случается-с, милостивейший мой государь!

— Не угодно ли вам напечатать мои стихотворения, которые уже одобрены цензурою?

— Очень хорошо-с! Позвольте взглянуть-с! Купим-с! Отчего же не купить-с! У нас афеням-с всякая дрянь сойдет-с! То есть я не говорю о ваших сочинениях-с, а так-с... ведь, согласитесь, милостивейший государь, что не все так хорошо пишут, как вы-с! Есть и дрянца-с-сочинители!.. А как заглавие вашим стишкам-с?

— Мои стихотворения называются «Звезда любви и пылких мечтаний».

— Да-с, заглавие хоть куда-с! Громковато-с! Можно напечатать-с! Не поверите-с, нынче только и взять заглавиями! Куда господа сочинители мизерно пишут! Иной притащит роман в трех претолстых частях, а читатели обижаются, что, дескать, читать нечего! Не угодишь-с! А сколько вы изволите назначить суммы-с за ваши стихотворения-с?

— Да я право не знаю! Две тысячи я взял бы, пожалуй!

— Как-с! Сколько-с! Две тысячи-с! — воскликнул, разинув рот от удивления, книгопродавец. — Извините-с! Мы не печатаем таких дорогих сочинений-с! Да нынче же и стихов-то уж не читают! Мы платим не поверите как дешево! За иной роман в четы-

рех частях дадим рублей триста да десять печатных экземпляров сочинителю — да и баста!

— Я сам напечатаю и изорву, но не возьму меньше тысячи рублей за мои сочинения! — воскликнул Никита Никитич, ударив кулаком по столу.

Книгопродавец вздрогнул.

— Так уж в самом деле вы напечатайте лучше сами-с! А нам как понадобятся ваши стишки-с, коли будут их спрашивать-с, мы купим-с у вас экземпляричков сотенку-с!

— Прощайте! — сказал с презрением наш поэт.

— Прощайте! — произнес умильно книгопродавец.

В дальнейшем, чтобы опубликовать книгу, отец героя закладывает дом за тысячу рублей и тратит деньги на издание. Поэт планирует продавать каждую книгу по десять рублей и нажить, таким образом, девять тысяч рублей.

Через месяц отпечатались стихотворения Никиты Бесмыслина; спустя два месяца в них завертывали сукно, ситцы, табак, мыло и прочую рухлядь. Наш поэт /.../ продал /.../ какому-то торговцу на обертку всякой всячины свои дивные, чудные, которыми он столько гордился, — стихотворения.

¹ *Протопопов А.П.* (1814-1867) — плодовитый низовой прозаик, драматический актер. Публикуемый рассказ входит в его сборник рассказов и повестей «Ночные шалости молодого человека, написанные в духе новейшей словесности» (В 2 книгах. М., 1841), подписанный псевдонимом «-ин», то есть сокращением от сценического имени Протопопова — Славин. Авторство Протопопова установлено нами по архивным материалам (См.: ЦГИА г.Москвы. Ф.31. Оп.1. Д.14).

² *Ширяев А.С.* (ум. 1841) — крупный московский книгопродавец и издатель.

³ То есть Никифора Николаевича Воронина.

В.Щербаков
ПИСАРЕВ И ДАРГОМЫЖСКИЙ

Короткая жизнь Д.И.Писарева вместила в себя немало число неординарных, драматичных и курьезных эпизодов, большинство из которых вполне соответствует эксцентричному складу этой личности. Но один факт, до недавнего времени не известный, следует отнести лишь к стечению обстоятельств, сделавших возможным невозможное, — творческое сотрудничество пятнадцатилетнего Писарева с А.С.Даргомыжским, уже немолодым тогда композитором.

12 октября 1855 Писарев-гимназист отослал матери самый необычный из своих отчетов об успеваемости:

12 октября

Ты спрашиваешь, дорогая Мама, почему я получил только «4» по немецкому. Совершенно того не ведаю; я всегда приговаривался, никогда не отвечал дурно, и всегда он мне ставит «4». Вчера, например, я ему ответил так хорошо, как давно уже не помню, чтобы отвечал — очень трудный перевод с русского на немецкий. Я ожидал никак не меньше «5», получил «4». *Да Бог с ними, дорогая Мама, пусть их ставят что хотят, ведь знания моего они у меня этим не отнимут, все, что они могут сделать, это не дать мне первой серебряной медали, ну что же за беда? Я тебе даю честное слово, Мама, что ни рисование, ни чтение не увлекут меня настолько, чтобы забыть о занятиях. Один раз только Фед[ор] Ард[альонович] попросил меня сочинить страстные стихи, которые ему были нужны для романса Даргомыжского, то есть Даргомыжский просил его сочинить стихи для романса. Я сел за работу и — счастливо отделался, как считает Фед[ор] Ард[альонович] и тогда-то я не смог приготовить урока географии, что и стоило мне «4». Но вот мои стихи, дорогая Мама, может быть, тебя это заинтересует¹.*

В объятиях страстных
Забудем весь мир мы,
В лобзании жарком,

¹ Предыдущий текст, как и текст нижеследующего письма, является переводом с французского: выделенные курсивом фрагменты написаны в подлиннике по-русски. Тексты даются по копиям из собрания РГАЛИ (Ф.415. Оп.1. Ед.хр.8. Л.105об.-107; 118-120).

В немом упоеньи
Мы будем, счастливы,
Ловить каждый миг
Блаженства земного,
Блаженства любить.
И жадно, и страстно
Тебя обнимая,
Тебя, Рафаэлла,
Очей милый свет,
Тебя, моя радость,
Тебя, мой предмет,
И черные кудри
Рукою лаская,
И легкий твой стан
К груди прижимая,
Приникнув главою
К головке твоей,
Скажу я: не нужно
Богатства и чести,
Не нужно мне славы,
Я счастлив любовью,
Мой ангел, твоею.
Но если соперник
Мой дерзкой рукою
Осмелится вырвать тебя
Из объятий моих, Рафаэлла,
То пусть затрепещет
Коварный мой враг:
Булат пресечет
Преступные дни
И медленно кровь
Его источит.
Прислушаюсь к стону
Его и проклятье
Над трупом злодея
Произнесу я.
Но нет, ты верна мне,
Верна своим клятвам,
Мой друг Рафаэлла.
И снова в объятьях
Тебя я сжимаю,
И снова забыл я себя
И весь мир,
И снова в лобзаньи
Горячем и страстном
Слилися с устами уста.

Вот мои стихи, дорогая Мама; каковы — суди сама.

О реакции Варвары Дмитриевны Писаревой мы узнаем из следующего, не менее курьезного письма Писарева, от 29 октября 1855:

Я сегодня получил твое письмо от 23-го, и оно меня удручило, милая Мама. Мысль, что и я тоже предмет твоих огорчений, которых у тебя и без того предостаточно², невыносима для меня, готового на всевозможные жертвы, чтобы только видеть тебя счастливою и спокойною. Но более ни слова, дорогая Мама, ведь ты сказала бы, что нужны дела, а не слова. И все-таки я думаю, что ты напрасно так огорчаешься. У меня ни из одного предмета нет меньше «4», у меня «5» из 7 предметов. Я второй по классу. Правда, я этим не удовлетворен, я хочу идти выше, но это не горе, дорогая Мама. С другой стороны, я тебя заверяю, дорогая Мама, что если и есть в том моя вина, то лишь в географии. Почему мне поставили «4» из других предметов, я не знаю. Знаю только, что я отвечал хорошо, добросовестно. Что до моих стихов, дорогая Мама, то я полностью соглашаюсь, что они дурные. Так ведь это было не мое желание их писать, не мне пришло это в голову. Ты говоришь, дорогая Мама, что г-н Вонлярский, вероятно, желал пошутить. Я так не думаю. Он сказал, что ему нужны страстные стихи для романа *Даргомыжского*, и он отдал ему мои стихи. А потом, дорогая Мама, зачем бы ему нужно было поднимать меня на смех перед *Даргомыжским*? Ты говоришь, дорогая Мама, что в мои лета не следует сочинять подобных стихов. Но еще раз, дорогая Мама: не мне пришло в голову стихотворствовать. Г-н Вонл[ярский] просил меня об этом. «Я не умею писать стихов», — говорю я ему. «Неважно, попробуй по крайней мере», — отвечает он. Не было ли моим долгом исполнить его просьбу, дорогая Мама? Я принялся за работу и изготовил эту нелепость, которая, к счастью, оказалась хороша для того употребления, которое он хотел из нее сделать. Они весьма дурны, я в том не сомневаюсь ни в коей мере, отнюдь не претендую быть поэтом, но я очень доволен, дорогая Мама, что смог оказать услугу Вонлярскому. Безусловно, г-н Вонлярский не требовал, чтоб я сделал это в ущерб моим занятиям, но мне хотелось как можно скорее исполнить его поручение. И потом, дорогая Мама, у меня были кое-какие мысли, которые не хотелось упускать. *А разве я виноват, что так дурно умел высказать, т.е. что умел и что дурно сделал?* Прости, прости, милый друг Мама, что причинил тебе, хотя и невольно, огорчение. Но, милая Мама, если ты мне веришь, как верила когда-то, то будь уверена, что занимался я с тем же рвением, что и раньше; не смею ничего обещать на ближайший ме-

² Имеется в виду постоянная угроза разорения семьи. В конце сентября того же года Писарев был глубоко потрясен известием о том, что его мать вынуждена искать места гувернантки.

сяц, если учителя не переменятся на мой счет. Но ты слишком требовательна, дорогой друг, если считаешь «4» плохим баллом. «4» значит «очень хорошо». Тебе всякий это скажет, дорогая Мама. Прости еще раз за огорчение, душенька. Прощай. Целую тебя тысячу раз.

Твой сын и преданный друг Д.Писарев.

В этом мягком, добром, благонаправленном подростке трудно узнать будущего Писарева, стяжавшего себе славу ниспровергателя и хулителя, но уже отчетливо проступают черты, которые легли в основание характера, — склонность к резонерству и прямолинейности. «Страстные стихи» дают свежий материал для психологических и биографических штудий, открывая для нас практически неизвестное прежде окружение Писарева. Новое освещение получает и фигура В.Д.Писаревой, которая была адресатом большинства писем будущего критика. Женщина с умом и характером, требовательная воспитательница, не терявшая контроля над сыном и за тысячу верст, она обнаруживает вкус и независимость в суждениях, к которым, как мы видим, Писарев прислушивался. Нелицеприятная оценка стихотворного дебюта — не единственный случай, когда Варвара Дмитриевна выступала в роли строгого критика работ сына³.

Особый интерес представляет личность Ф.А.Вонлярского, одного из непосредственных участников истории с романсом Даргомыжского. В 1855 это был двадцатидвухлетний гвардейский прапорщик и муж «очаровательной кузины» Писарева Марьи Федоровны Уваровой (их бракосочетание состоялось как раз в промежутке между двумя помещенными здесь письмами — 23 октября 1855). М.Ф.Уварова, ее мать М.П.Уварова, сестра последней Н.П.Данилова и Ф.А.Вонлярский составляли ближайшее петербургское окружение Писарева на протяжении пяти с половиной лет — он жил с ними под одной крышей с момента поступления в гимназию вплоть до второго курса университета. Известно, что Ф.А.Вонлярский и М.Ф.Уварова-Вонлярская дружески общались с Даргомыжским, участвовали в его музыкальных вечерах и, по всей видимости, брали у него уроки. Из дневника Писарева за март 1857 узнаем, что Вонлярский посвящал свои досуги переложению «Русалки» для фортепиано в четыре руки. Сам Даргомыжский писал Л.И.Кармалиной 9 декабря того же года: «Я на-

³ Известен, например, такой ее отзыв о диссертации сына «Аполлоний Тианский и его время»: «Ник[олай] Евар[естович] [Н.Е.Писарев. — В.Щ.] читал в "Русском слове" "Апол[л]она Тианс[кого]" и находит, что это прекрасно, что учености *пропасть* — именно этого-то там и нет» (Из письма к Д.И.Писареву от 18-19 сентября 1861. — ГА РФ. Ф.112. Оп.1. Ед.хр.22. Л.35).

чал было переключивать "Русалку" для фортепиано в четыре руки, но бросил: не хватает терпения»⁴. Кроме того, Вонлярский был известен как добрый товарищ М.П.Мусоргского по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, инициатор сбора средств в помощь нуждавшемуся композитору. Мусоргский посвятил ему романс «Не Божиим громом ударило» и несколько строк своей автобиографии, написанной в третьем лице: «Его товарищ по полку *Вонлярский*, любя изящные искусства и особенно музыку, ввел его [Мусоргского. — В.Ш.] в дом *Даргомыжского*»⁵. Человек жизнерадостный и открытый, Вонлярский умел заводить интересные знакомства — в шестидесятых годах, уже на гражданской службе, он был сослуживцем и приятелем М.Е.Салтыкова-Щедрина в Пензе. Кроме Вонлярского, в близких отношениях с Даргомыжским и Мусоргским были родственники Уваровых — Опочинины, часто упоминаемые в дневниках и письмах Писарева⁶ (А.П. и В.П.Опочинины были известны как незаурядные певцы-любители). Есть в писаревском дневнике и односложная запись о визите Мусоргского (14 марта 1857).

Таким образом, в том, что Писарев, проводивший много времени в обществе Вонлярского, скорее всего, был представлен Даргомыжскому — нет ничего необычного; но зато действительно невероятным покажется факт творческого использования Даргомыжским приведенных здесь «страстных стихов».

В начале 1856 Даргомыжский публикует «Испанский романс» (СПб. Цензурное разрешение 20 февраля 1856) без указания автора слов. М.С.Пекелис, многие годы изучавший жизнь и творчество Даргомыжского, в комментарии к этому романсу предположил, что текст «принадлежит самому Даргомыжскому или кому-нибудь из его друзей, писавших стихи»⁷. «Испанский романс» был включен позднее в оперу «Каменный гость» в качестве первой песни Лауры (для второй песни Лауры Даргомыжский использовал пушкинское стихотворение «Я здесь, Инезилья...»), поскольку в пушкинском тексте «Каменного гостя» Лаура «поет», но текст ее песни отсутствует.

Вот полный текст «Испанского романса» Даргомыжского (курсив наш):

Оделась туманом Гренада.
все дремлет вокруг,

⁴ Даргомыжский А.С. Избранные письма. Вып.1. М., 1952. С.55.

⁵ Мусоргский М.П. Литературное наследие. М., 1971. С.267.

⁶ Там же упоминается еще одна кузина-меломанка — Любовь Алеева.

⁷ Даргомыжский А.С. Полное собрание романсов и песен. Т.2. М., 1947. С.657.

все манит к свиданью.
Открой же вентану, Эльвира,
не медли, друг милый,
час любви улетает напрасно!
В немом ожиданьи
томлюся я страстью,
не бойся, друг милый,
мрак нас сокроет от взоров коварных!
В восторге безмолвном,
в объятиях страсти
забудем мы время,
забудем заботы мирские.

Но что же ты медлишь, Эльвира?
Иль страх безрассудный
владеет тобою?
Пылким лобзаньем, друг милый,
Навеки его заглушу я!..⁸

И неквалифицированный взгляд способен заметить почти полное совпадение пяти строк этого текста с началом писаревского стихотворения, переключку отдельных фрагментов (в частности, «лобзанье» в конце обоих текстов), использование одинакового типа параллелизма с удвоением начальных слов, определенную соотношенность экзотических имен возлюбленных (Эльвира — Рафаэлла).

Очевидно, что писаревские «страстные стихи» частично пригодились Даргомыжскому, и Вонлярский был недалек от истины, говоря, что Писарев справился с поставленной задачей, хотя в это не могла поверить строгая Варвара Дмитриевна. Разумеется, стихи Писарева подверглись переработке — во-первых, уже потому, что собственно «испанский» колорит у него отсутствует. Во-вторых, юный версификатор слишком детально, нежели это требовалось для рядовой стилизации, развил эротическую тему и притом оказался кровожаден сверх всякой меры. Наконец, наивное нагромождение романтических штампов делало писаревскую версию уж слишком похожей на пародию. Возможно, автор окончательной редакции — был ли то Вонлярский или же сам композитор, заказывая «страстные стихи», предполагал получить лишь словесную канву будущего романа, чтобы поступить далее по своему усмотрению, — как он в действительности и поступил, значительно сократив писаревский текст и добавив в него

⁸ Даргомыжский А.С. Полное собрание романсов и песен. Указ. изд. Т.2. С.429-435. (Имеется лишь нотный текст; здесь графическое оформление наше).

испанский колорит. Эта догадка подтверждается тем, что сам Писарев ни о чем «испанском» в своих письмах не говорит. Нет сомнения, что он выполнил бы подобный заказ со всем блеском, на какой был способен. Это легко увидеть из написанного им около того же времени рассказа из «испанской» жизни — «Мщение»: «Один из молодых людей упал с раздробленным черепом; пистолет разорвало у него в руке, и осколки разлетелись по поляне; адская улыбка блеснула на губах Родриго; Диего заметил ее и побледнел» и т.д.⁹

Но закономерен вопрос: нельзя ли допустить, что Писарев сочинил «страстные стихи» по мотивам «Испанского романса» Даргомыжского? Против этой версии свидетельствует, во-первых, существенный разрыв известных нам дат — 12 октября 1855 (дата первого писаревского послания) и 20 февраля 1856 (официальная дата опубликования романса). Главное же то, что в известных нам обстоятельствах подобный плагиат был едва ли возможен — тем более что Вонлярский, одобрявший работу Писарева, наверняка хорошо знал все романсы Даргомыжского. Важно отметить и более чем скромные достоинства опубликованного текста, и то, что его автор остался инкогнито — случай редкий в практике Даргомыжского.

Так по иронии судьбы детские строки будущего пушкинского Зоила попали в пушкинский текст «Каменного гостя». Писарев едва ли об этом узнал, поскольку Даргомыжский начал работу над оперой в 1866 и умер вслед за Писаревым, в 1869, оставив ее незаконченной; Писарев же, сколько известно, в шестидесятых годах с окружением Даргомыжского связан не был.

Хотя стихи Писарева и были, судя по всему, первичны по отношению к тексту опубликованного романса, оригинальными их назвать трудно. Сюда вместился весь вокабулярный эпигонской романтической поэзии: «черные кудри», «соперник», непременно «коварный», «булат», «труп злодея» плюс возлюбленная с вычурным именем. В оправдание Писарева скажем лишь, что дурной поэтический вкус в текстах романсов никогда не был редкостью, более того, мелодраматическая рельефность страстей составляет необходимый элемент стилистики романса вообще, не говоря уже об «испанском». Чего стоят, например, такие строки из романса «Отчаяние» на стихи А.Полежаева:

О дайте мне кинжал и яд,
Мои друзья, мои злодеи!

⁹ Григорьян К.Н. Рукописи Д.И.Писарева в собрании Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук. Л., 1941. С.34.

Я понял, понял жизни ад,
Мне сердце высосали змеи!..

Косвенным источником писаревского вдохновения были известные стихи опять-таки Пушкина «Я здесь, Инезилья...» («Уж нет ли соперника здесь?»), положенные на музыку Глинкой и Даргомыжским, и в особенности «Черная шаль», где сходным образом разработан мотив жестокой расправы с соперником и «неверной девой»:

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

Романтическая стилистика вообще импонировала Писареву в эти годы, и влияние прозаических образцов также должно быть учтено. Известно, что Писарев зачитывался романами Дюма. Есть все основания предположить его близкое знакомство с Марлинским. В повести последнего «Страшное гаданье» (1831) сцена истребления соперника — законного мужа пассии — соотносится с писаревскими пассажами не только по силе романтической экспрессии, доведенной до абсурда, но и текстуально (курсив наш):

Как лютый зверь кинулся я с саблею на безоружного врага, и клинок мой погрузился трижды в его череп, прежде чем он успел упасть на землю. Один страшный вздох, один короткий, но пронзительный крик, одно клокотание крови из ран — вот все, что осталось от его жизни в одно мгновение! /.../ Опершись на саблю, склонясь над телом убитого, я жадно *прислушался* к журчанию крови, которое мнилось мне признаком жизни. /.../ Особенно вид пролитой крови, вместо того чтобы угасить ярость, был маслом на огне, и я, с какою-то тигровой жадностью, готов был *источить* ее из врага каплей по капле...¹⁰

Одним из несомненных источников «страстных стихов» был популярный тогда и поныне романс «Сомнение» (1838), в котором мы находим такой странный альянс слабых стихов Нестора Кукольника (заметим, также белых) и замечательной музыки Глинки, обессмертившей их.

Как сон неотступный и грозный
Мне снится соперник счастливый,

¹⁰ Бестужев-Марлинский А.А. Повести и рассказы. Т.1. М., 1981. С.335-336.

И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает,
И тайно и злобно
Оружия ищет рука.
Напрасно измену
Мне ревность гадает,
Не верю, не верю
Коварным наветам.
Я счастлив — ты снова моя.
Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга.
И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Близкое родство стихов Писарева с этим романсом достаточно очевидно: здесь и сходство коллизий, и текстуальные переклички, в частности, почти полное совпадение концовок в обоих текстах. Эпигонский характер писаревского творения не мог быть не замечен его соавтором, который хотя и обошелся без «соперника» и «булата», сам не избежал явной зависимости от пушкинской «Инезильи».

Сам факт обращения юного Писарева к романсовой поэзии расширяет наши представления о среде, в которой складывались его эстетические взгляды, и ставит вопрос о месте музыки в его жизни.

Как мы видели, с этой стороны он не был обделен в детские и отроческие годы: вокруг него музицировали многочисленные родственники и свойственники, в том числе любимая сестра Вера, и сам он в годы учения в Петербурге регулярно посещал театры. Поэтому было бы естественно предполагать в нем как минимум благодарного слушателя; однако все данные говорят об обратном.

В дневнике Писарева 1857 года, отразившем начавшуюся ломку характера, немало пренебрежительных отзывов о музыке и язвительных замечаний по адресу родственников-меломанов, а в одном месте он прямо говорит, что игра в карты — лучшее занятие, нежели игра на фортепиано¹¹. Эта неприязнь к музыке оста-

¹¹ «Вечером мы поиграли, — записал Писарев 2 марта 1857. — Совестно как-то писать это каждый день, да ведь великим постом никаких нет развлечений. — Кроме того, скоро третья неделя. Ф[едор] А[рдальонович] говеть будет. Игра прекращается. Ведь находят же иные люди удовольствие в том, чтобы играть на фортепиано; а по-моему, всякая игра лучше музыки. — Кто любит попу, кто попадю, а кто попову дочку». (ГА РФ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.347. Л.10). Это юношеское признание находит свое теоретическое оформление в статье «Разрушение

валась неизменной на протяжении всей жизни, и незадолго до смерти в беседе с приятелем В.И.Жуковским Писарев еще раз категорично высказался на сей счет: «Я не люблю ни музыки, ни живописи. Я ничего в них не понимаю, особенно — в музыке»¹².

Подобные детали уже не только курьезны — они способны прояснить феномен писаревского антиэстетизма, нашедший полное выражение в его статьях. Особенно примечательна в нашем случае *связь музыки с поэзией*, всегда сознававшаяся Писаревым.

Дневниковая запись от 4 марта 1857 передает любопытный его разговор на эту тему — все с тем же Вонлярским: «Я сказал, что не понимаю, как можно заниматься с увлечением музыкою. Ф[едор] А[рдальонович] сейчас стал говорить о ее высоком значении, о действии ее на душу, о восторге композитора, когда он слышит свою мысль, исполненную оркестром. — На это я возразил, что чтобы стать музыкантом, нужно непременно более или менее быть поэтом, а что такой олицетворенной прозы, как я, свет не производил»¹³.

Прямой реминисценцией этой беседы можно считать пассаж из ранней статьи Писарева «Мысли по поводу сочинений Марко Вовчка» (1860):

Лирика близка к музыке, но между ними есть существенное различие. Чтобы выразить свое чувство словами, надо все-таки до некоторой степени отдавать себе в нем отчет /.../ Чтобы понять чувство композитора, вложенное им в музыкальное произведение, слушатель должен сам быть до некоторой степени музыкантом, по крайней мере в душе; чтобы понять чувства лирика, выраженные им в стихотворении, нужно просто быть человеком, а не деревяшкой /.../ Лирика выражает чувства яснее и определеннее, нежели выражает их музыка, и потому художник, избирающий своим орудием слово, а не звуки, должен довести свои чувства до большей степени зрелости, чтобы их уже до некоторой степени можно было бы подвергнуть анализу¹⁴.

Как видим, в 1860 Писарев решает проблему связи музыки и поэзии иначе — он подчеркивает *рассудочный* момент в поэзии,

эстетики» (1865), где убеждение в несостоятельности эстетики как науки Писарев доказывает ссылкой на «бесконечное разнообразие личных вкусов», якобы несовместимых с объективным представлением о прекрасном (Писарев Д.И. Сочинения: В 4 тт. Т.3. М., 1956. С.420). Ср. также место в «Реалистах» (1864), где изысканные эстетические наслаждения ставятся на одну доску с желанием «выпить перед обедом рюмку очищенной водки» (Там же. С.114).

¹² Волынский А. Русские критики: Литературные очерки. СПб., 1896. С.503.

¹³ ГА РФ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.347. Л.12об.

¹⁴ Писарев Д.И. Полн. собр. соч.: В 6 тт. Дополнительный выпуск. СПб., 1913. Стлб.21.

доказывая тем самым ее преимущество перед музыкой, и одновременно реабилитирует собственную эстетическую ущербность, которая представляется ему теперь эталоном здравого смысла.

Позднейшие высказывания о музыке в его статьях проникнуты уже воинствующим отрицанием под знаменем утилитаризма — музыка, вкуче с архитектурой, живописью, театром, относится Писаревым к «бесполезным отраслям искусства», основной порок музыки видится в том, что она неспособна выражать и формировать определенное мирозерцание, а именно, «не может превратиться в орудие реализма»¹⁵, то есть того вульгарно-материалистического, ультрарационалистического и радикально-демократического мирозерцания, которое он воплощал собой столь последовательно и характерно.

Таким образом, можно утверждать с определенностью, что музыка не находила отклика в душе Писарева, была ему органически чужда; непосредственное излияние чувства, не поддающееся понятийной конкретизации и логическому препарированию, не отвечало аналитическому складу его ума.

Сложнее были отношения Писарева с поэзией, хотя опять-таки «музыкальная» поэзия, поэзия чувства оставляла его равнодушным — он предпочитал «поэтов мысли», к каковым относил Аполлона Майкова и Гейне, да и вообще склонен был считать стихотворную форму лишь «внешней отделкой» идей и фактов: «Тот человек, которого мы называем поэтом, придумывает какую-нибудь мысль и потом втискивает ее в придуманную форму»¹⁶. Стоит, наконец, вспомнить погром, учиненный им Пушкину в статьях «Пушкин и Белинский» (1865), и коронный прием его критики — переложение пушкинских стихов *в прозу*¹⁷, чтобы вполне понять справедливость — иначе, честность — писаревской автохарактеристики в его дневнике. Он действительно *был* «олицетворенной прозой», рационалистом и утилитаристом до мозга костей, и не только по убеждениям, которые вызревали постепенно, но и по натуре, которая давала себя знать всегда.

Писарев-публицист был совершенно искренен, говоря, что «поэтом можно *сделаться* точно так же, как можно сделаться адвокатом, профессором, публицистом, сапожником или часовщиком», что поэт «такой же точно ремесленник»¹⁸. Точно так

¹⁵ Писарев Д.И. Сочинения: В 4 тт. Т.3. М., 1956. С.479.

¹⁶ Там же. С.370.

¹⁷ Ср. характерное высказывание из статьи «Лирика Пушкина»: «Если всю эту рифмованную болтовню переложить на простой и ясный прозаический язык, то получится /.../ весьма тощий и бледный смысл...» (Там же. С.383).

¹⁸ Там же. С.373.

понимал свою задачу и Писарев-подросток, берясь сотрудничать с Даргомыжским, — и решил ее как прилежный ученик (каким он и был в то время), чисто умозрительным путем — «без божества, без вдохновенья», руководствуясь лишь свойственной ему предприимчивостью, цепкой памятью и логикой жанра. Ремесленно-ученическое качество «страстных стихов» вполне соответствует уровню понимания Писаревым своей задачи, и сама наивность подхода парадоксально уравнивает рассудочность юного «реалиста», сообщая его поэтическому опыту значительную долю непосредственности, трогательной и комичной в разработке «взрослой» темы.

ВОКРУГ Д.И.ПИСАРЕВА

Публикация Е.Буртиной

1. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ДУЭЛЬ

История дуэли Писарева не раз описывалась в биографической литературе, но лишь в общих чертах и с опорой на версию самого Писарева, изложенную в письмах к его сопернику Е.Н.Гарднеру¹. Два письма Гарднера Писареву, хранящиеся в Отделе рукописей РГБ, в расчет не принимались. Настоящая публикация, включающая письма обоих участников конфликта, представляет собой практически полный свод документов, относящихся к этой истории.

Завязка конфликта состояла в следующем: в апреле 1862 Раиса Александровна Коренева, которую Писарев любил и считал своей невестой, вышла замуж за Евгения Николаевича Гарднера. Р.А.Коренева приходилась Писареву двоюродной сестрой. После смерти своей матери она десятилетней девочкой была взята на воспитание родителями Писарева, росла вместе с ним и с детства пользовалась его исключительной привязанностью. Родные Писарева с тревогой следили за развитием этого чувства и, когда увидели, что повзрослев, он намерен жениться на кузине, всячески пытались воспрепятствовать этому. Крушение надежд на брак с Кореновой и конфликт с родителями на этой почве оказали определенное влияние на формирование взглядов Писарева. «После известия, полученного от Раисы [письма с отказом выйти за него замуж. —Е.Б.], я решил сосредоточить в себе самом все источники моего счастья, с этого времени я начал строить себе целую теорию эгоизма...»² — признавался он позднее. Зимой 1859-1860 Писарев перенес тяжелую душевную болезнь, и с этого времени родные, видимо, решили более ему не противоречить. Летом 1860 после двухлетней разлуки он встретился с кузиной в тульском имении Писаревых. Написанное в те дни коротенькое письмо знакомому Кореновой П.А.Гарднеру (двоюродному брату Е.Н.Гарднера) вполне характеризует тогдашнее состояние Писарева: «Душенька Петр Александрович! Я очень счастлив, Раиса здорова и весела, все идет хорошо, деятельность кипит, настоящее течет мирно и спокойно, а будущее по временам так светло, да и по временам ли только. Мы с Раисой много говорили, и если я не скажу, что она мне обещала все, чего

¹ Лемке М.К. Политические процессы в России 1860-х гг. М.;Пг., 1923. С.556-559; Письма Д.И.Писарева и о Писареве / Публ., послесловие, примечания Б.П.Козьмина // Записки ОР ГБЛ. Вып.9: Н.А.Некрасов, Д.И.Писарев. М., 1940. С.29-32; Коротков Ю.Н. Писарев. М., 1976. С.155-161.

² Из письма матери, конец 1859. Цит. по: Соловьев Е.А. Д.И.Писарев, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1894. С.60.

я хотел, то это только потому, что мы оба считаем за пустяки всякие обязательства и обещания»³. Действительно ли Р.А.Коренева желала в то время соединить свою судьбу с Писаревым (его письмо П.А.Гарднеру оставляет в этом отношении некоторые сомнения) или просто не хотела травмировать отказом его неокрепшую психику — сказать трудно. Во всяком случае, с этого времени Писарев считал ее своей невестой, представляя ее в этом качестве всем своим знакомым. Весной 1861, познакомившись с Е.Н.Гарднером, Коренева написала Писареву, что берет назад свое слово. Но осенью того же года ему удалось уговорить кузину переехать к нему в Петербург (правда, с большим трудом, пустив в ход обещание Г.Е.Благосветлова, что он даст ей работу в «Русском слове»). И хотя она не скрывала своих чувств к Гарднеру, Писарев не придавал им серьезного значения. Возможно, ему было трудно представить, что такая «умная и развитая» девушка может предпочесть талантливому столичному литератору человека вполне заурядного, каким он считал Гарднера.

Решение кузины выйти замуж поразило Писарева. «Весной нынешнего года, когда Раиса выходила замуж, я испытал самое сильное горе, к какому я только способен», — писал он позднее матери⁴. Он предпринял отчаянную попытку удержать Кореневу: предложил ей обвенчаться с ним, а затем прямо из церкви уехать с Гарднером. Он надеялся, что ее увлечение скоро пройдет и она вернется к нему как к законному мужу. Разумеется, она отказалась.

Дальнейшее поведение Писарева невозможно объяснить, если не учитывать того обстоятельства, что в это время он находился в состоянии полного упоения своей «теорией эгоизма». Собственно, это была не теория, а просто горячее убеждение в том, что каждый человек имеет право быть самим собой, строить свою жизнь и отношения с другими людьми, с миром в соответствии с личными взглядами, желаниями и наклонностями и что поэтому главное — «эмансипировать человеческую личность от тех разнообразных стеснений, которые налагают на нее робость собственной мысли, предрассудки касты, авторитет предания, стремление к общему идеалу и весь тот отживший хлам, который мешает человеку дышать и развиваться во все стороны»⁵. «Теоретический» элемент присутствовал в этом убеждении в минимальной степени: свобода личности была для Писарева не отвлеченной проблемой, не предметом для философского осмысления, а уже обретенной практикой истинной, которую надо как можно громче провозглашать и как можно полнее и последовательнее проводить в жизнь. Так думали и чувствовали тогда многие. «Идея свободы, охватившая всех, проникала повсюду, и свершалось действительно что-то небывалое и невиданное, — вспоминал впоследствии Н.В.Шелгунов. — Офицеры выходили в отставку, чтобы завести лавочку или магазин белья, чтобы открыть книжную тор-

³ Записки ОР ГБЛ. Указ. изд. С.29.

⁴ Соловьев Е.А. Указ. соч. С.94.

⁵ См.: Писарев Д.И. Схоластика XIX века (1861) // Сочинения в 4 тт. Т.1. М., 1955. С.103.

говлю, заняться издательством или основать журнал. /.../ Каждый способный и энергичный человек становился тогда на новую дорогу, создавал себе новое, подходящее к способностям дело, искал своего места в природе»⁶. Писарев, будучи наиболее ярким выразителем этого умонастроения в печати, считал себя *обязанным* и в личной жизни быть образцовым «эгоистом», строго следовать своим желаниям и наклонностям, демонстративно подчеркивая это в отношениях с окружающими. Вот характерные строки из письма этого времени, адресованного матери, Варваре Дмитриевне: «Было бы, конечно, изящнее с моей стороны, если бы вместо того, чтобы разбрасывать деньги, я ими помогал семейству... Но у меня нет этого влечения; чем больше я *вглядываюсь* в себя [курсив мой. — Е.Б.], тем более убеждаюсь в том, что, кроме Раисы, я никого не люблю»⁷. Он прислушивается к голосу непосредственного чувства, старательно отделяя от него то, что кажется ему внешним, привнесенным в его внутренний мир воспитанием, средой и т.п.

Понятно, какое впечатление производило все это на окружающих. «Митя холоден, черств и резок, — писала Р.А.Коренева В.Д.Писаревой в феврале 1862, — он так полон собою, что никогда не перенесется в других и никогда /.../ не уберется, чтобы не наносить им ударов /.../ сам-то он покрыт чешуею, в нем даже Ахиллесовой пятки не отыщешь. В этой неуязвимости он видит свою силу, и он доволен ею, горд ею, тычет ее всем в глаза и относится с пренебрежением к тем людям, которые не имеют этой брони»⁸. Особенно тяжело непонятное превращение Писарева переживали его мать и сестра Вера Ивановна. Окончательно прервались отношения с друзьями из студенческого «кружка филологов» (Н.А.Трескин, Л.Н.Майков, А.М.Скабичевский и другие). Даже ближайший из новых друзей — В.И.Жуковский, впоследствии известный юрист, — по свидетельству П.Д.Баллода, не разделял писаревской «деревянной философии»⁹. Только редактор «Русского слова» Г.Е.Благосветлов, желая удержать в журнале талантливого сотрудника, всячески ухаживал за Писаревым и даже поощрял его слабости. (Влиянию Благосветлова молва приписывала и поведение Писарева в конфликте с Е.Н.Гарднером¹⁰). Уверенный в безукоризненности своей теории эгоизма, окрыленный журналистскими успехами, Писарев не придавал значения отчуждению близких, воспринимал это как проявление непонимания и отсталости.

⁶ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т.1. М., 1967. С.131-132.

⁷ Соловьев Е.А. Указ. соч. С.83.

⁸ Записки ОР ГБЛ. Указ. изд. С.40-41.

⁹ Революционное движение в России 1860-х гг. М., 1932. С.132.

¹⁰ Фирсов Н.Н. В редакции журнала «Русское слово» // Исторический вестник. 1914. №5. С.510-512; №6. С.902-903. Говоря о слухах, будто Благосветлов «намеренно с какими-то расчетами развращал и спаивал Дмитрия Ивановича», автор, хорошо знавший редактора «Русского слова», опровергает в этих слухах только наличие расчета, но дурного влияния его на молодого Писарева, в том числе и во время истории с Гарднером, не отрицает, вспоминая даже поговорку: «связался черт с младенцем».

Однако «ахиллесова пята» у теории Писарева была, и его дуэльная история обнаружила это со всей очевидностью. Но жизненная уязвимость его построения для самого Писарева сделалась очевидной далеко не сразу. Первая его реакция на известие о замужестве Р.А.Кореновой была «непосредственной». Он не вспомнил о необходимости уважать выбор и чувства женщины, которую любил. Его собственная боль и стремление как-то избавиться от этой боли, «сорвать зло», как выразился Писарев в письме к сопернику, — только это имело для него значение. И теория ничуть не препятствовала этому; напротив, подталкивала и оправдывала: ведь главное быть самим собой, следовать своим влечениям.

В разгар конфликта с Гарднером он писал в одной из своих статей: «Мы еще так мало знаем и внешнюю природу и самих себя, что даже в частной жизни наши смелые замыслы и последовательные теории постоянно разбиваются в прах то об внешние обстоятельства, то об нашу собственную психическую натуру. /.../ Кто из нас не ратовал словом и пером за свободу женщины? А пусть случится этому бойцу испытать в своей любви огорчение, пусть его разлюбит женщина, к которой он глубоко привязан! Что же выйдет? Неужели вы думаете, что он утешит себя своими теоретическими доводами и успокоится в своей безукоризненно-гуманной философии? Нет, помилуйте! Этот непобедимый диалектик, этот вдохновенный философ полезет на стены и наделает таких глупостей, на которые, может быть, не решился бы самый дюжинный смертный»¹¹. В сущности, он отстаивает здесь свое право делать «глупости». Для него коллизия заключается в противоречии между «безукоризненно-гуманной философией» и «натурой» философа, а натура, по Писареву, всегда и безусловно «правее» любой философии.

Мысль о дуэли с Гарднером, вероятно, была подсказана Писареву только что (в феврале 1862) вышедшим романом Тургенева «Отцы и дети». Как известно, Писарев, вопреки широко распространенному тогда мнению, что Базаров — карикатура на молодое поколение, не только признал в нем художественно правдивый и содержательный портрет этого поколения, но и сделал его своего рода эталоном, образцом, на который ориентировался, проповедуя образ жизни и образ мыслей, называемый им «реальным». В первой статье о Базарове, писавшейся в марте того же года, он рассматривает эпизод с дуэлью в следующей плоскости: «Дуэль, по понятиям Базарова, нелепость. Спрашивается, хорошо ли поступил Базаров, принявши вызов Павла Петровича?»¹² И отвечает на этот вопрос положительно: по его мнению, Базаров не мог уклониться от дуэли, не роняя своего достоинства. Для Писарева это попытка самооправдания. Однако Базаров принял вызов под давлением обстоятельств и даже досадовал на себя за легкомысленный поступок, послуживший причиной дуэли. Писарев же, разделяя отношение Базарова к дуэли как к нелепости, сам выступил ее инициатором и на-

¹¹ Писарев Д.И. Бедная русская мысль // Сочинения в 4 тт. Т.2. М., 1955. С.60-61.

¹² Там же. С.43-44.

стойчиво ее добивался. Своим поведением в этой истории он напоминал скорее Павла Петровича Кирсанова, чем Базарова.

Что касается самого конфликта Писарева с Гарднером, то тут есть одна странность, которую биографы критика оставили без разъяснения. Читая письма участников конфликта, невольно задаешься вопросом: почему этот поединок при большом взаимном ожесточении противников, при том, что дело дважды доходило до драки между ними, так и не состоялось? В публикуемой ниже переписке соперники упрекают друг друга в уклонении от дуэли, и оба, по-видимому, правы. Когда Гарднер ставит условие, что дуэль должна происходить в Москве, а не в Петербурге, и лишь через десять дней после его выезда туда, ссылаясь на необходимость обеспечить свою жену в материальном отношении, Писарев не без основания видит здесь стремление путем отсрочки сорвать поединок: ведь если речь шла о завещании, то его можно было составить и в Петербурге, да и вряд ли бывший офицер Гарднер мог всерьез опасаться за исход дуэли с человеком, не державшим в руках пистолета. В то же время и у Гарднера есть свой резон: если Писарев действительно желал драться, то почему он не мог подождать десять дней и приехать в Москву?

В неоконченном письме Писарева к Раисе Гарднер, найденном у него при аресте 2 июля 1862, есть несколько строк, которые, на мой взгляд, проясняют эту ситуацию: «В отношении к тебе я исполнил все, что говорил тебе у Хрущева: я окончил сразу полицейское дело, я не назвал тебя в своих показаниях и я не вызвал его [Е.Н.Гарднера. — Е.Б.] на дуэль, а объявил ему письменно, что жду его вызова. Теперь дело решительно кончено, и ты можешь спокойно полнеть и здороветь в деревне»¹³. Таким образом, дуэль не состоялась благодаря усилиям Р.А.Гарднер: после драки, которую затеял Писарев с Гарднером на Царскосельском вокзале, она встретилась с ним, взяла с него обещание не вызывать более ее мужа, и тем самым всей этой истории был положен конец. По-видимому она пыталась предотвратить поединок и на первых этапах конфликта: возможно, именно по ее настоянию Е.Н.Гарднер выставил те условия, о которых говорилось выше. Конечно же, она не могла допустить этой дуэли. Как бы она ни относилась к Писареву в это время, он был ее братом и другом детства, а главное — сыном женщины, которую она называла матерью.

Как сам Писарев оценивал всю эту историю, какой след оставила она в его душе? В упоминавшемся неоконченном письме к Р.А.Гарднер, написанном накануне ареста, Писарев назвал конфликт с ее мужем «непрерывной цепью глупостей с той и другой стороны». Он явно был недоволен собой, но еще не желал признать свою вину. А уже через два с половиной месяца в письме родителям из крепости он писал: «Мне кажется, что эти испытания вместе с семейными событиями, совершившимися нынешнею весною, теснее приблизят меня к вам, а то я в самом деле начал превращаться в какую-то окаменелость. В жизни бывает хорошо получать столь сильные толчки. От этого крепнешь и умнеешь»¹⁴.

¹³ Красный архив. 1924. Т.V. С.252.

¹⁴ Коротков Ю.Н. Указ. соч. С.199.

Он оценивает критически не только свое поведение в истории с Гарднером, но целый период своей жизни, своего развития, который, следовательно, уже ушел или уходит в прошлое. И сознает, что «семейные события» не в меньшей степени, чем арест и заключение, подвели черту под этим периодом.

И еще через год, в октябре 1863, отмечая в крепости день своего рождения, Писарев делает замечательное признание: «Оглядываясь назад на прошедший год, двадцать третий год моей жизни, я вижу, что он проведен гораздо благоприятнее, чем, например, двадцать второй. Правда, что в моем положении мудрено делать какие бы то ни было глупости, но так или иначе, по той или другой причине, а все-таки этот год прошел без глупостей, чего нельзя сказать о его предшественнике»¹⁵. Год, проведенный в крепости, Писарев вспоминает с большим удовлетворением, чем последний год на свободе, в котором ведь были не одни только «глупости»: в том году, например, он стал известным публицистом и членом редакции «Русского слова». Но для Писарева год памятен не литературными успехами, а его поведением в истории с Гарднерами. К вышеприведенным словам он добавляет: «У меня во многих отношениях расширились и прояснились понятия...»¹⁶

Когда через год после заключения в крепость критику разрешили писать для печати, читатели увидели уже во многом другого Писарева. Не вдаваясь в характеристику изменений, происшедших в его взглядах, обозначим нравственный смысл этих изменений словами самого Писарева: «Я начал любить людей вообще, — писал он матери, — а прежде и даже очень недавно мне до них не было никакого дела»¹⁷. Этот глубокий внутренний сдвиг и стал, по-видимому, источником удивительного творческого подъема, который Писарев пережил в крепости и благодаря которому его имя получило широкую известность. Конечно, духовный рост — дело слишком тонкое, чтобы можно было свести его к тем или иным биографическим фактам. Но, думается, что пережитое Писаревым в связи с замужеством Р.А.Кореновой и последующими событиями, сыграло в его жизни не последнюю роль.

Д.И.Писарев — Е.Н.Гарднеру¹

[4 апреля 1862 г.]

Эпиграф:

Дуракам счастье

Милостивый государь Евгений Николаевич!

Как вы легко можете представить, я вовсе не рад тому, что вы женитесь на моей двоюродной сестре². Не имея высокого понятия о вашем уме и характере, я просто считаю вас за дурака и за фата³

¹⁵ Соловьев Е.А. Указ. соч. С.95-96.

¹⁶ Там же. С.96.

¹⁷ Там же. С.99.

и с свойственной мне откровенностью выражаю вам это мнение. Я выражал его и другим, говоря по поводу вашей свадьбы русскую поговорку: «не в коня корм» и варьируя ее иногда так: «не в осла корм».

Получив это письмо, вы не будете знать, что с ним делать. Я укажу вам три образа действия:

1. Или вы можете спрятать это письмо в карман, притвориться как будто вовсе его не получали. Можете даже повеликодушничать со мною, оставаясь в прежних отношениях, и даже видеть меня шафером на вашей свадьбе.

Во 2) вы можете меня вызвать на дуэль, и я буду к вашим услугам.

В 3) вы можете донести на меня 3-му отделению, и меня посадят под арест.

В первом случае мне будет приятно знать, что вы проглотили непозолоченную пилюлю. Во втором мне приятно будет сорвать зло на вас или на себя. В третьем мне будет приятно, что вы сделали подлость. Во всяком случае мне приятно подлить каплю горечи в ваше незаслуженное счастье, которое дается вам на долю только потому, что теперь весна пробуждает чувственность женщин и усыпляет мозговую деятельность.

Предупреждаю вас, что я оставил у себя копию с этого письма⁴ и, когда мне вздумается, покажу ее кому мне угодно.

Если б я вас уважал, я не написал бы этого письма. Письмо это в сущности не дерзость, это только откровенно выраженное мнение. Если вы с ним согласны, то проглотите пилюлю и смолчите, если паче чаяния не согласны, то протестуйте. Можете даже затеять диспут, в котором я буду доказывать, что вы дурак и фат; вы же можете утверждать совершенно противное.

Готовый к услугам вашим

Д.П.

Д.И.Писарев — Е.Н.Гарднеру

28 апреля [1862 г.]

Милостивый Государь!

Супруга ваша⁵ написала сегодня к г-же Поповой⁶, что сближение между мною и ею невозможно. Только надежда на возобновление дружеских отношений с нею, отношений, которыми я дорожу больше всего на свете, побудила меня написать к вам то письмо, которое дало вам возможность уклониться от дуэли⁷.

Теперь, обманувшись в этой надежде, я беру это письмо назад и, если этого мало, готов повторить вам те комплименты, которые вас оскорбили в первом моем письме.

Д.Писарев

Д.И.Писарев — Е.Н.Гарднеру

29 апреля 1862

Милостивый Государь!

Сегодня вечером или завтра утром приедет к вам доверенное лицо⁸ для определения условий по известному вам делу⁹.

Надеюсь, что вы не уедете из города до решения этого любопытного дела.

Д.Писарев

Е.Н.Гарднер — Д.И.Писареву

Милостивый Государь!

Вы хорошо понимаете, что, не устроив предварительно собрания моей жены и не обеспечив по возможности ее спокойствия, я не мог стреляться с Вами.

Обвиняя меня на железной дороге в отказе дать Вам удовлетворение, Вы только сделали еще одну лишнюю и совершенно бесполезную для себя подлость. Г. Чужбинский, а равно и брат мой¹⁰ свидетели, что вызов Ваш был мною принят. Причина, по которой я назначал дуэль в Москве и требовал 10-дневного срока, после всего сказанного должна быть Вам ясна. Я думаю, что Вы не захотите покончить это дело побоищем на железной дороге, которое, впрочем, оказалось совсем не в Вашу пользу, чему служит плачевное состояние Вашей физиономии. А потому повторяю, что по окончании полицейского дела я снова готов к Вашим услугам; но все же не иначе, как в Москве и по истечении 10-дневного срока, считая со дня моего выезда из Питера¹¹.

Д.И.Писарев — И.П.Хрущеву¹²

[Первая половина мая 1862 г.]

Любезный Иван Петрович.

Ты бываешь у г. Гарднера. Передай ему, пожалуйста, как я смотрю на наше взаимное положение. Когда он ударил меня хлыстом, я потребовал от него немедленного удовлетворения путем

дуэли. Он отклонил *немедленную* дуэль; тогда я, не желая оставаться с неотмщенной обидой, расправился с ним путем хлыста, оскорбил его публично, потому что не мог стреляться в вокзале и не хотел застрелить его из-за угла.

Теперь его дело вызывать меня. Если же он этого не делает, я больше ничего не желаю. На удар хлыстом, данный мне в квартире, я ответил ударом хлыста в публичном месте. Теперь я к его услугам. Ему предстоит вызывать меня¹³.

Преданный тебе

Д.Писарев

Д.И.Писарев — Е.Н.Гарднеру

13 мая 1862 г.

Милостивый Государь!

Вы, конечно, понимаете, что наше официальное примирение¹⁴ не может иметь никакого значения.

Оскорбивши вас *публично*, я считаю себя обязанным дать вам полное удовлетворение. Поэтому я ожидаю вашего вызова. Если я не получу его до 1-го июня, то мне останется только пожалеть о том, что наши понятия о чести так сильно расходятся между собою. Что же касается до моего первого вызова, то, конечно, он потерял всю свою силу в ту минуту, когда я оскорбил вас в вокзале.

Самое же оскорбление было вызвано с моей стороны, как вам уже известно, вашим уклончивым ответом.

Прошу вас ответить мне в течение завтрашнего дня.

Д.Писарев

P.S. Если вы мне ответите, что *принимаете мой вызов* и назначаете место в Москве, то я по-прежнему приму этот ответ за уклонение. Вы должны помнить, что моего вызова уже нет.

Е.Н.Гарднер — Д.И.Писареву

[Середина мая 1862 г.]

Милостивый Государь!

Чтобы объяснить всю низость Вашего поведения, мне придется начать издалека.

Возьмем сначала:

месяца полтора тому назад Вы, не имея никакого повода, написали мне письмо, начиненное бранными словами. Я понял

это так, что Вы считаете меня человеком, ставшим на Вашей дороге, и желаете со мною стреляться.

На Вашу многословную брань я отвечал вызовом, Вы приняли его, но чрез несколько дней я получил от Вас письмо, в котором Вы говорите, что по настоянию своих секундантов Вы готовы сознаться, что письмо написано Вами в минуту раздражения. Я удовлетворился этим письмом, потому что с своей стороны не имел ни малейшего желания покушаться на Вашу жизнь, ни даже на Вашу гражданскую свободу, не до вас мне было. И так я счел это дело совершенно оконченным и в продолжение трех недель, последовавших за тем, забыл даже о Вашем существовании; но тут Вы снова напомнили о себе таким же ругательным письмом, как первое. Это показалось мне лаем из подворотни и очень не понравилось, я купил хлыст, поехал на Вашу квартиру и прибил Вас этим хлыстом. На другой день Вы прислали мне вызов; я принял этот вызов, но отвечал, что требую десятидневного срока и дуэль назначаю в Москве.

Причина, заставившая меня сделать эти условия, покажется уважительною всякому честному человеку: тут было замешано третье лицо, которое я должен был по возможности выгородить из этой истории.

Итак, я отвечал Вам, что я уезжаю в Москву и чрез 10 дней буду Вас там ждать. Вы предпочли совсем иное. Вы поджидали меня переодетый на железной дороге и бросились на меня с хлыстом. За это Вы поплатились своей физиономией, которая страшно пострадала от моего хлыста.

Вы тут же вопили, что я отказываюсь от дуэли с Вами, рассчитывая, вероятно, что полицейские, которые нас растащили, убедят меня немедленно стреляться с Вами. Следовательно, Вы передали все дело в руки полиции и, как видно, совсем не заботились о скорейшем его прекращении, потому что когда наш общий знакомый советовал Вам для скорейшего прекращения полицейского дела не упоминать в показании о предполагаемой дуэли, то Вы отвечали, что согласитесь на это тогда только, если я дам Вам подписку, что буду немедленно стреляться с Вами. Нас обязали подписками не выезжать из города. Я писал Вам, что твердо стою на прежних условиях и что, когда меня выпустят из Петербурга, то я с Вами буду драться не ранее как через 10 дней и в Москве.

Долго Вы медлили с ответом и наконец даете мне знать сначала через одного знакомого¹⁵, потом пишете сами, что считаете себя удовлетворенным и что если я желаю дуэли, то теперь мне предстоит Вас вызвать.

Признаюсь, я этого никак не ожидал! Куда же девалась эта яростная жажда моей крови, выраженная уже после происшедшего побоища. Вы считаете себя удовлетворенным, потому что на хлыст отвечали хлыстом же. Странно, как это Вы не видите, что тут огромная разница; как последовательный материалист и, вероятно, не слишком плохой математик, Вы бы должны были это чувствовать. Ведь находите же Вы, что никак нельзя приравнять удара хлыста к ругательному письму, тем менее нельзя приравнять плохо удавшийся удар хлыста к плачевно избитой физиономии. Если уж Вы считаете себя удовлетворенным, то как же мне не удовлетвориться: за дерзкое письмо я Вас прибил, за скандал прибил еще более.

Как Вы ловко оставляете себе каждый раз лазейку: то Вы напишете письмо, где нимало не теряя своего достоинства, говорите так и так вот, секунданты убедили и т.д., «но, впрочем, если Вы все-таки хотите драться, то я к вашим услугам». Говоря это, Вы очень хорошо знаете, что мне Ваша жизнь ни на чорта не нужна. В другой раз Вы опять-таки не вызываете меня, а только тешите себя ругательным письмом.

Вызвали Вы меня наконец, да и то оказались недовольным моими условиями, а предпочли сделать публичный скандал и, пользуясь им, спрятаться от моего выстрела за жандармские спины.

Теперь Вы вновь предлагаете мне вызвать Вас, гарантируя себя условиями, на которые, Вам положительно известно, я не могу согласиться. Молодец Вы, г. Писарев, право молодец! Нет, г. Писарев, довольно нам эти шутки шутить, надоело! Если Вы считаете себя удовлетворенным и не желаете дуэли в Москве, то мне остается только поздравить Вас с искусством так легко удовлетворяться и в заключение объявить Вам, что на будущее время на все Ваши ругательные письма и вызовы я отвечать не буду, не отвечу даже, если Вы с этой уверенностью будете писать их хоть каждый день, разве только прибыю, и больно прибыю, да Вы уже знаете как.

P.S. Я намерен завтра, впрочем даже сегодня, так как теперь уже полночь, выехать в Москву.

Письма Писарева публикуются по изданию: Записки ОР ГБЛ. Вып.9: Н.А.Некрасов, Д.И.Писарев. М., 1940. С.29-30, 32; письма Е.Н.Гарднера — по черновым автографам, хранящимся в ОР РГБ. Ф.178. Карт.8308. Ед.хр.7. Л.1-3об.

¹ *Евгений Николаевич Гарднер* (1836-1899) — муж Р.А.Кореневой. Из семьи известных фарфорозаводчиков. Окончил Михайловское артилл.

лерийское училище. В годы Крымской войны служил на Кавказе (в боевых действиях не участвовал). В 1862 — прапорщик в отставке. После женитьбы на Р.А.Кореновой поступил на службу акцизным чиновником в Московской губернии, позднее был комиссаром по крестьянским делам в Седлецкой губернии (Царство Польское).

² Имеется в виду Раиса Александровна Коренева, в замужестве Гарднер (1840-1916), писательница, переводчица. Познакомилась с Е.Н.Гарднером весной 1861 в тверском имении его сестры, В.Н.Клименко. Тогда же она сообщила Писареву, что не может выполнить своего обещания выйти за него замуж. В марте 1862 Гарднер приехал в Петербург, рассчитывая отправиться за границу, но после встреч с Кореновой отказался от своего намерения, сделал ей предложение, которое она и приняла.

³ Подобное мнение о Е.Н.Гарднере перешло и в литературу о Писареве (см., напр.: Коротков Ю.Н. Указ. соч. С.134).

⁴ Эта копия вместе с другими бумагами была взята у Писарева при аресте 2 июля 1862 и приобщена к его следственному делу.

⁵ Свадьба Р.А.Кореновой и Е.Н.Гарднера состоялась 18 апреля 1862.

⁶ *Евгения Алексеевна Попова* (ок.1839-1910) — писательница (псевдоним Ж.Линская), жена сотрудника «Русского слова» В.П.Попова. С осени 1861 Писарев и Коренева жили на квартире у Поповых (он — до ареста, она — до того, как приняла предложение Гарднера).

⁷ Это письмо неизвестно. Его содержание кратко излагается Гарднером во втором письме к Писареву.

⁸ Секундант Писарева, этнограф и писатель Александр Степанович Афанасьев-Чужбинский (наст. фамилия Афанасьев, 1816 или 1817-1875), сотрудничавший в «Русском слове», поручик в отставке.

⁹ Гарднер, вопреки расчетам Писарева, не стал вызывать его на дуэль (возможно, по настоянию Кореновой), а явился к нему на квартиру и ударил хлыстом. Тем самым он рассчитался с Писаревым за оскорбление и одновременно поставил его перед необходимостью самому вызывать Гарднера. Настоящее письмо как раз и представляет собой формальный вызов на дуэль.

¹⁰ Очевидно, двоюродный брат Е.Н.Гарднера, Петр Александрович Гарднер, выпускник медицинского факультета Московского университета. Один из ближайших друзей Кореновой, приятель Писарева.

¹¹ Условия о переносе дуэли в Москву (право выбора места было предоставлено секундантам) и ее отсрочке, по-видимому, были выставлены Гарднером по желанию жены. Хорошо зная Писарева, она, возможно, надеялась, что отсрочка дуэли и перенесение ее в другой город дадут ему возможность успокоиться и одуматься. Писарев, не без основания, воспринял комментируемое письмо как уклонение от дуэли. Взбешенный,

он в первых числах мая, в кучерском армяке и с подвязанной бородой (вероятно, для того, чтобы хлыст в руках не вызвал подозрений у полиции), подкараулил Гарднера на Царскосельском вокзале и ударил по лицу. В результате — драка и полицейское дело.

¹² *Иван Петрович Хрущев* (1841-1904) — знакомый Писарева и Кореньевой, педагог, журналист, в последние годы жизни — крупный чиновник Министерства народного просвещения.

¹³ Судя по противоречивому (см. второе письмо Гарднера) поведению Писарева, он, возможно, и сам был уже рад покончить с этой историей, тем более что драка на вокзале («водевиль с переодеванием»), по свидетельству Н.Н.Фирсова, сделала его предметом насмешек в литературном кругу (*Исторический вестник*. 1914. №5. С.511). Заявляя о том, что ждет вызова со стороны Гарднера, Писарев лишь хотел показать, что не считает себя побежденным. Но он отлично понимал, что Гарднер не станет его вызывать.

¹⁴ Окончание полицейского дела по мировым прошениям сторон.

¹⁵ Очевидно, через И.П.Хрущева.

2. «ЛЕГЕНДА» О ПИСАРЕВЕ

Мы любим народ или по крайней мере воображаем себе, что любим, потому что мудро действительно любить того, кого мы почти не знаем, но народ не любит нас и не верит нам.

Д.Писарев. Народные книжки.
(1861)

В 1872 А.Н.Чудинов, известный впоследствии педагог-словесник, попросил свою знакомую, Е.Алферову, в семье которой в Тульской губернии жила в это время няня Д.И.Писарева, записать ее воспоминания о недавно умершем критике. Выполнив просьбу, Е.Алферова, однако, высказалась против того, чтобы «слова глупой старухи стали так или иначе известны обществу», и воспоминания при жизни А.Н.Чудинова не увидели света. Как свидетельствует приложенный к архивному делу «лист использования», с воспоминаниями знакомились многие советские исследователи, но и они не сочли необходимым их обнародовать; возможно, они также нашли их малоинтересными и оскорбляющими память критика. Насколько это мнение справедливо — предоставляем судить читателю.

Воспоминания няни Писарева (к сожалению, имя этой женщины установить не удалось) и сопроводительное письмо Е.Алферовой А.Н.Чудинову публикуются по автографу, хранящемуся в ОР РНБ (Ф.842. Ед.хр.1. Л.1-4об.).

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Верная своему обещанию, тотчас по приезде в Елец я заставила няню моего маленького племянника рассказать мне, что она помнит и знает о Д.И.Писареве. Женщина эта, столько же глупая, сколько и словоохотливая, делается чрезвычайно скупой на слова, как только дело касается этого предмета. По-видимому, ее религиозные умозрения заставляют ее считать равным грехом говорить о нечистоте и о Писареве. То, что я записала слово в слово с ее рассказа, так ничтожно, что я посылаю Вам это только как доказательство, что я не забыла своего обещания. В то же время я бы не желала, чтобы слова глупой старухи стали так или иначе известны обществу, потому что в них содержится очевидно клевета на личность, известную нам с светлой стороны, на мать П. Как объяснить себе эту клевету, я положительно не знаю, и объясняю ее себе только живым воображением старухи, заставляющим ее саму выдумывать факты и глубоко в них веровать. Из бесконечного ряда ее курьезных верований, вероятно, ею самой переработанных, потому что, довольно близко знакомая с русскими народными предрассудками, я подобных никогда не встречала, я, наудачу, Вам расскажу одно. Она верит (и попробуйте-ка ее разубедить), что при таинстве миропомазания употребляются 2 мира, мужской и женский, и что сила таинства так велика, что если священник по ошибке мальчика помажет женским миром, то тот превратится в девочку, и наоборот... Все это наводит на грустные размышления... Развитие нашего народа представляет поле до того заросшее плевелами, что глядя на него и руки опускаются. Нужны века, чтобы выдергать эти плевелы, и достоин ли мир до того, чтобы на их месте выросла чистая пшеница. При этой мысли я точно слышу скорбный голос, прозвучавший столько лет тому назад: «работы много, а делателей мало», — и тяжело делается у меня на душе...

Однако я, кажется, по русской пословице, начала за здравие, а свела за упокой... Простите мне мое невольное увлечение и не забудьте прислать обещанный проект Вашей газеты. Прощайте, передайте мой поклон Вашей жене и мой поцелуй брату Мише. Наши Вам кланяются. Будьте здоровы.

Готовая к услугам Вашим

Елена Алфорова.

Рассказ старухи

Да что я Вам об нем стану рассказывать? И рассказывать там нечево... Дите это он был умное преумное... Воспитывали это его отлично... Это то есть к нам в девичью и ни шагу не пускали... Захочет, бывало, пить, войдет: нянюшка, дайте, пожалуйста, напиться... И всегда скажет «Вы» и «пожалуйста» так вежливо, благородно... Подашь... сейчас «мерси», выпил и пошел.

В три года он уже такой умный да ученый был, что, бывало, всякого и принять, и проводить сумеет... И все по-французскому, все по-французскому...

И вот отвезли его в Питер, значит, в ученье. И, стало быть, не к добру это было, и не доброму его там научили. Стал он с дурными людьми якшаться и противу Бога пошел, и на Царя злое умыслил.

Много их там было, значит, всяких, и задумали они Царя то есть *похитить* [Подчеркнуто в автографе. — Е.Б.]... Ну, и похватили их, да в тюрьму и посадили... И нашего с ними.

Ну вот, и стали их судья судити, и порешили им всем в Сибирь идти... А наш-то еще допреж того стал было книжки писать.

Книжки-то ехидные, говорят, ан господам-то и антиресно, так вот их нарасхват и покупают.

Ну вот, значит, как порешили это ему на Сибирь идти, купцы-то с судьями и завоевали:

«Ежели вы, говорят, его сошлете, и он нам книжек больше не будет поставлять, так мы де и лавки запрем и торговать де книжками больше не будем».

Что же, бунтовали купцы и до самого Царя, значит, доходили.

Царь, значит, это дело разобрал и порешил: «Всех сослать, а Писарева ослабонить и велеть де ему еще больше книжек поставлять... Уж очень он де умен»... Тем и спасся... Да не долго Бог его грехам терпел... Пошел это он, значит, купаться, да в ванне и захлебнулся.

Вот оно что значит от Бога отступиться и родителей не почитать. Это ему материнские слезы отозвались. Уж как же бедная она о нем убивалась. Просто через него с нею каждую минуту дурнота делалась...

Привезут это, бывало, из города его книжку, станет она читать — плачет, плачет.

А как это, значит, дойдет до того, где написано: «Нету, дескать, совсем Бога, это все попы выдумали», так материнское-то

сердце, знать, кровью и обольется, и полетит сердешная без памяти; а мне ее и оттирай...

Вот это как потонул он, Царь [1 сл.нрзб.] видя Божий гнев, да на него и ожесточился: «Не хоронить де его, а зарыть, как собаку».

Сестра там у него была, своендравная такая... Так вот это она втихомолку крест на его могилу вздумала поставить... Так что ж Вы думаете, даром что барышня, а приволокли ее к нам в деревню с жандармами...

Чтоб в Питере ее и духу, значит, не было... Вот оно что...

[Примиска Е.Алферовой]

P.S. Заметьте упрямство, с которым старуха старалась избежать произнести имя героя своего рассказа, употребляя вместо него «он» или «наш».

Вместо комментария

Даже читатели, мало знакомые с биографией Писарева, почувствуют, что многие события представлены в воспоминаниях его няни в довольно фантастическом виде: чего стоит одна история об ультиматуме, предъявленном книготорговцами царю, в которой, по-видимому, получили своеобразное преломление доходившие до рассказчицы слухи о необычайной популярности писаревских статей.

Однако многое в этих воспоминаниях одной неосведомленностью не объяснишь. Живя в доме родителей Писарева, няня, например, не могла не знать, что он в продолжение нескольких лет отбывал наказание в Петропавловской крепости¹. Почему же она утверждает, что он избежал наказания? Все дело в том, что судьбу своего воспитанника она осмысливает под влиянием того главного для нее обстоятельства, что он «противу Бога пошел и на Царя злое умыслил», то есть, по ее понятиям, восстал против коренных основ жизни, совершил нечто неслыханное. Живя в деревне, няня вряд ли представляла себе, что такое Петропавловская крепость. Возможно, она вообще единственным местом наказания для серьезного преступника считала Сибирь. Ей же было известно, что Писарев по-прежнему находился в Петербурге и даже продолжал печатать свои «ехидные» книжки² (номера журнала «Русское слово», регулярно получаемые родителями критика). Все это,

¹ Писарев провел в одиночном заключении более четырех лет (с июля 1862 по ноябрь 1866) за резкую антиправительственную статью, написанную им по заказу владельца тайной типографии П.Д.Баллода и найденную (в рукописи) среди бумаг последнего.

² Через год после ареста мать Писарева выхлопотала ему разрешение заниматься в заключении литературным трудом. В крепости были написаны наиболее известные статьи Писарева, принесшие ему широкую популярность.

очевидно, и породило у нее уверенность, что от наказания ее молодой барин был освобожден. Потому и слезы матери при чтении написанных в крепости статей сына она объясняет столь оригинальным образом: просто она не видит причин оплакивать его судьбу, но зато находит серьезные основания оплакивать его погибшую душу.

В том же духе истолкованы и другие факты. Как известно, Писарев, будучи 27 лет от роду, утонул во время купанья в Дуббельне, на Рижском взморье. Няня, конечно, знала об этом. Но такая гибель — трагическая случайность, а няня желала бы видеть в его смерти справедливое возмездие. Поэтому она выдвигает свою версию — утонул в ванне, — которая как бы «снимает» трагический характер события, освобождая ее от сочувствия грешнику. А с другой стороны, самая нелепость такой смерти подчеркивает участие в этом деле провидения — чем невозможнее обстоятельства смерти, тем больше оснований видеть в них проявление нездешней воли.

Вскоре после смерти Писарева его сестру Веру Ивановну выслали из Петербурга в имение родителей как лицо, прикосновенное к делу Ф.Ф.Павленкова, который без разрешения правительства предпринял широкий сбор пожертвований на надгробный памятник Писареву и стипендию его имени при Петербургском университете. Сестру Писарева привезли в деревню «с жандармами», что не могло не подействовать на возмущение дворовых, свидетельствуя о деле государственной важности, о непослушании царской воле и заставляя искать разгадку, в чем состояла эта воля. Поскольку же высылка была связана с надгробным памятником, который, по понятиям няни, не мог быть ничем иным, как только могильным крестом, то весь «криминал» и сосредоточился для нее в этом кресте. Она решила, что «своендравная» сестра была наказана именно за намерение поставить крест на могиле своего брата-безбожника. Логика няни безукоризненна — строгий запрет, под страхом наказания, родной сестре поставить крест на могиле брата нельзя объяснить иначе как его воинствующим безбожием. Уверовав путем таких умозаключений в преступную греховность Писарева, няня получила несомненное доказательство того, что смерть Писарева не была случайной, что его наказал Господь.

В сущности, перед нами не воспоминания, а легенда о наказании грешника, о неотвратимости Божьей кары. Но в отличие от других произведений такого рода, эта легенда замечательна тем, что, зафиксированная в момент своего возникновения, она не успела пройти «обкатку» в процессе бытования и потому позволяет наблюдать работу народной мысли с историческим фактом, так сказать, *in statu nascendi*.

Письмо Е.Алферовой представляет не меньший интерес, особенно в соседстве с рассказом няни. Вместе эти документы создают эффект взаимного отражения двух социально-исторических типов сознания. При этом обнаруживаются не только глубокие различия, но и определенное сходство между ними, в свою очередь усугубляющее взаимное непонимание: каждое из них по-своему замкнуто и догматично.

Вера Бокова

ПЛАТЬЕ ЭЛЕН

Об одном комментарии к роману
Л.Н.Толстого «Война и мир»

«Княжна Элен улыбалась /.../ Слегка шумя своею белою бальной робой, убранною плющом и мохом, и блестя белизною плеч, глянец волос и бриллиантов, она прошла между расступившимися мужчинами» — так выглядит на первых страницах «Войны и мира» красавица Элен, будущая жена Пьера Безухова.

Со времени написания романа прошло немало времени, и случилось так, что приведенные выше строки стали одним из темных мест книги. Наряд Элен кажется странным современному читателю, вызывает недоумение. Что такое «бальная роба», почему на ней плющ и мох? Нет ли здесь какого-то иносказания, не содержит ли эти слова второго смысла, известного современникам Толстого, но забытого нами?

Это место пытались расшифровать. В недавнем собрании сочинений Толстого можно прочесть следующий комментарий: «Роба — пышное старинное парадное платье; *плющ* — ворсовая ткань, в зависимости от техники производства употребляемая нередко в качестве отделки. В старых значениях этого слова плющом называли также плоские украшения, плетеную плоскую тесьму, тиснение и т.п.; *мох* — тонкая мягкая опушка, декоративный элемент одежды»¹.

На великосветском вечере у Анны Павловны Шерер, где появляется в своем «странном» наряде Элен, обсуждаются свежие политические новости — провозглашение Наполеона императором, казнь герцога Энгиенского и т.п. Эти события произошли в 1804 году. Элен, конечно, была одета на вечере по последней моде. Источник толстовского описания наряда Элен обнаружился в журнале «Вестник Европы» за 1804. Вот полный текст диалога, напечатанного в журнале:

— Лизета! — Чего изволите, сударыня? — Подай мне скорее дубовую ветвь. — Вот она, сударыня! — Сделай ее диадемою или гиляндою, но только поскорее, затем что теперь уже поло-

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 тт. Т.4. М., 1979. С.377. (Автор комментария Н.М.Фортунатов).

вина одиннадцатого часу и мне пора открывать бал. — Тотчас, сударыня! — Подай мне мои серьги. — Которые? — Разве ты не знаешь серег моих, которые сделаны наподобие дубовых желудей? — А какую робу прикажете для вас приготовить? — Новую, креповую, обшитую мхом и плющом; чулки с тремя стрелками ажур и зеленые башмаки. Ах, какое произведу я впечатление! Посмотри, Лизета, не прелестный ли это полунаряд? — Женщина со вкусом, если она молода и пригожа, должна одеваться так, как Дриада или Амадриада (лесная нимфа)².

Итак, Элен была одета «лесной нимфой»: дубовая ветвь в волосах, серьги в виде желудей, креповое платье с отделкой из плюща и мха (все растения, разумеется, искусственные), ажурные чулки со стрелками и зеленые башмаки. Источником модных новостей служили в то время заграничные, чаще всего французские, издания. Собственный, российский модный лексикон еще не сформировался, и помещаемые переводы изобиловали французскими терминами, галлицизмами и, как в приведенном диалоге, буквализмами: полунаряд (видимо, французское *demi-toilet* — туалет для не самых торжественных случаев), роба (фр. *robe* — платье).

Слово «роба» в России XVIII века означало широкое и пышное распашное платье. С конца столетия такие платья вышли из моды и сменились легкими, узкими, с очень высокой талией нарядами, напоминавшими античный хитон. Шили их, как правило, из тонких хлопчатобумажных или шелковых (вроде упомянутого в журнале крепа) тканей. Иногда платья могли быть и распашными, но тоже узкими, перехваченными под грудью, и с длинным овальным шлейфом. Такой фасон тоже мог быть шит из крепа (образцы подобных нарядов сохранились в музеях), и в этом случае его вполне могли по старой памяти называть «робой».

² Вестник Европы. 1804. №7. С.238-239.

Г.Краснов

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ...

(«Уход» Некрасова, Достоевского, Тургенева)

Уход из жизни известного деятеля, известного писателя — тема, которая не сводится к объемному некрологу или подробному описанию последних почестей. Академик М.П.Алексеев в своей известной книге «Стихотворение Пушкина "Я памятник себе воздвиг..."» раскрыл глубокий подтекст этой печальной темы, ее нравственно-эстетический смысл в философской лирике Пушкина, в его переживаниях, вызванных отчасти смертью А.Дельвига. Добавим еще влечение Пушкина к «дуэльным» сценам в «Онегине», «Маленьких трагедиях», «Пиковой даме»... Тема «ухода» в творчестве писателя естественно перерастает в анализ вечного вопроса «быть или не быть», мысли о жизни и смерти переживаются, разнообразясь биографическими оттенками. Это и духовная драма писателя: вспомним очень значительную работу В.Г.Черткова «Уход Толстого». Это и осознание писателем своего пути, при котором ретроспективный взгляд переплетается с подведением итогов. Это и его духовное завещание. Не случаен все больший интерес в литературоведении и среди читателей к «последним» песням в творчестве Фета, Некрасова, Тургенева и других.

Кроме того, «последний путь» большого писателя — обычно с разноречивым общественным резонансом — обозначает вехи гражданского сознания, национальной истории. Известны многие перипетии, связанные с похоронами Грибоедова, Пушкина, Гоголя и других писателей прошлого и нынешнего века. Такие похороны всегда связаны со «злостью дня», отчего в освещении «последнего пути» писателя нередко многое излишне политизируется, подчиняется авторитарным мнениям. Привлечение новых материалов позволит несколько шире трактовать эту тему и в связи с ней углубить наши представления о личности писателя, его творчестве, характере общественных явлений, с ним связанных.

1

Начало духовной драмы Некрасова, предварившей его уход, обозначить каким-то определенным событием или хотя бы при-

близительной датой невозможно. Хотя такого рода попытки были. Видный некрасовед, талантливый ученик В.Е.Евгеньева-Максимова — М.М.Гин выступил с интересной работой «Эволюция замысла "Медвежья охота" и духовная драма Некрасова 1866-1867 гг.». На основе анализа не только незавершенной пьесы «Медвежья охота», но и других вещей поэта, написанных в 1866-1867, в частности стихотворений «Умру я скоро...», «Зачем меня на части рвете...», Гин выявляет общие признаки кризиса: «сложные и мучительные испытания, сомнения и колебания» лирического героя, его «в конечном счете победа». В «Медвежьей охоте» поэт переходит «от осмысления своей личной судьбы» «к осмыслению судеб русского освободительного движения». Духовная драма 1866-1867 «идейно подготовила последний этап творчества Некрасова»¹.

Однако отмеченные Гином «кризисные» симптомы в поэзии Некрасова были и раньше. В стихотворении «На Волге (Детство Валежникова)» (1860), полном диссонансов, переживаний («поэзия детства» и родная река, река «рабства и тоски»), судьба лирического героя также неотделима от судеб отчизны, народа. В «Рыцаре на час» (1862) мотивы покаяния, больной совести, жертвоприношения во имя «великого дела любви» звучат еще острее:

Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...

Вызов судьбе, последняя надежда — на героическую смерть как на неопровержимое доказательство величия души, как на очищение от грехов бесполезно прожитой жизни... Не случайны у Некрасова оправдания самоубийц («Похороны», 1861; «Ты не забыта...», 1877). «Рыцарь на час», сравнимый из предшествовавшей лирики разве только со знаменитым пушкинским «Воспоминанием» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), находил отклик у многих современников, их потомков, боровшихся за гражданские идеалы.

Уход как одно из высших драматических напряжений человеческой жизни, как бесповоротная кризисная ситуация в «типических» чертах русского литературного процесса XIX в. для Некрасова не характерен. Во многом права была М.Бойко, когда

¹ Некрасовский сборник. Вып.7. Л., 1980. С.36, 40, 46. См. также комментарий М.М.Гина к «Медвежьей охоте»: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 тт. Т.3. Л., 1982. С.390-398.

писала о постоянной «некрасовской ситуации раскаяния, очищения и преображения "грешника", искупления его "вины"»². Неоднократно возникали поводы обвинять поэта в неискренности. В.Шаламов включал Некрасова в ряд писателей, которых, по его мнению, «занятие искусством не облагораживает»³.

И все-таки возвращение к покаянным мотивам не было у поэта только самозащитой или ответом своим недоброжелателям. В творческой эволюции Некрасова в середине 1870-х происходит заметный перелом. Его можно увидеть в как будто случайных событиях той поры: резкие перемены в творческих замыслах, явные разногласия в редакции «Отечественных записок» (к примеру, несостоявшееся, вопреки желанию Некрасова, привлечение в постоянные сотрудники А.С.Суворина), тупиковая для поэта общественная ситуация в России и Европе (семена раздора и войны), разрыв с совладельцем охотничьей дачи в Чудовской Луке, чиновником В.М.Лазаревским, симптомы предсмертной болезни. На глазах читающей публики, близкой к «Отечественным запискам» литературной братии все идет как будто в прежнем некрасовском ключе, с его хваткой. Выходят при его главном участии номера журнала, он один из главных соредакторов «Складчины», он озабочен деятельностью Литфонда, его беспокоит болезнь Салтыкова-Щедрина, он организует литературные чтения и т.д. и т.п. И вместе с тем... Позволим себе пространную выписку из письма Некрасова его свойственнику А.Н.Еракову от 10 августа 1874 из Чудовской Луки:

Я отчасти хандрю, отчасти работаю, отчасти лечусь. Охота на втором плане. Впрочем, следующий отчет о поведении моем, начиная с 6 июня (день переезда в деревню), лучше всего меня оправдает.

Употреблено на питье марииенбадской воды 30 дней, и по сей причине не пил ни вина, ни водки 60 дней.

В первые 30 дней читал только корректуры, затем принялся писать и написал следующие пьесы:

«Уныние», довольно большая пьеса.

«Горе старого Наума», поэма.

«Ночлеги», три пьесы: 1) Новый барин, 2) Гари, 3) У Трофима и затем еще несколько мелких лирических стихотворений.

В то же время прочтено корректуры более 80-ти листов и выпущены две книги «Отечественных записок», причем двукратно ездил в город и каждый раз возвращался с мерзостью на душе /.../.

² Бойко М. Лирика Некрасова. М., 1977. С.48.

³ Из письма В.Шаламова. 1965 г. // Знамя. 1992. №2. С.162.

Насчет имени вот моя мысль: купить мне хотя бы и отличное имение, значит навязать себе обузу и источник разорения — неумно! Лучше выстроиться в Карабихе: место красивое, людное, близко и к Москве и к Ярославлю. И только дом, да сад, да огород. Ничего более /.../. Я теперь посерьезнее принялся за охоту, работать устал, да и приобрел право пить и есть, без чего охота утомительна и не впрок здоровью⁴.

В этом «отчете» все примечательно. Обратим внимание на его начало и концовку с описанием забот, немаловажных для Некрасова. Сделан выбор в пользу Карабихи, в пользу более родных мест, чем сановный Петербург, выбор, правда, уже запоздавший. В письме заметна иерархия «пьес». На первом плане — «большие пьесы», поэма. В следующем письме Еракову от 29 августа 1874 Некрасов пошлет ему «Элегию» и назовет эти стихи самыми «задушевными и любимыми» из написанных им в последние годы⁵. В.В.Жданов верно заметил: «Может быть, самое важное место в лирике середины 70-х годов занимают "Уныние" и "Элегия"» — стихи, проникнутые «итоговыми и прощальными настроениями»⁶. В этих словах схвачена суть ухода Некрасова, хотя и она требует некоторых пояснений.

Синонимические заглавия — «Уныние», «Элегия» — сближают оба стихотворения. В первом биографический элемент представлен сильнее, детальнее: образ «любимой реки», среди охотничьих персонажей — любимые собаки Кадо и Черкес, а главное — болезненное признание:

Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

Автобиографично и другое признание, о неотвязчивом недуге:

Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну
Иль хоть смягчал трудом по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.

Уныние как состояние духовного кризиса, «нежданная забота / Свести итог...» И далее движение лирического мотива идет уже по известному некрасовскому пути: исповедь, оправдания, неприятие «недружелюбного суда», подчинение моральным требованиям другого суда — «неумолимого бога» — «бога старо-

⁴ Переписка Н.А.Некрасова: В 2 тт. Т.2. М., 1967. С.486-487.

⁵ Там же. С.488.

⁶ Жданов В.В. Жизнь Некрасова. М., 1981. С.215.

сти» (в «Рыцаре на час» — суда матери) и мольба к «читателю-гражданину» с надеждой на справедливость его суда. В будущем «Посвящении» в «Последних песнях» (1877) эта надежда будет повторена: «Ты не будешь строг, читатель-друг?»

Лейтмотив «Уныния» выдержан до конца. В заключительной строфе читаем: «Уныние в душе моей усталой, / Уныние — куда ни погляжу», «Мой стих уныл, как ропот на несчастье...» При издании «Последних песен» из текста «Уныния» поэт исключил строфы, несколько нарочито усиливающие основной мотив: «Высокий крест: на барке есть покойник...», «Несчастный конь... Ты поражен недугом роковым», «Печальные, убогие равнины...», «Душа болит, уныние растет». К сожалению, авторская воля не учтена в академическом издании Некрасова (1982).

В «Элегии» — другой оттенок того же мотива: трагедия разлада с народом. Она ощущалась поэтом и раньше: «В столицах шум, гремят витии... / А там, во глубине России, — / Там вековая тишина», «Ты проснешься, исполненный сил...» и др. То, что было когда-то почти очевидным, бесспорным, отчасти созвучным революционному окружению поэта, в новую пору оказывается трудно разрешимым, непонятым:

Ответа я ишу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы?..

«Вопросы, кипящие в уме» (ср. в пушкинском «Воспоминании»: «Мечты кипят; в уме...»), откликнутся вскоре в последней — по времени написания — части поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Вспомним хотя бы неожиданные крестьянские типы в главе «Странники и богомольцы».

В «Элегии» сняты метания лирического «Я» («...и сердцем я спокоен... / Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...»). Певец, кажется, достиг всего. Его громкая песнь находит отклик везде («Природа внемлет мне...»), кроме того, «кому посвящены мечтания поэта». Это самая большая трагедия для Некрасова. Она скажется и в стихотворении «Сятелям».

Трагедия эта еще усугубляется «наивными увлечениями», «мечтаниями поэта». В произведениях 1874 («Элегия», «Горе старого Наума») немало идиллических картин «иных времен». Во многом условна и картина «пира на весь мир». Власу «невольное думалось: / 'Без барщины... без подати... / Без палки... правда ль, господи?'». Идиллия не скрывает иллюзорности мечта-

ний. В «Горе старого Наума» духовная драма лирического героя обнажена:

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.
И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы...

Мотив жизни-смерти постоянен в лирике Некрасова и приобрел в ней некоторую обязательность. Она видна и в произведениях 1874: «...трудись, пока годишься, / И смерти жди! Она недалеко...» («Три элегии»), «Умру — и мой исчезнет след!» («Горе старого Наума»), «Быть может, я умру неведомый ему...» («Элегия»).

«Пророк» (1874) и рядом с ним поставленное в книге «Последние песни» стихотворение «Скоро стану добычею тленья...» (1876) передают новое мироощущение, осмысление самой судьбы-смерти. Конечно, «Пророк» восходит к более ранним стихотворениям — «Памяти Добролюбова» (1864) и «Не рыдай так безумно над ним...» (1868), написанному в связи с гибелью Д.И.Писарева. Их сближает дидактическая мысль о жертвенности во имя добра, а жизни не во имя мирских наслаждений. Однако упомянутые стихотворения имеют в виду конкретных лиц, они посвящены тем гениям, «которые мало живут». В свое время С.Н.Булгаков, сочувственно относившийся к поэзии Некрасова, не принял его стихотворения, посвященного Писареву, увидел в нем «поверхностную» «героическую аффектацию», «апофеоз интеллигентного героизма»⁷. В «Пророке» высокая ценность «интеллигентного героизма» сохраняется — в «мирском» осмыслении жизни, судьбы героя. Но некрасовский пророк — не только герой, но и подвижник в прямом религиозном смысле этого слова. Его не обязательно сравнивать с пушкинским или лермонтовским пророками, к которым больше тяготеет «гениальный жрец искусства» в стихотворении «Поэту (Памяти Шиллера)». Подвижничество некрасовского пророка — в его полной отрешенности от «помыслов мирских», в поведении, отличающем его от людей мира сего, в ясном и спокойном сознании неизбежности крестной смерти в конце пути. Глубокую мысль высказал Д.С.Мережковский: «О самом Некрасове можно бы сказать то же, что он сказал о Чернышевском:

⁷ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991. С.52.

Его послал Бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.

О Христе — о свободе»⁸.

В стихотворении «Скоро стану добычею тленья...» мотив судьбы-смерти выражен с иной стороны. В «Пророке» — апофеоз подвижника, одический стиль. Здесь — безутешный итог, трагедия конца, покаяние... «Все порвалось» — душевные связи, «узы дружбы, союзов сердечных». Драма одинокого человека. Драма его отчуждения и самооправдания. Все переплетено и расщеплено. Сначала общая посылка:

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Первые две строки рождались в противовес пушкинской «Моей родословной». В черновом варианте: «...в угоду / Сильным мира души не ломал...» Затем в журнальной публикации: «Лирой — древнему нашему роду / Я ни блеска, ни льгот не стяжал».

Следующие две строфы окончательного текста воскрешают неотступный в лирике Некрасова последних лет мотив «друзья-враги»: «...мне с детства судьба / Посылала врагов долговечных, / А друзей уносила борьба». Из письма той поры (1874): «В последнее время, кроме грубых (и безапелляционных) ругательств в печати ничего не слышу! Да и во все 34 года не много слышал я добрых слов...»⁹.

Лирический герой испытывается и «врагами», и «друзьями»: «...на меня их [друзей. — Г.К.] портреты / Укоризненно смотрят со стен». Самооправдание завершается самоосуждением. Стихотворение нарушает не только державинско-пушкинскую традицию «нерукотворного» памятника, но и тютчевскую, с его знаменитым откровением «Нам не дано предугадать...». Резкое, открытое начало стихотворения («Ничьего не прошу сожаленья, / Да и некому будет жалеть»), как известно, стало поводом для многих сочувственных, в то же время подбадривающих полемических откликов, особенно со стороны молодежи¹⁰. Нет ли в стихотворении нарочитого самоуничтожения? Весь цикл «Последних песен» убеждает в обратном. Единоборство со смертельным не-

⁸ Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев. Пг., 1915. С.120.

⁹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Т.11. М., 1952. С.298.

¹⁰ См.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 тт. Т.3. Л., 1982. С.474-475; Краснов Г.В. «Последние песни». М., 1981. С.22-27.

дугом, осмысление своей судьбы и назначения человека — взаимосвязанные мотивы, выражающие общую тему ухода, которая получила в стихотворении поэтическое определение: «Тяжело умирать, хорошо умереть...». П.И.Вейнберг, рассказывая умирающему Некрасову, уже наслышанному о предсмертной болезни Г.Гейне, о его муках, о его сомнениях в существовании смерти, напомнил отчаянное признание Гейне об ужасе самого умирания. Некрасов вдруг остановил его, вспоминает Вейнберг:

«Как! Гейне сказал это?» — произнес он с необычайною живостью. — «Да, а что?» — «Удивительно! Да ведь это почти слово в слово мой стих, недавно написанный "Хорошо умереть, тяжело умирать"... Удивительно!...»¹¹

«Хорошо умереть...» — заключительный аккорд диалога поэта с самим собою, с читателем, символ самозабвения, духовного освобождения. Все это прозвучало в предсмертной песне «Баюшки-баю», уже в первоначальном ее замысле:

Пускай чуть слышен голос твой,
Негромки темы песнопенья;
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимого забвенья...

«Баюшки-баю» — не уход от злости дня, а попытка ощутить новое состояние лирического героя: «Ничто не властно над тобой!» Все былое, наболевшее, драматическое снимается «чудным голосом»:

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...

Детское и возмужавшее, выстраданное, но по-прежнему живое, с мечтами о другой, новой жизни — все слито в этом эпилоге некрасовской поэзии. А.Н.Пыпин застал Некрасова при чтении «Баюшки-баю» в необыкновенной позе: «Он стоял на постели на коленях в одной рубашке, и его манера чтения делала впечатление пьесы еще сильнее и тяжелее»¹².

Лик святого, благообразного страдальца не нужен Некрасову. Использованы далеко не все возможности взглянуть непредвзято на творчество поэта, на его страстную борьбу за народ, за себя и человеческие идеалы. Известный либерал Г.Градовский при открытии памятника на могиле Некрасова (1881), размышляя о посмертной судьбе Некрасова, о его месте в русской жиз-

¹¹ Н.А.Некрасов в воспоминаниях современников... С.466.

¹² Там же. С.446.

ни, в русской поэзии, закончил свою речь словами: «Мертвое следует оставить мертвым, но унесем с собою то живое и вечное, что заповедал нам поэт»¹³.

2

Ф.М.Достоевский умер в 1881, через три года после смерти Некрасова. Но уход Достоевского, как ни покажется странным, тесно связан с последними годами жизни Некрасова и его кончиной. Новое, осторожное сближение с Некрасовым («Это не Катков, а ярославец», — предупреждал свою жену Достоевский летом 1874¹⁴) в период публикации в «Отечественных записках» «Подростка» (1875) вскоре сменилось доверительными отношениями, а болезнь поэта, его «Последние песни» породили у Достоевского совершенно новое представление о поэте. Перечитывая после похорон его сочинения, Достоевский, как он признается, «буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет занимал места в моей жизни»¹⁵. Смерть Некрасова дорисовала образ поэта-страдальца, подвижника, отдававшего на бескомпромиссный суд свои житейские искушения, признавшего *«истину народную, и истину в народе»*¹⁶. В набросках к очерку о Некрасове Достоевский развил эту мысль: «А потребность слиться и очиститься в народе, очиститься лишь любовью к народу — вот бог, вот идол, вот преклонение, вот объект самоочищения, без этого, то есть без того, перед чем преклониться и чем очиститься, Некрасов должен был или остаться только подlezом, или убить себя»¹⁷. Из размышлений Достоевского о личности Некрасова возникал определенный литературный образ. В набросках к очерку так и сказано: «Будущий характер для романиста»¹⁸. И еще более значимый вывод для Достоевского: «Некрасов есть исторический тип, крупный пример того, до каких противоречий могло доходить в наше печальное время непосредственное, прямое, естественное стремление чисто русского сердца с навеянными из былой чуждой жизни убеждениями...»¹⁹.

¹³ Русская мысль. 1881. №11. Отд. II. С. 85.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 338. В дальнейшем ссылки даются на это издание.

¹⁵ Достоевский... Т. 26. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 125.

¹⁷ Там же. С. 193.

¹⁸ Там же. С. 202.

¹⁹ Там же. С. 206.

Образ Некрасова стал для Достоевского символом перемен в настроениях, в поведении русского образованного общества. Известны претензии автора «Дневника писателя», его филиппики по адресу «европеизированной», т.е. начиненной радикальными социалистическими идеями интеллигенции. Достоевский оказался предшественником веховской критики либеральной интеллигенции, «апокалиптиков» разных видов. На смену либералам 1840-1860-х с их «учеными увлечениями» Достоевский с большой надеждой ожидал прихода «новогрядущей интеллигенции», способной олицетворять «русское направление»²⁰. В «Дневнике писателя» 1876-1877 годов тема судеб России, тема национальной интеллигенции в ее соотношении с народным мирозерцанием становится ведущей. В октябрьском (1876) выпуске «Дневника» два очерка посвящены «лучшим людям». В них — краткая история русской интеллигенции со времен княжеских дружин на Руси. Многозначно, принципиально заключительное утверждение автора: «"лучший человек" по представлению народному — это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, который ищет неустанно работы на дело божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью»²¹. Названные писателем приметы относятся не только к добровольцам, участвовавшим в сербо-черногорско-турецкой войне, но также и к некрасовскому Власу: «Я все того мнения, что ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные "Власы", кающиеся и некающиеся; они скажут и укажут новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших»²². Народная правда, проникновение в нее равняют «лучших людей», сближают разные сословия. Так возникает насторожившая некоторых современников Достоевского, в частности Вл.Соловьева, идея братства, «новой Европы, всемирного единства».

Достоевский, переживая около середины 1870-х кризисное состояние России, «самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа»²³, считая, что и Европа находится «накануне самых величайших и потрясающих событий и переворотов»²⁴,

²⁰ Достоевский... Т.30. Кн.1. С.233-234.

²¹ Достоевский... Т.23. С.161.

²² Достоевский... Т.21. С.34.

²³ Там же. С.58.

²⁴ Достоевский... Т.26. С.87. Кстати, А.Дж.Тойнби как раз 1875 год считает вековой сменой разных циклов цивилизаций. См.: Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С.19-20.

приходил в конце концов к мысли о необходимости славянского единства без территориальных, политических и иных взаимных претензий. Пророчески звучит призыв писателя в ноябрьском (1877) выпуске «Дневника»: «Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим "интересам", то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое»²⁵. Декларируется идея, уже знакомая по «Сну смешного человека», опубликованному в апрельском выпуске «Дневника», идея «золотого века», пробужденная знаменитым сном, который «возвестил» герою «новую, великую, обновленную, сильную жизнь» (см. конец II гл.).

Герою важно состояние «небытия», ухода в иной мир: «Я ждал совершенного небытия и с тем выстрелил себе в сердце». Герой жаждет небытия, чтобы жить не по чужой воле, с ощущением свободы, «живым и беспредельным единением с Целым вселенной». Известный исследователь Достоевского К. Мочульский совершенно прав, утверждая: «Небытие — самый мучительный кошмар Достоевского, он преследует его героев: Свидригайлова, Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова. Чтобы избавиться от этого призрака, писатель ищет *мистической реальности*, подлинного бытия. Его творчество — борьба с фантазиями сознания, поиски онтологической основы бытия»²⁶.

В «Дневнике писателя» этот поединок завершается в пользу «смешного человека». Герой очерка — новый тип парадоксалиста, который склоняется к общечеловеческим идеалам, впитывая в себя утопии из разных философских систем²⁷ и в то же время полемизируя с их рационализмом. «Смешной человек» приходит к неожиданным утверждениям. Главное из них высказано в конце очерка: «Я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. /.../ Живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит. /.../ Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь

²⁵ Достоевский... Т.26. С.81-82.

²⁶ Мочульский К. Ф.М.Достоевский: Жизнь и творчество. Париж., 1947. С.50.

²⁷ См. комментарий В.А.Туниманова: Достоевский... Т.25. С.397-406.

не ужилась же! "Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья" — вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас все устроится». Таков исход «смешного человека», исход, близкий автору «Дневника писателя». О «Кроткой» (1876) можно сказать, что это явь «смешного человека», который накануне прозрения: «Всего только пять минут опоздал». Что же могло произойти? Иная, «новая трудовая жизнь». Что же случилось, потрясло мужа? Его потрясло пение Кроткой: «О, восторг, восторг заливал меня! Я ждал только завтрашнего дня». Это «завтра» так и не наступило. Так один «фантастический рассказ» предваряет другой.

Герой «Кроткой», по авторской характеристике, — «закопченный ипохондрик» — особый тип, вынашиваемый творческим сознанием писателя. Напомним суждение Достоевского о «раздраженном до сотрясения ипохондрике» — толстовском Левине. Достоевский не прощает Левину его неприятия «добровольческого» движения и не верит в преображение толстовского героя: «Все-таки в душе его, как он ни старайся, оттенок чего-то, что можно, я думаю, назвать праздношатайством — тем самым *праздношатайством*, физическим и духовным, которое, как он ни крепись, а все же досталось ему по наследству...»²⁸.

Достоевский оговаривался, что он «не смешивает» героя «Анны Карениной» с ее автором, но совершенно справедливо замечает, что «в лице Левина автор во многом выражает свои собственные убеждения и взгляды...»²⁹. И все же Достоевский не принимает «ухода» Толстого, больше доверяет толкам вокруг него: «Толстой почти с ума сошел и даже, может быть, совсем сошел»³⁰. У Достоевского свой уход, пока без «Исповеди», без «Критики догматического богословия», однако с верой в возможность обновления жизни, со страстным желанием, чтобы «из кабинета встать вместе перейти прямо к делу»³¹.

Утопичность надежд писателя, как и «смешного человека», несомненна. Близкий к Достоевскому А.С.Суворин в те же дни не очень доверял новому поколению из «Молодой России» или «Молодой Болгарии». Он писал И.С.Аксакову 26 июня 1877: «Молодежь проникнута социалистическими идеями, плохо переваренными. /.../ Мечты о временном правительстве, о диктаторстве, о мгновенном перерождении Болгарии на основаниях социалисти-

²⁸ Достоевский... Т.25. С.205.

²⁹ Там же. С.194.

³⁰ Достоевский... Т.30. Кн.1. С.166 (Из письма Ф.М.Достоевского от 27 мая 1880).

³¹ Достоевский... Т.25. С.20.

ческих учений — это ходячие фразы. /.../ В Болгарии необходимы русские губернаторы»³². Да и сам автор «Дневника писателя», призывая «к делу», больше рассчитывал на будущее, чем на настоящее. Для «юного поколения», справедливо утверждал Достоевский, особенно важна реальная «общая идея»: «Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь. Посмотрите, разве современные отцы, из горячих и прилежных, не верят в это? О, они вполне верят, что без связующей, общей нравственной и гражданской идеи нельзя взрастить поколение и пустить его в жизнь! Но сами-то они все вместе утратили целое, потеряли общее, разбились по частям...»³³.

В результате — «случайные семейства», один из основных мотивов «Братьев Карамазовых». И одновременно — обостренное чувство семьи в письмах из Эмса или Москвы к А.Г.Достоевской, в письмах к брату Андрею. Характерно одно из таких писем к последнему (март 1876): «Тебе одному, кажется, досталось с честью вести род наш: твое семейство примерное и образованное, а на детей твоих смотришь с отрадным чувством. По крайней мере, семья твоя не выражает ординарного вида каждой среды и середины, а все члены ее имеют благородный вид выдающихся *лучших* людей. /.../ Идея неперемennого и высшего стремления в *лучшие* люди (в буквальном самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца, и матери наших, несмотря на все уклонения. Ты эту самую идею в созданной тобою семье твоей выражаешь наиболее из всех Достоевских. /.../ Семья брата Миши учень упала, очень низменна, необразованна. Моя же так мала, что и не знаю, что будет. Чрезвычайно бы хотел прожить лет хоть 7 еще, чтоб хоть немного ее устроить и поставить на ноги»³⁴. Речь идет не о личном отношении писателя к тому или иному члену семьи, что преимущественно отмечается в комментарии к данному письму³⁵, а о родословной, о ее традициях, о семейном авторитете и не только о материальных заботах, хотя и они были отнюдь не всегда узко меркантильными (см. очерк Достоевского «Земля и дети» в «Дневнике писателя» за июль—август 1876 и письмо жене от 13 августа 1879). Семья, дом, родина были для него понятиями, глубоко связанными. Общая идея — «стать лучшими» — к концу жизни становилась все более осознан-

³² ИРЛИ. Ф.3. Оп.4. Ед.хр.588.

³³ Достоевский... Т.25. С.181.

³⁴ Достоевский... Т.29. Кн.2. С.76.

³⁵ Там же. С.240.

ной и значительной. Она проглядывает в его категорических суждениях и в доверительном общении, например, в письме Л.В.Головиной от 23 июля (4 августа) 1876 из Эмса: «И в самом деле, тем больше будем дорожить тем кончиком жизни, который остался, и, право, имея в виду скорый исход, действительно можно улучшить не только жизнь, но даже себя...»³⁶. Аналогичное признание в письме того же года к брату Андрею: «Я знаю, что моя жизнь уже недолговечна, а между тем не только не хочу умирать, но ощущаю себя, напротив, так, как будто бы лишь начинаю жить»³⁷.

«Начинаю жить»! Уход в новую жизнь, в новые надежды, не исключая и радужные, наперекор преследующей его же «мнительности и раздражительности», «болезненной трусости»... «Дневник писателя», ставший апофеозом творческого пути Достоевского, проясняет новый мир его автора. Задачи издания были с известными претензиями: «Банкротство консервативной партии, бойцы были Катков и Леонтьев — устарели. Н.Данилевский, написав правильную книгу "Россия и Европа", уехал наслаждаться ботаникой, вместо того чтобы стать бойцом за правду. Славянофилы в Москве исчезли. "Русский мир" — позор бессилия и неумения вести дело»³⁸. «Дневник писателя» ориентировался на новый разговор с рядовым читателем, на непосредственное общение с ним, на формирование нового сознания. «"Дневник" чрезвычайно демократичен, — пишет внимательный исследователь последнего этапа творческой жизни Достоевского, — его герои не аристократы, а трудящиеся люди. "Дневник" — это повесть о России, русской интеллигенции и русском народе. "Дневник" проникнут тревогой за Россию и страстной верой в великое будущее, ее ожидающее. "Дневник" — это гимн человеку, прославление его силы, способности, гимн человеческому разуму и жизни»³⁹.

Понятны переживания писателя по поводу откликов на его «Дневник». «Речь о Пушкине», резкая, порою нервная полемика с «правой» и «левой» прессой... «Буквально вся литература ко мне враждебна, — уверял себя и своих корреспондентов писатель, — меня любит только читающая Россия»⁴⁰. Он гордился этим читательским признанием, правом быть *«руководящим писате-*

³⁶ Достоевский... Т.29. Кн.2. С.111.

³⁷ Там же. С.124.

³⁸ Достоевский... Т.24. С.113.

³⁹ Гришин Д.В. К столетию «Дневника писателя» Ф.М.Достоевского: 1873-1973. Мельбурн, 1973. С.8-9.

⁴⁰ Достоевский... Т.30. Кн.1. С.218.

лем»⁴¹. И в этом осознании безусловно есть свой итог творчества. Публицист В.И.Модестов, не слывший большим поклонником Достоевского⁴², более или менее трезво обрисовал чувства, заставившие разных людей принять участие в похоронах писателя:

Одни спешили воздать последний долг усопшему потому, что чтили в нем сильного писателя, одного из современных светил русской литературы, другие, мало увлекаясь литературными произведениями покойного и еще меньше его своеобразными политическими и общественными идеями, видели в нем по преимуществу страдальца, одну из жертв былого произвола и насилия. Наконец, третьи, мало чувствительные к блеску литературного таланта и еще менее к испытанному им политическому гонению, шли поклониться праху человека, увлекавшего их восторженным христианским чувством и тем особенным, почему-то приятным консервативному духу мирозерцанием, которое он так громко заявил на пушкинском празднестве. Первый разряд поклонников Достоевского представляла масса образованного общества; ко второму принадлежало преимущественно молодое поколение; третий класс почитателей покойного представлял мир официальный и все те, кто себя причислял к консерваторам. Это те люди, которые наверное не пошли бы за гробом Некрасова⁴³.

Похороны Достоевского объединили людей разных взглядов, возрастов. Уход Достоевского стал началом нового этапа в истории национального самосознания, в котором Достоевский и Толстой будут главными действующими лицами, во многом определяющими духовное состояние общества.

3

Похороны Тургенева, его последний путь тоже явились знаменем времени. Остались в стороне взаимные писательские обиды, полемические счеты, подогреваемые нередко прессой. Незадолго до кончины Достоевского А.С.Суворин (от имени своего персонажа) ерничал: «Граф Толстой совсем остановился и говорит, что и писать не стоит, что во всей истории нет порядочного человека, на котором стоило бы остановиться. /.../ Тургенев даже в стереотип перешел. /.../ Достоевский все ищет чего-то, ищет с лихорадочной дрожью. /.../ Это едва ли не самая

⁴¹ Достоевский... Т.30. Кн.1. С.121 (Из письма к К.П.Победоносцеву от 24 августа 1879).

⁴² См. о нем в комментарии В.А.Туниманова: Достоевский... Т.27. С.296-297.

⁴³ Модестов В. Невольная тема // Голос. 1881. 8 февраля. №39.

любопытная душа, которая у вас есть в литературе»⁴⁴. Достоевский, как известно, не прощал Тургеневу его «западничества».

Недавний «искровец» Л.Пальмин печатает в траурном разделе «Русской мысли» стихотворение «Мысли над гробом Тургенева» («Гаснут яркие звезды одна за другой...»), в котором передает драматические для его поколения последствия утраты яркой личности:

Где ж сиянье звезды путеводной?
Или дымная гарь современных костров
Царство мысли свободной затмила,
И при гаснущем блеске над прахом гробов
Тщетно некого ждем мы светила?
Так прощай же! Ты жизненный путь совершил.
Мы твой прах окрыляем слезою.
Труден, темен восход для грядущих светил...
Тяжко свету их биться со тьмою.

Прощальное поэтическое слово («Над могилой Тургенева») произнес и С.Я.Надсон, участник похорон писателя:

Не здесь, не в мерцаньи свечей погребальных,
Не в пестрой толпе, не при громе речей,
Не в звуках молитв заунывно-печальных
Поймем мы всю горечь утраты своей, —
Поймем ее дома, поймем над строками
Высоких и светлых творений твоих,
Заслышав, как сердце трепещет слезами —
Слезами восторга и чувств молодых!

Поэтические признания — не единственный отклик на смерть писателя. Переоценка ценностей происходила и в литературной критике, поскольку кончина писателя так или иначе заставляет заново взглянуть на его творчество. Оно уже становится историей.

Смерть писателя влияет на ориентацию критиков. Незадолго до смерти Тургенева Михаил Громека в той же «Русской мысли», редактировавшейся С.А.Юрьевым, начал печатать (1883, №2-4) критический этюд об «Анне Карениной», в котором Толстой противопоставлялся Тургеневу не в пользу последнего. Смерть Тургенева заставила Громеку во многом пересмотреть свои оценки некоторых произведений покойного. Приведем его неопубликованное письмо С.А.Юрьеву от 5 октября 1883:

Боюсь выпустить свои статьи в настоящем их виде, а переделывать и окончить, особенно статью о Тургеневе, представляющую теперь только набросок, не позволяет состояние головы

⁴⁴ Незнакомец. Недельные очерки и картинки: Маленькие рассказы по случаю // Новое время. 1880. 3 февраля. №1413.

моей. /.../ Вы знаете, как мне дороги Толстой и Тургенев, как искренно преданный Вам и Вашему журналу, как важно было бы для меня поддержать впечатление напечатанных статей о Толстом. И потому в готовности моей Вы не усомнитесь — в готовности исполнить мое намерение скоро. Но я боюсь, что это невозможно сейчас /.../. Я думаю, лучше всего будет, если Вы напечатаете сначала статью, написанную кем-нибудь другим, а я тем временем соберусь с силами и здоровьем и напишу до конца обе статьи. /.../ Вы не читали рукописи IV части статьи моей о Толстом, а там, хотя при отправке и пересмотре и зачеркнутые, были места, где под влиянием очень страстного чувства ко Льву Николаевичу и обиды на Тургенева за "Клару Милич" и "Песнь торжествующей любви" были нападки на Тургенева слишком резкие, не соответствующие ни Вашему высокому мнению о великом покойнике, ни моему теперешнему чувству к нему.

Хорошо, что Вы не читали, а помнили только мой общий разговор с Вами о Тургеневе — а то сердились бы на меня. Теперь, после кончины Тургенева, конечно, помнятся только достоинства его /.../ и чувство благодарности выступает на первое место. И я бы теперь не мог быть очень строгим к Тургеневу за последнее его произведение⁴⁵.

«Внутреннее обозрение» кн.Х журнала «Русская мысль» за 1883 завершалось также симптоматично: «Только всеобщее чествование памяти покойного Ивана Сергеевича Тургенева может отчасти служить нам утешением в этой потере... Перед его могилою преклонились даже те, которые не отдавали ему должной справедливости при жизни. Не означает ли это, что русское общество прониклось в настоящую минуту тем настроением, которое заключается во всех настроениях покойного, а именно той тихой, безотрадной грустью, с которой он всегда смотрел на русскую жизнь?»

«Русская мысль» и ее редактор С.А.Юрьев были тесно связаны с Обществом любителей российской словесности, которое делегировало депутацию на похороны Тургенева — М.М.Ковалевского и А.Н.Веселовского — и намерено было провести специальное заседание, посвященное памяти писателя.

Приглашены были принять участие в заседании Л.Н.Толстой, П.В.Анненков, Я.П.Полонский. Толстой обычно был против торжественных заседаний, речей. К тому же С.А.Толстая в одном из ежедневных писем из Москвы в Ясную Поляну иронизировала по поводу газетных сообщений о похоронах Тургенева: «Золоченый балдахин, серебряный венок от Орлова на бар-

⁴⁵ РГАЛИ. Ф.636. Оп.1. Ед.хр.208.

хатной красной подушке; коридор из цветов, оперный хор... Ну просто представление»⁴⁶. Но Толстой принял приглашение Общества. В ответ на письмо жены он сообщил: «О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу. Непременно или буду читать, или напишу и дам прочесть о нем. Скажи так Юрьеву»⁴⁷. Председатель Общества С.А.Юрьев также подготовил большую речь о Тургеневе.

Заседание не состоялось. Некоторые новые подробности этой в свое время шумевшей истории мы находим в письмах будущего редактора «Русской мысли» В.А.Гольцева к А.Н.Пыпину. В письме от 4 ноября 1883: «Заседание, которое должно было быть посвящено памяти Тургенева, отменено председателем С.А.Юрьевым, по желанию или требованию начальства, а поэтому едва ли состоится в нынешнем году какое-либо заседание этого Общества. Начальство боялось, надо полагать, Льва Толстого». В письме от 14 ноября 1883: «Власть пригласила С.А.Юрьева (согласно предписанию из Петербурга) и потребовала, чтобы речи на тургеневском заседании были отданы на предварительную цензуру. Юрьев возразил, что это противоречит уставу Общества; ему возразили, что "время нынче такое"... Тогда Юрьев предпочел совсем не устраивать заседания»⁴⁸.

Сложившуюся ситуацию описывает секретарь Общества Н.И.Стороженко в письме к А.Н.Веселовскому от 22 октября 1883: «Мы хотим на днях чествовать память Тургенева особым публичным заседанием, в котором между прочим хочет говорить о Тургеневе Лев Толстой. Не знаем, вследствие ли этого или вообще Тургенева не переваривает боярская партия, только мы получили приглашение свыше представить имеющие быть произнесенные речи в цензуру. Так как подобное требование нарушает наш устав, в силу которого мы можем читать без цензуры (у нас пригласительный комитет играет роль собственной цензуры), то мы и решились отложить заседание до наступления лучших дней»⁴⁹.

Последний путь — не только венки, речи, общее умиротворение. «Боярская партия», упоминаемая в письме Стороженко, —

⁴⁶ Толстая С.А. Письма к Л.Н.Толстому. М.; Л., 1936. С.232.

⁴⁷ Толстой Л.Н. Полн. (Юбилейное) собр. соч.: В 90 тт. Т.83. М., 1938. С.397. Вероятно, под влиянием этого письма от 30 сентября 1883 С.А.Толстая, в свою очередь, писала 1 октября: «Купила Тургенева в гробу, фотография чудная. Я вглядывалась в его спокойное лицо и подумала так ясно, так искренно: "вот туда бы, где он, как хорошо!"»

⁴⁸ ОР РНБ. Ф.636. Оп.1. Ед.хр.428.

⁴⁹ ИРЛИ. Ф.45. Оп.3. Ед.хр.725.

явный намек на М.Н.Каткова и его окружение. Противостояние Тургенев — Катков, получившее широкую огласку с торжественного заседания Общества, посвященного Пушкину, продолжалось после смерти Тургенева. Орест Миллер считал, что официальный запрет студентам собирать деньги на венок Тургеневу — «работа Каткова с его легионами»⁵⁰. С другой стороны, Н.А.Любимов, постоянный корреспондент Каткова, опубликовавшего в «Московских ведомостях» поминальные «Письма» о Тургеневе, огульно охаивающие «паразитирующую интеллигенцию», сообщил Каткову 24 сентября 1883: «Статья Ваша о Тургеневе произвела сильный эффект. Ив. Давыдов прислал мне записочку: ”гр. Толстой [шеф жандармов, министр внутренних дел. — Г.К.] послал статью Михайла Никифоровича о Тургеневе к государю“»⁵¹.

Уход писателя, его последний путь — проблема биографическая и творческая. Писатель нередко оказывается в конфликте с самим собою, он в ощущениях и своего конца, и другого начала. Новый виток жизни, новое ее понимание. Общественная, читательская реакция остается разноречивой, но и она так или иначе выясняет значимое в наследии художника, его вечное и с ним же связанное преходящее. Судьба писателя включается в новое историческое время.

⁵⁰ Из письма О.Миллера к А.Г.Достоевской от 5 сентября 1883 // ОР РГБ. Ф.93. Карт. II. Ед.хр.6/87.

⁵¹ ОР РГБ. Ф.120. Ед.хр.6/30.

НЕИЗВЕСТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОХОРОНАХ ЧЕХОВА

Публикация Веры Боковой

Автор письма, публикуемого по автографу, хранящемуся в РГАЛИ (Ф.66. Оп.1. Ед.хр.784. Л.4-9), Сергей Дмитриевич Махалов (псевд.Разумовский) (1864-1942) — довольно известный в начале XX в. писатель-драматург, участник литературного кружка «Телешовские среды». Его адресат — поэт и прозаик Иван Алексеевич Белоусов (1863-1930), также активный посетитель «сред».

На похоронах Чехова Махалов-Разумовский был человеком из той самой «интеллигентной толпы», которую он описывает. Вполне сознавая историческое значение представшего перед ним зрелища, он постарался зафиксировать именно то, что видел, особенно обращая внимание на «исторические» детали, и описал увиденное с бесхитростностью добросовестного, но в достаточной степени литературно искушенного очевидца, более умом, нежели душой переживающего происходящее (сам Махалов с Чеховым был едва знаком). В этом отношении публикуемое письмо резко контрастирует с сердитым, пристрастным (и, вероятно, менее справедливым) свидетельством М.Горького о том же событии. Это свидетельство включено в примечание 8 к данной публикации.

Москва
16-го июля, 1904 г.
Пятница

Дорогой Иван Алексеевич!

С грустью узнал из Вашего письма о Вашей опасной операции и хочу думать, что теперь корень болезни уничтожен, а Кавказ дополнит остальное, особенно некоторое время спустя, как это бывает с лечившимися на Кавказе.

Вы хотели бы от меня описание похорон Чехова. Не знаю, как быть: надо писать или очень много, или ничего. Не знаю также, какие газеты Вы получаете, а стало быть, не знаю, что именно известно Вам, а что нет. Мой старший сын собирает, по возможности, вырезки из получаемых мною 5-6 газет, а я пушусь рассказывать Вам наудачу, стараясь избегать газетного материала.

На похоронах Чехова прежде всего бросалась в глаза толпа — в высшей степени интеллигентная, не говоря уже о присутствии в ней множества «знаменитостей». Заметно было много служащих

— и это несмотря на буднич­ный день: кому нельзя было про­водить до могилы, — приехали на вокзал встретить и прово­дить гроб хоть на первых шагах — сколько можно, сколько успе­ется до начала службы — приблизительно до 10-ти час[ов] утра, ибо гроб с Николаевского вокзала¹ до Новодевичьего монасты­ря дошел только в начале 2-го дня. Среди молодежи первенству­ют студенты-петровцы². Они же в большинстве несли посменно гроб. Студентов университета было мало, — может быть, — от­того, что все разъехались на каникулы. Петровцы же доставили несколько бельевых корзин с срезанными цветами, которые они кидали, пока не было тесно, перед гробом на вокзале, а потом и на кладбище. Одну из таких корзин вез экипаж, по просьбе сту­дентов, в котором сидела жена и двое моих сынов.

Настроение толпы было чрезвычайно искреннее: ни утриро­ванного горя, ни легкомыслия, ни замаскированного равнодушия. Толпа была так велика, что хвост ее заканчивался на Каланчев­ской площади³, в то время как голова, следуя по Домниковской улице⁴, достигала перекрестка Садовой. Из наших⁵ на вокзале я увидел Михеева, Телешова, Гославского, Горбунова, Семенова, Дрожжина. Телешов, вставши в 6 ч[асов] утра и не пивши чаю, улучил минуту и исчез с Гославским и Михеевым пить чай на Ря­занский вокзал⁶, Горбунов пошел искать затерявшегося Дрожжи­на, а я отошел к жене и детям, с коими и уехал с Садовой к Худо­жеств[енному] театру.

Поставивши экипаж на углу Дмитровка⁷ у Театральной кон­торы, я встал в ожидании шествия на углу переул­ка и нос к носу столкнулся с Горьким. Он шел шагах в 200-х от толпы по троту­ару впереди процессии, задумавшись, один-одинешенек и без шля­пы⁸. Я, как и большинство, пока не показался гроб, был в шляпе. Наткнувшись на меня и почему-то пристально в меня вглядев­шись, он порывисто надел шляпу. Вышло очень характерно. Что это значит, не пойму, вероятно, ему показалось, что он может быть смешон почему-то, а мое лицо, должно быть, припомнил по «средам». Я с ним не здоровался. Одет он был в обычную блу­зу и в широкополую шляпу: ничего «андреевского», как описы­вали, в нем не было; с лица он даже похоршел: какое-то оно показалось мне худое, бледное, но очень одухотворенное: это и не по одному моему впечатлению. Но вот кто сильно изменился — Вас[илий] Мих[айлович] Михеев. Говорит, что держит молочную диету и похудел, а по мне, у него на лицо легли какие-то земли­стые тени.

Вскоре к Худо­ж[ественному] театру стали собираться «знаме­нитости»: Южин (бородка и усы à la Генрих IV) с Эфросом; Сы-

тин с Дорошевичем в великолепном ландо («Русское слово» достигло тиража сегодня, напр[имер], свыше 106000 — даже цену за объявления повысили), Гиляровский и т.д.⁹, даже почему-то в закрытой карете один из омовских распорядителей¹⁰, выскочил, поздоровался за ручку с Липскеровым¹¹ и опять исчез. Я не пытался пробраться к Художеств[енному] театру и пошел за толпою, а компания «среды» направилась к «Русск[ой] Мысли». Вдова Чехова, до тех пор шедшая за гробом под руку с Гольцевым и Нем[ировичем]-Данч[енко]¹², приехала к Худ[ожественному] театру уже в экипаже с кем-то из дам. В окнах Худ[ожественного] театра стояли во весь рост актеры, публика и рабочие театра, приславшие на гроб также со своей стороны венки. Миновавши Успение в Гончарном¹³, процессия остановилась: слышались истерические крики. Оказалось, что Миролюбов¹⁴, встретивши на вокзале Марью Павловну и мать А[нтон]а П[авловича]¹⁵, только что приехавших в Москву, привез их прямо к «Русск[ой] Мысли», а Марья Павл[овна], не дождавшись шествия, поспешила навстречу брату и встретила его гроб у церкви «Успения» — совпадение!..

На повороте с Никитской в Ваганьковский пер[еулок]¹⁶ отслужили литию¹⁷ в виду университета и вскоре были у «Русск[ой] Мысли»¹⁸. По пути дом редак[ции] «Моск[овского] Листка»¹⁹ хранит гробовое, вероятно, приличествующее случаю, молчание: ворота заперты, уста замкнуты. Значит — *de mortuis aut bene, aut nihil**.

«Московский Листок» предпочел «nihil», хотя «нигилистов» и не жалует. Кстати, в «Моск[овских] Вед[омостях]» на днях была напечатана статья о Толстом (Е.Поселянина)²⁰ с таким окончанием: «Замолкни, безумный старик!»

У подъезда «Русск[ой] Мысли» я увидел невысокую, довольно полную старушку с милым, добрым выражением лица, горько и тихо плакавшую. Это была мать Ан[т]она Павл[овича], на которую он очень походит. По выходе на Моховую жена дала мне довольно трудную задачу — разыскать непокорного старшего сына, который ни за что не хотел сесть в экипаж и от самого вокзала шел за гробом. Я разыскал его в толпе около Шаляпина, в цепи, которую молодежь составила вокруг гроба, взявшись за руки, — и кое-как у Храма Спасителя водворил его в экипаж.

Отсюда мы вскоре проехали переулками, минуя Пречистенку, прямо в Новодевичий, как и большинство. Перед монастырем — прелестная идиллическая лужайка. Вот на эту-то лужайку и соби-

* О мертвых — хорошо или ничего (*лат.*)

рались понемногу провожатые, опережая процессию. В какие-нибудь полчаса образовалась в полном смысле выставка «знаменитостей», освещенная ярким солнцем. Перечислить всех немислимо: «вся Москва», как говорят репортеры, — за очень малыми исключениями, — да и Петербурга около $\frac{1}{16}$. Две ярко-обособленные группы — вокруг Горького и Шаляпина: оба стояли порознь. Экипажи выстроились тройными рядами по монастырской стене далеко за ее конец. У самых монастырских ворот — ломовая телега с двумя запоздалыми громадными венками.

Толпа все густела. Монашенок, скучившихся хором у ворот, убирают на стену над воротами, и они, среди зубцов белой стены, представляют зловеще-живописную гирлянду в своих остроконечных черных клубках. С одной стороны неба зачернела свинцовая ураганная туча: словно смерть притаилась за нею взглянуть тайком на свою жертву. Публика набивается под навесы и особенно под крытые монастырские ворота. Когда гроб приблизился к воротам — происходит «ходынка» в миниатюре: слышны крики, визг, — гроб не проходит, людей давят. Пробраться за ограду, не говоря уже о храме, где было только одно отпевание без обедни, — немислимо. Мы уехали. Жалели, что речей не услышим, но речей и не было: за дождем и по тесноте. Мне говорили, что гроб от церкви до могилы — шагов 200 — несли около получаса: такая теснота в узких проходах.

Содержания газетных статей и воспоминаний, конечно, не передать в письме: много искреннего и много курьезов в этой искренности. Если хотите, у сына можно потом взять его вырезки из газет. В общем, твердо установлено место Чехова в русской литературе как продолжателя Тургенева (по типам «никчемных» людей) и Гоголя (по смеху сквозь слезы), а также и драматурга, открывшего *новые* пути русской драме.

Компания «среды», как Вы уже, вероятно, знаете из газет, собралась с редакционными в «Русск[ой] Мысли» и почтили там память Чехова. Я не был там. Телешов возложил венок от «среды» из сумм «среды». Вот все, что я могу Вам написать о Чехове.

От души желаю Вам выздоравливать... С кем Вы на Кавказе? Будет очень интересно поговорить с Вами.

Ваш душою С.Махалов

¹ *Николаевский вокзал* — ныне Ленинградский.

² *Студенты-петровцы* — студенты Петровской сельскохозяйственной академии.

³ *Каланчевская площадь* — ныне Комсомольская.

⁴ *Домниковская ул.* — ныне часть Сахарова (Новокировского) проспекта.

⁴ *Из наших...* — имеются в виду московские писатели: Михеев Василий Михайлович (1859-1908); Телешов Николай Дмитриевич (1867-1957); Гославский Евгений Петрович (1861-1917); Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864-1940); Семенов Сергей Терентьевич (1868-1922); Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848-1930).

⁶ *Рязанский вокзал* — ныне Казанский.

⁷ *Дмитровка (Большая)* — ныне Пушкинская ул.

⁸ А.М.Горький писал Е.П.Пешковой 11 или 12 июля 1904:

Я предпочел бы на похоронах такого писателя, как Антон Чехов, видеть десяток искренно любивших его людей — я видел толпу «публики», ее было, м.б., 3-5 тысяч, и — вся она для меня слилась в одну густую, жирную тучу торжествующей пошлости.

От Николаевского вокзала до Художественного театра я шел в толпе и слышал, как говорили обо мне, о том, что я похудел, не похож на портреты, что у меня смешное пальто, шляпа обрызгана грязью, что я напрасно ношу сапоги, говорили, что грязно, душно, что Шаляпин похож на пастора и стал некрасив, когда остриг волосы; говорили обо всем — собирались в трактиры, ко знакомым — и никто ни слова о Чехове... Над могилой ждали речей. Их почти не было. Публика начала строптиво требовать, чтобы говорил Горький. Везде, где я и Шаляпин являлись, мы оба становились сейчас же предметом упорного рассматривания и ощупывания. И снова — ни звука о Чехове. Что это за публика была? Я не знаю. Влезали на деревья и — смеялись, ломали кресты и ругались из-за мест, громко спрашивали: «Которая жена? А сестра? Посмотрите — плачут!» — «А вы знаете — ведь после него ни гроша не осталось, все идет Марксу». — «Бедная Книппер!» — «Ну, что же ее жалеть, ведь она получает в театре 10 000» и т.д.

Все это лезло в уши насильно, назойливо, нахально. Не хотелось слышать, хотелось какого-то красивого, искреннего, грустного слова, и никто не сказал его. Было нестерпимо грустно. Шаляпин — заплакал и стал ругаться: «И для этой сволочи он жил, и для нее работал, учил, упрекал». Я его увел с кладбища. И когда мы садились на лошадей, нас окружила толпа, улыбалась и смотрела на нас. Кто-то — один из тысячи! — крикнул: «Господа, уйдите же! Это неприлично!» — они, конечно, не ушли.

Горький М. Собр. соч. в 30 тт. Т.28. М., 1954. С.310-311.

⁹ *Южин* (Сумбатов) Александр Иванович (1857-1927) — актер и драматург; *Эфрос* Николай Ефимович (1867-1923) — театральный критик, историк театра; *Сытин* Иван Дмитриевич (1851-1934) — издатель и кни-

готорговец; *Дорошевич* Влас Михайлович (1867-1922) — журналист, популярный фельетонист, сотрудник газеты «Русское слово»; *Гиляровский* Владимир Алексеевич (1853-1935) — журналист, прозаик.

¹⁰ *Омоновский распорядитель* — «Омон» — московский театр фарсов и кабаре и ресторан в саду «Аквариум».

¹¹ *Липскеров* Абрам Яковлевич (1856-1911) — сотрудник и редактор газеты «Новости дня».

¹² *Гольцев* Виктор Александрович (1850-1906) — публицист; редактор журнала «Русская мысль»; *Немирович-Данченко* Владимир Иванович (1858-1943) — режиссер, один из основателей Художественного театра.

¹³ *Церковь Успения в Гончарном* — ошибка автора. Имеется в виду церковь Успения в Газетном пер. (ныне ул.Огарева).

¹⁴ *Миролубов* Виктор Сергеевич (1860-1939) — редактор-издатель «Журнала для всех».

¹⁵ *Марья Павловна* (1863-1957) — сестра А.П.Чехова, педагог и художница; *мать* Чехова — Евгения Яковлевна (урожд. Морозова, 1835-1919).

¹⁶ *Ваганьковский пер.* — ныне М.Трехгорный.

¹⁷ *Лития* — краткое молитвословие об упокоении душ усопших.

¹⁸ «*Русская мысль*» — журнал (1880-1918).

¹⁹ «*Московский листок*» — газета (1881-1918).

²⁰ *Е.Поселянин* — псевдоним публициста Евгения Николаевича Погожева (1870- не ранее 1915).

ПАМЯТИ Д.П.МУРАВЬЕВА

До недавнего времени в печатных изданиях принято было поминать только тех литературоведов, которые получили официальное признание. Вспоминая Дмитрия Павловича Муравьева (1927-1986), мы нарушаем эту традицию. Его отношения с властью были такого рода, о чем ниже вспоминают его товарищи, что рассчитывать на ее ласку ему не приходилось. Жить так, как он жил — без научных степеней и званий, без членства в партии или в Союзе писателей, а каждое из таких «прикреплений» в чем-то облегчало жизнь, без постоянного места работы, годами пребываясь случайными заработками, — могли немногие. Такой образ жизни, выбранный в незавидных обстоятельствах как единственно достойный, многое говорил о человеке. Во всяком случае, давал основания предполагать в нем чистую и ответственную душу, независимый нрав, выстраданную внутреннюю готовность платить по счетам, которые предъявляет жизнь, не торгуясь и не уклоняясь от платы, какой бы непосильной она ни была. Тянувшаяся к людям, нежная ранимая душа просвечивает в работах Д.П.Муравьева — будь то энциклопедическая статья или предисловие к томику любимого поэта. Он был рядом с нами, он жил так, как жил, он сделал то, что сделал, и пусть о нем помнят не только многие знавшие его, но и те, кто впервые встретится с ним на этих страницах.

Я знал Диму Муравьева почти 40 лет, и большую часть этого долгого срока он был мне первым другом. Я бы не стал записывать свои воспоминания о нем, у меня нет такой потребности; но такая потребность возникла в кругу его друзей, и она понятна: хочется, чтобы не исчез совсем его образ вместе со всеми нами, потому что, если можно людей оценивать, то человеческая оценка Димы среди людей мне известных была редкой. Но тот, кто знал его, наверное, согласится, что ценность эту не расскажешь, не передашь в записанных воспоминаниях, она была в особой степени непубличной и несообщаемой, и записать я могу только некоторые, достаточно внешние, факты, относящиеся к совместному нашему прохождению через исторические эпохи. Они, конечно, не такие внешние для облика Димы, потому что он жил историей и политикой, и все-таки это был поверхностный слой и его жизни, и наших отношений.

Осенью 1947 мы встретились в одной группе филфака. Дима был не один, их было двое — Дима и Лариса. Они вместе пришли, и так вдвоем и держались; были старше нас и держались несколько обособленно. По-настоящему мы с ним познакомились, сблизились только уже на четвертом курсе, в 1950-51, и сблизились на политических разговорах. Помню, что их завязкой было исчезновение Н.А.Вознесенского, ленинградское дело, о котором тогда говорили вполголоса и которое близко затронуло нашу группу, потому что в ней была Алла Кузнецова, дочь секретаря ЦК, расстрелянного по этому делу; она из группы тогда исчезла и потом оказалась не на нашем, а на следующем курсе. Двумя годами раньше нашу группу уже затронула большая политика — из нее исчезли два югослава, бывшие с нами на первом курсе; одного из них я встретил летом 1948 у дверей филфака на Моховой, и он растерянно стал рассказывать, что их отзывают домой, потому что наши страны поссорились, и я растерянно слушал. Ни он, ни я не могли ничего понять. Вероятно, каждой группы так или иначе это тогда коснулось; позже коснулось нашего семинара по Щедрина, в котором мы участвовали вместе с Димой (с этого семинара и пошли наши разговоры, семинар происходил на дому на Пушкинской, на обратном пути мы совершали обход букинистических магазинов и вели разговоры), и была в нем также Юлия Шимелиович; ее отец погиб вслед за Михозлсом при разгроме Еврейского антифашистского комитета, а потом ее с матерью выслали. (Помню хорошо и похороны Михозлса в январе 1948; я ходил смотреть на движущуюся ленту к театру на Бронной, и это незабываемое воспоминание — длина этой очереди, вившейся на несколько кварталов, и общий скорбно-зловещий тон картины; я отдавал себе самый смутный отчет в том, что происходит, но потрясающий характер события смог почувствовать по этому зрелищу).

На ленинградском деле и завязались наши разговоры зимой 1950-51. Не знаю, почему Дима почувствовал ко мне доверие для таких опасных разговоров, потому что была причина для недоверия — на II курсе я ходил в комсомольских начальниках, и мы с Димой явно находились в разных лагерях. Правда, это было недолго, наваждение быстро слетело, сменившись неприятным похмельем, и с протрезвлением пришла потребность лучше понять, что вокруг происходит и среди чего мы находимся. В ответ на эту потребность и начались разговоры с Димой.

Лишь тот, кто пережил то послевоенное восьмилетие, на которое пали наши университетские годы (1947-1952), знает то чувство жизни, что было тогда у нас. Оно не осознавалось отчет-

ливо, но оно реально в нас было. Это было чувство, что никогда ничего другого не будет, что всегда будет то, что сейчас. Возможность какого-то изменения могла связываться только со смертью Сталина, но хотя и было теоретическое знание, что она когда-нибудь будет, это было непредставимой абстракцией. Уже гораздо позже я осознал, что это был особый опыт переживания вечности.

(Уже написавши это, я вспомнил заключительные строки «Доктора Живаго», в которых высказано иное чувство того же послевоенного времени: «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание». Конечно, это более мудрое и дальновзоркое историческое чувство, на которое у нашего, только вступавшего в настоящую жизнь поколения не хватало опыта и исторической памяти, она была слишком короткой, и потому послевоенное восьмилетие после победы по тогдашнему ощущению было самым безнадежным временем; но сейчас я думаю, что у Пастернака в романе говорится о том же чувстве эпохи, что владело и нами, только пережитом прозорливее, и поэтому не безысходном).

Разговоры с Димой начали разрушать эту вечность и наполнять ее временем. Он гораздо лучше меня понимал окружающее и открывал мне глаза на многое. Главное — на коллективизацию и дела в деревне, на государственное ее ограбление, размер которого я впервые представил себе, а также он рассказывал мне действительную историю партии, принес стенограммы партсъездов, (их еще можно было в 1940-е купить в букинистических магазинах, почему-то не изымали как взрывчатый материал, — наверное, от беспечности победителей, уверенных, что все установилось навсегда — и чувство это, как я сказал, разделяли с ними и мы, но вот беспечно неустраненные из нашего кругозора книги это чувство подрывали; да и не только партийные стенограммы лежали в буках, но и десятитомного Владимира Соловьева можно было приобрести задешево). Помню, начал я с ключевого XIV съезда, и впечатление было ошеломляющим.

За плечами у Димы к моменту наших разговоров — о чем я тогда не знал, он мне рассказал позже — было участие в кружке Льва Бравермана (тогда уже умершего) сразу после войны, в котором обсуждалась наша экономическая и политическая ре-

альность с позиций, как я понял, неискаженного, истинного марксизма. Участники кружка пришли к выводу, что наша экономическая и политическая система — это не социализм, а государственный капитализм. Кружок Бравермана был одним из подпольных кружков, в которых читали Маркса и Ленина и сверяли с ними нашу реальность, и многим такие искания стоили лагерей. И Диме этот кружок, уже несколько лет прекративший существование, аукнулся вскоре после начала наших с ним разговоров. Весной или в начале лета 1951, после IV курса, его по телефону вызвали в МВД на ул. Белинского, откуда отвезли на машине в Большой дом на Лубянку, где он выдержал два дня многочасового допроса. В ходе его внезапно открылась внутренняя дверь в кабинете и ввели заключенного — человека из того кружка. Это была очная ставка. Человек этот, по рассказу Димы, в кружке был довольно случайным, а сейчас попался на анекдотах и, попавшись, выложил и про прошлый кружок и назвал имена. На очной ставке и после нее на допросе Дима вел теоретическую дискуссию, не отрицая ни существования кружка и своего участия в нем, ни вывода о госкапитализме, к которому они пришли, но, во-первых, стоя на том, что вывод этот не противоречит марксизму и Ленину, писавшему о допустимости элемента госкапитализма в период построения социализма; во-вторых же, утверждая, что теперь он думает не так (и это была чистая правда, потому что потом мы не раз с ним говорили, и с другими спорили, вопреки либеральной идее об «истинном социализме, который у нас искажен», — что нет, социализм как раз у нас, а не, допустим, в Швеции). Дима вспоминал о страшном напряжении, какое он сумел выдержать на этих двух допросах, на него кричали и угрожали, но отпустили; и вот у двери на улицу его задержали и послали назад, так как пропуск на выход не был подписан, и тут он по-настоящему испытал панический страх, решив, что это ловушка, и ему отсюда не выйти; но в самом деле просто забыли пропуск подписать. (В порядке восстановления исторического контекста: в те же дни начала лета 1951 взяли замечательного нашего лектора на филфаке, Леонида Ефимовича Пинского; он впоследствии говорил: «меня поздно взяли, и мне совсем уже немного осталось»). Был еще человек из кружка, которого Дима подозревал в чем-то неблагоприятном, и с ним случилась встреча на улице уже много лет спустя, в 1960-е. Сломавший перед тем ногу Дима ковылял на костылях по своей улице Строителей, и ему навстречу шел тот человек, они столкнулись лицом к лицу. Дима загородил ему путь и поднял над ним костыль, вероятно, с тем страшным лицом, какое иногда у него бывало в гневе. Человек ушел из-под костыля.

В моей жизни тогда, в начале 1950-х, Дима сыграл роль исключительную. Наше общение проходило не на равных: он был мне руководителем и открывал глаза. Он изменил мое сознание, и к 1953 я был уже готов сознательнее встретить исторический поворот. Хотя в основном в голове была каша, но возникала способность ориентироваться. В первые недели после 5 марта Дима стал прогнозировать ближайшее будущее, предсказывая борьбу за власть в верхах; однако другой его прогноз поразил меня больше всего: он предрекал скорое замирение с Югославией. В тот момент такое трудно было себе представить, но через год Хрущев поехал в Белград с повинной. Так быстро сбывшееся пророчество очень меня тогда поразило. В 1955 Хрущев утвердился единолично, и Дима предсказывал в скором времени его столкновение с другими сталинскими вождями — в виде их заговора против него, или наоборот — что он устранит превентивно их. Когда в июле 1957 осуществились комбинированно оба варианта, помню, я прибежал утром к Диме, который лежал дома больной и ничего не знал, сообщить, что предвидение сбылось.

Помню также, как через месяц после XX съезда, 31 марта 1956, в очень холодный вечер мы долго ходили по Александровскому саду втроем — Дима, его старый товарищ Толя Ямпольский и я — и планировали начало большой совместной работы по изучению истории советского общества. Разделили сферы — Толя, экономист по образованию, должен был заняться экономикой, Дима брал на себя политическую историю, мне досталась культура. Планированием вся работа и ограничилась — мы встречались и обсуждали ее еще только раз, все ушло в разговоры. Но тогда, 31 марта, было чувство головокружительных возможностей.

А дальше история понеслась, и вот я вижу Диму в райсуде Свердловского района Москвы. Это лето 1968, Дима и Саша Морозов подали в суд на издательство «Искусство», где они работали и откуда их уволили якобы по сокращению штатов, а на самом деле, за подписи под письмом в защиту А.Гинзбурга и Ю.Галанскова. Это первое дело такого рода, маленький зал набит полудиссидентской московской интеллигенцией, среди которой Л.Алексеева, П.Литвинов, Б.Шрагин. Всем все ясно — и аудитории, и суду, — но решено, что надо придерживаться целесообразной тактики — не говоря открыто о настоящих причинах увольнения, доказывать его формальную незаконность на том основании, что редакторы оба хорошие и планового сокращения в издательстве не проводилось. Эту линию твердо ведут два свидетеля от редакции эстетики, мужественно, рискуя работой, сви-

детельствующие против собственного издательства, — Саша Гуревич и Лена Новик. Дело, конечно, проигрышное и тактика ошибочная, потому что ничему она не поможет и не останется даже удовлетворения сказать открыто, что это не незаконное сокращение, а политическая расправа. Но почему-то тактические соображения держат в плену, и Дима соблюдает правила игры. Но Саша Морозов их в конце концов нарушает и говорит открыто: нас на самом деле выгнали за подписи. Суд как будто не слышит, но у присутствующих — облегчение от прорыва ложных условий проигрышной все равно игры, от того, что сказано прямо в лицо.

Этот суд в 1968 был уже следствием в цепи событий, начавшихся арестом Синявского и Даниэля в сентябре 1965. Помню, как месяца через два после их ареста Дима приехал ко мне вечером с Юрой Буртиным; они приехали прямо с заседания сектора советской литературы Института мировой литературы, где оба были аспирантами, Юра — очным, Дима — заочным. Андрей Донатович Синявский работал в том же секторе, и оба были в его дружеском кругу. На заседании сектора утверждали к защите готовую диссертацию Буртина о Твардовском, и все шло хорошо, когда в заключительном слове Юра, благодаря персонально сотрудников сектора за особенно ценную помощь, назвал среди первых арестованного Андрея Донатовича. По тому времени это был редкий поступок, и в результате его готовую диссертацию тут же сочли неготовой, и на этом его отношения с Институтом кончились, диссертацию он не стал защищать. Димина аспирантура тоже скоро кончилась с тем же итогом. Глава его диссертации о военной прозе не была принята сектором, и место ей оказалось несколько лет спустя в альманахе Наталии Белинковой («Новый Колокол») в США, куда автор ее переслал и где она напечатана безымянно. Андрею же Донатовичу Дима преданно помогал затем все годы пребывания того в Дубровлаге, доставляя Марье Васильевне (жене Синявского) нужные ему книги; после же возвращения А. Д. в конце 1971 мы несколько раз посетили его на ул. Гашека с Димой, Юрой Буртиным и Колей Розиным, а в августе 1973 там же среди многих других провожали мы с Димой его в эмиграцию.

1968 был рубежом эпох. Дима потерял единственную относительно долговременную и прочную работу, какая у него в жизни была, — в издательстве, перебивался случайными и временными заработками. Он участвовал в диссидентских делах, близко был связан с лидерами, но сам в их число не входил. Бывал постоянно у Петра Якира и тяжело переживал его поведение на процессе, особенно тяжело — самоубийство Ильи Габая после про-

цесса. Был связан с московским корреспондентом «Нью-Йорк Таймс» и передавал через него материалы для публикации на Западе. Проходят через него и распространяются потоки самиздата. Как-то он вышел от Бориса Шрагина с полным портфелем литературы, его на улице остановили двое и велели открыть портфель, на что он ответил: «Предъявите ордер на обыск», — и они отступили. Другой раз с таким же полным портфелем попал в вытрезвитель; там, повезло, портфель открывать не стали, но в кармане пиджака нашли визитную карточку Хедрика Смита, корреспондента из «Нью-Йорк Таймс», и поволокли к директору вытрезвителя на допрос, грозили вызвать ГБ, он же в ответ пригрозил сообщить обо всем этому самому Смиуту, а так как был какой-то момент сближения с американцами, то испугались и отпустили.

Это 1970-е годы. Я в диссидентском движении не участвую и только лично связан с некоторыми его деятелями; и многого из Диминых дел по этой части не знаю. Роль его не была ведущей, скорее — служебной. И эта деятельность его не поглощала. И наше общение все меньше сосредоточивалось на политике, все больше переключалось на другого рода темы. Прежде, в 1950-е, мы говорили: «Надо скинуться и обеспечить Муравьева, чтобы он написал "Социал". Он один это может сделать. А то "Капитал" написан, аналогичного же исследования нашего, совершенно непонятого, иррационального социализма не существует». Надо сказать, что к «Капиталу» мы относились тогда с уважением. Еще раньше, в студенчестве, на историю партии уже поплевывали, а вот «Капиталом» на III курсе увлекались (и преподаватель политэкономии капитализма был очень хороший — Павел Григорьевич Олдак). И уважение это сохранялось в 1950-е. Но в 1970-е, конечно, уже не могло быть и речи о «Социале» — не только потому, что к «Капиталу» отношение давно изменилось, но и в целом произошло переключение интересов.

На том же рубеже, зимой 1968-69, был прочитан на истфаке первый курс С.Аверинцева по эстетике средних веков; московская интеллигенция потекла на эти лекции и на курсы того же лектора в следующие два-три года. Это было общественное событие — не только научное или культурное; эти лекции знаменовали новое направление интересов и новые умственные потребности; в прежнюю гражданскую эпоху, завершившуюся в 1968, лекции Аверинцева не могли бы состояться и иметь такой успех, они означали наступление новой эпохи. После ее назовут эпохой застоя, но если она была такой экономически и политически, то умственно она такой не была. Напротив, умственно эта эпоха была куда

богаче предшествующей гражданской. Две большие глубокие темы, ранее не осознанные, встали перед нами — религиозная и национальная. Стала меняться картина истории русской культуры, целые пласты ее восставали из забвения. Все стало интереснее и сложнее. Одновременно сильно осложнились внутренние отношения в обществе и в интеллигенции. Раньше было относительно просто — интеллигенция сознавала своей задачей противостояние власти; теперь основные противоречия переносились внутрь интеллигенции, и одна ее часть противостояла другой. И в обеих частях, на всех позициях, вокруг всех главных тем, которыми жили, зарождались бесовские завихрения. Все мы проходили через это, и Дима тоже. Он продолжал жить политикой, но жил уже не меньше поэзией, религией, русской историей и Москвой, в которой провел всю жизнь почти безвыездно и которую знал интимно, как мало кто, историей и архитектурой города.

Усложнение умственной жизни сказывалось и в новых трудностях ориентации среди вновь народившихся лагерей и позиций; так или иначе все испытывали давление этой новой ситуации, и Дима тоже. Он уже не судил так уверенно, как прежде, в более простую, черно-белую эпоху, и в сложности событий и отношений отчасти терял нить. Это угнетало, однако в главном он уже жил другим. Для меня образ Димы этой поздней эпохи его жизни — это Дима, читающий Тютчева или Блока, одно стихотворение за другим. Он читал монотонно и, пожалуй, наивно, но в этом и было все дело — он читал с такой доверчивостью к идеальному смыслу стихов, на какую другой способен не был. А он был способен, потому что и в жизни был доверчив к идеальному в людях и в человеческих отношениях. Его статья-предисловие к подготовленному им томику стихов В.А.Жуковского (М., «Советская Россия», 1974; в том же издательстве вышли им подготовленные сборники Лермонтова, Батюшкова, баллад Жуковского, «Современная идиллия» Щедрина) — лучшее свидетельство его внутренней жизни поздней поры. Специалисты, наверное, не найдут в ней нового для себя, но пусть они напишут о поэте с таким душевным избирательным сродством и с такой доверчивостью — именно это слово здесь нужно — к тому «невыразимому» и идеальному, к чему доверчив был сам Жуковский.

Последние годы, до сразившей его болезни, — это невероятная по трудоемкости работа над текстом Библии: *первая полная Симфония* к русскому синодальному тексту. Первый том Симфонии вышел уже после Димы, в 1988. Столько читателей было радо этой книге, но читатели не знают, кто ее подготовил, чей это труд, — по несправедливому обычаю Издательства Москов-

ской Патриархии имена реальных создателей книги в ней не называются. Но пусть читатели знают — это Д.П.Муравьев с его немногими сотрудниками.

Дима Муравьев умер в начале перестройки, на самом пороге гласности (14 декабря 1986). Он не увидел потрясающего хода событий, распечатанной литературы, свободы слова, крушения коммунизма — того, чего ждал всю жизнь и для чего жил. Нам, его друзьям, обидно это, но смерть не считается с нашими представлениями о справедливости. Он не увидел новых событий, но своей жизнью готовил их. Он не был видной фигурой на поверхности процесса, но он реально участвовал в этом процессе и реально влиял на него. Он прожил чистую и праведную жизнь и был в своей относительной незаметности одним из тех достаточно редких людей, на которых, я уверен, втайне держится мир.

С.Бочаров

Значительный — наверное, около десяти лет, отрезок жизни Димы связан с «Краткой литературной энциклопедией».

Руководимая В.В.Ждановым, КЛЭ была детищем «оттепели» 60-х годов, серьезной, масштабной и, несмотря на все недостатки, удачной попыткой по-новому, по сравнению со сталинской эпохой, взглянуть на историю мировой литературы, в том числе русской и советской. Одна из главных заслуг этого издания, изначально подвергавшегося нападкам партийной критики, а в послехрущевский период и вовсе попавшего в устойчивую опалу, состояла в расширении круга писательских имен, в частности по русскому XIX веку, в стремлении представить литературный процесс в его возможно большей полноте. И вот, наряду с писателями более или менее известными, в КЛЭ в большом количестве появились статьи о литераторах незаслуженно забытых, жизнь и творчество которых в наших историко-литературных трудах не были отражены сколько-нибудь систематически. Согласно энциклопедической «табели о рангах», статьи эти должны были быть очень невелики по объему (и, соответственно, оплачивались крайне скудно), но почти каждая из них требовала большой поисковой работы, а коротенькая, из одной-двух фраз, проблемно-тематическая и стилевая характеристика произведений писателя — особого искусства. Так вот, под великим множеством маленьких, но как раз наиболее ценных статей КЛЭ стоит подпись «Д.П.Муравьев».

В редакции литературы и языка издательства «Советская энциклопедия», где работал его друг Коля (Николай Пантелей-

монович) Розин, а позднее и я, Дима был своим человеком. Другим его «вторым домом» был 3-й (гуманитарный) зал Ленинки. На протяжении десятков лет Дима бывал там едва ли не ежедневно, притом, если не успевал раньше (что, по свойственной ему медлительности, случалось нередко), то заскакивал хоть за какой-нибудь час или даже полчаса до того, как звенел последний звонок и в зале тушили верхний свет. С ношей книг, среди которых часто бывал и какой-нибудь труд или дореволюционный альбом по архитектуре старой Москвы — для души, выходил одним из последних. Библиотекарши подсобного фонда, которых он звал, как и они его, по имени, на него не сердились. Да я и вообще плохо себе представляю, чтобы кто-нибудь из знавших его мог всерьез сердиться на этого чистого, открытого, детски доверчивого, бесхитростного и бескорыстного человека, органически неспособного на дурной поступок. У него совсем не было недоброжелателей, зато немало друзей (ближайший — Сережа Бочаров, приходивший ему на помощь в любую трудную минуту), и сам он в дружбе был самоотверженно отзывчив, верен и, когда требовалось, отважен.

Я с ним познакомился году в 63-м, когда мы вместе оказались в аспирантуре (он — в заочной), на заседаниях сектора русской советской литературы, который, подобно КЛЭ, был одним из очагов тогдашней либерализации. Атмосфера в секторе (им руководил А.Г.Дементьев) была товарищеской, легкой, заседания, на которых обсуждались очередные главы трехтомной «Истории русской советской литературы», проходили остро и интересно. После ареста А.Д.Синявского только что вышедший труд пришлось срочно переиздавать — уже без его статей, да и вся обстановка быстро изменилась к худшему. В частности, был вынужден уйти и медленно угасал А.Н.Меньшутин, талантливый литературовед, друг и соавтор Синявского. Дима с ним тогда сблизился, навещал его, раз или два мы были у него вместе.

За диссертацию о военной прозе Дима взялся без большой охоты, но его отчасти увлек полемический аспект темы — поддержка литературы «окопной правды» (Г.Бакланов, В.Богомолов, В.Быков, ранний Ю.Бондарев), в которой тогдашняя официальная критика не без оснований усматривала «абстрактный гуманизм», отход от «принципов социалистического реализма». После 1965, в обстановке быстро прогрессирующей «рестализации», у такой диссертации уже не было перспектив, и Дима ее оставил.

И находясь в аспирантуре, и после нее Дима работал редактором в редакции эстетики издательства «Искусство». С этим

периодом связан один эпизод, относящийся к 1966, — борьба Димы против издания книги Анатолия Кузьмича Дремова. Бывают же такие подходящие фамилии! Дремов был законченно дремуч, но в качестве одного из столпов «эстетики социалистического реализма», конечно, не сомневался в том, что его книга будет принята в издательстве с должным почтением. Тем более, что у него была и своя особая заслуга перед этой эстетикой — теория идеального героя. Суть ее заключалась в том, что венцом усилий советских писателей и деятелей других искусств должен быть не просто «положительный», но такой стопроцентно образцовый герой, у которого бы уже вовсе не было никаких, даже самых маленких «пережитков» и слабостей.

Редактировать и издавать подобную книгу было стыдно. Однако и отклонить этот неудобочитаемый, но идейно выдержанный бред было очень трудно. Другой бы на месте Димы, скорее всего, попытался отвести эту честь лично от себя, а если бы не удалось, махнул рукой. Дима же вступил в бой. Начал он с того, что посмотрел картотеку Ленинки. Дремовым к тому времени уже было издано несколько книг под однотипными казенно-пафосными названиями, наводившими на мысль, что по содержанию они мало отличаются как друг от друга, так и от той, которую он принес в «Искусство». Пришла мысль проверить, не предлагает ли он под другим заглавием — не для переиздания, а как новую, оригинальную работу — то, что уже не раз издавал прежде.

Так оно в действительности и оказалось, но чтобы убедительно это продемонстрировать, потребовалась немалая работа: хотя во всех книгах Кузьмича, как называл его Дима, было одно и то же, но каждый раз перетасованное, как колода карт. Я и моя жена Зоя помогали Диме в его расследовании. Он приезжал к нам в Химки, где мы снимали квартиру, с портфелем, набитым Дремовым, один читал из рукописи очередной абзац, другие искали его — и почти всегда находили — в предыдущих книгах, используя в качестве опознавательных знаков типовые обоймы имен советских классиков или, наоборот, нарушителей соцреалистического канона.

Дима написал редакционное заключение, в котором указал на нечестность автора. Но тот пошел по начальству и, помнится, все же заставил дирекцию издательства выпустить еще раз свое многократно перелицованное сочинение. Конечно, без участия Димы, чья несговорчивость, возможно, учтена была той же дирекцией, когда два года спустя она решила уволить его и Сашу Морозова «по сокращению штатов» за подпись под письмом в за-

щиту Гинзбурга, Галанскова и их «подельников». Но об этом рассказывает С.Г.Бочаров, не стану повторяться.

Реальные причины увольнения были достаточно широко известны. Диме не удавалось никуда устроиться, а его пенсия инвалида III группы (с юности он болел эпилепсией) могло хватить лишь на хлеб да на сигареты. Помогали родители, тоже пенсионеры, в квартире которых и жил Дима с женой и дочкой. Не могу не сказать хоть два слова об его отце и матери. Они были на редкость красивы, так, как бывает красива только благородная и любящая старость. Жили заботой о своем единственном сыне, слишком мало приспособленном к борьбе за существование в этом мире; умерли почти одновременно.

В 1970, вскоре после разгрома «Нового мира», когда я дорабатывал там последние недели, но еще оставались на своих местах ответственный секретарь М.Н.Хитров и заведующая редакцией Н.П.Бианки, удалось с их помощью устроить Диму на освободившееся место в отдел проверки. Работа эта ему была знакома по журналу «Вопросы литературы», где в конце 1950-х, еще при А.Г.Дементьеве, он работал в том же качестве. Свои обязанности Дима исполнял с присущей ему добросовестностью, но когда появился новый ответственный секретарь Ф.Видрашку, то и отсюда ему пришлось уйти.

Кажется, Сережа Бочаров, а, может, и еще кто-то порекомендовал Диму В.М.Кургановой, редактировавшей в издательстве «Советская Россия» серию сборников «Поэтическая Россия», в качестве составителя томика стихотворений Жуковского и автора вступительной статьи и примечаний. Он выполнил эту работу с такой любовью и тщанием, что хотя, как обычно, не уложился в сроки, ему дана была возможность составить такие же сборники Батюшкова и Лермонтова. В это время (вторая половина 1970-х — начало 1980-х) Лермонтов привлекал его не столько духом протеста, сколько своими «Молитвами», зато и лирика и трагизм личных судеб Жуковского и Батюшкова были ему как-то особенно душевно близки, так что именно эти книжки в наибольшей степени несут на себе отпечаток личности Димы.

Дима Муравьев был человеком своего поколения. Сейчас часто поминают «шестидесятников», нередко в снисходительном, а порой и в обличительном тоне. Если бы нам следовало оправдываться, я указал бы на Диму.

Указал бы, во-первых, на его нравственную высоту. Как многие люди его поколения, как все его друзья, все, кого он уважал и чьи мнения являлись для него авторитетными, он был бескорыстен, свободен от стремления к карьере и деньгам. Ни он, ни

его друзья не пытались делать карьеру, хотя и не провозглашали на сей счет никаких деклараций. Среди них были высокоодаренные литературоведы и философы (тот же Сергей Бочаров, те же Синявский и Меньшутин, Лев Шутин, Георгий Гачев, Ирина Роднянская и другие), но, кажется, не было ни одного доктора наук, были диссиденты, но, кажется, ни одного члена партии. Через самые разные полосы нашей истории они прошли честно, не изменив себе и ничем себя не запятнав.

Во-вторых, ему было свойственно живое гражданское чувство и, как результат, неприятие тоталитарного строя, противостояние ему. И это тоже была черта поколения, по крайней мере лучшей его части. У одних это неприятие возникло несколько раньше, у других позднее; формы противостояния и степень его активности тоже были разными, но в условиях, когда силы сторон были столь неравны, когда за подпись под письмом «своему» правительству изгоняли с работы, а за «хранение», — тем более — «распространение» самиздата давали срок, даже и такое — на нынешний взгляд, пассивное — сопротивление требовало мужества. Дима Муравьев, не располагавший ничем, что могло бы его как-то защитить, — ни громким литературным именем, ни хотя бы членской книжкой Союза писателей, — рисковал больше многих других. Но не отдавал своей свободы, не отказывался от того, что диктовали ему душа и совесть.

В-третьих, самостоятельность и способность к саморазвитию. Свой взгляд на мир Дима не получил в готовом виде, а выработывал сам. Никакое готовое знание, не оплаченное собственной работой мысли и сердца, не имеет ценности и не может быть истинным — вот что следовало бы учесть тем, кто чуть не с пеленок «знает» все и много больше того, до чего люди нашего и предыдущих поколений доходили годами размышлений и споров, и потому смотрит на них сверху вниз. Дай Бог им по крайней мере не застыть в этой уверенности, простительной только молодости, а тоже пройти какой-то свой путь развития.

Что касается Димы, то как до начала нашего знакомства, так и на всем его протяжении он непрерывно шел, развивался. Основные вехи его духовной эволюции (разумеется, в крайне схематичной и обедненной формулировке): возникновение критического отношения к советской действительности с опорой на аутентичный, неискаженный марксизм (1940-50-е, в таком умонастроении я его уже не застал) — через отвержение сталинского социализма приход к отрицанию марксизма и социализма вообще (1950-60-е) — приход к вере, открытие для себя христианских ценностей. И опять-таки надо сказать: подобный путь — как выра-

жение движения самой истории — прошли у нас в эти десятилетия многие. Хотя каждый — в свой срок, в результате собственной внутренней работы и с отнюдь не обязательным совпадением в итогах. Общими были подлинность, несуетность отказов и отрешений, их глубинный, непоказной, недемонстрационный характер. Сейчас, когда множество людей в одночасье сделались кто православными, кто мусульманами, кто язычниками (точно так же, как монархистами, кадетами, христианскими демократами, русскими патриотами, казаками и пр. и пр.) и носят свои взгляды и верования, как маскарадные костюмы, интимная, серьезная Димина вера, вообще вся его личность и негромкая жизнь выступают на этом фоне как нечто особенно светлое.

Ю. Буртин

Кажется, «душевность» такое же отсутствующее в других европейских языках слово, как — «умиление» или «простор». Если переведутся у нас натуры, которым обозначенное свойство присуще не как одно лишь добросердечие и отзывчивость, а как окраска всей жизни, — тогда можно будет сказать, что русский характер доканали-таки бури и невзгоды. Но, к счастью, судьба все еще сталкивает каждого из нас то с одним, то с другим *душевым* человеком. Такие люди редки, даже уникальны, но они есть, — а когда уходят, оставляют как бы хладную дыру в нашем жизненном пространстве, и по наступившему похолоданию мы догадываемся, сколько тепла отлетело прочь.

Я была всего лишь приятельницей Дмитрия Павловича — Димы Муравьева, и, хотя случилось так, что я присутствовала при его последних мгновениях в больничной палате, я не могу стать ни жизнеописателем его, ни обстоятельным воспоминателем. Но он-то мне был не «приятель»: друг, — потому что был наделен даром безотказной дружбы и надежной расположенности (как бы оборотной — или лицевой? — стороной неприкаянности и внутреннего одиночества) и, знакомясь с человеком сколько-нибудь близко, быстро переходил черту «светских» или интеллектуальных отношений в сторону более теплых, щедрых и фамильярных.

Как состоялось наше знакомство, я уже точно не помню. Во всяком случае — после того судебного иска издательству «Искусство», который затеяли два смельчака-«подписанта», издательством незаконно уволенные: Александр Морозов и Дмитрий Муравьев. Об этом в своем роде показательном процессе — его нашим истцам, конечно, не довелось выиграть, но как демонстрация инакомыслия он вполне, кажется, удался, — пусть расскажут

те, кто присутствовал в зале суда. Например — Рената Гальцева, с которой меня еще тогда, в 1967 году, связывала тесная дружба. Она-то и сообщила мне, придя с судебного заседания возбужденная и растроганная: «Я сегодня видела двух замечательных людей, умных, отважных». Так впервые я узнала о существовании Димы, а потом и повстречалась с ним, помнится, благодаря посредничеству нашего общего друга Николая Пателеймоновича Розина. (Он годы спустя оказался вместе со мной свидетелем последних Диминых минут).

А вскоре я узнала Дмитрия Муравьева ближе. Дима стал постоянным гостем на наших, типичных для 70-х, посиделках-застольях с разговорами о судьбе России и коммунистической неволе. Стал и постоянным помощником при всех переездах, перестановках мебели, маленьких квартирных авариях и прочем в том же роде: в ком еще можно было найти такое сочетание большой физической силы — прямо-таки «могучности», хотя и надорванной тяжелой хронической болезнью, — технической грамотности (в юности работал электриком) и сердечного расположения навстречу любой вашей просьбе? Его можно было позвать на подмогу не только к друзьям, но и к друзьям друзей, и при этом не возникало ощущения, что совершаешь бестактность, нарушаешь ход его жизни.

Дима был типичным «лишним человеком» позднесоветской эпохи. По-моему, этот человеческий склад, наделенный подчас совершенно особенной привлекательностью, почти не зафиксирован нашей изящной словесностью, нашим искусством. На страницы книг в основном попали либо служилые интеллигенты, трифоноовские герои, кое-как мирящиеся со своей совестью, либо политические диссиденты, либо, в последнее время, творческие «дворники и сторожа». Дима, строго говоря, не подходил ни под одну из этих категорий, хотя в каком-то смысле был прикосновенен ко всем трем ролям: пытался он и служить, и жить на вольных хлебах, и, разумеется, выступать со свидетельствами против «системы». Но его талант гуманитария и независимый, детски упрямый нрав по «конфигурации» своей не подходили ни к одной из перечисленных отдушин.

Вот пример. Коренной, потомственный москвич, теперь и упокоившийся в семейной могиле, Дима интимно знал старую Москву и любил ее страстной, нежной, оскорбленной жалким настоящим любовью. Была б охота у собеседника и спутника, он мог рассказывать и показывать как никто. Но... Я уж не говорю о том, что все его красноречие и проникновенное истолкование родного города не могло быть тогда переведено ни в печатный

текст, ни в какое-либо общезначимое просветительское начинание. Даже близким друзьям и знакомым (сужу по себе, по своему окружению) было как-то недосуг воспользоваться такими его возможностями. Как жаль и этого — вместе со всем, что он унес с собой! Сейчас, эпизодически (такова жизнь) забредая в глубь Садового кольца, не раз подумаешь: вот бы Диму рядом. И вспоминаешь (по его же рассказам), как он упоенно водил по Москве зарубежных слависток отдаленного российского происхождения. Вот тут он выкладывался сполна. Видимо, эти вольные экскурсии были сродни тонким, переливчатым платоническим романам (Дима был влюбчив — неотъемлемый признак все той же душевности!).

Другой не востребовавшийся дар: любовь к книге и книгоизданию, разборчивое, изощренное библиофильство и даже собирательство — несмотря на жуткую стесненность в средствах. Вместе с другими учеными поклонниками книги — Дмитрием Николаевичем Ляликовым и Андреем Борисовичем Дмитриевым — он совершал набеги на букинистические магазины (попутно прихватывались и винно-водочные, хотя Диме по болезни пить было никак нельзя, и каждое его опьянение являло собой трагическое зрелище). Я об этих колоритных набегах знаю лишь понаслышке, но, к сожалению, рассказать о них уже не сможет ни один из троих названных участников — все в сырой земле. Преждевременная смерть их объединяет, как и «странная» жизнь; но к Муравьеву особенно подходит лермонтовское, романтическое «странный человек».

Конечно, подобно многим неординарным людям, лишним для своего (а быть может, для любого) времени, Дима останется жить как «легенда», запечатленная дружеской памятью, больше чем как автор таких-то сочинений, составитель или комментатор таких-то книг, редактор таких-то изданий. Для скрупулезной научной филологии он был слишком, повторю, своенравен, неусидчив и, с другой стороны, медлителен, хотя обладал и филологическим дарованием, и знаниями; для литературной журналистики — резко неконформен, инакомыслящ. Но это не значит, что он был неудачником в исполнении подобных дел — когда брался за них: с грустной улыбкой вспоминая неупорядоченную стихию его жизни, нельзя все же не замечать предметных ее плодов. В его литературном бытии случилось по крайней мере два счастливых совпадения между личным складом и пришедшим извне «заказом на текст»: Жуковский и Лермонтов. В 1974 Муравьеву удалось издать в серии «Поэтическая Россия» книжечки стихотворений этих поэтов со своим, тщательно взвешенным отбором, со своими

послесловиями и комментариями; кроме того он писал, выбрав темы по душе, и для «Лермонтовской энциклопедии», куда вовлекли его друзья.

Через Жуковского и через Лермонтова он, может быть, единственный раз публично выразил в слове, пусть опосредованном, «литературоведческом», обе главные стороны своей натуры: светлую, голубиную мечтательность («Земное становится в этом мире очарования... лишь бледным знаком вечного, идеального») и эгоцентрическую, своевольную любовь к независимости, делавшую его таким одиноким даже в дружбе и в семье: «трагедия одинокой души, брошенной в холодный, враждебный, жестокий мир» — эти как бы общие слова, примененные к духу Лермонтова, я уверена, сказаны Димой и о себе. Советую тем, кому интересна личность Муравьева, обратить внимание на его статью в «Лермонтовской энциклопедии» о стихотворении «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный»); многое объяснят там слова о неслиянности двух голосов внутри единого душевного строя — голосов покаяния и ропота.

На такие, задушевные и одновременно «художественные» темы с ним можно было говорить и спорить часами. Однако есть вещи, которые я не смею трогать, боясь сфальшивить по незнанию или что-то упростить. Прежде всего — его религиозность. Она, несомненно, была присуща ему изначально и наследственно, и по тональности как-то самоочевидно совпадала со всем его складом «последнего романтика» (опять-таки Жуковский сыграл здесь роль близкого и понятного образца) и с его преданностью русской старине. Был и умственный интерес к христианской литературе, к религиозной философии; даже участие в составлении библейского словаря, издававшегося Московской Патриархией. Конечно же — посещение храмов, знание церковей первопрестольной, как и вообще московских реликвий. Но *как именно* жила верой рвущаяся вверх и непокорная Димина душа — судить не стану; если это и вообще тайна каждого человека, то в случае Димы — тайна вдвойне, он был по-настоящему глубок и сам-то себя не знал до конца. Светлое же и чистое в нем преобладало; он из тех людей, в возможность чьих дурных поступков просто не верится, — их как умысла *быть не могло*.

Смертельный недуг он встретил скорее с покорностью; сначала надеялся, потом, мне показалось, перестал — и лежал, неожиданно щуплый, с огромными глазами. Такие были страдания!..

Ирина Роднянская

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- *А.М. см. Протопопов А.П.
Абрикосов Х.Н. 242, 277
Абросимова В.Н. 173-287
Аверинцев С.С. 449
Аверкиев Д.В. 83
Авсеев В.Г. 69, 93
Ага-Мухаммед-хан 344, 345
Агеев А.Н. 220, 239, 240, 269,
271, 273, 277
Агин А.А. 79, 136
Аксаков И.С. 64, 429
Аксаков К.С. 42, 92, 359
Аксаков С.Т. 139, 144
Аксакова Т.А. 103-105
Аксаковы, семья 62
Аладьин Е.В. 13
Алеева Л. 391
Александр I, имп. 147, 292
Александр II, имп. 99, 134, 322,
370, 413, 414
Александр III, имп. 57, 99, 100,
134
Александр Македонский 35, 109
Александра Федоровна, имп. 100
Алексеев М.П. 418
Алексеева Л.М. 447
Алексей Николаевич, вел. кн. 122
Алексей Петрович, вел. кн. 136
Алферова Е. 411, 412, 414, 415
Алымова Г.И. 149
Альмединген А.Н. 196
Альмедингены, семья 247
Анастасевич В.Г. 25-34
Андерсен Г.К. 101
Андреев Л.Н. 220, 241, 263, 267,
272
Андросов В.П. 374, 376
Анненков П.В. 434
Анненкова Е.А. см. Столыпина
Антюфеева И.Н. 55
Апанович Е.М. 155
Аполлоний Тианский 390
Аренский А.С. 239
Аристотель 356
Арнаутов, купец 229
Арнольд М. 221, 241
Арсеньев В.М. 275
Арсеньев Н.В. 269, 275
Арсеньева Е.А. 15, 128-130
*Афанасьев-Чужбинский А.С. 406,
410
Афонина Т.А. 158
Ашешов Н.П. 169
Баба-хан см. Фатх-Али-шах
Багaley Д.И. 28
Базанов В.Г. 28
Байрон Дж.Н.Г. 35, 53
Бакланов Г.Я. 452
Баллод П.Д. 401, 414
Бальдингер А.К. 196
Баньковская М. 89
Баньковский Н. 89
Баранов Е.З. 288-290, 291-337, 338
Баранович А. 161
Барант Э. 95
Баранский З. 153
Баратынские, род 56
Баратынский Е.А. 14, 20, 23, 31,
56, 108, 109, 141
Барбо де Мори Е.Е. см. Толстая
Барсуков Н.П. 46

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Баршева О.А. 232
 Барыкова А.П. 140
 Барятинская М.И. 17
 Батюшков К.Н. 450, 454
 Батюшков Ф.Д. 159, 167, 240
 Бах И.С. 55, 61
 Башмаков И.И. 373
 Безбородко А.А. 341
 Бейдеман А.Е. 136
 Бек И.А. 129
 Бек М.А. 129, 130
 Бек М.И. см. Ламздорф
 Белецкий, офицер 223, 245
 Белинкова Н.А. 448
 Белинская М.И. 37, 38
 Белинский В.Г. 11, 13-15, 18, 35,
 36, 38-44, 46-48, 50, 77, 91, 373,
 397
 Белинский К.Г. 38
 Белов Е.А. 87
 Белоусов И.А. 437
 *Белый А. 55
 Беляев Ю.Д. 266
 Бенедиктов В.Г. 14, 16, 18
 Бенкендорф А.Х. 5, 9-11, 19-22
 Бенкендорф М.И. см. Будберг
 Бенкендорф С.А. 17, 19
 Бенуа А.Н. 96, 98
 Берберова Н.Н. 103
 Бергер И.А. 208, 209, 233, 234
 Берс А.А. 137
 Берс Е.А. 137
 Берс Соф.А. см. Толстая
 Берс Ст.А. 137, 138
 Берс Т.А. см. Кузминская
 Берсы, семья 180
 Бестужев А.А. 13, 29-31, 33, 380,
 381, 394
 Бетховен Л. ван 61
 Бианки Н.П. 454
 Бибиков А.А. 198
 Бибикова М.С. 138, 233
 Бируков И.А. 158
 Бирукова Е.Н. 158
 Бирюков П.И. 199
 Благосветлов Г.Е. 400, 401
 Блок А.А. 450
 Блудова А.Д. 161
 Боборыкин П.Д. 98, 101
 Бобринский А.А. 5
 Бобров Е.А. 368, 371
 Богданов-Бельский Н.П. 67
 Богданович А.И. 113, 122
 Богданович И.Ф. 140
 Богданович Т.А. 157
 Богомоллов В.О. 452
 Боград В.Э. 79
 Бойко М.Н. 419, 420
 Бокова В.М. 95-123, 288-338, 416,
 417, 437-442
 Болдырев А.В. 37, 41
 Болякин Ф.Я. 291-297
 Бондарев Ю.В. 452
 Бондаренко Е. 163
 Бонч-Бруевич В.Д. 100, 104
 Бонч-Бруевич В.М. 237
 Борис Годунов 324
 Боровиковский В.Л. 344
 Бородин М.М. 267
 Боткин В.П. 43, 360
 Бочаров С.Г. 443-451, 452, 454,
 455
 Браверман Л. 445, 446
 Бранкевич М.С. 379
 Брант Л.В. 377, 378
 Брискман М.А. 28, 29, 33
 Бриссо Э. 195, 200
 Бровкович А.И. см. Никанор, ар-
 хиеп.
 Бруни Ф.А. 16
 Брюллов К.П. 16, 23, 129, 135
 Брюс Я.В. 288, 292-296, 324, 338
 Буало Н. 6
 Будберг М.И. 102, 103
 Буланже П.А. 198, 220, 239
 Булгаков А.Я. 144
 Булгаков В.Ф. 246, 247
 Булгаков С.Н. 423
 Булгакова О.А. см. Долгорукая
 Булгарин Ф.В. 14, 29, 30, 33, 41-
 43, 45, 49, 50, 53, 380, 381
 Бунин Н.Н. 220, 241, 262, 265,
 266
 Бурачок С.А. (С.О.) 14, 18, 348

- Буренин В.П. 203, 219, 239, 263, 266, 267
 Бурнашев В.П. 8
 Буртин Ю.Г. 448, 451-456
 Буртина Е.Ю. 399-415
 Бутурлин А.С. 221, 241, 246
 Быков В.В. 452
 Быков П.В. 72
 *Былинкин Е. см. Порецкий А.У.
 Бьернсон Б.М. 278
 *Ваненко И. см. Башмаков И.И.
 Варламов А.Е. 46
 Васютин И., торговец 316, 318
 Вахтеров В.П. 101
 Вацуро В.Э. 348
 *Веgetарианка см. Зеленкова О.К.
 Величкина В.М. см. Бонч-Бруевич
 Вейнберг П.И. 425
 Вельяминов Н.А. 103, 104
 Вельяминова Е.И. см. Ржевская
 Венгеров С.А. 196
 Веневитинов А.В. 146
 Веневитинов В.П. 146
 Веневитинов Д.В. 146, 147
 Веневитинова А.Н. 146
 Веневитинова С.В. см. Комаровская
 Венецианов А.Г. 16
 Вергилий 352
 Вереvкина М.В. 265
 Вернадская Е.И. см. Короленко
 Вернадская Е.Я. 155
 Вернадские, род 153
 Вернадские, семья 155
 Вернадский В.И. 155, 156
 Вернадский И.В. 155, 156
 Веселитская Л.И. см. *Микулич В.
 Веселовский А.Н. 434, 435
 Вестерлунд Э. см. Толстая Д.Ф.
 Вестерлунд Э.Т. 177, 178, 195, 240, 248, 255
 Видрашку Ф.К. 454
 Викторoвич В.А. 72-94
 Виноградов В.В. 75, 341
 Виноградов П.Г. 212, 235
 Витгенштейн П.Х. 157
 Владиславлев В.А. 5-24
 *Вовчок М. 396
 Вогюз М. де 207, 232
 Воейков А.Ф. 6, 8-10, 12, 15, 27, 380, 381
 Воейкова Е.А. см. Столыпина
 Вознесенский Н.А. 444
 Волконская З.А. 14
 Волконская М.Н. см. Толстая
 Волконский Н.С. 138
 *Волынский А.Л. 396
 Вольф Л.М. 196
 Вонлярская М.Ф. 390
 Вонлярский Ф.А. 387, 389-393, 395, 396
 Воронин Н.Н. 384-386
 Воронцов М.С. 130
 Воронцов С.М. 130
 Воронцова Е.К. 130
 Воронцова М.В. см. Столыпина
 Ворцели, семья 162
 Ворцель А. 164
 Ворцель Н. 162-164
 Ворцель С.-Габ. 163, 164
 Ворцель С.-Гр. 162, 163
 Воскресенский М.И. 373
 Врангель Н.Н. 345
 Выголов А.В. 319-322
 Вяземская А.Г. 103
 Вяземская В.Ф. 148
 Вяземская Е.П. см. Шереметева
 Вяземская М.А. см. Бек
 Вяземский П.А. 12, 14, 18, 20, 21, 25, 129-132, 134, 135, 139, 141, 145, 147, 148, 151
 Вяземский П.П. 129, 130, 132
 *Г., семья 108
 Гааз Ф.П. 219, 237, 257
 Габай И.Я. 448
 Гагарина В.Ф. см. Вяземская
 Галансков Ю.Т. 447, 454
 Галахов А.Д. 43
 Гальцева Р.А. 457
 Ганзен П.Г. 180, 235
 Ганнибал А.П. 148

- Ганнибал М.А. 148, 151
 Ганнибал Н.О. см. Пушкина
 Ганнибал О.А. 148
 Гарднер Е.Н. 399, 411
 Гарднер П.А. 399, 400, 406, 410
 Гарднер Р.А. 399-406, 409-411
 Гаршин В.М. 95, 101
 Гачев Г.Д. 455
 Ге Н.Н. 98
 Ге Н.Н. мл. 213, 236, 238
 Гедгофт Э.Л. 220, 239, 242
 Гейне Г. 232, 397, 425
 Гендель Г.Ф. 55
 Генрих IV 438
 Герцен А.И. 10, 163, 221, 243, 272, 355, 360, 369, 371
 Гершензон М.О. 355, 356, 364, 366, 368-370
 Гете И.В. 129
 Гизе М.Э. 343
 Гилельсон М.И. 348
 Гилл[ьд]енбанд[т] см. Иксуль фон Гильдебрандт
 Гиллер Э.А. 355
 Гиляровский В.А. 439, 442
 Гин М.М. 419
 Гинзбург А.И. 447, 454
 Гинзбург Л.Я. 25
 Гиппиус З.Н. 98, 99, 267
 Глаголев А.Г. 27
 Гладстон У.Ю. 69
 Глебович А.М. 33
 Глинка Г.Н. 96, 104, 111, 120, 121
 Глинка И.Н. 96, 103, 104, 123
 Глинка М.И. 23, 61, 70, 143, 394
 Глинка Н.Д. 96, 97
 Глинка Сергей Н. 132
 Глинка София Н. 96
 Глинка Ф.Н. 8, 14
 Глухарев И.Н. 373
 Глюк К.В. 55
 Гнедич Н.И. 27
 Гоголи, семья 350, 351
 Гоголь Н.В. 10, 14-18, 75, 78, 89, 101, 139, 144, 207, 232, 289, 290, 304, 305, 308, 309, 331-333, 335, 341, 346-354, 373, 418, 440
 Гоголь-Яновский В.А. 350
 Голенищев-Кутузов А.А. 232
 Голенищев-Кутузов-Толстой П.М. 143
 Голицын В.М. 55
 Голицына Е.А. см. Остерман-Толстая
 Голицына М.А. см. Толстая
 Голицыны, семья 345
 Головин Ф.А. 131
 Головина Л.В. 431
 Гольденвейзер А.Б. 219, 239, 241-244, 267, 276, 277, 279
 Гольцев В.А. 435, 439, 442
 Гончаров И.А. 360
 Гончарова Н.Н. см. Пушкина
 Горбачев, врач 200
 Горбунов-Посадов И.И. 438, 441
 Горемыкин И.Л. 98, 115, 122, 259
 Горнфельд А.Г. 169
 Горожанская А.А. см. Давыдова
 Горчакова П.Н. см. Толстая
 *Горький А.М. 98, 103, 104, 107, 119, 152, 192, 220, 240, 241, 263, 265-267, 269, 274, 309, 437, 438, 440, 441
 Гославский Е.П. 438, 441
 Градовский Г.К. 425
 Грановский Т.Н. 56
 *Гревиль А. 96
 Греч Н.И. 29, 33, 42, 43
 Грибоедов А.С. 129, 139, 150, 347, 418
 Григорович Д.В. 56
 Григорьев Ап.А. 46, 84-86, 349
 Григорьев Р.Г. 28
 Григорьян К.Н. 393
 Гримм Ф.-М. 344
 Грингмут В.А. 197
 Гринчук П.И. 297
 Гришин Д.В. 431
 Громека М.С. 433, 434
 Гроссман Л.П. 75
 Грот Я.К. 344
 Грузинская А.Г. см. Толстая
 Гудин, пастор 178

- Гумилевский Л.И. 155
 Гуревич А. 448
 Гуревич Л.Я. 175, 176
 Гурьянов И.Г. 373, 376, 381-383
 Гусев Н.Н. 242
 Гучков А.И. 186
 Гюго В. 212
- Давыдов Д.В. 14
 Давыдов И.И. 29, 30, 436
 Давыдов Н.В. 212, 235
 Давыдова А.А. 105, 106, 113, 122
 Даль В.И. 14, 35
 Д'Альгейм П.И. 55
 *Дальский М.В. 265
 Данилевский Г.П. 134
 Данилевский Н.Я. 431
 Данилова Н.П. 390
 Даниэль Ю.М. 448
 Дантес Г.Ж.-К. 300, 307, 308, 317, 318
 Даргомыжский А.С. 387, 389-394, 398
 Декарт Р. 181
 Дельвиг А.А. 13, 31, 418
 Дементьев А.Г. 452, 454
 Демин А., крестьянин 266
 Депрерадовичи, род 96
 Державин Г.Р. 149, 424
 Джулиани, певица 211, 235
 Дмитриев А.Б. 458
 Добролюбов Н.А. 80, 81, 85, 423
 Доде А. 211, 235
 Долгорукая О.А. 144
 Долгоруков А.И. 133
 Долгоруков Д.И. 133
 Долгоруков И.А. 132, 133
 Долгоруков И.М. 132, 133
 Долгоруков М.И. 132
 Долгоруков П.В. 133
 Долгоруков П.И. 133
 Долгорукова Н.Б. 132
 Долинин А.С. 73
 Дорошевич В.М. 439, 442
 Достоевская А.Г. 426, 430, 436
 Достоевские, род 430
- Достоевский А.М. 430, 431
 Достоевский М.М. 75, 81, 82, 84-86
 Достоевский Ф.М. 52, 72-94, 101, 275, 290, 360, 366, 418, 426-433
 Дрейфус А. 221, 242, 268
 Дремов А.К. 453
 Дрожжин С.Д. 438, 441
 Друммонд Г. 203
 Дубельт Л.В. 5, 6, 8-10, 12, 15, 19
 Дудышкин С.С. 52
 Дунаев А.Н. 208, 233
 Дурасова Ст.Ал. см. Толстая
 Дурново П.Н. 98, 107, 109
 Дьяков Д.А. 273, 278
 Дьяконов П.С. 76, 78, 82, 88, 90
 Дюма А., отец 42, 394
- Евгений, архиеп. (Казанцев А.Е.) 25, 27, 28, 32, 33
 Евгеньев-Максимов В.Е. 419
 Егоров М.Ф. 210, 211, 235
 Екатерина I, имп. 136
 Екатерина II, имп. 16, 334, 341, 344, 345, 354
 Елизавета Петровна, имп. 134, 150
 Есенин С.А. 105
 Ераков А.Н. 420, 421
 Ермолов А.П. 10
- Жанен Ж.Г. 47, 48
 Жданов В.В. 421, 451
 Жемчужников Александр М. 135, 136
 Жемчужников Алексей М. 135, 136, 290, 322, 323
 Жемчужников В.М. 135, 136
 Жемчужников Л.М. 136, 322
 Жемчужников М.М. 136
 Жемчужников М.Н. 136
 Жемчужников Н.М. 136
 Жемчужникова О.А. 135, 136
 Жозефина, имп. 383
 Жорес Ж. 221, 242
 Жуков, табачный фабрикант 12

- Жуковский В.А. 14, 20, 27,
 134, 135, 145, 151, 450, 454, 458,
 459
 Жуковский В.И. 396, 401
- Завадовская Е.М. 17
 Завьялов, учитель 262
 Загоскин М.Н. 14, 15, 20, 21
 Закревская А.И. см. Кочубей
 Закревская А.Ф. 141-143
 Закревская М.И. см. Будберг
 Закревский А.А. 141-288
 Занозин Д.П. 89
 Заряно С.К. 130
 Засс Р. 166
 Засядько Р. 166
 Захарьин Г.А. 194, 200
 Звегинцева А.Е. 246
 Зеленков А.П. 262, 264
 Зеленкова О.К. 262, 264
 Зиновьев Н.А. 211, 212, 235
 Зиновьева Л.Н. 211, 235
 Зиновьева Н.Н. 211, 235
 Зорина С.Р. 173-287
 Зотов В.Р. 39, 41, 45, 51, 52
 Зряхов Н.И. 373
 Зубов П.А. 341, 344, 345
 Зыкова Г.В. 25-34
 Зябрев П.О. 208, 210, 225, 233,
 234, 246
- *И.Р. 29
 Ибсен Г. 210, 234, 235, 258, 278
 Ивакин И.М. 287
 Иван III, царь 142
 Иванов Вяч.И. 72
 Иванова Ан.И. см. Толстая
 Игнатъев Н.П. 115, 122
 Игнатъев С.Л. 127
 Измайлов В.В. 31
 Изюмов А.Ф. 356
 Иксуль фон Гильдебрандт В.И.
 95-123
 Иксуль фон Гильдебрандт К.П.
 97, 106
 Исаев П.А. 75
 Исаев Ф.М. 373
- Иславин Л. 199
 Исленьев А.М. 187
- Кавос Ц.А. 97
 Каджары, род 344
 Казенбек Е.Д. 204, 228
 Каледин А.М. 103
 Каллаш А.К. 83
 Каллаш-Порецкая С.К. 76, 78,
 82, 90
 Каменская А.П. см. Барыкова
 Каменская А.Ф. 149
 Каменская Е.П. см. Штейнгель
 Каменская М.М. см. Ржевская
 Каменская М.Ф. 138, 139-141
 Каменский Г.П. 140
 Каменский М.Ф. 150
 Каменский П.П., отец 140
 Каменский П.П., сын 140
 Кампе И.Г. 47
 Кант И. 32, 94, 181, 182, 286
 Каразин В.Н. 28
 Карамзин Н.М. 132, 145, 376, 380
 Каратыгин П.А. 36, 50
 Карлгоф В.И. 9
 Кармазинская М.А. 35-53
 Кармалина Л.И. 390
 Карр А.Ж. 49
 Карус П. 230
 Катков М.Н. 14, 43, 44, 51, 197,
 426, 431, 436
 Качалова Е.С. см. Тургенева
 Каченовский М.Т. 31-33
 Кеплер И. 94
 Кетчер Н.Х. 42, 43, 50
- *...кий С. см. Любецкий С.М.
 Кипренский О.А. 16
 Киреев А.А. 62, 64, 66
 Киреевские, семья 62
 Киреевский И.В. 56, 357
 Кирилл, еп. 212, 235
 Клименко В.Н. 410
 Климов Я.Ф. 89
 Книрцер Н.А. 193, 196
 Книппер-Чехова О.Л. 121, 439, 441
 Ковалевский М.М. 434
 Коген Г. 110, 121

- Козлов И.И. 14, 132
 Козьмин Б.П. 399
 Колесникова Д.В. 332, 333
 Колесниковы, семья 332
 Кольцов А.В. 10, 14, 18
 Колтыхин А.Е. 303-309
 Колумб Х. 366
 Комаровская С.В. 146
 Комаровский Е.Е. 146
 Кон Ф.Я. 152
 Кони А.Ф. 110, 119, 121, 273, 277
 Кони И.С. 121
 Кони Ф.А. 14, 15, 44, 45, 374-376
 Коренева Р.А. см. Гарднер
 Короленко, род 153-155
 Короленко А.А. 157, 158
 Короленко Ал.М. 155
 Короленко Арк.М. 155
 Короленко Ал.Н. 158
 Короленко Ан.Н. 158
 Короленко А.С. 155
 Короленко А.Я. 153, 155-158
 Короленко В.Г. 98, 101, 152-169, 178, 202
 Короленко Г. 154
 Короленко Г.А. 153, 154, 157-161, 165-168
 Короленко Ева 157
 Короленко Ек.И. 155
 Короленко Е.М. 155
 Короленко Е.Н. см. Бирукова
 Короленко Е.С. 152
 Короленко Е.Я. см. Вернадская
 Короленко И. 154
 Короленко И.Г. 157
 Короленко М.Г. 165
 Короленко М.Я. 155
 Короленко Н.А. 156-158
 Короленко Н.В. 153
 Короленко С.А. 155
 Короленко С.В. 153, 156, 169
 Короленко С.М. 155
 Короленко Ф.М. 155
 Короленко Э.И. 154, 157, 161, 162, 164-169
 Короленко Ю.Г. 156, 157
 Короленко Я. 154, 155
 Король Г. 154
 Король И.Г. 153, 154
 Коротков Ю.Н. 399, 403, 410
 Корсаков П.А. 348-354
 Корсаков С.С. 238
 Кочубей А.И. 103
 Краевский А.А. 9-12, 14, 41, 43, 44, 51, 52, 77
 Кранихфельд В.П. 161
 Краснов Г.В. 418-436
 Красовский В.И. 29
 Крашенинников А.Ф. 341-347
 Кругляк Б.А. 163
 Крылов И.А. 11, 12, 15, 101
 Крылов И.З. 373
 Крылов Н.И. 11
 Крюков М.Ф. 207, 208, 213, 231, 233
 Крюкова П.Н. 208, 233
 Кугель А.Р. 203
 Кузен В. 209, 234
 Кузминская М.А. см. Эрдели
 Кузминская Т.А. 137, 177, 228, 258, 259, 276, 278
 Кузминский М.А. 251
 Кузминские, семья 199, 229
 Кузмичев Ф.С. 373, 374, 376
 Кузнецов А., торговец 316, 318
 Кузнецов А.А. 444
 Кузнецова А.А. 444
 Кукольник Н.В. 8, 10, 12, 14, 15, 18, 394
 Кулешов В.А. 355
 Купер Дж.Ф. 373
 Курганов Н.Г. 379
 Курганова В.М. 454
 Куренков, газетчик 334, 335, 337
 Кусков П.А. 84
 Кутузов М.И. 143
 Кучина Т.П. см. Пассек
 Кюхельбекер В.К. 13, 31
 Лагорио Л.Ф. 136
 Ладо фон Заблоцкая А.И. 164
 Ладо фон Заблоцкий И.М. 164
 Лажечников И.И. 39-41

- Лазаревский В.М. 420
 Лакиер А.Б. 153
 Ламенне Ф.Р. де 362
 Ламздорф М.И. 129, 130
 Лачинова Е.П. 11
 Левицкий Д.Г. 149
 Лемке М.К. 399
 *Ленин В.И. 446
 Леонтьев К.Н. 64, 69, 431
 Леонтьев П.М. 197
 Лермонтов М.Ю. 15, 18, 35, 95, 96, 128-130, 151, 290, 335, 450, 454, 458, 459
 Лесков Н.С. 175, 176
 Леткова-Султанова Е.П. 108-123
 Линде С.Б. 27
 *Линская Ж. см. Попова Е.А.
 Липскеров А.Я. 439, 442
 Лист Ф. 55
 Литвинов П.М. 447
 Лихтенберг Г.К. 224, 245
 Лобкова А.И. 127, 128
 Лобойко И.Н. 33
 Логинов В.В. 373, 380, 385, 386
 Ломброзо Ч. 260
 Лопатин Л.М. 209, 234
 Лотман Ю.М. 25
 Лохмачева П.Т. 210, 234
 Луначарский А.В. 156
 Лутковская М.А. 95-97
 Лутковский И.С. 95
 *Львов Л. см. Толстой Л.Л.
 Любимов Н.А. 436
 Любецкий С.М. 373, 376
 Любошиц С.Б. 265
 Люмброзо А. см. Lumbroso
 Ляликов Д.Н. 458
 Ляпунов В.Д. 201
 *Ляшкевич С. см. Булгарин Ф.В.
- Майков А.Н. 72-75, 83, 397
 Майков В.Н. 78, 80
 Майков Л.Н. 401
 Майорова О.Е. 54-71
 Макарычев (Макаров) В.С. 209, 233
- Маковицкий Д.П. 237, 245, 246, 279, 283
 Малашкина Е.Н. 221, 242
 Мальская Е. см. Короленко Ева
 *Мамин-Сибиряк Д.Н. 101, 105, 106
 Мамина А.С. 105, 106
 Мария Александровна, вел.кн. 17
 Мария Федоровна, имп. 100
 Маркс А.Ф. 441
 Маркс К. 446
 *Марлинский см. Бестужев А.А.
 Мартынов И.И. 27
 Масанов И.Ф. 156
 Масарик Т.Г. 208, 233
 Матвеев В.Ю. 343
 Махалов С.Д. 437-440
 Межевич В.С. 35-53
 Межерская П.Г. см. Ржевская
 Мейендорф А.К. 10
 Меламед Е.И. 152-169
 Менгден Е.Н. 17
 Меншиков А.Д. 131, 137
 Меньшиков М.О. 270, 275, 276
 Меньшутин А.Н. 452, 455
 Мережковский Д.С. 95, 98, 107, 108, 267, 270, 275, 423, 424
 Мерзляков А.Ф. 25, 145
 Местр К. де 222, 243
 Метнер Н.К. 55
 Мечников И.И. 273, 277
 Мещерский В.П. 87, 91
 *Микулич В. 175, 239, 269, 270, 275, 276
 Миллер П.Н. 288, 290
 Миллер О.Ф. 436
 Милорадовичи, род 96
 Мильдон В.И. 355-372
 Минин К.М. 16
 Миролубов В.С. 439, 442
 Мироновы, семья 332
 Михайлов М.Л. 401
 Михайловский Н.К. 98, 99, 107
 Михеев В.М. 438, 441
 *Михоэлс С.М. 444
 Мицкевич А. 56
 Мишле Ж. 156

- Модестов В.И. 432
 Молочников В.А. 278, 279
 Молье А. 45
 *Мольер 147
 Монферран А. 29
 Мопассан Г. де 97, 108, 209, 278, 279
 Морган Ф. 342
 Моргунов А. 207, 231
 Моргунов М. 207
 Мордвинов Н.С. 129
 Мордвинова В.Н. см. Столыпина
 Морозов А.А. 447, 448, 453, 456
 Морозова Е.Я. см. Чехова
 Морозова Т.Г. 160
 Моцарт В.А. 61
 Мочалов И.И. 155
 Мочульский К.В. 428
 Муравьев Д.П. 443-459
 Муравьев Н.В. 259
 Муртаза-Кули-хан 341, 342, 344, 345, 347
 Мусина-Пушкина М.С. см. Оболенская
 Мусоргский М.П. 143, 391
 Муханов Н.А. 144
 Мюллер В.К. 341
 Мятлев И.П. 148, 151
 Мятлев П.В. 151
 Мятлева П.И. 151
 *Наблюдатель см. Андросов В.П.
 Нагорнова В.В. 219, 236, 237, 269
 Надеждин Н.И. 10, 15, 38, 40
 Надсон С.Я. 433
 Назарьев В.Н. 232
 Наполеон I, имп. 162, 292, 379, 383, 416
 Наполеон II 383
 Неелов М.В. см. *Дальский
 Некрасов Н.А. 35, 36, 44, 45, 50, 52, 75, 101, 112, 113, 219, 239, 263, 271, 276, 290, 399, 418-427, 432
 Немирович-Данченко Вл.И. 439, 442
 Нестеров М.В. 98, 99, 103
 Нечаева В.С. 38, 78, 84, 86
 Никанор, архиеп. 212, 235
 Никитенко А.В. 11, 12, 15, 48
 Никитин В.Н. 73, 74, 78
 Никитин Д.В. 221, 242
 Никитин И.С. 73
 Николай I, имп. 11, 145, 370
 Николай II, имп. 100, 183-186, 219, 237, 238, 329, 330, 336, 337
 Новик Е. 448
 Новиков Н.И. 145, 149
 Новикова О.А. 69
 Новоселов М.А. 177
 Нотович О.К. 244
 *О.П.Т. 351, 352
 Оболенская А.В. 146
 Оболенская А.Н. см. Веневитинова
 Оболенская Е.В. 205, 229, 247
 Оболенская Е.Д. см. Казенбек
 Оболенская М.Л. 205, 207, 208, 210, 228, 232-234
 Оболенская М.С. 146
 Оболенский А.А. 146
 Оболенский Д.Д. 220, 240, 272
 Оболенский Л.Д. 205, 229, 247
 Оболенский М.Л. 205, 229
 Оболенский Н.А. 146
 Оболенский Н.Н. 146
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 152
 Огарев Н.П. 355, 360
 Огинский М.К. 298
 Огранович М.П. 195, 201
 Одоевский В.Ф. 9, 10, 12, 13, 15, 21, 30, 56
 *Ожигов Ал. см. Ашешов Н.П.
 Олдак П.Г. 449
 Ленин А.Н. 29
 Ленинина-д'Альгейм М.А. 55
 Олсуфьев А.В. 238
 Олсуфьев В.А. 228
 Олсуфьев М.В. 231
 Олсуфьева А.В. 228
 Олсуфьева Е.В. 204, 228
 Олсуфьева М.В. 228
 Олсуфьева Т.В. 228
 Олсуфьевы, семья 204, 228, 238

- Ольхин М.Д. 380, 381
 Онни Р. 277
 Опочинин А.П. 391
 Опочинин В.П. 391
 Орлов А.А. 373, 376, 381
 Орлов К. см. Кирилл, еп.
 Орлов Н.А. 433
 Остерман А.Ан. см. Толстая
 Остерман-Толстая Е.А. 142
 Остерман-Толстой А.И. 142
 Остолопов Н.Ф. 31
 Остроухов И.С. 55
 Осьмакова Н.И. 5-24, 348-354
- Павел I, имп. 143
 Павленков Ф.Ф. 415
 *Павлов А. см. Протопопов А.П.
 Павлов А.А. 373
 Павлов Д., переводчик 232
 Павлов Н.Ф. 42, 56
 Павлова К.К. 55, 56
 Палестрина Дж.П. да 61
 Пальмин Л.И. 433
 Панаев В.И. 45
 Панаев И.И. 9, 10, 12, 15, 22, 23, 27, 36, 41, 44-48, 51
 Панаева А.Я. 41, 45, 46, 51
 Пассек Т.П. 221, 243, 272
 Пастернак Б.Л. 445
 Пастухов Н.И. 290, 335-338
 Пекелис М.С. 391
 Перевошников В.М. 26-32, 34
 Перовская А.Ал. см. Толстая
 Перовская М.Б. 134
 Перовская О.А. см. Жемчужникова
 Перовская О.В. 134
 Перовская С.Л. 134
 Перовский А.А. 134, 135, 136
 Перовский Б.А. 134, 136
 Перовский В.А. 134-136
 Перовский В.В. 134
 Перовский В.Л. 134
 Перовский Л.А. 134-136
 Перовский Л.Н. 134
 Перовский Н.А. (Н.И.) 134-136
 Песоцкий И.П. 45
- Петр I, имп. 16, 130, 136, 150, 292, 338
 Петр II, имп. 132
 Петров Г.С. 263, 268
 Петров П.Н. 344
 Петров С. 379
 Петрункевич И.И. 155, 156
 Печерин В.С. 355-372
 Пешкова Е.П. 441
 Пинский Л.Е. 446
 Пирогов Н.И. 80, 81, 214-216, 236
 Писарев Д.И. 143, 387-415, 423
 Писарев Н.Е. 390
 Писарева В.Д. 387-390, 392, 399-401, 403, 404, 412-415
 Писарева В.И. 395, 401, 414, 415
 Плавильщиков В.А. 29, 33
 Платон 230
 Плевако Ф.Н. 288
 Плеве В.К. 115, 122
 Плевницкая Н.В. 293
 Плетнев П.А. 9, 10, 12, 14, 21, 31, 140
 Плюшар А.А. 21, 363
 Победоносцев К.П. 57-62, 64, 67, 68, 87, 432
 Погодин М.П. 14, 27, 46
 Погожев Е.Н. 439, 442
 *Погорельский А. см. Перовский
 Пожарский Д.М. 16
 Позднышев Г.К. 322-324
 Полевой К.А. 22
 Полевой Н.А. 12, 22, 42, 43, 45
 Полежаев А.И. 374, 376, 393
 Поленов В.Д. 55
 Поленц В. фон 219, 237
 Поливанов Л.И. 174, 193, 196, 197, 228, 229
 Полонский Я.П. 434
 Понятовский С.-А. 162
 Попов В.П. 410
 Попова Е.А. 405, 410
 Порецкая Н.А. 89
 Порецкие, род 88
 Порецкий А.С. 89
 Порецкий А.У. 72-94
 Порецкий В.С. 89

- Порецкий С.А. 89
 *Поселянин Е. см. Погожев
 Поссе В.А. 221, 241, 242
 Потапенко И.Н. 101, 284
 Потапов В.Ф. 377
 Потемкин Г.А. 341
 Потэн К. 195, 200
 *Починковская О. см. Тимофеева
 Приклонская А.В. см. Оболенская
 Приклонская Л.В. см. Чичерина
 Приклонский В.И. 146, 147
 Приклонский М.И. 147
 Приклонский П.Н. 146, 147
 Пронина И.А. 343
 Протопопов А.П. 380, 381, 384-386
 Протопопов С.Д. 157
 *Прутков К.П. 136
 Пугачев Е.И. 333, 334
 Путята Н.В. 56
 Пуцыкович В.Ф. 87
 Пушкин А.С. 10, 13, 15, 16, 40, 41, 49, 56, 69, 70, 127, 131-135, 139-141, 144-151, 275, 288-290, 292, 293, 295-297, 299-308, 310-317, 320, 322, 324, 325, 331, 333, 335, 336, 338, 348, 373, 384, 391, 393, 394, 397, 418, 424, 431
 Лушкин А.Ф. 148
 Пушкин В.Л. 146-148, 151
 Пушкин Л.С. 140
 Пушкин С.Л. 146, 305, 306
 Пушкина М.А. см. Ганнибал
 Пушкина Н.Н. 15, 290, 300-303, 307, 308, 310, 317, 318, 336
 Пушкина Н.О. 149, 150, 305, 306
 Пушкина О.В. 146
 Пушкина С.Ю. 148, 150
 Пыпин А.Н. 425, 435
 *Р.С.Т. 376, 377
 Радищев А.Н. 127
 Разин А.Е. 84
 Разумовская В.А. см. Репнина-Волконская
 Разумовская В.П. 131-133
 Разумовская Е.А. см. Уварова
 Разумовский А.Г. 134
 Разумовский А.К. 131, 133, 134
 Разумовский К.А. 133
 Разумовский К.Г. 131, 135
 Разумовский Павел А. 133
 Разумовский Петр А. 133
 *Разумовский С.Д. см. Махалов
 *Распутин Г.Е. 99, 336, 337
 Рахманинов С.В. 239
 Рачинская М.К. см. Толстая
 Рачинские, род 56
 Рачинские, семья 55
 Рачинский Г.А. 54-56
 Рачинский С.А. 54-71
 *Рашель (Феликс Э.Р.) 49
 Редько А.М. 152
 Рейтблат А.И. 373-386
 Репин И.Е. 95, 98, 101, 106, 262, 264-266, 326
 Репнин-Волконский Н.Г. 134
 Репнина-Волконская В.А. 133
 Ржевская А.И. 148
 Ржевская Д.Г. 150
 Ржевская Ев.И. см. Чернышева
 Ржевская Ек.И. 148
 Ржевская Е.Н. 148
 Ржевская М.А. см. Свистунова
 Ржевская М.М. 150
 Ржевская П.Г. 150
 Ржевская С.Ю. см. Пушкина
 Ржевская Ф.Н. 150
 Ржевский А.А. 148, 149
 Ржевский Ал.И. 148-150
 Ржевский Ан.И. 148
 Ржевский В.Т. 150
 Ржевский Г.П. 149, 150
 Ржевский И.А. 148
 Ржевский И.И. 150
 Ржевский М.В. 150
 Ржевский Н.Г. 150
 Ржевский П.М. 150
 Ржевский Т.И. 149, 150
 Ржевский Ю.А. 148
 Ржешовский К.А. 156, 158
 Роднянская И.Б. 455, 456-459
 Розанов В.В. 54, 63-65, 68, 69, 71, 263, 267, 270

- Розанова В.Д. 267
 Розанова М.В. 448
 Розен Е.Ф. 13
 Розин Н.П. 448, 451, 452, 457
 Розов Я.И. 222, 243
 Романовы, династия 292
 Ромась М.А. 168
 Россолимо Г.И. 238
 Ростопчина Е.П. 14, 20, 21
 Рукавишников Н.В. 91
 Румянцев Н.П. 33
 Румянцева П.Н. см. Крюкова
 *Русский Пустынный см. Корсаков П.А.
 Рылеев К.Ф. 13, 129, 132
 Рыхлинская А. см. Скуревич
- *С.С. 203
 Сабуров А.А. 355
 Сабурова Е.В. 55
 Садовский П.М. 49
 Сазонов Е.С. 122
 Сакулин П.Н. 303, 374
 Саломон Ш. 200
 Салтыков И.П. 151
 *Салтыков-Щедрин М.Е. 391, 420, 444, 450
 Салтыкова А.П. см. Шереметева
 Салтыкова Д.П. 151
 Салтыкова П.И. см. Мятлева
 Самарин Ю.Ф. 62
 Самосудов Р.И. см. Шамсудинов
 *Санд Ж. 78, 101, 360
 Сахаров И.П. 10
 Свистунов А.И. 149
 Свистунов А.Н. 149
 Свистунов Н.П. 149
 Свистунов П.Н. 149
 Свистунова М.А. 149
 Свистунова Н.Л. 149
 Сейрон Ал. 205, 228, 229
 Сейрон Ан. 205, 228
 Семенов С.Т. 438, 441
 Сенковский О.И. 14
 Сенявина Ф.Н. см. Ржевская
 Сербина Г. 166
 Сергеенко П.А. 219, 239
- Серов Вал.А. 55
 Синавский А.Д. 448, 452, 455
 Скабичевский А.М. 91, 401
 Скворцов П.С. 324, 325
 Скоропадская У.И. см. Толстая
 Скоропадский И.И. 143
 Скотт В. 373, 379
 Скуревич А. 162
 Скуревич А.И. см. Ладон фон Заблочкая
 Скуревич Б.И. 164
 Скуревич Г.И. 164
 Скуревич Е.И. 164
 Скуревич И.К. 161-165
 Скуревич И.Ю. 162
 Скуревич Каз.И. 162
 Скуревич Кар.И. см. Туцевич
 Скуревич Ф.К. 162
 Скуревич Э.-С. см. Короленко
 Скуревич Ю. 162
 Скуревичи, род 162
 Сленин И.В. 380, 381
 Смирдин А.Ф. 13, 34, 373, 380, 381
 Смирнов, прот. 178
 Смирнова-Россет А.О. 151
 Смирновский П. 52, 53
 Смит Х. 449
 Собинов Л.В. 265
 Соболевская М.М. 134
 Соболевский, знакомый Г.П. Шторма 127
 Соболевский С.А. 56, 127, 128, 134
 Созонов Е.С. см. Сазонов
 Соймонов А.Н. 127, 128
 Сокрыт 206
 Соковнина Д.Г. см. Ржевская
 Соколов Ю.М. 288
 Соллогуб В.А. 14, 18, 55, 149
 Соллогуб Е.В. см. Сабурова
 Соллогуб Н.Л. см. Свистунова
 Соллогубы, семья 56
 Солмеры, семья 227, 253
 Соловьев Вл.С. 63, 68, 69, 98, 110, 121, 232, 257, 260, 261, 268, 273, 274, 427, 445

- Соловьев В.С. 87
Соловьев Е.А. 399-401, 404
*Сологуб Ф.К. 265
Сомов О.М. 13
Сонкин Д.А. 127-151
Сперанский М.М. 129
*Сталин И.В. 445
Станевич Е.И. 32
Стасов В.В. 98, 175
Стелловский Ф.Т. 82
Стенклев Дж. 342
СТИШИНСКИЙ А.С. 115, 122
Стойко С.М. 155
Столыпин Ал.Ал. 129
Столыпин Ал.Арк. 129
Столыпин Арк.Ал. 129
Столыпин А.Г. 130
Столыпин А.Д. 128
Столыпин А.Е. 128
Столыпин Г.Д. 130
Столыпин Д.Ал. 128
Столыпин Д.Арк. 129
Столыпин П.А. 128, 129, 185
Столыпина В.Н. 129
Столыпина Ек.А. 128
Столыпина Ел.А. см. Арсеньева
Столыпина М.Арк. см. Бек
Столыпина М.Аф. 128
Столыпина М.В. 130
Столыпина Н.А. 130
Столыпины, род 129
Стороженки, семья 9, 11, 15, 16
Стороженко А.Я. 9, 11, 15, 16, 23
Стороженко Н.И. 435
Страхов Н.Н. 64, 74, 75, 82, 84, 86, 87, 274
Стрелкова Л.Ю. 57
Строганов С.Г. 362, 363, 369
Стэд У.Т. 257, 260
Суворин А.С. 176, 177, 179, 190, 203, 265, 420, 429, 432
Суворов А.В. 129, 377
Суворова В.В. 208, 233
Султанов Ю.Н. 112
Сумароков А.П. 25, 148
Сумбатов А.И. см. *Южин
Сусанин И.О. 16
Сухарев Л.П. 292-294, 296, 338
Сухотин М.С. 201
Сухотина-Толстая Т.Л. 138, 175, 180, 187, 189, 193, 195, 197, 200-202, 204, 205, 207, 219, 229-231, 233, 234, 238, 246-249, 267, 278
Сушков П.И. 330-334
Сушковы, семья 56
Сытин И.Д. 100, 101, 438, 439, 441
Сытник К.М. 155
*Сю Э. 269, 274
Сяськова М.В. 220, 241
Танеев С.И. 242, 268
Твардовский А.Т. 448
Телешов Н.Д. 438, 441
Тенишева М.К. 264
Тепфер Р. 222, 243
Тимофеева В.В. 74
Тойнби А.Дж. 427
Толиверова-Пешкова А.Н. 203
Толстая А.Ал. 135, 140
Толстая А.Ан. 142
Толстая А.Г. 144
Толстая Ал.И. 137
Толстая Ан.И. 141
Толстая А.Леонт. 144
Толстая А.Льв. 175, 181, 183, 185, 220, 221, 224, 226, 246, 267, 272, 279
Толстая А.М. 139
Толстая Агр.Ф. см. Закревская
Толстая (урожд. Дудина) Ан.Ф. 140
Толстая (урожд. Майкова) Ан.Ф. 138
Толстая В.В. см. Нагорнова
Толстая Д.Ф. 177, 178, 180, 183, 188, 189, 195, 196, 198, 202, 203, 222, 227, 240, 244, 247, 248, 251, 253, 255, 256, 258, 259, 261, 279
Толстая Е.Е. 140
Толстая Е.Л. см. Тютчева
Толстая Е.Ф. см. Юнге
Толстая М.А. 144
Толстая М.К. 238
Толстая М.Л. см. Оболенская

- Толстая М.Н. 137, 138
Толстая М.С. см. Бибикова
Толстая М.Ф. см. Каменская
Толстая Н.Л. 186, 251, 252
Толстая (урожд. Голенищева-Кутузова) П.М. 143
Толстая (урожд. Троекурова) П.М. 137
Толстая П.Н. 137
Толстая Соф.Ан. 137, 174, 175, 177, 180-183, 185-190, 192, 193, 195, 197-205, 218-221, 224-226, 228-230, 232-238, 240-242, 244-253, 255, 256, 258-260, 262, 264-268, 276-281, 283, 285, 286, 434, 435
Толстая Ст.Ал. 141
Толстая С.Л. 186
Толстая С.Ф. 139, 140
Толстая У.И. 143
Толстой А.В. 136
Толстой Ан.И. 137, 138, 140, 141
Толстой Аф.И. 142
Толстой А.К. 134-136, 140-144
Толстой А.Л. 193, 197, 205, 207, 223, 244-246, 250, 251, 285, 287
Толстой А.Н. 144, 145
Толстой А.П. 144, 207, 232
Толстой А.С. 142
Толстой В.А. 142
Толстой Д.А. 436
Толстой И.А. 137, 138
Толстой И.И. 137
Толстой И.Л. 138, 180, 204, 219, 229, 234, 239, 246, 249, 273, 284
Толстой И.П. 137
Толстой И.Я. 142
Толстой К.П. 135, 140-142
Толстой Л.Л. 173-193, 193-196, 196-204, 204-228, 228-255, 255-258, 258-261, 261-264, 264-268, 268-273, 273-280, 280-282, 282, 283, 284-287
Толстой Л.Л. («Левушка третий») 178, 195, 196, 202, 219, 238
Толстой Л.Н. 55, 56, 59-61, 63, 65, 66, 68, 69, 75, 76, 86, 92, 95, 99, 101, 113, 122, 130, 137-144, 173-290, 316-330, 334-337, 416-418, 429, 432-435, 439
Толстой М.А. 142
Толстой М.Л. 197, 205, 207, 220, 223
Толстой М.Ф. 142, 143
Толстой Н.А. 144
Толстой Н.И. 137, 141, 142
Толстой Н.Л. 173, 186, 240, 250-252
Толстой П.Ал. 143, 144
Толстой П.Ан. 136-138, 140, 142-144
Толстой Пав.Л. 186, 195, 202, 203, 240, 251, 252
Толстой Петр Л. 186, 193
Толстой П.М. см. Голенищев-Кутузов-Толстой
Толстой П.П. 143
Толстой С.Л. 138, 139, 180, 189, 192, 193, 198, 219, 221, 228, 236-238, 241, 243-245, 277
Толстой С.Н. 138, 178, 217, 218, 237, 268, 269, 275, 277
Толстой С.С. 238
Толстой Ф.А. 141
Толстой Ф.И. («Американец») 138-144
Толстой Ф.И. (тайн. сов.) 144
Толстой Ф.Л. 186
Толстой Ф.М. 143
Толстой Ф.П. 135, 139-143
Толстой Я.Н. 141-143
Толстые, род 136, 142
Толстые, семья 228, 233, 235, 241
Томашевский Б.В. 75, 86
Топоров В.Н. 362
Травкин Е.П. 299-303
Трегубов И.М. 242, 274
Трескин Н.А. 401
Трощинский Д.П. 350
Трубецкая М.В. см. Столыпина
Трубецкой А.В. 130
Трубецкой П.П. 219, 220, 239, 262, 264
Трубецкой С.В. 130
Тугаева А.М. см. Толстая

- Туниманов В.А. 428, 432
 Тургенев Ал.И. 145
 Тургенев Ан.И. 145
 Тургенев И.П. 144, 145
 Тургенев И.С. 10, 74, 108, 138, 402, 418, 432-436, 440
 Тургенев Н.И. 144, 145
 Тургенев П.П. 144
 Тургенева А.Леонт. см. Толстая
 Тургенева Е.С. 145
 Туцевич А.К. 165
 Туцевич В.К. 165
 Туцевич Каз.И. 165
 Туцевич Кар.И. 25
 Тынянов Ю.Н. 165
 Тыртов П.А. 117
 Тютчев Ф.И. 138, 142, 143, 366, 367, 424, 450
 Тютчева Е.Л. 142
 Тютчева Е.Ф. 60
- Уваров С.С. 131, 134
 Уварова Е.А. 131, 132, 134
 Уварова М.П. 390
 Уварова М.Ф. см. Вонлярская
 Уваровы, семья 391
 Ульянова А.И. 89
 Умберто, король Италии 96
 Урусов А.И. 113, 122
 Урусов Л.Д. 272, 277
 Успенский Г.И. 95, 101
 Ушаков А.И. 150, 151
 Ушаков Д.Н. 342
 Ушакова Е.А. см. Чернышева
- Фаермарк Д.С. 67
 Фатх-Али-шах 344, 347
 Феваль П. 77
 Федоров Б.М. 31
 Федорова В.М. 169
 Федотов П.А. 136
 Фет А.А. 232, 418
 Фидлер Ф.Ф. 268
 Филиппов Т.И. 64, 87
 Филиппова Н.В. 155
 Философов Д.В. 274
- Философов Н.А. 234
 Философова Н.Н. 210, 234
 Фирсов Н.Н. 401, 411
 Фишер, типограф 21
 Фишер К. 55
 Флеров Ф.Г. 200
 Флоровский Г.В. 62
 Фортунатов Н.М. 416
 Франклин Б. 352
 *Франс А. 270, 276
 Фредерикс В.Б. 186
 Фрикке А. 19
- *Хамар-Дабанов Е. см. Лачинова
 Харитонов С.А. 373
 Херасков М.М. 148
 Хилков Д.А. 230, 238
 Хирьяков А.М. 242
 Хитров М.Н. 454
 Хитрово Е.М. 21
 Хитрово М.А. 232
 Ходаковский З. 34
 Ходасевич В.Ф. 104, 106-109
 Хомяков А.С. 56, 62
 Хосров-Мирза 347
 Храбровицкий А.В. 152, 153, 156, 159-161
 Хрушев И.П. 403, 406, 408, 411
 Хрушев Н.С. 447
- Цейдлер Г.Ф. 114
 Цейдлер П.М. 72, 86
 Цертелев Д.М. 218, 232
 Цингер А.В. 207, 231
 Цингер В.Я. 231
 Цингер И.В. 199
 Цинциннат 350
 Цуриков А.А. 219, 237
 Цурикова В.А. 208, 209, 233
- Чаадаев П.Я. 139
 Чайковский П.И. 55, 138
 Черевин П.А. 99, 100
 Черкасская В.А. см. Шереметева
 Чернецов Г.Г. 16
 Черноевичи, род 96
 Чернышев Г.П. 150

- Чернышев П.Г. 150
 Чернышева Д.П. см. Салтыкова
 Чернышева Е.А. 150
 Чернышева Е.И. 150
 Чернышевский Н.Г. 92, 423
 Чертков В.Г. 101, 109, 110, 175, 176, 181, 183, 186, 221, 226, 231, 233, 239, 240, 242, 243, 246, 277, 285, 418
 Чехов А.П. 35, 95, 98, 101, 112, 121, 122, 175, 177, 220, 222, 240, 244, 265, 266, 272, 276, 284, 437-442
 Чехова Е.Я. 439, 442
 Чехова М.П. 439, 441, 442
 Чигорин М.И. 222, 244
 Чижов Ф.В. 370
 Чистяков П.П. 98
 Чичерин В.И. 146
 Чичерина Л.В. 146
 Чичерина О.В. см. Пушкина
 Чудинов А.Н. 411, 412
 Чуровский А.И. 373
- Шаламов В.Т. 420
 Шаляпин Ф.И. 439-441
 Шамсудинов Р. 335
 Шевичи, род 96
 Шевченко Т.Г. 136
 Шевырев С.П. 14, 56, 81
 Шекспир У. 43, 44, 49, 94, 258, 261, 268, 274
 Шелгунов Н.В. 99, 400, 401
 Шелгунова Л.П. 401
 Шереметев Б.П. 130-132
 Шереметев Д.Н. 131, 132
 Шереметев Н.Д. 131
 Шереметев Н.П. 131, 132
 Шереметев П.Б. 131, 132
 Шереметев П.С. 132
 Шереметев С.Д. 130-132
 Шереметева А.П. 131
 Шереметева А.С. 131
 Шереметева В.А. 131
 Шереметева В.П. см. Разумовская
 Шереметева Е.П. 130-132
 Шереметева Н.Б. см. Долгорукова
- Шереметева (*Жемчугова) П.И. 130, 131
 Шереметевы, род 130
 Шибан Долгоруков И.А. 133
 Шиллер Ф. 359, 360, 367, 368, 423
 Шимелиович Ю. 444
 Ширяев А.С. 373, 384-386
 Шишков А.С. 32
 Шишорин О.И. 341-347
 Шмидт И.М. 264
 Шмидт М.А. 232
 Шопенгауэр А. 181, 272, 277, 286
 Шохор-Троцкий К.С. 275
 Шрагин Б.Н. 447, 449
 Штейнгель Е.П. 141
 Штерич М.А. см. Лутковская
 Штеричи, род 96
 Шторм Г.П. 127
 Шульц О. 75, 86
 Шутин Л. 455
- Щедрин С.Ф. 16
 Щербаков В.И. 387-398
 Щербатова М.А. см. Лутковская
 Щербина Г.С. 221, 243
 Щетинина Ал.И. см. Толстая
- Эйхенбаум Б.М. 25
 Эльцбахер П. 221, 242
 Энгийенский герцог (Бурбон-Конде Л.А. де) 416
 Эрдели И.Е. 198, 207, 208, 212, 232, 278
 Эрдели М.А. 198, 205, 207, 229, 232, 278
 Эфрос Н.Е. 438, 441
- *Южин А.И. 438, 441
 Юнге Е.Ф. 141
 Юнге Э.А. 141
 Юрьев С.А. 232, 272, 277, 433-435
- *Я.Я.Я. см. Брант Л.В.
 Яворская Л.Б. 203
 Языков М.А. 42
 Языков Н.М. 14
 Якир П.И. 448

Ямпольский А. 447
Янжул И.И. 212, 235
Яновский С.Д. 83
Ясинский И.И. 175, 241

Crause, знакомый В.И. Иксуль
119
*Epee 55
Lumbroso A. 279
Robillard E. 371
*Rouslane см. Иксуль фон Гильде-
брандт В.И.
White F. 260

Содержание

ПОРТРЕТЫ

<i>Н.И.Осьмакова.</i> Альманашик из Третьего Отделения	5
<i>Г.В.Зыкова.</i> О позе «педанта» в русской литературе первой трети XIX в.: В.Г.Анастасевич	25
<i>М.Кармазинская.</i> Литературный поденщик, или превращения Межевича	35
<i>О.Е.Майорова.</i> Московский петиметр. (Из истории русского утопизма)	54
<i>В.А.Викторович.</i> Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского»	72
<i>Вера Бокова.</i> Баронесса Иксуль	95

РОДОСЛОВНЫЕ

<i>Д.А.Сонкин.</i> Практическая генеалогия. Опыт применения в литературоведении	127
<i>Е.Меламед.</i> Корни: из родословной В.Г. Короленко	152

ПУБЛИКАЦИИ

Отец и сын. По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л.Толстого. Подготовка текстов, публикация и комментарии В.Н.Абросимовой и С.Р.Зориной. Вступительная статья В.Н.Абросимовой	173
Московские легенды о писателях. Записи Е.З.Баранова. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.Боковой	288

VARIA

<i>А.Ф.Крашенинников.</i> Счет за деликатную работу, исполненную петербургским механиком. (К предыстории повести Н.В.Гоголя «Нос»)	341
<i>Н.И.Осьмакова.</i> Гоголь и Русский Пустынник	348
<i>В.И.Мильдон.</i> Из ниоткуда в никуда. (К метабиографии В.С.Печерина)	355

А.И.Рейнблат. Витязи толкучего рынка. К истории низовой словесности	373
В.Щербаков. Писарев и Даргомыжский	387
Вокруг Д.И.Писарева. Публикация Е.Буртиной	399
Вера Бокова. Платье Элен. Об одном комментарии к роману Л.Н.Толстого «Война и мир»	416
Г.Краснов. В последний путь... («Уход» Некрасова, Достоевского, Тургенева)	418
Неизвестное свидетельство о похоронах Чехова. Публикация Веры Боковой	437
Памяти Д.П.Муравьева	443
Указатель имен	460

Учредители издательства «Феникс»:

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов.

ЛИЦА
Биографический альманах

4

Редактор-составитель Н.И.Осьмакова

Редакторы А.И.Добкин, Т.Б.Притыкина
Корректор Е.В.Русакова
Наборщик И.М.Курдина

Биографический институт: Санкт-Петербург, 191011, Невский, 31.
Издательство «Феникс»: Москва, 103009, Тверская, 6, стр.7.

ЛР №090022 от 10.X.1991.

Подписано в печать 10.02.94. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0. Тираж 3816 экз.
Заказ № 3034.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12